Историческая библиотека

РУСЛАН СКРЫННИКОВ

ВАСИЛИЙ III. ИВАН ГРОЗНЫЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Василий III и его сын Иван IV Грозный.

Их судьбы по сей день вызывают у ученых множество вопросов…

Как случилось, что Василий III оказался первым венценосным заложником крупного боярства?

Почему его брак с Соломонией Сабуровой завершился скандальным разводом и женитьбой на Елене Глинской?

Как совмещались в Иване IV Грозном черты талантливого государственного деятеля, мудрого реформатора — и кровавого тирана, ввергшего свой народ в хаос чудовищных репрессий?

Ответы на эти и многие другие вопросы предлагает в своей увлекательной книге известный историк, ученый с мировым именем, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

- Р. Г. Скрынников
  - Великий князь Василий III
    - Введение
    - Династический кризис
    - На Новгородском престоле
    - Осуждение летописца
    - Раздор со знатью
    - Поместная система
    - Ратный чин
    - На пути к сословному строю
    - У истоков самодержавия
    - Казачество
    - Взаимоотношения с церковью
    - Общественно-религиозная мысль
    - Осифляне и нестяжатели
    - Собор 1503 г.
    - Казанский поход
    - В начале XVI в.
    - Падение Псковской республики
    - Отношения с Крымом
    - Михаил Глинский
    - Присоединение Смоленска
    - Нападение татар на Москву
    - «Общественный договор»
    - Брак Василия III
    - Дионисий

- Западная прелесть
- Греки в Москве
- Кончина
- Эпилог
- Словарь
- Литература

- Иван Грозный
  - Введение
  - Смерть отца
  - Правительница Елена Глинская
  - Иваново детство
  - Царский титул
  - Мятеж в Москве
  - Почин
  - Первая война
  - Учитель жизни
  - Реформы
  - Взятие Казани
  - «Мятеж» в думе
  - Избранная рада
  - Авторитет Сильвестра
  - Ересь
  - Продолжение реформ
  - Война за Ливонию
  - Отставка Адашева
  - Поход на Полоцк
  - Раздор с боярами
  - Царь-летописец
  - Противостояние
  - Был ли Грозный писателем?
  - Измена Курбского
  - Царское завещание
  - Роковые решения
  - Указ об опричнине
  - Опричная гроза
  - Земский собор
  - «Заговор» Федорова
  - Террор
  - Начало великого разорения
  - Судьба княжат
  - Новгородский разгром
  - Московское дело
  - Победы и поражения
  - Незавершенное расследование

- Марфа Собакина
- Монашеское братство
- Опричный Новгород
- Последнее опричное правительство
- Разгром Крымской орды
- Отмена опричнины
- Итоги опричнины
- Кровопролитие
- Начало книгопечатания
- Татарский хан на Московском престоле
- Борьба за польскую корону
- Ливонские победы
- Политика «двора»
- Конец войны
- «Священство» и «царство»
- Сибирская одиссея
- Закрепощение сословий
- Юрьев день
- Семейная жизнь Грозного
- Последний кризис
- Смерть Грозного
- Историческая роль
- Приложение

Р. Г. Скрынников
Василий III. Иван Грозный

Великий князь Василий III

Введение

Иван III был женат первым браком на дочери великого князя Тверского. Рано овдовев, он женился на греческой царевне Софье (Зое) Палеолог. Софья была племянницей последнего византийского императора, убитого турками на стенах Константинополя в 1453 г. Ее отец Фома Палеолог, правитель Морей, бежал с семьей в Италию, где вскоре умер. Папа римский взял детей морейского деспота под свое покровительство. Опекуны сватали Софью различным владетельным лицам, но неудачно. Современники злословили по поводу чрезмерной тучности царевны. Однако главным препятствием для брака была не ее полнота. По тогдашним представлениям, пышные формы и румянец являлись первыми признаками красоты. Софье отказывали, потому что она была бесприданницей. Наконец решено было попытать счастья при дворе московского князя. Поручение взялся выполнить некий «грек Юрий», в котором можно узнать Юрия Траханиота, доверенное лицо семьи Палеолог. Явившись в Москву, грек расхвалил Ивану III знатность невесты, ее приверженность православию и нежелание перейти «в латынство». Итальянец Вольпе, подвизавшийся при московском дворе в роли финансиста, поведал государю, что Софья уже отказала французскому королю и другим знатным женихам. Переговоры о московском браке длились три года. Осенью 1471 г. Софья в сопровождении папского посла епископа Антонио прибыла в Москву. Москвичи приветствовали невесту, но их немало смутило то, что перед царевной шел епископ с большим латинским «крыжом» (крестом) в руках. В думе бояре не скрывали своего негодования по поводу того, что православная столица оказывает такую почесть «латинской вере». Митрополит заявил, что покинет Москву, если у папского посла не будет отобран «крыж». Антонио пришлось смириться с тем, что у него отняли крест и положили в его же сани.

Антонио получил от папы наказ сделать все для объединения вселенской христианской церкви. Прения о вере должны были состояться в Кремле. Митрополит пригласил себе в помощь книжника Никиту Поповича. Антонио был готов отстаивать идею церковной унии, но история с крестом научила его осторожности. Посла более всего заботила мысль, как беспрепятственно выбраться из России. Когда Антонио привели в Кремль, митрополит московский изложил свои доводы в защиту православия и обратился с вопросом к легату. Но тот «ни единому слову ответа не дает, но рече: „нет книг со мной“».

Собравшиеся восприняли его смирение как победу правой веры над латинством.

В Италии надеялись, что брак Софьи Палеолог обеспечит заключение союза с Россией для войны с турками, грозившими Европе новыми завоеваниями. Стремясь склонить Ивана III к участию в антитурецкой лиге, итальянские дипломаты сформулировали идею о том, что Москва должна стать преемницей Константинополя. В 1473 г. сенат Венеции обратился к великому князю Московскому со словами: «Восточная империя, захваченная оттоманом (турками), должна, за прекращением императорского рода в мужском колене, принадлежать вашей сиятельной власти в силу вашего благополучного брака». Идея, выраженная в послании сенаторов, пала на подготовленную почву.

В конце XV в. процесс преодоления раздробленности на Руси был близок к завершению. К тому времени произошли события, изменившие лицо Европы. Турки-османы захватили столицу Восточно-Римской империи Константинополь. Тысячелетняя Византийская империя исчезла с карты мира. Угроза турецкой экспансии нависла над Южной и Восточной Европой.

Торговое могущество итальянских городов Венеции и Генуи пало. Морское первенство перешло к Португалии и Испании, изгнавшим в XV в. завоевателей-арабов с Пиренейского полуострова. Многочисленное мелкое дворянство, участвовавшее в Реконкисте (войне с арабами), хлынуло за море, на завоевание вновь открытых земель. Началась эпоха Великих географических открытий.

Появление огнестрельного оружия (XIV в.) и кораблей, пригодных для океанского плавания (каравеллы XV в.), позволили европейцам основать свои фактории в Африке и Азии и приступить к завоеванию Нового света. Португальские мореплаватели обогнули мыс Доброй Надежды, а позднее основали колонии в Индии.

Генуэзец Христофор Колумб предложил испанскому правительству проект достижения берегов Индии западным путем. В 1492 г. он на трех каравеллах пересек Атлантический океан и открыл Вест-Индию — Америку. Открытия и завоевания ускорили развитие мировой торговли и увеличили приток в Европу драгоценных металлов. Первые заметные успехи сделало мануфактурное производство.

Расцвет европейской культуры нашел тогда наиболее яркое воплощение в итальянском Возрождении. Обращение к античности и новое гуманистическое мировоззрение, в центре

которого стояла человеческая личность, были самыми характерными чертами новой эпохи.

В Европе образовались крупные национальные государства, сформировавшиеся в абсолютные монархии.

Обширное государство, возникшее на востоке Европы, именовалось в титуле московского великого князя «Русия». От этого слова произошло название «Россия». Территория России расширилась с середины XV в. до середины XVI в. в шесть раз.

В конце XV в. русские воеводы предприняли первые походы в Сибирь, но не смогли закрепиться за Уральским хребтом, отделявшим Европу от Азии. Однако же включение Руси в систему власти Монгольской империи с XIII в. превратило ее в евразийское государство.

Рост промыслов и торговли привел к увеличению городского населения. Подле примерно ста старых городов возникло еще шестьдесят молодых городов.

Но Россия оставалась экономически разобщенной страной, не имевшей единого хозяйственного центра. Из иностранных путешественников венский посол барон Сигизмунд Герберштейн оставил наиболее подробное описание русской столицы.

Он писал: «Москва расположена если не в Азии, то в крайних пределах Европы, где она более всего соприкасается с Азией. Самый город деревянный и довольно обширен, а издали он кажется еще обширнее, чем есть на самом деле, ибо большую прибавку к городу делают пространные сады и дворы при каждом доме; еще более увеличивается он от растянувшихся длинным рядом в конце его домов кузнецов и других ремесленников, действующих огнем; к тому же между этими домами находятся луга и поля. Далее, невдалеке от города, заметны некоторые домики и заречные слободы, где немного лет назад государь Василий выстроил своим телохранителям новый город Нали. Невдалеке от города находится несколько монастырей, каждый из которых, если на него смотреть издали, представляется чем-то вроде отдельного города. Обширное протяжение города производит то, что он не заключен ни в какие определенные границы и не укреплен достаточно ни стеною, ни рвом, ни раскатами. Однако в некоторых местах улицы запираются положенными поперек бревнами и при первом появлении ночной тьмы так оберегаются приставленными сторожами, что ночью после известного часа там нет никому доступа; если же кто после этого времени будет пойман сторожами, то его или бьют и обирают, или ввергают в тюрьму, если только это не будет человек известный, именитый. Ибо таких людей сторожа обычно провожают к их жилищам. И такие караулы обыкновенно

помещаются там, где открыт свободный доступ в город. Ибо остальную часть его омывает Москва, в которую под самым городом впадает река Яуза, через которую из-за ее высоких берегов далеко не везде можно перейти вброд. На ней выстроено очень много мельниц для общего пользования граждан. И вот эти-то реки до известной степени как бы укрепляют город, который весь деревянный, за исключением немногих каменных домов, храмов и монастырей. Приводимое ими число домов в этом городе вряд ли вероятно. Именно они утверждают, что за шесть лет до нашего приезда в Москву по повелению государя дома были переписаны и число их превзошло 41 500. Этот столь обширный и пространный город в достаточной мере грязен, почему на площадях, улицах и других более людных местах повсюду устроены мостки. В городе есть крепость, выстроенная из кирпича, которую с одной стороны омывает река Москва, с другой — Неглинная. Неглинная же вытекает из каких-то болот и пред городом, около высшей части крепости, до такой степени запружена, что разливается в виде пруда; вытекая отсюда, она наполняет рвы крепости, на которых находятся мельницы, и наконец, как я уже сказал, под самой крепостью соединяется с рекой Москвой. Крепость же настолько велика, что, кроме обширных и великолепно выстроенных из камня хором государевых, в ней находятся хоромы митрополита, а также братьев государевых, вельмож и других весьма многих лиц. К тому же в крепости много церквей, так что своей обширностью она почти как бы напоминает вид города».

Новгород Великий по своей величине, по-видимому, не уступал Москве. Каждая земля жила своей особой жизнью. Участие России в мировой торговле было незначительным, плотность населения низкая.

Предположительно в стране жило до 5 млн. человек. Но это очень приблизительная цифра. Точные данные о населении России отсутствуют.

Династический кризис

Второй брак Ивана III запутал династические отношения в Московии. Царевна Софья вышла замуж на невыгодных для нее условиях. Ее сыновья могли претендовать на удельные княжества, но никак не на московский престол. Византийская царевна не знала русского языка и не пользовалась популярностью среди подданных.

Иван III женил своего первенца Ивана Молодого Тверского на дочери православного молдавского государя Стефана Великого Елене. В 1479 г. Софья Палеолог родила сына Василия. Четыре года спустя Елена Волошанка родила Ивану III внука Дмитрия.

Достоверные сведения о первых годах жизни Василия отсутствуют. В соответствии с традицией наследник жил на женской половине терема в окружении кормилиц, мамок и нянек. По достижении пяти лет дети переходили на руки воспитателю — «дядьке». Обучение грамоте обычно поручали доверенному лицу — дьяку. В пять-шесть лет мальчика сажали за Псалтырь, позднее — за Деяния Апостолов.

Книгу нараспев читали вслух. Ученик заучивал прочитанное наизусть и таким путем овладевал грамотой. С письмом дело обстояло сложнее. Обычай воспрещал лицам царствующего дома брать в руки перо. Московские государи редко нарушали это правило. Княжие грамоты скреплял не сам монарх, а его дьяки. В Москву этот обычай пришел, вероятно, из Орды.

Софья получила в Италии неплохое образование и, судя по всему, не следовала слепо московским обычаям. Василий был обучен письму и позже писал письма или записочки жене. Но, следуя русским обычаям, он никогда не ставил подпись на документах.

Родители позаботились о том, чтобы воспитать сына в духе благочестия и беззаветной преданности православной вере. Учителя Василия были, по московским меркам, образованными людьми.

Однако курс обучения княжича был прерван возобновившейся смутой.

Княжичу Дмитрию исполнилось семь лет, когда умер его отец Иван Молодой. Тридцатидвухлетний наследник престола страдал «камчюгою в ногах», или подагрой. Вылечить его взялся лекарь «мистер Леон Жидовин», выписанный Софьей из Венеции. Несмотря на старания врача, больной умер. Кончина наследника была выгодна «грекине», и по Москве тотчас прошел слух, будто

Ивана Молодого отравили итальянцы. Андрей Курбский записал эти слухи через сто лет, нимало не сомневаясь в их достоверности. Знаменитого венецианского врача вывели на площадь и отрубили ему голову.

Тринадцать лет Иван Молодой был соправителем отца. За это время у его окружения сложились прочные связи с Боярской думой. Бояре помнили кровавую смуту, затеянную удельными князьями при Василии II, и твердо поддерживали законную тверскую ветвь династии.

Пока претенденты на трон были малы, их соперничество не внушало особой тревоги. Но в 1494 г. сын Софьи достиг совершеннолетия. Его соперник Дмитрий не вышел из детского возраста. Это обстоятельство благоприятствовало осуществлению честолюбивых замыслов Софьи, Однако ее противники нашли способ не допустить «греченка» на трон. Они втайне начали готовить коронацию Дмитрия.

Интрига ускорила развитие событий. Возник заговор в пользу Василия. Заговор был раскрыт. Летописец записал: «В лето 7006, декабря, восполелся князь великий Иван Васильевич всеа Руси на сына своего, на князя Василья, и посади его за приставы на его же дворе того ради, что он сведав от дьяка своего от Федора Стромилова то, что отец его князь великий хочет пожаловати великим княжением Володимерским и Московским внука своего князя Дмитрея Ивановича. …И изведав то и обыскав князь велики Иван Васильевич злую их мысль, и повелел изменников казнити: и казниша их на Москве на реке по низ мосту шестерых…»

Составитель летописи постарался изобразить дело так, будто вина за заговор лежала на маловажных лицах вроде «второго сатанина предтеча» Афанасия Арапченка. Но сообщенные им подробности опровергают его версию. «И в то время опалу положил князь великий на жену свою, на великую княгиню Софию, о том, что к ней приходиша бабы с зелием; обыскав тех баб лихих, князь великий велел их казнити, потопити в Москве реке нощию, а с нею с тех мест нача жити в брежении».

Решение о коронации Дмитрия Внука было незаконным с точки зрения московских порядков и традиций. На великокняжеском столе не могло сидеть сразу две персоны с одинаковым титулом, ибо это чревато было смутой.

Княжич Василий и его дума противились решению Боярской думы всеми средствами. Но Софье и ее сыну не удалось привлечь на свою сторону государя и бояр.

Власти решили короновать Дмитрия Внука по случаю его близкого совершеннолетия. Таким путем они надеялись пресечь

смуту в самом зародыше. Коронацию готовили втайне от «грекини». Но один из доверенных дьяков выдал тайну Василию и его матери. Окружение Софьи пыталось опереться на великокняжеский двор, для чего «тайно к целованию (присяге) приведоша» многих детей боярских из состава двора. Наиболее решительные заговорщики советовали княжичу Василию собрать войско и силой предотвратить коронацию Дмитрия Внука.

Власти пытались возложить вину за заговор на некоего Арапченка: «нача думати князю Василью вторый сатанин предотеча Афанасий Аропчонок; бысть же в думе той и дьяк Федор Стромилов, и Поярок Рунов брат и иные дети боярские, а иных тайно к целованию приведоша на том, чтобы князю Василью от отца своего великого князя отъехати да казна пограбити на Вологде и на Белоозере и над князем над Дмитреем израда учинити».

По существу, это был план мятежа против Ивана III. Переворот должен был начаться с захвата казны на Белоозере и в Вологде. Ввиду постоянной угрозы нападений татар на Москву московский князь держал значительную часть своих сокровищ в северных городах. Мятеж сына мог иметь самые опасные последствия.

Способы казни в точности отражали меру вины каждого из заговорщиков. По словам летописи, Арапченку — «Афонасу Яропкину руки да ноги отсекли и голову ссекоша, а Поярку Рунову брату руки отсекше и голову ссекоша, а дьяку Федору Стромилову, да Володимеру Елизарову, да князю Ивану Палецкому Хрулю, да Щевью Скрябина сына Стравина, тем четырем главы ссекоша, декабря 27». Характерно, что самые знатные из заговорщиков избежали четвертования. Главные обвиняемые — Владимир Гусев из знатного боярского рода Добрынских, князь Иван Палецкий из рода Стародубских князей и дьяк Федор Стромилов лишились головы.

Иван III держал сына под домашним арестом на его кремлевском дворе «за приставы» по крайней мере до коронации внука.

После ареста заговорщиков Иван III «многих детей боярских велел князь велики в тюрму пометати». Для переворота сторонникам Василия сил не хватило.

На Руси еще не было приказной системы, но были дьяки «в приказе». Эти дьяки получали указания непосредственно от великого князя. Волоколамский летописец записал известие о казни «Федора Страмилова с товарыщи». Дьяк в самом деле был примечательной фигурой среди заговорщиков.

14 февраля 1498 г. Дмитрий Внук в неполные пятнадцать лет

был утвержден на великокняжеском престоле после коронации в Успенском соборе Кремля.

Преодоление раздробленности и образование мощного государства создали почву для распространения в русском обществе идеи «Москва-новый Царьград». Как то ни парадоксально, мысль о византийском наследии развивали не «греки» из окружения византийской царевны Софьи, а духовные лица и книжники, близкие ко двору Дмитрия Внука и его матери Елены Волошанки. Митрополит Зосима, которого считали единомышленником Елены, сформулировал новую идею в сочинении «Изложение пасхалии», поданном московскому собору в 1492 г. В похвальном слове самодержцу Ивану III пастырь не упомянул о браке государя с византийской принцессой. В то же время он подчеркнул, что Москва стала новым Константинополем благодаря верности Руси Богу. Сам Бог поставил Ивана III — «нового царя Константина новому граду Константину — Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя».

При первом столкновении победа досталась Дмитрию Внуку. Его успех объяснялся многими причинами, и прежде всего позицией Боярской думы.

Приход к власти удельного князя Василия пагубно отразился на карьере многих московских придворных, связавших судьбу с тверской династией. Этот круг лиц на десятилетия сохранил враждебное чувство к Ивану III и Софье. В 1524 г. придворный Ивана III и Беринь-Беклемишев жаловался греку-книжнику: как пришла сюда Софья «с вашими греки, так наша земля замешалася и пришли нестроениа великие».

Своеобразную интерпретацию идея византийского наследия получила в позднем сочинении XVI в. — «Сказании о князьях Владимирских». Согласно «Сказанию», киевский князь Владимир Мономах совершил победоносный поход на Константинополь и принудил своего деда императора Константина Мономаха отдать ему царский венец («шапку Мономаха») и другие регалии. (В действительности князю Владимиру едва исполнилось два года, когда умер его дед, и киевский князь никогда не ходил на Царьград.) Фантастическая ситуация, описанная автором «Сказания», напоминала реальную ситуацию, сложившуюся в Москве в 1498 г. Дмитрий Внук получил «шапку Мономаха» из рук деда Ивана III, как Мономах — из рук деда Константина. Все симпатии автора «Сказания» на стороне внука. Владимир-внук послал воинов, которые разорили окрестности Константинополя, и малодушный Константин снял с головы своей венец и послал внуку с мольбой о мире и любви, чтобы весь православный люд стал под власть «нашего царства (Византийской империи. — *Р.С.*)

и твоего (Владимира Мономаха. — *Р.С.*) великого самодержавъства великиа Русиа». Предание о «шапке Мономаха» доказывало, что русские великие князья породнились с византийской династией задолго до греческого брака Ивана III и родство было скреплено передачей им царских регалий. Отсюда следовало, что правом на трон обладал старший прапраправнук Мономаха, тогда как греческое родство удельного князя Василия не имело значения.

История московской короны такова. Уже Иван I Калита завещал наследнику парадные одежды («порты») — кафтан, расшитый жемчугом, и «шапку золотную». Шапка не была владимирской короной, так как московские князья могли распоряжаться только своим венцом, тогда как владимирской короной распоряжалась Орда. Василий II завещал Ивану III крест Петра-чудотворца и шапку, которую он в отличие от предков не назвал «золотой». Иван III впервые мог распорядиться русской короной без оглядки на хана. Но он благословил Василия III крестом Петра, ни слова не упомянув об отцовской «шапке». Как видно, вопрос о регалиях не приобрел актуальности в начале XVI в.

Царские регалии были впервые подробно описаны австрийским послом Сигизмундом Герберштейном. В кремлевском дворце посол видел Василия III в парадной шапке: «Наша шляпа, латинское pileus, на их языке называется Шапкой; ее носил Владимир Мономах и оставил ее украшенную жемчугом, а также нарядно убранную золотыми бляшками, которые, извиваясь кругом, часто колыхались при движении».

В другом случае Василий III пригласил посла для неофициальной беседы на охоту. На этот раз на голове у него был другой колпак, или корона: «Этот Кропак с обеих сторон, и сзади, и спереди, имел как бы ожерелья (monilia), из которых золотые пластинки направлялись ввысь, наподобие перьев, и, сгибаясь, развевались вверх и вниз».

Ни одна из описанных шапок нисколько не похожа на сохранившуюся до наших дней шапку Мономаха.

Вопрос о регалиях приобрел актуальность, когда бояре решили короновать сына Василия III царским венцом.

В Древней Руси князья старались получить порты (парадное одеяние) из гардероба византийского царя. После падения Византийской империи русские стали титуловать царским титулом ханов Золотой Орды. Массивная золотая основа колпака — шапки Мономаха — была изготовлена за пределами Руси примерно в XIII в. Она, как полагают, была приобретена в Орде и привезена в Москву, где попала в руки тамошних ювелиров.

Наличие регалий или их частей подтверждало законность коронации царя.

На Новгородском престоле

Первое столкновение из-за трона Василий проиграл, но Софья Палеолог не отказалась от своих планов. Разгром Боярской думы благоприятствовал ее интриге.

В январе 1499 г. самодержец объявил об опале на князя И. Ю. Патрикеева, двух его сыновей (Василия и Ивана) и зятя С. Ряполовского. Бояре осуждены были на смерть. Перед нами не набор случайных имен, а правящий круг, осуществлявший управление государством на протяжении многих лет.

Двоюродный брат государя князь И. Ю. Патрикеев носил боярский чин в течение сорока лет, из которых двадцать семь занимал пост наместника московского (этот пост он унаследовал от отца). Патрикеев возглавлял думу и принадлежал к ближайшему окружению государя. Когда строители приступили к починке старого великокняжеского дворца в Кремле, Иван III переселился на подворье к Патрикееву. К кругу высших руководителей государства принадлежал зять Патрикеева князь С. Ряполовский, за особые заслуги получивший титул «слуги и боярина». Ряполовские спасли детей Василия Темного в годы смуты.

Благодаря «молениям» митрополита Патрикеевы избежали смерти. Их постригли «в железах» (в кандалах) и разослали по монастырям в заточение. «Слуга» Ряполовский был обезглавлен палачом на льду Москва-реки на пятый день после ареста. Вскоре же казнен был боярин князь Василий Ромодановский из рода Стародубских князей.

Историки потратили много времени и остроумия на то, чтобы объяснить, что произошло в Москве. Одни связывают казни с династической борьбой, другие — с неудачами во внешней политике. Патрикеевы и Ряполовский были сторонниками замирения с Литвой. Они не смогли добиться от литовцев признания за Иваном III титула государя «всея Руси».

Предположение, будто глава Боярской думы, брат Ивана III, мог лишиться головы из-за подобного рода проступков, кажется сомнительным. Речь шла, по-видимому, о серьезных разногласиях внутри правящего круга.

На первых порах казалось, что опала бояр не отразилась на положении Внука. 2 апреля 1499 г. Иван III снарядил послов к датскому королю Гансу и «велел просити дочь его за внука своего Димитрия». Послов постигла неудача.

Коронация Дмитрия Внука, казалось бы, покончила с честолюбивыми планами Василия. Но это было не так. Боярская дума и митрополит короновали Дмитрия. Но все переменилось после того, как Иван III обрушил гонения на думу.

После присоединения Новгорода Иван III львиная доля боярщин, отобранных в казну у тридцати крупнейших новгородских землевладельцев в 1483–1483 гг., перешла в руки первостатейной московской знати. На долю рядовых московских дворян пришлась едва одна четверть пущенных в раздачу земель. Глава думы князь И. Ю. Патрикеев получил право выбора лучших земель и стал владельцем волости Березовец (282 обеж). (Обжа — один человек на одной лошади пашет.) После конфискаций 1484 г. И. Ю. Патрикеев и его сын боярин Василий стали владельцами более 500 обеж. Управление Новгородом осуществляли наместники, назначавшиеся исключительно из знати, входившей в московскую думу. «Дачи», полученные наместниками и прочей администрацией Новгорода, были обширными: за князем А. В. Оболенским числилось 315 обеж, за тремя братьями Захарьиными — почти 800 обеж. Большие владения получили наместник князь С. Р. Ярославский, карельский наместник князь И. Пужбальский, новгородский дворецкий М. И. Волынский, члены думы: боярин князь С. Ряполовский, М. В. Челяднин, дворецкий М. Я. Русалка-Морозов, казначей Головин, знатные дворяне князья Холмские и М. В. Горбатый-Шуйский, дворяне Колычевы, князья Ушастые-Ярославские, Мещерские и другие.

Московская аристократия владела пожалованными землями и кормлениями на протяжении одного-двух десятилетий. Если бы московскому боярству удалось удержать полученные богатства, его могущество достигло бы небывалого уровня. Но этого не произошло.

Описание новгородских пятин на рубеже XV–XVI вв. выявило тот факт, что знать вскоре же лишилась новгородских пожалований.

Странный парадокс. Новгородские земли были отобраны не только у опальных бояр, но и у прочей московской знати, включая таких фаворитов, как бояре Челяднины или Захарьины.

Что же произошло?

Москва провела конфискацию новгородских вотчин и раздачу их московским боярам в основном в конце 80-х гг. Десять лет спустя Иван III вернул в казну конфискованные земли. Московская аристократия вполне оценила все выгоды новгородских пожалований и, видимо, противилась возврату земель всеми силами.

Вывод из Новгорода знати был мерой крайне непопулярной среди московского боярства, и Ивану III пришлось искать обходные пути. Он решил передать Новгородскую землю в удел, чтобы, не нарушая старину и закон, вывести из Новгорода московскую знать.

В начале 1498 г. титул великого князя Новгородского получил Дмитрий Внук. Как следует из текста «Чина поставления и венчания Дмитрия Ивановича», государь произнес такую речь: «Ныне благословляю при себе и опосле себя великим княжеством Владимирским и Московским и Новугородцким и Тверским» внука Дмитрия, которого мне «дал Бог в сына моего место». Намерение же отнять титул новгородского князя у коронованного князя Дмитрия и передать его удельному князю было незаконным со всех точек зрения. Прямое противодействие этому решению оказали не только верхи — бояре, но и народ, население Пскова.

Однако менее чем через год Дмитрий лишился новгородского титула. Дмитрий Внук был слишком тесно связан с Боярской думой и ее руководством, то есть с теми, кто получил самые обширные и самые плодородные земли в Новгороде. Он не хотел ссориться с московской аристократией.

Иван III передал Новгород сыну Василию, несмотря на то что в 1497 г. сын участвовал в заговоре против отца и попал под стражу.

Была ли передача Новгорода Василию формальным актом? Скорее то был хорошо продуманный ход.

Иван III прибегнул к экстраординарной мере, чтобы вывести Новгородскую землю из-под контроля Боярской думы. Бояре и прочие знатные люди, присягнувшие на верность Дмитрию Внуку и продолжавшие служить ему в Москве, должны были покинуть владения князя Василия.

Решение о разделе страны на великие княжества вызвало протест в стране. В начале 1499 г. Иван III направил послов к псковским посадникам с объявлением, что «де я, князь великий Иван, сына своего пожаловал великого князя Василия, дал емоу Новгород и Псков». Посадники и вече категорически отказались подчиниться указу государя. Они спешно отрядили полномочных послов в Москву и заявили, что будут подчиняться лишь тому великому князю, который занимает московский трон: «а которой бы был великий князь на Москве, той бы и нам государь». В этом псковичи видели гарантию независимости Псковской республики. Главное требование псковского веча состояло в том, чтобы Иван III с внуком, которому псковичи принесли ранее присягу, «держали отчиноу свою (Псков. — *Р.С.*), а в старине». Переговоры в Москве были долгими и трудными. Посадники упорно

ссылались на «старину» и присягу. Наткнувшись на противодействие, Иван III велел бросить двух посадников в тюремную башню. При этом он заявил: «Чи не волен яз в своем вноуке и оу своих детех. Ино кому хочю, тому дам княжество». По приказу государя в Псков выехал новгородский архиепископ Геннадий, чтобы отслужить службу «за князя великого Василья». Псковичи не проявили никакого уважения к своему пастырю и не дали ему служить в соборе, сказав, что не имеют «к тому веры, что быти князю Василью великим князем новгородским и псковским». Лишь после того, как Иван III прислал в Псков своего личного представителя боярина И. Чеботова и торжественно обещал держать свою «отчину» по старине, псковское вече смирилось. В сентябре арестованные посадники были отпущены из Москвы.

Боярская дума не желала допустить раздела государства между соправителями не только потому, что сознавала опасность повторения смуты. Осуществление планов Ивана III слишком глубоко затрагивало материальные интересы членов думы.

Время Дмитрия Донского называют золотым веком боярства. В речи, сочиненной книжниками и приписанной князю Дмитрию, видимо, уже после его смерти, знаменитый воитель называл своих бояр «князи земли моей». Последовавший затем разгром думы показал, что золотой век близится к концу.

Раскол в верхах приобрел зримые очертания. Василий и его мать Софья энергично поддержали планы государя. Руководство Боярской думы и коронованный Дмитрий Внук восстали против планов Ивана III и потерпели поражение.

Система политических взглядов греков резко отличалась от московской. Бояре и народ обвинили «грекиню» прежде всего в нарушении традиционного порядка престолонаследия в Московии. Согласно византийским нормам, только Синод мог обнародовать имя преемника василевса. Фактически же Синод лишь облекал в форму закона волеизъявление императора.

Иван III был привязан к взрослому сыну Василию, а на подрастающего внука нередко негодовал. Но при назначении наследника он не мог отступить от московской традиции. Распри в великокняжеской семье грозили подорвать власть монарха. Благодаря грекам московский двор имел возможность основательнее познакомиться с византийскими порядками. В трудных ситуациях императоры нередко передавали отдельные провинции сыновьям — соправителям, что укрепляло положение царствующей династии. Ссылаясь на эту традицию, Софья стала домогаться, чтобы Иван III назначил удельного князя Василия своим соправителем и передал ему крупнейший после Москвы

город Новгород со всей Новгородской землей и Псковом. Идея раздела государства на несколько удельных княжеств не встретила сочувствия при дворе законного наследника и в Боярской думе. Пережившие смуту бояре опасались, что удельный князь Василий, опираясь на Новгород, сгонит с трона малолетнего племянника Дмитрия. Дума, ведавшая внешними сношениями, четко выразила свое мнение по поводу всего происходящего. Литовский князь Александр, будучи зятем Ивана III, нередко получал дружеские советы из Москвы. Узнав, что Александр намерен отдать Киев одному из своих братьев во владение, московские власти резко высказались против раздела Литовского великого княжества, сославшись при этом на недавний опыт. «Слыхал яз, — писали бояре от имени Ивана III, — каково было нестроение в Литве, коли было государей много. А и в нашей земле (на Руси. — *Р.С.*) каково было нестроение при моем отце». Наказ, составленный в 1496 г., отражал официальную московскую доктрину.

Конфликт между монархом и его могущественной знатью нарастал подспудно по мере усиления власти самодержца. Поводов для столкновений было достаточно. Но главной причиной раздора был вопрос о власти. Кто и кому будет подчиняться: князь думе или наоборот?

Установленные факты проливают свет на один из самых темных вопросов. Почему Иван III сместил Дмитрия Внука уже после его коронации и передал корону Василию?

Причины коренились, конечно же, не в симпатиях и антипатиях отца. Противники Софьи и греков сознавали, что передача новгородской короны Василию лишит их новгородских «дач». Московская знать вовсе не желала поступиться своими традиционными правами в пользу самодержца.

Иван III прибегнул к крайним мерам, когда осознал всю затруднительность своего положения. Споры о разделе новгородского наследства привели фактически к разрыву монарха с думой. Законный наследник Дмитрий Внук встал на сторону думы.

Дума могла рассчитывать на поддержку церкви, так как иерархи знали, с какой стороны исходит угроза церковным имуществам.

Великий князь достиг шестидесяти лет и недомогал. Его внуку исполнилось семнадцать. Он был в расцвете сил. Два великих князя обладали формально равными правами на трон. Но современники засвидетельствовали, что Дмитрий пользовался большей популярностью в народе, чем греки — Софья и ее сын.

Сложилась ситуация, в которой власть могла в любой момент

выскользнуть из рук монарха. Иван III сам подготовил себе замену. Его противникам не надо было выбирать великого князя, короновать его и прочее. Дмитрий Внук был законно избран и коронован шапкой Мономаха. Он находился в стане врагов Ивана III. Им оставалось сделать небольшую передвижку.

В страхе за корону монарх отдал приказ о казни главных бояр.

Осуждение летописца

В истории московского летописания надо отметить редкий случай, когда обличения по поводу трусости монарха попали на страницы официальной летописи.

Летопись составлялась в великокняжеской канцелярии при деятельном участии митрополичьей кафедры. По этой причине невозможно подозревать летописца в оппозиции к великокняжеской власти. Похвалы в адрес Ивана Молодого и резкие отзывы по поводу нерешительного поведения Ивана III были связаны, без сомнения, с династической борьбой в Русском государстве. Старшая тверская ветвь династии была законной наследницей престола. Софья, домогавшаяся трона для своего сына — удельного князя, заслуживала осуждения. Такой взгляд стал господствующим и официальным после 1497–1498 гг., когда люди из окружения «грекини» попали на эшафот, а сын Ивана Молодого был коронован великокняжеским венцом. Всего точнее отношение общества к Софье выразил все тот же ростовский летописец, закончивший отчет об «угорщине» едкими словами: «Тоя же зимы прииде великая княгиня Софья из бегов, бе ба бегали на Белоозеро от татар, а не гонял никто, и по которым странам (уездам. — *Р.С.*) ходили (через Ростов на Белоозеро. — *Р.С.*), тем пуще стало татар и от боярьских холопов, от кровопивцев крестьянскых». Автор официального московского свода 1497 г. списал эти слова из ростовского свода, нисколько не пытаясь смягчить их.

Московский свод 1497 г. лег в основу Софийской II летописи, автор которой пошел дальше своих предшественников в обличении Софьи и Ивана III, погубивших законную ветвь династии в лице Дмитрия Внука. Неофициальная поздняя летопись утверждала, будто великий князь дважды бегал от татар, первый раз из Коломны и второй — с Угры. В страхе государь приказал воеводам насильно препроводить наследника с границы в Москву. В отличие от струсившего отца Иван Молодой «мужество показал, брань приял от отца, и не еха от берега (с Оки. — *Р.С.*), а христьянства не выда». Победитель Ахмата окончательно превратился в «предателя христьянства». Книжник не только возлагал на Ивана III ответственность за бегство Софьи на Белоозеро, но и приписывал государю позорные планы. Послав «римлянку» с казной на север, государь якобы «мыслил»: «Будет Божие разгневание, царь (Ахмат. — *Р.С.*) перелезет по сю сторону Оки и Москву возмет и им бежати к Окияну-морю». Ввиду явной трусости самодержца Вассиан Рыло в лицо обличил его, назвав

бегуном. Возмущенные москвичи стыдили монарха, говоря: «Нас выдаешь царю и татаром». Иван III якобы побоялся въехать в Кремль, а остался за городом, «бояся гражан мысли злыя поимания». Вместо того чтобы оборонять границу, он провел в Москве две недели, предаваясь страху и нерешительности.

Иван III шел к цели, не стесняясь в средствах. Он нарушил закон и обычаи, расправился с боярами и последовал советам сомнительных лиц. Все это не могло не сказаться на его популярности. Безнаказанные попытки скомпрометировать монарха в момент его наивысших успехов свидетельствовали как о неавторитетности главы государства, так и о кризисе власти.

Раздор со знатью

Объединение княжеств и земель привело к важным переменам в московской иерархии. В Древней Руси князь не мог быть боярином у другого князя, а бояре, в свою очередь, не могли претендовать на княжеский титул. В XV в. многочисленные потомки местных княжеских династий — аристократия из Суздаля, Ярославля, Ростова, Стародуба, Оболенска, Твери, Рязани — перешли на службу в Москву. Будучи владельцами обширных родовых вотчин — осколков прежних великокняжеских владений, — эти князья поначалу сохраняли некоторые права суверенов в пределах некогда принадлежавших их предкам великих княжеств. Но постепенно эти права сужались, и князья переходили в разряд московских бояр.

Распределение высших постов в государстве регулировалось местническими правилами. Знатность рода имела решающее значение, но учитывались также успехи отца и деда на службе у московских государей. Благодаря местничеству княжеские фамилии основательно потеснили нетитулованные боярские роды, служившие в Москве со времен Ивана Калиты.

Служилые князья жили в усадьбах, реже в городках, имевших деревянные укрепления, и держали вооруженную свиту. В качестве наместников знатные бояре возглавляли управление городами и уездами. Дворяне получали волости. Уезды и волости становились их «кормлениями». Это значит, что они ведали судом и управлением и кормились за счет собранных налогов и судебных пошлин. Такой порядок позволял управителям пополнять свой кошелек и возмещать расходы, понесенные на государевой службе. Обычно великий князь жаловал кормления воеводам после удачных походов.

Важнейшей прерогативой аристократии было право «думать», то есть решать все значительные дела вместе с государем. К XV в. понятие «боярин» приобрело новое значение. Оно превратилось в титул, которым великий князь наделял немногих избранных советников. Лишь с этого времени Боярская дума приобрела постоянный состав и окончательно превратилась в высший орган монархии.

Рядом с чином «боярин» появился низший думный чин «окольничий». Княжеская знать имела право сразу получить боярство, старомосковская нетитулованная знать обычно начинала службу в чине окольничих.

Вместе с Боярской думой в России появились первые общегосударственные учреждения — Казна и Дворец. Казна

служила хранилищем для сокровищ и денег, а также княжеского архива. Казначей хранил государственную печать, иначе говоря, возглавлял княжескую канцелярию. Он отвечал за финансы страны и входил в состав думы. Дворецкие управляли дворцовыми (личными) владениями великокняжеской семьи. Их важнейшая функция заключалась в том, чтобы снабжать княжескую семью продовольствием и денежными средствами.

Великий князь Иван III все дела решал с думой. Знатные бояре отнюдь не были послушными и безгласными исполнителями его воли. При обсуждении дел члены думы и придворные не стеснялись возражать государю. Дворянин И. Берсень-Беклемишев, сделавший неплохую придворную карьеру, вспоминал на склоне лет, что Иван III любил и приближал к себе тех, кто возражал ему: «против собя стречю любил и тех жаловал, которые против его говаривали». Как писал Андрей Курбский, Иван III был «любосоветен» и ничего не начинал без длительных и «глубочайших» советов с боярами — «мудрыми и мужественными сигклиты». В действительности взаимоотношения монарха со знатью не были идиллическими. Первый серьезный конфликт имел место осенью 1484 г., когда Иван III «поймал» бояр Василия и Ивана Тучко-Морозовых. Вотчины опальных были отобраны в казну и возвращены лишь через три года. Конфликт с Морозовыми стал значительным событием в истории двора. Иван IV помнил о раздоре, унизившем его деда, и всю вину за происшедшее возлагал на бояр. Братья Тучко, писал царь в одном из своих писем, «многая поносная и укоризненная словеса деду нашему великому государю износили». Случай с Морозовыми доказывал, что государь до поры до времени терпел возражения бояр, но при подходящем случае жестоко расправлялся со строптивыми советниками. Имеются данные о том, что И. Б. Тучко-Морозов был первым из известных дворецких московского великого князя, а его брат В. Б. Тучко — боярином-конюшим. В дни похода на Новгород В. Б. Тучко вместе с И. Ю. Патрикеевым продиктовал новгородцам условия капитуляции. Во время стояния на Угре Иван III послал боярина В. Б. Тучко к мятежным братьям для примирения с ними, а затем поручил ему сопровождать жену с детьми на Белоозеро. В случае гибели государя Тучко должен был обеспечить безопасность вдовы.

Конфликт в верхах разрастался, и современники склонны были приписать беду пагубному влиянию на великого князя «греков».

Московское боярство постоянно пополнялось знатными выходцами из соседних государств: царевичами из Орды, членами

литовской великокняжеской династии и прочее. Как правило, они получали щедрые земельные пожалования от московских государей. Члены византийской императорской семьи появились на Руси впервые. По своей знатности они далеко превосходили прочих пришельцев из-за рубежа. Тем не менее им пришлось познать немало унижений, когда они пытались укорениться в Москве.

В Италии у Софьи оставались брат Андрей и племянница Мария Палеолог. Великая княгиня выписала Марию в Москву и выдала ее замуж за Василия, сына белозерского князя Михаила Верейского. Согласно византийским обычаям византийские императрицы держали личную канцелярию, могли распоряжаться своими драгоценностями и прочее. Выдавая племянницу замуж, Софья передала ей в приданое свое украшение — «саженье» с каменьями и жемчугом. Как повествуют московские официальные летописи, Иван III вздумал одарить «саженьем» Елену Волошанку по случаю рождения внука. До Софьи «саженье» носила первая жена государя Мария Тверская, и украшение должно было остаться в собственности старшей тверской ветви династии. Не найдя «саженья» в кремлевской казне, Иван III якобы пришел в страшный гнев и велел провести дознание. После розыска московские власти арестовали итальянского финансиста, объявленного пособником Софьи, а заодно взяли под стражу двух ювелиров, по-видимому, переделавших «саженье» для Марии Палеолог. Семье Василия и Марии Верейских грозила опала, и они поспешно бежали за рубеж в Литву. История с «саженьем» поражает своей несообразностью. Женское украшение не имело значения княжеской регалии и не принадлежало к числу самых ценных вещей великокняжеской сокровищницы. «Саженье» было не более чем поводом к фактическому изгнанию из страны Василия Верейского и Марии Палеолог.

Удельный князь Михаил Верейский сохранял преданность Василию II Темному на протяжении всей смуты. Но это не оградило его от произвола Ивана III. По договору 1482 г. удельный князь «уступил» самую ценную свою отчину Белоозеро «и грамоту свою на то ему дал». Наследник княжич Василий Верейский имел все основания негодовать на государя. Его бегство в Литву отвечало целям Ивана III, как и изгнание из страны Марии Палеолог.

Боярская дума не желала усиливать позиции Софьи и ее сына, будущего Василия III.

Софья выписала из Рима и своего брата Андрея Палеолога. Как член византийской императорской семьи, шурин Ивана III

Андрей рассчитывал получить обширные владения на Руси. Но его надежды не оправдались. Не получив желаемого, Андрей Палеолог покинул Москву. Осколки византийской императорской фамилии были отторгнуты московской правящей элитой по причине сугубо династического характера.

После казней 1497 г. Софья и ее греческое окружение окончательно утратили доверие к верхам московского боярства.

Поместная система

К XIV–XV вв. боярское землевладение заметно выросло, что упрочило могущество знати. Но одновременно с образованием крупных земельных богатств происходил интенсивный процесс дробления вотчин. Пока старшая дружина — бояре — получала основной доход от кормлений, пожалованных князем, дробление земель не грозило ей катастрофой. Положение изменилось, когда доходы с вотчин стали основными, а кормления отступили на задний план. Боярские семьи были многодетными, из-за чего даже крупные вотчины могли измельчать в течение полувека. Превращение боярства в землевладельческий слой повлекло за собой кризис.

Приметой кризиса было разделение старого боярства на собственно бояр и «детей боярских». Термин «сын боярский» указывал прежде всего на несамостоятельное, зависимое положение человека в качестве младшего члена семьи, поскольку при традиционном строе русской семьи власть родителя в отношении сына была исключительно велика. Власть отца опиралась еще и на то, что из его рук сын получал наследственные земельные владения — «отчину». Браки заключались в раннем возрасте (в пятнадцать лет и ранее), а потому в боярской семье появлялось несколько взрослых сыновей до того, как глава семьи достигал старости. «Дети боярские» не обязательно были безземельными. Они в любой момент могли получить долю в наследственной вотчине, пожалование от князя, могли, наконец, сами купить землю. Однако при наличии многих детей в боярских семьях и многократных разделах вотчин недостаточная обеспеченность землей стала самой характерной чертой для новой социальной группы.

Кризис московского служилого сословия явился одной из главных причин новгородских экспроприаций. Образовавшийся в Новгороде фонд государственных земель был использован Иваном III и его сыном Василием для обеспечения государственными имениями (поместьями) московских детей боярских, переселенных в Новгород. Помещик владел поместьем, пока нес службу в армии московского великого князя. Как только он переставал служить и не мог определить на службу сына, земля подлежала перераспределению. Поместье не должно было выходить «из службы».

Наделение детей боярских новгородскими поместьями заложило основу дворянского поместного ополчения и помогло преодолению кризиса старого боярства. Образование

государственного поместного фонда оказало глубокое влияние на структуру высшего сословия. В литературе этот факт получил неодинаковую оценку. Отметив, что различия между вотчиной и поместьем были несущественными, а состав помещиков и вотчинников был близок, если не идентичен, В. Кобрин предложил «пересмотреть традиционное противопоставление помещиков и вотчинников как разных социальных категорий господствующего класса» и сделал вывод о том, что «историческое значение возникновения поместной системы состояло… не столько в создании новых кадров землевладельцев, сколько в обеспечении землей растущих старых феодальных семей». Такая интерпретация вступает в противоречие с фактами. Различия между вотчиной и поместьем носили принципиальный характер. Боярин владел вотчиной на праве частной собственности и был достаточно независим от монарха. Поместье было государственной собственностью, переданной во временное владение дворянину на условии обязательной службы. Прекращение службы вело к отчуждению поместья в казну. Среди новгородских помещиков было немало отпрысков «старых феодальных семей», но их реальное положение определялось не генеалогическими воспоминаниями, а малоземельем. Историческое значение поместной системы определялось тем, что с ее организацией в России утвердилась всеобъемлющая государственная собственность. Развитие государственной собственности трансформировало старое боярство периода раздробленности в военно-служилое сословие XVI в. Перестройка системы землевладения была вызвана не пресловутой «борьбой дворянства и боярства», а кризисом боярства, связанным с обнищанием его низших прослоек. Бояре и дворяне принадлежали к одному и тому же «чину» (формирующемуся сословию), но различия в положении крупных вотчинников и мелкопоместных детей боярских были огромны.

При завоевании Новгорода в 1478 г. Иван III конфисковал у новгородского архиепископа и монастырей лучшие земли и образовал из них великокняжеский домен. Получив Новгород в управление, Василий пошел по стопам отца и отнял у Софийского дома дополнительно 6000 обеж. Удельный князь не стал присоединять эти земли к домену, а роздал их в поместье детям боярским.

Новгородская съезжая изба сохранила несколько ранних документов, подтверждавших пожалование детям боярским земель в Новгороде. Термин «поместье» впервые появляется в этих документах не ранее 1490 г. В октябре 1490 г. Иван III пожаловал сыну боярскому Тыртову небольшую новгородскую

волостку «в поместье». Существенную роль в выработке норм поместного права и упорядочении системы поместного землевладения сыграла валовая опись новгородских пятин. В 1495 г. Иван III в последний раз посетил Новгород и тогда же отдал приказ о начале описи. После передачи Новгорода удельному князю Василию опись продолжалась и была завершена в 1505 г. В пределах указанного отрезка времени архаическая система новгородских «пожалований» и «кормлений» окончательно трансформировалась в поместную систему. Разработка норм поместного права явно отставала от практики. Даже писцы не всегда четко разграничивали поместья и кормления. Писцы Деревской пятины отделили сыну боярскому Г. Сарыхозину деревни «в поместье и кормление».

Кормленщик получал кормление на год-два, редко на более длительный срок. Помещик получал поместье пожизненно, пока мог нести военную службу. Поместье передавалось по наследству сыну, если сын достигал пятнадцати лет и мог продолжать службу. Располагая собственностью на поместную землю, государство неукоснительно взыскивало со всех поместных обеж государеву подать. Помещик имел право на традиционный оброк. Государевы грамоты вменяли в обязанность заботиться в первую очередь об исправном взыскании с населения даней и подати. В случае неуплаты подати ему грозила государева опала.

Существенное влияние на проведение поместной реформы оказали условия и потребности военного времени. Вывод всех землевладельцев из Новгорода означал ликвидацию старых вооруженных сил на территории Новгородской земли. Система обороны северо-западных рубежей России рухнула. Сто восемьдесят новых землевладельцев из московской знати не могли составить ядро нового ополчения, поскольку в большинстве своем продолжали нести службу в составе двора Московской земли. Правительство должно было осознать, что не сможет удержать завоеванный город, если не создаст себе прочную опору в лице новых землевладельцев. Немало детей боярских получили пожалования в Новгороде уже при Иване III. Однако те из них, кто не мог нести постоянную службу в новгородском ополчении, должны были расстаться с новгородскими «дачами». Вывод из Новгорода московской знати ускорил переселение на новгородские земли новых групп детей боярских из Московского княжества. В отличие от бояр, получавших сотни обеж, дети боярские имели в среднем до 20–30 обеж. Доходы с таких имений позволяли им нести службу в тяжеловооруженной дворянской коннице.

В 1497 г. дьяки составили первый общерусский Судебник, в

котором поместье и вотчина были упомянуты как главные категории светского землевладения. Поместная система вопреки Г. Вернадскому не была организована по образцу турецких «титмаров».

Ратный чин

По мере того как русские земли объединились вокруг Москвы и ее могущество стало внушать опасения, ее соседи стали проявлять все более пристальное внимание к военному строю Руси. Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн потратил немало труда, чтобы составить представление о военных обычаях и воинском искусстве Руси. По поводу увиденного он писал в своих «Записках» следующее: «Каждые два или три года государь производит набор по областям и переписывает детей боярских с целью узнать их число и сколько у кого лошадей и служителей. Затем он определяет каждому жалованье. Те же, кто может по достаткам своего имущества, служат без жалованья».

Перед нами раннее свидетельство о проведении в Москве смотров служилых дворян и детей боярских.

«Отдых служилым людям дается редко, ибо государь ведет войну или с литовцами, или с ливонцами, или со шведами, или с казанскими татарами, или если он не ведет никакой войны, то все же каждый год обычно ставит караулы в местностях около Танаиса и Оки, в количестве двадцати тысяч человек, для обуздания набегов и грабежей перекопских татар. Государь обычно вызывает некоторых по очереди из их областей, и они исполняют для него в Москве всевозможные обязанности. В военное же время они не отправляют погодной и поочередной службы, а обязаны все вместе и каждый в отдельности, как состоящие на жалованье, так и ожидающие милости государя, идти на войну.

Лошади у них маленькие, холощеные, не подкованы; узда самая легкая; затем седла приспособлены у них с таким расчетом, что всадники могут безо всякого труда поворачиваться во все стороны и натягивать лук. Ноги у сидящих на лошади до такой степени стянуты одна с другой, что они вовсе не могут выдержать несколько более сильного удара копья или стрелы. К шпорам прибегают весьма немногие, а большинство пользуется плеткой, которая висит всегда на мизинце правой руки, так что они могут всегда схватить ее, когда нужно, и пустить в ход, а если дело опять дойдет до оружия, то они оставляют плетку, и она висит по-прежнему.

Обыкновенное оружие у них составляют лук, стрелы, топор и палка, наподобие булавы, которая по-русски называется кистень, по-польски бассалык. Саблю употребляют более знатные и более богатые. Продолговатые кинжалы, висящие наподобие ножей, спрятаны у них в ножнах до такой степени глубоко, что с трудом

можно коснуться до верхней части рукоятки или схватить ее в случае надобности. Равным образом и повод от узды у них в употреблении длинный и на конце прорезанный; они привязывают его к пальцу левой руки, чтобы можно было схватить лук и, натянув его, пустить в ход. Хотя они одновременно держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть, однако ловко и безо всякого затруднения умеют пользоваться ими.

Русские на протяжении столетий вели войну с кочевниками, что не могло не сказаться на их вооружении. Некоторые из более знатных носят латы, кольчугу, сделанную искусно, как будто из чешуи, и наручи; весьма немногие имеют шлем, заостренный кверху наподобие пирамиды.

Некоторые носят платье, подбитое ватой, для защиты от всяких ударов. Употребляют они и копья.

В сражениях они никогда не употребляли ни пехоты, ни пушек. Ибо все, что они ни делают, нападают ли на врага, или преследуют его, или бегут от него, они совершают внезапно и быстро, и таким образом ни пехота, ни пушки не могут следовать за ними.

Теперь князь Василий имеет пушечных литейщиков, немцев и итальянцев, которые, кроме пищалей и воинских орудий, льют также железные ядра, какими пользуются и наши государи, но московиты не умеют и не могут пользоваться этими ядрами в сражении, так как у них все основано на быстроте».

В начале XVI в. в Германии было изобретено ружье. В Московии организация стрелецкого войска — стрелецкой пехоты — пришлась на более позднее время.

«Для разбития стана русские выбирают весьма обширное место, где более знатные разбивают палатки, а другие втыкают в землю нечто вроде дуги из прутьев и покрывают ее епанчами, чтобы прятать туда седла, луки и другое в этом роде и чтобы защититься от дождя. Лошадей они выгоняют на пастбища, ради чего их палатки расставлены одна от другой очень широко; они не укрепляют их ни повозками, ни рвом, ни другой какой преградой, если только это место не укреплено случайно от природы или лесом, или реками, или болотами.

Пожалуй, кому-нибудь могло бы показаться удивительным, что они содержат себя и своих на столь скудное жалованье и притом, как я выше сказал, столь долгое время; поэтому я разъясню в кратких словах их бережливость и воздержанность. Тот, у кого шесть лошадей, а иногда и больше, пользуется только одной из них в качестве подъемной или вьючной, на которой

везет необходимое для жизни. Прежде всего такой человек имеет в мешке, длиною в две или три пяди, толченое просо, потом восемь или десять фунтов соленой свинины; есть у него в мешке и соль, и притом, если он богат, смешанная с перцем. Кроме того, каждый носит с собою топор, огниво, котлы или медный горшок, чтобы, если он случайно попадет туда, где не найдет ни плодов, ни чесноку, ни луку или дичи, иметь возможность развести там огонь, наполнить горшок водою, бросить в него полную ложку проса, прибавить соли и варить; довольствуясь такой пищей, живут и господин, и рабы. Затем если господин будет чересчур голоден, то он истребляет все это, и таким образом рабы имеют иногда отличный повод поститься целых два или три дня. Если же господин хочет пиршествовать роскошнее, то он прибавляет маленькую частицу свиного мяса. Я говорю не о более знатных, а о людях среднего достатка. Вожди войска и другие военные начальники время от времени приглашают к себе других победнее, и, получив хороший обед, эти последние воздерживаются иногда потом от пищи два или три дня.

Готовясь вступить в сражение, московиты возлагают более надежды на численность и на то, со сколь великими полчищами нападут они на врага, а не на силу воинов и на возможно лучшее построение войска; они счастливее сражаются издали, чем вблизи, и потому особенно стараются обойти врага и напасть на него с тылу.

У них много трубачей; если они, по отеческому обычаю, станут дуть в свои трубы все вместе и загудят, то можно услышать иногда некое удивительное и необычное созвучие. Есть у них и некий иной род музыки, который на их родном языке называется зурною. Когда они прибегают к ней, то играют почти в продолжение часа, немного более или немного менее, до известной степени безо всякой передышки или втягивания воздуха. Они обыкновенно сперва наполняют воздухом щеки, а затем, как говорят, научившись одновременно втягивать воздух ноздрями, издают трубою звук без перерыва.

Все они имеют сходное одеяние или телесное убранство; кафтаны они носят длинные, без складок, с очень узкими рукавами, почти на венгерский лад; при этом христиане носят узелки, которыми застегивается грудь, на правой стороне, а татары, имеющие очень похожее одеяние, — на левой. Сапоги они носят по большей части красные и притом очень короткие, так что они не доходят до колен, а подошвы у них подбиты железными гвоздиками; застегивают их запястьями или шариками, серебряными или медными вызолоченными, присоединяя ради украшения жемчуг.

Небогатых детей боярских князь ежегодно принимает к себе и содержит, назначив жалованье, но неодинаковое. Те, кому он платит в год по шести золотых, получают жалованье через два года в третий; те же, кому каждый год дается по двенадцать золотых, принуждены быть безо всякой задержки готовыми к исполнению всякой службы, на свой счет и даже с несколькими лошадьми. Знатнейшим, которые правят посольство или несут иные более важные обязанности, назначаются, сообразно с достоинством и трудами каждого, или наместничества, или деревни, или поместья; однако от каждого в отдельности из этого они платят определенную подать.

Им изредка выделяют платежи типа кормлений (с судебными пошлинами), по большей части в пользование только на полтора года; если же он содержит кого на особой милости или расположении, то прибавляет несколько месяцев; по истечении же этого срока всякая милость прекращается, и тебе целых шесть лет подряд придется служить даром».

Вопрос о выплате жалованья служил источником постоянных раздоров. Но лишь немногие из них всплывали на поверхность.

Замена денежного жалованья земельным поместным пожалованьем вызывала сопротивление дворян, что по временам приводило к столкновениям. Посол Герберштейн описал эпизод, происшедший на его глазах в Москве. По его словам, «был некто Василий Третьяк Долматов, который считался в числе самых приближенных дьяков. Василий назначил его послом к цесарю Максимилиану и повелел приготовиться, но когда тот сказал, что у него нет денег на дорогу и на расходы, то его тотчас схватили и отправили в вечное заточение на Белоозеро, где он в конце концов погиб самою жалкою смертью. Князь присвоил себе его имущество, как движимое, так и недвижимое, и хотя он получил три тысячи флоринов наличными деньгами, однако не дал его братьям и наследникам ни гроша. Подлинность этого, помимо всеобщей молвы, подтверждал мне писарь Иоанн, приставленный ко мне государем для доставления вещей, необходимых при обыденных житейских потребностях. Когда Долматов был схвачен, то тот же Иоанн содержал его под своей стражей. Точно так жё два брата Василия, Феодор и Захария, которые при нашем возвращении из Можайска в Смоленск были приставлены к нам в звании приставов, утверждали, что дело было именно так». Родня дьяка пожаловала на помин его души пятьдесят рублей в 1517 г.

Дьяк Долматов служил в Посольском приказе. Отказ подчиниться приказу великого князя и ехать в Вену за свой счет вызвал гнев властей. Дьяка подвергли показательному наказанию.

На пути к сословному строю

В XV в. подавляющую часть населения России составляли крестьяне. Как правило, они жили в однодворных деревнях, разбросанных по всей территории Восточно-Европейской равнины. Основной культурой на Руси в XV в. оставалась рожь. Пшеницу сеяли в небольших количествах. Черный хлеб был основным продуктом питания. Система землевладения определялась особенностями почвы и суровым климатом. Заметным успехом стало развитие в центральных уездах трехпольной системы. При трехполье крестьянин поочередно оставлял одно из трех полей под паром, что было необходимо для восстановления плодородия почвы.

Бояре получали доход в виде оброков, включавших небольшие денежные платежи и разнообразные натуральные продукты.

С. Герберштейн описал сельские порядки Московии как очевидец. «Поселяне шесть дней в неделю работают на своего господина, а седьмой день предоставляется им для собственной работы. Они имеют несколько собственных, назначенных им их господами полей и лугов, которыми они и живут; все остальное принадлежит господам. Кроме того, положение их весьма плачевно и потому, что их имущество предоставлено хищению знатных лиц и воинов, которые в знак презрения называют их крестьянами или черными людишками.

Одежду носят они длинную, шапки белые, заостренные, из валяной шерсти, из которой, как мы видим, приготовляются плащи диких народов; при выходе из мастерской шапки эти бывают жестки. Сени домов достаточно просторны и высоки, а двери жилищ низки, так что всякий входящий должен согнуться и наклониться.

Поденщикам, которые живут трудом и нанимаются на работу, они платят за день по полторы деньги; ремесленник получает две».

Свидетельство Герберштейна относительно тяжелой барщины требует критической проверки. Барон никогда не жил в русской деревне. Приставы везли барона в Москву с поспешением. Если посол останавливался в пути, то лишь в боярских усадьбах. По-видимому, он добросовестно описал то, что видел в боярских усадищах. Шесть дней в неделю на боярина работали его холопы-страдники.

Как показали новейшие исследования, вопреки утверждению

посла крестьянская барщина в XVI в. не получила распространения на Руси.

Крестьяне в правление Василия III жили по большей части общинами и были свободны, так как в Юрьев день имели право покинуть имение господина.

Холопы-страдники были рабами. (Страда — пахота, отсюда слово «страдание».) Производительность их труда была невелика. Холопов покупали по цене от одного до трех рублей за голову.

Рядом с полными («обельными») холопами в России появилась категория кабальных людей, работавших или служивших господину в счет процентов за долг по заемному письму — по «кабале».

Подобно дворянам, крестьяне не составляли единого сословия. На Севере и в Поморье преобладали «черносошные» крестьяне. («Черные» сохи зависели от казны и платили исключительно великокняжеские поборы.) В Центре самую многочисленную категорию составляли владельческие крестьяне, платившие оброк в пользу землевладельцев — Дворца, вотчинников и помещиков. Описывая имения, писцы проводили различие между «старожильцами» и «новоприходцами». Появление категории «старожильцев» было симптомом важных перемен в жизни сельского населения.

В середине XV в. удельный князь Михаил Андреевич Верейский воспретил крестьянам Белозерского удельного княжества «отказываться» (переходить с места на место) в иные сроки, кроме Юрьева дня осеннего — 26 ноября. Со временем этот запрет был распространен властями на другие территории. Судебник 1497 г. утвердил нормы Юрьева дня как основного закона о крестьянах для всей России. Прежде чем покинуть свой двор, любой «хрестьянин» должен был уплатить землевладельцу «пожилое» за двор в размере одного рубля (при условии, что крестьянин прожил во дворе не менее четырех лет). Рубль примерно соответствовал цене двухсот пудов ржи. Эта сумма была весьма значительна для жителей деревень, имевших в своем распоряжении незначительные денежные средства. Крестьянский выход приурочен был к двум последним неделям осени, когда все посевные работы заканчивались. Введение Юрьева дня не лишило крестьян свободы, но заметно стеснило их передвижение.

В XVI в. общая численность населения, по самым приблизительным подсчетам, увеличилась до 7–9 млн. человек.

Чтобы объяснить объединение русских земель, историки выдвинули гипотезу об общерусском рынке, будто бы сложившемся в XVI в. Эта гипотеза однако же была отвергнута

наукой.

Денежное обращение дает наиболее точное представление о рынке. Герберштейн писал: «Серебряные деньги у них бывают четырех родов: московские, новгородские, тверские и псковские. Московская монета не круглая, а продолговатая и до известной степени овального вида, называется она деньгою и имеет различные изображения. У старинных на одной стороне розы, у позднейших — изображение человека, сидящего на лошади».

Княжества и земли долго сохраняли замкнутость и собственную денежную систему.

Наблюдательные иностранцы поражались, сколь неблагоприятны для жизни климат и почвы Московии. Герберштейн писал: «Область московская не слишком пространна и не плодородна; ее плодоносности вредит главным образом песчаная повсюду почва ее, которая убивает посевы при самом незначительном избытке сухости или влаги. К этому присоединяется неумеренная и чересчур жестокая суровость климата, от которой зимняя стужа побеждает иногда солнечную теплоту, и посевы иногда не доходят до созревания.

В самом деле, холод бывает там временами настолько силен, что, как у нас в летнюю пору от чрезмерного зноя, так там от страшного мороза земля расседается; в такое время даже вода, пролитая на воздухе, и выплюнутая изо рта слюна замерзают прежде, чем достигнут земли».

При втором посещении Москвы в 1526 г. посол видел, «как от зимней стужи прошлого года совершенно погибли ветки плодовых деревьев. В тот год стужа была до такой степени велика, что очень многие ездовые (которые у них называются гонцами) были находимы замерзшими в их повозках. Некоторые вели тогда в Москву из ближайших деревень скот, привязав его на веревку, и, захваченные силою холода, они погибли вместе со скотом. Кроме того, тогда находили мертвыми на дорогах многих поводырей, которые обычно бродят в тех местностях с медведями, приученными к танцам. Мало того, и сами медведи, подстрекаемые голодом, покидали леса, бегали повсюду по соседним деревням и врывались в дома; при виде их толпа поселян убегала от их нападения и от холода погибала вне дома жалкою смертью. Иногда такой сильной стуже соответствует и чрезмерный зной, как это было в 1525 г., по рождестве Христове, когда чрезмерным солнечным жаром были выжжены все посевы, и следствием этой засухи явилась такая дороговизна, что то, что раньше покупалось за три деньги, впоследствии покупалось за 20 или 30; можно было видеть, как от чрезмерного зноя загоралось очень много деревень, лесов и хлебов. Дым от них до такой

степени наполнял страну, что глаза выходящих на улицу получали от дыма сильное повреждение, и от дыма исходил какой-то мрак, который сделал слепыми многих.

По пням больших деревьев, существующим еще и поныне, очевидно, что вся страна еще не так давно была очень лесистой; хотя она и достаточно возделана усердием и трудами земледельцев, однако, за исключением того, что произрастает на полях, все остальное привозится туда из окрест лежащих областей. Именно, если она и изобилует хлебом и обыкновенными овощами, то во всей стране нельзя найти более сладких сортов вишен и орехов (за исключением, однако, лесных). Плоды других деревьев у них, правда, имеются, но невкусные. Дыни же они сеют с особой заботливостью и усердием; перемешанную с навозом землю насыпают в особого сорта грядки, довольно высокие, и в них зарывают семя; таким способом оно одинаково предохраняется от жара и от холода. Ибо если случайно будет чрезмерный зной, то они устраивают в смешанном с землей навозе щели, вроде как бы отдушины, чтобы семя не сопрело от излишнего тепла; при чрезмерном же холоде теплота навоза оказывает помощь закрытым семенам.

В московской области нет меду и зверей (за исключением, однако, зайцев). Животные гораздо мельче наших, но не лишены все же рогов. Я видел там быков, коров, коз, баранов — и всех с рогами. Город Москва, между другими северными городами, выдается значительно на восток, что нам нетрудно было заметить при своем путешествии».

* * *

Рост городов и торговли был заметным до середины XVI столетия. Но он не привел к преодолению экономической разобщенности земель. Политическое объединение не было подкреплено экономическим единством обширных территорий.

В XVI в. на северных землях сохраняла значение подсечно-огневая система, а на юге — переложная система. (Истощив почву, крестьянин забрасывал старую пашню под перелог и пахал «наездом» свободные земли.) Сбор зерна увеличивался исключительно за счет расширения площади пахотных земель.

Крестьяне обрабатывали почву с помощью сохи или плуга. Лето было коротким, а время выпаса скота ограниченным. Из-за этого скот был мелкорослым.

Развитие поместной системы и непрерывные войны привели к тому, что казна многократно повысила государственные налоги, а

помещики — оброки. Все это неизбежно разоряло деревню. Фонд государственной земельной собственности подвергся разорению в первую очередь. В сельской местности впервые появилась многочисленная категория бобылей, не имевших возможности пахать пашню и живших в бедности. Не желая лишаться работников, дворянство добилось издания закона о том, что крестьяне могли запродаваться с пашни в холопство, независимо от норм Юрьева дня и даже без уплаты пожилого.

Введение принципа обязательной службы с земли привело к разделению холопов на две группы: служилых «боевых» холопов и страдников, или пашенных холопов. Рядом с полным холопством возник институт кабального холопства, смягченная форма рабства. Кабала возникла из долговой зависимости. Не имея возможности уплатить долг, человек превращался в холопа и отрабатывал проценты на взятую сумму. Кабальные люди несли службу в вооруженной свите или же в качестве «деловых людей» работали на пашне в имении господина.

Церковь осуждала рабство, что не могло не сказаться на судьбах института холопства. Перед кончиной многие господа отпускали своих холопов на волю ради спасения души. Срок кабальной службы был ограничен законом в конце XVI века. Кабальный должен был служить господину до его смерти, а затем получал свободу.

У истоков самодержавия

Формирование сословий протекало в России медленно. Существенное влияние на этот процесс оказал факт образования огромного фонда государственной земельной собственности. На Западе духовное сословие, стремившееся к автономии от светской власти, консолидировалось ранее других сословий и стало своего рода моделью для остальных. В России дворянство опередило другие слои и группы, при этом зависимость от государственной власти стала самой характерной чертой этого сословия. Экспроприация высшего сословия Новгорода позволила Москве сконцентрировать в своих руках огромные материальные ресурсы. Власть и могущество самодержавной монархии упрочились.

В политическое сознание общества внедрялась имперская доктрина. С 1497 г. гербом Российского государства стал византийский герб — двуглавый орел. Скромный церемониал московского двора уступил место пышным византийским ритуалам. Великий князь не довольствовался прежними титулами и стал называть себя самодержцем. (Этот титул был точным переводом византийского императорского титула «автократор».) Полагают, что перемена в титулатуре была связана с обретением государственной независимости. Иван III стал обладать державой сам, а не из рук золотоордынского хана. Однако возможно и более простое толкование. В Византии титул «автократор» носил старейший из императоров, стремившийся подчеркнуть свое первенство по сравнению с императорами-соправителями. Любопытно, что старший сын императора, становясь соправителем отца, мог получить титул кесаря или царя. Титул «самодержец» понадобился Ивану III после того, как у него появился один, а затем два соправителя — Дмитрий и Василий — с одинаковыми титулами «великих князей».

Объединение земель превратило Московию в могущественную военную державу. В давнем конфликте с Литвой из-за пограничных русских земель перевес все больше склонялся на сторону России. Под натиском католицизма православное население Литвы все чаще обращало взоры в сторону единоверной Москвы. Отъезд православных князей (Воротынских и др.) на службу к Ивану III имел результатом присоединение к России значительной территории в верховьях Оки. По договору 1494 г. Литва признала утрату Вязьмы, важнейшей крепости на подступах к Москве. Брак литовского князя Александра с дочерью московского великого князя имел целью положить конец войне на границе. Но эта цель не была достигнута. В 1500 г. русские полки

заняли Брянск и вышли на Днепр. В бою на реке Ведрошь воевода Д. Щеня-Патрикеев наголову разгромил литовскую армию, позднее произвел глубокое вторжение в пределы Ливонского ордена. Русские предполагали закончить войну, заняв Смоленск. Но это им не удалось. Согласно миру, заключенному в Москве в 1503 г., к России отошли Чернигов, Новгород-Северский, Брянск и другие города.

Внешнеполитические успехи России были впечатляющими. Ее дипломатические связи расширились. Глава Священной Римской империи германской нации направил в Москву посла и предложил Ивану III принять королевский титул. Европейские страны стремились заручиться союзом с Русским государством для отпора турецкому вторжению на Балканы. Москва отклонила предложение Вены. Воспитанные в византийских традициях московские государи неоднократно употребляли титул «царь» или «кесарь», но исключительно в дипломатической переписке с Ливонским орденом и мелкими германскими княжествами. «Великий» князь Московии не желал ронять свое достоинство в сношениях с «великим» магистром Ордена или «великими» немецкими князьями.

Казачество

Со времен правления Василия III в документах все чаще упоминаются сведения о казаках.

Татарское нашествие смело с лица земли славянские поселения в степной полосе между Днепром и Волгой, в Тмутаракани и других пунктах Приазовья. Но пути в глубь степей не были забыты на Руси. Едва Золотая Орда утратила былое могущество и стала распадаться, русское население начало возвращаться в донские, приазовские и волжские степи. Медленное, но ощутимое движение происходило на всем пространстве от Киева до Нижнего Новгорода.

«Дикое поле» манило русских людей обилием земель и угодий. Богатства «подрайской землицы» на нижней Волге и на Дону контрастировали с суровой природой Русского Севера. Польский автор Матвей Меховский писал в начале XVI в.: «Оттого татары и называют Дон святым, что близ него они находят готовую пищу: плоды, мед, рыбу».

Продвижение русского населения на юг благоприятствовало укреплению южных границ Русского государства. В начале XVI в. пограничные укрепления располагались по линии Коломна — Серпухов — Тула. К 60-м гг. XVI в. линия обороны проходила от Алатыря, Шацка и Ряжска до Донкова (на Дону), Новосили и Мценска.

Часть беглого люда, уходившего в южные степи, оседала в районе выдвинутых в «дикое поле» оборонительных укреплений. Но большинство, опасаясь выдачи, уходило за пределы пограничных уездов, туда, где располагались редкие ордынские кочевья.

Поначалу число русских переселенцев в «диком поле» было невелико, и они часто селились в татарских станицах, где жили рабы и «черные люди», отбившиеся от своих кочевий.

На первых порах в вольных станицах преобладали татары из разных орд. Московские власти во время переговоров с Ногайской Ордой отметили, что «на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаков, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят».

Вольные станицы пополнялись «изгоями» из самых разных мест. Но приток беглецов с севера очень скоро стал преобладающим: земледельческое население Руси было куда более многочисленным, чем кочевое в «диком поле».

Число выходцев с русских «украин» умножалось из года в год. Воеводы сообщали Ивану IV в Москву: «Ныне, государь, казаков

на поле много; и черкасцев, и кыян, и твоих государевых, вышли, государь, на Поле изо всех украин». Многие казаки уходили в степи, оставив дома семьи. Переждав лихую годину, они возвращались в родные селения. Но с годами все больше беглых навсегда оставалось в «поле».

В степях переселенцы основывали свои станицы либо на больших речных островках, либо на гористых берегах наподобие волжских Жигулей. Колонисты промышляли дичь, ловили рыбу. Реки давали им пропитание. Легкие речные суда — струги — заменяли лошадей. Верхом на коне казаку трудно было ускользнуть от подвижных ордынских отрядов, на струге же он был неуловим.

Русское население имело давнюю земледельческую культуру. Покидая пески и суглинки, оно находило в степях чернозем. Тем не менее переселенцы никогда не заводили пашню в своих станицах. Они знали: там, где будут возделанные поля, немедленно появятся даньщики. Кроме того, даже государевы крепости на русских «украинах» не могли спасти крестьянские поля от набегов кочевников. Среди же ордынских кочевий переселенцы имели совсем мало шансов на то, чтобы вырастить и сохранить урожай.

Объединение пришлых славянских и местных неславянских элементов в казачьих станицах облегчило вольным казакам установление мирных взаимоотношений с окружающим степным миром.

Москва предпринимала много попыток привлечь на царскую службу казаков, чьи станицы располагались на степных границах. В 1523 г. Василий III направил в Турцию с посольством знатного дворянина Ивана Семеновича Морозова. В наказе послу значилось: «Посланы с Иваном Морозовым козаки-рязанцы десять станиц, и список ему дан именной, где кого из них оставить: в Азове — четыре станицы, в Кафе — четыре станицы, в Царь-город с собою взять две станицы; которых козаков оставить в Азове и Кафе, и ему тем козакам приказать: если крымский царь захочет идти на великого князя украйну, то станица ехала бы к великому князю, а другие оставались бы и ждали новых вестей, и какие еще вести будут, ехали бы к великому князю по станицам же, чтоб великий князь без вестей не был».

Взаимоотношения с церковью

Усиление власти московских государей должно было сказаться на их взаимоотношениях с церковью. Однако московские митрополиты не желали мириться с новыми историческими условиями. Это неизбежно вело к столкновениям между светской и духовной властями. Поводом для первого серьезного конфликта послужил обряд крестного хода.

При освящении главной святыни России — Успенского собора — Иван III позволил себе резкое замечание митрополиту Геронтию, который, по его мнению, сделал ошибку и повел крестный ход против солнца. Когда митрополит отказался подчиниться, государь запретил ему освящать вновь построенные церкви столицы. В начавшемся богословском диспуте Ивана III поддержали ростовский архиепископ Вассиан Рыло и архимандрит кремлевского Чудова монастыря Геннадий Гонзов. Эти иерархи не могли привести никаких письменных свидетельств в пользу своей правоты («свидетельство никоего не приношаху») и ссылались лишь на обычай. Митрополит опирался на греческий образец. Его правоту подтвердил игумен, только что совершивший паломничество на Афон в Грецию. «В Святой горе, — сказал он, — видел, что так освящали церковь, а со кресты против солнца ходили». Возмущенный вмешательством государя в сугубо церковные дела, Геронтий удалился в монастырь. Конфликт приобрел широкую огласку, и Иван III принужден был уступить. Он отправился в монастырь на поклон к Геронтию, а относительно хождения с крестами обещал положиться на волю митрополита.

Среди иерархов, выступавших на стороне Ивана III, выделялся архимандрит Геннадий. Митрополит подверг его наказанию, посадив в ледник. Но монарх вызволил его из заточения, а некоторое время спустя назначил архиепископом Великого Новгорода.

Флорентийская уния имела приверженцев в России. В юности Софья Палеолог пользовалась покровительством папского престола. Ее воспитателем был грек Виссарион, рьяный поборник унии. Самыми влиятельными лицами при дворе Софьи в Москве были униаты братья-греки Юрий и Дмитрий Траханиоты. Софья и ее греческое окружение настойчиво искали опору среди епископов ортодоксального направления. Геннадий Гонзов стал одним из таких епископов.

На протяжении веков московские иерархи при всяком затруднении обращались к главе вселенской церкви —

царьградскому патриарху. Заключение унии и падение Византии поставили их в трудное положение.

В конце XV в. христианский мир жил в ожидании «конца света». Геннадию пришлось вести долгий богословский спор с новгородскими еретиками, скептически относившимися к идее «второго пришествия», которого ортодоксы ждали конкретно в 1492 г. (7000 г.). После расправы с еретиками в 1490 г. Геннадий обратился за разъяснениями к грекам Траханиотам и вскоре же получил от Дмитрия «Послание о летах седьмой тысящи». Ученый грек не разделял «заблуждений» еретиков, но все же тактично предупреждал архиепископа: «Никто не весть числа веку». Представления о конце света были туманными и неопределенными. Многие полагали, что сначала на земле воцарится Антихрист, умножатся беззакония и настанет «тьма в человецех», и лишь после этого надо ждать второго пришествия Христа. Существовали различные системы летоисчисления, а потому называли различные даты конца света. Наибольшие страхи вызывал 7000 г. от сотворения мира. Пасхальные таблицы, которыми пользовались на Руси, были доведены лишь до 1492 г. (7000 г.).

Когда до ожидаемого конца света оставались считанные годы, массу верующих охватила экзальтация: «ино о том молва была в людех не токмо простых, но и непростых многых сумнение бысть».

В 1489–1491 гг. на Русь был приглашен ученый медик из Любека Никола Булев. Булев должен был помочь московитам в составлении новых Пасхалий. Иван III оценил его познания и сделал своим придворным врачом. Правоверный католик Булев отстаивал идею церковной унии и выступал рьяным противником ереси. Находясь на службе у Геннадия, доктор перевел с латинского языка сочинение Самуила Евреина против иудейской веры.

Благодаря посредничеству Ю. Траханиота Геннадий вступил в контакт с имперским послом, прибывшим на Русь в 1490 году, и получил от него подробную информацию о преследованиях тайных иудеев в Испании. Опыт только что организованной святейшей инквизиции привел владыку в восторг. Геннадий горячо хвалил католического «шпанского короля», который очистил свою землю от «ересей жидовских», и «хвала того шпанского короля пошла по многим земля по латинской вере».

С именем Геннадия связывают появление «западничества» на Руси (Ф. Лилиенфельд). Такое определение не вполне точно. «Западничество» как явление общественной мысли возникло много позже. Особенности в воззрениях архиепископа Геннадия

следует поставить в связь с идеями объединения восточной и западной церквей.

Для русского духовенства Византия была на протяжении веков источником мудрости и святости. Признание константинопольским патриархом верховенства папы поразило русских иерархов и обострило интерес к католическому Западу. Присутствие греков-униатов в Москве облегчило наметившийся поворот. Поглощенные спорами с еретиками, ортодоксы впервые увидели в католиках не врагов, но союзников. Появление при московском дворе влиятельных итальянских купцов, медиков, архитекторов довершило дело. Получает объяснение один из интереснейших феноменов эпохи Ивана III — наметившийся поворот общества лицом к католическому Западу.

Великие географические открытия повлекли за собой большие перемены. Избыток драгоценных металлов привел к революции цен в Европе. Развитие мировой торговли и мануфактурной промышленности ускорили развитие европейской цивилизации. Католический мир вступил в эпоху Реформации. Попытки австрийских Габсбургов объединить Европу под властью «всехристианской» империи не удались. Габсбургам пришлось вести длительную и кровавую борьбу с Османской империей.

Турецкие завоевания побудили европейцев осваивать новые торговые пути на Восток. Португальцы расширили свои колонии в Индии и завязали торговлю с Китаем, а затем — с Японией. Испанцы приступили к завоеваниям в Центральной и Южной Америке, а Магеллан совершил первое кругосветное плавание в 1519–1522 гг. Английские и французские моряки освоили пути в Северную Америку. Плавание английских кораблей, посланных для открытия северо-восточного пути в Китай, положило начало торговле Англии с Россией через Белое море.

В то время как Священная Римская империя германской нации клонилась к закату, на востоке Европы появилось Московское царство — наследник православной Восточно-Римской империи.

XVI век был временем дальнейшего расширения территории Российского государства. Его границы простирались от Смоленска на западе и Финского залива на севере до Урала и Нижнего Поволжья на востоке и Северного Кавказа на юге. Россия окончательно превратилась в многонациональное государство. Помимо великоросов, на его территории жили карелы, коми, ханты, манси, мордва, удмурты, татары, башкиры.

Общественно-религиозная мысль

Геннадий Гонзов был едва ли не первым из московитов, проявивших настойчивый интерес к книгопечатанию. По его заданию Ю. Траханиот в 1492–1493 гг. пригласил в Новгород любекского первопечатника Б. Готана. Благодаря посредничеству греков Готан был принят на службу к архиепископу, а привезенные им книги — Библия и Псалтырь — поступили в распоряжение софийских книжников. Русь могла воспринять крупнейшее достижение западной цивилизации — книгопечатание, но Готану не удалось осуществить свой проект.

По сведениям поздней любекской хроники, русские власти поначалу осыпали печатника милостями, но позднее отобрали все имущество, а самого утопили в реке. Известие о казни Готана не поддается проверке.

Более удачными оказались литературные начинания Геннадия. При Софийском доме издавна существовали богатейшая на Руси библиотека и книжная мастерская со штатом книжников, переводчиков и писцов. Среди софийских книжников выделялись двое братьев — архидьякон Софийского собора Герасим Поповка и Дмитрий Герасимов. Будущий знаменитый дипломат Дмитрий Герасимов родился, по всей видимости, в Новгороде и получил образование в одной из школ Ливонии, благодаря чему овладел немецким и латинским языками. В ранней молодости он перевел на русский язык латинскую грамматику Доната, что показывало уровень его образованности. Герасимов начал карьеру как переписчик владычной мастерской, которую возглавлял его брат архидьякон Герасим Поповка. В 1499 г. в мастерской была перебелена так называемая Геннадиевская Библия — полный свод библейских книг в переводе на славянский язык. Никаких данных, что инициатором этого предприятия выступил Иван III или московский митрополит, нет. На первом листе Библии имеется запись о том, что рукопись изготовлена в Новгороде Великом на архиепископском дворе «повелением архидиакона инока Герасима Поповки» дьяками Василием Иерусалимским, Гридей Исповедницким и Клементом Архангельским. Библия была едва ли не самой значительной русской книгой XV в. и включала не только давно известные, но и впервые выполненные переводы библейских книг.

Видимо, именно греки внушили архиепископу Геннадию мысль о возможности сотрудничества с католиками в работе над священными текстами. Начав работу над Библией, Геннадий

пригласил на службу в Софийский дом Вениамина, доминиканского монаха из Хорватии. «Презвитер, паче же мних обители святого Доминика, именем Вениямин, родом Словении, а верою латынянин» был, по его собственным словам, знатоком латинского языка и «фряжска». Вениамину принадлежала ведущая роль в составлении новгородского Библейского свода. Примечательно, что доминиканец целиком ориентировался на латинские рукописи, часть из которых он привез с собой. Следствием явился заметный сдвиг славянской Библии с греческого русла в латинское (И. Евсеев). По наблюдению Г. Флоровского, составители Библейского свода «ни к греческим рукописям, ни даже к греческим изданиям в Новгороде не обращались», но использовали Вульгату в латинском оригинале и чешском переводе. Наиболее образованные книжники Вениамин и Дмитрий Герасимов при составлении комментария к библейским текстам широко использовали немецкий энциклопедический словарь Рейхлина, выдержавший в Европе до 1504 года двадцать пять изданий.

В Новгороде культурно-религиозное влияние Запада сказывалось ощутимее, чем в Москве, и тут раньше обнаружился контраст между новой теологией Запада и традиционным богословием, некогда составлявшим основу христианского учения. Западное богословие заново открыло для себя античную философию, что послужило толчком для разработки концепций теологии на новых основах. Восточная греческая церковь предпочитала схоластике мистические искания. На Руси наибольшую восприимчивость к новым идеям проявляли образованные новгородцы. В своих богословских исканиях они шли значительно дальше, чем могли позволить себе московские ортодоксы. На этой почве и возникло одно из интереснейших явлений русской общественной мысли — новгородское «вольнодумство», объявленное ересью. Начало конфликту между еретиками и ортодоксами положили не столько богословские споры, сколько практика церкви. В Москве процветала продажа церковных должностей. Про архиепископа Геннадия говорили, будто он затратил на приобретение должности две тысячи рублей, неслыханно большую сумму денег. Игумен псковского Немцова монастыря Захар, будучи противником симонии, не желал подчиняться авторитету архиепископа, к чьей епархии принадлежал его монастырь. В качестве республики Псков сохранял политическую независимость от Новгорода, и это позволило Захару открыто выступить с обвинениями против Геннадия. В течение трех лет игумен рассылал повсюду грамоты,

в которых называл Геннадия еретиком. В свою очередь, архиепископ заклеймил как еретиков Захара и двух новгородских священников, Алексия и Денисия. Эти священники были взяты Иваном III в Москву и сделали блистательную карьеру при его дворе. Алексий стал протопопом главного храма — Успенского собора, а Денисий — священником кремлевского Архангельского собора, усыпальницы московских государей. Затеяв борьбу с еретиками, Геннадий вскоре же обнаружил, что ересь успела проникнуть в столицу православной Руси. Среди московских вольнодумцев самой заметной фигурой был дьяк Федор Курицын, близкий ко двору Ивана III. Ему и другим еретикам открыто покровительствовала мать наследника трона Дмитрия Внука Елена Волошанка. Федор Курицын критиковал монашество и развивал мысль о свободе воли («самовластии души») человека, которому образование и знание дают свободу, ибо он узнает, где добродетель, где порок, где пьянство, где невежество.

Русское вольнодумство и ереси конца XV — начала XVI в. получили неодинаковую оценку в литературе. В советской историографии их трактуют как реформационно-гуманистическое движение, направленное против феодальной церкви. В ереси видят «одну из форм классового протеста социальных низов против феодального гнета», ее распространение связывают с резким обострением классовой борьбы (А. Зимин, Я. Лурье). Следует заметить, однако, что никаких следов классовой борьбы в указанный период обнаружить не удается.

Как и на Западе, борьба с еретиками развернулась в XV в. на фоне ожидания близкого, неотвратимого конца света. Экзальтация, порожденная этим ожиданием, была полна Мрачными предчувствиями и страхом. Крайняя жестокость, которую проявил Геннадий по отношению к еретикам, объяснялась как его личными качествами, так и тем умонастроением и эмоциональным состоянием, которые распространились тогда по всей Европе.

Несколько лет Геннадий дискутировал со священником Алексием и другими новгородскими вольнодумцами по поводу надвигающегося Страшного суда. Еретики опровергали ортодоксов, ссылаясь на расчеты еврейского ученого-астролога Эммануила бар Якова. Архиепископу пришлось самому обратиться к сочинению бар Якова, и он немедленно обнаружил там иудейскую ересь. Среди вольнодумцев одни резко отзывались о церковных непорядках и симонии, другие пытались истолковать догмат Троицы, выражая сомнение в божественной природе Христа, что ортодоксы воспринимали как хулу на Богочеловека и Богородицу. За два года до грядущего светопреставления

Геннадий обвинил всех вольнодумцев без разбора в «жидовстве» — принадлежности к тайной секте иудеев — и потребовал для них смертной казни. Геннадий не раз обращался с письмами к главе церкви и своим единомышленникам в Москве, но верховный священнослужитель не спешил с розыском. После смерти Геронтия церковь возглавил Зосима, терпимо относившийся к московским еретикам. Избрание Зосимы сняло вопрос о суде над ближним дьяком Ивана III Федором Курицыным и другими московскими еретиками. Однако новгородские еретики были осуждены церковным судом. Их обвинили в «жидовстве». Главным обвиняемым на московском процессе стал игумен Захар, не имевший никакого отношения к «жидовствующим». Судилище над мифической сектой тайных иудеев завершилось тем, что новгородских еретиков отправили в Новгород и выдали Геннадию. По приказу владыки палачи сожгли на голове осужденных шутовские колпаки из бересты. Другие еретики были замучены в тюрьме.

Иван III спас Федора Курицына не потому, что разделял его взгляды. Суд над московскими еретиками грозил скомпрометировать двор наследника престола Дмитрия Внука, мать которого слыла еретичкой. Иван III был изощренным политиком и, подобно Макиавелли, оправдывал любые средства для достижения цели. Дмитрий был единственным законным наследником престола, утвержденным на троне обрядом венчания и признанным Боярской думой и народом. Тем не менее Иван III в конце концов решил низложить Дмитрия. Чтобы оправдать это незаконное решение, он призвал на помощь церковных ортодоксов и объявил Елену Волошанку еретичкой. Сын еретички не мог наследовать православный трон. Софья и ее сын Василий III добились цели, подав руку крайним ортодоксам.

В 1504 г. в Москве был созван священный собор, осудивший вольнодумцев на смерть. В Москве запылали костры. Сожжению подверглись брат Федора Курицына дьяк Иван Волк Курицын и несколько других лиц. В Новгороде были сожжены архимандрит Юрьева монастыря Касьян с братом, помещик Н. Рукавов и другие.

Осифляне и нестяжатели

Одним из главных центров духовности на Руси был Кирилло-Белозерский монастырь. Обитель поддерживала давние связи с Византией. В ее стенах собрались известные книжники. При Иване III большую известность приобрел кирилловский старец Паисий Ярославов, прославившийся своим подвижничеством. Решив низложить Геронтия, государь просил Паисия принять сан митрополита, но тот отказался от такой чести. Учеником Паисия был Нил Сорский. Нил, в миру Николай, происходил из дьяческой семьи Майковых, близкой ко двору Ивана III. Дьяки — великокняжеские чиновники, будущая бюрократия — принадлежали к самой образованной части русского общества. После пострижения Нил совершил путешествие на Афон в Грецию и, может быть, в Палестину. Там он близко познакомился с идеями исихазма. Благодаря трудам Григория Паламы идеи исихазма приобрели исключительное значение в византийском религиозном сознании в XIV в. Не внешняя мудрость, учили исихасты, а внутреннее самоуглубление открывает путь к истине. Погружение в себя дает состояние покоя (исихия), «Фаворского света», то есть общения с Богом. На Руси идеи Паламы стали известны сравнительно рано. Но в то время почвы для восприятия его мистических теорий тут еще не было. Исихазм стал достоянием русской религиозной мысли благодаря Нилу Сорскому. Нил не касался темы «Фаворского света» и не цитировал Григория Паламу. Он не был паламитом, и его исихазм невозможно полностью отождествить с какой-то одной из византийских школ. «Исихия» Нила восходила к опыту древних византийских монахов-отшельников и к идеям продолжателя их дела Григория Синаита. В центре монашеской жизни, но Нилу, стоит молитва как средство борьбы с искушениями и греховными помыслами, тщеславием и гордыней. Ответом на соблазны являются «умное делание», «сокрушение», «слезный дар». «Глубочайшее чувство собственной греховности, проникающее всего человека, одно может признавать милость Божию, которая и дарит исихию, — в этом суть учения Нила» (Ф. Лилиенфельд). По возвращении с Афона Нил основал скит на реке Сорке (отсюда прозвище Сорский) в окрестностях Кирилло-Белозерского монастыря. На Руси давно были известны пустыни-скиты, но лишь Нил дал им теологическое обоснование. Сочинения Сорского на первый взгляд кажутся причудливой мозаикой, сотканной из цитат. Но ближайшее рассмотрение показывает, что это — «говорение своего чужими словами», когда эти слова

воплощают пережитое и воплощенное в личном аскетическом опыте. Примечателен Устав Нила Сорского — поучение в монашеской жизни, «итог его пути покаяния». Нищета, в глазах пустынника, была верным путем для достижения идеала духовной жизни. «Очисти келью твою, — учил старец, — и скудость вещей научит тя (тебя) воздержанию. Возлюби нищету, и нестяжание, и смирение». Монахам надлежит жить в нищете и кормиться плодами своих трудов. «Телесное» служит приготовлением к погружению в духовную жизнь. «Телесное» подобно листьям, тогда как духовная жизнь — плоды дерева. Без «умного делания» телесное — лишь «сухие сосцы». Завещание Нила проникнуто духом самоотречения и смирения: «Повергните тело мое в пустыне, — наказывал старец ученикам, — да изъядят е(го) зверие и птица, понеже согрешило есть к Богу много и недостойно погребения».

Современником Ивана III был другой подвижник русской церкви — Иосиф Волоцкий (в миру Иван Санин). Иосиф происходил из мелких дворян Волоколамска. В молодости он принял пострижение от старца Пафнутия в Боровском монастыре и стал его преемником. Пафнутьев монастырь был семейной обителью Ивана III. Санина ждала блестящая карьера. Но он покинул Боровск и в 1479 году уехал в родной Волоколамск, столицу удельного князя Бориса Васильевича. Там он основал Волоколамский монастырь. Подобно Нилу Иосиф отвергал стяжательство (накопление богатств) как средство личного обогащения. Но он решительно отстаивал богатства монастырской общины, видя в этих богатствах средство милосердия и благотворительности.

Иосиф делал займы и кормил бедных; увещевал богатых помочь нищим. Дмитровскому удельному князю Юрию Ивановичу он писал: «Бога ради и пречистой Богородицы, пожалуй, государь, попекись о православном христианстве, о своем отечестве, подобно древним православным царям и князьям, которые позаботились о своих подданных во время голода: который государь имел у себя много хлеба, раздавал его неимущим или приказывал продавать недорого, устанавливал цену, поговоривши с боярами, как надобно, полагал запрет страшный на ослушников, как и теперь сделал брат твой великий князь Василий Иванович всея Руси. Если ты распорядишься так в своем государстве, то оживишь нищих людей, потому что уже многие теперь люди мрут с голоду, а, кроме тебя, некому этой беде пособить; никто другой не может ничего сделать, если ты не позаботишься и не установишь цены своим государским повелением».

В Волоколамском монастыре с наибольшей полнотой были осуществлены принципы общинножительства иноков (принципы киновия, коммуны). Волоцкий обладал приятной внешностью и звучным голосом, был равнодушен к удобствам жизни и довольствовался заплатанной рясой. Он проявлял редкую заботливость о своих сподвижниках и учениках, зато его непримиримость и жестокость к идейным противникам не знали границ. Много энергии Иосиф тратил на то, чтобы приобрести земли для своего монастыря и скопить денежные богатства. Обители надлежало принимать «села» (вотчины) у богатых, чтобы благотворить нищим. Это правило было для Иосифа руководством к действию. При частых неурожаях Иосифо-Волоколамский монастырь раздавал хлеб тысячам обедневших крестьян и нищих, спасая их от голодной смерти. «Киновий» Иосифо-Волоколамского монастыря был большим достижением для своего времени. Обитель отражала особенности личности своего основателя. Усилия монастырских старцев были направлены на поддержание внешнего благочестия и безусловного послушания. Иноки находились под неусыпным наблюдением игуменов и старательно следили друг за другом; «монастырская дисциплина смиряла энергию характера, сглаживала личные особенности, приучала к гибкости и податливости и вырабатывала людей, готовых поддерживать и распространять идеи основателя монастыря» (П. Милюков). Ученики Иосифа усвоили и довели до крайних пределов такую черту своего учителя, как начетничество. «Всем страстям мати — мнение; мнение (самостоятельная мысль) — второе падение (грехопадение)», — так сформулировал свое кредо один из учеников Волоцкого. Отсутствующую мысль — «мнение» — осифляне компенсировали цитатами, которые всегда имели «на кончике языка». Суть христианства начетчики видели не в познании и размышлении, а в устройстве жизни в соответствии с догматически истолкованными священными текстами.

Сравнивая дела и теории Нила Сорского и других заволжских старцев (их скиты располагались за Волгой) с деятельностью Иосифа Волоцкого, Г. Флоровский пришел к выводу, что именно в «заволжском движении» воплотился процесс духовного и нравственного сложения христианской личности на Руси.

Представление о полной отрешенности белозерских монахов от жизни общества и внутрицерковных и политических катаклизмов времени не вполне точно. Когда Иван III вздумал низложить Геронтия, он далеко не случайно предложил сан митрополита Паисию Ярославову, учителю Нила и других

заволжских старцев. Некоторое время спустя Паисий по настоянию государя возглавил Троице-Сергиев монастырь. Игумены этой обители играли заметную роль во внутрицерковной жизни России. Знатные постриженники Троицы не желали подчиняться принципам, которые исповедовали заволжские старцы, и Паисию пришлось оставить монастырь. По словам современника, иноки из князей и бояр не желали ему повиноваться и даже хотели его убить.

Иван III искал союзников среди заволжских старцев, так как их принципы могли быть использованы для оправдания секуляризационных устремлений светской власти. Вопрос об отчуждении церковных вотчин приобрел актуальность после покорения Новгорода. Новгородский опыт неизбежно должен был породить споры в среде русского духовенства. Отчуждение вотчин у новгородского Софийского дома в 1478 г. казалось вполне оправданным, тем более что эта мера была проведена по предложению боярского правительства Новгорода. Труднее было объяснить посягательства на богатства церкви через двадцать лет после того, как в Новгороде водворилась московская светская и церковная администрация. Присланный из Москвы архиепископ Геннадий решительно возражал против грабительских мер казны. При нем в Софийском доме был составлен синодик, грозивший церковным проклятием всем «начальствующим», кто обижает святые Божии церкви и монастыри и отнимает у ниу «данные тем села и виноградыы».

Собор 1503 г.

Возникновение «нестяжательского» течения церковной мысли связывают с собором 1503 г. Однако суждения об этом соборе затруднены из-за неудовлетворительного состояния источников.

Достоверно известно, что собор был созван в столице для решения неотложных церковных дел. Сохранились два соборных приговора. Первый из них, датированный 6 августа 1503 г., свидетельствует о том, что великие князья Иван III и Василий, «поговоря с митрополитом» и священным собором, решили отменить церковные пошлины, по случаю поставления иерархов и священников на должность. В сентябре того же года оба государя утвердили другой приговор священного собора, запрещавший вдовым попам служить в церкви и грозивший лишить чина тех из них, кто держал наложниц.

Согласно традиционной точке зрения, после решения вопроса о вдовых попах собор приступил к обсуждению проектов секуляризации монастырских вотчин. В пользу секуляризации выступил Нил Сорский, речь которого стала своего рода манифестом нестяжательства. Парадокс заключается в том, что ни в летописном отчете о соборе, ни в соборных приговорах нет и намека на секуляризацию. Все данные о секуляризационных проектах и выступлении Нила заключены в поздних публицистических сочинениях. Объясняя указанный парадокс, ряд исследователей стали рассматривать известия о выступлении нестяжателей в 1503 г. как целиком недостоверные. Они будто бы сконструированы публицистами середины XVI в.

Слабость гипотезы о подложности соборных материалов заключается в том, что она совершенно не объясняет мотивы подлога и мистификации, в которой участвовал не один, а многие книжники и богословы, трудившиеся в разное время и принадлежавшие к разным направлениям церковной мысли. Любая из сторон поспешила бы изобличить другую, если бы та допустила грубую фальсификацию. Если собор 1503 г. обсуждал проект секуляризации церковных земель, то почему нет ранних свидетельств об этом? Попытаемся объяснить данный парадокс, оставаясь на почве строго доказанных фактов.

В 1499 г. Иван III отстранил от власти главных руководителей Боярской думы и передал Новгород в удел сыну Василию. Сразу вслед за тем в Новгороде была проведена секуляризация церковных земель. Псковский летописец весьма точно уловил последовательность и взаимосвязь происшедших событий: «В лето 7007-го (1499 г. — *Р.С.*) пожаловал князь

великий сына своего, нарек государем Новугороду и Пскову… Генваря поймал князь великой в Новегороде вотчины церковные и роздал детям боярским в поместье, монастырские и церковные, по благословению Симона-митрополита». Современные московские летописцы ни словом не обмолвились о крупнейшей секуляризации, проведенной в 1499 г. у них на глазах. Это наблюдение объясняет, почему московские источники умалчивают о проектах секуляризации на соборе 1503 г. Обсуждение планов секуляризации в 1503 г. ни к чему не привело, не было никакого соборного решения по этому вопросу. Попытка распространить новгородский опыт на владения московской церкви вызвала острейший конфликт. Государю не удалось навязать собору свою волю, а потому официальные московские источники избегали говорить о его неудаче. Церковники же, возмущенные преступным посягательством властей на их имущество, заинтересованы были в том, чтобы навсегда предать инцидент забвению. Лишь после смерти Ивана III и его фактического соправителя Василия III запретная ранее тема стала широко обсуждаться публицистами. Их сочинения появились при жизни поколения, знавшего Нила или черпавшего сведения из уст его учеников. Книжникам не приходилось «конструировать» события прошлого и прибегать к мистификации.

Светские власти без колебаний применили насилие в Новгороде. В Москве они пытались склонить духовенство к уступкам методом убеждения. Объявив о намерении отобрать «села» (вотчины) у митрополита и монастырей, Иван III тут же пообещал им хлебное обеспечение («оброки») и денежные платежи («ругу») из казны. Теория и практика заволжских старцев в какой-то мере оправдывала намерения государя. Нил обличал греховность монастырских стяжаний. Будучи вызван Иваном III в Москву, Нил заявил: «Не достоит (недостойно) чернецем (монахам) сел (вотчин) имети». Поздние публицисты, противники нестяжателей, стали изображать дело так, будто Нил советовал государю отобрать земли у монастырей. Но это не так. Речи Нила имели иное значение. Он старался убедить монахов стать на путь спасения и добровольно отказаться от владения селами, кормиться своим трудом и жить в нищете. Иван III трижды объявлял иерархам свою волю, но духовенство неизменно отклоняло его проект, свидетельством чему служит «Соборный ответ 1503 г.». Наличие трех ответов Ивану III в названном памятнике окончательно проясняет вопрос об аутентичности документов собора.

Выступление Ивана III застало церковное руководство

врасплох. Митрополит Симон послал во дворец своего дьяка Леваша Коншина с краткой и невразумительной речью. Отклонив возражения церковников, монарх вызвал к себе митрополита Симона. К этому времени митрополичья канцелярия успела подготовить длинный «список» с аргументами в защиту церковного землевладения. Если бы московские книжники взялись за сочинение «речей» митрополита задним числом, они составили бы образцовое риторическое сочинение. Скорее это груда черновых заготовок, подборка цитат из византийских законов и других византийских памятников. Отдельные куски «списка» имеют заголовки «От Левгитския книги», «От Жития» и прочее.

Как видно, византийские цитаты не произвели впечатления на Ивана III. Митрополиту пришлось вновь снаряжать во дворец дьяка Леваша. Его последняя речь дает представление о новом повороте в ходе прений. Византийский материал был полностью исключен из речи дьяка, а акцент сделан на московской традиции. В последней версии гарантами неприкосновенности церковных имений выступали не византийские цари, а русские князья — «твои (Ивана III. — *Р.С.*) прародители: Андрей Боголюбский, Всеволод, Иван Калита, внук блаженного Александра». «Соборный ответ 1503 г.» запечатлел все зигзаги дискуссии о «нестяжании», что исключает возможность даже самой искусной подделки.

Попытка убедить высших иерархов и отказ монарха от метода диктата привел к неожиданным результатам. Высшее духовенство сплотилось. Твердость новгородского архиепископа Геннадия, троицкого и волоцкого игуменов придала Симону Чижу силы. Он заявил великому князю: «…Не отдаю сел Пречистой церкви (митрополичьего дома), которыми владели чудотворцы митрополиты московские Петр и Алексей». Архиепископ Геннадий столь резко возражал государю, что тот прервал его грубой бранью. Вскоре после собора монарх велел арестовать Геннадия и под предлогом его мздоимства лишил сана. Болезнь Ивана III помешала ему вернуться к проектам секуляризации. Сопротивление церкви предотвратило новое грандиозное расширение государственной собственности, грозившей раздавить русское общество.

Главным гонителем еретиков после отставки Геннадия стал Иосиф Волоцкий. Он посвятил защите православной догмы от ереси основное сочинение своей жизни, названное впоследствии «Просвятитель». В своем трактате Иосиф доказывал, будто ересь была завезена в Новгород из Литвы евреем Схарией, от которого иудаизм восприняли сначала новгородцы, а от них — москвичи.

Еретики якобы не признавали Святую Троицу, отвергали божество Христа, не почитали Богородицу, не поклонялись кресту и иконам, чтили субботу вместо воскресенья.

В конце жизни Иосиф Волоцкий покинул своих покровителей — удельных князей — и вместе с монастырем перешел под власть великого князя Василия III. Отдав все силы борьбе с ересью, Иосиф пришел к мысли о том, что только власть, организованная по типу византийской императорской власти, может сохранить в чистоте православную веру. Византийская традиция постоянно питала русскую религиозную мысль. Сохранилось послание Иосифа к великому князю, сотканное почти целиком из цитат, заимствованных у византийского писателя VI в. Агапита. Главная идея послания заключалась в тезисе о божественном происхождении царской власти: «царь убо естеством (телом) подобен есть всем человеком, а властию же подобен есть вышням (всевышнему) Богу». Царь подобен солнцу и должен хранить подданных от ереси.

Идеи Иосифа Волоцкого, сформулированные им в конце жизни, оказали существенное влияние на порядки и политическую культуру Московского государства. В Древней Руси князя могли назвать царем, если он исполнял по отношению к русской митрополии те же функции, что и византийский император по отношению ко вселенской церкви (В. Водов). Идея Иосифа Волоцкого устраняла последние препятствия на пути превращения Московского великого княжества в наследника византийской династии императоров — носителя истинно христианского православного самодержавия.

Выступление Иосифа Волоцкого имело большое значение по той причине, что он был не только идеологом, но еще в большей мере практиком. Основанный им монастырь стал питомником для иерархов осифлянского направления. Куда бы ни забросила судьба питомцев монастыря — осифлян, они неизменно поддерживали друг друга, старались занять высокие посты в церковной иерархии. Из осифлян вышли два митрополита и множество епископов, управлявших русской церковью в XVI в. Они стремились претворить в жизнь идеи, высказанные их учителем.

Передача удельному князю Василию Новгорода Великого вместе с титулом великого князя Новгородского и Псковского обеспечили ему успех в борьбе за власть. Вопрос об образовании Новгородского княжества не мог быть решен без участия главного соправителя Ивана III Дмитрия Внука, коронованного великого князя. В том, что Дмитрий возражал против раздела государства, сомневаться не приходится. Как заявляли русские послы за

рубежом, «внука своего наш государь пожаловал и он учал государю нашему грубити». Возражая деду, Дмитрий рассчитывал на поддержку Боярской думы. Но дума, запуганная казнями, молчала. Все это решило судьбу законного коронованного наследника. Иван III постарался не придавать огласке выдвинутые против него обвинения. 11 апреля 1502 г. Иван III приказал взять Дмитрия и его мать под стражу «за малое их прегрешение». Иван IV имел случай упомянуть о подлинных обвинениях, выдвинутых против Дмитрия. В письме Курбскому царь утверждал, будто Дмитрий и его сообщники князья (в письме упомянуто было только имя отца Курбского) умышляли «многия пагубы и смерти» на Василия III. В памяти Ивана IV все акценты сместились. Дмитрий старался удержать трон, полученный им на основе закона и права. Василий III погубил Дмитрия, узурпировав трон. Через три дня после ареста внука Иван III благословил удельного князя Василия — «посадил на великое княжество Владимирское и Московское и учинил его всеа Русии самодержцем». Избегая раздора с думой, Василий не стал наказывать ни Курбского, ни других бояр — сторонников Дмитрия.

Через год после ареста Елены Волошанки умерла великая княгиня Софья. Вскоре же «начат изнемогати» и сам Иван III. Болезнь быстро прогрессировала: у государя отняло «руку и ногу и глаз». Возобновление борьбы за власть казалось неизбежным. В феврале в Нарве было получено известие, что великий князь смертельно болен, сын Василий должен ему наследовать, «хотя русские более склонны к его внуку, отчего между детьми великого князя назревает большая распря». Иван III должен был считаться с настроениями народа. Перед смертью он искал примирения с внуком. С Дмитрия сняли оковы и привели во дворец. По сведениям австрийского посла С. Герберштейна, умирающий произнес, обращаясь к внуку: «Молю тебя, отпусти мне обиду, причиненную тебе, будь свободен и пользуйся своими правами». В последний раз монарх пытался примирить своих родственников и соправителей, но успеха не достиг. Какие права он предполагал вернуть Дмитрию, остается загадкой. В завещании Ивана III имя Дмитрия не упоминалось. Как только великий князь умер, Василий заковал племянника Дмитрия «в железа» и посадил «в полату тесну», где тот умер три года спустя.

«Одни полагают, — заметил Герберштейн, — что он погиб от голода и холода, а по другим — он задохся от дыма».

Итогом длительного правления Ивана III было уничтожение многих старых уделов. Однако это вовсе не привело к перестройке системы управления государством на новых основах.

Духовная грамота Ивана III возродила систему удельных княжеств в стране. Государь дал «ряд своим сыном», наделив уделами всех четырех братьев Василия III. Каждый из удельных получил долю как в Московском, так и в Тверском великом княжествах. Мировоззрение первого русского самодержца было насквозь проникнуто духом старых традиций.

Ко времени смерти Ивана III на Руси было до шестидесяти шести городов во владении удельных князей, а ко времени кончины Василия III — всего тридцать.

Казанский поход

После смерти Ивана III отношения Руси с татарским миром осложнились. Казанский хан Мухаммед-Эмин объявил о разрыве с Москвой. «Аз, — заявил он, — есми целовал роту за князя великого Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дни живота нашего, и не хочю быти за великим князем Васильем Ивановичем. Велики князь Василий изменил братаничю своему великому князю Дмитрею, поймал его через крестное целованье. А яз, Магмет Амин, казанский царь, не рекся быти за великим князем Васильем Ивановичем, ни роты есми пил, ни быти с ним не хощу».

Русь оказалась на пороге войны с Казанью. Василий III попытался заручиться поддержкой Крыма.

7 декабря 1505 г. в Бахчисарай отправился посол Василий Наумов с вестью о вступлении на престол Василия III. Целью посольства было помешать объединению сил Крыма и Казани.

Свою роль Москва отводила брату Мухаммед-Эмина царевичу Куйдакулу, находившемуся на Руси. Летописи сообщают: Куйдакул согласился перейти в православие. При крещении он получил имя Петра. 28 декабря он присягнул Василию III и был выпущен из «нятства».

Москва использовала всевозможные средства, чтобы привлечь на свою. сторону татарскую знать. Василий III сосватал Петру свою сестру Евдокию. «На приезд» хану были выделены Клин и пять сел под Москвой. Предполагалось посадить Петра на казанский престол.

В апреле 1506 г. московские полки выступили в казанский поход. Их возглавляли удельные князья Дмитрий Иванович Углицкий и Федор Борисович Волоцкий. Великокняжеский воевода князь Ф. И. Бельский повел войско по Волге на судах. По берегу шел конный отряд во главе с князем Александром Ростовским.

Воеводские назначения показали, что в Москве недооценили силы Орды.

22 мая судовая рать достигла Казани.

Татары имели возможность разбить московское войско по частям. До подхода воеводы А. В. Ростовского татары разбили отряд Дмитрия Жилки. Когда об этом узнали в Москве, под Казань был послан князь В. Д. Холмский с подкреплениями. Решено было начинать осаду города до подхода Холмского.

Воеводы не выполнили приказ и пошли на штурм Казани до прибытия Холмского.

«На первом ступе (приступе) царь побежал, погетав весь живот, и мосвичи учали грабити, и царь их многых тут побил, а иные в реце истопли». Воеводы «граду не успеша же ничтоже, но сами побеждены быша от татар».

Русское войско понесло огромные потери. Погибли воеводы М. Ф. Курбский, Ф. Палецкий, Д. В. Шеин-Морозов, побывавший в плену у казанцев. Хан Мухаммед-Эмин утверждал, что разгромил шесятидесятитысячное русское войско, а с Дмитрием Жилкой было еще пятьдесят тысяч человек.

Данные о русских потерях преувеличены.

Воеводы отступили к Нижнему. Мухаммед-Эмин послал погоню, но в сорока верстах от Суры татарский отряд был разбит.

Военное положение Руси осложнилось.

В начале XVI в.

«Великий князь не благоволит к знати, — писал Герберштейн, — исключение составляют юные сыновья бояр, то есть знатных лиц с более скромным достатком. Таких лиц, придавленных своей бедностью, он обыкновенно ежегодно принимает к себе на содержание, назначив жалованье, но неодинаковое. Те, кому он платит в год по шести золотых, получают жалованье через два года в третий; те же, кому каждый год дается по двенадцать золотых, принуждены быть безо всякой задержки готовыми к исполнению всякой службы, на свой счет и даже с несколькими лошадьми. Знатнейшим, которые правят посольство или несут иные более важные обязанности, назначаются, сообразно с достоинством и трудами каждого, или наместничества, или деревни, или поместья; однако от каждого в отдельности из этого Дети боярские платят в казну определенную подать». Документы подтверждают это известие. Дворяне, которые не могли внести деньги в казну, подвергались наказанию и штрафам.

В первой половине XVI в. Россия пережила экономический подъем. «Земля наша, — писал русский книжник, — освободилась от ига и начала обновляться, как будто перешла от зимы к тихой весне; она снова достигла своего древнего величия, благочестия и спокойствия, как при первом великом князе Владимире». Процветанию страны немало способствовало прекращение татарских набегов. Длительная война между Большой Ордой и Крымом, попавшим в вассальную зависимость от Османской империи, поглотила силы татарского мира. В Казани утвердился московский ставленник. Воеводы Ивана III совершили походы на Урал и в Сибирь. Союз между Русью и Крымом продержался несколько десятилетий, пока крымцы не уничтожили остатки Большой Орды.

Падение Псковской республики

Мир на южных границах развязал руки еще Ивану III. В 1501 г. его воеводы нанесли поражение Ливонскому ордену, войска которого напали на Псков. В отличие от Новгорода Псков не обладал ни обширной территорией, ни многочисленным населением. Псковская республика не могла содержать значительных воинских сил и полагалась на помощь Москвы. Многолетняя война с Орденом ослабила силы республики.

В Пскове давно установилось своего рода двоевластие. Присланный из Москвы князь управлял городом вместе с псковским вече. Такая система управления была чревата частыми недоразумениями и конфликтами. В глазах Василия III процедура «приглашения» князя из Москвы на псковский стол давно превратилась в пустую формальность, и он решил упразднить ее. Московские власти направили в Псков князя И. М. Репню-Оболенского. Псковский летописец с раздражением записал, что боярин Репня водворился в городе безо всякого приглашения со стороны Господина Пскова — «не пошлиною во Псков приехал да сел на княжение». Священники даже не успели встретить его «со кресты» при въезде в город. Не без насмешки псковичи прозвали князя Найденой — найденышем. «Нашли» его псковичи прямо в княжеской резиденции. Репня был «лют до людей» и быстро довел дело до разрыва. Спровоцировав конфликт, Василий III стал готовить завоевание Пскова. Осенью 1509 г. он прибыл в Новгород во главе многочисленного войска. Узнав о государевом походе, псковское вече отправило в Новгород посадников и бояр. Вместе с дарами они вручили великому князю жалобу на Репню. Василий III постарался усыпить бдительность псковичей. Он уверил послов, что будет «отчину свою» Псков «жаловать и боронить». Псковичи не знали за собой никакой вины и легко отказались от подозрений насчет угрозы московского завоевания. Вслед за посадниками и купеческими старостами в Новгород потянулись «черные люди» и прочие жалобщики. Все это отвечало тайным намерениям государя. Поощряя челобитчиков, Василий III объявил: «Копитеся вы, жалобные люди, на Крещение Господне, и яз вам всем оуправы подаю». В назначенный срок всем псковичам под страхом казни велели явиться на государев двор. «Лучших людей» пригласили в палаты, «молодших» оставили ждать под окнами. В палатах псковичи попали в руки вооруженной стражи. Им объявили без дальних слов: «Поимани, де, естя Богом и великим князем». Прочих псковичей переписали и отдали на руки московским помещикам, владельцам

новгородских дворов. Если верить московским летописям, государь вмешался в псковские дела, чтобы защитить народ, «понеже бо тогда во Пскове быша мятежи и обида и насилие велико черным, мелким людем от посадников псковских и бояр». Между тем псковское вече, выражавшее мнение народа, жаловалось прежде всего на насилия московских властей в лице Репни.

После беззаконного ареста псковских выборных лиц и челобитчиков начались волнения в Пскове. Собравшись на вече, народ «начаша думати, ставить ли щит против государя, запиратися ли во граде». Псков обладал мощными укреплениями и мог выдержать длительную осаду. Поскольку выборные власти Пскова находились как заложники в Новгороде, вече разошлось, не приняв никакого решения. Тем временем Василий III приказал начать переговоры с арестованными псковскими послами. Псковичи имели перед глазами пример Новгорода, и им нетрудно было представить свое будущее. Но они находились под стражей, и пришлось подчиниться силе. Московские бояре уведомили посадников, что государь намерен упразднить в Пскове вечевые порядки и ввести наместничье управление. В случае принятия этих требований власти гарантировали псковским боярам неприкосновенность их имущества. Переговоры с арестованными, видимо, носили неофициальный характер и не получили широкой огласки. Поэтому псковские летописи ничего не сообщают о капитуляции посадников. Отчет о переговорах попал лишь на страницы московской летописи.

Навязав посадникам свою волю, Василий III без промедления отправил в Псков дьяка. Псковское вече собралось в последний раз. Дьяк потребовал снять вечевой колокол, упразднить выборные должности и принять в городе двух наместников. При этом он ни словом не упомянул о гарантиях, полученных псковскими боярами в Новгороде. Вече выразило полную покорность государю. На рассвете 13 января 1510 г. вечевой колокол был сброшен на землю. Наблюдая эту сцену, псковичи «начата плаката по своей старине и по своей воли».

Прибыв в Псков, Василий III объявил боярам, купцам и житьим людям, что они должны немедленно покинуть город из-за «многих жалоб» на них со стороны псковичей. Выселению подверглось триста семей. Конфискованные у них вотчины были розданы в поместье московским служилым людям. Псковичи были изгнаны из Среднего города, где было более полутора тысяч дворов. В опустевших дворах поселилась тысяча новгородских помещиков. Цитадель, опоясанная мощной крепостной стеной, превратилась в оплот московского владычества. Псковичи

помогли Москве сокрушить Новгород. Теперь им пришлось разделить ту же долю. Цветущий город пережил трудные дни. Многие горожане разбрелись по деревням в поисках пропитания. Прошло немало времени, прежде чем скитальцы возвратились в родные места: «…начаш? кои отколе копитися во Пскове, как были разошлися».

Отношения с Крымом

Разгром крымцами сыновей Ахмат-хана изменил ситуацию на южных русских границах. С исчезновением Большой Орды союз между Россией и Крымом дал трещину. Крымское ханство пыталось распространить свое влияние на «мусульманские юрты» (ханства) Нижнего Поволжья. Польский король Сигизмунд начал войну с Россией в союзе с Крымом, Казанью и Ливонским орденом. Война была недолгой и завершилась заключением в 1508 г. «вечного мира».

Дань Орде была упразднена окончательно после «стояния на Угре». Место дани заняли «поминки», подарки крымскому хану и его сановникам. Татары явились в Европу как завоеватели, что наложило печать на их дипломатию.

Официальная переписка дает представление о дипломатии Орды и сношениях Руси с Крымом. Когда из Москвы в Крым был направлен знатный дворянин Василий Морозов, ему был дан наказ: «Если станут у него просить какой пошлины, то ему в пошлину никому ничего не давать, кроме того, что с ним послано от великого князя в поминках». Морозов строго следовал наказу. «Приехал я к воротам, — доносил он великому князю, — сошел с лошади, пошел пешком в городские ворота и вижу, что в воротах сидят все лучшие князья; они со мной карашевались по обычаю; но когда дошла очередь до Кудаяр-мурзы, то он со мною не карашевался, а сказал толмачу: „Скажи барину, что он холоп!“ Толмач мне тут не сказал, а он на толмача с ножом, и толмач мне сказал у царевых дверей. Я пошел к царю и девяти (подарки) понесли за мною; тут Кудаяр-мурза отнял у подьячего шубу беличью хребтовую; как подошел я к царевым дверям, ясаулы посохи свои бросили передо мною и стали говорить толмачу: „Давай пошлины!“ Я перешагнул через посохи. „Ничего, — говорю, — не ведаю“; а мурза Аппак мне сказал: „Не потакай, ступай прямо к царю“. Царь спрашивал великого князя о твоем здоровье, меня жаловал, и царевичи меня жаловали и карашеваться звали; я посольство правил, царь меня жаловал чашею и остаток подал, и царевичи жаловали, остатки подавали; потом царь, немного посидевши, велел мне чашу подать, а я чашу подал царю, царевичам и князьям, но когда дошел черед до Кудаяр-Мурзы, то я начал бить челом царю на него, что холопом меня назвал и шубу отнял. „Кудаяр-мурзе, — говорил я, — чашу не подам за это: холоп я твой да брата твоего, государя великого князя Василия Ивановича“. Царь начал говорить за Кудаяра. „Мы его этим пожаловали“, — говорил царь. Я на это отвечал: „В том,

государь, волен ты, вольный человек, хотя и все ему отдай“. Царь после этого меня отпустил и прислал за мною с медом, а Кудаяра, говорят, бранил и вон выслал… А царевич Ахмат-Гирей прислал ко мне дувана своего; дуван ко мне приехал, да стал браниться, говорит: „Царевич тебе приказал сказать: недодашь мне тех поминков, что мне Заболоцкий давал, и я тебя велю на цепи к себе привести“. Я ему отвечал: „Цепи твоей не боюсь, а поминков не дам, поминков у меня нет“».

Раздор между Москвой и Бахчисараем нарастал исподволь. Крымские Гиреи надеялись посадить в Казани одного из членов своей династии, чему Россия противилась.

Еще в 1515 г. из Москвы в Константинополь выехал посол Коробов. Ему поручено было заключить с султаном союз против Литвы и Крыма. Он хлопотал также об отмене зауморщин, то есть права турок забирать пожитки умерших у них русских купцов. Но Коробов получил грамоту, в которой султан давал удовлетворительный ответ только относительно зауморщин.

В 1517 г. великий князь говорил с боярами, что у него нет вестей от турецкого султана, надобно бы послать к нему посла спросить о здоровье. В Турцию отправлен был дворянин Голохвастов. Москве обещали безопасную торговлю, и только.

Отказываясь заключить союз с Василием III, турки однако же запрещали крымскому хану тревожить московские владения. Султан использовал силы Крыма сообразно собственным военным планам.

Московские доброхоты писали из Азова, что султан прислал сказать хану: «Слышал я, что хочешь идти на Московскую землю; так береги свою голову, не смей ходить на московского, потому что он мне друг великий; а пойдешь на московского, так я пойду на твою землю». Хан был в гневе, потому что завершил сборы для похода на Русь.

Услышав о смерти Селима, великий князь в 1521 г. отправил в Константинополь посла Губина поздравить нового султана Сулеймана с восшествием на престол, пожаловаться на Мухаммед-Гирея крымского, а также похлопотать о заключении союза.

Губин должен был договориться с турецким правительством насчет выбора места в придонских степях в качестве места переговоров на Дону: «справились у рязанских козаков, и те объявили, что на полдороге от Азова к московским границам находится переволока; на этой переволоке (между Доном и Волгою. — *Р.С.*) прибой людям астраханским, и тут посольским провожатым сходиться нельзя; надобно быть съезду на

Медведице, которая ближе к великого князя украйне, но всего лучше назначить съезд на Хопре». Вследствие этого показания Губин обязан был позаботиться, чтобы турки назначили съезд на Хопре или по крайней мере на Медведице. Относительно наговоров ханских Губину следовало говорить в Константинополе: «В Москве идет слух, что Магмет-Гирей писал к султану, будто Казанская земля — юрт крымский, будто государь наш велел там мечети разорить и свои христианские церкви поставить и колокола повесить; но как прежде крымцы неправыми своими умышлениями вставляли неправые слова, так и теперь не отстают от лживых слов». Губин должен был рассказать по порядку казанские дела и уверить, что мечетей не разрушают. Между тем московские приятели, норовники, продолжали извещать великого князя о наговорах ханских: по их известиям, хан дал знать султану, что Василий, как союзник персидского шаха, послал ему оружие, 30 000 пищалей.

Когда султан опять послал в Крым запрещение воевать с Москвою, то хан отвечал ему: «Не велишь мне идти ни на московского, ни на волошского, так чем же мне быть сыту и одету? А московский князь стоит на тебя заодно с Кизылбашем (персидским ханом)».

Губин привез с собой турецкого посла Скиндера, князя манкупского, который объявил, что если великий князь хочет быть с султаном в дружбе и братстве, то прислал бы к нему доброго человека для заключения крепкой дружбы и братства.

Вслед затем отправлен был в Турцию Иван Семенович Морозов; но и этот добрый человек не успел в своем поручении, не привез союзной грамоты от султана, не привез и доброго человека для заключения этого союза в Москве, но доставил некоторые любопытные известия, например: приходил к нему Андриан Грек от казначея султанова Аббисалома и говорил: «Велел тебе Аббисалом говорить: наша пошлинка есть, и ты б, господин, нас не забыл, а прежние послы нам пошлину давали, так и ты бы, господин, нас не покинул. Следует тебе оказать честь Аббисалому, потому что он у султана ближний человек и дела государские большие на нем лежат; а не почтишь его, так и дел не сделаться». Посол отвечал: «Я от своего государя послан не пошлины устанавливать: делают государские дела приказные люди не для посулов; будет нам Аббисаломова дружба и раденье, то мы против них за себя це стоим, а для государского дела мне незачем посулы давать». Андриан отвечал: «Аббисалом говорит: если меня посол почтит, то я ему от султана выберу поминки добрые, а не почтит, так я ему выберу поминки худые». Посол говорил: «Я прислан для государского дела, а не для поминков и

за поминки посулов не дам». После Андриана пришел пристав и сказал: «Велел тебе султан говорить: Аббисалом у меня человек ближний, дьяк, казначей и зять, так ты для меня его почти, пошли ему что-нибудь». Посол отвечал: «Если государь говорит, то мы для государя пошлем, что у нас случится» — и послал казначею горностаевую шубу.

Монголы брали дань по праву завоевателей. Крымские притязания напоминали обыкновенное вымогательство.

Русь и Крым стояли на пороге новых столкновений.

Посол Скиндер, вновь посетивший Москву, объявил, что Саип-Гирей казанский заложился за султана, и потому Казань — юрт султанов. Ему отвечали, что Казань изначала юрт московский. Поехал Скиндер назад, на Путивль, на Крым; просился Доном, но великий князь его не пустил: прозябло слово от Скиндеровых людей и со стороны, что Скиндер послан высмотреть удобное место на Дону для построения турецкой крепости. Скиндер приезжал в третий раз в Москву для торговых дел, несмотря на то что показывал явную вражду и грозился поссорить султана с великим князем. По смерти его, случившейся в Москве, между бумагами его нашли приготовленные донесения султану. Поэтому когда пришел в Москву пленный из Азова и объявил о победе венгерского короля над турками, то великий князь очень обрадовался и велел звонить в колокола.

В сношениях со Скиндером обвинялся Максим Грек.

Михаил Глинский

Яркой фигурой среди авантюристов был литовский магнат князь Михаил Глинский. Он родился в семье православного магната, много лет провел в Италии, где принял католичество. Отличился на службе у саксонского курфюрста, громил татар, стяжал славу искусного воеводы.

Сделал карьеру при дворе великого князя Александра, от которого получил титул «маршалка дворского», начальника придворной гвардии. Глинские владели едва не половиной Великого княжества Литовского. Со смертью Александра они лишились прежнего влияния.

Король Сигизмунд, занявший трон после Александра, отнял у князя Михаила чин маршалка и свел с Киевского воеводства его брата Ивана.

Глинские не хотели смириться со своим поражением. Князь Михаил составил заговор, целью которого было свержение короля Сигизмунда.

Знать не поддержала заговора. Пан Ян Заберзинский, маршалок земский, заклеймил князя Михаила как изменника. Тогда князь Михаил напал на замок Заберзинского и захватил его. Турок, слуга Михаила, отсек пленнику голову. После этого Глинские устроили факельное шествие по владениям убитого, видимо, желая устрашить его подданных. Голова прежнего хозяина была утоплена в пруду.

Глинские рассчитывали поднять против Сигизмунда русское население великого княжества. Они вели переговоры с Крымом, Стефаном, господарем Волошским, Москвой.

Узнав о мятеже, Василий III спешно отправил в Литву для переговоров дьяка Н. Моклокова с предложением Глинским перейти на русскую службу. Глинские ответили согласием и Двинулись из Турова в глубь Литвы. В это время к мятежникам явился посол от Менгли-Гирея с предложением перейти на службу в Орду.

Вскоре Моклоков сообщил о том, что Москва направила на помощь Глинским войско Василия Шемячича. Москва обещала закрепить за Глинскими все города, которые они сумеют отвоевать у Сигизмунда. В мае 1508 г. Глинские присягнули на верность Василию III.

Позднее к князю Михаилу Глинскому прибыл посол Василия III И. Ю. Шигона, а также посол от господаря Волошского Стефана «о дружбе и о суседстве».

10 марта из Москвы к Смоленску выступило войско Якова Захарьина. К Полоцку было послано новгородское войско князя Даниила Васильевича Щени и Григория Захарьича. Под Оршей оба войска соединились.

Глинский пытался захватить Минск. Под этим городом он оставался две недели, «и к городу приступали и ис пушак били, а землю воевали мало не до Вильны». Но захватить Минск не удалось.

Мятежники не получили помощи от Менгли-Гирея. Василий III направил к ногайцам посольство для заключения союза против Крыма.

Между тем король направил к Орше крупные силы. В июле русские полки отступили к Вязьме.

Михаил Глинский отправился в Москву, а оттуда в Литву. Убедившись, что мятеж Глинских не имел успеха, Василий III отказался от мысли о продолжении войны с Литвой.

Осенью 1508 г. литовские послы подписали «вечный мир» с Россией. Литва признала переход к России северских земель, занятых русскими в ходе войн конца XV — начала XVI в.

Присоединение Смоленска

Страна жила своей обычной жизнью. На ее население периодически обрушивались бедствия. В 1510 г. была «падодь великая». Зимой «мор бысть на Москве и по всей земле». Зимой 1511–1512 гг. из-за неурожая «многие люди с голоду мерли».

Василий III старался сохранить мир с Крымом. Но татары намеревались разорить приграничные земли Литвы и России. Хан с Ордой готовился ко вторжению в Литву, пятеро его сыновей двигались к московским границам.

План набега не был осуществлен. В апреле 1512 г. литовцы и поляки разгромили хана в битве под Вишневцами.

Русско-литовские отношения обострились после того, как в Москве узнали о смерти королевны Елены.

Родная сестра Василия III Елена была выдана замуж за великого князя Литовского Александра. Брак не оправдал ожиданий. После кончины королевны Елены в Литве стали толковать о ее отравлении.

Московские власти составили подробную историю гибели Елены. В их отчете значилось, что паны — воевода виленский, Николай Радзивилл, Григорий Остиков, Клочко, тиун виленский Бутрим и казначей земский Аврам — умыслили над королевою такое дело, каких в христианских государствах не бывает: послали к ней королевского человека, волынца Гитовта, потом вызвали его к себе в Вильну, дали ему зелье и отпустили опять к королеве, написавши ее слугам — Димитрию Феодорову и ключнику Димитрию Иванову, чтоб верили во всем Гитовту и дело панское делали бы так, как он их научит. И вот эти трое злодеев — Гитовт, Димитрий Феодоров и Димитрий Иванов, приготовивши лихое зелье, дали королеве испить в меду, и в тот же день ее не стало. С вестью об этом поскакал в Вильну к панам Димитрий Иванов и получил в награду имение.

Виленский воевода Николай Радзивилл обвинял Елену в том, что она готовилась бежать в Москву, а «наперед себя казну посылает».

Князь Глинский подал записку Василию III: «Запись, что дал князь Михайло Глинский во королеве и великой княгине Олене, как ей зелье дал Сопегин человек». Смерть Елены ускорила войну.

На западных границах Руси яблоком раздора оставался Смоленск, захваченный Литвой в начале XV в. Из Смоленска открывалась кратчайшая дорога на Москву. Смоленское княжество было последней землей, населенной великоросами, не

включенной в состав Московии.

Обстановка, казалось бы, благоприятствовала осуществлению планов Василия III. Польский король Сигизмунд рассчитывал подтолкнуть к войне с Россией рыцарский орден. Но ему это не удалось.

Император Священной Римской империи Максимилиан прислал в Москву из Любека морем «отряд пехоты, орудия и несколько итальянцев, опытных в осаде крепостей».

В самом конце лета 1512 г. к Смоленску были направлены воеводы князь И. М. Репнин и И. А. Челяднин. Им поручено было сжечь смоленские посады и, соединившись с воеводой князем В. С. Одоевским, окружить Смоленск. Отряды Репнина должны были подкрепить новгородская рать и тысяча псковских пищальников.

19 декабря к Смоленску направились главные силы во главе с Василием III, его братом Дмитрием, воеводами Д. В. Щеней, князем А. В. Ростовским. По пути к войску присоединился брат Василия Юрий.

Смоленск располагал первоклассной крепостью. Город обнесен был дубовым кремлем, к тому же имел «твердость стремнинами гор и холмов высоких затворенно и стенами велми укреплен». Сигизмунд заметил, что Смоленская крепость, расположенная у Днепра, «мощна… благодаря самой реке, болотам, а также благодаря человеческому искусству, благодаря бойницам из дубовых брусьев, уложенных срубом в виде четырехугольников, набитых глиной изнутри и снаружи; окружена она рвом и столь высоким валом, что едва видны верхушки зданий, а самые укрепления не могут быть разбиты ни выстрелами из орудий, ни таранами, да и не подрыться под них, ни разрушить или сжечь при помощи мин, огня или серы».

После обстрела русские предприняли штурм. Главные надежды возлагали на пехоту — псковских пищальников. Государь прислал им три бочки пива и три бочки меда.

Приступ не удался. Русские понесли большие потери.

Вскоре наступила оттепель. Кончился «корм конский».

Войска получили приказ об отступлении.

В начале марта Василий III вернулся в столицу. Тогда же было принято решение о новом походе.

Русские привыкли воевать в летнее время. Но начать летнее наступление в срок не удалось из-за угрозы крымского вторжения.

В 1513 г. в Москве была получена весть о готовившемся нападении Крымской Орды. Крымцы готовились нанести удар с

тыла войскам, шедшим к Смоленску. Москва сосредоточила крупные силы на южной границе, что вынудило татар отказаться от вторжения.

Военные приготовления на границе произвели впечатление на хана Девлет-Гирея, и он послал к Василию III гонца с предложением быть «заодин на его недруга короля Польского».

В Москву прибыл имперский посол Шнитцепауер. Целью его миссии было создание антипольской коалиции в составе империи, России, Тевтонского ордена, Саксонии, Дании и Валахии. Василий III обсуждал с ним проекты раздела Польши и Литвы. Переговоры завершились подписанием союзного договора. В его тексте Василий III фигурировал с титулом «царь». На Руси этот титул был равнозначен титулу «император».

В феврале 1514 г. началась подготовка к новому походу на Смоленск, 8 июня к Смоленску выступил Василий III с братьями Юрием и Семеном. По польским данным, с князем было До восьмидесяти тысяч ратников. Но эта цифра недостоверна.

К Смоленску был доставлен «большой наряд» — тяжелая артиллерия.

29 июля началась бомбардировка крепости. Обстрелом руководил пушкарь Стефан.

В «Повести о смоленском взятии» нарисована яркая картина: «…яко от пушечного и пищалного стуку и людского кричания и вопля, такоже и от градских людей супротивнаго бою пушек и пищалей земле колебатися и друг друга не видети, ни слышати, и весь град в пламени и курении дыма мнешеся воздыматися, и страх велик нападе на гражданы».

Описание соответствовало канонам древнерусской воинской повести. Но соответствовало ли оно истине?

Смоленский воевода Соллогуб вернулся в Литву и лишился головы как изменник, сдавший крепость «без единого выстрела».

Король Сигизмунд писал своему брату в самый день сдачи крепости, что смоленская крепость «благодаря гнусной измене кое-кого из наемных войск и местной знати открыла свои ворота и передалась врагу».

По-видимому, обстрел крепости был недолгим. Он начался 29 июля, а уже 30 июля крепость сдалась. Под Смоленском отличился пушкарь Стефан. Первым выстрелом он, если верить «Повести…», попал в заряженную «большую пушку», которая взорвалась. После третьего выстрела Соллогуб и горожане запросили перемирие на один день. Василий III отказал им.

Между тем православное духовенство старалось остановить военные действия. Из ворот крепости вышел владыка Варсонофий и стал бить челом о перемирии до следующего дня.

В последующих переговорах участвовал смоленский боярин Михаил Пивов, а также делегация «мещан и черных людей». С русской стороны переговоры вел любимец великого князя сын боярский Иван Шигона-Поджогин.

30 июля город выкинул белый флаг. Из крепости вышли вместе с владыкой воевода Соллогуб, паны и духовенство с крестами и иконами. Они явились в шатер великого князя.

Переговоры не потребовали много времени, так как в предыдущем походе Василий III посылал смольнянам «грамоты многие о добре и зле, чтобы они задалися за великого князя».

Московский князь был щедр на обещания, но когда Соллогуб и власти города явились в лагерь Василия III, их тотчас арестовали и посадили «за сторожи».

В город вошли ратные люди и дьяки, которым велено было переписать население. Жители Смоленска были переписаны и приведены к присяге, солдаты вознаграждены и отпущены.

Василий III пообещал Глинскому, по одним сведениям, княжество в Литве, по другим — Смоленск. Особые надежды князь Михаил возлагал на наемный отряд, командиров которого Глинский знал по королевской службе. Им были предложены почетные условия сдачи.

К Василию III явился смоленский боярин М. Пивов с делегацией, включавшей смоленских бояр, мещан и черных людей. Заблаговременно 10 июля самодержец утвердил текст жалованной грамоты Смоленску. Депутация Смоленска ознакомилась с грамотой и заявила о переходе в московское подданство. Жалованная грамота 1514 г. закрепила за смоленскими боярами их вотчины и привилегии. Смоленские мещане традиционно платили в литовскую казну налог в сто рублей. Грамота гарантировала отмену этого побора.

Всем пленникам разрешено было вернуться в Литву (в этом случае они получали по рублю на человека) или поступить на службу к великому князю (им обещали по два рубля и сукно).

Наместником Смоленска был назначен князь Василий Васильевич Шуйский.

Из Литвы к Смоленску двигались королевские войска, и Василий III, недолго пробыв в завоеванной крепости, отступил в Дорогобуж.

Ранее московский государь обязался передать Смоленск в вотчину Глинскому, но не выполнил обещания. Тогда Глинский затеял секретные переговоры с королем и посулил ему вернуть город. Слуга князя отправился к королю и запросил охранную

грамоту для своего господина. По совету Глинского Сигизмунд направил гетмана К. Острожского с главными силами к Орше. Сам Глинский готовился перейти в королевский лагерь для участия в литовском походе на Смоленск.

В битве под Оршей двое знатных московских воевод — князь Михаил Голица и конюший боярин Иван Андреевич Челяднин — действовали каждый по своему усмотрению и не помогали друг другу. В результате русские понесли большие потери и проиграли сражение.

Успех Острожского ободрил противников Москвы в Смоленске. Местный епископ уведомил литовцев, что откроет им ворота крепости, как только они предпримут штурм. Однако заговор не удался. Первым был арестован Глинский, которому так и не удалось добраться до Орши. Затем были взяты под стражу епископ и другие лица.

Участники заговора — смоленские бояре — были повешены на стенах крепости. Подарки, полученные ими от московского князя, украшали виселицы. «Которому князь великий дал шубу соболью с камкою или з бархатом, того и в шубе повесил; а которому князю или пану дал ковш серебряной или чарку серебряну, и он, ему на шею связав, да и того повесил».

Имея шесть тысяч воинов, Острожский не решился штурмовать Смоленск. «Смута» в Смоленске привела к тому, что жалованная грамота утратила силу. Всякие упоминания о ней были старательно вычеркнуты из московских документов и летописей. Многие смоленские бояре и шляхтичи, вовсе не причастные к заговору, лишились вотчин и были переселены в замосковные уезды, где получили поместья.

Глинский попытался бежать в Литву, но был схвачен и посажен в тюрьму.

Король поспешил уведомить европейские дворы о том, что в битве под Оршей московиты потеряли тридцать тысяч воинов, из чего следовало, что он выиграл войну с Москвой. Но цифра потерь была преувеличена, а войну выиграл тот, кто удержал Смоленск.

Нападение татар на Москву

После смерти Менгли-Гирея, давнего союзника Ивана III, на крымском троне утвердился Мухаммед-Гирей. Татары не забыли о тех временах, когда пограничные земли Южной Руси платили дань одновременно Орде и Литве, и старались использовать этот факт в переговорах с Россией. Мухаммед-Гирей пенял Василию III, что тот нарушил договор, не уведомив Крым о своем походе под Смоленск: «Ты нашему другу королю недружбу учинил: город, который мы ему пожаловали (Смоленск), ты взял от нас тайком; этот город Смоленск к литовскому юрту отец наш пожаловал, а другие города, которые к нам тянут, — Брянск, Стародуб, Почеп, Новгород Северский, Рыльск, Путивль, Карачев, Радогощ — отец наш, великий царь, твоему отцу дал. Если хочешь быть с нами в дружбе и в братстве, то ты эти города отдай нам назад, потому что мы их королю дали… Если хочешь быть с нами в дружбе и в братстве, то помоги нам казною, пришли нам казны побольше».

Заявления такого рода должны были подготовить почву для требования дани. Кроме денежной казны, хан желал получить кречетов и разные дорогие вещи.

В обращении к великому князю Московскому Крым соблюдал дипломатический этикет: «Брату моему поклон» или «Много, много поклон». Но обращение к великому князю Рязанскому было иным: «Великия Орды великого царя Махмет-Гиреево царево слово другу моему и становитину, рязанскому Ивану, князю, ведомо было… Мы, великий царь и государь твой».

Московский доброхот Аппак-мурза уведомил великого князя: «У тебя хан просит восемь городов, и если ты ему их отдашь, то другом будешь, а не отдашь, то тебе другом ему не бывать; разве пришлешь ему столько казны, сколько король присылает, тогда он тебе города эти уступит. А с королем им друзьями как не быть? И летом, и зимою казна от короля, как река, беспрестанно так и течет, и малому и великому — всем уноровил». Послу великокняжескому Мамонову Аппак советовал: «Ты приехал нынче между великим князем и царем дело делать, так делай дело умеючи; чего у тебя царь ни попросит, ты ни за что не стой, тешь его. А не захочешь царю дать добром, так тебе без дела назад ехать; ведь царь у тебя силою возьмет все, что захочет; так ты бы царю не стоял ни за что, чего у тебя ни попросит добром, а позора бы тебе не дожидаться». Угроза была исполнена.

Аппак был недоволен подарками Василия III и ставил ему в пример щедрость польского короля. «Абдыр-Рахмановою службою

литовский царю нашему посылает пятнадцать тысяч золотых, кроме платья, сукон и запросов; а царицам, царевичам, сеитам, уланам, князьям, мурзам особенно король посылает, всем довольно; никто на короля царю за поминки не жалуется; Абдыр-Рахману же от короля идет две тысячи золотых, кроме платья и сукон; на людей Абдыр-Рахману еще казну, которую Абдыр-Рахман раздает от себя царевичам, уланам, князьям и мурзам добрым для королевского дела. Так королевскому делу как не делаться? А ко мне сколько раз король приказывал: отстань от московского, служи мне и приказывай, чего от меня хочешь: все тебе дам. Но у всякого человека слов много, а душа одна; ты, король, познакомился с Абдыр-Рахманом и живи с ним».

Хан писал: «Ты многим людям не прислал подарков, и нам много от них докуки было, да и посол твой много докуки видел; и вот я, для того чтоб между нами дружбы и братство прибывало, неволею взял у твоего посла, да и роздал моим людям — иному шубу, другому однорядку». Хан приложил список людей, которым великий князь должен был вперед посылать поминки.

В Москве закрыли глаза на заявления и действия Бахчисарая. В грамоте хану Василий не упоминал об оскорблениях, нанесенных послу, и требовал одного — шертной грамоты. Посол Мамонов обратился с тем же запросом к сыну Мухаммед-Гирея, царевичу Богатырю; тот заявил: «Кто меня больше почтит, король или великий князь, о том я и буду больше хлопотать». Мамонов пытался повлиять на хана через его брата Ахмат-Гирея. Брат отвечал: «Видишь сам, какой царь мой брат; когда был отец наш царем, то мы его слушались; а нынче брат наш царем, сын у него царь же, князья у него цари же, водят им, куда хотят». Посол навестил старшую ханшу; та отвечала: «Великокняжеские и королевы поминки хан пропивает с своими любимыми женами».

Богатырь-царевич обещал хлопотать о том, кто его больше почтит; король, как видно, почтил его больше, и Богатырь в 1516 г. опустошил рязанскую украйну. Когда посол пожаловался Аппаку, тот отвечал: «Все это делается великому князю самому от себя: говорил я, чтоб великий князь столько же присылал, сколько король присылает». А сам хан писал в Москву: «Что сын мой Богатырь без моего ведома на Рязань ходил, то князь бы Василий лихим людям не потакал, кто станет говорить, чтоб ему за то со мною раздружиться». Хан объявил о готовности идти на Литву, но требовал, чтоб великий князь помог ему взять Астрахань: «Как возьмем Астрахань, то в ней великого же князя людям сидеть, тысячах в трех или четырех, с пушками и пищалями; рыба, соль — все это пойдет брату же моему, великому князю, а моя только бы слава была, что город мой. А что наши люди Мещеру воевали,

то я не ручаюсь, что вперед этого не будет, хотя я с братом своим, великим князем, буду в дружбе и братстве; людей своих мне не унять; пришли на меня всею землею, говорят, что не будут меня в этом слушаться; а Ширины мимо меня вздумали воевать Мещеру, потому что нынче на Мещере наш недруг, а из старины этот юрт наш. Нынче брат мой, князь великий, не просит у меня на Мещеру брата или сына? Когда наш род был на Мещере, то смел ли кто из наших смотреть на нее?»

Невзирая на щедрые подарки, крымцы возобновили вторжения в литовские земли. В 1519 г. Крымская Орда нанесла поражение гетману К. Острожскому. Но уже через год Крым и Польша договорились о совместном военном выступлении против России.

В течение трех лет казанский трон занимал Шигалей. Весной 1521 г. местная знать свергла его, передав трон крымским Гиреям. Московский воевода был ограблен и выслан из Казани, многие из его слуг перебиты. Переворот в Казани ускорил последующие события. Мухаммед-Гирей не получил помощи от турок. Но в набеге крымских татар на Русь принял участие опытный литовский воевода с отрядом.

Летом 1521 г. хан обошел русские полки, собранные на Оке в Серпухове, и прорвался в окрестности Москвы.

Нашествие застигло Василия III врасплох. Поручив оборону Москвы зятю, татарскому царевичу Петру, великий князь бежал в Волоколамск. В пути, как писал австрийский посланник, ему пришлось прятаться в стоге сена. Дожидаясь подхода войск из Новгорода и Пскова, великий князь приказал начать переговоры с крымским ханом. Казначей Ю. Д. Траханиотов, находившийся с сокровищницей в столице, отправил крымскому хану богатые подарки. Приняв дары, Мухаммед-Гирей обещал снять осаду и уйти в Орду, «если Василий грамотой обяжется быть вечным данником царя (крымского хана. — *Р.С.*), какими были его отец и предки». Крымцы стояли под Москвой две недели, и за это время требуемая грамота была доставлена «царю». Достоверность приведенного известия С. Герберштейна не вызывает сомнений. В русских Разрядных записях отмечено, что при нападении татар на Москву «взял тогды царь крымской на великаго князя грамоту данную, как де великому князю дань и выход давать ему».

По предположению Г. Вернадского, грамоту о подданстве составил не Василий III, а наместник Москвы царевич Петр. Московские государи не скрепляли подписью свои указы и грамоты. Заменой подписи служила государственная печать, хранителем которой являлся казначей Ю. Траханиотов. Царевич и казначей могли изготовить грамоту в отсутствие государя. Но без

ведома и разрешения Василия III, находящегося неподалеку от Москвы, они едва ли решились бы предпринять такой шаг. Уступчивость Василия III объяснялась тем, что обстановка в Подмосковье все более осложнялась. Воеводы, стоявшие в Серпухове, препирались между собой, вместо того чтобы действовать. Молодой и менее опытный воевода князь Д. Ф. Бельский отказывался слушать советы старших воевод И. М. Воротынского и других. Василий III направил под Москву брата князя Андрея с удельными полками. Но татары помешали русским объединить свои силы. Получив требуемую грамоту от Василия III, Мухаммед-Гирей отошел к Рязани. Во время остановки под Рязанью татары в течение нескольких недель вели торг с русскими. Бояре и состоятельные люди могли выкупить из плена своих близких. Мухаммед-Гирей сообщил рязанскому воеводе о грамоте, выданной ему Василием III, и потребовал, чтобы тот снабдил его войска продовольствием за счет запасов, хранившихся в крепости. Воевода попросил предъявить ему государеву грамоту. Как только документ был доставлен в крепость, рязанцы пушечным огнем отогнали татар от стен города. Вслед за тем крымцы 12 августа 1521 г. ушли в степи.

Василий III признал себя данником Крыма, что означало восстановление власти Орды над Русью. Но новое ордынское иго продержалось несколько недель. Хан Мухаммед-Гирей был убит ногайцами. Его преемник потребовал от Москвы уплаты «выхода» в сумме примерно тысяча восемьсот рублей. Однако его домогательства были решительно отклонены русскими.

Василий III постарался снять с себя ответственность за поражение и переложить вину на бояр. Он примерно наказал воеводу И. М. Воротынского, заключив его в тюрьму.

«Общественный договор»

Основные принципы внутренней политики Василия III сложились еще в то время, когда он получил от отца в управление Новгород Великий. Борьба за трон вступила в решающую фазу, и все помыслы князя сосредоточились на том, чтобы упрочить свою военную опору — новгородское поместное ополчение. Для этого он постарался расширить фонд государственной земельной собственности, образовавшийся в Новгороде. К концу XV в. поместья в Новгороде получили девятьсот шестьдесят четыре сына боярских. В начале XVI в. в новгородском ополчении служила уже тысяча четыреста детей боярских.

Формирование зависимого от трона дворянского военно-служилого сословия оказало глубокое влияние на развитие Российского государства в целом. Русь все больше отдалялась от Запада.

Завоевание Новгорода Москвой уничтожило элемент «общественного договора», определявший взаимоотношения между Новгородской республикой и князьями, заключавшими «ряд» с новгородцами. Верх взяла московская политическая культура. Но не следует думать, что эта последняя была аналогична культуре восточных деспотий, опиравшейся на принцип подчинения общества государству.

Полагают, что московские порядки не включали элемент общественного договора, так как в России монарх подчинил дворян обязательной службой (Р. Крами). Вновь установленные факты опровергают такой вывод. Московские самодержцы не обладали достаточной властью, чтобы насильно навязать знати и дворянству принцип обязательной службы с земли. Подобно западным суверенам и они не могли обойтись без «общественного договора». Почвой для договора послужила насильственная и быстрая перестройка системы земельной собственности, принесшая огромные выгоды московскому дворянству. Веками на Руси господствовала вотчина, обеспечивавшая старому боярству известную независимость по отношению к государю. Экспроприация новгородского боярства изменила всю ситуацию. Новгород и Псков по территории не уступали бывшему Московскому княжеству. Поэтому превращение конфискованных тут боярских вотчин в собственность государства и появление поместий сразу обеспечило государственной собственности ведущее место в системе землевладения. В XVI в. фонд поместных земель продолжал стремительно расти. В итоге казна смогла наделить государственной собственностью не отдельных лиц, не

отдельные группы, а все сословие московских служилых людей. Фонд конфискованных земель был столь велик, а численность московских дворян столь ограничена, что власти давали поместья даже военно-служилым холопам из распущенных боярских свит. При обилии земель сложился порядок, при котором казна стала наделять поместьями детей и внуков дворян, едва они достигали совершеннолетия и поступали на службу. Превратившись в традицию, такой порядок не получил законодательного оформления, что было характерно для Московского царства и его юриспруденции. Суть «общественного договора» состояла в том, что казна взяла на себя обязательство обеспечить дворян необходимой для службы землей. В свою очередь, дворяне согласились на обязательную службу.

Раздача поместий не привела к уравниванию аристократии и рядового дворянства. Знать получила в дополнение к вотчинам крупные поместья, во много раз превышавшие владения уездных детей боярских, для которых поместье нередко оставалось единственным источником доходов.

Необходимым условием распространения поместной системы на центральные уезды Московского государства было создание там крупного фонда государственных земель. Казна пополняла этот фонд за счет «черных» волостей, светских вотчин и прочее. Иван III и Василий III издали «уложения» (закон или практические распоряжения) о том, чтобы вотчинники Твери, Рязани, Оболенска, Белоозера не продавали свои вотчины «иногородним» и «в монастыри без докладу (особого разрешения монарха. — *Р.С.*) не давали». Членам трех крупнейших княжеских домов — Суздальского, Ярославского и Стародубского — запрещалось продавать наследственные вотчины кому бы то ни было «без великого князя ведома». Приобрести княжескую вотчину могли только прямые наследники умершего князя. Полагают, что «уложения» Ивана III и его сына были направлены «на консервацию пережитков удельной старины» (В. Кобрин). Но с этим трудно согласиться. Запрет землевладельцам продавать вотчины «без доклада» и ограничение круга покупателей вотчин ставили сделки на землю под контроль монарха. Любое нарушение процедуры «доклада» государю вело к отчуждению вотчины в казну. В центральных уездах государство обошлось без массовых конфискаций боярских вотчин, но вторжение власти в сферу частной (вотчинной) собственности началось. Казна задалась целью утвердить свое исключительное право на наследие удельной старины — богатейшие княжеские и боярские вотчины.

Суздальская аристократия утратила свои княжеские

престолы. К XVI в. эта знать не составляла особой, цельной корпорации. Само понятие «корпорация» едва ли применимо к русским порядкам. Но и при Василии III знать сохраняла воспоминания о былом княжеском достоинстве. Чтили своих родичей и местных святых.

Герберштейн писал о князьях Ярославских: «Их область, подобно Ростову, составляла собственность вторых сыновей государей, но их покорил силою то же монарх. Впрочем, и доселе еще остаются вожди области, которых они называют князьями, титул, однако, государь присвоял себе, предоставив страну князьям как подданным. Владеют же этою страною три князя, потомки вторых сыновей; русские называют их ярославскими. Первый, Василий, — тот, который водил нас из гостиницы к государю и отводил обратно. Другой — Симеон Федорович, от своей отчины Курбы носящий прозвище Курбского, человек старый, сильно истощенный воздержанностью и самой строгою жизнью, которую он вел с молодых лет. Именно он в течение многих лет воздерживался от употребления в пищу мяса, рыбой же он питался только по воскресеньям, вторникам и субботам, а по понедельникам, средам и пятницам, во время поста, он воздерживался от нее. Великий князь посылал его некогда в качестве главного вождя с войском через Пермию в Югру для покорения отдаленных племен. Значительную часть этого пути Курбский совершил пешком по причине глубокого снега, а когда он растаял, остальную часть пути князь проплыл на судах и переходил через гору Печору. Последний — Иван, по прозвищу Посечень, который от имени своего государя был послом у цесаря Карла в Испаниях и вернулся с нами. Он был до такой степени беден, что взял взаймы (как мы наверно знаем) на дорогу платья и колпак (это — покрышка головы)».

Посол Герберштейн дал резко отрицательную оценку московским порядкам: «Всех одинаково гнетет Василий III жестоким рабством, так что ежели он прикажет кому-нибудь быть при его дворе или идти на войну, или править какое-нибудь посольство, тот вынужден исполнять все это на свой счет.

Властью, которую он применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов всего мира. И он докончил также то, что начал его отец, а именно: отнял у всех князей и других властелинов все их города и укрепления».

Приведенная оценка Герберштейна оказала влияние на всю историографическую традицию. Но она тенденциозна. Надо иметь в виду, что дипломатическая миссия Герберштейна в Москве кончилась провалом, это повлияло на оценки посла.

В отличие от отца Василий III старался не ссориться с высшей

знатью и никого не казнил. До опричнины же сына великого князя было еще далеко.

Крепостями в России владели удельные князья. Число уделов резко сократилось при Иване III, а не при Василии III.

Последний по завещанию образовал полдюжины новых княжеств и передал их детям. Он закрепил за братом Юрием крупное удельное княжество.

Завоевав Новгород, Иван III сначала разделил конфискованные там боярщины между московской знатью и дворянами. Но затем свел их в Москву. Изъятие новгородских поместий у их новых владельцев вызвало негодование московской знати. Василию III пришлось исправлять ситуацию. Он использовал новгородский опыт и стал наделять московских дворян и бояр поместьями в пределах Московской земли. Так как У властей не было достаточного фонда земель, испомещение растянулось на многие годы. Боярство трансформировалось в служилое поместное дворянство.

Утверждение С. Герберштейна насчет всевластия московского государя было преувеличением. Следуя традиции, московский государь пополнял свою думу представителями самых аристократических фамилий. Но права удельной и прочей аристократии неуклонно ограничивались. Право отъезда, опиравшееся на многовековую традицию, было окончательно уничтожено не законодательным актом, а практикой государевых опал и крестоцеловальных записей. Князья, заподозренные в намерении покинуть Россию, под клятвой обещали верно служить государю и выставляли многочисленных поручителей.

Брак Василия III

Узурпировав власть вопреки воле Боярской думы, Василий III на всю жизнь сохранил недоверие к могущественной московской аристократии. Он не проявлял снисхождения даже к родне, заподозренной в измене или недостаточно покорной. При Иване III Данила Холмский, происходивший из удельных тверских князей, стяжал славу победителя Ахмат-хана. Его сын Василий Холмский женился в 1500 г. на сестре Василия III, которая, однако, вскоре умерла. По родству с великокняжеской семьей и заслугам отца князь Василий мог претендовать на высший пост в думе. Однако родство со свергнутой тверской ветвью династии внушало подозрение самодержцу. В 1508 г. В. Холмский был арестован и сослан на Белоозеро, где вскоре умер.

Василий III питал доверие к младшему из братьев Андрею. С ним он совершил псковский поход. Старшие братья Юрий, Дмитрий и Семен получили приказ оставаться в своих уделах и таким образом лишились повода требовать участия в разделе завоеванной земли. Брат Семен в 1511 г. готовился бежать в Литву, и лишь заступничество митрополита спасло его от опалы и тюрьмы.

Иван III надеялся завязать родство с датским королевским домом. Предполагалось женить наследника Василия на датской принцессе Елизавете. Хлопоты не принесли успеха.

Православные царства на Балканах были уничтожены турецким завоеванием, а брак с иноверкой считался нежелательным. В конце концов греки из окружения Софьи подсказали княжичу выход, сославшись на примеры из истории византийского императорского дома. Они посоветовали провести перепись невест по всему государству и на смотринах избрать невесту для наследника и соправителя Ивана III. Ходили слухи, что советник Василия Ю. Д. Траханиотов надеялся сосватать ему свою дочь. Брак с нею окончательно превратил бы московскую династию в «греческую», что едва ли прибавило ей популярность. Вопрос о браке решался в то время, когда Иван III был разбит параличом, а сторонники Дмитрия Внука не оставляли намерения вернуть ему московскую корону.

Летом 1505 г. писцы «нача избирати княжны и боярыни». Для участия в смотринах в Москву свезли пятьсот девиц. Василий III остановил свой выбор на Соломонии Сабуровой. Сабуровы были известны Василию благодаря службе в его новгородском уделе. Отец невесты Ю. К. Сабуров служил наместником Корелы,

входившей в состав новгородского удела Василия III. Растеряв наследственные вотчины, Сабуровы целым гнездом перешли на поместья в Новгород. Родня невесты не принадлежала к аристократии, а потому и не могла претендовать на боярский титул. По некоторым сведениям, отец Соломонии носил чин окольничего.

Посол Сигизмунд Герберштейн сообщил некоторые подробности о браке князя: «Василий… взял себе в жены дочь своего отменно верного и разумного советника, Георгия Сабурова, Соломонию; выдающиеся качества этой женщины омрачаются лишь ее бесплодием. Задумав жениться, Московитские Государи, по обычаю, делают выбор из всех молодых девушек в целом царстве и велят привезти к себе всех, особенно отличающихся своею наружностью и душевными качествами. Потом они приказывают сведущим людям и надежным женщинам осмотреть их с такой тщательностью, что им дозволяется ощупать и исследовать даже более сокровенное. А затем уже, после долгого и мучительного ожидания родителей, достойной брака с царем признается та из них, которая придется по душе Государю».

Брак оказался неудачным, так как у супругов не было детей. По праву старшинства трон после смерти бездетного Василия должен был занять его дядя удельный князь Юрий. Притязания Юрия вызывали растущее беспокойство в великокняжеской семье. Впервые Василий III стал «думать» с боярами о своем разводе с бесплодной женой. Однажды, рассказывает летописец, князь великий, будучи за городом, разрыдался при виде птичьего гнезда. «Горе мне! — говорил он. — На кого я похож? И на птиц небесных не похож, потому что и они плодовиты; и на зверей земных не похож, потому что и они плодовиты; и на воды не похож, потому что и воды плодовиты; волны их утешают, рыбы их веселят». Взглянувши на землю, сказал: «Господи! Не похож я и на землю, потому что и земля приносит плоды свои во всякое время, и благословляют они тебя, Господи!»

Не совсем ясно, кто сочинил эти проникновенные речи, государь или книжники. Скорее всего книжники. Цель очевидна: внушить обществу сочувствие бездетному государю и оправдать заточение его жены в монастырь.

Вскоре Василий III начал «думать» с боярами, «с плачем говорил им: „Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям отдать? Но они и своих уделов устроить не умеют“».

Бояре будто бы отвечали: «Государь князь великий! Неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда».

Развод противоречил московским традициям, и духовенство не скрывало своего неодобрения действиями монарха. Последнему пришлось обратиться за благословением к ученым афонским монахам. Но монахи высказались против подготовлявшегося развода. Заручившись благословением митрополита Даниила, Василий III 23 ноября 1525 г. приказал начать розыск о колдовстве Соломонии. Брат великой княгини дал показания, что та держала у себя ворожею и прыскала заговоренной водой «порты» мужа, очевидно, чтобы вернуть его любовь.

Австрийский посол собрал подробные сведения о разводе московского князя. У великого князя, записал он, в течение двадцати одного года не было от Соломонии детей; рассерженный бесплодием супруги, он в год приезда посла, то есть в 1526 г., заточил ее в некий монастырь в Суздальском княжестве. В монастыре, несмотря на ее слезы и рыдания, митрополит сперва обрезал ей волосы, а затем подал монашеский кукуль, но она не только не дала возложить его на себя, а схватила его, бросила на землю и растоптала ногами.

Тогда Иван Шигона, один из доверенных советников Василия III, обругал ее и ударил, прибавив: «Неужели ты дерзаешь противиться воле Государя? Неужели ты медлишь исполнить его веления?» Соломония спросила, по чьему распоряжению он бьет ее. Тот ответил: «По приказу Государя». После этих слов она заявила, что надевает кукуль против воли, по принуждению. Через неделю Соломонию насильно постригли в монашенки и отправили в Покровский девичий монастырь в Суздале. Великая княгиня продолжала противиться. Ее сторонники распустили слух, что она беременна.

Соломония была заточена в монастырь, а государь женился на Елене, дочери Василия Глинского Слепого, в то время уже покойного, — он был братом князя Михаила Глинского, который тогда содержался в плену. В это время пошла молва, что Соломония беременна и даже скоро разрешится. Этот слух подтверждали две женщины, супруги высших советников. Жена казнохранителя Георгия Малого Траханиота и постельничего Якова Мансурова. Люди уверяли, что они слышали из уст самой Соломонии признание в том, что она беременна и скоро разрешится. Услышав это, государь разгневался и удалил от себя обеих женщин, а одну, супругу Георгия, велел даже подвергнуть бичеванию за то, что она своевременно не донесла ему об этом. Затем, желая узнать дело с достоверностью, он посылает в монастырь, где содержалась Соломония, советника Федора Рака (Ракова?) и некоего секретаря Потата и поручает им тщательно

расследовать правдивость этого слуха. Во время тогдашнего пребывания Герберштейна в Москве некоторые утверждали как непреложную истину, что Соломония родила сына по имени Георгий, но никому не желала показать ребенка. Мало того, когда к ней присланы были некие лица для расследования истины, то она, говорят, отвечала им, что они недостойны того, чтобы глаза их видели ребенка, а когда он облечется в величие свое, то отомстит за обиду матери. Некоторые же упорно отрицали, будто она родила.

После развода монарх женился на княжне Елене Глинской. Сохранился Разряд свадьбы «великого князя Василья Ивановича всеа Русии, как понял княжну Олену княжну Васильеву дочь Львовича Глинского лета 7034-го генваря в 21 день».

На свадьбе первые места занимали братья жениха: «На первый день в большом месте за столом сидел великого князя брат князь Юрьи Иванович, а в тысетцких брат же его князь Ондрей Иванович».

Почетные места занимали дружки молодого: «Князь Дмитрей Федорович Бельской со княгинею. Другой друшка Михайло Юрьев сын Захарьина». Бельский представлял знать литовского происхождения, Захарьин — старомосковскую аристократию. Дружками невесты были суздальские князья Михайло Васильевич и Борис Иванович Горбатые с княгинями. «Да с ними же в свахах были княж Ивана Васильевича Шуйского княгини Овдотья да Юрьева жена Малого Варвара». Жена Юрия Малого была, вероятно, женой Малого Траханиота, советника Софьи Палеолог.

«А за столом сидели боярыни князь Федорова княини Ивановича Бельского Анна, князь Семена Холмьского княини Марья, Юрьева жена Захарьина Орина, Петрова жена Яковля (Захарьина) Анна, Михайлова жена Юрьева (Захарьина) Федосья.

А у зголовей у местных были: у великого князя зголовья Василей Шереметев. У великие княгини князь Олександра Кашин (Оболенский).

У постели бояре князь Иван Васильевич Немой Телепнев (Оболенский) да князь Семен Дмитреевич Серебряной (Оболенский). А боярони были у постели Марья Григорьева жена Федоровича, Олена Иванова жена Ондреевича, Огрофена Васильева жена Андреевича.

А свечю великого князя несли к месту и к церкви Петр Одолба княж Иванов сын Немого да Иван Семенов сын Карпова. А другую свечю несли Василей Лошка Семенов сын Карпова да Иван Горенской.

А фонарь над великого князя свечею носили Володя Васильев сын Поплевина да Иван Федоров сын Карпов. А над другою

свечею фонарь носили Олешка да Васюк Михайловы дети Нагова.

А коровай носили: великого князя коровай несли Игнатей Жюлебин да Иван Михайлов сын Тучков, да Семейка Жюлебин, да Федька Немой Михайлов сын Нагова, да Юшка княж Иванов сын Кашин».

Сохранилось описание свадьбы великого князя Василия. В средней палате наряжены были два места, покрытые бархатом и камками, положены были на них изголовья шитые, на изголовьях — по сороку соболей, а третьим сороком опахивали жениха и невесту; подле поставлен был стол, накрытый скатертью, на нем были калачи и соль. Невеста шла из своих хором в среднюю палату с женою тысяцкого, двумя свахами и боярынями, перед княжною шли бояре, за боярами несли две свечи и каравай, на котором лежали деньги. Пришедши в среднюю палату, княжну Елену посадили на место, а на место великого князя посадили ее младшую сестру; провожатые все сели также по своим местам. Тогда послали сказать жениху, что все готово; прежде его явился брат его, князь Юрий Иванович, чтоб рассажать бояр и детей боярских; распорядившись этим, Юрий послал сказать жениху: «Время тебе, государю, идти к своему делу». Великий князь, вошедши в палату с тысяцким и со всем поездом, поклонился святым, свел с своего места невестину сестру, сел на него и, посидевши немного, велел священнику говорить молитву, причем жена тысяцкого стала жениху и невесте чесать голову, в то время богоявленскими свечами зажгли свечи женихову и невестину, положили на них обручи и обогнули соболями. Причесавши головы жениху и невесте, надевши невесте на голову кику и навесивши покров, жена тысяцкого начала осыпать жениха и невесту хмелем, а потом соболями опахивать; великого князя дружка, благословясь, резал перепечу и сыры, ставил на блюдах перед женихом и невестою, перед гостями и посылал в рассылку, а невестин дружка раздавал ширинки. После этого, посидевши немного, жених и невеста отправились в соборную Успенскую церковь венчаться, свечи и караваи несли перед санями. Когда митрополит, совершавший венчание, подал жениху и невесте вино, то великий князь, допивши вино, ударил стклянницу о землю и растоптал ногою; стекла подобрали и кинули в реку, как прежде велось; после венчания молодые сели у столба, где принимали поздравления от митрополита, братьев, бояр и детей боярских, а певчие дьяки на обоих клиросах пели новобрачным многолетие. Возвратившись из Успенского собора, великий князь ездил по монастырям и церквам, после чего сел за стол; перед новобрачными поставили печеную курицу, которую дружка отнес

к постели. Во время стола споры о местах между присутствовавшими были запрещены. Когда новобрачные пришли в спальню, жена тысяцкого, надев на себя две шубы, одну как должно, а другую навыворот, осыпала великого князя и княгиню хмелем, а свахи и дружки кормили их курицею. Постель была постлана на тридевяти ржаных снопах, подле нее в головах в кадке с пшеницею стояли свечи и караваи; в продолжение стола и во всю ночь конюший с саблею наголо ездил кругом подклета; на другой день, после бани, новобрачных кормили у постели кашею.

* * *

По наблюдению А. Зимина, второй брак разделил жизнь Василия III на два периода. Во время брака с Соломонией, символизировавшего определенную политическую программу, государь опирался на круг старомосковских бояр, «выражавших интересы широких кругов дворянства». Брак с Глинской, как полагают, принес с собой крутой поворот в политической линии Василия III, приведший к возвышению княжеской аристократии. При всем значении браков в великокняжеской семье их влияние на политическое развитие не следует преувеличивать. Невзирая на княжеский титул, Глинская не принадлежала к кругу правящей аристократии России. Она была сиротой, а ее дядя М. Глинский был осужден на пожизненное заключение за государственную измену. После свадьбы Василия III и Глинской ее дядя еще год находился под арестом и надзором.

Вслед за разводом Василий III приказал составить список невест, но при этом провести сыск их родства, «чтоб которой девке не было племени Щенятевых и Плещеевых». Запрет на участие в смотринах распространялся на семьи, принадлежавшие к первостатейной московской знати. По отцу Щенятев происходил из рода Патрикеевых, а по матери — князей Суздальских. Плещеевы выделялись среди старомосковской нетитулованной знати. Круг родства этих двух фамилий был весьма широк. Таким образом, уже на первом этапе смотрин выявилось отношение государя к своей знати. Не удается подтвердить фактами тезис об усилении аристократии в конце жизни Василия III. Московский государь, писал в своих «Записках…» австрийский посол С. Герберштейн, не доверяет своей знати и делает исключение лишь для детей боярских, «то есть знатных лиц с более скромным достатком, таких лиц, придавленных своей бедностью, он обыкновенно ежегодно принимает к себе и содержит, назначив жалование».

История поместий подтверждает наблюдение посла. Первоначально конфискованные у новгородских бояр земли были разделены московской знатью. Но затем последовал передел земель. Знать была выведена из Новгорода, а поместья получили в массе рядовые дворяне и дети боярские. Широкая раздача поместий оставалась стержнем политики Василия III на протяжении всей его жизни.

Правление Василия III вело к укреплению самодержавных порядков в России. Придворный Ивана III И. Берсень-Беклемишев с осуждением говорил, что Василий III не проявляет уважения к старине, а дела делает не с Боярской думой, а с избранными советниками в личной канцелярии. «Ныне, деи, — говорил Берсень-Беклемишев, — государь наш, запершыся, сам-третей у постели всякие дела делает». При Иване III Берсень-Беклемишев сам служил «у постели», иначе говоря, в личной канцелярии государя. Но при Василии III значение названной канцелярии непомерно разрослось. Главными лицами, вершившими дела в канцелярии, были отнюдь не высшие титулованные сановники государства, а худородные в глазах князей советники государя наподобие М. Ю. Захарьина и сына боярского Ю. Шигоны-Поджогина. Происшедшие перемены грозили катастрофой. «Которая земля переставливает обычаи свои, — говорил политический вольнодумец Берсень-Беклемишев, — и та земля недолго стоит, а здесь у нас старые обычаи князь великий переменил, ино на нас которого добра чаяти?»

К XVI в. монастырям принадлежали обширные процветающие вотчинные владения в центре и на севере России. Секуляризация этих вотчин позволила бы московским властям окончательно сформировать в центре государства всеобъемлющий фонд государственных земель, который можно было использовать для обеспечения поместьями всех членов московского двора. Общественная мысль не могла не реагировать на потребности времени.

Церковный собор 1503 г. решительно отверг проекты секуляризации земель у московских монастырей. Тем не менее после названного собора русское «нестяжательство» вступило в пору своего расцвета. Чрезмерное обогащение монастырей, практика пожертвования обителям вотчин и сокровищ дали повод для возобновления споров о природе монашества.

Возникновение русского «нестяжательства», как отмечено выше, связано с деятельностью Нила Сорского и князя-инока Вассиана Патрикеева. Нил Сорский сосредоточил внимание на вопросах нравственного совершенствования личности. Ученик Нила Вассиан, в миру князь Василий Косой Патрикеев, сделал

блестящую карьеру при дворе своего дяди Ивана III. В тридцать лет он пережил опалу и был насильственно пострижен в Кирилло-Белозерском монастыре. Князь-инок преуспел в изучении Священного Писания и со временем стал одним из лучших церковных писателей России. Но, надев рясу, он продолжал смотреть на мир глазами опытного политика.

Назначения церковных иерархов весьма точно отразили успех нестяжателей в первые годы правления Василия III. В 1506 г. старец Варлаам был вызван из заволжских пустыней и назначен архимандритом столичного Симонова монастыря. В мае 1509 г. великий князь приказал свести с Новгородского архиепископства Серапиона. 30 апреля 1511 г. сложил сан митрополит Симон. Оба святителя несли прямую ответственность за провал правительственного проекта секуляризации церковных земель на соборе 1503 г.

Отставка двух старших иерархов привела к полному обновлению церковного руководства. 3 августа 1511 г. митрополитом стал симоновский архимандрит Варлаам, известный своей близостью к нестяжателям. Памятуя о резком столкновении Ивана III с Геннадием, Василий III запретил священному собору посылать в Новгород нового архиепископа. Новгородская кафедра оставалась вакантной семнадцать лет.

Вассиан Патрикеев находился в дружеских отношениях с Варлаамом. Именно Варлаам в 1509 году вызвал князя-инока в Москву и поселил его в Симоновом монастыре. Со временем Патрикеев стал одним из самых влиятельных лиц при великокняжеском дворе. Писец Михаил Медоварцев так характеризовал значение князя-инока: «великий временной человек, у великого князя ближней». Пользуясь покровительством монарха и поддержкой главы церкви, Вассиан выступил с резкими нападками на Иосифа Волоцкого (Санина). Иосифо-Волоколамский монастырь порвал с удельным государем и перешел под покровительство Василия III. Но это не изменило отношения государя к Волоцкому. В 1512 г. Иосиф жаловался великокняжескому дворецкому, что подвергается «хуле и злословию» Вассиана, но не может оправдаться из-за запрещения государя. В заключение игумен смиренно просил боярина, чтобы тот «печаловался» за него Василию III.

Прения между Вассианом и Иосифом привели к возобновлению споров о монастырских селах. Сочиненная в более позднее время повесть «Прения Иосифа» излагает следующий диалог двух известных церковных деятелей. Иосиф Волоцкий якобы упрекнул Вассиана за то, что тот учит государя у монастырей и церквей «села» отнимать. Вассиан отвечал ему

словами: «Сие, Иосифе, на мя не лжеши, что аз великому князю у монастырей села велю отъимати и у мирских церквей».

«Прения» явились памятником публицистики. Тенденциозность этого сочинения сказалась не в фабрикации сведений о выступлении Вассиана против монастырского землевладения, а в освещении характера этого выступления. Нестяжатели никогда не «велели» государю отбирать церковные земли в казну. Тем, кто удалился от мира и дал монашеский обет, доказывал Нил, «не достоит сел имети». Вассиан Патрикеев следовал заветам учителя. Самая характерная черта русского нестяжательства заключалась в неприятии насилия как средства исправления монашества. Секуляризация могла стать спасительной мерой лишь тогда, когда монахи сами пришли бы к осознанию ее необходимости.

Дионисий

Московская живопись пережила в XV в. свой золотой век. Традиции Андрея Рублева создали прочное основание для дальнейшего развития московской школы во второй половине XV в. Крупнейшим художником этого периода был Дионисий. О жизни Дионисия известно очень немного. Он родился в середине XV в., предположительно около 1440 г., а умер в начале XVI в., предположительно между 1503 и 1508 гг. С полной достоверностью можно установить лишь основные вехи его жизни. Первой крупной работой Дионисия явилась роспись Рождественского собора в Пафнутьевом Боровском монастыре между 1467 и 1477 гг. Эту работу Дионисий выполнил под руководством учителя Митрофана, монаха из столичного Симонова монастыря. Пафнутьевская роспись не сохранилась. Не позднее 1481 г., как повествует московская летопись, Дионисий вместе с тремя другими иконописцами — Ярцем, Коней и Тимофеем — написал для кремлевского Успенского собора Деисус «с праздниками и с пророки». (Деисус — композиция с фигурой Христа в центре и со святыми, которые обращаются к нему с молением; праздники — праздничные иконы; пророки — композиции с фигурами пророков.) Видимо, Дионисий и его товарищи расписали деревянный иконостас, не сохранившийся до наших дней.

Считается, что Дионисий всю жизнь был близок к московскому двору. Но едва ли это справедливо. В 1479 г. монарх вступил в открытый конфликт с главой церкви. Ученик Пафнутия Боровского Вассиан Рыло, получивший пост ростовского архиепископа, решительно встал на сторону государя. Вассиан близко знал Дионисия по Пафнутьеву монастырю. Благодаря покровительству Вассиана мастер получил заказ на иконы для Успенского собора. Из рук архиепископа Дионисий и его артель получили огромное по тому времени вознаграждение — сто рублей. Однако в марте 1481 года Вассиан Рыло умер, и Дионисий лишился влиятельного покровителя и заказчика.

В Боровском монастыре завязалась дружба Дионисия с Вассианом Рыло и с Иосифом Волоцким. Преемник Пафнутия Боровского Иосиф должен был возглавить обитель после смерти основателя монастыря, но он покинул владения Ивана III и переселился в столицу удельного князя Бориса. Вскоре же князь Борис и его брат Андрей подняли вооруженный мятеж против Ивана III. Находясь в Волоцком княжестве, Иосиф написал трактат о власти государя, в котором указывал, что при

определенных условиях подданные не должны повиноваться царю, мучителю и тирану.

Отправляясь в Волоколамск, Иосиф привез с собой икону Одигитрии «Дионисиева письма». Благодаря покровительству и щедрости князя Бориса он основал в уделе монастырь и выстроил в нем каменный Успенский собор. Для росписи собора Волоцкий пригласил Дионисия. С 1484–1485 гг. художник начал работать над иконами для нового монастыря. В распоряжении биографа Дионисия отсутствуют факты, относящиеся к его жизни в последующие полтора десятилетия, которые были временем расцвета его таланта. Полагают, что на протяжении 1490-х годов деятельность Дионисия была сосредоточена главным образом в Москве. Это предположение нельзя назвать удачным. Неясно, где жил Дионисий и где располагалась его мастерская. Достоверно известно, что в указанные годы иконописец много работал по заказам удельного князя Бориса Волоцкого и богатого Иосифо-Волоколамского монастыря. В Москве развернулось строительство крупных соборов и церквей. Они нуждались в росписи. Но Дионисий получил приглашение лишь от игумена Чигаса, основавшего крохотный монастырек в предместьях Москвы за Яузой в 1483 году. Там он расписал небольшую монастырскую церковь. Дионисий не принадлежал к числу московских великокняжеских и митрополичьих иконописцев, выделившихся в XV–XVI вв. из среды прочих иконников. Деятельность мастера прочно связана не с Москвой, а с Волоколамском, где он писал иконы и фрески в Успенском соборе (после 1485 г.), церквах Одигитрии (около 1490 г.) и Богоявления (около 1504 или 1506 г.). По-видимому, в Волоцком княжестве окончательно сформировалась художественная школа Дионисия, к которой принадлежали сыновья художника Феодосий и Владимир, два молодых племянника Иосифа Волоцкого, старец Паисий. Итоги деятельности Дионисия и иконописцев его круга были внушительными. Согласно описи ризницы Иосифо-Волоколамского монастыря, в середине XVI в. в собственности обители находились восемьдесят семь икон кисти Донисия и тридцать семь икон его сыновей Феодосия и Владимира. Дионисий и его ученики не оставили после себя писем и сочинений. Но сохранилось «Послание иконописцу», адресованное либо самому Дионисию, либо его сыну Феодосию. Послание замечательно тем, что к его составлению были причастны Иосиф Волоцкий, а может быть, и Нил Сорский. Поборники ортодоксальной веры были встревожены тем, что вольнодумцы и еретики критиковали наряду с другими обрядами также иконопочитание. Автор «Послания к иконописцу» выступил

как сторонник канонизации традиционных форм московского иконопочитания. Иосиф и его ученики придавали большое значение торжественной атмосфере храма, их восхищали драгоценные оклады икон, в их блеске и сиянии они угадывали отражение божественного света. Говоря о поклонении иконе, Иосиф указывал на духовное очищение как на результат молитвенного предстояния иконе. Творчество Дионисия было одухотворено тем же идеалом. Его вкусы и представления мало чем отличались от взглядов осифлян.

Семья удельного князя Бориса Волоцкого ценила искусство Дионисия не меньше, чем Иосиф Волоцкий, и в княжеское собрание икон, вероятно, попало немало его произведений. Князь Борис Волоцкий щедро жаловал деньги на строительство и укрепление удельного Иосифо-Волоколамского монастыря. Однако после его смерти удел перешел в руки скупого князя Федора, который не прочь был поправить свои расстроенные финансовые дела за счет разбогатевшего монастыря. Иосиф пытался откупиться от властителя: «начат князя мздой утешати и посла к нему иконы Рублева письма, Дионисиева».

Москва вторично открыла для себя Дионисия, вероятно, уже после его смерти. Этому способствовало несколько обстоятельств. Поссорившись с князем Федором, Иосиф объявил в 1508 г., что вместе с монастырем отдается под покровительство Василия III. Со смертью волоцкого князя Федора в 1513 г. выморочное княжество со всей казной, а также иконами Дионисия перешло в распоряжение Василия III.

Власти Иосифо-Волоколамского монастыря могли точно атрибутировать иконы, написанные на их глазах. В перечне, кроме Дионисия, названы имена десятка других живописцев, трудившихся в то же время. Но монастырские старцы, следуя примеру Дионисия, не снабдили его иконы подписями. В дальнейшем часть монастырского собрания перешла во владения московской казны и соборов. Смена владельцев привела со временем к утрате атрибуции. Многие иконы Дионисия погибли или же обветшали и были записаны новыми иконописцами. Трудности выявления икон Дионисия усугубляются следующими обстоятельствами. Всю свою жизнь мастер работал вместе с другими художниками, с артелью помощников и учеников. Разграничить произведения Дионисия и живописцев его круга практически невозможно. Дионисий был одним из самых плодовитых живописцев Руси. Но его творения — такая же редкость, как и иконы Рублева.

Не исключено, что именно конфликт в Волоцком уделе и сокращение денежных субсидий побудили Дионисия покинуть

удельное княжество и искать заказы в далеких монастырях на Севере. Около 1500 г. художник написал ряд икон для Павло-Обнорского монастыря, а позднее расписал Рождественский собор в Ферапонтовом монастыре на Белоозере.

К последним годам жизни Дионисия относятся его житийные иконы, написанные для кремлевского Успенского монастыря предположительно по заказу митрополичьего дома. Жанр иконы с Житием, заимствованный русскими из Византии, был доведен Дионисием и его школой до совершенства. Наиболее известны две иконы этого жанра: митрополит Петр с Житием и митрополит Алексий с Житием.

Искусство Дионисия служит конечной вехой периода, начало которому положило творчество Андрея Рублева. Главным достижением этого периода явилось обобщенно-идеализированное понимание образа совершенного человека.

После отражения набега Крымской Орды Москва предприняла новые попытки подчинить Казань, но воеводы руководили военными действиями спустя рукава.

В 1530 году Василий III послал на Казань двух старших воевод: князя Ивана Бельского на судах и Михаила Глинского с конной ратью. Отразив несколько нападений татар, Глинский переправился за Волгу и соединился с судовой ратью. 10 июля был бой. Русские одержали верх, взяли острог и подступили к крепости. В этот момент трое знатных татар выехали из крепости и били челом о прекращении осады, обещая подчиниться великому князю. Их, а затем и все население города привели к присяге.

Татары поклялись не изменять великому князю, не брать себе царя иначе, как из рук Василия III. После этого воеводы отступили от города и вместе с послами казанскими отправились в Москву.

В некоторых летописях читаем, что воеводы, взяв острог, едва было не взяли крепости, которая стояла несколько часов без ратных людей. Дело в том, что татары, будучи разбиты, все из города выбежали, и ворота все остались отворены. Но в этот момент между воеводами возник спор, кому первому войти в крепость. Первому доставалась, помимо чести, также лучшая добыча. Тем временем разразилась сильная гроза, и момент был упущен. Татары заперли ворота крепости. Как бы то ни было, на казанском престоле вновь утвердился московский ставленник Шигалей.

Василий III, по-видимому, не желал занимать Казань и посылать в город своего наместника. Такой шаг повлек бы за

собой длительную войну с Крымом и стоявшей за его спиной Османской империей. Москва стремилась избежать такой войны.

* * *

Осенью 1527 г. новый хан Сайдет-Гирей отправил в Москву послов. Одновременно племянник нового хана Ислам-Гирей вторгся на Русь и вышел на берег Оки. Но здесь татар ждали московские воеводы, помешавшие ему переправиться через реку.

Ислам-Гирей должен был повернуть в степи. Его войско понесло большие потери. Когда в Москве узнали о нашествии Ислама, то великий князь велел утопить крымских послов. В Бахчисарае Сайдет-Гирей был свергнут. Его место занял Саип-Гирей, бывший прежде в Казани. В августе 1533 г. великий князь получил весть, что двое племянников ханских — Ислам- и Сафа-Гирей — идут к московским украйнам. Василий немедленно стал собираться в поход, призвал братьев — Юрия и Андрея, отпустил воевод на Коломну к Оке и сам направился в село Коломенское. В Кремле он велел расставлять пушки и пищали. Посадским людям было разрешено перевозить имущество в город.

Татары подошли к Рязани, выжгли посады и рассеялись по всей округе. Великий князь велел воеводам отправить за Оку отряды, чтобы добыть языков. Воевода одного из этих отрядов, князь Димитрий Палецкий, разбил татар. Воевода другого отряда, князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, преследуя неприятеля, наткнулся на большое татарское войско. Русские принуждены были отступить. Но татары ничего не предпринимали более и ушли в степи, боясь встретиться с главным великокняжеским войском. Воеводы двинулись за ними, но не смогли догнать.

Война не прервала сношений с Крымом. Велись переговоры о союзе и о шертных грамотах. Татары жаловались, что из Москвы им мало присылают поминков, говорили, что им выгоднее воевать с великим князем, чем быть в мире. Василий III приказывал отвечать хану на его жалобы: «Если ты покажешь нам на деле свою дружбу, то мы также покажем тебе свою дружбу: о чем нам прикажешь, что у нас будет, мы ни за что не постоим; но уроком поминков мы ни к кому не посылали. Хочешь быть с нами в дружбе, так вели написать грамоту шертную». Хан выдвинул свои требования: «Мне ты девять поминков прислал, а мы к тебе прежде посылали дефтерь, и в нем написано 120 человек, а ты только пятнадцати человекам поминки прислал; но ведь ты нашу землю хорошо знаешь: наша земля войною живет». Хан Саип просил кречетов и меха, просил также, чтоб великий князь

прислал ему хорошего хлебника и повара.

Западная прелесть

Война с литовцами продолжалась несколько лет и принесла разорение обеим сторонам. В 1518 году крупные силы под командованием братьев Василия и Ивана Шуйских были посланы к Полоцку. Ратники поставили туры и приступили к обстрелу крепости. Полочане не думали сдаваться и отчаянно отбивались.

Поход был плохо подготовлен. В осадном лагере вскоре кончилось продовольствие. Начался голод. Колпак сухарей продавали по алтыну и более. В поисках продовольствия отряд детей боярских переправился за Двину. Литовцы захватили их струги. При обратной переправе много воинов утонули. Шуйским пришлось отступить.

Через год русские вновь вторглись в Литву и дошли едва не до Вильнюса. Их отряды разорили окрестности Полоцка, Витебска, Минска.

В конце 1519 года Василий III созвал Боярскую думу и обратился к ней с речью: «Теперь мы литовскому сильно недружбу свою оказали, землю его воевали чуть-чуть не до самой Вильны, крови христианской много льется, а король и не думает прийти на согласие, помириться с нами; так чем бы его позадрать, чтоб он захотел с нами мира?» И приговорил великий князь послать от какого-нибудь боярина к какому-нибудь пану. Вследствие этого приговора в январе 1520 г. боярин Григорий Федорович отправил своего слугу к виленскому воеводе пану Николаю Радзивиллу с известием, что если король хочет мира, то пусть присылает своих послов в Москву; в марте Радзивилл отвечал, чтоб великий князь дал опасную грамоту на послов; опасная грамота была отправлена с Радзивилловым же человеком, и в августе приехали послы литовские Януш Костевич и Богуш Боговитинович. Начались переговоры: бояре требовали опять прежнего, требовали и вознаграждения за бесчестье, нанесенное королеве Елене; послы отвечали:. «Этого никогда не бывало; какие-то лихие люди государю вашему об этом сказали; но государь ваш верил бы государю нашему, брату своему Сигизмунду-королю, а не лихим людям». Понятно, что подобные ответы не могли никого удовлетворить и считались наравне с молчанием. Насчет мирных условий по-прежнему не сошлись: Смоленск служил непреодолимым препятствием. Послы предложили перемирие, с тем чтоб Смоленск оставался за Москвою, но чтоб пленных не возвращать; великий князь настаивал на возвращении пленных; послы не согласились и

порешили на том, что король пришлет великих послов на Великое заговенье 1521 г., то есть через шесть месяцев, в продолжение которых войне не быть. Но Сигизмунд на означенный срок послов не прислал: обстоятельства переменились в его пользу; он одолел великого магистра, а между тем на востоке исполнилось то, чего он с таким нетерпением дожидался в начале своего царствования: две татарские Орды, Казанская и Крымская, заключили союз против Москвы.

Идея «Москва — третий Рим» предполагала преобразование Московии в империю, а это означало перемену титула московского государя на титул императора.

К неудовольствию ортодоксов, Василий III поддерживал оживленные связи с католической Европой. Папа Лев X сносился с Москвой через великого магистра немецкого ордена Альбрехта. Посол магистра Шонберг передал великому князю от имени папы несколько предложений: «Папа хочет великого князя и всех людей Русской земли принять в единение с римской церковью, не умаляя и не переменяя их добрых обычаев и законов, хочет только подкрепить эти обычаи и законы и грамотою апостольскою утвердить и благословить. Церковь греческая не имеет главы; патриарх константинопольский в турецких руках; папа, зная, что на Москве есть духовнейший митрополит, хочет его возвысить, сделать патриархом, как был прежде константинопольский, а наияснейшего царя всея Руси хочет короновать христианским царем. При этом папа не желает себе никакого прибытка, хочет только хвалы Божией и соединения христиан. …Если великий князь захочет стоять за свою отчину константинопольскую, то теперь ему для этого дорога и помощь готовы».

На предложение папы о церковной унии московиты отвечали: «Государь наш с папою хочет быть в дружбе и согласии; но как прежде государь наш с Божиею волею от прародителей своих закон греческий держал крепко, так и теперь с Божиею волею закон свой держать крепко хочет».

Одним из самых древних княжеств Северо-Восточной Руси было Рязанское княжество. К середине XV в. оно попало в орбиту московского влияния. Рязанский князь Василий воспитывался при московском дворе и был женат на сестре Ивана III. Его внук князь Иван Иванович стремился вернуть независимость своему княжеству. По некоторым сведениям, он пытался найти опору в Крыму. Угроза крымского нападения решила судьбу последнего из великих князей Рязанских. Василий III в 1520 г. заманил двоюродного племянника в Москву и подверг домашнему аресту.

Князю вменили в вину сватовство к дочери хана.

К концу XV–XVI в. крушение удельного строя приобрело зримые черты. Удельные княжества исчезали одно за другим. Еще в 1482 г. князь Михаил Верейский под давлением Москвы завещал удел Белоозеро Ивану III. Аналогичное распоряжение стало все чаще встречаться в завещаниях удельных князей. Серпуховско-Боровский князь Василий Ярославич умер «в железах» в Вологде. В 1486 г. Белоозеро и Верея перешли в руки Ивана III. Московский князь имел основания именовать себя государем «всея Русии».

В 1491 г. был арестован князь Андрей, родной брат Ивана III. Через два года он умер в тюрьме. Одновременно в Москву был вызван другой брат Ивана III Борис Волоцкий. Великий князь пощадил его, и удельный князь умер своей смертью.

Мир удельных владык раздирали распри и соперничество. Характерна история Василия Можайского и Василия, внука Шемяки, угнездившихся в Северской Украине. Их взаимная ненависть не знала границ. Потомок Можайского говорил: «Одному чему-нибудь быть: или уморю князя Василия Ивановича, или подпаду гневу государеву».

Шемячич написал великому князю целый донос: «Ты б, государь, смиловался, пожаловал, велел мне, своему холопу, у себя быть, бить челом о том, чтоб стать мне пред тобою, государем, очи на очи с теми, кого брат мой, князь Василий Семенович, к тебе, господарю, на меня прислал с нелепицами. Обыщешь, господарь, мою вину, то волен Бог да ты, господарь мой, голова моя готова пред Богом да перед тобою; а не обыщешь, господарь, моей вины, и ты б смиловался, пожаловал, от брата моего, князя Василия Семеновича, оборонил, как тебе господарю Бог положит по сердцу, потому что брат мой прежде этого сколько раз меня обговаривал тебе, господарю, такими же нелепицами, желая меня у тебя, господаря, уморить, чтоб я не был тебе слугою».

Говорят, будто во время заключения Шемячича некий юродивый ходил по Москве с метлою в руках и на вопрос прохожих, зачем он взял метлу, отвечал: «Государство не совсем еще очищено; пришло удобное время вымести последний сор».

Слова юродивого допускали различные толкования. Многие полагали, что он имел в виду крамольников — удельных князей.

Греки в Москве

Русская церковь сохранила тесные связи с православными греческими монастырями на Афоне. При Василии III московские книжники вели работу по исправлению и переводу богослужебных книг. В помощь им с Афона прибыл образованный богослов Максим (Михаил) Грек, приглашенный в Москву великим князем. Максим происходил из знатного византийского рода Триволис. В 1492 г. он отправился учиться в Италию и провел там десять лет. Во Флоренции он познакомился с выдающимся философом Марсилино Фичино, был свидетелем падения тирании Медичи и торжества Савонаролы. После гибели его Максим уехал для завершения образования в Венецию. В Италии он принял католичество, по возвращении на Афон вернулся в православие. В лице Максима образованная Россия впервые столкнулась с ученым-энциклопедистом, получившим глубокие и многосторонние познания в итальянских университетах. Принципы филологической науки Возрождения, которыми руководствовался Максим при переводе книг, были самыми передовыми для своего времени.

Будучи в России, Максим написал множество оригинальных сочинений. Его толкования церковных писателей древности стали одним из немногих источников, откуда русские люди могли черпать разнообразные сведения, включая античную мифологию.

Максим Грек не дал втянуть себя в распри, терзавшие русскую церковь. Это позволило ему многие годы заниматься переводом церковных сочинений и исправлять старые русские книги.

В начале XVI в. сторонники церковной унии не прекращали своей деятельности в Москве. Одним из них был медик Никола Булев, приглашенный греками из Рима. По свидетельству монахов Иосифо-Волоколамского монастыря, Булев написал письмо брату Иосифа Волоцкого Вассиану. В письме он отстаивал идею единства веры и «приводил» истинное русское православие «к соединению латынскому». Рассчитывая на поддержку греков, лейб-медик просил Максима Грека изложить историю разделения христианской церкви, чтобы вразумить русских. Философ был самого высокого мнения об удивительной мудрости Булева, однако резко осуждал его приверженность католицизму.

Сын Дмитрия Грека Траханиота Юрий Малый Траханиотов сделал в Москве блестящую карьеру, став казначеем и одновременно печатником, или хранителем государственной печати. Австрийский посол называл его главным советником

Василия III, «мужем выдающейся учености и многосторонней опытности». Как и отец, Ю. Д. Траханиотов был приверженцем унии. Посол прусского ордена Д. Шонберг вел длительные беседы с казначеем о соединении церкви. Из этих бесед посол вынес впечатление, что русские согласны на унию с католической церковью. О своих впечатлениях Шонберг немедленно сообщил в Рим. Имперский посол Франческо де Колло тогда же беседовал с Н. Булевым и также заключил, что Москва готова принять унию.

Папа римский в 1519 г. передал Василию III предложение принять титул царя и присоединиться со всей землей к церковной унии. Московский великий князь отклонил предложение.

Василий III сознательно старался создать на Западе представление, будто Россия готова вступить в антитурецкую лигу. Одновременно он деятельно хлопотал о мире и союзе с Портой. Главная цель его дипломатической игры состояла в том, чтобы использовать союз со Священной Римской империей для войны с Польшей. Но в окружении великого князя были люди, искренне желавшие сближения с католическим Западом. К их числу принадлежали греки.

Московские иерархи прощали грекам их симпатии идее объединения христианского мира, пока видели в католиках союзников в деле Искоренения иудаизма в Европе. После расправы с еретиками положение изменилось. В правление Василия III все больше сокращались культурные связи с Италией, падал интерес к достижениям западного мира. Наметившийся поворот в сторону Запада так и не совершился.

Положение греков в Москве отличалось некоторой двусмысленностью. По традиции московские книжники продолжали видеть в них своих учителей. Одновременно сторонники национальной церкви отказывались подчиняться авторитету константинопольского патриарха.

Мысль о превосходстве русского православия над греческим обрела после падения Византийской империи многих сторонников в России. В 1514–1521 гг. монах псковского Елиазарова монастыря Филофей обратился к Василию III с важным посланием. Следуя тезису о богоустановленном единстве всего христианского мира, Филофей доказывал, что первым мировым центром был Рим старый, за ним Рим новый — Константинополь, а в последнее время на их месте стал третий Рим — Москва. «Два Рима падоша (пали), — утверждал Филофей, — а третий стоит, а четвертого не бывать». В основе концепции Филофея лежало представление о некоем «Ромейском царстве нерушимом», сложившемся в эпоху Августа, к которой

относились деяния и земная жизнь Христа. «Великий Рим» сохранил свое физическое бытие, но утерял духовную сущность, будучи пленен католичеством. Оплотом православия стало греческое царство, но оно попало под власть «неверных». Крушение двух царств расчистило место для московского православного царства.

В послании государеву дьяку Мисюрю Мунехину Филофей уточнил свою идею следующим образом: греческое царство «разорися» из-за того, что греки «предаша православную греческую веру в латинскую». Русскому двору импонировали рассуждения об исключительной исторической миссии Москвы. Но не удается обнаружить доказательств того, что теории Филофея приобрели характер московской официальной доктрины. Василий III был по матери греком и гордился своим родством с византийской императорской династией. Греки, близкие к великокняжескому двору, нападки на византийскую церковь встретили с понятным возмущением. Мать Василия III воспитывалась в Италии. Сам Василий, не чуждый духа греко-итальянской культуры, покровительствовал Максиму Греку и поощрял его деятельность по исправлению русских книг. Сомнения в ортодоксальности греческой веры ставили его в щекотливое положение.

По наблюдению П. Паскаля и В. Водова, в «русском христианстве» версия христианских идей и текстов приобрела ярко выраженный национальный характер. За полчека существования русская церковная культура неизбежно должна была приобрести некоторые самобытные черты. Не менее существенно и другое обстоятельство. Первоначально византийская церковь следовала Студийскому уставу, ставшему основой русского. Однако в XII–XIII вв. в Византии преобладание получил Иерусалимский устав. Московские митрополиты из греков Фотий и Киприан затеяли реформу с целью введения этого устава на Руси, но не довели дело до конца. Разрыв с Константинополем после Флорентийской унии увековечил древневизантийские черты в русской церковной культуре. Помимо всего прочего, старые славянские переводы греческих книг содержали множество ошибок и искажений. Таким ученым богословам, как Максим Грек, вооруженным методом филологической критики, нетрудно было обнаружить эти ошибки.

Среди московских образованных монахов деятельность Максима поначалу вызывала сочувствие, тем более что греку покровительствовал сам великий князь. Однако в 1522 г. Максим Грек подверг критике процедуру избрания московского

митрополита Даниила, что изменило отношение к нему властей. После отказа подписать Флорентийскую унию русские митрополиты перестали ездить «на поставление» в Константинополь. Максим не мог смириться с вопиющим нарушением прав главы вселенской православной церкви. Даниил был избран на московскую митрополию без благословения патриарха, а следовательно, в нарушение закона. Максим Грек доказывал ошибочность решения московского собора не принимать назначения на митрополию «от цареградского патриарха, аки во области безбожных турок поганого царя». Ученый инок опровергал идею о «порушении» греческого православия под властью турок и отстаивал мысль о неоскверняемой чистоте греческой церкви. Философ без обиняков говорил, что считает избрание Даниила «безчинным».

Ученые греки пытались вернуть русскую церковь в лоно греческой. Ортодоксы увидели в их домогательствах покушение на независимость московской церкви. Споры о «чистоте» и «изрушении» греческой веры побуждали ученых греков все резче отзываться о «заблуждениях» московитов и ошибках в их богослужебных книгах. В свою очередь, московские монахи, отстаивая ортодоксальность старых русских книг и обрядов, стали обвинять греков в ереси.

Василий III понимал, сколь важна для него поддержка московской ортодоксальной церкви, и, когда жизнь поставила его перед выбором прослыть сторонником греческой «прелести» или главой истинного православного царства, он недолго колебался. Некто Марк Грек подвизался в Москве как лекарь и купец. Русские дипломаты хлопотали в Константинополе о том, чтобы султан разрешил жене Марка выехать на Русь. Впоследствии Константинополь пытался вызволить самого Марка из плена. Судя по тому, что Марк вел доверительные беседы с государем, он был одним из придворных лекарей. По словам С. Герберштейна, Марк Грек первым осмелился высказать Василию III резкие замечания по поводу тяжких заблуждений русского православия. За это он был тотчас взят под стражу и бесследно исчез. Ю. Д. Траханиотов также пытался отстаивать красоту греческой веры, а заодно вызволить Марка из беды. За это его отрешили от всех должностей. Впрочем, своего любимца монарх наказал лишь для вида. Очень скоро его вернули ко двору и ввиду его болезни позволили носить на носилках «наверх» в комнаты государя.

Митрополит Варлаам не проявлял должной твердости по отношению к грекам. Но его преемник Даниил прежде всего постарался избавиться от Максима Философа. Осифляне

дознались о сомнительном прошлом Максима Грека, принявшего католичество во время учения в Италии. Среди ревнителей московской старины возникли подозрения, что Максим портит старые русские богослужебные книги. Ортодоксы были убеждены в святости и неизменности каждой буквы и строки этих книг. Едва ли не самый знаменитый каллиграф своего времени Михаил Медоварцев живо передал чувство потрясения, которое он испытал при исправлении церковных текстов по указанию Максима: «Загладил (стер. — *Р.С.*) две строки, и вперед глядити посумнелся есми… не могу… заглажывати, дрожь мя великая поймала и ужас на меня напал».

Иосиф Волоцкий чтил дух и букву писания. Его ученики далеко превзошли своего учителя в начетничестве. Митрополит Даниил с крайним неодобрением относился к деятельности чужеземца-переводчика. Во время судебного разбирательства Максим признался: «…говорил, что здесь на Руси (священные. — *Р.С.*) книги не прямы, а иные книги перевотъчики перепортили, не умели их переводить, а иные книги писцы перепортили, ино их надобно переводити».

Осифляне постарались любой ценой скомпрометировать Грека в глазах монарха. На суде трое свидетелей показали, будто Философ занимался колдовством: «Волшебными хитростями еллинскими писал еси водками на дланех», и, когда государь гневался на инока, «он учнет великому князю против того что отвечивати, а против великого князя длани своя поставляет, и князь великий гнев на него часа того утолит и учнет смеятися».

Максим Грек обладал острым умом, обширными богословскими познаниями и в совершенстве владел приемами риторики. Неизвестно, чем бы закончился суд, если бы судьи допустили свободный диспут. Стараниями Даниила прения на соборе свелись к мелочным придиркам в духе Иосифа Волоцкого. Исправляя по приказу Василия III Цветную триодь, Максим Грек внес в службу о Вознесении исправление. Вместо «Христос взыде на небеса и седе одесную отца» он написал: «седев одесную отца». Ортодоксы учили, что Христос сидит вечно «одесную отца». Из исправленного текста следовало, что «седение» было мимолетным состоянием в прошлом — «яко седение Христово одесную отца мимошедшее и минувшее». На допросах Максим защищал свое исправление, отрицая «разньство» в текстах. Но позднее он признал ошибочность своего написания и объяснил дело недостаточным знанием русского языка.

Чтобы утвердить незыблемость московской веры, митрополит Даниил в 1531 г. добился суда над Вассианом Патрикеевым и повторного розыска о провинностях Максима Грека. Писец

показал на суде, что Грек делал исправления с одобрения князя-инока. «Ты слушай меня да Максима Грека, — говорил Вассиан Патрикеев чудовскому переписчику, — и как тебе велит писати и заглаживати Максим Грек, так учини. А здешние книги все лживые, и правила здешние кривила, а не правила». После того как переводы Максима Грека поставили под сомнение святость старых книг, вопрос об отношении к русским святым приобрел исключительно острый характер. На суде Даниил, обращаясь к Вассиану, заявил: «А чюдотворьцев (русских. — *Р.С.*) называвши смутотворцами», потому что они «у монастырей села имеют и люди». И обвинитель, и обвиняемые не забыли старых споров о церковных «стяжениях». Но теперь оба затронули эту тему как бы вскользь. Не касаясь подробностей дела, Вассиан отвечал своему обвинителю: «Яз писал о селах — во Евангелии писано: не велено сел монастырем держати». Митрополит сослался на тексты из Кормчей и старых святых. На это Патрикеев отвечал: «Те держали села, а пристрастия к ним не имели». Когда же Даниил указал на пример новых чудотворцев, Вассиан ответил: «Яз того не ведаю, чюдотворцы ли то были». Судьи пытались использовать сочинения и толкования Вассиана для обвинения его в ереси. Князь-инок мужественно защищался, пуская в ход иронию и блестящее знание богословских сочинений. Вассиан не скрыл от собора своих сомнений по поводу догмата о двойной природе Христа, что имело для опального самые неблагоприятные последствия. Митрополит Даниил с гневом обрушился на еретические «мудрствования» Вассиана о том, что «плоть Господня до воскресения нетъленна». Вместо покаяния собор услышал твердые слова: «Яз, господине, как дотоле говорил, так и ныне говорю». Зловещую роль на процессе Патрикеева и Максима Грека сыграл любимец Василия III — М. Ю. Захарьин. На суде он утверждал, будто в Италии Максим и 200 других лиц выучились у некоего учителя «любомудрию философскому и всякой премудрости литовстей и витерстей, да уклонилися и отступили в жидовский закон и учение»; папа римский велел их сжечь, но Максим спасся, сбежав на Афон. Если бы Захарьину удалось доказать свои обвинения, еретика можно было послать на костер. Но Максиму Греку принадлежало несколько обличительных посланий против иудаизма, и выступление ближнего боярина не достигло цели. Ввиду очевидной абсурдности подозрений насчет «жидовства» митрополит Даниил не включил этот пункт в свою обвинительную речь.

В 1522 г. в Москву прибыл турецкий посол Скандер, грек по крови. Он привез предложение о мире и дружбе с Россией. Максим Грек виделся с земляком. Даниил использовал это

обстоятельство и в 1531 г. обвинил Философа в изменнических сношениях с турками. Обвинения были беспочвенными. Максим верил в высокую историческую миссию богохранимой русской державы и надеялся на возрождение Греции под ее эгидой.

Инициаторы суда стремились очернить ученого переводчика как лазутчика и колдуна с единственной целью — опорочить его переводы, подрывавшие старую веру. Главные обвинения сводились к тому, что грек не признавал русских священных книг, исказил ряд канонических статей в Кормчей, «заглаживал» (стирал) отдельные строки в Евангелии, хулил русских чудотворцев.

После суда Вассиан Патрикеев был заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь, где и умер. Максима Грека перевели в тверской Отрочский монастырь. Его помощников разослали в другие обители. С греческой «прелестью» было покончено раз и навсегда.

Сопоставив взгляды Максима Философа и его противников — осифлян, богослов Г. Флоровский выделил их расхождения в оценке судеб и будущего России. По мнению осифлян, будущее России великолепно и определено раз и навсегда. Максим видел Русь в образе страждущей вдовы, которой судьба уготовила тернистый путь. В глазах осифлян Москва представлялась третьим Римом, строилось великое новое христианское царство. Для Максима, напротив, Россия являлась Градом в странствии.

Максим Грек не соглашался с московскими ортодоксами, отстаивавшими автокефальность русской церкви и ее превосходство над «изрушившейся» греческой верой. Суд над Максимом Греком и образованными монахами-нестяжателями неизбежно вел Россию к религиозной и культурной изоляции и готовил почву для раскола русской церкви в XVII в.

Кончина

Смертельно заболев, государь стал втайне от думы готовиться к постригу. Свое намерение он открыл любимцу Шигоне-Поджогину. Такое решение таило в себе громадный политический риск. В случае выздоровления монарх не мог вернуться на трон как расстрига. Когда Василий III объявил свою последнюю волю думе, его брат князь Андрей Старицкий, боярин Воронцов и Шигона заявили о своем несогласии. Не добившись послушания от душеприказчиков, больной обратился к митрополиту Даниилу с мольбой: «Аще ли (бояре. — *Р.С.*) не дадут мене постричи, но на мертвого меня положи платне чернеческое, бе бо издавна желание мое». Митрополит пытался исполнить желание государя, но князь Андрей и Воронцов оттеснили его от ложа. Благочестивое намерение монарха поддержал один лишь М. Ю. Захарьин, в роду которого царил дух религиозного фанатизма.

Судить о военных заслугах Василия III трудно ввиду своеобразного обычая, утвердившегося в Москве. «Хотя этот государь Василий был очень несчастлив на войне, однако его подданные всегда хвалят его, как будто бы он вел дело с полным счастьем. И хотя иногда воины возвращались домой едва не половинном количестве, однако Московиты утверждают, что в сражении не потеряно было ни одного».

Иван III добился объединения русских земель в рамках единого государства. Но строй и облик этого государства окончательно определился лишь при его внуке Иване IV, получившем прозвище Грозный. Иван родился 25 августа 1530 г. Он потерял отца, когда ему было 3 года. Вокняжение Ивана IV и последовавшее затем боярское правление показали, что «золотой век» бояр не кончился ни при Василии III, ни при его наследнике.

Московский великий князь занемог осенью 1533 г. Во время охоты в окрестностях Волоколамска у него на левом стегне, на сгибе выскочила болячка с булавочную головку. В первых числах октября великий князь, будучи в Волоколамске, в большом изнеможении, пришел на пир, данный тверским дворецким Иваном Шигоной в его честь. Два дня спустя была превосходная погода, и великий князь послал за ловчими. Остановившись в селе Колпь, Василий послал к брату Андрею Ивановичу звать его на охоту и, когда тот приехал, отправился в поле с собаками, но ездил немного, не далее двух верст от села. Возвратившись с охоты в Колпь, обедал вместе с братом и тут в последний раз сидел за столом; с этих пор он ел мало и только в постели.

Видя усиление болезни, он послал за князем Михаилом Глинским и за двумя докторами Николаем и Феофилом. По совету князя Глинского лекари начали прикладывать к болячке пшеничную муку с пресным медом и лук печеный; от этого болячка начала рдеть и загниваться. Прожив две недели в Колпи, великий князь захотел возвратиться в Волок; на лошади ехать не мог, боярские дети и княжата несли его на руках. В Волоке великий князь велел прикладывать мазь; стало выходить много гною.

Тем временем великий князь послал сына боярского Мансурова и дьяка Меньшого Путятина тайно в Москву за духовной грамотой, которую написал перед отъездом в Новгород.

В Москве он не велел сообщать о своей болезни никому, ни митрополиту, ни боярам. Когда грамоты были привезены, Василий велел прочитать их себе тайно от братьев, бояр и от князя Глинского. После этого он велел сжечь свою духовную и принести старые духовные грамоты. Больной призвал Шигону-Поджогина и советовался с ним и с Путятиным, кого из бояр допустить в думу о духовной и «кому приказать свой государев приказ».

Во время охоты были с великим князем на Волоке князь Дмитрий Федорович Бельский, князь Иван Васильевич Шуйский, князь Михайло Львович Глинский да двое дворецких — князь Кубенский и Шигона.

Удельный князь Юрий Иванович поспешил в Волок, но великий князь скрывал от него свою болезнь и не хотел, чтоб он долго оставался в Волоке.

Между тем наступило ухудшение. Из болячки вышло гною больше таза, вышел стержень больше полуторы пяди. Великий князь обрадовался, думал, что получит облегчение от болезни. Начали прикладывать к болячке обыкновенную мазь, опухоль опала.

Когда приехал из Москвы боярин Михаил Захарьин, за которым посылали, то великий князь начал думать с боярами и дьяками, как ему ехать в Москву, и приговорил ехать с Волока через Иосифов монастырь.

В большой колымаге — «каптане» — была постлана постель и подле нее заначли место дети боярские, князь Курлятов-Оболенский и князь Палецкий-Стародубский. Они переворачивали больного со стороны на сторону, потому что сам он двигаться не мог.

Когда приехали в Иосифов монастырь, Курлятов и Палецкий взяли великого князя под руки и повели в церковь; здесь дьякон, начавши читать ектению за государя, не мог продолжать от слез.

Когда начали обедню, великий князь вышел и лег на одре на паперти, где и слушал службу. Переночевав в монастыре, Василий поехал в Москву, а брата Андрея отпустил в его удел. Решено было, что больной въедет в Москву тайно.

21 ноября великий князь приехал в подмосковное село Воробьеве и пробыл здесь два дня, после чего он приказал наводить мост на Москве-реке под Воробьевым, против Новодевичьего монастыря, потому что река еще не крепко стала. На третий день началась переправа. Под тяжестью колымаги мост рухнул, дети боярские едва успели удержать каптан от падения в реку.

В столице Василий III приступил к составлению нового завещания. В назначенный день «приеде к великому князю брат его князь Андрей Иванович, и нача князь великий думати з бояры». Летопись дает точный перечень лиц, приглашенных для утверждения княжеского завещания. Обычно московские князья составляли духовную в присутствии 3–4 бояр. У грамоты Ивана III «сидели» трое бояр и казначей. Так же поступил и Василий III. Он пригласил, кроме брата Андрея, трех бояр: князя В. В. Шуйского, М. С. Воронцова и М. Юрьева-Захарьина — и казначея. К ним он присоединил тверского дворецкого Шигону и двух ближних дьяков. Главным на совещании во дворце был вопрос, как утвердить на троне малолетнего наследника Ивана и «как строитися царству после его», то есть после кончины великого князя.

Приглашенные к постели умирающего считались его душеприказчиками. На них возлагались функции опекунов при младенце-наследнике. Бояре настаивали на расширении опекунского совета.

Несмотря на все атрибуты неограниченной власти, монарх зависел от бояр, особенно в моменты передачи трона. Василий III сознавал эту зависимость и не стал противиться воле бояр. В Москве у постели больного произошел торг. Бояре соглашались выполнить волю государя, но настаивали на включении в число опекунов-душеприказчиков своих родственников. Василий III принял их условия. Круг опекунов расширился: Василий Шуйский добился назначения брата боярина Ивана Шуйского, а Михаил Юрьев-Захарьин — двоюродного дяди боярина Михаила Тучкова. Царь поручил правление «немногим боярам», гласит псковское известие. Теперь мы можем точно определить их число. Василий III вверил дела особой боярской комиссии, возглавленной удельным князем. В нее входили некоторые ближние люди (например, сын боярский Иван Шигона), не имевшие высшего думного чина. Но главенствовали в комиссии

семь лиц — князь Старицкий и шестеро бояр.

«Седьмочисленный» опекунский совет был, по существу, одной из комиссий Боярской думы. Назначение Шуйских определялось тем, что добрая половина членов думы (двое Шуйских, двое Горбатых, Андрей Ростовский, дворецкий Иван Кубенский-Ярославский) представляла коренную суздальскую знать. Из старомосковских родов боярский чин имели трое Морозовых, Воронцов и Юрьев-Захарьин. Но они занимали низшее положение по сравнению с княжеской знатью.

По давней традиции великий князь, покидая Москву, оставлял «царствующий град» в ведении боярской комиссии. Возможно, московскую боярскую комиссию и опекунский совет 1533 г. можно рассматривать как своего рода предтечу Семибоярщины периода Смуты. Во второй половине XVI в. московская комиссия не менее десяти раз брала на себя управление «царствующим градом» в отсутствие государя. Численность ее колебалась. В шести случаях она насчитывала семь бояр, в других случаях — от трех до шести лиц.

Василий III не помышлял о том, чтобы уничтожить значение Боярской думы. Для последнего прощания он пригласил к себе князей Дмитрия Бельского с братьями, князей Шуйских с Горбатыми и «всех бояр». Умирающий заклинал бояр: «Вы, брате, постоите крепко, чтоб мой сын учинился на государстве государь и чтобы была в земле правда». Отпустив думу, Василий III оставил у себя до глубокой ночи двух самых доверенных советников — Михаила Юрьева-Захарьина и Ивана Шигону, к которым присоединился Михаил Глинский. Им он отдал последние распоряжения, касавшиеся его семейных дел: «приказав о своей великой княгине Елене, како ей без него быти, как к ней бояром ходити…»

После почти тридцати лет управления государством Василий III сосредоточил в своих руках огромную власть. Современники недаром бранили великого князя за то, что он решает все дела с несколькими ближайшими советниками — «сам-третей у постели», — без совета с Боярской думой. Последнее совещание у постели умирающего подтверждало основательность подобных обвинений. Как видно, великий князь рассчитывал сохранить сложившийся порядок вещей, учредив особый опекунский совет. Среди ближних людей даже Михаил Юрьев-Захарьин далеко уступал по знатности и официальному положению главным боярам думы. Что касается Ивана Шигоны, то он возвысился всецело по милости государя и не мог претендовать на высокий думный чин. Введя этих лиц в круг своих душеприказчиков, Василий III надеялся с их помощью

оградить трон от покушений со стороны могущественной аристократии. Разделение Боярской думы на части и противопоставление «Семибоярщины» прочей думе должно было ограничить ее влияние надела управления. Со временем «семибоярщина» выродилась в орган боярской олигархии. Но в момент своего учреждения она была сконструирована как правительственная комиссия, призванная предотвратить ослабление центральной власти. Избранные советники должны были управлять страной и опекать великокняжескую семью в течение двенадцати лет, пока наследник не достигнет совершеннолетия.

В нарушение традиции великий князь решил ввести в опекунский совет Михаила Глинского, который был чужеземцем в глазах природной русской Знати и из двадцати лет, прожитых в России, тринадцать провел в тюрьме как государственный преступник. Решительность, опыт и энергия Глинского позволяли Василию III надеяться, что он обепечит безопасность родной племянницы Елены Глинской. Убеждая советников, Василий III указывал на родство Глинского с великой княгиней, «что ему в родстве по жене его».

В летописях, составленных при дворе царя Ивана, можно прочесть, что Василий III вручил скипетр жене Елене Глинской, сердце которой было исполнено «великого царского разума», что и позволило ей стать правительницей государства при малолетнем наследнике. Официальная летопись наделяла Глинскую правами законной преемницы великого князя. Однако источники неофициального происхождения рисуют другую картину. Как сообщал псковский летописец, Василий III «приказа великое княжение сыну своему большому князю Ивану и нарече его сам при своем животе великим князем и приказа его беречи до пятнадцати лет своим боярам немногим».

«Немногие бояре» — это и есть регентский совет, назначенный Василием III. Перед самой кончиной монарх еще раз призвал всех членов совета и еще раз «приказывал» им о сыне и о правлении государством. Это второе совещание не имело того значения, какое имело первое, когда было составлено завещание. Под конец Василий отпустил всех, оставив при себе трех человек: Глинского, Захарьина и Шигону. Им он дал последние наставления насчет жены, «како ей без него быти и как к ней бояром ходити». Таким образом, процедура сношений между думой и вдовствующей великой княгиней была поставлена также под надзор опекунов.

Занимаясь «устроением земским», государь ни разу не пригласил «жену Олену». Объяснение с ней он откладывал до

самой последней минуты. Когда наступил кризис и больному осталось жить считанные часы, советники стали «притужать» его послать за великой княгиней и благословить ее. Тогда только Елену пустили наконец к постели умирающего. Рыдая, княгиня бросилась к мужу с вопросом о своей участи: «Государь! князь велики! На кого меня оставляешь и кому, государь, дети приказываешь?» Василий III отвечал кратко: «Благословил есми своего Ивана государьством великим княжением, а тебе есми написал в духовной своей грамоте, как в прежних духовных грамотех отец наших и прародителей, по достоянию, как прежним великим княгиням». Традиции, сложившиеся в роду Ивана Калиты, хорошо известны. Вдовы московских государей «по достоянию» получали вдовий прожиточный удел, но их никогда не назначали правительницами. Переписка между Василием III и Еленой Глинской показывает, что муж никогда не советовался с женой о своих делах. Перед кончиной он не позаботился посвятить ее в свои планы. Вековые обычаи не допускали участия женщин в делах правления.

Самодержавный режим не успел окрепнуть, и монарха терзали дурные предчувствия. Он страшился, что бояре, не забывшие его опал и тюремных «сидений», не пощадят его наследника и вдову. Завершив составление духовной, больной созвал Боярскую думу и подробно объяснил мотивы включения в число душеприказчиков Глинского. Он, как заявил государь, «человек к нам приезщей и вы бо того не молвили… держите его за здешнего уроженца, занеже он мне прямой слуга». Глинский нес ответственность за личную безопасность великокняжеской семьи. «А ты бы, князь Михайло Глинской, за моего сына великого князя Ивана и за мою великую княгиню Елену… кровь свою пролил и тело свое на раздробление дал», — так князь закончил речь к думе.

Всякому значительному событию жизни соответствовал свой обряд. Василий III желал умереть в точности так, как умер его отец. Больной призвал к себе сына боярского Федора Кучецкого и велел ему стать подле постели, «потому что Федор видел преставление отца его, великого князя Ивана».

Отступление было допущено лишь в одном. Незадолго до смерти Василий III пришел к мысли о пострижении в монахи. Уже в дни охоты на Волоке великий князь говорил духовнику: «Смотрите, не положите меня в белом платье; хотя и выздоровлю — нужды нет, мысль моя и сердечное желание обращены к иночеству».

В Москве больной пригласил митрополита Даниила и духовника своего протопопа Алексея и заговорил с ними «о

пострижении, потому что давно была у него эта мысль; и платье с Волока велел взять с собою в дорогу готовое. В пути больной приказывал Шигоне и Путятину, чтоб не положили его в белом платье. Вслед за тем князь тайно приобщался и маслом соборовался». В субботу он соборовался уже явно; на другой день в воскресенье велел приготовить себе служебные дары. Когда дали, знать, что их несут, встал с постели, опираясь на боярина Михайлу Захарьина. Когда вошел духовник с дарами, Василий приобщился со слезами.

Затем в хоромы были приглашены митрополит, братья Юрий и Андрей, все бояре, и умирающий обратился к ним с речью: «Приказываю своего сына, великого князя Ивана, Богу, Пречистой Богородице, святым чудотворцам и тебе, отцу своему, Даниилу, митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которым меня благословил отец мой; а вы, братья мои, князь Юрий и князь Андрей, стойте крепко в своем слове, на чем вы мне крест целовали, о земском строении и о ратных делах против недругов моего сына и своих стойте сообща, чтоб православных христиан рука была высока над бусурманством; а вы, бояре, боярские дети и княжата, как служили нам, так служите и сыну моему, Ивану, на недругов все будьте заодно, христианство от недругов берегите, служите сыну моему прямо и неподвижно». Отпустивши братьев и митрополита, умирающий стал говорить боярам: «Знаете и сами, что государство наше ведется от великого князя Владимира киевского, мы вам государи прирожденные, а вы наши извечные бояре: так постойте, братья, крепко, чтоб сын мой учинился на государстве государем, чтоб была в земле правда и в вас розни никакой не было». Ожидая сопротивления думы, великий князь представил думе в качестве опекуна Михаила Глинского: «Человек он к вам приезжий; но вы не говорите, что он приезжий, держите его за здешнего уроженца, потому что он мне прямой слуга; будьте все сообща».

Свою речь умирающий закончил словами: «Видите сами, что я изнемог и к концу приблизился, а желание мое давно было постричься; постригите меня».

Приказ о пострижении вызвал спор в думе. Митрополит и боярин Михаил Юрьевич похвалили это намерение, но глава «семибоярщины» князь Андрей Иванович, Михаил Семенович Воронцов и Шигона стали возражать: «Князь великий Владимир киевский умер не в чернецах, а не сподобился ли праведного покоя? И иные великие князья не в чернецах преставились, а не с праведными ли обрели покой?»

Стараясь положить конец спорам, умирающий обратился к митрополиту: «Исповедал я тебе, отец, всю свою тайну, что хочу

монашества; чего так долежать? Сподоби меня облещись в монашеский чин, постриги меня».

На словах митрополит одобрял намерение Василия, но без приказа думы не решался приступить к обряду пострижения.

Пространный и достоверный рассказ летописца о последних днях монарха подтверждает представление о нем как слабом правителе. Великий князь имел в своем распоряжении военную силу. Но не использовал ее и не решился апеллировать к народу, зная о непопулярности греческой династии. Невзирая на многократные приказы и моления больного, бояре настояли на своем.

Последние слова умирающего были: «Так ли мне, господин митрополит, лежать?» Начал креститься и говорить: «Аллилуия, аллилуия, слава Тебе, Боже!» Говорил также слова из икосов. Конец его приближался, язык стал отниматься, но умирающий все просил пострижения, брал простыню и целовал ее.

За несколько дней до кончины Василий III произнес слова, свидетельствовавшие, что князь потерял надежду одолеть свою знать: «Если не дадут меня постричь, то на мертвого положите монашеское платье, потому что это давнее мое желание».

Наконец митрополит Даниил послал старца Михаила за монашеским платьем, но в дело опять вмешались опекуны. Князь Андрей Иванович и его боярин Воронцов воспротивились пострижению. Митрополит пригрозил князю Андрею: «Не будь на тебе нашего благословения ни в сей век, ни в будущий; хорош сосуд серебряный, а лучше позолоченный».

Великий князь скончался 3 декабря 1533 г. Обряд пострижения провели, видимо, над мертвым телом. Возле постели умершего стоял Шигона, который потом рассказывал, как дух вышел из покойного в виде тонкого облака.

Василий III имел основание опасаться интриг князя Юрия. Сразу после рождения наследника Ивана великий князь заключил особый договор с удельным князем Юрием: «А придет Божья воля, возьмет Бог меня, великого князя, а благословлю сына своего Ивана своими великими княжствы, и тобе сына моего Ивана держати в мое место, своего господина и брата старейшего. А великих ти княжеств под ним, и под моею великою княгинею, и под нашими детьми блюсти, и не убедите, ни вступатися, ни подыскивати никакими делы, никоторою хитростью. А быти ти с моим сыном Иваном, и с моею великою княгинею, и с нашими детьми везде заедино.

А где аз, князь великий, сяду на коня сам или мой сын Иван, и тобе с нами поитти. А где тобя пошлем, и тобе поитти без послушания. А где пошлем своих воевод, и тобе с нашими

воеводами послати своего воеводу с своими людьми».

Юрий нарушил договор, едва узнал о смертельной болезни брата. Он послал дьяка к князьям Андрею Шуйскому и Борису Горбатому с предложением перейти на службу в удел. Заговор не удался, оба князя поспешили во дворец с доносом. Князь Андрей был взят под стражу, а князь Юрий угодил в тюрьму, где и умер.

Эпилог

На долю Василия III выпала задача завершить многое из того, что было задумано его отцом. Иван III покорил Новгород, пролив много крови. Его сын упразднил вечевую республику без единого выстрела. Василий III подчинил древнюю великокняжескую столицу Рязань, фактически покоренную уж его отцом.

Смоленская крепость была фактически воротами Московской земли. Захватив Смоленск и Вязьму, литовцы заполучили в свои руки ключ к московской обороне. Из Вязьмы они могли в считанные дни выйти к Москве и нанести удар. В Москве это понимали. Василий III проявил огромную настойчивость, добиваясь сдачи Смоленска. И он достиг цели. Благодаря византийской изворотливости Василий III занял Смоленск с помощью преимущественно дипломатических средств. Россия избежала значительных потерь. Смоленск был одним из старейших городов Древней Руси. Ключевой пункт обороны западных границ перешел в руки русских.

При Иване III были осуществлены основные работы по сооружению новой великокняжеской резиденции — Московского Кремля. Довел строительство до конца Василий III.

Для перестройки Кремля в Москву был приглашен миланский инженер Пьетро Антонио Солари и Марко Руффо. В1487 г. Марко Руффо приступил к сооружению Беклемишевской башни. Антон Фрязин выстроил Тайницкую и Свибловскую (Водовзводную) башни, завершив укрепление южной части Кремля. Пьетро Солари воздвиг башни у Боровицких и Константино-Еленинских ворот, а затем вместе с Марко Руффо заложил новую Фроловскую (Спасскую) проездную башню. Солари вывел стену до Боровицкой башни, а также от Никольской башни до Неглинной, где построил Собакину (ныне Угловая Арсенальная) башню с родником. Укрепления Кремля были построены из кирпича. Башни получили шатровые надстройки в XVII в. После смерти Солари строительные работы продолжил инженер Алевиз из Милана.

Весной 1508 г. он приступил к сооружению рва, обложенного белым камнем и кирпичом. Ров, заполненный водой, пересек Красную площадь и соединил Неглинную и Москву-реку.

Еще в 1495 г. была заложена Троицкая башня. К 1508 г. Алевиз, получивший прозвище Новый, завершил строительство Архангельского собора, выдержанного в венецианском стиле. Была поставлена стена вдоль реки Неглинной.

Постройка Кремля была завершена в 1515 г. Кремль стал одной из лучших крепостей Европы. Кремль был резиденцией

московского монарха, символом нарождавшейся Российской империи.

В конце XV–XVI в. Россия значительно расширила свои связи со странами Западной Европы.

Василий III понимал, сколь важны для Руси торговые связи с западноевропейскими странами. В 1514 г. он заключил договор с Ганзейскими городами, разрешив им торговать в Новгороде Великом всяким товаром «без вывета», включая серебро, олово, медь, свинец, серу. Новгородские купцы получили право торговать воском и всяким товаром в Германии.

Расширились связи с Италией. В Москве в большом числе появились итальянские зодчие, инженеры, врачи, ювелиры и прочие мастера. Им суждено было оставить глубокий след в истории русской культуры, в особенности в сфере зодчества.

Шедевр Фиораванти — кремлевский Успенский собор в Москве — стал главной святыней православной Московской Руси. На многие десятилетия он стал образцом для русских мастеров, трудившихся в разных городах и землях.

Новые черты, обозначившиеся в облике Успенского собора, еще ярче выразились в архитектуре Архангельского собора, построенного итальянским архитектором Алевизом Новым в 1505–1508 гг. Собор служил усыпальницей московских государей.

Время Василия III — первая половина XVI в. — стало временем расцвета шатровой архитектуры. Первым шатровым храмом была церковь Вознесения, воздвигнутая в великокняжеской усадьбе селе Коломенском в 1530–1532 гг. Этот придворно-княжеский храм стал одновременно храмом-мемориалом. Церковь Вознесения явилась памятником в честь рождения в великокняжеской семье наследника Ивана.

Блистательная эпоха итальянского Возрождения оказала глубокое воздействие на всю Европу. Русь не была исключением. В конце XV в. казалось, что Россия, потеряв духовного пастыря в лице Византии, готова искать пути сближения с западно-христианским миром. Итальянский брак Ивана III и деятельность греков-униатов в Москве расширили связи с Западом. Однако низложение архиепископа Геннадия, покровительствовавшего «латинам», фактический разрыв русско-итальянских связей, суд над Максимом Греком положили конец наметившемуся повороту. «Флорентийская уния и падение Византии, — по мысли Г. Флоровского, — имели роковое значение для Руси: в решающий момент русского национального самоопределения византийская традиция прервалась, византийское наследие было

оставлено и полузабыто; в этом отречении «от греков» — завязка и существо московского кризиса культуры». Почву для кризиса создал, по-видимому, не только разрыв с «греками», но и отказ от наметившегося поворота в сторону католического Запада. Торжество официальной церкви и самодержавных начал, утверждение идеи исключительности Москвы — «третьего Рима», последней мировой истинно христианской империи, способствовали изоляции России в то время, когда она остро нуждалась в развитии культурных и прочих связей со странами Западной Европы.

В соответствии с традицией Василий III никогда не подписывал свои указы, предоставляя делать это своим дьякам. Но в отличие от других московских государей он умел писать и при случае посылал жене записки «своей руки». Византиец по матери, Василий III проявлял интерес к западным новшествам и охотно покровительствовал итальянским архитекторам и строителям, западным докторам, богословам-грекам. Но он не сделал никаких усилий к тому, чтобы расширить и упрочить возникшие связи с Италией и другими западными странами. Великий князь не помышлял о европеизации русского общества, а это значит, что дух Возрождения остался чужд ему. Минуло время, когда летописцы выражали сомнение в мудрости монарха или обличали за трусость на поле боя. При Василии III они соблюдали должное почтение к особе монарха. Ради упрочения своей власти государь передал кормило управления церковью осифлянам, учившим, что царь только естеством подобен людям, властью же подобен Богу. В характере и привычках Василия III не было ничего яркого и неординарного. Подобно отцу, он был политиком расчетливым и осторожным и избегал всего, что могло привести к политическим потрясениям. На склоне лет дела стали тяготить монарха, и втайне он помышлял о пострижении. Местом своего упокоения он избрал Кирилло-Белозерский монастырь, чем невольно выдал свое истинное отношение к осифлянам.

Словарь

Боевые холопы — рабы, несшие военную службу в свите бояр.

Боярская дума — совет высших лиц государства (думных людей) при монархе, высший орган государства.

Вече — народное собрание в Новгороде в период республики.

Воевода — военачальник, глава военной администрации города.

Вотчина — частная земельная собственность.

Двор — учреждение, включавшее Боярскую думу, верхний слой правящего дворянства и бюрократии.

Дворец — управление собственностью царской семьи, обеспечивавшее нужды царской фамилии и придворных.

Дворецкий — боярин, возглавлявший Дворцовый приказ.

Дворянин — член Государева двора.

Десятина — площадь поверхности земли, немногим больше гектара.

Дети боярские (см. также сын боярский) — дворяне, служившие в Государевом дворе и по уездам. В массе мелкие землевладельцы.

Дьяк — чиновник государственной службы.

Житьи люди — землевладельцы в Новгороде Великом. Ступенью ниже бояр.

Кабала — вид зависимости (по кабале должники работали на господина в счет погашения процентов с долга).

Казенный приказ — управление, ведавшее государственными сокровищами и финансами.

Казначей — глава Казенного приказа, член Боярской думы.

Конюший — глава Конюшенного приказа, ведавшего царскими табунами. Один из старших бояр думы.

Нестяжатели — последователи старца Нила Сорского из северных монашеских скитов, противники обогащения монастырей.

Обжа — мера обложения пашни податями: «Обжа — надел зажиточного крестьянина, „один человек на одной лошади пашет“».

Ополчение — нерегулярное дворянское войско, сформированное в полки на время похода.

Осифляне — последователи игумена Иосифа из Иосифо-Волоколамского монастыря под Москвой.

Отчина — см. вотчина.

Податные люди — налогоплательщики.

Полк большой, правой и левой руки, сторожевой, передовой,

государев — система построения русского войска на поле боя. Авангард — сторожевой и передовой полки; главные силы — Большой полк, государев полк; на флангах — полк правой и полк левой руки.

Поместье — государственная собственность, переданная помещикам на условиях обязательной службы царю.

Посад — город.

Посадские люди — горожане, платившие царскую подать.

Посошные люди — люди, платившие подати и несшие натуральную повинность в пользу государства. На войне везли обозы и артиллерию.

Приговор — решение царя или Боярской думы.

Пыточный двор — судебная палата для дознаний с применением пыток.

Разряд — разрядные записи — распоряжения Военного ведомства.

Слуга и боярин — один из высших боярских титулов, которые жаловали знатным государственным деятелям.

Столичные гости — высший разряд московских купцов.

Судебник — кодекс законов России.

Сын боярский — см. дети боярские.

Тяглые люди — посадские люди и крестьяне, платившие царские подати.

Тягло — система государственных платежей и натуральных повинностей.

Уезд — административная область.

Уложение — законодательный акт, включавший ряд законов.

Холоп — раб.

Черносошные люди — население, платившее царские подати (налоги).

Черные люди — плательщики царских податей (налогов).

Четверть — одно из финансовых управлений государства.

Юрьев день — осенний, 26 ноября. Нормы Юрьева дня регулировали переход крестьян из одних владений в другие.

Литература

Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.

Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы. М., 1992.

Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.

Бахрушин С. В. Московское восстание 1648 г. // Научные труды. М., 1954. Т. 2.

Белокуров С. А. О Посольском приказе // ЧОИДР. 1906. Кн. 3.

Берх В. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб, 1831. Ч. 1.

Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.

Быков А. А. Патриарх Никон, его жизнь и общественная деятельность (ЖЗЛ). СПб, 1891.

Вернадский Г. В. Россия в средние века. Тверь; Москва. 1997.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; Москва. 1997.

Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., 1992.

Жилина Н. В. Шапка Мономаха. М, 2001.

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси (XIV — начало XVI века). М.; Л., 1955.

Карамзин Н. М. История Государства Российского. Тома V–VIII. Калуга, 1995.

Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967.

Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 2. М., 1988.

Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 3. М., 1988.

Кучкин В. А. Происхождение русского двуглавого орла. М., 1999.

Лобачев С. В. Патриарх Никон. СПб, «Искусство-СПб», 2003.

Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960.

Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга (официальной редакции) (по 1565 г.). М., 1901.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988.

Пайпс Ричард. Россия при старом режиме. М., 1993.

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.

Скрынников Р. Г. Крест и корона. СПб., 2000.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.

Скрынников Р. Г. История Российская (IX–XVII вв.) М., 1998.

Соболева Н. А. Русские печати. М., 1991.

Соловьев С. М. Сочинения в 18 книгах. Кн. II. Т. 3–4. М., 1988.

Соловьев С. М. Сочинения в 18 книгах. Кн. III. Т. 5–6. М., 1989.

Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.

Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891.

Fennell J.L.I. Ivan The Great of Moscow. London, 1961.

Иван Грозный

Введение

В XVI в. в истории европейских народов наступили большие перемены. Мир стоял на пороге Нового времени.

Великие географические открытия положили начало мировой торговле. Реформация вписала новую страницу в историю духовного развития мира.

Завоевания турок-османов побудили европейцев искать новые пути на Восток. Португальцы завязали сношения с Китаем и Японией, испанцы, англичане и французы приступили к завоеванию Америки. Плавание английских кораблей, посланных для открытия северо-восточного пути в Китай, положило начало торговле Англии с Россией через Белое море.

В начале XVI в. территория Русского государства была сравнительно невелика. Границы проходили в районе Нижнего Новгорода, Рязани, Вязьмы и Чернигова. Численность населения едва ли превышала 7–9 миллионов человек. Во второй половине столетия из-за разрухи русское население стало покидать насиженные места и переселяться на северные земли — в Поморье и Приуралье, а также в южные степи — «Дикое поле». Подъем городов и торговли продолжался до середины XVI в.

При Иване III русские покончили с татарским игом. Однако на протяжении всего столетия южные пределы страны и даже Москва подвергались нападениям кочевых орд. Россия значительно отставала от стран Западной Европы. Но ее культура развивалась как часть европейской культуры. Ее успехи в сфере летописания и книгопечатания, литературы, живописи и архитектуры, прикладных искусств были весьма значительны. Национальное сознание переживало подъем. Далекая Московия ощутила ветры европейской Реформации.

Объединение русских земель не привело к немедленному исчезновению традиций и порядков раздробленности. Земли, признавшие власть Москвы, были экономически разобщены. Общество живо ощущало потребность реформировать отжившие институты управления. В России нарождалось самодержавие.

То была трудная и трагическая эпоха. С этой эпохой неразрывно связана личность Ивана IV Васильевича Грозного, первого русского царя. Его фигура издавна привлекала внимание историков и писателей, художников и музыкантов. В глазах одних он был едва ли не самым мудрым правителем средневековой России, в глазах других — подозрительным и жестоким тираном, почти сумасшедшим, проливавшим кровь ни в чем не повинных людей. Едва ли в русской истории найдется другой исторический

деятель, который получил бы столь противоречивую оценку у потомков.

Кем же был Грозный и какое влияние оказала его деятельность на исторические судьбы России? При каких исторических обстоятельствах пришлось ему действовать? В какой мере эпоха сформировала его личность и какую печать на события наложили его характер и пристрастия?

Ответ на все подобные вопросы могут дать только факты. Проследим же за ними терпеливо, со всей возможной тщательностью.

Смерть отца

Дед Грозного Иван III женат был дважды: в первый раз на тверской княжне, а во второй — на византийской царевне Софье (Зое) Палеолог. Трон должен был перейти к представителям старшей линии семьи в лице первенца Ивана и его сына Дмитрия. Великий князь короновал на царство внука Дмитрия, но потом заточил его в тюрьму, а трон передал сыну от второго брака Василию III. Подобно отцу, Василий III тоже был женат дважды. В первый раз государевы писцы переписали по всей стране дворянских девок-невест, и из полутора тысяч претенденток Василий выбрал Соломонию Сабурову. Брак оказался бездетным, и после 20 лет супружеской жизни Василий III заточил жену в монастырь. Вселенская православная церковь и влиятельные боярские круги не одобрили развод в московской великокняжеской семье. Составленные задним числом летописи утверждали, будто Соломония постриглась в монахини, сама того желая. В действительности великая княгиня противилась разводу всеми силами. В Москве толковали, будто в монастыре Соломония родила сына — законного наследника престола — Юрия Васильевича. Но то были пустые слухи, с помощью которых инокиня пыталась помешать новому браку Василия III.

Второй женой великого князя стала юная литвинка княжна Елена Глинская, не отличавшаяся большой знатностью. Ее предки вели род от знатного татарина, выходца из Золотой Орды.

Союз с Глинской не сулил династических выгод. Но Елена, воспитанная в иноземных обычаях и не похожая на московских боярышень, умела нравиться. Василий был столь увлечен молодой женой, что в угоду ей не побоялся нарушить заветы старины и сбрил бороду.

Московская аристократия не одобрила выбор великого князя, белозерские монахи объявили его брак блудодеянием. Но большей бедой было то, что и второй брак Василия III оказался поначалу бездетным.

Четыре года супруги ждали ребенка, и только на пятом Елена родила сына, нареченного Иваном. Случилось это 25 августа 1530 г. Недоброжелатели бояре шептали, что отец Ивана — фаворит великой княгини. Согласно легенде, во всем царстве в час рождения младенца будто бы разразилась страшная гроза. Гром грянул среди ясного неба и потряс землю до основания. Казанская ханша, узнав о рождении царя, объявила московским гонцам: «Родился у вас царь, а у него двои зубы: одними ему съесть нас (татар), а другими вас». Известно еще много других

знамений и пророчеств о рождении Ивана, но все они были сочинены задним числом.

Источники официального происхождения приветствовали рождение наследника как событие, благое для всего православного мира: «Не токмо все Русское царство, но и повсюду все православнии възрадовашася, вси православнии во всех концах вселенныя радости исполнишася». Прошло время, и церковные писатели выступили с пророчествами по поводу того, что царь Иван освободит от ига неверных колыбель и столицу мирового православия — Константинополь — «город на семи холмах». Русский род, провозглашала «Степенная книга царского родословия», победит измаильтян «и седьмахолмого примут… и в нем воцарятся».

Прогнозы по поводу будущей славы царя и его потомков были слишком оптимистичны. Давно появились признаки того, что московская династия клонится к закату. Потомки «старого Игоря», киевского князя варяжского происхождения, в течение семи столетий женились в своем кругу. Московские Рюриковичи выбирали невест из семей тверских, рязанских князей и других Рюриковичей. Иван IV получил от предков тяжелую наследственность. В его жилах, кроме варяжской и славянской, текла кровь императорского рода Палеологов из Византии, татар из Орды и литовских князей.

Появились признаки вырождения царской семьи. Младший брат Ивана IV князь Юрий был глухонемым идиотом. Сын Ивана Федор страдал слабоумием, а другой сын, Дмитрий, был поражен с младенческих лет «черным недугом», или эпилепсией, которая рано или поздно свела бы его в могилу.

Василий III был несказанно рад рождению первенца. Со всей семьей он отправился в Троице-Сергиев монастырь. В обитель были приглашены самые известные своей святой жизнью старцы. Первым из них был Кассиан Босой, инок Иосифо-Волоколамского монастыря. Он достиг преклонных лет и едва передвигался. Его «яко младенца привезоша» в Троицу, а во время церемонии крещения поддерживали под руки. Восприемниками княжича стали также игумен Даниил, призванный из Троицкого монастыря в Переяславле-Залесском, и Иев Курцов, инок Троице-Сергиева монастыря.

Наследник был назван именем Иван в честь Иоанна Крестителя и в честь деда Ивана III. После церемонии крещения великий князь поднял младенца на руки и перенес на гробницу Сергия Радонежского, как бы вверяя его покровительству самого славного московского подвижника.

Рождение у Василия и Елены Глинской первенца — Ивана

принесло в великокняжескую семью обычные заботы и радости. Когда Василию случалось покидать Москву без семьи, он слал «жене Олене» нетерпеливые письма, повелевая сообщать, здоров ли «Иван-сын» и что кушает. Ото дня ко дню Олена уведомляла мужа, как «покрячел» младенец и как явилось на шее у него «место высоко да крепко». Ивану едва исполнилось три года, когда отец его заболел и умер.

Характер взаимоотношений великого князя с окружавшей его знатью никогда прежде не проявлялся так ярко, как в момент болезни и смерти Василия III. Завещание великого князя не сохранилось, и мы не знаем в точности, какова была его последняя воля. В Воскресенской летописи 1542 г. читаем, что Василий III благословил «на государство» сына Ивана и вручил ему «скипетр Великой Руси», а жене приказал держать государство «под сыном» до его возмужания. При Грозном, в 50-х годах, летописцы стали утверждать, будто великий князь вручил скипетр не сыну, а жене, которую считал мудрой и мужественной, с сердцем, исполненным «великого царского разума». Иван IV любил свою мать, и в его глазах имя ее окружено было особым ореолом. Неудивительно, что царские летописи рисовали Елену законной преемницей Василия III. Со временем летописная традиция трансформировалась, и Елена превратилась в носительницу идей централизованного государства, защитницу его политики, твердо противостоявшей происка реакционного боярства.

Если от придворных летописей мы обратимся к неофициальным свидетельствам, то история прихода к власти Глинской предстанет перед нами в ином освещении. Осведомленный псковский летописец отметил, что Василий III «приказал великое княжение сыну своему большому Ивану и нарече его сам при своем животе великим князем и приказал его беречи до пятнадцати лет своим бояром немногим». Из псковского источника следует, что Василий III наделил регентскими функциями не жену Елену и не Боярскую думу в целом, а немногочисленную боярскую комиссию, у которой Глинская затем незаконно отняла власть.

Какая же версия верна — московская придворная или псковская неофициальная? Ответ на этот вопрос заключен в самых ранних летописях, составленных очевидцем последних дней Василия III.

…Великий князь смертельно занемог на осенней охоте под Волоколамском. Услышав от врача, что положение его безнадежно, Василий III велел доставить из столицы завещание. Гонцы привезли духовную грамоту, «от великой княгини

крыющеся». Когда больного доставили в Москву, во дворце начались бесконечные совещания об «устроенье земском». На совещаниях присутствовали советники и бояре. Но ни разу великий князь не пригласил «жену Олену». Объяснение с ней он откладывал до самой последней минуты. Когда наступил кризис и больному осталось жить считанные часы, советники стали «притужать» его послать за великой княгиней и благословить ее. Вот когда Елену пустили наконец к постели умирающего. Горько рыдая, молодая женщина обратилась к мужу с вопросом о своей участи: «Государь великий князь! На кого меня оставляешь и кому, государь, детей приказываешь?» Василий отвечал кратко, но выразительно: «Благословил я сына своего Ивана государством и великим княжением, а тобе есми написал в духовной своей грамоте, как в прежних духовных грамотех отцов наших и прародителей по достоянию, как прежним великим княгиням». Елена хорошо уразумела слова мужа. Вдовы московских государей получали «по достоянию» вдовий удел. Так издавна повелось среди потомков Калиты. Елена плакала. «Жалостно было тогда видеть ее слезы, рыдания», — печально завершает очевидец свой рассказ.

Слова московского автора подтверждают достоверность псковской версии. Великий князь передал управление боярам, а не великой княгине. Василию III перевалило за 50, Елена была лет на 25 моложе. Муж никогда не советовался с женой о своих делах. Красноречивым свидетельством тому служила их переписка. Перед кончиной Василий III не посвятил великую княгиню в свои планы. Он не доверял молодости жены, мало надеялся на ее благоразумие и житейский опыт. Но еще большее значение имело другое обстоятельство. Вековые обычаи не допускали участия женщин в делах управления. Если бы великий князь вверил жене государство, он нарушил бы древние московские традиции.

Сведения о передаче власти боярам получили различное истолкование. Одни историки предположили, что Василий III образовал при малолетнем сыне регентский совет. По мнению других, монарх поручил государственные дела всей Боярской думе, а опекунами назначил двух удельных князей — Бельского и Глинского.

Обратимся к источникам. Перелистав тексты завещаний — «душевных грамот» московских государей, мы можем убедиться в том, что ответственность за выполнение своей последней воли великие князья неизменно возлагали на трех-четырех душеприказчиков из числа самых близких бояр. Так же поступил

смертельно занемогший Василий III. Для утверждения завещания он пригласил в качестве душеприказчиков своего младшего брата — удельного князя Андрея Старицкого, трех бояр (самого авторитетного из руководителей Боярской думы князя Василия Шуйского, ближнего советника Михаила Юрьева и Михаила Воронцова) и некоторых других советников, не имевших высших думных чинов. В нарушение традиции великий князь решил ввести в опекунский совет Михаила Глинского, который был чужеземцем в глазах природной русской знати и из двадцати лет, прожитых в России, тринадцать провел в тюрьме как государственный преступник. Решительность, опыт и энергия Глинского позволяли Василию III надеяться, что он оградит безопасность родной племянницы Елены Глинской. Убеждая советников, Василий III указывал на родство Глинского с великой княгиней, «что ему в родстве по жене его». У постели больного произошел политический торг. Бояре соглашались выполнить волю государя, но настаивали на включении в число опекунов-душеприказчиков своих родственников. Василий III принял их условия. Круг опекунов расширился: Василий Шуйский добился назначения брата боярина Ивана Шуйского, а Михаил Юрьев — двоюродного дяди боярина Михаила Тучкова. Царь поручил правление «немногим боярам», гласит псковское известие. Теперь мы можем точно определить их число. Василий III вверил дела особой боярской комиссии, возглавленной удельным князем. В нее входили некоторые «ближние люди» (например, сын боярский Иван Шигона), не имевшие высшего думного чина. Но главенствовали в комиссии семь лиц — князь Старицкий и шестеро бояр.

«Седьмочисленный» опекунский совет был, по существу, одной из комиссий Боярской думы. Назначение Шуйских определялось тем, что добрая половина членов думы (двое Шуйских, двое Горбатых, Андрей Ростовский, дворецкий Иван Кубенский-Ярославский) представляла коренную суздальскую знать. Из старомосковских родов боярский чин имели трое Морозовых, Воронцов и Юрьев-Захарьин. Но они занимали низшее положение по сравнению с княжеской знатью.

Опекунский совет был составлен из авторитетных бояр, представлявших наиболее могущественные аристократические семьи России. В 1533 г. в состав думы входили примерно 11–12 бояр. Большая часть их вошла в регентский совет.

По давней традиции великий князь, покидая Москву, оставлял «царствующий град» в ведении боярской комиссии. Возможно, московскую боярскую комиссию и опекунский совет 1533 г. можно рассматривать как своего рода предтечу

семибоярщины периода Смуты. Во второй половине XVI в. московская комиссия не менее десяти раз брала на себя управление «царствующим градом» в отсутствие государя. Численность ее колебалась. В шести случаях она насчитывала семь бояр, в других случаях — от трех до шести лиц.

Василий III не помышлял о том, чтобы уничтожить значение Боярской думы. На последнее прощание он пригласил к себе князей Дмитрия Бельского с братьями, князей Шуйских с Горбатыми и «всех бояр». Умирающий заклинал думцев: «Вы, брате, постоите крепко, чтоб мой сын учинился на государстве государь и чтобы была в земле правда». Отпустив думу, Василий III оставил у себя до глубокой ночи двух самых доверенных советников — Михаила Юрьева-Захарьина и Ивана Шигону, к которым присоединился Михаил Глинский. Им он отдал последние распоряжения, касавшиеся его семейных дел: «… приказав о своей великой княгине Елене, како ей без него быти, как к ней бояром ходити…»

После почти тридцати лет управления государством Василий III сосредоточил в своих руках огромную власть. Современники недаром бранили великого князя за то, что он решает все дела с несколькими ближайшими советниками — «сам-третей у постели» — без совета с Боярской думой. Последнее совещание у постели умирающего подтверждало основательность подобных обвинений. Как видно, великий князь рассчитывал сохранить сложившийся порядок вещей, учредив особый опекунский совет. Среди ближних людей даже Михаил Юрьев далеко уступал по знатности и официальному положению главным боярам думы. Что касается Ивана Шигоны, то он возвысился всецело по милости государя и не мог претендовать на высокий думный чин. Введя этих лиц в круг своих душеприказчиков, Василий III надеялся с их помощью оградить трон от покушений со стороны могущественной аристократии. Разделение Боярской думы на части и противопоставление семибоярщины прочей думе должно было ограничить ее влияние на дела управления. Со временем семибоярщина выродилась в орган боярской олигархии. Но в момент своего учреждения она была сконструирована как правительственная комиссия, призванная предотвратить ослабление центральной власти. Избранные советники должны были управлять страной и опекать великокняжескую семью в течение двенадцати лет, пока наследник не достигнет совершеннолетия.

После смерти Василия III бразды правления перешли в руки назначенных им опекунов. По словам очевидцев, находившихся в Москве до лета 1534 г., старшими воеводами, которые безотлучно

находятся на Москве, являются боярин Василий Шуйский, Михаил Глинский, Михаил Захарьин с Михаилом Тучковым и Иван Шигона, тогда как первые бояре думы князь Дмитрий Бельский с Федором Мстиславским «ничего не справуют», их посылают из столицы с ратными людьми, «где будет потреба». Стараниями опекунов трехлетний Иван был коронован без всякого промедления, несколько дней спустя после кончины отца. Верные бояре спешили упредить мятеж удельного князя Юрия Ивановича. В течение двадцати пяти лет Юрий примерялся к роли наследника бездетного Василия III. После рождения наследника в великокняжеской семье удельный князь, видимо, не отказался от своих честолюбивых планов. Опекуны опасались, что Юрий попытается согнать с трона малолетнего племянника. Чтобы предотвратить смуту, они захватили Юрия и бросили его в темницу. Удельный государь жил в заточении три года и умер «страдальческою смертью, гладною нужею». Иначе говоря, его уморили голодом.

Передача власти в руки опекунов вызвала недовольство Боярской думы. Между душеприказчиками Василия III и руководителями думы сложились напряженные отношения. Польские агенты живо изобразили положение дел в Москве после кончины Василия III: «Бояре там едва не режут друг друга ножами; источник распрей — то обстоятельство, что всеми делами заправляют лица, назначенные великим князем; главные бояре — князья Бельский и Овчина — старше опекунов по положению, но ничего не решают».

Князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, названный поляками в числе главных руководителей думы, стал для опекунов самым опасным противником. Он сумел снискать расположение великой княгини Елены. Молодая вдова, едва справив поминки по мужу, сделала Овчину своим фаворитом. Позднее молва назовет фаворита подлинным отцом Грозного. Но то была пустая клевета. Овчина рано отличился на военном поприще. В крупнейших походах начала 30-х годов он командовал передовым полком. Служба в передовых воеводах была лучшим свидетельством его воинской доблести. Василий III оценил заслуги князя и незадолго до своей кончины пожаловал ему боярский чин, а по некоторым сведениям, также титул конюшего — старшего боярина думы. На погребении Василия великая княгиня вышла к народу в сопровождении трех опекунов (Шуйского, Глинского и Воронцова) и Овчины.

Простое знакомство с послужным списком Овчины убеждает в том, что карьеру он сделал на поле брани, а не в великокняжеской спальне.

Овчина происходил из знатной семьи, близкой ко двору. Родная сестра его — боярыня Челяднина — была мамкой княжича Ивана IV. Перед смертью Василий III передал ей сына с рук на руки и велел «ни пяди не отступать» от ребенка.

Конфликт между Овчиной и Глинским возник на почве политического соперничества. За спиной Овчины стояла Боярская дума, стремившаяся покончить с засильем опекунов, за спиной Глинского — семибоярщина, которой недоставало единодушия.

Фаворит оказал Глинской неоценимую услугу. Будучи старшим боярином думы, он бросил дерзкий вызов душеприказчикам великого князя и добился уничтожения системы опеки над великой княгиней.

Семибоярщина управляла страной менее года. Ее власть начала рушиться в тот день, когда дворцовая стража отвела Михаила Глинского в тюрьму.

Правительница Елена Глинская

Перед смертью Василий III просил Глинского позаботиться о безопасности своей семьи. «Пролей кровь свою и тело на раздробление дай за сына моего Ивана и за жену мою…» — таково было последнее напутствие великого князя. Князь Михаил не смог выполнить данного ему поручения по милости племянницы, великой княгини. Австрийский посол Герберштейн объяснял гибель Глинского тем, что он пытался вмешаться в интимную жизнь Елены и настойчиво убеждал ее порвать с фаворитом. Герберштейн был давним приятелем Глинского и старался выставить его поведение в самом благоприятном свете. Но он мало преуспел в своем намерении. Об авантюрных похождениях Глинского знала вся Европа. Могло ли моральное падение племянницы в самом деле волновать престарелого авантюриста? В этом можно усомниться.

Столкновение же между Овчиной и Глинским всерьез беспокоило вдову и ставило ее перед трудным выбором. Она либо должна была удалить от себя фаворита и окончательно подчиниться семибоярщине, либо, пожертвовав дядей, сохранить фаворита и разом покончить с жалким положением княгини на вдовьем уделе. Мать Грозного выбрала второй путь, доказав, что неукротимый нрав был фамильной чертой всех членов этой семьи. Елена стала правительницей вопреки ясно выраженной воле Василия III. С помощью Овчины она совершила подлинный переворот, удалив из опекунского совета сначала Михаила Глинского и Михаила Воронцова, а затем князя Андрея Старицкого.

Поздние летописи объясняли опалу Глинского и Воронцова тем, что они хотели держать «под великой княгиней» Российское царство, иначе говоря, хотели править за нее государством. Летописцы грешили против истины в угоду царю Ивану IV, считавшему мать законной преемницей отцовской власти. На самом деле Глинский и Воронцов правили по воле Василия III, который назначил их опекунами своей семьи. Но с того момента, как Боярская дума взяла верх над семибоярщиной, законность обернулась беззаконием: боярскую опеку над великой княгиней стали квалифицировать как государственную измену.

О Глинском толковали, будто он отравил Василия III и хотел выдать полякам семью великого князя. Но этим толкам трудно верить. На самом деле князь Михаил погиб потому, что был чужаком среди московских бояр. Уморив Глинского в тюрьме, власти «забыли» наказать Воронцова. Его отправили в Новгород,

наделив почетным титулом главного воеводы и наместника новгородского. Подобные действия обнаружили всю пустоту официальных заявлений по поводу заговора Глинского и Воронцова.

Самый влиятельный из вождей семибоярщины, Юрьев, подвергся аресту еще до того, как взят был под стражу Глинский. Но он понес еще более мягкое наказание, чем Воронцов. После недолгого заключения его освободили и оставили в столице. Юрьев заседал в Боярской думе даже после того, как его двоюродный брат бежал в Литву.

Андрей Старицкий, младший брат Василия III, который владел обширным княжеством и располагал внушительной военной силой, после крушения семибоярщины укрылся в удельной столице — городе Старице. Однако сторонники Елены не оставили его в покое. Князю велели подписать «проклятую» грамоту о верной службе правительнице. Опекунские функции, которыми Василий III наделил брата, были аннулированы.

Живя в уделе, Андрей постоянно ждал опалы. В свою очередь, Елена подозревала бывшего опекуна во всевозможных кознях. По совету Овчины она решила вызвать Андрея в Москву и захватить его. Удельный князь почуял неладное и отклонил приглашение, сказавшись больным. При этом он постарался убедить правительницу в своей лояльности и отправил на государеву службу почти все свои войска. Этой его оплошностью сразу воспользовались Глинская и ее фаворит. Московские полки скрытно двинулись к Старице. Предупрежденный среди ночи о подходе правительственных войск, Андрей бросился из Старицы в Торжок. Отсюда он мог уйти в Литву, но вместо того повернул к Новгороду. С помощью новгородских дворян бывший глава семибоярщины надеялся одолеть Овчину и покончить с его властью. «Князь великий мал, — писал Андрей новгородцам. — Держат государство бояре, и яз вас рад жаловати». Хотя некоторые дворяне и поддержали мятеж, Андрей не решился биться с Овчиной и, положившись на его клятву, отправился в Москву, чтобы испросить прощение у невестки. Как только удельный князь явился в Москву, его схватили и «посадили в заточенье на смерть». На узника надели некое подобие железной маски — тяжелую «шляпу железную» и за полгода уморили в тюрьме. По «великой дороге» от Москвы до Новгорода расставили виселицы. На них повесили дворян, вставших на сторону князя Андрея.

Князь Михаил Глинский и брат великого князя Андрей были «сильными» людьми семибоярщины. Их Овчина наказал самым жестоким образом. Другие же душеприказчики Василия III —

князья Шуйские, Юрьев и Тучков — заседали в думе до смерти Елены Глинской. По-видимому, именно в кругу старых советников Василия III созрели проекты важнейших реформ, осуществленных в те годы.

Бояре начали с изменений в местном управлении. Они возложили обязанность преследовать «лихих людей» на выборных дворян — губных старост, то есть окружных судей (губой называли округ). Они позаботились также о строительстве и украшении Москвы и провели важную реформу денежной системы. Дело в том, что с расширением товарооборота требовалось все больше денег, но запас драгоценных металлов в России был ничтожно мал. Неудовлетворенная потребность в деньгах вызвала массовую фальсификацию серебряной монеты. В городах появилось большое число фальшивомонетчиков. И хотя виновных жестоко преследовали, секли им руки, лили олово в горло, ничего не помогало. Радикальное средство для устранения кризиса денежного обращения нашли лишь в правление Елены Глинской, когда власти изъяли из обращения старую разновесную монету и перечеканили ее по единому образцу. Основной денежной единицей стала серебряная новгородская деньга, получившая наименование «копейка» — на «новгородке» чеканили изображение всадника с копьем (на старой московской деньге чеканили всадника с саблей). Полновесная новгородская «копейка» вытеснила легкую московскую «сабляницу».

Правление Глинской продолжалось менее пяти лет. Надо сказать, что женщины Древней Руси редко покидали мир домашних забот и посвящали себя политической деятельности. Не многим затворницам терема удалось приобрести историческую известность. В числе их была Елена Глинская. Она начала с того, что узурпировала власть, которой Василий III наделил семибоярщину. Без ее согласия не могли быть проведены последующие реформы. Но в самом ли деле можно считать ее мудрой правительницей, какой изображали ее царские летописи? Ответить на этот вопрос невозможно из-за отсутствия фактов. Бояре ненавидели Глинскую за ее пренебрежение к старине и втихомолку поносили ее как злую чародейку.

В последний год жизни Елена много болела и часто ездила на богомолье в монастыри.

Великая княгиня умерла 3 апреля 1538 г. Власть перешла к уцелевшим членам семибоярщины. Они поспешили расправиться с Овчиной: «умориша его гладом и тягостию железною, а сестру его Аграфену сослаша в Каргополь и тамо ее постригоша в черници».

Смерть правительницы была, как видно, естественной.

Правда, австрийский посол Герберштейн, по слухам, писал об отравлении великой княгини ядом. Но сам же он удостоверился в неосновательности молвы и, издавая «Записки» во второй раз, не упомянул больше о насильственной смерти Елены. Царь Иван, негодовавший на бояр за непочтение к матери, даже не догадывался о возможном ее отравлении.

Бояре восприняли смерть Елены как праздник. Бывшие члены семибоярщины честили незаконную правительницу, не стесняясь в выражениях. Один из них, боярин Михаил Тучков, как утверждал царь Иван, произнес «на преставление» его матери многие надменные «словеса» и тем уподобился ехидне, «отрыгающей яд».

Иваново детство

До смерти отца княжич Иван жил на женской половине терема под надзором боярынь, кормилиц и нянек. В три года его образ жизни изменился. Отныне он должен был участвовать во всех церемониях, требовавших присутствия монарха. Опекуны не позаботились о том, чтобы переделать трон, который был слишком велик и неудобен для мальчика.

Свою первую аудиенцию трехлетний Иван дал гонцам крымского хана. После приема он «подавал им мед». В шесть лет князь принимал литовских послов и произнес несколько слов, предписанных церемониалом. Однако на пирах в честь послов мальчик отсутствовал. Литовцам объяснили, что великому князю «будет стол в истому».

При жизни Василия III и после его кончины главной боярыней при наследнике состояла Аграфена, вдова боярина Василия Андреевича Челяднина. Отец боярина Василия Андрей, а затем брат Василия Иван были первыми, кто получил от Ивана III высший чин конюшего боярина.

Елена Глинская доверяла Аграфене Челядниной. Ее брат Овчина стал конюшим. В 1536 г. Аграфена вместе с Овчиной сопровождала Ивана IV в его первой поездке на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. В следующем году на посольском приеме «ходил у великого князя в дяди место» Иван Иванович Челяднин. Еще через два года дядька получил титул конюшего. Обязанности дядьки были разнообразными. Челяднин был воспитателем наследника. Вероятно, именно он начал знакомить его с книжной премудростью. После смерти матери княжич Иван лишился привычного окружения.

С гибелью Андрея Старицкого старшим среди опекунов стал князь Василий Васильевич Шуйский. Этот боярин, которому было более 50 лет, женился на царевне Анастасии, двоюродной сестре Ивана IV. Став членом великокняжеской семьи, князь Василий захотел устроить жизнь, приличную его новому положению. Со старого подворья он переехал жить на двор Старицких.

Царь Иван говаривал, будто князья Василий и Иван Шуйские самовольно приблизились к его особе и «тако воцаришася». Но так ли было в действительности? Ведь Шуйские стали опекунами малолетнего Ивана по воле великого князя!

Будучи членами одной из самых аристократических русских фамилий, Шуйские не пожелали делить власть с теми, кто приобрел влияние благодаря личному расположению Василия III. Раздор между «принцами крови» (так Шуйских называли

иностранцы) и старыми советниками Василия III (боярами Юрьевым, Тучковым и думными дьяками) разрешился смутой. Через полгода после смерти правительницы Шуйские захватили ближнего дьяка Федора Мишурина и предали его казни. Вскоре же они довершили разгром семибоярщины, начатый Еленой. Боярин и регент Тучков отправился в ссылку в деревню. Его двоюродный племянник Юрьев прожил менее года после описанных событий. Ближайший союзник Тучкова в думе боярин Иван Бельский подвергся аресту и попал в тюрьму. Торжество Шуйских довершено было низложением митрополита Даниила, сподвижника Василия III. Расправившись со своими противниками, Василий Шуйский присвоил себе стародавний титул боярина «наместника на Москве».

Победа Шуйских была полной, но кратковременной. Старый князь Василий умер в самый разгар затеянной им смуты. Он пережил Мишурина на несколько недель. Младший брат Иван Шуйский не обладал ни авторитетом, ни опытностью старшего. В конце концов он рассорился с остальными боярами и перестал ездить ко двору. Противники Шуйских воспользовались этим, выхлопотали прощение Ивану Бельскому и вернули его в столицу, а Ивана Шуйского послали во Владимир с полками. Однако в результате переворота в 1542 г. опекун вернул себе власть. С помощью своих сторонников в думе он низложил митрополита Иоасафа, а князя Бельского сослал на Белое озеро.

Когда князь Иван, последний из душеприказчиков Василия III, умер, во главе партии Шуйских стал князь Андрей Шуйский. В то время великому князю Ивану исполнилось тринадцать лет.

Иван потерял отца в три года, а в семь с половиной лет остался круглым сиротой. Его четырехлетний брат Юрий не мог делить с ним детских забав. Ребенок был глухонемым от рождения. Достигнув зрелого возраста, Иван не раз с горечью вспоминал свое детство. Чернила его обращались в желчь, когда он описывал обиды, причиненные ему — заброшенному сироте — боярами. Жалобы царя столь впечатляющи, что их обаянию поддались историки. На основании царских писем В. О. Ключевский нарисовал знаменитый психологический портрет Ивана-ребенка. В душу сироты, писал он, рано и глубоко врезалось чувство брошенности и одиночества. Безобразные сцены боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, превратили его робость в нервную пугливость. Ребенок пережил страшное нервное потрясение, когда бояре Шуйские однажды на рассвете вломились в его спальню, разбудили и испугали его. С годами в Иване развились подозрительность и глубокое

недоверие к людям.

Насколько достоверен образ Ивана, нарисованный рукой талантливого художника? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что Иван до семи лет рос, окруженный материнской лаской, а именно в эти годы сформировались основы его характера. Опекуны, пока были живы, не вмешивали ребенка в свои распри, за исключением того случая, когда приверженцы Шуйских арестовали в присутствии Ивана своих противников, а заодно и митрополита Иоасафа. Враждебный Шуйским летописец замечает, что в 1542 г. в Москве произошел мятеж и «государя в страховании учиниша». Царь Иван дополнил летописный рассказ. При аресте митрополита бояре «с шумом» приходили к государю в постельные хоромы. Мальчика разбудили «не по времени» — за три часа до света — и петь «у крестов» заставили. Ребенок даже не подозревал, что на его глазах произошел переворот. В письме к Курбскому царь не вспомнил о своем мнимом «страховании» ни разу, а о низложении митрополита упомянул мимоходом и с полным равнодушием: «да и митрополита Иоасафа с великим бесчестием с митрополии согнаша». Как видно, царь попросту забыл сцену, будто бы испугавшую его на всю жизнь. Можно думать, что непосредственные ребяческие впечатления, по крайней мере лет до 12, не давали Ивану никаких серьезных оснований для обвинения бояр в непочтительном к нему отношении.

Поздние сетования Грозного производят странное впечатление. Кажется, что Иван пишет с чужих слов, а не на основании ярких воспоминаний детства. Царь многословно бранит бояр за то, что они расхитили «лукавым умышлением» родительское достояние — казну. Больше всех достается Шуйским. У князя Ивана Шуйского, злословит Грозный, была единственная шуба и та на ветхих куницах — «то всем людям ведомо», как же мог он обзавестись златыми и серебряными сосудами: чем сосуды ковать, лучше бы Шуйскому шубу переменить, а сосуды куют, когда есть лишние деньги.

Можно допустить, что при великокняжеском дворе были люди, толковавшие о шубах и утвари Шуйских. Но что мог знать обо всем этом десятилетний князь-сирота, находившийся под опекой Шуйских? Забота о сохранности родительского имущества пришла к нему, конечно же, в зрелом возрасте. О покраже казны он узнал со слов «доброхотов» много лет спустя.

Иван на всю жизнь сохранил недоброе чувство к опекунам. В своих письмах он не скрывал раздражения против них. «Припомню одно, — писал Иван, — как, бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, опершись

локтем о постель покойного отца, положив ноги на стул, а на нас и не смотрит». Среди словесной шелухи мелькнуло наконец живое воспоминание детства. Но как превратно оно истолковано! Воскресив в памяти фигуру немощного старика, сошедшего вскоре в могилу, Иван начинает бранить опекуна за то, что тот сидел, не «преклоняясь» перед государем ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга перед своим господином. «Кто же может перенести такую гордыню?» — этим вопросом завершает Грозный свой рассказ о правлении Шуйских.

Бывший друг царя Курбский, ознакомившись с его письмом, не мог удержаться от иронической реплики. Он высмеял неловкую попытку скомпрометировать бывших опекунов и попытался растолковать Ивану, сколь неприлично было писать «о постелях, о телогреях» (шубах Шуйских) и включать в свою эпистолию «иные бесчисленные яко бы неистовых баб басни».

Иван жаловался не только на обиды, но и на «неволю» своего детства. «Во всем воли несть, — сетовал он, — но вся не по своей воли и не по времени юности». Но можно ли было винить в том лукавых и прегордых бояр? В чинных великокняжеских покоях испокон веку витал дух Домостроя, а это значит, что жизнь во дворце подчинена была раз и навсегда установленному порядку. Мальчика короновали в три года, и с тех пор он должен был часами высиживать на долгих церемониях, послушно исполнять утомительные, бессмысленные в его глазах ритуалы, ради которых его ежедневно отрывали от увлекательных детских забав. Так было при жизни матери, так продолжалось и при опекунах.

По словам Курбского, бояре не посвящали Ивана в свои дела, но зорко следили за его привязанностями и спешили удалить из дворца возможных фаворитов. Со смертью последних опекунов система воспитания детей в великокняжеской семье неизбежно должна была измениться. Патриархальная строгость уступила место попустительству. Как говорил Курбский, наставники, «хваляше (Ивана), на свое горшее отрока учаще». В отроческие годы попустительство наносило воспитанию Ивана больший ущерб, чем мнимая грубость бояр.

Иван быстро развивался физически и в 13 лет выглядел сущим верзилой. Посольский приказ официально объявил за рубежом, что великий государь «в мужеский возраст входит, а ростом совершенного человека уже есть, а з Божьею волею помышляет ужо брачный закон принята». Дьяки довольно точно описали внешние приметы рослого юноши, но они напрасно приписывали ему степенные помыслы о женитьбе.

Современники с похвалой отзывались о том, что Иван «от юны версты (в юности) не любяше ни гуселнаго звяцания, ни

прегудниц скрыпения… ни скомрах видимых бесов скакания и плясания». Как видно, в окружении подростка не оказалось людей, которые могли бы привить ему любовь к музыке или танцам. Что касается скоморохов, их попросту не допускали во дворец.

В 10–12 лет подросток очень мало напоминал прежнего мальчика, росшего в «неволе» и в строгости. Летописцы о многом умалчивали, коль скоро речь заходила о развлечениях молодого монарха. Недостающие сведения можно найти у Курбского.

Когда мальчик подрос, он предался потехам и играм, которых его лишали в детстве. Окружающих поражали буйство и неистовый нрав Ивана. Лет в 12 он забирался на островерхие терема и сталкивал «с стремнин высоких» кошек и собак, тварь бессловесную. В 14 лет он «начал человеков ураняти». Кровавые забавы тешили «великого государя». Мальчишка отчаянно безобразничал. С ватагой сверстников — детьми знатных бояр — он носился по улицам и площадям столицы, топтал конями зазевавшихся прохожих, на рынках бил и грабил «всенародных человеков, мужей и жен… скачюще и бегающе всюду неблагочинно».

Если верить Курбскому, от озорства Ивана страдали не одни простолюдины, сброшенные с крыши терема, но и знатные сверстники, товарищи его игр. Великий князь якобы велел задушить пятнадцатилетнего князя Михаила, сына служилого князя Богдана Трубецкого.

С кончиною опекунов и приближением совершеннолетия великого князя бояре все чаще стали впутывать мальчика в свои распри. Иван живо помнил, как в его присутствии произошла потасовка в думе, когда Андрей Шуйский и его приверженцы бросились с кулаками на боярина Воронцова, стали бить его «по ланитам», оборвали на нем платье, «вынесли из избы да убить хотели» и «боляр в хребет толкали». Примерно через полгода после инцидента в думе один из «ласкателей» подучил великого князя казнить Андрея Шуйского. Псари набросились на боярина возле дворца у Курятных ворот. Убитый лежал наг в воротах два часа. «От тех мест, — записал летописец, — начали боляре от государя страх имети и послушание». Прошли долгие и долгие годы, прежде чем Иван IV добился послушания от бояр, пока же он сам стал орудием в руках придворных. Они, как писал Курбский, «начаша подущати его и мстити им (Иваном) свои недружбы, един против другого».

Примерно в одно время с кончиной последнего из опекунов умер «дядька» и воспитатель великого князя конюший Иван Иванович Челяднин. Старый уклад жизни в великокняжеской

семье окончательно рухнул. Много позже Иван любил упрекать бояр, не сподобивших государей своих «никоего промышления доброхотного». Нас с единородным братом Юрием, жаловался он, стали питать как иностранцев или же как «убожайшую чадь», как тогда пострадали мы «во одеянии и в алчбе»; сколько раз вовремя не давали нам поесть! Как же исчесть такие многие бедные страдания, каковые перестрадал я в юности? — патетически восклицал Иван. Несомненно, в его жалобах, как эхо, звучали живые воспоминания юности. Но вот вопрос: к каким годам они относились? Можно сказать почти наверняка, что ко времени, когда Иван избавился от всякой опеки и стал жить в «самовольстве». «Ласкающие пестуны», стараясь завоевать расположение мальчика, не слишком принуждали его к учению. Наказать его за безобразия или заставить вовремя поесть они попросту не могли.

Сведения о боярском правлении сообщают летописи, которые были составлены, когда царь Иван достиг зрелого возраста. Летописцы исходили из того, что после смерти Василия III единственным законным носителем высшей власти в государстве был монарх, независимо от его возраста. Надо ли говорить, что власть находилась в руках бояр, правивших государством на основании закона, традиций и последней воли Василия III.

Боярская дума как учреждение окончательно сформировалась в конце XV в. при Иване III. При его малолетнем внуке «боярский синклит» стал выполнять функции высшего органа монархии впервые в полном объеме.

Борьба за власть в период боярского правления сосредоточилась на вопросе, кто будет осуществлять руководство думой. Главными соперниками были Бельские и Шуйские. Литовские выходцы Бельские получили удельные владения из рук монарха и зависели от него. Могущество коренной суздальской знати опиралось на наследственные земельные богатства.

Даже так называемый боярский «мятеж Шуйских» 1542 г. вовсе не был примером боярских беззаконий. Иван Бельский был отправлен в ссылку, а затем возвращен в столицу по решению Боярской думы, когда всевластие Шуйских вызвало недовольство бояр.

Бельскому не удалось сохранить поддержку думы, и он был вторично арестован «советом боярским». Под диктовку царя Ивана летописец вписал между строк имена бояр, выступивших против Бельского. То были боярин и дворецкий князь Иван Кубенский-Ярославский, его брат боярин Михаил, князь Дмитрий Палецкий-Стародубский, казначей Иван Третьяков-Головин.

До времени реформ Боярская дума не имела своей

канцелярии, помимо канцелярий Дворцового и Казенного приказов. С возникновением системы приказов дума получила разветвленную канцелярию. Характерно, что в 1542 г. «советом бояр» руководили дворецкий Кубенский и казначей Третьяков-Головин. Арестованного Бельского посадили под арест на Казенном дворе.

Дума решила спешно вызвать из Владимира бояр Ивана и Андрея Шуйских и боярина Ивана Большого Шереметева. Решения думы были вполне законными, так как исходили от высшего органа государства.

По решению «боярского совета» Бельский был сослан в тюрьму на Белоозере. Вслед за тем его тайно умертвили, что было уже вопиющим произволом.

9 сентября 1543 г. Шуйские, Кубенские, Палецкий и их сторонники стали добиваться от Боярской думы решения об аресте Федора Воронцова. Защитники Воронцова обратились к великому князю. От его имени в думу к Шуйским дважды ходили митрополит Макарий и бояре Морозовы. Они не допустили казни Воронцова. Иван IV просил отослать опального в Коломну. Его ходатайство не было исполнено. Но Воронцов избежал кары и был сослан воеводой в Кострому. Прошло совсем немного времени, и его простили и даже произвели в бояре.

Иван IV сам подтвердил свою причастность к убийству князя Андрея Шуйского. Но ответственность за эту казнь лежала все же не на нем. Осведомленный летописец записал, что Шуйского убили псари «повелением боярским».

Курбский считал сходными обстоятельства гибели Бельского и Шуйского. Оба боярина были казнены без розыска, предъявления обвинений и оглашения приговора на Лобном месте. Одного умертвили дети боярские, неведомо кем посланные на Белоозеро, другого — псари у дворца. Всю вину за их убиение Курбский возложил на Ивана по очевидной к нему вражде. В самом деле, митрополит, защищавший Бельского, бросился за помощью в комнату к великому князю. Там же прятался сторонник Бельского князь Петр Щенятев. (Его без шума вывели оттуда «задними дверьми».) Официальная летопись имела основание утверждать, что Бельского убили «без великого князя ведома».

До поры до времени участие князя Ивана IV в управлении государством было простой видимостью. Однако в его поведении появились новые черты. После убийства Андрея Шуйского он выехал на богомолье в Калязин монастырь в сопровождении «бояр множества». В четырнадцать лет монарх отправился в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда через Ростов и Ярославль в Кирилло-

Белозерский монастырь и окружавшие его обители: Ферапонтов, Корнильев-Комельский, Павлов-Обнорский монастыри. Путешествие было далеким и продолжалось несколько месяцев. Можно ли видеть в этом факте доказательство того, что Иван уже тогда проникся религиозным чувством? Может быть, он вспомнил о давнем путешествии в те же обители родителей, моливших Бога о рождении наследника? Допустимо более простое толкование.

Боярская дума не могла отказать великому князю, когда он просился в далекие края на богомолье. Лучшего предлога невозможно было придумать. В долгих богомольях Иван был избавлен от надоевших ему дворцовых церемоний, а кроме того, подросток мог удовлетворить пробудившуюся в нем тягу к странствиям. Попутно князь не отказывал себе в потехах: в густых лесах тешился медвежьей охотой и ловлей зверя.

Монахи, принимая государя, не чинились с ним. В Кириллов царь и его свита прибыли к ночи, когда монашеская трапеза закончилась и припасы были снесены в погреб. Монастырский подкеларник отказал в трапезе знатным московским гостям, сказав: «Государя боюся, а Бога надобе больше того боятися».

Царский титул

Василий III велел боярам, как было отмечено выше, «беречь» сына до 15 лет, после чего должно было начаться его самостоятельное правление. 15 лет — пора совершеннолетия в жизни людей XVI столетия. В этом возрасте дворянские дети поступали «новиками» на военную службу, а дети знати получали низшие придворные должности. Василий III возлагал надежды на то, что назначенные им опекуны приобщат наследника к делам управления. Но опекуны сошли со сцены, не исполнив главного порученного им дела. В 15 лет Иван IV оказался неподготовленным к роли правителя державы.

Едва монарх достиг совершеннолетия, участились столкновения его с думой. Иван предпринимал энергичные попытки избавиться от боярской опеки в полном соответствии с завещанием отца.

Осенью 1545 г. государь велел урезать язык Афанасию Бутурлину «за его вину, за невежливые слова». Дума выразила неудовольствие. В ответ князь наложил опалу на бояр «за их неправду, на князя Ивана Кубенского и на князя Петра, на Шюйского, и на князя Александра Горбатого, и на Федора на Воронцова, и на князя на Дмитрея Палецкого».

В тот период Кубенский фактически возглавлял думу. Он был не только дворецким, но и близким родственником Ивана IV. Его мать была сестрой Василия III. Курбский так характеризовал боярина: «Муж зело разумный и тихий, в совершенных уже летех».

Фактически великий князь объявил опалу всему руководству Боярской думы. В конце концов конфликт был улажен благодаря вмешательству митрополита Макария. В декабре опала с бояр была снята.

В 1546 г. дума просила государя возглавить поход на южную границу Руси. Прибыв в Коломну, он расположился лагерем со «своим полком» под Голутвеным монастырем. На границу были вызваны новгородские пищальники (стрельцы). Истощив свои припасы и испытывая нужду в продовольствии, они решили просить помощь у государя. Толпа из пятидесяти пищальников подстерегла Ивана за стенами Коломны. Но князь не пожелал выслушать их челобитье, так как покинул лагерь, чтобы «на прохлад поездити потешитися». Челобитчики явились некстати, и царь велел свите прогнать их. Люди своенравные, новгородцы не подумали подчиниться приказу государя. Они оказали сопротивление придворным: начали «бити колпаки и грязью

шибати». Дворяне пустили в ход сабли и стали стрелять из луков. Пищальники бросились бежать к посаду. Укрывшись за стенами, они открыли огонь из ружей. С обеих сторон было убито не менее десятка человек.

Достаточно было милостивого слова — простого обещания, чтобы спровадить жалобщиков с дороги. Но Иван еще не научился говорить с народом. В результате ему пришлось пробираться к своему стану в Коломне «иными местами», обходным путем.

На границе все было спокойно. Враг не появлялся, и государь предался потехам — «пашню пахал вешнюю и з бояры сеял гречиху и инны потехи, на ходулях ходил и в саван наряжался». Пока игры носили невинный характер, бояре скрепя сердце участвовали в них. В окрестных деревнях крестьяне приступили к пахоте, и государю с боярами нетрудно было заполучить лошадей и сошки. Если понимать летописную заметку буквально, на ходулях Иван ходил один. Старым боярам такая потеха была не к лицу. Что касается игрищ с саваном и покойником, они не могли вызвать у бояр ничего, кроме раздражения и гнева. Игра в похороны была, по существу, богохульным развлечением. Мнимого покойника обряжали в саван, укладывали в гроб и ставили посреди избы. Заупокойную молитву заменяла отборная брань. Под конец собранных на отпевание девок насильно заставляли целовать «покойника» в уста. Старые бояре не могли стерпеть такого бесчинства.

Уповая на родство, Кубенский пытался урезонить племянника. Тогда тот «с великие ярости» приказал схватить его вместе с боярами Федором Воронцовым и Иваном Воронцовым, сыном опекуна Михаила Воронцова. Всем им Иван велел отсечь головы «у своего стану перед своими шатры».

Вместе с Кубенским аресту подвергся боярин конюший Иван Петрович Федоров-Челяднин. Федоров спас голову ценой унижения. Все было готово для казни. Конюшего «в те же поры ободрана нага держали» перед шатром, но он «против государя встреч не говорил, а во всем ся виноват чинил».

Конюший был отправлен в ссылку. Но этим дело не ограничилось. Вскоре же Иван IV приказал убить двух своих сверстников, принадлежавших к знатнейшим фамилиям. В свое время фаворит Елены Глинской Иван Овчина жестоко расправился с опекуном Михаилом Львовичем Глинским. Месть обрушилась на голову его сына. Федора Овчинина предали мучительной казни — посадили на кол. Брата Овчинина, князя Ивана Дорогобужского, обезглавили на льду Москвы-реки.

Кровавая расправа со сверстниками не была следствием мальчишеской ссоры. Современники засвидетельствовали, что их

убили по повелению Михаила Глинского и матери его — княгини Анны. Глинские точно рассчитали удар. Они отняли у конюшего Федорова-Челяднина не только все его титулы, но и единственного наследника — пасынка князя Дорогобужского.

Прощение Федорова доказывало, что у великого князя не было никаких серьезных причин для расправы с боярским руководством. Дума не желала выпускать из своих рук бразды правления. Передача властных полномочий безответственному и жестокому подростку грозила большими бедами для государства.

Столкновение из-за мелких и случайных обстоятельств имело в действительности принципиальное значение.

Монарх не имел права казнить бояр без подлинного сыска и суда Боярской думы. Иван грубо нарушил традицию. Много позже он попытался оправдать свои злодейства и пытался сослаться на «мятеж» новгородских пищальников. Выходило так, будто новгородцев подтолкнул к бунту Федор Воронцов, которого Иван приблизил после убийства Андрея Шуйского. Казнь Воронцова монарх объяснял его неблагодарностью: «Кого государь пожалует без Федорова ведома, и Федору досадно». Досаду прежнего любимца вызывало, очевидно, возвышение Глинских.

Первоначально летописец, не имея возможности обличить истинных виновников жестоких казней, возложил всю ответственность на дьявола. «По диаволю действу» дьяк Василий Захаров оклеветал бояр «ложными словесы», а Иван простодушно поверил ему. Самого Ивана эта версия не удовлетворила, и он сделал приписку на полях летописи с изложением нелепой истории о московских боярах, подстрекавших новгородцев к мятежу.

Инициаторами репрессий были, конечно же, влиятельные лица, стоявшие за спиной подростка. Совершеннолетием Ивана пытались воспользоваться его родня по матери Глинские. Они давно ждали своего часа. Предметом их вожделений были высшие думные титулы. Именно поэтому они добились ареста Федорова.

Правление Ивана началось неладно. Пролилось много крови. Необходимо было исправить впечатление и упрочить авторитет монарха. При таких обстоятельствах в окружении государя возникли планы его коронации царским венцом. Митрополит Макарий, а также и Глинские энергично поддержали эти планы.

Глинские были людьми, которых Курбский метко назвал «ласкателями». Стараясь упрочить свое влияние на мальчика, они потакали ему во всем.

В декабре 1546 г. Иван явился во Псков в сопровождении Михаила Глинского. Он «все гонял на ямских»: ночь ночевал в Пскове, ночь — на Вороначе, ночь — в Псково-Печерском

монастыре. Псковичам было от того «много протор и волокит». Монарх спешил, чтобы не опоздать на собственную коронацию в Москве. Жители тщетно надеялись на то, что великий князь даст им управу на воеводу князя Ивана Турунтая Пронского. Государь умчался из Пскова, «не управив своей вотчины ничего». Тогда псковичи выбрали 70 человек и отправили их со своими жалобами в Москву. Посланцы застали князя в селе Остров в Подмосковье. Иван был недоволен тем, что подданные посмели испортить ему отдых. Но главным было не это. Псковичи явились с жалобами на Турунтая Пронского, а этот боярин был ближайшим другом Михаила Глинского. (Через несколько месяцев они вместе попытались бежать в Литву.) Все это решило участь жалобщиков. «Князь великий государь опалился на псковичь, сих бесчествовал, обливаючи вином горячим, палил бороды да свечею зажигал и повеле их покласти нагих на землю». Произошло это в начале июня 1547 г. Спасло псковичей неожиданное обстоятельство. Монарх узнал о страшном пожаре в Москве и помчался в столицу.

Великовозрастный «недоросль» путал управление с забавой. Он был уверен, что всякую жалобу, всякую «встречу» — супротисловие подданных надо карать беспощадным образом.

Совершеннолетие Ивана IV было ознаменовано важным событием. Глава государства принял титул царя.

Люди средневековья представляли мировую политическую систему в виде строгой иерархии. Согласно византийской доктрине, центром вселенной была Византия, воспринявшая наследие Римской империи. Русь познакомилась с византийской доктриной еще при киевских князьях. Помнили ее и в московские времена. В XIV в. московских великих князей титуловали иногда стольниками византийского «царя». Конечно, чин этот лишен был в то время какого бы то ни было политического смысла.

Страшный татарский погром и установление власти Золотой Орды включили Русь в новую для нее политическую систему — империю великих монгольских ханов, владевших половиной мира. Русские князья, получавшие теперь родительский стол из рук золотоордынских ханов, перенесли титул «царя» на татарских владык.

Московские князья давно именовали себя «великими князьями всея Русии», но только Ивану III удалось окончательно сбросить татарское иго и из князя-подручника стать абсолютно самостоятельным сувереном. Когда государь короновал шапкой Мономаха внука Дмитрия и даровал сыну Василию титул великого князя Новгородского, в Москве появилось сразу три великих князя. Чтобы подчеркнуть свое старшинство, Иван III

стал именовать себя «самодержцем». Название было простым переводом титула «автохтон», который носил старший из византийских императоров.

Падение Золотой Орды и крушение Византийской империи в 1453 г. положили конец как вполне реальной зависимости Руси от татар, так и старым представлениям русских относительно высшей власти греческих «царей». Ситуация в Восточной Европе претерпела радикальные перемены после того, как вместо слабой, раздробленной, зависевшей от татар Руси появилось единое Российское государство. Русское политическое сознание отразило происшедшие перемены в новых доктринах, самой известной из которых стала теория «Москва — третий Рим». Согласно этой теории, московские князья выступали прямыми преемниками властителей «второго Рима» — Византийской империи.

Уже дед Грозного именовал себя «царем всея Руси». Правда, он воздержался от официального принятия этого титула, не рассчитывая на то, что соседние государства признают его за ним (Иван III употреблял его только в сношениях с Ливонским орденом и некоторыми немецкими князьями).

О коронации 16-летнего внука Ивана III бояре не сразу известили иностранные государства. Лишь через два года польские послы в Москве узнали, что Иван IV «царем и венчался» по примеру прародителя своего Мономаха и то имя он «не чужое взял». Выслушав это чрезвычайно важное заявление, послы немедленно потребовали представления им письменных доказательств. Но хитроумные бояре отказали, боясь, что поляки, получив письменный ответ, смогут обдумать возражения, и тогда спорить с ними будет тяжело. Отправленные в Польшу гонцы постарались объяснить смысл московских перемен так, чтобы не вызвать неудовольствия польского двора. Ныне, говорили они, землею Русскою владеет государь наш один, потому-то митрополит и венчал его на царство Мономаховым венцом. В глазах московитов коронация, таким образом, символизировала начало самодержавного правления Ивана на четырнадцатом году его княжения.

Ивана короновали 16 января 1547 г. После торжественного богослужения в Успенском соборе в Кремле митрополит Макарий возложил на его голову шапку Мономаха — символ царской власти. Первые московские князья в своих завещаниях неизменно благословляли наследников «шапкой золотой» — короной своей московской вотчины. Великокняжеская корона в их духовных не фигурировала. Ею распоряжалась всесильная Орда. Когда Русь покончила с тяжким татарским игом, повелители могущественной державы продолжали украшать свою голову

прадедовской «золотой шапкой», но теперь они именовали ее шапкой Мономаха. Любознательный австриец Герберштейн видел шапку на Василии III. Она была расшита жемчугом и нарядно убрана золотыми бляшками, дрожавшими при любом движении великого князя. Как видно, шапка была скроена по татарскому образцу. Но после падения Орды восточный покрой вышел из моды. По поводу происхождения шапки Мономаха сложена была такая легенда. Когда Мономах совершил победоносный поход на Царьград, его дед император Константин (на самом деле давно умерший) отдал внуку порфиру со своей головы, чтобы купить у него мир. От Мономаха императорские регалии перешли к московским государям.

Официальные летописи изображали дело так, будто 16-летний юноша по собственному почину решил короноваться шапкой Мономаха и принять царский титул. Митрополит и бояре, узнав о намерении государя, заплакали от радости, и все было решено. В действительности инициатива коронации принадлежала не Ивану, а тем людям, которые правили его именем.

Затеяв коронацию, родня царя добилась для себя крупных выгод. Бабка царя Анна с детьми получила обширные земельные владения на правах удельного княжества. Князь Михаил был объявлен ко дню коронации конюшим, а его брат князь Юрий стал боярином.

Едва ли можно согласиться с мнением, что коронация Ивана IV и предшествовавшие ей казни положили конец боярскому правлению. В действительности произошла всего лишь смена боярских группировок у кормила власти. Наступил кратковременный период господства Глинских.

В глазах самого царя перемена титула была важной жизненной вехой. Вспоминая те дни, царь писал, что он сам взялся строить свое царство и «по Божьей милости начало было благим». Увенчанный царским титулом, Иван IV явился перед своими подданными в роли преемника римских кесарей и помазанника Божьего на земле.

Государь недолго тешился блеском без труда приобретенного могущества. Жизнь вскоре преподала ему жестокий урок. Питомец дворцовых теремов плохо знал свой народ. Он видел испуганных людей, когда для потехи топтал лошадьми рыночную толпу, видел радостные лица в торжественные праздники. Но у покоренного народа было и другое лицо. Вскоре царю довелось увидеть и его.

Мятеж в Москве

Невзирая на боярские распри и «безначалие», первая половина XVI в. была самым благополучным для русских крестьян временем. Расцвет деревни постепенно подготовлял почву для подъема государства. Крестьяне отвоевывали под пашню землю у леса и ставили починки (новые деревни), медленно продвигаясь на юг, в черноземную полосу. Неурожаи случались часто, но они не захватывали всю страну разом и не имели катастрофических последствий.

Численность городского населения была невелика. Но города переживали расцвет. Государство не вело крупных войн, а потому налоговое бремя было сравнительно легким.

Приход к власти Глинских едва ли мог изменить ситуацию. Однако современники утверждали, будто их правление ознаменовалось всевозможными бесчинствами. Родня царя долгое время была не у дел и теперь старалась наверстать упущенное. В короткое время Глинские успели снискать общую ненависть. Как повествует летописец, в царствующем граде Москве и по всей стране умножились неправды и насилия от вельмож, судивших неправедно по мзде и облагавших население тяжкими данями. Слуги Глинских вели себя в столице как в завоеванном городе. «Черным людям» от них было «насильство и грабеж».

Собственно, новые временщики были не хуже прежних боярских правительств. Но Глинские шли к власти напролом и восстановили против себя всю знать. Из-за этого положение их было очень шатким.

В жаркие летние месяцы 1547 г. в Москве произошли крупные пожары, ускорившие развязку. От огня пострадало множество дворов и церквей. Выгорел Кремль, пострадали городские укрепления. В огне погибли 1700 человек. Митрополит чудом спасся из горящего Кремля, но получил сильные ушибы, когда его на веревках спускали с крепостной стены. Иван поспешил навестить Макария. Его сопровождали бояре Иван Петрович Федоров, вернувшийся из ссылки, и князь Федор Скопин-Шуйский. В присутствии митрополита Федоров сообщил государю о смутной молве. В столице толковали, что «яко волхованием… вся Москва погоре». В колдовстве народ винил Глинских. Но об этом боярин умолчал.

Четыре дня бояре вели розыск виновников «поджога» Москвы. Волнения в столице усиливались изо дня в день, и власти выслали из Кремля для объяснения с народом бояр Федорова, Скопина и Юрия Темкина, а также Григория Романова. Они

«начаша въпрашати: кто зажигал Москву?». Вопрос был рискованным, но бояре вовсе не собирались щадить своих недругов. Они знали, о чем толковала толпа, и, надо полагать, сами способствовали распространению зловещих слухов.

Вопрос о виновниках неслыханного бедствия пал на подготовленную почву. В толпе выкрикнули имя Анны Глинской и ее детей. События приобрели Неожиданный оборот. Боярин Юрий Глинский, узнав о наветах толпы, поспешил укрыться в Успенском соборе, где шло богослужение. По некоторым сведениям, мятежники захватили дядю царя на глазах у Ивана IV. Затем полумертвого боярина вытащили на площадь и добили каменьями.

Иван IV подробно описал мятеж в приписках на полях официальной летописи. По его словам, чернь напустилась на царскую родню «того ради, что в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование». Если верить Грозному, бояре сами спровоцировали мятеж против правителя Михаила Глинского и его братьев.

В столице произошли уличные беспорядки. Чернь разграбила дворы Глинских, перебила их вооруженных слуг «бесчисленно», а заодно уездных детей боярских из Северской Украины, ошибочно приняв их за людей правителя. Царю пришлось «утещи» со всем двором в подмосковное село Воробьево. Но село оказалось для царской семьи ненадежным убежищем. На третий день мятежа московский палач скликал на площадь огромную толпу. Погорельцы громко кричали, что Москву «попали колдовством», что виною всему бабка царя «волхова» Анна: она вынимала из людей сердца, мочила их в воде и той водой, летая сорокой, кропила город. Разъяренная толпа «скопом» двинулась в Воробьево, чтобы разделаться с ненавистными временщиками. Появление толпы повергло царя в ужас. По словам Ивана, его жизни грозила опасность, «изменники наустили народ и нас убити». Боярам с трудом удалось успокоить чернь и убедить людей, что Глинских в Воробьеве нет. Вооруженная толпа беспрепятственно вернулась в столицу.

В бунте участвовали как низы — «черные люди», так и дети боярские и московские — «лучшие люди» (так называли богатых горожан). В конце концов волнение улеглось, и власти овладели положением в столице. Московские события показали царю Ивану поразительное несоответствие между его представлениями о своих возможностях и подлинным положением дел. С одной стороны, царю внушали, что его власть самодержавна и идет от Бога. С другой стороны, первые же шаги самостоятельного травления поставили его лицом к лицу с бунтующим народом,

поднявшим руку на царскую семью. Не раз безнаказанно посягавший на чужую жизнь, Иван впервые должен был всерьез задуматься о собственном спасении и спасении близких людей.

Мятеж в Москве привел к отстранению Глинских от власти. На свадьбе Ивана IV в феврале 1547 г. Глинские играли самую видную роль. На свадьбу брата царя Юрия 3 ноября они не были приглашены. На третий день после свадьбы Юрия князья Михаил Глинский и Иван Пронский побежали в Литву. Прошло четыре месяца со времени убийства Юрия Глинского. За это время конюший Михаил Глинский должен был убедиться, что править государством без поддержки Боярской думы невозможно. Царю Ивану недоставало власти, чтобы заступиться за Глинских.

Дума своевременно узнала о побеге двух видных бояр. Вдогонку был немедленно отправлен боярин князь Петр Шуйский, недруг Глинских. В последующей истории много неясного. Беглецы направились к литовскому рубежу из своих ржевских вотчин. До Литвы было рукой подать, но они все же не пересекли границу. Шуйский с дворянами догнал их в великих тесных и непроходимых местах. Вместо того чтобы продолжать путь, бояре отправились в Москву, намереваясь первыми явиться к царю с повинной. Их оправдания сводились к тому, что они поехали молиться к Пречистой на Оковец, но съехали в сторону (границы), не зная дороги. Михаилу Глинскому не удалось пробраться во дворец. Он был перехвачен Шуйским на пути к Кремлю и арестован.

Дума произвела розыск и признала дядю царя виновным. Отъезд за рубеж считался тяжким государственным преступлением. Но благодаря ходатайству митрополита и заступничеству Ивана опальные избежали тюрьмы. Однако дума отняла у Михаила Глинского титул конюшего.

Почин

Правительство Глинских пало, и с его падением закончилась целая полоса политического развития Русского государства, известная под названием «боярское правление». Правители могли бы справиться с кризисом, если бы располагали прочной поддержкой находившихся в столице дворян и посадских верхов. Восстание обнаружило непрочность их власти в обстановке недовольства, охватившего не только низы, но и верхи. Властям пришлось задуматься над тем, как покончить с дворянским оскудением. Уступки дворянству оказались неизбежны. Обнажившийся социальный антагонизм ошеломил власть имущих, на время ослабил боярские распри и во многом определил характер последующих реформ.

В ходе объединения русских земель власть московских государей чрезвычайно усилилась, но не стала неограниченной. Монарх делил власть с аристократией. «Царь указал, а бояре приговорили» — по этой формуле принимались законы, решались вопросы войны и мира. Через Боярскую думу знать распоряжалась делами в центре. Она контролировала также и все местное управление. Бояре получали в «кормление» крупнейшие города и уезды страны.

Название «кормление» соответствовало действительности: областные управители собирали пошлины в свой карман, то есть в буквальном смысле кормились за счет населения. Система кормлений была одним из самых архаических институтов XVI в.

Боярская аристократия старалась оградить свои привилегии с помощью местнических порядков. В соответствии с этими порядками служебные назначения определялись не пригодностью и опытностью человека, а его «отчеством» (знатностью) и положением родни (отца, деда и прочих «сродников»). Местничество разобщало знать на соперничавшие кланы и вместе с тем закрепляло за узким кругом знатнейших семей исключительное право на замещение высших постов.

Знать ревниво оберегала традиции. Но распри и злоупотребления боярских клик в период малолетства Ивана скомпрометировали старый порядок вещей и сделали неизбежной более энергичную перестройку системы управления на новых началах.

Исключительное влияние на развитие монархии в XVI в. оказали перемены в структуре господствующего сословия. Старое боярство периода раздробленности, не расчлененное на чины, уступило место дворянскому служилому сословию.

Наименование «бояре» сохранили за собой лишь родовитая аристократия, крупные землевладельцы, входившие в думу.

Великим князьям московским издавна служили как слуги вольные, так и слуги «под дворским», великокняжеские холопы. От слуг «под дворским» произошло название «дворяне». В состав благородного российского дворянства вошли как великокняжеские холопы, так и некоторое число боярских холопов из состава распущенных боярских свит.

Московское правящее боярство сохраняло в своих руках огромные вотчинные богатства, которые и были основой его политического могущества. Совсем в ином положении находилась масса провинциальных детей боярских — мелких землевладельцев, для которых поместье (условное держание) стало основной формой земельного обеспечения. В лице дворян-помещиков монархия приобрела наиболее глубокую и прочную опору.

Перемены ранее всего сказались на войске. Объединения княжеских и боярских дружин уступили место единому поместному ополчению. В рядах дворянского ополчения насчитывалось несколько десятков тысяч средних и мелких землевладельцев.

Значение дворянской прослойки настолько возросло, что с ее требованиями должна была считаться любая боярская группировка, стоявшая у кормила власти. По временам доверенные лица великого князя из числа детей боярских получали думный чин и входили в состав Боярской думы. Однако в целом влияние дворянства на дела управления совершенно не соответствовало его удельному весу. Боярская дума представляла почти исключительно одну только знать. Местнические порядки прочно закрывали дворянам путь к высшим государственным постам. Дворянство не желало мириться с таким положением дел и требовало привести систему управления в соответствие с новыми историческими условиями.

Московское восстание 1547 г. создало благоприятные возможности для выхода дворянства на политическую арену. Именно после восстания впервые прозвучал голос дворянских публицистов, и представителям дворянства был открыт доступ на сословные совещания, или соборы, получившие позже наименование Земских соборов. Дворянские публицисты выдвинули проекты всестороннего преобразования государственного строя России. Поток преобразовательных идей в конце концов увлек молодого царя.

В формировании мировоззрения Ивана, как полагают, большую роль сыграл митрополит Макарий, «по чину» занявший

место наставника царя. Высокообразованный человек, но посредственный писатель, Макарий обладал качеством, которое помогло ему пережить все боярские правительства и в течение 20 лет пользоваться милостями Ивана. Он старался сообразовать свои действия с запросами светской власти и выступал глашатаем «самодержавия». Глава церкви венчал «на царство» Ивана и придал новый блеск сильно потускневшей в годы боярского правления идее «богоизбранности» русских самодержцев. Глава церкви внес большой вклад в разработку идеологии самодержавия, которая была прежде уделом книжников, а затем получила практическое осуществление в деяниях Грозного.

Коронация Ивана IV положила начало церковной реформе. С возникновением православного царства появилась необходимость в едином пантеоне русских святых. 1 февраля 1547 г. в столице собрался Священный собор, рассмотревший вопрос о канонизации подвижников. В период раздробленности церковь внутри каждого княжества развивалась своими путями. У каждой земли явились свои чудотворцы.

Собор не причислил к лику святых ни одного из московских князей — прямых предков царя. Зато этой чести удостоился их злейший враг — князь Михаил Тверской, убитый в Орде вследствие происков московского князя. В списки новых святых попало имя Александра Невского, но нет имени Дмитрия Донского, победившего неверных на поле Куликовом. Канонизирован был новгородский князь Всеволод Мстиславич, почитавшийся местным святым во Пскове.

Объяснялось все это тем, что увлечение религией пришло к царю Ивану IV позже, и он, по-видимому, не оказал влияния на решения собора.

Инициатор реформы Макарий провел в Новгороде много лет и сжился с местными святыми. Поэтому среди новых общерусских чудотворцев решительно преобладали новгородские подвижники.

Благодаря реформе русская церковь обрела больше святых, чем имела за все пять веков своего существования. Церковная реформа призвана была возвеличить значение национальной церкви и доказать, что солнце «благочестия», померкшее в Древнем Риме и Царьграде, с новой силой засияло в Москве — «третьем Риме».

Деятельность Макария оказала воздействие на устремления Ивана. Но влияние митрополита не стало исключительным.

С первых шагов самостоятельного правления Иван не мог обойтись без советов своих приказных людей. Они принадлежали к самой образованной части тогдашнего общества. Среди этих людей выделялся дьяк Иван Висковатый. Преобразованный им

Посольский приказ стал одним из главных центральных ведомств страны. Редкие дарования Висковатого как бы запечатлелись в созданном им учреждении. Выходец из «худородной» семьи, Висковатый начал со службы в подьячих и достиг со временем высших постов в бюрократической иерархии. Иностранцы называли его канцлером.

Главным любимцем Ивана стал все же не Иван Висковатый, а Алексей Адашев-Ольгов.

Адашевы не принадлежали к знати. Никто из них не попал в 1550 г. в «тысячу лучших слуг», и только двое Ольговых значились в списках Государева двора по Костроме. Все прочие Ольговы служили в уездных дворянах и принадлежали к весьма заурядному провинциальному роду. Вспоминая о возвышении Адашева, царь Иван после смерти бывшего любимца писал, что тот в «юности нашей» «не вем каким обычаем из батожников водворишася» при царском дворе, «тако, взяв сего от гноища и учинив с вельможами, а чающе от него прямыя службы». В действительности А. Ф. Адашев попал ко двору благодаря успешной и длительной службе отца. Василий III упомянул в 1533 г. о посылке в Казань «ближнево своего человека Федора Одашова сына Олгова». В 1538–1539 гг. Адашев-старший ездил во главе русского посольства к турецкому султану; миссия закончилась успехом, за что он был пожалован в Москве. Алексей Адашев из-за болезни вернулся в Россию годом позднее и тогда же был представлен великому князю. Признание Адашеву принесли, впрочем, не придворные успехи, а общественная деятельность.

С детства Иван проникся недоверием к окружающей его знати. Когда он подрос, его недоверие по временам прорывалось наружу. Алексей Адашев разительно отличался от сверстников, окружавших государя. Он был старше Ивана и успел посмотреть мир.

Великий князь выделил Алексея в толпе придворных до коронации и пожара. На свадьбе Ивана с Анастасией Романовой Адашев оказался в числе близких лиц. В бане с женихом мылись молодые придворные Юрий Глинский, Иван Мстиславский, Никита Романов, а вместе с ними Адашев. Двое первых были ближайшими родственниками царя. В самом ли деле Адашев был приглашен на свадьбу вследствие дружбы с монархом? Это сомнительно. По традиции на свадебный пир собиралась родня. Жена Адашева Анастасия происходила из рода дворян Сатиных. Видимо, Сатины были в родстве с Долматом Романовым, братом царицы. На помин души умершего в молодости Долмата дал вклад в Троицу сначала Алексей Адашев (1545), а потом Данила

Романов (1547). На царской свадьбе Сатины стлали постель новобрачным, как видно, в силу родства с Романовой.

Можно предположить, что первыми шагами своей карьеры Адашев был обязан скорее всего родству с Романовыми-Захарьиными.

В 1547 г. боярство получили Иван Михайлович Юрьев-Захарьин, Григорий Юрьев-Захарьин, а окольничими стали Данила Романов-Юрьев и Федор Григорьевич Адашев. Род Адашевых-Ольговых никогда не входил в думу, но для отца Алексея Адашева было сделано исключение.

Захарьины возглавили Большой и Тверской дворцы, а Федор Адашев — Угличский дворец, что было весьма высоким назначением.

В сентябре 1547 г. Иван поручил Адашеву отвезти в Троице-Сергиев монастырь 7000 рублей. Никогда ни один из русских монастырей не получал такого богатого вклада. Для сравнения отметим, что Василий III «дал в Троицу по отце» 60 рублей. На помин души самого Василия III прислано было 500 рублей.

Для пожертвования у царя попросту не было особых поводов. Как же мог Казенный приказ выделить ему неслыханно большую сумму, при том что казна, как всегда, была пуста? Откуда взялись деньги?

Осенью 1546 г. Иван неожиданно проявил большой интерес к Новгороду Великому. 15 сентября он покинул столицу и уехал на богомолье, а затем — в Новгород и Псков. В Москву он вернулся только 12 декабря. Пять дней спустя состоялось решение о коронации Ивана. Приготовления к торжественному акту требовали присутствия государя в столице. Но 28 декабря великий князь вновь объявился в Новгороде. Как видно, у него были какие-то неотложные дела.

Первое путешествие было мирным, во второй раз монарх прибыл с войском. (Поданным новгородской летописи, князя сопровождали 4000 воинов, что, конечно, было большим преувеличением.) Очевидно, государь ждал сопротивления. Когда воинство прибыло в Новгород, все разъяснилось. Государь приказал схватить главного ключаря, а также и пономаря новгородского Софийского дома и подверг их мучительным пыткам. Очевидно, еще во время первого богомолья Иван узнал о том, что в стенах Софии в Новгороде замурована богатая сокровищница. Ключарь уверял, что ничего не знает. Но среди новгородцев все же нашелся человек, выдавший тайну.

Иван поднялся по лестнице, ведущей на хоры. Тут он велел ломать стену, и «просыпася велие сокровище, древние слитки в гривну, и в полтину, и в рубль, и насыпав возы и посла к Москве».

Летописец полагал, что в Софии хранилась сокровищница Владимира Великого. Но собор был построен много десятилетий спустя после смерти Владимира Святославича. Наличие рублей позволяет датировать клад временем Новгородской республики. Архиепископскую казну копили на протяжении столетий. Владыке удалось утаить ее от Ивана III, когда тот завоевал город.

Присвоение софийского клада поставило государя лицом к лицу с морально-религиозными проблемами. Казна была полной и неотъемлемой собственностью церкви. Покушение на церковное имущество считалось страшным святотатством. Бывший новгородский архиепископ Макарий никак не мог одобрить «грабление чужого имения», тем более ограбления новгородского Софийского дома.

Решение затянулось на много месяцев. И лишь в сентябре Иван, по-видимому, вернул церкви часть клада. Правда, деньги получили не новгородцы, а Троице-Сергиев монастырь. Вклад не имел адреса, а доставил его в монастырь любимец государя Адашев. Поскольку сокровища были привезены из Новгорода возами, можно заключить, что иноки получили лишь частицу присвоенного самодержцем богатства.

Царский вклад был признаком важных перемен в умонастроении молодого монарха. Прежние богомолья отнюдь не были свидетельством благочестия подростка. Теперь Иван впервые задумался об ответственности за свои поступки, о Страшном Суде и спасении души.

Первая война

В первый момент после крушения Золотой Орды казалось, что татарская сила больше никогда не соберется воедино. Однако после того как турки-османы покорили Крымское ханство, возникла реальная опасность соединения татарских юртов под эгидой Османской империи. При Иване III и Василии III Москве удалось на время подчинить своему влиянию Казанское ханство, но затем в Казани водворились крымские Гиреи.

Казанская орда постоянно грабила Русь. Подвижные отряды татар разоряли пограничные уезды, доходили до Владимира, Костромы и даже Вологды. «От Крыма и от Казани, — писал царь Иван, — до полуземли пусто бяше». Захваченных на Руси «полоняников» татары обращали в рабство. Русских невольников продавали на рынках рабов в Астрахани, Крыму и Средней Азии.

Татарское нашествие надолго остановило миграцию славянского населения на Дон и Нижнюю Волгу. Расширение экономических связей между Русью и Ордой привело к возникновению в ордынской столице Сарае большой русской колонии. С разрешения хана русская митрополия основала в Орде епископство Сарайское и Подонское. Кровавые усобицы, потрясшие Орду после ее распада, привели к запустению Сарая. Сарайское епископство закрылось, а его епископ был отозван в Москву и поселен на Крутицах. Но приток русского населения на ордынские земли не прекратился, а усилился. В XVI в. Россия многократно страдала от катастрофических неурожаев и голода. Бедствия вели к массовому бегству русских людей в степи — «Дикое поле». Беглецы селились на речных островах, в гористых местностях наподобие волжских Жигулей и в других местах, недоступных для степных кочевников. Население степных «станиц» было этнически неоднородным. Поначалу в них преобладали татары, по разным причинам вынужденные покинуть родные места и скрываться от власти. Сами названия — «казак», «атаман», «есаул» — имели сугубо татарское происхождение. Со временем подле татар появилось более многочисленное славянское население.

Бегство в степь вело к отказу от привычного уклада жизни. Казаки не пахали землю, потому что кочевые орды могли обнаружить их поля и уничтожить посевы и их владельцев. Отказ от земледелия объяснялся и тем, что среди беглецов было много холопов, не знавших крестьянского труда.

Вольные казаки не держали лошадей, а их главным занятием было рыболовство. В случае опасности они спасались от

татарской конницы на своих быстроходных стругах (судах). Казаки промышляли войной и грабежом. Вольница постоянно тревожила Орду нападениями, угоняла у кочевников стада. Казаки избирали своих предводителей и решали дела на «круге» (общем собрании). Вольная колонизация степей опережала правительственную колонизацию. Ко времени Ивана IV казаки основали свои станицы по всему течению Дона и Нижней Волги. Станичники не признавали над собой власти царя, но, когда русские полки появились в Нижнем Поволжье, казаки оказали им неоценимую помощь.

Казанское ханство отличалось внутренней непрочностью. Покоренные татарами разноязычные народы Поволжья: чуваши, мордва, мари, удмурты, башкиры — ждали случая избавиться от татарской власти.

Церковное руководство старалось придать войне с казанцами характер священной борьбы против неверных «агарян». Среди дворян планы завоевания Казани приобрели широкую популярность. «Подрайская» Казанская землица давно привлекала их взоры. Выражая настроения служилых людей, Иван Пересветов писал: мы много дивимся тому, что «великий сильный царь долго терпит под пазухой такую землицу и кручину от нее велику принимает; хотя бы таковая землица угодная и в дружбе была, ино было ей не мочно терпети за такое угодие».

Плодородие «подрайской» Казанской земли — вот что влекло русских в Поволжье. Дворяне рассчитывали на то, что война принесет им богатую добычу и казанские поместья.

После коронации Ивана IV русское правительство выдвинуло план военного покорения Казанской земли. 20 декабря 1547 г. царь покинул Москву, чтобы возглавить поход в Поволжье. То была его первая серьезная военная кампания. Ранняя оттепель помешала воеводам переправить за Волгу артиллерию. На переправе много пушек и пищалей ушло под лед. Войска понесли потери до того, как вступили в бой с татарами. Немало ратников нашли смерть, провалившись в полыньи.

Решено было отослать царя с переправ в Нижний Новгород. Иван вернулся «со многими слезами». Главные воеводы подошли к Казани и вступили в бой с поджидавшим их в поле казанским войском. В бою участвовал один передовой полк. Тем не менее победа была полной. Казанский хан не выдержал атаки и отступил в крепость. Без пушек о штурме Казани нечего было и думать. После семи дней осады русская рать отступила.

Иван вернулся в Москву 7 марта 1548 г. Бесславное окончание войны с басурманами наводило на мысль о наказании Божием за грехи. Во искупление грехов государь в июне пешком

отправился на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. С ним шли царица Анастасия и брат Юрий. Монахи удостоились щедрой милостыни.

Учитель жизни

Значительную роль в жизни Ивана IV суждено было сыграть священнику Сильвестру, новгородцу родом. Неизвестно, когда он переехал в Москву. Во всяком случае, произошло это ранее 1545–1546 гг. Сильвестр получил место в кремлевском Благовещенском соборе, вероятно, благодаря покровительству Макария, знавшего Сильвестра по Новгороду.

Благовещенский собор был семейным храмом царской семьи. Неудивительно, что скромному священнику удалось близко познакомиться с государем.

Благовещенский поп, «последняя нищета, грешный, неключимый, непотребный раб Сильвестришко» (так скромно именовал себя священник), выделялся своим бескорыстием в толпе сребролюбивых князей церкви. Положение при дворе открыло перед ним блистательные перспективы. При его влиянии он без труда мог занять доходное епископское место или пост настоятеля монастыря. Но он никогда не умел устроить своих дел. После пожара Сильвестр имел возможность получить «протопопствие» и даже официальный пост царского духовника, но не воспользовался случаем. Начав карьеру священником Благовещенского собора, он закончил жизнь в том же чине.

Новгородец Сильвестр принадлежал к образованным кругам духовенства. Он имел большую библиотеку. Некоторые книги он получил от Ивана IV из царского книгохранилища.

Грозный немало обязан был Сильвестру своими успехами в образовании. Но после разрыва царь перестал признавать умственное превосходство бывшего наставника и наградил его нелестным прозвищем — «поп-невежа». Этот эпитет свидетельствовал скорее о раздражении царя, нежели о невежестве Сильвестра.

Известно, что Сильвестр составил или, во всяком случае, отредактировал знаменитый «Домострой». Формально он посвятил этот сборник наставлений своему сыну Анфиму. Но имеются основания. предполагать, что Сильвестр имел в виду также и молодого царя. Иван IV, только вставший на стезю семейной жизни, нуждался в советах, тем более что он сам рос сиротой. На первых страницах «Домостроя» Сильвестр учил вере в Бога и тут же переходил к теме, «како чтити детем отца духовнаго и повиноваться им во всем». Обязанности Ивана IV по отношению к его отцу духовному были расписаны во всех подробностях. Питомцу надлежало призывать духовника «к себе в дом часто», к нему приходити и приношение ему давати «по силе»,

советоваться с ним часто «о житии полезном», «како учити и любити мужу жену свою», как каяться, как покоряться перед духовником во всем, а если духовник будет о ком-нибудь «печаловатися», как его «послушаться». Припоминая свои взаимоотношения с Сильвестром, царь писал много лет спустя, что, следуя библейской заповеди, покорился благому наставнику без всяких рассуждений. Через «Домострой» наставник действительно старался всесторонне регламентировать жизнь государя: учил, как следует посещать церкви, вершить всевозможные житейские дела. Придет время, и царь будет жаловаться на притеснения, которым Сильвестр подвергал его во время богомолий и на отдыхе. Как видно, поп был учителем строгим и требовательным. Когда ученик восстал против авторитета священника, он произнес много горьких слов. При Сильвестре, сетовал царь, даже в малейших и незначительных делах «мне ни в чем не давали воли: как обуваться, как спать — все было по желанию наставников, я же был как младенец». Что бы ни говорил питомец много лет спустя, пора ученичества не прошла для него бесследно.

Благовещенский поп обратил на себя внимание царя в дни московского пожара. В то время как придворные старались «ласкательством» завоевать расположение молодого царя, Сильвестр (по словам Курбского) избрал роль пророка, сурового пастыря и обличителя, не боявшегося сказать правду в лицо. В дни бедствий священник явился перед Иваном, «претяще ему от Бога священными писаньми и сродзе заклинающе его Страшным Божиим Судом». Ради спасения царя поп «кусательными словесы нападающе» на него, как бритвою «режуще» непохвальные нравы питомца.

Курбский изобразил взаимоотношения «блаженного» пастыря и закоренелого грешника Ивана в традициях житийной литературы. Но суть дела он уловил верно. «Кусательные слова» царь не забыл до последних дней жизни. В юности Грозный терпел и даже ценил резкость наставника, зато после разрыва с ним воспоминания о пережитых унижениях стали для царя источником невыносимых душевных терзаний.

Сильвестр принадлежал к числу глубоко верующих людей. У него случались галлюцинации, он слышал небесные голоса, ему являлись видения. В придворной среде немало злословили но поводу новоявленного пророка. Даже Курбский, хваливший царского наставника, смеялся над его «чудесами». По словам этого писателя, Сильвестр злоупотреблял легковерием Ивана, рассказывая ему о своих видениях («аки бы явление от Бога»). Не знаю, замечает Курбский, были эти чудеса истинными или же

учитель выдумывал их ради того, чтобы напустить на ученика «мечтательные страхи», унять его буйства и исправить «неистовый нрав».

Первоначально наставник ограничивался поучениями житейского толка. Лишь сближение с главным деятелем реформ Алексеем Адашевым открыло перед Сильвестром более широкое поле деятельности.

Рассказы Сильвестра производили на Ивана потрясающее впечатление. Священник зажег в его душе искру религиозного чувства. Иван увлекся религией и вскоре преуспел в своем увлечении. Он ревностно исполнял все церковные обряды. В минуты нервного напряжения он получал знаки свыше. Под стенами Казани перед последним штурмом 23-летний царь после многочасовой молитвы явственно услышал звон колоколов столичного Симонова монастыря.

Были обстоятельства, объясняющие меру влияния Сильвестра на воспитанника. Достигнув совершеннолетия, Иван IV далеко не сразу приноровился к роли самодержца. Дела управления не давались ему. Казалось, что он попал не на свое место.

Сильвестр был тем человеком, который помог Ивану осознать свою роль. В своих посланиях пастырь благословлял избранного Богом монарха, «самодержца вечна, православныя веры истиного наставника, на Божиа враги крепкого борителя, Христовы церкви столпа неколебимого». Священник внушал Ивану мысль о его исторической миссии, состоявшей в защите и утверждении истинной веры по всему свету. Покорение Казани, учил Сильвестр, есть лишь исполнение Божественной воли, «зело бо хощет сего Бог, дабы вся вселенная наполнилася православия».

Сильвестр выражал убеждение, что московский царь осенен той же благодатью, что и Константин Великий, утвердивший христианство в Византии. Самодержец всея Руси Иван «Божиею благодатию уподобися царю Костянтину, тою же царскою багряницею обложен есть, те же правоверния хоругви в руку своею благочестно содержит».

Послание Сильвестра царю было написано, бесспорно, под впечатлением победы над Казанью. Учитель старался внушить самодержцу, что его ждут громкие победы над неверными: «…и поклонятца тебе все царие земстии и вси языци поработают тебе».

После великого московского пожара 17-летний Иван дал Сильвестру первое личное поручение. Священник должен был восстановить роспись кремлевских соборов, пострадавшую от огня. Сильвестр вызвал иконописцев из родного города и, «доложа царя государя», велел им браться за дело. Стены Золотой палаты покрылись нравоучительными картинами,

изображавшими юношу царя в образе то справедливого судьи, то храброго воина, то щедрого правителя, раздающего нищим золотники. Средствами живописи Сильвестр надеялся оказать воздействие на эмоции питомца и вскоре преуспел в этом.

Священник вел беседы и писал послания Ивану, посвященные разнообразным темам. Одной из них была тема «содомского греха». Царь не должен позволять своим придворным и дьякам «в такое безстудие уклонятца»: «искорениши… содомский грех и любовников отлучиши, без труда спасешися».

Сильвестр старался убедить царя в том, что ему нужно новое, благонравное и беспорочное окружение, достойное великих деяний. И пожар, и междоусобица (мятеж), и заблуждения людские — все это ниспослано Богом в наказание за грехи. «И тебе, великому государю, — увещевал пастырь, — которая похвала в твоей великой области множество Божиих людей заблудша? И на ком то вся взыщет?»

Государю пора осознать свою ответственность за все непотребства, происходящие в царстве: «Вся сия законопреступления хощет Бог тобою исправити».

Мысль о божественном происхождении царской власти много значила для Ивана. Он никогда бы не простил советнику обличений, если бы не это обстоятельство. Церковь сыграла выдающуюся роль в обосновании политической теории самодержавия.

Реформы

Война с Казанью наложила печать на ход преобразований в России. Мирная пауза, длившаяся с весны 1548 г. до конца 1549 г., оживила деятельность реформаторов. Церковное руководство опередило светскую власть. В 1549 г. митрополит Макарий провел второй собор, пополнив список общерусских святых новыми именами.

Представление, будто у истоков перемен стояло дворянское правительство, едва ли верно. Сколь бы значительны ни были перестановки в правящих верхах, не они определили ход и направление преобразований.

Москва завершила объединение русских земель в конце XV — начале XVI в. Управлять обширным государством с помощью архаических институтов и учреждений, сложившихся в мелких княжествах в период раздробленности, оказалось невозможно. Любое правительство должно было рано или поздно начать перестройку институтов государственного управления.

Такие реформаторы, как Адашев или Висковатый, были обязаны карьерой не только милостям государя, но еще больше удачной службе в приказах — новых органах центрального управления.

Адашев служил в Казенном приказе, где получил думный чин казначея. Боярская дума раскрыла перед ним свои двери.

Порожденная процессом политической централизации, высшая приказная бюрократия не случайно стала проводником идеи преобразования государственного аппарата. Адашевский кружок осуществил эту идею на практике. Реформы явились важной вехой в политическом развитии страны. В кремлевские терема пришли новые люди. Знакомство с ними составило целую эпоху в жизни Ивана. Перед Иваном раскрылись неведомые ранее горизонты общественной деятельности. Приближалась пора зрелости. Скрытая неприязнь царя к «великим боярам» получила новую пищу и новое направление.

Реформаторы впервые заявили о. себе после созыва так называемого «собора примирения» 1549 г. Помимо Боярской думы и церковного руководства, на этом совещании присутствовали также воеводы и дети боярские. Выступая перед участниками собора, 18-летний царь публично заявил о необходимости перемей. Свою речь он начал с угроз по адресу бояр-кормленщиков, притеснявших детей боярских и «христиан», чинивших служилым людям обиды великие в землях. Обличая злоупотребления своих вельмож, Иван возложил на них

ответственность за дворянское оскудение.

Критика боярских злоупотреблений, одобренная свыше и как бы возведенная в ранг официальной доктрины, способствовала пробуждению общественной мысли в России. Настала неповторимая, но краткая пора расцвета русской публицистики. Прожектеры приступили к обсуждению назревших проблем преобразования общества. Одним из самых ярких публицистов той поры был Иван Семенович Пересветов. Он родился в Литве в семье мелкого шляхтича и исколесил почти всю Юго-Восточную Европу, прежде чем попал на Русь. Уцелевшие члены семибоярщины еще располагали в то время некоторым влиянием в Москве. Один из них, Михаил Юрьев, обратил на Пересветова внимание после того, как ознакомился с его проектом перевооружения московской конницы щитами македонского образца. (Как видно, обстановка не благоприятствовала составлению более широких преобразовательных проектов.) Как бы то ни было, Пересветов заручился поддержкой Юрьева и устроил свои материальные дела. После смерти покровителя приезжий дворянин впал в нищету. Наступивший период боярского правления стал в глазах Пересветова олицетворением всех общественных зол, которые губили простых «воинников» и грозили полной гибелью царству.

Проведя многие годы в бедности, Пересветов мгновенно оценил благоприятные возможности, связанные с наметившимся поворотом к реформам. Улучив момент, прожектер подал царю свои знаменитые челобитные. Простой «воинник» оказался одним из самых талантливых писателей, выступивших с обоснованием идеологии самодержавия. Не смея прямо критиковать московские порядки, что было делом небезопасным, Пересветов прибегнул к аллегориям и описал в качестве идеального образца грозную Османскую империю, построенную на обломках греческого царства. Православное греческое царство царя Константина, рассуждал публицист, погибло из-за вельмож, из-за «ленивых богатинов», зато царство Магомет-Салтана процветает благодаря его «воинникам», которыми он «силен и славен». Воззрения Пересветова поражали современников своей широтой, в некоторых отношениях он обгонял свое время. Публицист писал, что о поступках людей надо судить по их «правде», ибо «Бог не веру любит, а правду». Он призывал освободить «похолопленных» воинов. «Которая земля порабощена, — замечал писатель, — в той земле зло сотворяется… всему царству оскудение великое».

По мнению Пересветова, только вольная служба воинников делает царское войско боеспособным: «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы

против недруга: они бо есть порабощены, и тот срама не боится, а чести себе не добывает, а рече тако: „Хотя и богатырь или не богатырь, однако есми холоп государев, иного имени не прибудет“». Смысл приведенной речи Магомет-Салтана таков: «воинник» не должен быть холопом ни у кого, даже у государя. Порабощенным «воинникам» надо вернуть свободу.

Едва ли можно назвать Пересветова идеологом дворянства. Дворянское сословие было по преимуществу сословием землевладельцев. Пересветов же обходил полным молчанием вопрос о земельном обеспечении служилых людей. Между тем именно этот «великий вопрос» более всего волновал дворянство.

Пересветов описывал как образцовую военную организацию Магомет-Салтана. Но при ближайшем рассмотрении его идеал некоторыми чертами напоминает наемное войско Западной Европы. Публицист предполагал, что «воинников» (как и наемных солдат) достаточно обеспечить жалованьем. Необходимые денежные средства можно получить от горожан при условии введения твердых цен на городских рынках. Как иностранцу Пересветову осталась чуждой московская военно-служилая система, основанная на принципе обязательной службы дворян с земли.

Публицист советовал царю быть щедрым к «воинникам» («что царьская щедрость до воинников, то его и мудрость») и призывал «грозу» на голову изменников-вельмож. Он смело протестовал против боярского засилья в России. Дерзкие обличения по адресу высших сановников государства — бояр — неизбежно привели бы безвестного шляхтича в тюрьму или на плаху, если бы за его спиной не стояли новые покровители — партия реформ. Молодой Иван IV стал своего рода рупором нового направления.

В 1549 г. «собор примирения» принял решение о том, чтобы исправить Судебник «по старине». Приказы приступили к делу немедленно, и к июню 1550 г. работа была завершена.

В России управление и суд не были разделены и осуществлялись одними и теми же лицами — боярами и волостелями. В суде процветали взяточничество и произвол. Царский Судебник должен был положить конец таким порядкам: «А судом не дружити и не мстити никому, и посула в суде не имати. Также и всякому судье посула в суде не имати». Закон устанавливал наказание для всех чиновников, уличенных во взятках.

До принятия Судебника запутанные дела, зашедшие в тупик, могли завершиться «полем», то есть поединком спорящих сторон. Кто побеждал в бою, тот и считался правым по принципу «Бог правду любит». Новый свод законов ограничивал устаревший

порядок.

Средневековое судопроизводство исходило из того, что признание служит достаточным доказательством преступления. Если подсудимого обвиняли в государственной измене, в ход пускали кнут и дыбу. Пытки помогали получить необходимое признание.

Судебник защищал «честь» любого члена общества, но штрафы за бесчестье были неодинаковыми. Обидчик должен был платить за бесчестье купца 50 руб., посадского человека — 5 руб. Бесчестье крестьянина оценивалось в 1 руб.

Судебник устанавливал порядок законодательства в России «с государева доклада (дьяки докладывали дело царю) и с приговора всех бояр» (Боярская дума утверждала закон на своем заседании).

Составители Судебника не внесли изменений в те законы государства, которые определяли взаимоотношения землевладельцев и крестьян. Нормы Юрьева дня были сохранены без больших перемен. Крестьяне по-прежнему могли покинуть поместье в течение двух недель на исходе осени.

Свое внимание законодатели сосредоточили на устройстве управления. Новый Судебник ускорил формирование приказов, расширил функции приказной бюрократии, несколько ограничил власть наместников-кормленщиков на местах. Новые статьи Судебника предусматривали непременное участие выборных земских властей — старост и «лучших людей» — в наместничьем суде.

Кто был инициатором начавшихся преобразований? Называют имена разных лиц: митрополита Макария, Сильвестра, Адашева, наконец, самого царя. Судить об этом можно на основании одной из первых реформ. Она имела целью упорядочение местничества.

Военный опыт России подсказал властям, что местничество не отвечает требованиям времени. Назначения на высшие воеводские посты по принципу «породы», «отечества» (знатности. — *Р.С.*) приводили на поле брани подчас к катастрофическим последствиям. Однако местничество ограждало привилегии верхов правящего слоя, и Боярская дума слышать не желала об упразднении местнических порядков. Чтобы преодолеть традицию и добиться послушания от думы, власти решили использовать авторитет церкви. В конце 1549 г. Макарий прибыл во Владимир, где находился Иван IV с полками, и обратился к воинству со словами: «А государь вас за службу хочет жаловати, и за отечество беречи, и вы бы служили… а розни бы и мест никако же межю вас не было…» Упоминание о береженим «за отечество», или породу, должно было успокоить

знатных воевод.

Месяц спустя власти утвердили приговор о запрещении местнических тяжб на время похода. Царь обещал рассмотреть все споры по возвращении из-под Казани.

Приговор 1549 г. невозможно считать реформой. Он оставлял местнические порядки в неприкосновенности. Настоящие реформы начались в 1550 г., когда на свет появились новые законы. Отныне царь мог назначать в товарищи к главнокомандующему, непременно самому «породистому» из бояр, менее знатного, но зато более храброго и опытного воеводу. Местничать с ним воспрещалось.

Первым, кто воспользовался новым законом, был отец Алексея Адашева Федор. Весной 1551 г. он получил пост третьего воеводы в большом полку боярина Семена Микулинского, посланного строить крепость в Свияжске. Пересветов предлагал полностью отменить местничество. Алексей Адашев довольствовался тем, что было в пределах возможного.

В реформе местничества борьба за расширение сословных привилегий дворянства сочеталась с интересами карьеры семейства Адашева.

В глазах Алексея Адашева первые преобразования имели особую цену. Недаром перед самой отставкой он воскресил в памяти свой успех и не к месту включил отчет о реформе в последние тома летописи, над которыми тогда работал. «А воевод, — писал он, — государь прибирает, разсуждая их отечество и хто того дородитца, хто может ратной обычай сдержати». Рассуждения Адашева были далеки от радикальных требований Пересветова о полном искоренении местничества. Его реформы сохранили незыблемыми местнические порядки и лишь внесли в них поправки.

В связи с упорядочением административной и военной службы правительство предполагало отобрать из знати и дворянства тысячу «лучших слуг» и наделить их поместьями в Подмосковье. Будучи поблизости от столицы, «лучшие слуги» в любой момент могли быть вызваны в Москву для ответственных служебных поручений. Подготовлявшаяся реформа должна была приобщить цвет дворянства к делам управления.

В соответствии с царским указом постоянную службу в столице должны были нести более 600 «лучших слуг» из московских городов и более 300 помещиков из Новгорода и Пскова. Новгородские помещики, зачисленные в «лучшую тысячу», обладали привилегией проходить службу в столице по дворовым спискам. В какой мере они могли воспользоваться этой привилегией, трудно сказать. Дворовая служба всегда была

службой при особе государя и требовала присутствия дворянина в царствующем граде. Служить в Москве новгородцам мешала отдаленность их города, плохое состояние дорог и война в Прибалтике, поглощавшая все силы новгородского ополчения.

В целях укрепления вооруженных сил правительство Адашева приступило к организации постоянного стрелецкого войска и сформировало трехтысячный стрелецкий отряд для личной охраны царя. Стрелецкие войска зарекомендовали себя с лучшей стороны в военных кампаниях ближайших лет.

Участие в Казанской войне оказало, быть может, самое глубокое влияние на формирование личности Грозного. Война не позволяла самодержцу отгородиться от жизни. Со старыми привычками пришлось расстаться. Государь не приказывал больше разгонять челобитчиков или палить им бороды.

В дни третьего Казанского похода в лагере под Коломной заволновались новгородские дети боярские: «Многу же несогласию бывшу в людех, дети боярские ноугородцы государю стужающи, а биют челом», требуя, чтобы их распустили по домам.

Войска отправлялись в поход, не имея при себе обозов с продовольствием. Новгородские помещики были вызваны в Москву весной, и к исходу лета у них кончились запасы. Нужда подрывала боеспособность конного ополчения.

Власти были в затруднении: «Государю же о сем не мала скорбь, но велия бысть, еже так неудобно вещают». Монарх усвоил некоторые навыки управления. Он принял челобитные от детей боярских, «такоже велит и о нужах вспросити, да и вперед уведает государь всех людей своих недостатки». Челобитчики стали жаловаться на то, что оскудели землями — «многие безпоместные».

Волнения новгородцев показали царю, сколь важно обеспечить помещиков землями. Фонд государственных поместных земель был давно исчерпан, и власти поневоле обратили взоры в сторону церкви.

В 1551 г. митрополит Макарий взялся за «церковное устроение». Новое руководство использовало момент, чтобы взять инициативу в свои руки. Едва высшее духовенство собралось на совет (собор), монарх передал им свое «рукописание» — заранее подготовленные вопросы. Пока дьяки зачитывали царские вопросы, Иван сидел «на царском своем престоле, молчанию глубокому устроившуся». Реформаторы рассчитывали повернуть работу Священного собора в нужное русло и соединить земское устроение с «многоразличным церковным исправлением». Собор изложил свои решения в ста пунктах, или главах, отчего получил наименование Стоглавого собора.

Собор стал важной вехой в истории русской церкви, так как его решения ускорили процесс консолидации духовенства как особого сословия. Реформа не ослабила зависимости епископата от царской власти.

«Царские вопросы» к Стоглавому собору показывают, сколь глубоко захвачен был Иван IV преобразовательным течением. Споры, рожденные проектами реформ, и первые попытки их осуществления стали той практической школой, которой так недоставало Ивану. Они шлифовали его пытливый от природы ум и формировали его как государственного деятеля.

По крайней мере пять царских вопросов были посвящены теме, которой власти придавали исключительное значение: как возвратить в казну выбывшие «из службы» земли и обеспечить поместьями оскудевших дворян. Аргументируя необходимость земельного «передела», Иван указывал на то, что в годы боярского правления многие бояре и дворяне обзавелись землями и кормлениями «не по службе», а другие оскудели: «у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детми ныне втрое, а иной голоден». Обращаясь к митрополиту, царь просил рассмотреть, каковы «вотчины и поместья и кормления» у бояр и дворян и как они «с них служили», и приговорить «недостальных как пожаловати».

Проекты «землемерия» приобрели широкую популярность в среде дворянства. Земельные богатства духовенства давно возбуждали зависть у светских землевладельцев. В центральных уездах страны монастыри успели завладеть многими землями. Ни в одной стране, писали иностранцы, не было такого количества монастырей и монашествующей братии, как в России того времени.

На Стоглавом соборе правительство открыто поставило вопрос о дальнейших судьбах монастырского землевладения. Государь обратился к членам собора с многозначительным вопросом: «Достойно ли монастырям приобретать земли?»

Покушение на имущество церкви натолкнулось на решительное противодействие осифлян (иосифлян). Так называли себя последователи Иосифа Санина, игумена Иосифо-Волоколамского монастыря. Иосиф был сторонником могущественной и богатой церкви. Противоположного взгляда на предназначение монашества придерживался Нил Сорский, вождь нестяжателей. Последователями Нила были Артемий и другие старцы из заволжских скитов. Они жили в пустынях, разбросанных в глухих лесистых местах вокруг Кирилло-Белозерского монастыря.

Нил Сорский и его последователи учили чернецов жить

«нестяжательно», не владеть имуществом и кормиться своим «рукоделием». Нестяжатели допускали известную свободу в толковании Священного Писания и отвергали методы инквизиции. Они с сомнением отнеслись к реформе, проведенной Макарием, и не верили в «новых чудотворцев».

В середине XVI в. появились церковные сочинения, излагавшие взгляды Нила Сорского на монастырские богатства. Автор одного из таких сочинений, озаглавленного «Письмо о нелюбках», утверждал, будто в 1503 г. Нил потребовал от Священного собора, «чтобы у монастырей сел не было». Такое истолкование слов Нила отвечало видам светской власти.

В 1551 г. Иван IV рассчитывал провести земельную реформу, опираясь на авторитет Артемия и других заволжских старцев. Если бы Артемий истолковал учение Нила Сорского в том же духе, что и автор «Письма о нелюбках», власти получили бы в свои руки мощное средство давления на членов собора. Но Артемий не склонен был искажать воззрения Нила в угоду властям предержащим. Позже он говорил на суде: «Все ныне съгласно враждуют, будтось аз говорил и писал тебе села отнимати у монастырей… а оттого мню, государь, что аз тобе писал на собор, извещая разум свой, а не говаривал есми им о том, ни тобе не советую нужению и властию творити что таково». Подобно учителю, Артемий отвергал мысль о насильственном отчуждении земель у монастырей и всецело полагался на то, что иноки осознают греховность своего жития и передадут села царю по доброй воле. Позиция заволжских старцев разочаровала Ивана и его окружение.

Реформаторам удалось лишь частично осуществить свои замыслы. В мае 1551 г. был издан указ о конфискации всех земель и угодий, переданных Боярской думой епископам и монастырям после смерти Василия III. Закон запрещал церкви приобретать новые земли без доклада правительству. Задавшись целью воспрепятствовать выходу земель «из службы», власти ввели некоторые ограничения в отношении княжеско-вотчинного землевладения. Князьям воспрещалось продавать и отказывать свои вотчины в пользу церкви без особого на то разрешения. Земли, уже переданные монастырям без доклада, подлежали конфискации для последующей раздачи в поместье.

Власти искали всевозможные средства для того, чтобы пополнить фонд государственной собственности. Они не осмелились применить в Московской земле новгородский опыт экспроприации боярщин, но пытались использовать в интересах казны процесс разложения и распада крупного княжеско-боярского землевладения.

В 1551 г. власти подтвердили традиционный порядок отчуждения родовых княжеских вотчин. Приговор гласил: «А Суздальские князи, и Ярославские князи, да Стародубские князи без царева и великого князя ведома вотчин своих мимо вотчичь не продавати никому же, и в монастыри по душам не давати». Правительство заявило о своем намерении взять под контроль все сделки на наследственные владения Суздальских, Ярославских и Стародубских князей. Любое отступление от этого принципа влекло за собой отчуждение княжеской вотчины в казну: «А кто вотчину свою без царя и великого князя ведома чрез сесь указ кому продаст, и у купца деньги пропали, а вотчичь вотчины лишен». Конфискованные вотчины надлежало забрать на государя, «да те вотчины отдавать в поместье». Цель нового законодательства заключалась не в консервации удельной старины, как полагают некоторые исследователи, а в расширении фонда государственной земельной собственности, опоры всей военно-служилой системы Московского государства.

Осуществление нового земельного законодательства позволило правительству несколько пополнить фонд поместных земель за счет церковных и отчасти княжеских вотчин. И все же основные земельные богатства монастырей остались нетронутыми. Церкви удалось отстоять земельные владения, но она должна была поступиться значительной частью своих податных привилегий — «тарханов».

Со времен раздробленности обладатели «тарханов» — знать и князья церкви — не платили в казну податей с принадлежавших им земель. Приступив к реформам, власти задались целью ограничить действие «тарханов». Царский Судебник предписывал «тарханных вперед не давати никому, а старые тарханные грамоты поимати у всех». Действие нового закона испытали на себе привилегированные землевладельцы и светского, и духовного чина.

Власти довершили реформу податного обложения, объявив о введении «большой сохи». Размеры этой окладной единицы определялись сословной принадлежностью землевладельца.

Черносошные (государственные) крестьяне оплачивали соху в 500, церковные феодалы — в 600, служилые землевладельцы и дворец — в 800 четвертей «доброй земли». Таким образом, дворяне получили ощутимые налоговые льготы по сравнению с духовенством и особенно крестьянами.

Меры против «тарханов» подрывали систему податного иммунитета и шли навстречу требованиям дворянства.

Взятие Казани

В декабре 1549 г. русские предприняли новое наступление на Казань. 12 февраля 1550 г. царь впервые появился у стен татарской столицы. После обстрела крепости из орудий войска пошли на общий штурм, но успеха не добились. Простояв одиннадцать дней под Казанью, Иван по совету бояр отступил.

Вслед за тем царские воеводы построили крепость Свияжск на высоком правом берегу Волги, в двадцати верстах от Казани, на землях «горных черемисов» — чувашей. Местное население признало власть царя. В самой Казани взяли верх сторонники мира с русскими.

Москва согласилась на мир, но продиктовала казанцам свои условия. Иван IV немедленно направил в Казань своего личного представителя — Алексея Адашева. Казанский трон в августе 1551 г. занял московский ставленник хан Шах-Али. Вместе с ним в татарскую столицу явились боярин Иван Хабаров и дьяк Иван Выродков. В ханском дворце разместилась охрана — 200 московских стрельцов. Татары освободили 2700 русских пленных.

Власть служилого хана над Казанью была непрочной. Но по замыслам русского правительства ему отводилась роль троянского коня. К хану прибыл Алексей Адашев с секретной миссией. Не смея ослушаться царской воли, Шах-Али обязался «лихих людей побита, а иных казанцов вывести, а пушки и пищали перепортити, и зелие не оставити». Лихими людьми в Казани были сторонники Крыма и Турции.

Адашев ездил в Казань дважды. Русским удалось привлечь на свою сторону многих татарских вельмож. Шах-Али съехал из города под охраной стрельцов. Его должен был сменить воевода князь Семен Микулинский, назначенный наместником Казани. Однако в городе произошли волнения. Народ перебил русских детей боярских и не пустил в город царского воеводу.

Казанский край был вновь охвачен пламенем войны. С весны 1552 г. армия стала готовиться к выступлению в поход. Боярская дума настаивала на том, чтобы Иван поручил командование опытным воеводам, а сам оставался дома. Царь отверг этот совет и лично возглавил полки.

Передовые силы русского войска сосредоточились в Свияжске заблаговременно. Ими командовал князь Александр Горбатый, талантливый и опытный воевода. Внезапное вторжение Крымской орды едва не расстроило планы военного командования. Крымцы появились под Тулой, в непосредственной близости от Москвы. Воеводы отразили атаку татар от стен крепости, а затем

разгромили их арьергарды на реке Шиворонь.

23 августа 1552 г. московские полки приступили к осаде Казани. Город, расположенный на высоком, обрывистом холме у реки Казанки, был защищен мощными дубовыми стенами и рвом. Крепость служила резиденцией хана и его знати. Она не могла вместить большой гарнизон. Ко времени осады Орда с кибитками и табунами продолжала кочевать в окрестностях татарской столицы. Передовые силы русского войска наблюдали за передвижениями Орды и старались предотвратить ее нападение на русский осадный лагерь.

В начале кампании умелые действия воеводы Горбатого обеспечили успех осадных работ. Когда укрепленный лагерь был построен, Горбатый разгромил Орду в битве на Арском поле. Татары произвели вылазку из крепости, но Орда не смогла подкрепить их натиск ударом с тыла.

В конце августа русские подвергли бомбардировке укрепления Казани. Против главных Царевых ворот они выстроили трехъярусную осадную башню, достигавшую 15-метровой высоты. Установленные на ней орудия вели по городу убийственный огонь. Минных дел мастера подвели под крепостные стены глубокие подкопы. Взрыв порохового заряда разрушил колодцы, питавшие город водой. 2 октября последовал общий штурм крепости. На узких и кривых улицах города завязалась кровопролитная битва. Татарская столица пала.

Под стенами Казани более всех отличился воевода князь Александр Горбатый-Суздальский. Участник казанского взятия Курбский называл его великим гетманом царской армии. Через несколько месяцев после окончания похода Сильвестр с ведома царя обратился к Горбатому с посланием, в котором писал, что Казань взята «царским повелением, а вашим храбрьством и мужеством, наипаче твоим крепким воеводством и сподручными ти».

Даже недоброжелатели признавали, что Иван IV, будучи одним из ревностных поборников Казанской войны, много раз, не щадя здоровья, ополчался на врагов. Но в целом 22-летний царь довольствовался почетной, но на деле второстепенной ролью. В первые дни осады он участвовал в расстановке полков, ездил «во все дни и в нощи» вокруг татарской крепости. По решению боярского совета государев полк решено было ввести в сражение в момент решающего штурма — 2 октября. В тот день Иван усердно молился в походной церкви. Дважды воеводы присылали к Ивану с напоминанием, что ему пора выступать. Но монарх не пожелал прервать молитву. Когда государев полк появился наконец под стенами крепости, на них уже подняты были хоругви.

Промедление Ивана дало пищу для неблагоприятных толков. По словам Курбского, в критический момент воеводы приказали развернуть государеву хоругвь у главных ворот «и самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взяв, близ хоругви поставиша».

Во время всех трех казанских кампаний Иван должен был повиноваться распоряжениям великих бояр, к которым он не питал доверия. На третий день после падения Казани самодержец, как вспоминал Курбский, произнес: «Ныне оборонил мя Бог от вас!» Одаренный от природы умом и наблюдательностью, Иван понимал двусмысленность своего положения, полную зависимость от собственной аристократии.

Боярский совет настоятельно советовал Ивану не покидать Казань, чтобы довершить победу и окончательно замирить край. Но на этот раз царь не послушал «ипатов и стратигов». Он спешил в Москву. Прошло долгих четыре года, прежде чем русским удалось привести в покорность народы Поволжья и справиться с «казанским возмущением».

Вслед за Казанью царские войска овладели Астраханью. Разгром Казанского и Астраханского ханств положил конец трехвековому господству татар в Поволжье. В сферу русского влияния попала обширная территория от Поволжья до Северного Кавказа и Сибири. Башкиры объявили о добровольном присоединении к России. Вассалами царя признали себя правители Большой Ногайской орды и Сибирского ханства, пятигорские князья и Кабарда на Северном Кавказе.

Успехи на Востоке имели большое значение для исторических судеб России. Овладение всем волжским торговым путем открыло перед Россией богатые восточные рынки и способствовало оживлению ее внешней торговли. Началась интенсивная колонизация русским крестьянством плодородных земель Среднего Поволжья. Народы Поволжья были избавлены от власти татар. Но на смену старому игу пришел гнет царизма.

На протяжении многих лет Россия принуждена была держать значительные силы на территории Казанского ханства, где продолжались народные восстания. В ходе войны татарская знать, не сложившая оружия, подверглась истреблению. Новгородские летописцы сообщают подробности о судьбе пленных казанцев. Шестьдесят человек доставили в Новгород и развели по дворам. Кормить их должны были архиепископ и «гости веденые». Позже пленников переселили в три вновь построенные тюрьмы. После двухлетнего заключения часть пленников согласилась принять православие, «а которые не захотели креститься, ино их метали в воду».

Русские использовали всевозможные средства, чтобы упрочить свое господство в Казани. Они вывели из казанской крепости все население и поселили в татарские дворы русских детей боярских. В 1555 г. было образовано Казанское архиепископство. Его возглавил игумен провинциального Селижаровского монастыря Гурий Руготин, избранный по жребию. Новый владыка стал третьим иерархом русской церкви, уступая одному лишь новгородскому архиепископу и занимая место выше архиепископа Ростовского. Архиепископу была положена десятина со всех доходов завоеванного края.

В конечном итоге завоевание «подрайской землицы» не оправдало надежд русского дворянства. Степи с их мощным травяным покровом отличались редким плодородием, но с трудом поддавались обработке. Площадь распаханной земли в пределах края оставалась незначительной.

Русское правительство произвело первый раздел казанских земель вскоре после завершения семилетней Казанской войны. В мае 1557 г. казанский воевода наделил землями, ранее принадлежавшими казанскому хану и его мурзам, русских дворян и детей боярских. «Подрайская земля» пополнила фонд государственных поместных земель России. Крупные поместья получил царский наместник Казани. Значительные владения были выделены архиепископскому дому. С 1565 г. расхищение земель коренного населения Среднего Поволжья приобрело еще более широкий размах. В поместную раздачу поступил значительный фонд государственных «черных» и дворцовых деревень, а также земли, «исстари» принадлежавшие татарам, чувашам и мордве.

«Мятеж» в думе

Поспешность, с которой царь покинул армию и уехал в Москву, объяснялась тем, что его жена ждала ребенка. Возвращение победителей в Москву сопровождалось триумфом. Царь въехал в столицу на коне, в полном воинском доспехе, посреди блестящей свиты. Ликующая толпа ждала Ивана в поле за городскими стенами и провожала его до кремлевских ворот. «И старые и юные, — писал летописец, — вопили великими гласами, так что от приветственных возгласов ничего нельзя было расслышать».

Когда у царицы родился сын, Иван поспешил в Троицу, где монахи окрестили младенца и нарекли его Дмитрием. Едва кончилась зима и наступили первые весенние дни, Иван занемог «тяжким огненным недугом». В случае кончины царя трон должен был наследовать младенец Дмитрий. Его именем во дворце распоряжались дядья царевича бояре Романовы.

Официальная летопись, составленная при Адашеве, обрисовала ситуацию с помощью библейской цитаты: «Посети немощь православного нашего царя… и сбысться на нас евангельское слово: поразисте пастыря, разыдутся овца». Адашев явно желал предать забвению «вся злая и скорбная».

Летописная версия не удовлетворила Грозного, и он составил обширную приписку к Лицевому (иллюстрированному) своду. Ее можно условно озаглавить как «Сказание о мятеже».

Версия царя была такова. Ближняя дума принесла присягу на имя наследника 11 марта 1553 г. Общая присяга всех членов думы была назначена на следующий день. Церемонию проводили в Передней избе, куда царь выслал князя Владимира Воротынского и Ивана Висковатого с крестом. Торжественное начало омрачилось тем, что старший боярин думы князь Иван Михайлович Шуйский отказался от присяги: «Им не перед государем целовати (крест. — *Р.С.*) не мочно; перед кем им целовати, коли государя тут нет?» Протест Шуйского носил формальный характер. Руководить присягой мог либо сам царь, либо старшие бояре. Вместо этого церемония была поручена Воротынскому.

Выступив после Шуйского, окольничий Федор Адашев обратился к думе со следующим заявлением: «Ведает Бог да ты, государь: тебе, государю, и сыну твоему царевичу Дмитрию крест целуем, а Захарьиным нам Данилу з братиею не служивати; сын твой, государь наш, еще в пеленицах, а владети нами Захарьиным Данилу з братиею; а мы уж от бояр до твоего возрасту беды

видели многия». Протест Федора Адашева дал повод для инсинуаций.

В письме Курбскому Грозный прямо приписал Алексею Адашеву намерение «извести» младенца царевича. Однако из его летописной приписки следует, что Алексей верноподданнически и без всяких оговорок целовал крест Дмитрию в первый день присяги. Адашев-старший недвусмысленно высказался за присягу законному наследнику, но при этом выразил недоверие Захарьиным. Выступление Федора Адашева отличалось большой откровенностью. Оно было вызвано глубоким раздором внутри Ближней думы.

Захарьины готовились учредить регентство царицы Анастасии (наподобие регентства Елены Глинской), с тем чтобы самим управлять государством. Однако высшая знать вовсе не собиралась уступать власть царице и ее родне.

В первоначальном тексте летописной приписки сразу за речами Шуйского и Ф. Г. Адашева следовало изложение «царских речей». Грозный будто бы обвинил бояр в том, что они хотят свергнуть династию. Видя растерянность Захарьиных, Иван IV предупредил их, что враги трона умертвят их первыми.

Царские речи, без сомнения, были вымыслом. Пораженный недугом, Иван не узнавал людей и не мог говорить. Но даже если бы он сумел что-то сказать, у него не было повода для «жестокого слова» и отчаянных призывов. Перечитав написанное, царь должен был заметить несообразность своего рассказа. Решив исправить дело, Иван дополнил рассказ словами: «Бысть мятеж велик и шум и речи многия в всех боярех, а не хотят пеленичнику служити; и бысть меж бояр брань велия и крик и шум велик и слова многия бранныя. И видев царь… боярскую жестокость и почал им говорити так». Теперь в «Сказании о мятеже» все стало на свои места. «Жестокое» слово царя выглядело как естественная реакция на «боярскую жестокость».

Помимо сведений о перебранке в думе, «Сказание о мятеже» включало сведения о тайном заговоре царского брата Владимира. Старицкие ждали смерти Ивана и втайне готовились к захвату власти. В дни царской болезни князь Владимир и его мать вызвали в Москву удельные войска и демонстративно раздавали им жалованье. Верные Ивану люди потребовали объяснений, тогда Старицкие стали «вельми негодовати и кручиниться на них». В итоге удельному князю воспретили доступ в покои больного.

Брат царя вел себя вызывающе в день общей присяги 12 марта. Будучи приглашен во дворец, он наотрез отказался присягать младенцу-племяннику и даже угрожал боярину

Воротынскому немилостью. Протест Старицкого не имел последствий. Подходящее время было упущено: все члены думы уже присягнули наследнику. Ближние бояре пригрозили Владимиру, что не выпустят его из хором, и принудили целовать крест поневоле. Мать претендента Евфросинья оказалась более упорной. Ближние бояре трижды ходили к ней на двор, прежде чем она согласилась скрепить крестоцеловальную запись княжеской печатью. Не очень смышленый, вялый юноша, проведший раннее детство в тюрьме, князь Владимир не играл в событиях самостоятельной роли. Душой интриги была Евфросинья, обладавшая неукротимым характером и глубоко ненавидевшая царя Ивана. Она не могла простить племяннику и его матери гибели мужа и последующих унижений.

Многие знатные бояре выражали сочувствие Старицким. На то были свои причины. Боярская дума не желала учреждения регентства Анастасии Романовой. Сторонник Старицких князь Семен Ростовский заявил об этом в беседе с литовским послом, которого посетил вскоре после выздоровления царя. Ростовский жаловался, что «их всех (великородных бояр) государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас (бояр) ими теснит, да и тем нас истеснил, что женился у боярина у своего (Захарьина) дочер взял, понял рабу свою и нам как служити своей сестре?». Знать, пережившая правление Елены Глинской, недвусмысленно заявляла, что не допустит к власти вдову Ивана.

Подлинные документы — крестоцеловальные записи князя Владимира Старицкого 1553–1554 гг. — позволяют установить, что во время болезни царя мать князя и ее родня действительно собрали в Москве свои вооруженные отряды и пытались перезвать на службу в удел многих влиятельных членов думы.

Сторонники удельного князя толковали между собой: «Только нам служити царевичю Дмитрею, ино нам владети Захарьиным и чем нами владети Захарьиными, ино лутчи служити князю Владимеру…» Родственники Евфросиньи обратились к конюшему Ивану Петровичу Федорову. Но тот поспешил с доносом к царю и изложил ему содержание крамольных речей: «Ведь де нами владети Захарьиным, и чем нами владети Захарьиным, а нам служити государю малому, и мы учнем служити старому — Володимеру Ондреевичу».

Фактически дело шло к государственному перевороту. Однако царь выздоровел, и династический вопрос утратил остроту.

В 1554 г. произошли события, напомнившие о недавнем кризисе. В Польско-Литовском государстве участие знати в

избрании монарха считалось делом законным и необходимым. В Русском государстве князья и бояре, высказавшиеся за избрание на трон царского брата, знали, что их ждет суровая кара. Опасаясь разоблачения, некоторые из заговорщиков вознамерились бежать за рубеж. В числе их был боярин Семен Ростовский. Когда в Москву прибыло литовское посольство, он выдал послу важные решения Боярской думы и посоветовал не заключать мир с Москвой, поскольку царство оскудело, а Казани царю «не сдержати, ужжо ее покинет». Изменник просил посла предоставить ему убежище в Литве. Вскоре князь Семен снарядил к королю сына Никиту, с тем чтобы получить охранные грамоты на проезд через границу.

Пограничная стража схватила Никиту на литовском рубеже, и измена раскрылась. На суде боярин Ростовский сделал чрезвычайно важные признания относительно заговора Старицких.

Судебное дознание скомпрометировало многих знатных персон. Кроме родни Евфросиньи князей Щенятева и Куракиных, в заговоре участвовали бояре князь Иван Пронский, князья Дмитрий Немого-Оболенский, Петр Серебряный-Оболенский, Семен Микулинский, а также многие другие князья и дворяне, члены Государева двора.

Боярский суд вел дело весьма осмотрительно и осторожно. Судьи намеренно не придали значения показаниям князя Семена насчет заговора княгини Евфросиньи и знатных бояр. Главными сообщниками Ростовского были объявлены княжие холопы.

Осужденный на смерть князь Семен был выведен для казни на площадь «на позор», но приговор не был приведен в исполнение. По ходатайству митрополита Макария казнь была заменена тюрьмой. Боярина отправили в заточение на Белоозеро. Его вооруженную свиту распустили.

В беседах с литовцами боярин Ростовский поносил и оскорблял Захарьиных, имевших все основания настаивать на расправе с изменником. Если бы Захарьиным удалось добиться суда над Старицкими и их сообщниками, они могли бы изгнать из думы противников и упрочить свои позиции при дворе. Но их старания не поддержали ни руководство Боярской думы, ни духовенство.

После осуждения Ростовского, утверждал Грозный, Сильвестр с советниками «того собаку почали в велице брежении держати и помагати ему всеми благами». Слова Грозного не были домыслом. Сохранилось утешительное послание Сильвестра к некоему опальному вельможе, история которого как две капли воды напоминала судьбу князя. Вельможа был «у смертного часа»,

лишился всего «стяжания», был отослан «в далечие страны». Священник советовал опальному не слушать тех, кто наущает «злословие и укорение износити на государя», «да не внидет в сердце твое… на государя хулен помысел и глагол неблагочестив». Сильвестр сообщил вельможе о том, что «умилостивилася душа царская»: решено устроить князя поместьицем и вернуть вотчинку, «а и вперед не оставит Бог слез твоих». В самом деле, Ростовский был возвращен на службу, а его сообщник князь Андрей Катырев, готовившийся вместе с князем Семеном бежать в Литву, был произведен в бояре.

Кровавые казни, произведенные по приказу царя в дни его юности, были забыты. Увлечение религией оказалось благотворным. Духовные пастыри успели внушить государю мысль о том, что помазанник Божий должен править милостиво. Наставления Пересветова насчет правления «с грозой» и сдирания кожи с изменников сочтены были несвоевременными. Теперь монарх открыто осуждал жестокость своих предшественников и считал мучениками погибших от их руки. Слова его находили живой отклик в сердцах князей, удостоившихся его дружбы. Один из этих друзей записал слова Ивана: «Аз от избиенных от отца и деда моего, одеваю гробы их драгоценными оксамиты и украшаю раки неповинные избиенных праведных».

Кого имел в виду «милостивый государь»? Осуждал ли он деда и отца за расправу с братьями, племянником, другой родней? Если государь и украшал гробницы, то скорее всего своей родни, похороненной в кремлевских соборах.

Максим Грек был одним из наставников самодержца. И он сам, и его ученики (одним из них был Курбский) выступали решительными противниками казней. Наконец Русь «утишилась при тебе от различные злобы, — писал Максим Грек Ивану, — славные князи и велможи възлюбят всякую правду, повинующеся твоим праведнейшим уставам и велением, взирающе на твое человеколюбнейшее изволение, якоже на доброту одушевленую и образ самыа Божественыа благости». Христианский идеал доброго и праведного царя-человеколюбца приобрел на время реальную власть над помыслами Ивана.

Измену Семена Лобанова-Ростовского невозможно было скрыть, но Алексей Адашев позаботился о том, чтобы представить предательство случайным результатом скудоумия. В официальной летописи значилось, что князь Семен «хотел бежати от убожества и от малоумьства, понеже скудота у него была разума».

Сильвестр использовал право «печалования» перед государем, чтобы окончательно предать забвению дело о боярском заговоре в

пользу князя Владимира. Старицкие вполне оценили услугу скромного придворного проповедника. Он стал частым советчиком у княгини Евфросиньи и завоевал ее «великую любовь».

В конфликте между Захарьиными и думой Адашевы приняли сторону боярского руководства, что благоприятно сказалось на их карьере. В ноябре 1553 г. Алексей получил чин окольничего, а его отец — чин боярина, не положенный ему по «худородству». Алексей Адашев упрочил свои позиции в Ближней думе.

Влияние Захарьиных резко упало. Данила Романов уже в 1554 г. был отстранен от руководства Большим дворцом. Василий Юрьев-Захарьин утратил чин Тверского дворецкого. Их родственник Иван Головин был изгнан из Казенного приказа. Сторонник Захарьиных Фуников потерял пост печатника и подвергся опале. Царица Анастасия пыталась заступиться за своих братьев, но нимало не преуспела в этом. В письме Курбскому Грозный упрекал бывших любимцев за то, что те «на нашу царицу Анастасию ненависть зелну воздвигше и уподобляюще ко всем нечестивым царицам». Неприязнь царицы к Сильвестру порождала взаимные обвинения и интриги. Священник сравнивал Анастасию с нечестивой византийской царицей Евдоксией, гонительницей Иоанна Златоуста.

Князь Андрей Курбский был среди тех, кто радовался посрамлению царицы и ее братьев. В 1554 г. он наконец был пожалован в бояре.

Избранная рада

В своей «Истории о великом князе Московском» Андрей Курбский упомянул о том, что при Сильвестре и Адашеве делами государства управляла Избранная рада. Если верить письмам Грозного, правящий круг состоял сплошь из изменников-бояр. По Курбскому, в Избранную раду входили мудрые мужи. Несмотря на то что «История» нисколько не уступала по тенденциозности письмам царя, предложенный ее автором термин «Избранная рада» получил признание.

Традиционное толкование текста Курбского сводится к тому, что после московского пожара 1547 г. к власти пришли Сильвестр и Адашев. Они отогнали от царя «ласкателей» и образовали правительство Избранной рады, которое провело реформы. Такое толкование не согласуется с фактами.

В рассказе о раде имена «ласкателей» не названы. Но из дальнейшего повествования следует, что главными «ласкателями» Курбский считал «шурьев» государя Захарьиных. Их он называл нечестивыми губителями всего Святорусского царства, замечая при этом, что выше он «многажды рехом» (много раз говорил) о них. Причины раздражения боярина вполне понятны. Именно Захарьины оклеветали Сильвестра и Адашева и отстранили от власти мудрых мужей, к которым князь Андрей причислял и себя. Падение рады раз и навсегда погубило карьеру Курбского. Боярин бежал из России до опричнины, а значит, опричные «ласкатели» не могли причинить ему столько же зла, сколько Захарьины.

Историю рады невозможно связать ни с пожаром 1547 г., ни с удалением «ласкателей». Захарьины не только не лишились влияния после пожара, но, напротив, вошли в силу. Ни о какой замене «ласкателей» мудрыми мужами — радой — не было и речи. Приходится признать, что путаный рассказ Курбского может дать лишь превратное представление о правительстве реформ середины XVI в.

В отличие от Избранной рады Ближняя дума была реальным учреждением, действовавшим на протяжении многих лет. Для решения текущих дел власти собирали немногих «ближних людей», имевших прямое отношение к повестке дня. В критической ситуации Ближнюю думу собирали в полном составе, о чем свидетельствуют следующие факты.

1 марта 1553 г. присягу принесли «ближние люди»: бояре (князья Иван Мстиславский, Владимир Воротынский и Дмитрий Палецкий, а также Иван Шереметев, Михаил Морозов), дети боярские в думе (Алексей Адашев и Игнатий Вешняков), дьяк

(Иван Висковатый), а вместе с ними бояре Данила Романов-Захарьин и Василий Юрьев-Захарьин. Двое «ближних людей» (боярин Дмитрий Курлятев-Оболенский и печатник Никита Фуников) отсутствовали по болезни. Тем же самым лицам, исключая умершего Воротынского, поручено было через год произвести розыск об измене боярина князя Семена Ростовского. Полное совпадение двух списков подтверждает, что Ближняя дума была постоянным учреждением с определенным составом. Именно ей предстояло управлять Россией за малолетнего Дмитрия.

Внутри Ближней думы места распределялись в строгом соответствии с местническими порядками. В обоих случаях список Ближней думы заканчивает имя дьяка Висковатого, а ниже названы имена двух бояр Романовых — братьев царицы. То, что кажется мелочью на первый взгляд, в действительности имело первостепенное значение. Как видно, Захарьины не принадлежали к составу Ближней думы в 1553–1554 гг.

В 1553 г., имея время, чтобы обсудить с боярами состав опекунского совета, Иван IV был лишен такой возможности из-за «огненной лихорадки» и беспамятства. По этой причине функции опекунского совета взяла на себя Ближняя дума, к которой присоединились Захарьины. Подобного рода узурпация власти «ближними людьми» без надлежащей санкции Боярской думы вызвала большое негодование высшего боярского руководства.

Василий III назначил главой опекунского совета удельного князя Андрея Старицкого. В полном соответствии с традицией князь Владимир Андреевич, как брат царя Ивана, имел все основания стать во главе нового опекунского совета. Однако княжичу Владимиру едва исполнилось двадцать лет, и ему недоставало политического опыта и характера.

Его мать Евфросинья помнила историю Софьи Палеолог, которая устранила законного наследника престола Дмитрия-внука и доставила трон отцу Грозного, удельному князю Василию. Она намеревалась, следуя по пути Софьи, посадить на трон своего сына. Именно по этой причине Старицкие упорно отказывались принести присягу «пеленочнику».

Захарьины употребили все средства, чтобы расстроить интригу Евфросиньи. У них была влиятельная родня в Ближней думе. Боярин Иван Большой Шереметев был однородцем Захарьиных, а бояре Михаил Морозов и Василий Юрьев были женаты на родных сестрах. Ставленниками Захарьиных были печатник Фуников и дьяк Висковатый.

Василий III назначил душеприказчиками почти всю думу, самых влиятельных ее членов. К моменту болезни Ивана IV в

думе числился 31 боярин. Из них только шесть бояр, не считая Захарьиных, попали в число душеприказчиков умирающего Ивана IV.

Наибольшим влиянием в думе пользовался род князей Шуйских-Суздальских, к которому принадлежали Иван Михайлович, Петр Иванович и Федор Скопин-Шуйские, а также покоритель Казани Александр Горбатый. Все они остались вне опекунского совета. У Шуйских была причина негодовать на опекунов.

В регентский совет не попала влиятельная родня княгини Евфросиньи Старицкой-Хованской (бояре князь Петр Щенятев, Федор Куракин, Михаил Голица и его сын Юрий Голицын). Не у дел остались князья Семен Микулинский и Иван Пронский, Иван Воронцов, конюший Иван Федоров-Челяднин.

Оправившись от болезни, царь Иван поехал с семьей на богомолье в Кириллов монастырь. Свою первую остановку царская семья сделала в Троице-Сергиевом монастыре. Там государь долго беседовал с иноком Максимом Греком. Максим Триволис советовал Ивану отложить поездку на север и взять на себя заботу о помощи семьям воинов, павших под стенами Казани.

Власти Троице-Сергиева монастыря проявляли особый интерес к непрекращавшейся войне с казанцами. До возвращения монарха из путешествия на Белоозеро келарь обители Адриан Ангелов написал «Повесть о взятии Казани». Государь, читаем в повести, обязан спасать «от зол» подданных, а те должны беспрекословно повиноваться ему. Послушание подданных — вот главный вопрос, вот что поглощало помыслы самодержца в то время. Повесть включала царскую речь по этому поводу: подданным подобает «имети страх мой (государев) на себе и во всем послушливым быти» и «страх и трепет имети на себе, яко от Бога ми (монарху) власть над ними и царъство приемъше, а не от человек». Слова наставников о божественном происхождении царской власти были созвучны настроениям монарха, и он искал пути практического осуществления этой достойной идеи.

По пути в Кириллов царь заехал в Николо-Песношский монастырь и виделся там с племянником Иосифа Волоцкого иноком Вассианом Топорковым. Вассиан был любимцем Василия III и получил от него сан епископа Коломенского. После переворота, совершенного Шуйскими в 1542 г., он лишился кафедры. Обличение боярского самовольства — эта тема была одинаково близка царю и низложенному епископу. Будучи в келье у Вассиана, самодержец спросил: «Како бы могл добре царствовати и великих сильных своих в поспешестве имети?»

Если верить Курбскому, старец отвечал: «И аще хощеш самодержцем быти, ни держи собе советника ни единаго мудрейшиго собя». Курбский называл мудрейшими мужами членов Избранной рады. Совет не держать мудрых советников равнозначен был совету избавиться от опеки мудрой рады. Топорков снискал известность как сторонник сильной монархической власти. Прошло много лет, прежде чем Иван IV смог последовать советам инока.

Прибыв в Кириллов, Грозный оставил в Кирилло-Белозерском монастыре жену и сына, а сам отправился «в Ферапонтов монастырь и по пустыням». В пустынях жили ученики и последователи Нила Сорского. Их советы касались духовного самосовершенствования и были весьма отличны от советов осифлян. Самой авторитетной фигурой среди них был Артемий Пустынник. Курбский писал о старце, что царь его «зело любяше и многажды беседоваше, поучался от него». Известно, что Артемию покровительствовал Сильвестр.

Всевластие Сильвестра и Адашева опиралось не только на благоволение царя. Будучи любимцами государя, они сумели найти прочную опору в Боярской думе. Наставник царя установил самые тесные отношения со знаменитым воеводой князем Горбатым. Став первым наместником завоеванной им Казани, Александр Горбатый счел необходимым обратиться к Сильвестру за советом, как управлять басурманским царством. Пастырь не только написал ему подробное послание, но и порекомендовал прочесть поучение прочим воеводам, «священному чину и христоименитому стаду». Все знали о том, что хотя послание и подписано Сильвестром, но священник, конечно же, предварительно обсудил его с царем, так что письмо выражало волю государя.

Влиятельным покровителем Сильвестра был князь Дмитрий Курлятев-Оболенский. В письме Курбскому Иван IV гневно упрекал Сильвестра и Адашева за то, что они «препустили» в Ближнюю думу этого родовитого боярина. Благодаря Курлятеву высшие думные чины получили многие его родственники: князь Василий Серебряный-Оболенский и Константин Курлятев, позднее — Петр Серебряный, Дмитрий Немого-Оболенский, Иван Горенский, Федор и Юрий Кашины, Михаил Репнин. По сравнению с другими княжескими домами Оболенские имели наибольшее число представителей в думе.

В письме Курбскому Иван IV жаловался на то, что Сильвестр и Адашев, пользуясь покровительством Курлятева, «с тем своим единомысленником нача злый совет утвержати, и ни единыя власти оставиша, идеже своя угодники не поставиша». Сильвестр

насадил повсюду своих угодников, опираясь на благоволение царя и вождей думы.

Благовещенский священник умел поддерживать добрые отношения и с покровительствовавшей ему знатью, и с кружком молодых друзей царя, мечтавших о широких реформах.

«Умыслив лукавое, — жаловался позднее Иван IV, — поп Селивестр и со Олексеем (Адашевым) здружился и начаша советовати отаи нас, мневша нас нсразсудных суща». Трудно сказать, какая сторона извлекла большие выгоды из союза.

Материалы, относящиеся к истории Казанской войны, дают наглядное представление о роли, которую Алексей Адашев стал играть при особе царя. Война требовала крупных расходов. В 1550 г. Иван IV послал Адашева в Казенный приказ, дав ему по этому случаю думный чин казначея. Очевидно, любимец царя должен был упорядочить финансовые дела и навести в Казне порядок. Исполнив поручение, Адашев сложил с себя полномочия казначея. В дальнейшем он время от времени участвовал в работе Казенного приказа, но уже не в качестве казначея. Он не раз говорил «царевым словом», что решало исход любого дела.

В 1551 г. царь послал Адашева с секретной миссией к Шах-Али, русскому ставленнику на казанском троне. Курбский писал, что Адашев вел жизнь благочестивую и даже ангелоподобную. Но он допустил преувеличение. Алексей с усердием выполнял любые, даже самые жестокие распоряжения царя.

Когда во время переговоров с Шах-Али выяснилось, что тот не выполнил своих обещаний, посланец Ивана обратился к нему с укоризной: «…и говорил ему Алексей, чтобы Касын молну убили и иных людей, на чем правду дал», и еще «чтобы пустил князя великого людей в город». Адашев передал требование перебить в Казани всех противников Москвы, включая муллу. Завершив переговоры, Адашев спешно уехал в Москву для доклада государю.

Во время осады Казани в 1552 г. Адашев числился среди воевод то ли передового полка, то ли ертоула (авангарда). Едва воеводы начали ставить туры, государь послал «от себя» Алексея Адашева в самый опасный пункт — к Арским воротам. Многочисленное конное войско татар нанесло удар со стороны Арского поля, рассчитывая прорваться к крепости. Но нападение не застало воевод врасплох.

Когда возник проект подкопа у Муралеевых ворот, Иван тотчас направил к месту подкопа Алексея Адашева, а с ним Немчина Розмысла, с приказом разрушить «тайник казанский» с колодцем, из которого татары брали воду. Государь не мог своими глазами наблюдать за сооружением подземной галереи,

вместившей 11 бочек пороха. Но все это возбуждало в нем крайнее любопытство, и он надеялся получить точные сведения от Адашева. Взрыв разрушил часть крепостной стены.

Приведенные факты раскрывают смысл слов Курбского о том, что Адашев был «общей вещи полезен». Где бы ни появлялся Адашев, его старания приносили пользу делу.

Временщик был человеком способным и разносторонним. Он с успехом выполнял самые разнообразные поручения самодержца: писал законы, командовал войсками, сооружал подземные галереи, вел переговоры с иностранными послами, собирал исторический материал, составлял летописи и занимался другими делами. Фактически он был оком государевым, поверенным, надежным исполнителем его воли.

После рождения сына у Ивана IV Адашев в конце 1553 г. сопровождал царскую семью в путешествии на богомолье в Кириллов монастырь. Именно во время этого путешествия погиб наследник престола «пеленочник» Дмитрий. Причиной был несчастный случай. Но вину за него несли братья царицы. Противники Романовых использовали трагедию, чтобы внушить государю недоверие к «шурьям».

Авторитет Сильвестра

Ко времени династического кризиса Сильвестр достиг вершины своей карьеры. Раскол в Ближней думе и взаимная борьба между Старицкими и Захарьиными позволили ему выступить в роли миротворца. Мы ничего не знаем о политических умонастроениях Сильвестра. Можно лишь догадываться, что политика сама по себе не слишком волновала его.

Исправляя старые летописи, Грозный нарисовал яркий портрет временщика, склонного «спроста рещи всякие дела». По его словам, поп «всякия дела и власти святителския и дарения правяше, и никто же смеяше ничтоже сътворити не по его велению, и всеми владяше, обема властми, и святительскими и царскими, якоже царь и святитель…». При всей тенденциозности Грозный верно указал на два источника влияния придворного проповедника. Во-первых, «никто же смеяше ни в чем же противитися ему ради царского жалованья», и, во-вторых, он был «чтим добре всеми». Почитали пастыря за его добродетели и беспорочную жизнь. И все же его авторитет признавали далеко не все.

Сильвестр содержал иконописную мастерскую, будучи в Новгороде. Новгородская иконописная школа была едва ли не лучшей в стране. Переехав в Москву, священник сохранил свою мастерскую. В связи с этим царь поручил именно ему восстановить роспись Благовещенского собора, уничтоженную пожаром. Роспись была выполнена в новгородской манере. В Новгороде раньше, чем в других городах, проявились новые тенденции в развитии живописи. Икона стала изображать скорее идеи, чем лики, превращаясь в иллюстрацию к библейским текстам.

Как всегда, Сильвестр, пользуясь свободным доступом к особе самодержца, не преминул показать роспись своему питомцу и заручился его одобрением. В дальнейшем это сослужило ему хорошую службу.

Новшества новгородской школы живописи были встречены московскими ортодоксами с недоверием. Иван Висковатый, широко образованный богослов, открыто восстал против иконографии Благовещенского собора. Дьяка ужаснула не столько новизна, сколько замысел новой иконографии, в которой он усмотрел отступление от евангельской истины к Ветхому Завету, к пророческим образам. «Не подобает, — говорил дьяк, — почитати образа паче истины».

Осенью 1553 г. Висковатый подал царю донос на Сильвестра. В челобитной дьяк признал, что по поводу росписи «сумнение имел и возмущал народ» три года. Итак, московский дьяк заподозрил неладное еще в 1550 г., и с тех пор громко обличал склонность Сильвестра к ереси. Сильвестр не имел достаточной власти, чтобы заставить его замолчать.

Висковатый не боялся открыто выразить свое мнение, так как надеялся на покровительство царских шуринов Захарьиных. Последние готовы были употребить все средства, чтобы подорвать влияние священника.

Сильвестр не принадлежал ни к осифлянам, ни к нестяжателям. Но когда государь потребовал у него совета о назначении игумена Троице-Сергиева монастыря, он высказался в пользу вождя нестяжателей Артемия. Старец был вызван из заволжских пустыней и поселен в Чудовом монастыре. Иван просил Сильвестра «смотрити в нем всякого нрава и духовные пользы». Наставник похвалил Артемия. В итоге «по государеву велению» и прошению троицких иноков старец занял ключевой пост игумена Троице-Сергиева монастыря.

Артемий был из тех людей, которые оказали глубокое влияние на формирование религиозности Ивана IV. Царь, как отметил Курбский, его «зело любяще и многажды беседовавше».

Известно, что подвижник обращался к монарху с посланиями, убеждая его взяться за изучение богословия. «Хощу подвигнути царскую ти душу, — писал он, — на испытание разума Божественных писаний». Старец чудной жизни наставлял Ивана никогда не стесняться учения: «Не срамляйся неведением, со всяцем тщанием въпроси ведущего. Подобает убо учитися без стыдения, яко же учити без зависти. Никто же не научився может что разумети». Желая подтолкнуть юного государя к изучению Священного Писания, Артемий решительно оспаривал тех, кто следовал правилу: «Не чти много книг, да не во ересь впадеши».

Советы пали на подготовленную почву. Иван пристрастился к чтению и с годами приобрел обширные познания в богословии.

Наставления Пустынника произвели на питомца столь сильное впечатление, что он просил инока написать подробно «о Божиих заповедях и отеческих преданиях и обычаях человеческих».

Артемий использовал свое влияние при дворе, чтобы добиться освобождения Максима Грека. Осифляне держали Грека в заточении более 20 лет. Новый троицкий игумен рассчитывал, что авторитет Максима поможет ему внести перемены в жизнь обители. Но его надежды не оправдались. Максим Грек и Артемий Пустынник учили, что чернецы должны жить «своим

рукоделием» и не владеть селами. Их проповедь далеко расходилась с практикой богатейшего монастыря России. Несмотря на заступничество Сильвестра, Артемий должен был сложить сан. Он пробыл в Троице всего полгода.

Ересь

Церковь воспротивилась введению на Руси печатного дела, когда на Русь прибыли датские печатники. Высшее духовенство постаралось уберечь православное общество от козней датских «люторов».

Однако вскоре обнаружилось, что «люторская» ересь уже пустила корни на Святой Руси. Первым забил тревогу Сильвестр, подавший донос на сына боярского Матвея Башкина.

Матвей Башкин, по-видимому, служил во дворце, поскольку его духовником был Симеон, священник Благовещенского собора. Матвей вел дружбу с двумя дворцовыми аптекарями.

Подобно Сильвестру, Башкин осуждал рабство. Он сообщил духовнику Симеону, что освободил своих холопов и изодрал холопьи грамоты. При следующей встрече Башкин показал Симеону книгу «Апостол», а в ней размеченные воском места, которые вызывали его недоумение. Предложенные им толкования показались духовнику «развратными», и Симеон поспешил за советом к Сильвестру. Тот испугался, что недоносительство на Башкина повредит его репутации. В июне 1553 г. Сильвестр явился в царские покои и в присутствии Алексея Адашева доложил Ивану IV о «новоявившейся ереси».

Иван призвал к себе Башкина и велел ему читать и толковать «Апостол». Ознакомившись с «развратными» взглядами Матвея, царь приказал посадить его в подклеть на царском дворе до подлинного сыска. Избежав тюрьмы, еретик попал в подвалы дворца.

Башкин проповедовал неслыханные идеи: он отрицал официальную церковь, называл баснословием Священное Писание. На допросе Башкин признал, что воспринял ересь от двух поляков — Матиаса, дворцового аптекаря, и Андрея Сутеева. Собеседники Башкина были протестантами.

Получив донос на Башкина, царь после совещания с наставниками велел пригласить в Москву Максима Грека и Артемия Пустынника. Распоряжение доказывало, что Сильвестр намеревался заслушать мнение самых авторитетных богословов России.

Артемий явился в Москву, но не пожелал участвовать в суде над вольнодумцами и без ведома властей тайно покинул столицу. Необдуманный шаг имел роковые последствия.

25 октября 1553 г. Иван Висковатый в присутствии царя и бояр открыто обвинил Сильвестра и Артемия в пособничестве еретику Башкину. В ноябре он составил доклад с перечнем

обвинений против Сильвестра. Новые иконы Благовещенского собора, объявил дьяк, результат «злокозньств» еретика Башкина: «Башкин с Ортемьем советова, а Ортемей с Селиверстом».

Резкие нападки на Сильвестра объяснялись тем, что у Висковатого были могущественные покровители. При составлении своего «Писания» Висковатый использовал книги, полученные им от члена Ближней думы боярина Михаила Морозова и его свояка боярина Василия Михайловича Юрьева-Захарьина.

Обвинения встревожили Сильвестра. Он обратился к царю с посланием против «избных» (приказных) людей, впавших в бесстыдство.

Исход столкновения зависел от того, какую позицию займет глава церкви Макарий. Ответ митрополита Висковатому был кратким и энергичным. «Стал еси на еретики, — заявил митрополит, — а ныне говоришь и мудрствуешь негораздо о святых иконах, не попадись и сам в еретики. Знал бы ты свои дела, которые тебе положены — не розроняй списков» (посольских бумаг). Макарий пригрозил дьяку, что тот может быть изгнан со службы.

Глава церкви четко выразил свое отношение к креатуре Захарьиных — Висковатому.

Становится понятным замечание Курбского о том, что Сильвестру удалось отогнать от царя Ивана «ласкателей» после того, как он «присовокупляет себе в помощь архиерея онаго великаго града» Москвы, иначе говоря, митрополита Макария.

Вот причина, почему Грозный ни словом не обмолвился о Макарии в своем отчете о кризисе 1553 г. Смертельная болезнь государя и династический кризис выдвинули фигуру митрополита на первый план. Если монарх в своем отчете о «мятеже» вообще не упомянул имени Макария, то лишь потому, что щадил его память. Он не стал обвинять пастыря церкви в том, в чем обвинял «изменных бояр», а именно во вражде к Захарьиным. Видимо, в 1553 г. Макарий, подобно Сильвестру, старался погасить раздор между Старицкими и Захарьиными, чтобы устранить опасность смуты.

Споры о ереси возродили прежний раздор. Розыск обнаружил, что ересь свила себе гнездо при дворе старицкого удельного князя. Главными сообщниками еретика были объявлены знатные дворяне Иван Тимофеевич Борисов-Бороздин и его брат. Они происходили из очень знатного рода тверских бояр и доводились троюродными братьями Евфросинье Старицкой. Оба служили в удельном княжестве и были видными придворными князя Владимира Андреевича. Враги Старицких не прочь были

использовать момент, но Сильвестр и Макарий не дали разжечь пожар.

Следствие по делу Башкина и Борисовых было передано осифлянам. Башкин в конце концов сознался, что называл иконы «идолами окаянными», хулил самого Христа. Видимо, эти признания были получены под пыткой. У обвиняемого помутился рассудок: он «язык извеся, непотребная и нестройная глаголаша на многи часы, и потом в разум прииде». Матвей Башкин был брошен в тюрьму, Иван Борисов сослан в монастырь на остров Валаам.

Церковные власти использовали суд над Башкиным, чтобы окончательно избавиться от нестяжателей. Отказ старца Артемия от участия в расправе с еретиками власти расценили как доказательство его причастности к ереси. На суде Башкин в расспросе «на старцов заволских говорил, что его злобы (еретических взглядов) не хулили (старцы) и утверждали его в том». Возражая судьям, Артемий с полным основанием указывал, что ребяческие речи Башкина невозможно подвести ни под одну известную и осужденную святыми соборами ересь.

Вопрос о наказании еретиков был одним из главных пунктов, разделявших Артемия и его гонителей. Побуждая царя к размышлениям, старец писал в одном из посланий к нему: не следует спешить с осуждением, если кто «от неведения о чем усумнится или слово просто речет, хотя истину навыкнути». Старец возражал против казни еретика Башкина и его единомышленников. После бегства в Литву он писал: «Неподобно есть христианом убивати еретичествующих, яко же творят ненаучении, но паче кротостию наказывати противящаяся и молитися о них, да даст им Бог покаяние в разум истины възникнути».

Точка зрения осифлян была противоположной. Один из сподвижников Иосифа Волоцкого, архиепископ Геннадий, в свое время дал собору на еретиков такой совет: «С еретиками таки бы о вере никаких речей с ними не плодили, токмо для того учинити собор, чтобы их казнити — жечи да вешати».

Иосиф Санин свое главное сочинение «Просветитель» посвятил наставлениям и советам, как искоренить ересь на Руси. Затеяв гонения на еретиков, осифляне постарались приобщить Ивана IV к идейному наследию Санина. Епископ Нифонт Кормилицын отклонил просьбу старцев Иосифова монастыря о передаче им бывшей у него рукописи «Просветитель» на том основании, что «митрополит ея емлет и чтет, да и царь князь великий ея имал и чел». Самодержец ежечасно подвергался влияниям с самых разных сторон. Прилежный ученик черпал

премудрость из источников, которые ему предлагали, как прилежный ученик.

Вероятно, Артемию удалось бы оправдаться, но с наветами против него выступили игумен Кирилло-Белозерского монастыря, старцы Ферапонтова и Троице-Сергиева монастырей. В защиту его выступили епископ Рязанский Касьян и соловецкие старцы. (За это Касьян был лишен сана.) В январе 1554 г. собор отлучил Артемия от церкви и сослал на вечное заточение в Соловки.

Власти готовили суд над «сообщниками» Артемия — Феодосием Косым и Вассианом. Но тем удалось бежать из-под стражи и скрыться в Литве. Там же нашел прибежище и Артемий. За рубежом он сохранил непоколебимую верность православию. Некоторые из беглых московских еретиков, напротив, перешли в протестантскую веру. Один из новообращенных заслужил в Литве славу «второго Лютера или, скорее, Цвингли». «Второй Лютер» рассказывал, что в Москве он был приговорен «советом епископов» к сожжению на костре, но царь Иван отменил смертный приговор и приказал освободить еретика из тюрьмы. Показание московского «лютора» проливает свет на роль монарха в затеянных осифлянами процессах. Иван хорошо усвоил мысль о том, что провинившиеся монахи достойны сурового наказания, но не смерти. В послании Курбскому он писал: «И во отрекшихся от мира наказания, аще и не смертию, но зело тяжкая наказания, колми же паче в царствие подобает наказанию злодейственным человеком быти».

Три года Сильвестр подвергался нападкам Висковатого, пока митрополит не защитил его от обвинений в ереси. Спасаясь от наветов, Сильвестр отмежевался от Артемия Пустынника. Позиция наставника оказала решающее влияние на царя Ивана. Он не мог выступить против решения Священного собора и заступиться за Артемия, у которого учился богословию. Но он не позволил сжечь мнимых еретиков.

Продолжение реформ

Крупнейшей реформой середины XVI в. была реформа центрального управления и организация приказной системы управления, просуществовавшей в России до петровских времен. В период раздробленности великий князь «приказывал» (поручал) решение дел своим боярам по мере необходимости. Быть «в приказе» означало ведать порученным делом. Одним из первых «приказов», превратившихся в постоянное учреждение, было центральное финансовое ведомство — Казна. В его организации заметную роль сыграл византийский финансист и купец Петр Ховрин-Головин, потомки которого были казначеями на протяжении нескольких поколений. Казначеи ведали Денежным двором, собирали государеву подать в Москве и «дань» в Новгороде, оплачивали военные расходы и пр. Со временем из состава Казны выделились узкофинансовые ведомства вроде Большого прихода. Поземельные дела стал вершить Поместный приказ, военные дела — Разрядный приказ, суд — Разбойный приказ.

В числе первых в Москве сформировались приказы, управлявшие княжеским доменом — собственностью великокняжеской фамилии. Дворцовый приказ снабжал дворец и многочисленные царские резиденции припасами. По мере присоединения земель и появления княжеских владений на окраинах рядом с Большим дворцом в Москве появились Новгородский, Тверской и прочие дворцы. Как правило, посты дворецкого и конюшего занимали представители одних и тех же старомосковских фамилий: Морозовых, позднее — Захарьиных и Челядниных. Наследование приказных постов замедляло формирование приказного аппарата.

Начало переустройству приказной системы на новых основах положила организация Посольского приказа на первом году реформ. В 1549 г. «приказано посольское дело Ивану Висковатого, а был еще в подьячих». На первых порах дело казалось столь маловажным, что поручено было не боярину, не дьяку, а лишь подьячему, низшему чиновнику. Опыт оказался удачным.

В Дворовой тетради 1552–1562 гг. записано до 50 больших и дворовых дьяков, возглавлявших главнейшие приказы, или избы. Со временем число приказов увеличилось до 80. Штат каждого приказа составляли дьяк, подьячие и писцы числом от 20 до 50 человек.

Характерной чертой системы приказного управления была чрезвычайная дробность ведомств и отсутствие четкого

разграничения функций между ними. Наряду с центральными отраслевыми управлениями (Казна, Посольский, Разрядный, Поместный, Разбойный, Конюшенный, Ямской приказы, приказ Большого прихода) существовали областные приказы, управлявшие территориями отдельных земель (Тверской, Рязанский дворцы), упраздненными удельными княжествами (Дмитровский и Углицкий дворцы) и вновь завоеванными землями (Казанский дворец). Существовали также различные мелкие ведомства: Земский двор (полицейское управление столицы), московское тиунство и т. д. Не только областные дворцы, но и центральные приказы имели в своем ведении выделенные им территории. В пределах этой территории приказ собирал налоги, творил суд и расправу. К примеру, Посольский приказ осуществлял управление Карельской землей.

Первыми в состав думы вошли руководители Казенного приказа — двое казначеев и хранитель большой государственной печати — «печатник». В 60-х годах думными дьяками стали разрядный, поместный и посольский дьяки. Они постоянно присутствовали на заседаниях думы и докладывали дела.

Боярская дума контролировала деятельность приказов, периодически посылая туда окольничих и бояр. По существу, приказы стали разветвленной канцелярией думы. С образованием приказной системы Боярская дума окончательно конституировалась в высший орган государственной власти.

Важной особенностью почти всех новшеств середины XVI в. были сугубый практицизм правительственных мер, несовершенство или отсутствие у них законодательной основы. Приказы не имели регламента, который определял бы структуру новых учреждений и порядок их деятельности.

Реформа центрального аппарата управления повлекла за собой преобразование местного управления — системы кормлений. Текст подлинного приговора думы о кормлениях отсутствует, и о его содержании можно судить только по литературному пересказу.

Незадолго до своей отставки Адашев включил в официальную летопись рассказ, ставивший целью прославить его реформаторскую деятельность. Этот рассказ окрашен в апологетические тона и требует критики.

Адашев подверг решительной критике устаревшую систему местного управления, при которой провинциальные власти, наместники и волостели кормились за счет населения. Узнав о злоупотреблениях кормленщиков, царь велел «расчинить» по городам и волостям старост, которые бы участвовали в судебных делах, и заменил прежние поборы в пользу кормленщика

специальным оброком — «кормленным окупом», шедшим в казну.

В приведенном «приговоре» о кормлениях имелся один существенный пробел. Закон не уточнял, на какие города и волости распространялась реформа местного управления. Радикальная критика системы кормлений предполагала необходимость полной ликвидации устаревшей системы. Между тем из летописного текста следовало, что царь по рассмотрении вопроса о кормлениях «бояр и велмож и всех воинов устроил кормлением праведными урокы, ему же достоит по отечеству и по дородству».

Правительство приступило к ликвидации кормлений уже в самом начале 50-х годов, и именно тогда были ликвидированы крупнейшие наместничества во внутренних уездах страны (Рязанское, Костромское и др.). После взятия Казани бояре, «возжелаша богатества», разобрали доходнейшие из кормлений, а прочими кормлениями «государь пожаловал всю землю», иначе говоря, знатнейшее дворянство. Новая широкая раздача кормлений имела место в связи с первыми успехами в Ливонской войне в 1558 г. Итак, «приговор» 1555–1556 гг. не ликвидировал систему кормлений одним ударом. Из-за противодействия бояр и знатных дворян, пользовавшихся привилегией замещать «кормленные» должности, отмена кормлений затянулась на многие годы. Перестройка органов местного управления была осуществлена в сравнительно короткий срок только на Севере, где на черносошных (государственных) землях жило малочисленное крестьянское население и почти вовсе отсутствовало землевладение дворян. Суд и сбор податей, прежде осуществлявшиеся здесь кормленщиками, перешли в руки «излюбленных голов», выбранных населением. На черносошном Севере земское самоуправление дало наибольшие преимущества не дворянам, а купцам-промышленникам и богатым крестьянам. Земская реформа в целом как бы завершила общую перестройку аппарата государственного управления на новых сословных началах.

В центральных уездах земская реформа, начатая еще в 1539 г., носила с самого начала продворянский характер. Правительство передало надзор за местным управлением губным старостам и городовым приказчикам, которых избирали из своей среды провинциальные дворяне. Губные старосты, а не наместники-кормленщики должны были теперь вершить суд по важнейшим уголовным делам. Деятельностью губных старост непосредственно руководил Разбойный приказ в Москве.

Летописный рассказ о преобразовании военно-служилой системы в 1556 г. страдает такими же противоречиями, что и

повествование о кормлениях. Проблема воєнної! службы и земельного обеспечения дворянства оказалась в центре внимания властей с первых дней реформы. В знаменитых «царских вопросах» Стоглавому собору власти впервые заявили о необходимости «уравнять дворян в землях» и обеспечить разоренных «недостальных» дворян. «И то бы приговорити, — значилось в царских вопросах, — да поверстати по достоинству безгрешно, а у кого лишек, ино недостаточного пожаловати». Не было другого вопроса, который бы так глубоко занимал и волновал всю массу дворянства, как вопрос о земельном обеспечении. Тема «дворянского оскудения» получила наиболее полное освещение в сочинениях известного публициста 50-х годов Ермолая Еразма. Его трактат «О землемерии» содержал проект всеобъемлющей перестройки системы поземельного обеспечения служилого дворянства. Целью Еразма было спасение «скудеющего» мелкого дворянства и вместе с тем облегчение участи крестьян — «ратаев». Еразм добивался того, чтобы дворяне несли воинскую службу в строгом соответствии с размерами их земель. Для этой цели правительство должно было произвести всеобщее «землемерие».

Для Еразма характерно живое сочувствие нуждам крестьян. Адашев стремился провести военно-административные реформы, отвечавшие интересам дворян в первую очередь. Однако идеи Ермолая Еразма не были чужды Адашеву. Следы их влияния можно обнаружить в летописном рассказе о реформе военно-служилой системы в 1556 г. Согласно этому рассказу, «приговор» о службе должен был воплотить в жизнь идею уравнения дворян в земельных владениях: «Посем же государь и сея расмотри: которые велможы и всякие воины многыми землями завладели, службою оскудеша, не против государева жалования и своих вотчин служба их, — государь же им уравнения творяше: в поместьях землемерие им учиниша, комуждо что достойно, так устроиша; преизлишки же разделиша неимущим».

Перед нами литературная версия, а не подлинный текст закона. Тщетно мы стали бы искать в нем ответ на вопрос, какие поместные оклады служили основой уравнительного «землемерия» и как определялись «излишки» у вельмож, «оскудевших службой».

Из дальнейшего летописного изложения можно заключить, что реформа свелась к очередному генеральному смотру дворянского ополчения, во время которого служилые люди и «новики» получили положенные им поместные оклады, а «нетчики» лишились своих земельных владений. Среди землевладельцев, лишившихся «преизлишков», были, конечно, не

одни «вельможи». Кроме них, пострадали вдовы, малолетние дети дворян, разоренная мелкота, «избывшая службы».

Проект уравнительного «землемерия» был самым радикальным из всех проектов Адашева. Но на практике его осуществление, по-видимому, не привело к решительному перераспределению земель между «вельможами» и «простыми воинниками». Реальное значение реформы состояло в другом. Власти приравняли вотчины к поместьям в отношении военной службы. Не только помещики, но и вотчинники теперь должны были отбывать обязательную военную службу и выходить в поход «конно, людно и оружно». С каждых 150 десятин пашни землевладелец выводил в поле воина в полном вооружении.

Боярская книга 1556 г. свидетельствует, что нормы службы с земли, обозначенные в летописном отчете Адашева, носили реальный характер. Примечательно, что при определении норм службы власти приняли за исходную норму оклад в 100 четвертей «доброй» земли. Помещики, имевшие меньший оклад, вообще не обязаны были выставлять в поход боевых холопов. Вотчинники получили право на поместье наряду с прочими служилыми людьми, вследствие чего принцип обязательной службы был распространен на все категории землевладельцев. Поместная система уравняла всех дворян в отношении службы.

При анализе реформы службы надо иметь в виду, что Россия не имела ученого «сословия» правоведов и развитой юриспруденции. Законодательные функции Боярской думы и приказных ведомств были ограниченны. Источником закона было не право, а монаршая воля. Летописный отчет о реформе службы снабжен заголовком «О рассмотрении государьском». Реформа опиралась не на закон с четко разработанными юридическими нормами, а на царские предначертания. Предоставление поместий служилым людям имело вид царской «милости» или царского «пожалования».

Военная реформа, как полагают, укрепила вооруженные силы России. Такая оценка требует существенной поправки.

В Древней Руси удельные князья и богатые бояре держали собственные дружины и пользовались правом отъезда. С образованием единого государства система организации этих военных сил претерпела перемены. Сами князья и бояре навсегда утратили право отъезда, а их военные свиты в XVI в. стали комплектоваться по общему правилу из несвободных людей — холопов.

Помещики держали холопов двух категорий. Страдники — пашенные мужики — пахали землю на господина. Боевые холопы несли службу. Землевладельцы вооружали их, предоставляли

боевого коня, запас продовольствия в поход. При этом слуга должен был дать господину долговую расписку, или кабалу, на сумму, в которую оценивалась стоимость предоставленного имущества. Боевые слуги начала XVI в. были старинными и полными холопами, слуги второй половины века — кабальными людьми.

В середине XVI в. очевидцы отметили факт разорения мелкопоместного дворянства. Богатые землевладельцы пускались во все тяжкие, чтобы заполучить в свою вооруженную свиту опытных воинов из числа выбывших со службы детей боярских.

Иван Пересветов отстаивал право «воинников» — детей боярских на вольную службу государю. Но власти остались глухи к советам такого рода. Поддержание боеспособного дворянского ополчения было в глазах правительства первоочередной задачей, а потому интересы разоренной служилой мелкоты были принесены в жертву интересам знати и дворян, которые могли нести службу в тяжеловооруженной коннице и содержать боевых холопов.

Указ 1558 г. подтверждал законность всех служилых кабал на сыновей дворян (детей боярских) старше 15 лет, не находившихся на царской службе. Чем определялась такая позиция правительства? Чтобы вернуть оскудевшего дворянина на цареву службу, казне надо было затратить большие средства: обеспечить воина поместьем, экипировать в поход. Но был и другой выход. Ратника мог снарядить состоятельный землевладелец, ссудивший ему деньги под кабалу. Закон определял пятнадцатирублевый максимум, то есть максимальную сумму долга кабального. На эти деньги можно было полностью вооружить всадника. Ценою свободы сын боярский, лишившийся доходов, получал возможность вернуться на военную службу.

Боевые холопы получали служнюю пашню и пахали ее на себя. Служняя пашня была принадлежностью поместья — государственного имения, что и определило характер службы военных холопов. Господство государственной земельной собственности привело к тому, что служба боевых холопов утратила характер частной службы и приобрела вид государственной повинности. В ходе реформы власти ввели в середине XVI в. принцип государственной регламентации военной службы холопов.

Государев двор изучают обычно как структуру, объединявшую верхи дворянства. Но такой подход явно недостаточен, поскольку не учитывает важную особенность. Как боевая единица, Государев двор включал, кроме знати, и многочисленное войско из воинов-рабов. Значительную часть их

составляли разорившиеся помещики. По примерным подсчетам, 25-тысячное конное дворянское ополчение в XVI в. сопровождало не менее 20–30 тысяч боевых холопов. Это обстоятельство не могло не сказаться на надежности армии — главной опоры монархии.

Таким образом, реформа службы, упрочившая вооруженные силы государства, в то же время подготовила почву для гражданской войны начала XVII в.

При Адашеве завершилось формирование московской военно-служилой системы. Аристократия представляла верхушку правящего сословия, тогда как основную его массу — несколько десятков тысяч человек — составляли городовые дети боярские, владевшие небольшими поместьями. Низшее дворянство не имело единой для всей страны организации наподобие Государева двора. Без сомнения, мелкое городовое дворянство поддерживало более тесные связи с верхами своего уезда, чем с низшим дворянством других уездов и земель.

Будучи разобщены между собой, уездные дети боярские находились в прямой зависимости от центральной власти. Зарождение самодержавия в России было тесно связано с формированием военно-служилого сословия. Но централизация власти носила незавершенный характер. Традиционное мнение сводится к тому, что монарх проводил централизаторскую политику, опираясь на мелкое дворянство, тогда как боярская знать противилась централизации. Пересмотрев этот вывод, историки заключили, что в XVI в. «нельзя усмотреть «децентрализаторские» тенденции, стремление воскресить времена феодальной раздробленности ни у одной из групп княжеско-боярской знати. Речь может идти лишь о борьбе за различные пути централизации» (А. А. Зимин). Такая точка зрения вызывает сомнения.

Русская монархия нуждалась в поддержке аристократии и дворянского сословия в целом. Она пользовалась такой поддержкой. Источником же коллизий внутри господствующего сословия в XVI в. был не абстрактный принцип централизации (в политическом сознании того времени он вообще не получил отражения), а вполне реальная проблема, четко сформулированная современниками. Власть московских государей настолько усилилась, что они пытались ввести в стране самодержавные порядки. Однако знать пользовалась большим влиянием и всеми силами противилась самодержавным поползновениям монархии.

На дворянских смотрах середины XVI в. была установлена единая система поместных окладов для всех или большинства

членов военно-служилого сословия России.

Россия унаследовала налоговую систему от времен раздробленности. В каждой земле существовали свои подати и повинности, соответствовавшие традиции. В итоге реформы власти добились единообразия в налогах.

Преобразования отвечали потребностям развития Российского государства. Реформы проводились под эгидой Боярской думы и разрабатывались в ее канцеляриях — приказах. Итоги реформ не могли удовлетворить таких дворянских писателей, как Пересветов. Он требовал полной отмены местничества, но эта мера была осуществлена лишь через сто лет. Проекты «землемерия» — перераспределения земель в пользу оскудевшего дворянства — в значительной мере остались на бумаге.

С образованием приказной системы в России народилась бюрократия. Дьяки в массе своей были преимущественно выходцами из низшего дворянства. Но бюрократия постоянно пополнялась способными людьми из «всенародства» — поповских детей, грамотных торговых мужиков и пр. Служилая бюрократия XVI в. была даровита.

Перед ней раскрылись двери Боярской думы. Дети боярские, которые «живут в думе», и думные дьяки стали играть все более видную роль в жизни государства. Дворяне появились на сословных совещаниях, со временем получивших название Земских соборов.

Какое участие в проведении реформ принимал Иван IV? Чтобы ответить на этот вопрос, надо иметь в виду, что годы реформ были для царя Ивана годами учения. Достигнув совершеннолетия, царь на первых порах оказался неподготовленным к роли правителя обширного государства и должен был на много лет подчиниться воле избранных им наставников. В юные годы Иван не получил систематического образования, зато в зрелом возрасте поражал близких к нему людей своими обширными познаниями. После 34 лет Грозный занялся литературным трудом и стал едва ли не самым плодовитым писателем своего времени. Писания Ивана свидетельствовали о его уме и начитанности. Однако ни одно царское сочинение не сохранилось в оригинале. Более того, никому еще не удалось обнаружить хотя бы одну строку, написанную его рукой, хотя бы один документ, скрепленный его подписью. Однако этот факт сам по себе не имеет существенного значения. Традиции Московского государства, выросшие из безграмотности первых московских князей, воспрещали государю подписывать какие бы то ни было документы, включая

собственное духовное завещание. Обычай этот свято чтили и в XVI в. Но с некоторых пор внешние влияния пробили брешь в спасительных устоях старины. Бабка Грозного — византийская царевна Софья — воспитывалась в Италии, славившейся своими успехами на ниве просвещения и искусств. Она явилась в Москву в сопровождении целой толпы итальянских медиков, архитекторов и мастеров. Софья не могла не заботиться об образовании сына. При случае Василий III посылал жене Елене собственноручные записочки, так что сомнений в его грамотности не возникает. Но Василий III из уважения к обычаям предков не утруждал себя письмом. Даже Борис Годунов, скреплявший грамоты своей рукой смолоду, перестал подписывать бумаги, взойдя на трон. Лишь Лжедмитрий не скупился на автографы, но он жестоко поплатился за пренебрежение к московской старине.

Отсутствие автографов Грозного ни в коей мере не может служить свидетельством его неграмотности. Современники не ставили под сомнение ученость и литературные таланты первого царя. Они называли его ритором «словесной мудрости» и утверждали, что он «в науке книжного поучения доволен и многоречив зело». Бывший друг царя, а потом злейший его враг князь Курбский, сражаясь с ним с помощью библейских цитат, иногда обозначал лишь первые стихи Священного Писания, полагаясь на знания своего корреспондента. «Последующие стихи умолчю, — писал в таких случаях Курбский, — ведуще тя Священного Цисания искусного».

Испытав влияние осифлян, Иван стал проявлять пристальное внимание к внешней обрядовой стороне религии. «Красное» церковное пение воспитало в нем любовь к музыке. Иван охотно пел в церковном хоре, состоящем из государевых певчих. Сразу после побега Курбского за рубеж царь отправился в Переяславль-Залесский, где дирижировал «станицей» хора при освящении Никитского собора.

От природы Грозный обладал художественной натурой. Он не только пел, но и сочинял музыку. Ноты в те времена записывали крюками. Царские стихиры (песнопения) на день преставления московского чудотворца митрополита Петра и в честь Владимирской Божьей Матери хранились в библиотеке Троице-Сергиева монастыря с пометой: «Творение царя Иоанна деспота Российского». Монарх охотно приглашал в Александровскую слободу самого известного в его время композитора Федора Христианина.

Особый интерес монарх питал к историческим сочинениям. На них он не раз ссылался в речах к иностранным дипломатам и думе. Венецианского посла Джерио поразило близкое знакомство

Грозного с римской историей. Допущенный в царское книгохранилище, ливонский пастор увидел там сочинения греков античной поры и византийских авторов.

С конца 40-х годов Ивана захватили смелые проекты реформ, взлелеянные передовой общественной мыслью. Но он по-своему понимал их цели и предназначение. Грозный рано усвоил идею божественного происхождения царской власти. В проповедях пастырей и библейских текстах он искал величественные образы древних людей, в которых «как в зеркале старался разглядеть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска и величия» (В. О. Ключевский). Сложившиеся в его голове идеальные представления о происхождении и неограниченном характере царской власти, однако, плохо увязывались с действительным порядком вещей, обеспечивавшим политическое господство могущественной боярской аристократии. Необходимость делить власть со знатью воспринималась Иваном IV как досадная несправедливость.

В проектах реформ царю импонировало прежде всего то, что их авторы обещали искоренить последствия боярского правления. Не случайно резкая критика злоупотреблений бояр стала исходным пунктом всей программы преобразований. Грозный охотно выслушивал предложения об искоренении боярского «самовольства». Такие предложения поступали к нему со всех сторон. Чтобы ввести «правду» в государстве, поучал царя Пересветов, надо предавать «лютой смерти» тех еретиков, которые приблизились к трону «вельможеством», а не воинской выслугой или мудростью. Пересветову вторил престарелый осифлянский монах Вассиан Топорков. Его советы, по мнению Курбского, подготовили почву для последующих царских гонений на бояр. Фамилия Топорков дала Курбскому повод для мрачного каламбура. «Топорок, сиречь малая секира, — говорил он, — обернулся великой и широкой секирой, которой посечены были благородные и славные мужи по всей Великой Руси».

Советы «править с грозой» пали на подготовленную почву, но царь не мог следовать им, оставаясь на позициях традиционного политического порядка. В этом и заключалась конечная причина его охлаждения к преобразовательным затеям.

Дворянские публицисты и практически все без исключения дельцы рисовали перед Грозным заманчивую перспективу укрепления единодержавия и могущества царской власти, искоренения остатков боярского правления. Но их обещания оказались невыполненными. На исходе десятилетия реформ Иван пришел к выводу, что царская власть из-за ограничений со стороны советников и бояр вовсе утратила самодержавный

характер. Сильвестр и Адашев, жаловался Грозный, «сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел».

В своих политических оценках Иван следовал несложным правилам. Только те начинания считались хорошими, которые укрепляли единодержавную власть. Конечные результаты политики правительства реформ не соответствовали этим критериям.

Царь кончил тем, что отрекся от реформ, над осуществлением которых он трудился вместе с Адашевым в течение многих лет. Разрыв с советниками стал неизбежным, когда к внутриполитическим расхождениям добавились разногласия в сфере внешних дел.

Война за Ливонию

После покорения Казани Россия обратила свои взоры на Запад. Она испробовала силу оружия в короткой войне со шведами (1554–1557) и под влиянием первого успеха выдвинула планы покорения Ливонии и утверждения в Прибалтике.

Ливонское государство переживало трудное время. Его раздирали национальные и социальные противоречия. Князья церкви и немецкое рыцарство, постоянно пополнявшееся выходцами из Германии, господствовали над коренным населением — латышами и эстонцами.

Ливонской конфедерации недоставало политической централизации: ее члены — орден, епископства, города — постоянно враждовали между собой. Реформация усилила разобщенность. Орден и епископства остались в лоне католической церкви, но лишились прежнего авторитета. Религией дворян и бюргеров стало протестантство.

Ливонская война превратила Восточную Прибалтику в арену борьбы между государствами, добивавшимися господства на Балтийском море: Литвой и Польшей, Швецией, Данией и Россией. Россия преследовала в войне свои особые цели.

Богатые ливонские города издавна выступали в роли торговых посредников между Россией и Западом. Орден и немецкое купечество препятствовали росту русской торговли. Между тем потребности экономического развития диктовали России необходимость установления широких хозяйственных связей со странами Западной Европы.

Со времени появления англичан на Белом море в 1553 г. Россия завязала регулярные торговые сношения с Англией. Перед самой Ливонской войной московское правительство позволило англичанам устроить «пристанище корабельное» на Белом море и разрешило им «торг по всему государству поволной». Но суровые естественные условия стесняли развитие торговли на Белом море. Гораздо больше для торговли подходило Балтийское море. Накануне Ливонской войны Россия владела обширным участком побережья Финского залива, всем течением реки Невы, по которой проходил древний торговый путь «из варяг в греки». Русским принадлежал также правый берег реки Наровы, в устье которой заходили корабли многих европейских стран. Едва закончив войну со шведами, правительство решило основать морской порт в устье Наровы. В июле 1557 г. дьяк Иван Выродков построил на Нарове «город для бусного (корабельного) приходу заморским людем», первый русский порт на Балтийском море.

Царь воспретил новгородским и псковским купцам торговать в ливонских городах Нарве и Ревеле. Отныне они должны были ждать «немцев» в своей земле. Но попытка наладить морскую торговлю с Западом через устье Наровы не дала результатов. Корабельное «пристанище» на Нарове было готово, а иноземные купцы продолжали плавать в немецкую Нарву.

Под давлением России ливонцы еще в 1554 г. обязались платить царю «юрьевскую дань» — деньги за владение древним городом Юрьевом (Дерптом). В XV в. эту дань ливонцы платили Пскову. Договоры Москвы с Дерптом XVI в. традиционно упоминали о «юрьевской дани», но фактически о ней давно забыли.

По соглашению 1554 г. первые выплаты должны были поступить в царскую казну в 1557 г., но обязательство не было выполнено Орденом. В 1558 г. русские войска прошли через Ливонию огнем и мечом от Пскова до Ивангорода, разорив окрестности Дерпта.

Военные действия в Ливонии приобрели серьезный оборот после того, как в Ивангород прибыли воеводы Алексей Басманов и Данила Адашев. Две крепости — немецкая Нарва и русский Ивангород — находились на противоположных берегах Наровы, друг против друга, на расстоянии пушечного выстрела. По временам тут вспыхивали перестрелки. Одна из таких перестрелок завершилась пожаром в Нарве. Улучив момент, царские воеводы переправили войска через реку и предприняли штурм. Силы, которыми располагал воевода, были ничтожны, но ливонцы не устояли перед внезапным и стремительным натиском. Неприступная крепость, основанная рыцарями на древнем новгородском рубеже, пала.

В Псков был направлен воевода князь Петр Шуйский с войском. Вторгшись в Ливонию, русские в течение одной кампании заняли Дерпт и 15 других замков и городков.

В письме к Курбскому Иван IV сетовал на то, что с первых дней войны «с гермоны» советники досаждали ему порицаниями и укорами: «Какова отягчения словесная пострадах, их же несть подробну глаголати». Можно ли на основании этого заключить, что Адашев и его окружение были противниками Ливонской войны? Едва ли это так.

На что жаловался самодержец? Царь, по его собственным словам, отправил к воеводе князю Петру Шуйскому семерых гонцов, прежде чем тот предпринял наступление. Слова царя если и заключали преувеличение, то небольшое.

В Ливонии было множество каменных замков, имевших превосходные укрепления и в избытке снабженных артиллерией.

В таких условиях царские воеводы действовали с большой осторожностью. Оставаясь в Пскове, Шуйский посылал «в немцы» небольшие отряды. Кампания началась с того, что Андрей Шеин и Данила Адашев разбили войско дерптского епископа. Лишь после этого воевода Василий Серебряный осадил Дерпт и принудил город к сдаче.

Два обстоятельства вызывали особое раздражение Грозного. Во-первых, ему приходилось много раз повторять свои распоряжения. Во-вторых, воеводы использовали для наступления небольшие силы.

Препирательства («претыкания») обнаружили тот неприятный для самодержца факт, что бояре не признают его авторитет в военных вопросах. В их неповиновении царь усматривал главную причину того, что русские войска не достигли решающих успехов в Прибалтике. «И аще бы не ваша злобесная претыкания, — писал царь Курбскому, — и з Божиею помощью уже бы вся Германия была за православием».

Иван достиг тридцати лет. После победы над Казанью он поверил в свой военный талант. Лесть придворных укрепила его веру. Самодержец проявлял нетерпение. Он торопил воевод с завоеванием владений Ордена. Но Боярская дума возражала против посылки в Прибалтику главных сил русской армии. На то были свои причины.

Накануне Ливонской войны Россия потерпела крупное поражение в войне с кочевниками. В 1555 г. крымский хан разгромил войско Ивана Большого Шереметева в трехдневном сражении у Судьбищ близ Мценска.

Москва недооценивала опасность войны на два фронта — на юге и в Прибалтике. Иначе невозможно объяснить тот факт, что уже после начала военных действий в Ливонии в 1558 г. царь распорядился арестовать крымских послов, что вело к разрыву мирных отношений.

Адашев и дума не были противниками войны в Ливонии. Брат правителя Данила участвовал почти во всех военных операциях в Прибалтике и получил за это титул окольничего. Но правитель и Ближняя дума надеялись избежать крупномасштабной войны в Прибалтике.

В глазах опытных политиков главную угрозу для России представляли степные кочевники. Многовековой опыт подтверждал такую оценку. Спор из-за Казани не был решен окончательно. Казанские татары просили единоверцев в Крыму о помощи. За спиной Крыма стояла могущественная Османская империя. В России не забыли о крымском нападении на Москву в 1521 г., когда Василий III обязался возобновить выплату дани

Орде.

Обе стороны готовились к решающему столкновению. Планы военного разгрома Крыма вступили в фазу практического осуществления. Подобно Дмитрию Донскому, Иван должен был отправиться в степи и разгромить Орду в большом сражении. В 1559 г. слуга и боярин князь Михаил Воротынский получил приказ идти из пограничной крепости Дедилова на поле «мест смотрити, где государю и великому князю полком стояти».

По свидетельству Курбского, мудрые советники настаивали на том, чтобы царь сам возглавил поход на Крым: «…стужали, да подвигнется сам, с своею главою, со великими воиски на Перекопского».

В преддверии крымского похода Адашев и Висковатый провели мирные переговоры с Орденом, используя посредничество Дании. Россия предоставила магистру Ордена перемирие на полгода. Характерны сроки перемирия — с мая по ноябрь. Именно на эти месяцы приходились опустошительные татарские набеги. Готовясь к решительному столкновению на южной границе, русское правительство должно было заключить перемирие на западных рубежах.

В конечном счете ожидаемое вторжение не состоялось. Хан Девлет-Гирей с Ордой вышел к русской границе в районе Верхнего Дона и Мечи. Тут он узнал, что царь с войском отложил поход в Ливонию и находится в Москве. Крымцы повоевали в пограничных уездах и отступили в степи.

Иван IV требовал окончательного разгрома Ливонского ордена. Его советники считали, что сопротивление ливонцев сломлено и для завершения войны достаточно будет дипломатических мер. До истечения перемирия магистру надлежало явиться в Москву «да за свои вины добити челом на всем том, как их государь пожалует». Но Москва так и не дождалась магистра.

Значение разногласий по внешнеполитическим вопросам не следует преувеличивать. Они тревожили Грозного не сами по себе. Царя не удовлетворяла прежде всего та роль в военном руководстве, которую отвела ему дума. Советники прельщали самодержца славой покорителя Крыма, защитника православия от басурман. Но на южных границах никаких сражений не произошло. Крымская кампания принесла лавры одному Даниле Адашеву, возглавившему морскую экспедицию к крымским берегам.

Война в Прибалтике, блистательно начавшаяся, грозила обернуться дипломатическим и военным поражением. Магистр Кетлер отверг московский ультиматум и подписал договор с

литовцами. Орден перешел под протекторат короля Сигизмунда II. Договор круто изменил ход войны. Конфликт с Ливонией стал стремительно перерастать в войну с Литвой и Польшей в тот момент, когда Россия ввязалась в войну с Крымским ханством.

Рыцари использовали перемирие, предоставленное им Москвой, для сбора военных сил. За месяц до истечения срока перемирия орденские отряды появились в окрестностях Юрьева и нанесли поражение русским отрядам, находившимся там. Воеводы потеряли более 1000 человек убитыми.

Царь намеревался без промедления ехать в Ливонию, чтобы исправить положение. Бояре отговорили его. Выбор Грозного пал на Курбского. Беседуя с ним, Иван сказал: «Принужден бых… або сам итти сопротив Лафлянтов, або тебя, любимого моего (Курбского), послати, да охрабрится паки воинство мое».

Вслед за Курбским в Ливонию двинулся воевода Мстиславский. На дворе была осенняя распутица, и царская рать застряла в грязи на столбовой дороге из Москвы в Новгород. В это время стало известно о появлении татар на южной границе.

Военные осложнения вызвали растерянность в Боярской думе. Царю сообщили о военных неудачах в то время, когда он был на богомолье в Можайске, куда он выехал по случаю болезни жены. Адашев и Сильвестр настаивали на срочном возвращении царя в Москву. Иван рискнул отправиться в путь вместе с тяжелобольной царицей. После утомительного переезда царская семья прибыла в столицу, но оказалось, что особых причин для спешки не было: гарнизон Юрьева отбил нападение ливонцев, татары отступили в степи.

При таких обстоятельствах произошло резкое объяснение между царем Иваном и его наставниками.

Размолвка с ближайшими советниками грозила перерасти в столкновение с думой. В 1559 г. царь отправил князя Дмитрия Курлятева на воеводство в Юрьев Ливонский. Князь был одним из самых влиятельных членов Ближней думы, и его назначение было равносильно почетной ссылке. (Позже подобное же назначение получил Курбский.) Курлятева удалили из столицы на год. Сильвестр не смог оградить его от царского гнева.

Еще более важное значение имела другая отставка. Едва ли не лучшим полководцем XVI в. был князь Александр Горбатый-Суздальский. Ливонская война вступила в затяжной период. Россия как никогда нуждалась в выдающихся военачальниках. Но Горбатый получил последнее воеводское назначение летом 1559 г., после чего не получал новых воеводских постов.

Горбатый был отставлен от руководства военными делами.

Царь осуществил свое давнее намерение. В Ливонию были впервые двинуты очень крупные силы, отозванные с южных границ. По свидетельству Курбского, в Дерпт прибыли 30 000 конных и 10 000 пеших воинов.

Грозный придавал кампании особое значение, поэтому вслед за Курбским в действующую армию выехал Алексей Адашев.

Царские воеводы наголову разгромили отборное рыцарское войско под Эрмесом и заняли резиденцию магистра — замок Феллин. Победителям досталась почти вся артиллерия Ордена. После неудачной осады небольшого замка Пайды (Вейсенштейна) наступление русских войск приостановилось. Отказ от решительных действий связан был с тем, что воеводы опасались удара со стороны находившихся под Ригой литовских войск. Правитель стремился избежать войны с Польско-Литовским государством.

Отставка Адашева

Адашев был, без сомнения, одной из самых ярких фигур среди государственных деятелей России XVI в. Некоторые современники считали его подлинным правителем государства. Адашев любил справедливость, сурово карал приказных, повинных во взяточничестве, не терпел боярской волокиты в судах. Осведомленный столичный летописец писал об Адашеве: «А как он был во времяни, и в те поры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе… кой боярин челобитной волочит, и тому боярину не пробудет без кручины от государя, а кому молвит хомутовкою (упрекнет за плутни), тот болши того не бей челом, то бысть в тюрьме или сослану».

Курбский видел в Адашеве мученика, пострадавшего оттирании царя Ивана. В соответствии с этой установкой он составил его биографию — благочестивое житие нового мученика. Боярское свидетельство пристрастно. Но его невозможно отбросить, так как оно находит подтверждение в источнике независимого происхождения — столичной летописи. «А житие его было, — писал об Адашеве современник, — всегда пост и молитва безпрестани, по одной просвирке ел на день».

В некоторых нравах, отметил Курбский, Адашев отчасти походил на ангела. Ангелоподобность костромского дворянина заключалась в его благочестии, преданности букве и духу православия. В умерщвлении плоти первый сановник государства старался превзойти монахов. Его дом всегда был полон каликами перехожими и юродивыми. Не довольствуясь щедрой раздачей милостыни, Адашев завел богадельню. В ней он приютил много десятков больных («прокаженных»), «тайне питающе, обмывающа их, многажды же сам руками своими гной их отирающа». Уход за страдальцами требовал времени и сил.

Самой примечательной фигурой среди приживалок в доме правителя была некая полька Мария, носившая, как видно, не без основания прозвище Магдалыня. Она была обращена Адашевым из католичества в православие. Своим благочестием она старалась сравняться с покровителем. Эта «великая и превосходная посница многажды в год единова в седмицу вкушающи» (питалась раз в неделю), а на теле носила «вериги тяжкие железные».

Адашева отличала склонность к компромиссам. Ему недоставало решимости идти напролом, проводить крутую ломку отжившего. На его политические воззрения оказали влияние сочинения дворянских публицистов. Но в своей практической

деятельности он не мог следовать их радикальным программам.

Военные действия в Прибалтике приобрели широкий размах. В ходе кампании наметился перелом. Не было ничего удивительного в том, что Грозный направил Адашева в Ливонию. Само по себе это назначение не было знаком царской немилости. Монарх привык посылать любимца туда, где назревали решающие события.

Правитель наконец-то смог воспользоваться плодами реформы местничества, проведенной им самим. В последнем ливонском походе он был назначен третьим воеводой большого полка князя Ивана Мстиславского. Пост помощника главнокомандующего был самым высоким из всех постов, которые когда-нибудь занимал любимец царя.

Мстиславский не отличался сильным характером и не имел за спиной военных побед. Направляя в Прибалтику Адашева, царь, надо полагать, предписал ему действовать без промедления и решительно. Правитель не смог выполнить наказ государя и должен был поплатиться за это.

30 августа 1560 г. Мстиславский и Адашев донесли царю о взятии замка Феллин и назначении в эту крепость воеводы Очина Плещеева. В ответ Иван IV приказал сменить воевод и послать в Феллин братьев окольничих Алексея и Данилу Адашевых. Замок был как бы на острие русского копья, направленного в глубь Ливонии. И на этот раз правитель был послан в самую опасную точку. Но главным было не это. Адашев был смещен с поста помощника главнокомандующего, что явилось знаком прямой царской немилости.

Иван IV был последователен в своих действиях. Сразу после назначения Адашева в Феллин он велел отобрать у временщика все его земли в Костромском уезде — село Борисоглебское со слободой и сельцом, с 55 деревнями. К 9 октября 1560 г. Поместный приказ выписал грамоту на эти земли боярину Ивану Меньшому Шереметеву, ближайшей родне Романовых-Захарьиных.

Грозный не желал уничтожить преданного советника. Он наделил опального обширным поместьем в Новгороде. По площади новгородские владения в три раза превосходили утраченные костромские. Но северные земли с их болотами и мхами уступали костромским. К тому же новые владения были государственными и могли быть в любой момент отобраны в казну. На некоторое время Адашев стал самым крупным из новгородских помещиков.

В 1550 г. в тысячу лучших слуг вошли дворяне как Московской, так и Новгородской земель. Однако в Дворовой

тетради 1552 г. с полным списком московского Государева двора новгородцы отсутствовали. Разделение было связано с тем, что из-за бездорожья поездки новгородцев ко двору в Москву были непосильны для новгородских детей боярских. Удовлетворив требование новгородцев, власти отказались от посылки новгородских отрядов на восточные окраины и возложили на них обязанность вести военные действия в Прибалтике.

Пожалование Адашеву новгородского поместья свидетельствовало, что отныне он должен был сосредоточить всю свою деятельность на том, чтобы довести до победного конца войну за Ливонию.

Адашев недаром стремился ограничите местнические порядки. Они в конечном счете и погубили его карьеру. В Феллин Алексей прибыл не один, а вместе со вторым воеводой Осипом Полевым, своим земляком. В дворовом списке по Костроме Полевы были записаны выше Адашевых. Воспользовавшись этим обстоятельством, Осип затеял местнический спор с Адашевыми и выиграл его.

Вслед за тем Адашева перевели в Юрьев Ливонский под начальство боярина князя Дмитрия Хилкова. Судя по летописи, Хилков якобы отказался исполнить приказ государя о назначении Алексея «нарятчиком» (что именно должен был «наряжать» окольничий, неясно). Адашев просил о служебном назначении многажды, а боярин каждый раз отказывал ему, может быть, в ожидании инструкций из Москвы.

Сильвестр, остававшийся в Москве после отъезда Адашева в Ливонию, предпринимал отчаянные попытки предотвратить его отставку. Но успеха не добился. Тогда он объявил царю, что намерен уйти на покой в монастырь. Иван не стал удерживать своего старого наставника и, благословив, отпустил в Кириллов монастырь.

Царь не стал мстить родне священника. Государев дьяк Анфим, сын Сильвестра, был переведен из Москвы в пограничную крепость Смоленск, где и продолжал служить по крайней мере четыре года.

Сам Сильвестр имел возможность увезти с собой в Кириллов свою библиотеку, а также имущество и казну. В неизвестное время он отправил в Соловецкий монастырь шестьдесят шесть своих книг и более двухсот рублей денег. Сумма по тем временам была очень большой. Такую же сумму царь пожертвовал в Кириллов на устройство своей кельи. Сильвестр прожил в монастыре немало лет, не подвергаясь гонениям.

Противники Сильвестра и Адашева старались убедить царя в том, что ему пора избавиться от опеки со стороны наставников и

править самодержавно, по своей воле. Они старались пробудить самолюбие государя, говоря, что бывший правитель пользуется большей популярностью в народе и среди дворян, чем сам монарх. «А к тому любяще их (Сильвестра и Адашева) все твое воинство и народ, нежели тобя самого».

Наставники государя давно враждовали с Захарьиными и старались ограничить влияние царицы Анастасии при дворе. В начале августа 1560 г. Анастасия умерла, и ее братья постарались убедить всех, будто ее «счаровали» (околдовали) враги. Захарьины указывали на Адашева. Это свидетельство Курбского находит прямое и недвусмысленное подтверждение в письмах Грозного. «А и з женою, — писал Иван IV, — вы меня про что разлучили? Только бы вы у меня не отняли юницы моея, ино бы Кроновы жертвы не было».

Подозрение в колдовстве пало на приживалку Алексея Марию Магдалыню. Позднее она была казнена вместе с пятью сыновьями как «черовница и Алексеева согласница».

Адашев был думным человеком и правителем. Лишить его думного чина и вотчин можно было только с помощью боярского суда. Нет ничего невероятного в сообщении Курбского о том, что отставка Адашева обсуждалась в Боярской думе в присутствии митрополита и высшего духовенства. Митрополит Макарий просил допустить Адашева в столицу, с тем чтобы решить вопрос о его судьбе в присутствии обвиняемого. Но Макарию возражали архимандрит митрополичьего Чудова монастыря Левкий, старец Мисаил Сукин, монах Васьян Бесный. Опираясь на их поддержку, Захарьины и их приспешники настояли на заочном разбирательстве. Адашев просил царя дать ему правый суд. Но его послания были перехвачены Захарьиными.

Обвинительный акт с перечнем провинностей правителя, одобренный самодержцем, был оглашен в думе, что решило исход дела.

О последних днях Адашева нет достоверных данных. Одна из летописей сохранила глухое известие, будто в Юрьев прибыл специальный гонец с царским повелением убить бывшего правителя. Гонец действительно был прислан, но для того, чтобы узнать причину смерти Алексея.

Курбский утверждал, что в Юрьеве Адашев два месяца содержался «под стражею». Если так оно и было, то непонятно, почему у опального не отобрали в казну его огромное поместье? Более того, вдова Алексея Адашева оставалась владелицей мужнина поместья еще 12 лет. Факт беспрецедентный. Не подтверждает ли он, что жена Алексея действительно была родственницей царицы? Если бы не заступничество влиятельных

лиц, вдове выделили бы в лучшем случае небольшое поместье на прожиток.

Адашев не выдержал свалившихся на его голову бед и «в недуг огненый впал». Он умер от нервной горячки. Его недруги в Москве тотчас стали распространять слухи о том, что он отравился. Встревоженный монарх прислал в Юрьев ближнего дворянина князя Андрея Телятевского. Посланец произвел дознание о причинах гибели Адашева и составил отчет. Этот документ хранился в царском архиве: «Обыск князя Ондрея Петровича Телятевского в Юрьеве Ливонском про Олексееву смерть Адашева». Царя тревожила людская молва, приписавшая ему смерть недавнего любимца.

Падение правителя непосредственно не повлекло за собой крупных политических потрясений. Думного чина лишился брат Алексея Адашева Данила. От службы был отставлен Игнатий Вешняков. Многочисленные соратники временщика, а равно и его ставленники, избежали преследований, но должны были заново присягнуть на верность государю и его детям.

Расставшись с наставниками, царь постарался искоренить самую память о них. Что считалось при Сильвестре хорошим тоном, подверглось теперь осмеянию. На смену унылому постничеству пришли роскошные пиры и потехи. Царь приглашал во дворец своих тайных недоброжелателей-бояр и принуждал их пить «чаши великие». В потешной компании царя заведен был такой порядок. Первую чашу, полную «зело пьяного пития», выпивал сам Иван, такие же чаши подносили остальным пирующим, пока все не упивались до неистовства и «обоумертвия». Если кто-нибудь из гостей упирался и отказывался осушить кубок, его корили тем, что он «недоброхотен» царю, что из него еще не вышли «дух и обычай» Сильвестра и Адашева.

Попойки во дворце коробили ревнителей благочестия. Царь признавал свое «неблагочиние», но утверждал, что происшедшие при дворе перемены отвечают высшим интересам государства. Играми и потехами, говаривал Иван, он хотел добиться популярности среди народа и дворян, «сходя к немощи их, точию дабы нас, своих государей, познали, а не вас (бояр) изменников!» Иван старался укрепить свой престиж любыми средствами. В этом ему немало помогло духовенство. Через полтора десятилетия после царской коронации послы константинопольского патриарха привезли в Москву решение Вселенского собора, подтвердившее право московита на царский титул. Глава Вселенской Православной Церкви освятил своим авторитетом власть православного московского царя. Затеянные по этому поводу

пышные богослужения призваны были упрочить власть Грозного.

Поход на Полоцк

Готовясь к войне с Литвой, правительство послало в Крым посольство для заключения мира. Подобный шаг знаменовал окончательный отказ Москвы от «наследства» Адашева в сфере восточной политики. Настойчивые поиски мира с Крымом объяснялись неблагоприятным для России оборотом дел в Ливонии. Вслед за Литвой в Ливонскую войну вмешались крупнейшие прибалтийские государства — Дания и Швеция, принявшие участие в разделе ливонского наследства. В апреле 1560 г. герцог Магнус, брат датского короля, вступил во владение островом Эзель. Спустя месяц Ревель и Северная Эстония перешли под власть Швеции.

Задавшись целью предотвратить создание широкой антирусской коалиции в Прибалтике, московское правительство заключило союзный договор с Данией, предоставило 20-летнее перемирие шведам и обратило все свои силы против Литвы. Русское командование решило нанести удар по Полоцку, ключевой пограничной крепости, закрывавшей пути на литовскую столицу Вильну. В наступлении на Полоцк участвовали почти все вооруженные силы страны: 18 105 дворян (их сопровождали до 20 000–30 000 вооруженных холопов), 7219 стрельцов и казаков, более 6000 служилых татар. Общая численность ополчения составляла 31 546 человек, а вместе с вооруженными холопами — около 50 000–60 000 человек.

В январе 1563 г. многочисленная русская рать выступила из Великих Лук к Полоцку. Неширокая полоцкая дорога не могла вместить всей массы войск и обозов. Армия ежечасно застревала в лесных теснинах среди болот. Под конец полки утратили всякий порядок, пехота, конница и обозы перемешались между собой, и движение вовсе застопорилось. Порядок был восстановлен с большим трудом. Царь с приближенными самолично разъезжал по дороге, «разбирал» людей в заторах. Самым деятельным его помощником был расторопный обозный воевода князь Афанасий Вяземский, впервые обративший на себя внимание царя.

В первых числах февраля русская армия вышла к Полоцку и приступила к его осаде. Придвинув артиллерию к полоцкому острогу, воеводы бомбардировали и разрушили стены крепости. Литовцы вынуждены были укрыться в Верхнем замке. Во время внезапного ночного нападения литовцы попытались захватить русские батареи, но боярин Шереметев с передовым полком отбил вылазку. В бою ядро «погладило» боярина «по уху», и его место занял князь Кашин. На другой день воевода князь Репнин

расставил батареи внутри сожженного острога и в течение двух суток бомбардировал Верхний замок. В городе во многих местах возникли пожары. На рассвете 15 февраля гарнизон Полоцка сдался на милость победителей.

Овладение Полоцком было, пожалуй, моментом высшего успеха России в Ливонской войне, после которого наметился спад, ознаменовавшийся военными неудачами и бесплодными переговорами. Москва отказалась признать захват шведами замка Пайда на границе русской Ливонии. Раздраженный шведскими притязаниями, царь Иван обратился к королю Эрику XIV с грубым выговором, «а писал х королю… многие бранные и подсмеятельные слова на укоризну его безумию». Бранчливое письмо царя могло серьезно осложнить русско-шведские отношения, но шведский король находился в столь трудном положении, что безропотно проглотил все оскорбления.

Несколько позже царь Иван, будучи недоволен действиями датчан, написал грубое письмо датскому королю, которое датский посол не решился передать по назначению.

Письма Грозного к шведскому и датскому королям были своего рода вехой в истории московской дипломатии. Они показали, что в период после падения Полоцка влияние 33-летнего царя Ивана на государственные дела резко возросло. Определяя внешнюю политику России, Иван руководствовался больше собственными нетерпением и высокомерием, нежели трезвым расчетом.

Заключив перемирие с литовцами под Полоцком, Грозный вызвал в Москву королевских послов и решительно потребовал от них очищения Ливонии до Двины. Послы отклонили эти требования и выехали на родину. Следом за ними в Литву двинулись царские рати.

В соответствии с военными планами Москвы армия, шедшая из Полоцка, должна была соединиться с армией из Смоленска на неприятельской территории для наступления на Минск. По-видимому, литовцы знали о замыслах русских. Они сосредоточили все свои силы против полоцкой армии и в битве под Улой разгромили ее, не допустив объединения двух русских армий. Смоленская армия вынуждена была спешно покинуть пределы Литвы. Неудача под Улой ухудшила военное положение России. Крымский хан отказался от союза с Москвой.

Раздор с боярами

Иван IV желал заранее подготовить наследника к его будущей роли. После вступления во второй брак он распорядился выделить 7-летнему царевичу Ивану и его младшему брату Федору особый двор в Кремле с отдельным штатом прислуги. При царевичах была образована своя Боярская дума во главе с боярином Василием Яковлевым-Захарьиным и свояком царя князем Василием Сицким-Ярославским. В письме к Курбскому Грозный сетовал, что для бояр «Прозоровского полътараста четьи Федора сына дороже». Приведенные слова дают основания предположить, что отец выделил царевичам вотчинные владения. На суде Сицкий, как боярин царевича Федора, отстаивал его земельные интересы. По завещанию отец намеревался передать Федору вместе с Ярославлем все вотчины ярославских князей, перешедшие в казну. Спор произошел из-за 150 четвертей, на которые претендовали одновременно Дворец и князь Прозоровский-Ярославский. Боярский суд во главе с Курлятевым, как видно, не мог разобраться в запутанном поземельном деле и обратился за разъяснениями к государю, что привело венценосца в ярость. Обращаясь к Курбскому, Грозный напомнил ему об обидном «утеснении»: «…явленно, еже с Курлятевым нас хотесте судить про Сицково».

Выделенные царевичам вотчины должны были обеспечить продовольствием Сытенный, Кормовой и Хлебенный приказы («Кормового ж дворца дворовые люди, которые были у царевичев»).

Отец Грозного Василий III вершил дела в кругу нескольких доверенных советников — «сам-третий у постели». Иван IV, отставив Сильвестра и Адашева, попытался возродить отцовские порядки. В связи со вступлением во второй брак он дополнил свое завещание несколькими важными распоряжениями. В случае своей смерти Иван приказал образовать при царевичах опекунский совет. Следуя по стопам Василия III, он назначил себе семь душеприказчиков. Облеченные регентскими полномочиями бояре принесли присягу на верность наследнику и скрепили подписями специальную «запись», сохранившуюся до наших дней. Как видно, Грозный во всем следовал отцовскому примеру. Тем не менее опекунский совет, созданный им, казался бледной тенью первой семибоярщины.

Иван IV сделал старшим регентом племянника — князя Мстиславского, фигуру вполне бесцветную, и ввел в опекунский совет бояр Данилу Романовича и Василия Михайловича Юрьевых-

Захарьиных, Ивана Петровича Яковлева-Захарьина и Федора Ивановича Умного-Колычева, а также князей Андрея Телятевского и Петра Горенского, не имевших боярского чина. Из пяти бояр, входивших в регентский совет, трое принадлежали к семье Захарьиных, а четвертый был их однородцем. Фактически в новой боярской комиссии распоряжались родственники умершей царицы Анастасии, не пользовавшиеся авторитетом и популярностью среди знати. К ним присоединились молодые друзья царя — Телятевский и Горенский — люди новые и никому не известные.

Вне нового правительства остались не только старшие удельные князья — Старицкие и Бельские, но и руководители Боярской думы — ближние бояре князь Дмитрий Курлятев, Иван Шереметев и Михаил Морозов, покоритель Казани князь Александр Горбатый и другие лица.

Знать легко простила бы Грозному отставку его худородных советников Адашева и Сильвестра, но она не желала мириться с покушением на прерогативы думы. Попытки Ивана править единодержавно, без совета с великими боярами, с помощью нескольких своих родственников вызвали повсеместное негодование. Кичившаяся своей «царской кровью» аристократия всегда с пренебрежением взирала на родню Анастасии Захарьиной. Теперь их стали считать узурпаторами.

Захарьиным в самом деле удалось сосредоточить в своих руках все нити правления. Когда царь по случаю второго брака «разделился» с сыновьями, Захарьины возглавили думу и двор царевичей. Отныне в отсутствие Грозного управление государством переходило формально в руки малолетнего наследника, фактически в руки Захарьиных.

Прекрасно сознавая значение новых органов управления — приказов, Захарьины попытались взять под контроль приказной аппарат. Их ставленник Никита Фуников, подвергшийся опале при Адашеве, был возвращен из ссылки и возглавил центральное финансовое ведомство — Казенный приказ. Сподвижник Фуникова дьяк Иван Висковатый стал государственным печатником. Важнейшая приказная документация теперь должна была проходить утверждение в канцелярии Висковатого, хранителя царской печати. Новый «канцлер» (так называли его иностранцы) начал свою деятельность с того, что заменил «меньшую» великокняжескую печать большой печатью, украшенной символом самодержавия: «Орел двоеглавной, а середа его человек на коне, а на другой орел же двоеглавной, а середи его инърог» (единорог).

Фактическое отстранение вождей аристократической думы и

попытки возврата к единодержавному правлению привели к тому, что влияние высшей приказной бюрократии заметно возросло. Идеолог боярства Курбский, переживший падение Избранной рады, самым решительным образом протестовал против ущемления привилегий знати и передачи функций управления в руки приказных бюрократов. Писарям русским, утверждал он, «князь великий зело верит, а избирает их ни от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичей или от простого всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих».

Не менее резкое суждение о новых сановниках высказывал другой защитник старины, Тимоха Тетерин, выходец из старой дьяческой фамилии. Царь больше не верит боярам, писал Тетерин одному знатному боярину, есть у него «новые верники-дьяки… у которых дьяков отцы вашим (бояр) отцам в холопстве не пригожалися, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют».

Борьба за власть разъединила царскую родню.

Двоюродный дядя царя по матери Василий Михайлович Глинский получил боярский чин в 1560 г. Его отец был регентом при малолетнем Иване IV, и князь рассчитывал занять подобающее место в опекунском совете при царевиче Иване. Но Захарьины не допустили его в совет. В июле 1561 г. царь подверг дядю опале. Вслед за ним опале подверглись многие другие лица, принадлежавшие к высшей знати.

Иностранцы (немец Буссов, поляк Немоевский) описали церемонию царской опалы. Опальному объявляли вину, после чего подвергали весьма своеобразной казни — выщипывали волосы из бороды. Дернуть за бороду значило нанести человеку страшное бесчестье. Борода была символом боярской чести. Впавший в немилость сановник должен был носить черные одежды и выказывать смирение, снимая шапку перед встречными.

Неизвестно, в чем конкретно обвиняли опального Глинского, но он недолго пробыл в опале. По ходатайству Макария он был прощен, но с него взяли поручную запись. Боярин признался, что преступил перед государем, и взял на себя обязательство «не ссылатися ни человеком, ни грамотами» с польским королем, немедленно выдать властям людей, которые учнут с ним «думати о литовской посылке и отъезде», не приставать к лихим людям «в уделех».

Знать литовского происхождения первой отреагировала на перемены в Русском государстве. Близкой родней Глинских был князь Дмитрий Вишневецкий. Когда в Москве возник проект образования в Кабарде вассального Черкасского княжества,

Иван IV предложил трон Вишневецкому. В 1560 г. князь выехал в Пятигорск. Однако уже летом 1561 г. он был сведен «с государства», после чего уехал на Днепр и завел тайные сношения с Сигизмундом II. 5 сентября князь получил королевскую охранную грамоту на въезд в Литву. В ноябре он явился в Москву, где назревали важные события.

В январе 1562 г. власти арестовали главу Боярской думы князя Ивана Бельского, владельца Луховского удельного княжества. Бельские также были литовскими выходцами. При аресте у князя были найдены королевские охранные грамоты с приглашением к отъезду в Литву, а также роспись пути до литовской границы. Глава думы повинился в том, что ссылался с Сигизмундом II и грамоту от него «опасную взял, что мне к нему ехати». Царь подверг Бельского опале и три месяца держал под стражей. Удельное княжество перешло в казну.

Измена была налицо. Но Бельский избежал наказания по причинам, о которых можно судить лишь предположительно. Удельный князь был близкой родней царя по мужской линии, а, кроме того, его мать была двоюродной сестрой государя. Иван Бельский получил боярский чин после падения Адашева, менее чем за год до опалы. Иван IV добивался покорности от Боярской думы и желал поставить во главе ее своего родственника, молодого боярина, который был бы вполне ему послушен. Примечательно, что за Бельского не заступился никто из старших бояр, считавших себя униженными. Главный поручитель по опальном был князь Семен Микулинский, никогда не входивший в ближайшее окружение царя и записанный в списке думы по Дворовой тетради девятнадцатым. Другие поручители — князь Иван Троекуров, Юрий Кашин и Михаил Репнин — были записаны в конце того же списка. Поручители князь Федор Оболенский и Владимир Морозов стали боярами скорее всего уже после ареста Бельского или незадолго до его ареста.

Вывод очевиден. Самые влиятельные силы в думе остались в стороне от конфликта между царем и его родней. Более того, старшие бояре надеялись извлечь выгоду из придворной ссоры и пересидеть новоиспеченного главу думы.

Кроме малозначительных бояр, за Бельского поручились свыше сотни княжат и детей боярских из состава Государева двора. В случае побега опального за рубеж поручители должны были выплатить 10 000 рублей и ответить своей головой, иначе говоря, жизнью.

Под давлением думы и духовенства власти прекратили расследование. Это позволило князю Вишневецкому беспрепятственно покинуть Москву. Вслед за тем он бежал за

литовский рубеж.

Единственными сообщниками Бельского были объявлены трое незнатных дворян, занятых в подготовке его побега. Всех их примерно наказали. Бельскому вернули удел и пост главы думы.

Ливонская война продолжалась и требовала огромных расходов. Новое правительство должно было позаботиться о пополнении фонда государственных земель, чтобы обеспечить поместьями обедневших дворян и дворянских «новиков», приспевших в службу. Захарьины не осмелились посягать на монастырские земли, но они не забыли о проектах землемерия — уравнения в землях, то есть об изъятии в казну излишков земли у богатых землевладельцев и передаче их оскудевшим служилым людям. Сподвижники царя имели все основания рассчитывать на то, что меры такого рода обеспечат им популярность среди дворян.

Столкнувшись с неповиновением знати, Иван IV пришел к мысли, что ему не одолеть «непослушников», пока те владеют огромными земельными богатствами. Полемизируя с Курбским, царь объявил, что намерен ограничить княжеское землевладение по примеру деда и отца. По его указанию руководители приказов приступили к разработке Уложения о княжеских вотчинах, получившего силу закона после утверждения в думе 15 января 1562 г. Новое Уложение категорически воспрещало княжатам продавать и менять старинные родовые земли. Выморочные княжеские владения, которые доставались прежде монастырям, теперь объявлены были исключительной собственностью казны. Братья и племянники умершего князя-вотчинника могли наследовать его земли лишь с разрешения царя. У вдов и дочерей «великие вотчины» отбирались с известной компенсацией. Правительство заявило о своем решении пересмотреть все сделки на княжеские вотчины, имевшие место после смерти Василия III и до момента введения в жизнь Уложения о службе 1556 г. Все княжеские вотчины, перешедшие в руки «иногородцев», подлежали теперь отчуждению в казну с известной компенсацией либо безвозмездно. Приговор четко очертил круг семей, на которые распространялось действие нового земельного закона. В этот круг входили некоторые удельные фамилии (например, Воротынские) и вся суздальская знать (князья Суздальские-Шуйские, Ярославские, Ростовские и Стародубские). Ограничения не распространялись, однако, на крупнейших удельных владык (князей Старицких, Глинских, Бельских, Мстиславских), из чего следует, что земельная политика начала 60-х годов не приобрела последовательного антиудельного характера.

Княжеская аристократия отнеслась к новым земельным

законам резко враждебно. Курбский обвинил Грозного в истреблении суздальской знати и разграблении ее богатств и недвижимых имуществ. Его гневные жалобы с очевидностью показали, сколь глубоко меры против княжеско-вотчинного землевладения задели интересы родовой знати. Бояре громко жаловались на нарушение старинных привилегий думы.

Новое земельное Уложение не затрагивало интересов руководителей думы в лице Бельских и Мстиславских. В ином положении оказались трое наследников Воротынского удела, не связанных родством с династией. При разделе княжества лучшую треть получил старший из наследников — князь Владимир. После смерти Владимира выморочная треть перешла в руки его вдовы, но на нее претендовали также двое младших братьев Воротынских — Михаил и Александр.

Удельное княжество Воротынских было их наследственной родовой вотчиной. Их владения включали крепости Одоев, Новосиль, Перемышль. Удельная армия, по словам Курбского, насчитывала несколько тысяч воинов.

Согласно официальной версии, князь Михаил «погрубил» государю. Видимо, он требовал возврата выморочной доли удельного княжества. Это отразилось на его карьере. «Порода» и воинские заслуги давали Михаилу право на присвоение боярского чина. Он так и не получил его, но уже при Адашеве ему был пожалован почетный титул «слуги». На Александра Воротынского Иван IV держал «гнев великой» со времени своей свадьбы в 1561 г. Тем не менее в 1562 г. младший из братьев Воротынских стал боярином.

Имя Воротынских было названо в Уложении 1562 г. После издания нового закона Воротынские потеряли всякую надежду на возвращение им главных городов княжества. Прошло немногим более полувека с тех пор, как Воротынские покинули Литву и стали служить Москве.

Литовские власти нимало не сомневались, что Воротынские пострадали из-за того, что их владения располагались на литовском рубеже и двое братьев готовились бежать из России.

15 сентября 1562 г. Грозный наложил опалу на братьев Воротынских «за их изменные дела». Слугу Михаила отправили в тюрьму на Белоозеро. Его брата посадили «в тын» на посаде в Галиче.

Дума и духовенство пытались заступиться за Воротынских, но добились помилования лишь для младшего из братьев. За Бельского вступились немногие младшие бояре, за Александра Воротынского — все руководство думы: Иван Бельский, Иван Мстиславский, князь Андрей Ногтев-Суздальский, трое князей

Оболенских, а также Алексей Басманов. Бояре и дети боярские из состава Государева двора поручились за Воротынского наибольшей суммой в 15 000 рублей.

В апреле 1563 г. ходатайство митрополита способствовало тому, что князь Александр Воротынский получил свободу. Опальный с трудом пережил катастрофу. Через год-два после освобождения он ушел в Троице-Сергиев монастырь и там умер.

Одновременно с удельными владыками гонениям подверглись «великие бояре», которые были подлинными вершителями дел при Адашеве. Власти объявили опалу бывшему ближнему боярину князю Дмитрию Курлятеву, главному покровителю Сильвестра. Официальная летопись нарочито туманно повествует о неких «великих изменных делах» Курлятева, но не разъясняет, в чем они состояли. Помимо летописи, о деле Курлятева упоминает также опись царского архива XVI в. После суда над Сильвестром Курлятев уехал на воеводство в Смоленск, откуда прислал царю грамоту. Эта грамота попала в архив и была описана следующим образом: «Да тут же грамота княж Дмитреева Курлятева, что ее прислал государь, а писал князь Дмитрий, что поехал не тою дорогою, да и списочек воевод смоленских». На первый взгляд оправдательная грамота воеводы Курлятева не имела большого значения. Но в глазах царя она обладала каким-то особым смыслом, ибо он передал документ в архив, служивший хранилищем самых важных государственных бумаг.

Загадочные документы по делу Курлятева ставят перед исследователем ряд вопросов. Почему смоленский воевода стал оправдываться перед царем, что поехал не той дорогой? Куда он мог заехать из крепости, стоявшей на самой литовской границе? Само собой напрашивается предположение, что Курлятев предпринял попытку уйти из Смоленска в Литву, но был задержан и старался доказать царю, будто заблудился в дороге. То, что он «заблудился» со всем своим двором и вооруженной свитой, вызвало особое подозрение у властей и послужило уликой против опального. Недаром царь приложил к «делу» Курлятева список смоленских воевод, «в котором году сколько с ними было людей», и велел хранить его вместе с отпиской боярина.

Становится понятным и тот факт, что Курлятев, посланный в Смоленск на год, в действительности пробыл там очень недолго и до истечения срока был смещен с воеводства. Ненавистного царю «великого боярина» вместе с сыном постригли в монахи и отослали «под начало» в отдаленный монастырь на Коневец на Ладожском озере.

Царь не мог без раздражения вспоминать само имя Курлятева. В письме к Курбскому он писал: «А Курлятев был почему меня лутче? Ево дочерем всякое узорочье покупай — благословно и здорово; а моим дочерем — проклято да заупокой». Может быть, боярин пострадал за неосторожные слова по поводу своих и царских дочерей? Едва ли. Скорее, причина заключалась в другом. По обычаю люди подносили подарки ближним по случаю рождения детей в семье. Придворные не скупились на подарки дочерям всесильного вельможи Курлятева, стараясь снискать его благосклонность. В то же время царевны вместо подарков удостаивались заупокойной службы. Все они умерли во младенчестве. Грозный был уверен, что его жена и дочери приняли смерть из-за того, что их «счаровали» и прокляли лихие люди.

В конце концов самодержец выместил гнев на всей семье Курлятевых. Жена Курлятева и ее дочери были насильственно пострижены и отвезены в глухую Челмогорскую пустошь в окрестностях Каргополя.

Курбский назвал расправу с Курлятевым и его малолетними детьми «неслыханным беззаконием».

Отстранение от власти наиболее влиятельных лиц фактически привело к образованию боярской оппозиции. Лишенная возможности противодействовать произволу царя, аристократия все чаще обращала взоры в сторону Польско-Литовского государства, где шляхетские вольности были ограждены законами. Магнаты в Польше обладали могуществом, а королевская власть была выборной. Король не мог занять трон без согласия вельмож.

Сведения, поступавшие из России, вдохновляли военную партию в Польше. В тронной речи перед польским сеймом Сигизмунд говорил, что стоит войску польскому вступить в пределы Московии, как многие бояре и благородные воеводы, притесненные тиранством изверга, добровольно пристанут к его королевской милости и перейдут в его подданство со всеми своими владениями.

Российская аристократия рассчитывала на помощь западных соседей. Но еще в большей мере ей приходилось полагаться на внутренние силы. Опалы ожесточали знать. Единственным выходом для нее была замена монарха. В качестве преемника царя все чаще называли его двоюродного брата князя Владимира Старицкого.

В течение многих лет главными соперниками Старицких при дворе были Захарьины. С удалением из столицы Сильвестра князь Владимир лишился самого влиятельного доброхота при дворе

брата. Приход к власти Захарьиных знаменовал полное поражение Старицких. Захарьины были заклятыми врагами удельного князя.

Княгиня Евфросинья Старицкая была готова возобновить интригу, неудачно кончившуюся во время династического кризиса 1553 г. Но ее происки мало что значили сами по себе. Трон Грозного зашатался вследствие внутреннего политического кризиса. Ситуацию усугубило то обстоятельство, что оппозиция рассчитывала получить военную помощь извне. Несмотря на старания недовольных, им не удалось избежать огласки и суда.

Во время полоцкого похода в конце 1562 г. на сторону литовцев перешел знатный дворянин Борис Хлызнев-Колычев. Изменник «побеже ис полков воеводских з дороги в Полтеск и сказа полочаном царев и великого князя ход к Полотску с великим воинством и многим нарядом». Перебежчик выдал неприятелю важные сведения о планах русского командования.

Беглец был ближним человеком у князя Владимира Андреевича, а потому его измена бросила тень на князя. Царь решил учредить надзор за семьей брата. Сразу после падения Полоцка в Старицу к Евфросинье Старицкой выехал с «речами» Федор Басманов-Плещеев, новый фаворит царя, пользовавшийся его исключительным доверием. Когда 3 марта 1563 г. князь Владимир выехал из Лук в Старицу, его сопровождал царский пристав Иван Очин, родня Басмановых. Внешне еще ничто не омрачало отношений между Грозным и его братом. В марте 1563 г. Грозный по пути в Москву остановился в Старице и «жаловал» Старицких, «у них пировал». Затем в конце мая он уехал в Александровскую слободу и пробыл там почти два месяца. Именно в этот период власти получили донос, положивший начало розыску об измене царского брата. Доносчик Савлук Иванов служил дьяком у Старицких и за какие-то провинности был посажен ими в тюрьму.

Из темницы Савлук ухитрился переслать царю «память», в которой сообщал, будто Старицкие чинят государю «многие неправды» и держат его, дьяка, «скована в тюрьме», боясь разоблачения. Иван велел немедленно же освободить Савлука из удельной тюрьмы. Доставленный в Александровскую слободу, дьяк сказал на Старицких какие-то «неисправления и неправды». «По его слову, — сообщает летопись, — многие о том сыски были и те их неисправления сысканы».

Розыск об измене Старицких тянулся все лето. С начала июня и до 17 июля царь безвыездно находился в Александровской слободе. Иностранным послам в Москве объявили, будто государь с боярами уехал в село «на потеху». В действительности царь был

занят совсем не шуточными делами. В связи с начавшимся розыском в Слободу прибыли митрополит и руководство Боярской думы — бояре князья Иван Бельский, Иван Мстиславский, Иван Пронский, давний враг Старицких Данила Романович Юрьев-Захарьин и дьяк А. Щелкалов. Следствие вступило в решающую фазу.

Вина князя Владимира оказалась столь значительной, что царь отдал приказ о конфискации Старицкого княжества и предании суду удельного владыки. Судьбу царской родни должно было решать высшее духовенство. (Боярская дума в суде формально не участвовала. Царь не желал делать бояр судьями в своем споре с братом. К тому же в думе было слишком много приверженцев Старицких.) На соборе царь в присутствии князя Владимира огласил пункты обвинения. Митрополит и епископы признали их основательными, но приложили все усилия к тому, чтобы прекратить раздор в царской семье и положить конец расследованию.

Конфликт был улажен чисто семейными средствами. Царь презирал брата за «дурость» и слабоволие и проявил к нему снисхождение. Он полностью простил его, вернул удельное княжество, но при этом окружил людьми, в верности которых не сомневался. Свою тетку — энергичную и честолюбивую княгиню Евфросинью — Иван не любил и побаивался. В отношении ее он дал волю родственному озлоблению. Евфросинье пришлось разом ответить за все. Нестарой еще женщине, полной сил, приказали надеть монашеский куколь. Удельная княгиня приняла имя старицы Евдокии и стала жить в Воскресенском Горицком монастыре, основанном ею самой неподалеку от Кириллова. Опальной монахине позволили сохранить при себе не только прислугу, но и ближних боярынь-советниц. Последовавшие за ней слуги получили несколько тысяч четвертей земли в окрестностях монастыря. Воскресенская обитель не была для Евфросиньи тюрьмой. Изредка ей позволяли ездить на богомолье в соседние обители. Под монастырской крышей старица собрала искусных вышивальщиц. Изготовленные в ее мастерской вышивки отличались высокими художественными достоинствами.

Проступки удельных князей давали царю удобный повод ликвидировать последний крупный удел на Руси. Но Грозный не использовал эту возможность. Сколь бы опасными ни казались династические претензии князя Владимира, он был слишком бездеятелен и недальновиден, чтобы завоевать широкую популярность среди дворянства, а среди знати у него было довольно много недоброжелателей, главными из которых оставались князья Суздальские-Шуйские. (Они были повинны в

смерти князя Андрея Старицкого и расхищении его имущества.) Сравнительно мягкое наказание удельных князей объяснялось, возможно, тем, что царя все больше тревожил нараставший конфликт с многочисленной суздальской знатью. Очевидно, царь не желал окончательно лишиться поддержки своих ближайших родственников в тот момент, когда положение династии стало неустойчивым. С ведома царя официальная летопись поместила краткий и нарочито туманный отчет о суде над старицким удельным князем и о выдвинутых против него обвинениях. Из этого отчета следовало, что в 1563 г. князь Владимир и его мать были изобличены в неких «неисправлениях и неправдах». Со временем Грозный сам приоткрыл завесу секретности, окружавшую первый процесс Старицких. «А князю Владимиру, — писал он, — почему было быти на государстве? От четвертого удельного родился. Что его достоинство к государству, которое его поколенье, разве вашие (бояр) измены к нему, да его дурости?.. Яз такие досады стерпети не мог, за себя есми стал». Иван высказал свои обиды много позже. Могло показаться, что после суда царь поспешил предать забвению досадную ссору в собственной семье. Но на самом деле это было не так.

Царь-летописец

Простив брата, Грозный позаботился о том, чтобы подготовить почву для расправы с ним в случае возникновения нового кризиса. Он обратился к старым летописям и позаботился о том, чтобы включить в них подробный отчет о первом заговоре Старицких в годы правления Адашева.

Чтобы вполне оценить его начинание, надо иметь в виду, что в Русском государстве официальной летописи придавалось совершенно особое значение. Московские государи ссылались на летописи в своих спорах с вольным Новгородом, дипломаты черпали из них аргументы во время переговоров с иностранными дворами. Затеянная Грозным летописная работа преследовала не литературные, а политические цели.

Два последних тома Лицевой летописи — так называемый Синодальный список и Царственная книга — были посвящены времени правления Грозного. Неудивительно, что именно эти тома и подверглись исправлению.

Обе летописи написаны на французской бумаге. Наблюдения за водяными знаками (филигранями) позволили известному палеографу Н. П. Лихачеву установить, что во Франции такая бумага производилась в промежуток между серединой XVI в. и 1600 г.

Попытки уточнить датировки Н. П. Лихачева вызвали длительный спор. По мнению С. О. Шмидта, водные знаки Царственной книги характерны для конца 70-х — первой половины 80-х гг. На основании альбомов Н. П. Лихачева, Хивуда, Брике и О. Валле-и-Субира автор этих строк собрал данные, свидетельствующие о более раннем происхождении бумаги исследуемых сводов. Обсудив свои выводы с известным специалистом по филиграням А. А. Амосовым, я в 1976 г. опубликовал их. Через несколько лет Амосов пересмотрел свое мнение и пришел к заключению, что бумага соответствующих листов Царственной книги была произведена во второй половине 70-х гг., а следовательно, приписки в тексте летописи не могли быть сделаны ранее указанного времени.

В настоящее время ни одна датировка приписок не стала общепризнанной. А. А. Зимин аргументировал вывод, что приписка к тексту Царственной книги была сделана между 1569 и 1570 гг. Другой известный исследователь Б. Клосс полагает, что Царственная книга появилась в первой половине 70-х гг., а приписки о боярском мятеже — самое позднее осенью 1575 г.

Наиболее подробная аргументация принадлежит, бесспорно,

А. А. Амосову. Но в его построениях филиграни приобретают самодовлеющее значение. Приведем в качестве примера новое прочтение филиграни «Двойная лилия», условно названной «Гоздава», из Лицевого свода. Верхняя часть этого знака схожа с французской геральдической лилией, но бумага с этим знаком грубовата, с соринками. Качество бумаги служит А. А. Амосову отправным пунктом для цепи гипотез. Грубая выделка бумаги, рассуждает исследователь, характерна для нелучшей бракованной французской бумаги, для польской, реже германской бумаги. Не совсем понятно, почему автор останавливается на польском варианте.

За первым рядом гипотез воздвигается второй. Сочетание западных форм с польскими качественными приметами знака «Гоздава», пишет исследователь, было не только возможно, но и вполне закономерно на одном-единственном этапе взаимоотношений Польши и Франции: «…мы разумеем кратковременное пребывание на польском престоле Генриха Анжуйского, французского принца из дома Валуа». Сорт бумаги зависел от бумажной мельницы, но никак не от системы международных отношений в Европе. Лилию в водяном знаке употребляли при изготовлении бумаги многие бумажные мельницы.

Гипотеза о польском происхождении бумаги Лицевого свода не доказана, но она служит фундаментом для новых умозаключений. «Для Генриха Анжуйского перенос родовой эмблемы на новую (польскую) почву был бы вполне естественным действием… В этом плане мотив двойной лилии (в водяном знаке! — *Р.С.*) мог вызвать, например, ассоциации о двух коронах Валуа». Под пером А. А. Амосова водяной знак — скромное творение мастера бумажной мельницы невесть какой страны — превращается в объект большой политики, предмет манипуляции коронованной особы, заинтересованной в ассоциациях.

Осторожные предположения уступают место категорическим формулировкам: «Итак, даже краткий анализ позволяет со всей уверенностью утверждать, что знак двойной лилии в Лицевом своде следует датировать 1573–1574 гг.». В России такая бумага из Польши могла появиться в 1574 г., но Генрих Анжуйский уже бежал во Францию. «Не потому ли Грозный и решил ускорить работы по составлению московской версии всемирной истории?» Этот вопрос ставит читателя в тупик. Какое отношение может иметь бегство короля Генриха к ускорению (гипотетическому) летописных работ в Москве?

Определив два комплекта бумаги «с общим отчасти» (!) набором сюжетов филиграней (бумага пошла на изготовление

Лицевого свода и Слободской Псалтири), А. А. Амосов выстроил целую пирамиду гипотез о нормах и последовательности расхода бумаги и заключил, что составителям Лицевого свода в декабре 1576 г. осталось выполнить не менее 40–45 % задуманного труда. Приведенные даты и цифры подкупают своей точностью. Но они уводят читателя в область фантазий, так как не опираются на факты.

Данные о бумаге памятника следует учитывать в любом текстологическом исследовании. Но ставить филиграни во главу угла нет резона. Схемы А. А. Амосова доказывают это с полной очевидностью.

Интерпретация водяных знаков привлекает своей точностью, но эта точность относительна. Бумага была слишком непрочным материалом, а записи на ней теряли значение со сменой поколений. Понятно, что архивы XVI в. сохранили ничтожную часть произведенной тогда бумаги. Сама технология производства бумаги обусловила быструю смену водяных знаков, наличие бесконечного множества вариантов. Все это мешает выстроить сколь-нибудь полный и достоверный ряд, который бы объединил филиграни и сорта бумаги мануфактурного производства за длительный период. Скудные сведения о водяных знаках, накопленные наукой, допускают различную интерпретацию и дают возможность датировать бумагу лишь приблизительно, в пределах десятилетия.

Хронологические рамки, установленные на основании примерной датировки филиграней, требуют тщательной критической проверки, опирающейся на анализ содержания летописи в первую очередь.

По предположению Н. П. Лихачева, бумага была закуплена русскими властями во Франции около 1575 г. и ее использовали при составлении посольских книг 1570–1571 и 1575–1579 гг. Остатки бумаги после 1580 г. употреблены были на последние тома Лицевого свода. Предложенная схема вызвала весьма основательную критику (Д. Н. Альшиц).

Царская казна затратила большую сумму денег, закупив дорогую бумагу за рубежом. Во Франции на такой бумаге писал король. Немыслимо представить, чтобы подобного рода закупка имела в виду нужды текущего делопроизводства Посольского приказа.

Более вероятно предположение, что бумагу приобрели во Франции для нужд династии. Парадная летопись, излагавшая официальную историю начала царствования Ивана IV, была богато иллюстрирована и явно предназначалась для государя и членов его семьи. Иван IV не только читал ее, но и правил. В

1568 г. летописи были затребованы из земского Посольского приказа в опричнину, что привело к полному прекращению летописных работ. Остатки бумаги, на которой ранее писали летопись, остались в стенах Посольского приказа, и, когда шансы на возобновление летописи исчезли, приказ использовал бумагу для составления беловых посольских книг за 1570–1571-й и позднее за 1575–1579 гг. Представить, чтобы черновики посольских книг переписывали набело с запозданием в пять — десять лет, невозможно. Беловики готовили с таким расчетом, чтобы представить их царю или думе по первому требованию.

Полагают, что летописная работа «вызывала особый интерес царя. Ивана в последние годы его жизни». Факты свидетельствуют об обратном.

После опричнины за рубежом появилось множество сочинений о тирании московского царя, среди них «История о великом князе Московском» Курбского и «Хроника» Александра Гваньини. В конце Ливонской войны король Стефан Баторий прислал в Москву труд Гваньини с подробным описанием опричных злодеяний царя.

Невозможно представить, чтобы ответом на этот вызов были летописные приписки в Лицевом своде, повествующие о двусмысленных речах или нелояльном поведении бояр в давних событиях. Конечно, царь мог напрячь память и вспомнить события тридцатилетней и даже сорокалетней давности. Но сами эти события, имевшие исключительную актуальность в дни суда над князем Владимиром Старицким в начале 60-х годов, через тридцать лет отступили в тень. Они были заслонены чудовищными заговорами и еще более чудовищным опричным террором, который смел с лица земли и царского брата, и «мятежных» бояр.

Если бы Грозный сохранил минимальный интерес к летописным работам, он непременно велел бы составить историю последних семнадцати лет своего царствования, включая время террора, годы своего торжества и полного искоренения изменников в Святорусском царстве. Но он оставил без ответа вызов врагов и не позволил возобновить летописные работы. Непреложный факт: летописец принужден был замолчать на рубеже 1567–1568 гг., в самом начале массового террора.

Лицевые своды имели одну особенность. Рисунки в них явно доминировали над текстом. Каждая страница официоза была снабжена миниатюрой, занимавшей три четверти страницы. Несколько строк текста служили как бы кратким пояснением к картинке. Чтобы объяснить отмеченную особенность, надо вспомнить, что по традиции, сохранившейся до конца XVII в.,

парадную летопись использовали при обучении детей в царской семье. Первые тома Лицевого свода, вероятно, предназначались для малолетнего Ивана IV, последние тома — для царевичей Ивана и Федора. Трудно предположить, чтобы пособие с картинками было изготовлено в конце жизни Ивана IV, когда царевичи стали взрослыми людьми.

Внимание историков давно привлекали следы энергичной редакторской правки на полях лицевых летописей. Неведомый редактор правил как текст, так и рисунки. Замечания по поводу миниатюр имеют особо важное значение для атрибуции летописной работы. Автор приписок придирчиво разглядывал изображения царской персоны и, когда они его удовлетворяли, делал замечания, безапелляционность которых поразительна. Подле миниатюры на листе 65 Синодальной летописи редактор заметил: «В знаменье (зачеркнуто «царевич») государь написан не г делу». На листе 361 Царственной книги редактор увидел невнимательность иллюстратора и написал: «Царя писать тут надобе стара». Смысл замечания сводился к тому, чтобы убрать с рисунка фигуру Ивана IV и нарисовать на его месте «старого» казанского царя или хана. На полях листа 652 запечатлелось распоряжение насчет того, как надо изобразить перенесение мощей: «То не надобе, что царь носит». Тон приведенных замечаний подтверждает мнение о непосредственном участии Ивана Грозного в исправлении Лицевого свода.

Д. Н. Альшиц предположил, что царь правил Синодальный список в 1563–1564 гг. (до получения письма от Курбского), а Царственную книгу — в 1564–1568 гг. (после написания ответа Курбскому). Эти даты могут быть уточнены.

Самая обширная приписка на полях Синодального списка посвящена суду над князем Семеном Ростовским в 1554 г. Треть текста приписки занимает перечень лиц, назначенных царем для дознания и суда над боярином: «И царь и великий князь… послал бояр своих (список из одиннадцати человек. — *Р.С.*)… а велел его (обвиняемого. — *Р.С.*) роспросити, а доведетца и пыткою пытать». Приведенные строки выглядят как цитата из царского наказа о проведении розыска. Приписка содержала также выдержки из показаний Ростовского: «И князь Семен сказал, что… и оттого сказывает, почал досадовати…»

Отмеченные моменты указывают на детальное знакомство царя с судным делом князя Ростовского.

Можно точно установить время, когда царь обращался в архив по поводу дела Ростовского. Подлинная опись царского архива 60-х годов XVI в. заключала в себе следующий параграф: «Ящик 174. А в нем отъезд и пытка во княже Семенове деле

Ростовского». Подле приведенных строк хранители архива сделали помету: «Взято ко государю во княж Володимерове деле Ондреевича 7071 июля в 20 день, взят ко государю».

Вспомним теперь, что как раз 20 июля царь вернулся в Москву из Слободы, где он занимался расследованием измены брата князя Владимира. Знакомство с судным делом помогло монарху быстро завершить розыск и составить обвинение.

Иван IV был человеком жестоким и мнительным, менее всего склонным прощать своих врагов. Помиловав брата, он вовсе не желал предать забвению измену собственных бояр. Из приписки к Синодальному списку следует, что в заговоре Старицких участвовали «княз Петр Щенятев и княз Иван Турунтай Пронской и Куракины родом и Го (зачеркнуто) и княз Дмитрей Немой и княз Петр Серебреной». Княгиня Евфросинья Старицкая происходила из рода Патрикеевых, к которому принадлежали также Щенятевы, Куракины и Голицыны. Первоначально автор приписки намеревался обличить бояр Голицыных. Писец успел записать лишь две первые буквы «Го». Но тут царь переменил намерение и велел писцу вычеркнуть начатое слово. Ко времени суда над Старицкими в 1563 г. старших Голицыных не было в живых, и указание на них утратило актуальность.

Летописный перечень изменников-бояр был проскрипционным списком, который давал самодержцу возможность расправиться со своими врагами при возобновлении конфликта. Разгром думы в этом случае был неизбежен.

В письме к Курбскому 1564 г. царь вновь затронул тему измены Ростовского. Строки из послания выглядят как краткий пересказ более пространного летописного известия. Сочиняя письмо Курбскому, Грозный не обращался в архив, а писал по памяти, отчего допустил некоторые оговорки. Так, укоряя Семена Ростовского за поношение царских детей, он забыл, что в дни бесед изменника с литовским послом в царской семье не было детей: наследник престола погиб вследствие несчастного случая, а второй сын у Ивана IV еще не родился.

«Сказание о мятеже», занесенное на поля Царственной книги, написано тем же почерком и посвящено тому же сюжету, что и синодальная приписка. Но если одна приписка опиралась на документы, другая носила совсем иной характер. Центральное место в «Сказании» занимают царские речи, произнесенные в день «мятежа» в думе. Сочинение вымышленных речей, соответствующих характеру героя, отвечало издавна сложившимся канонам летописания. Речи «Сказания» небыли исключением. Но их своеобразие заключалось в том, что царские речи были-сочинены не летописцем, а самим государем. В

царских речах можно обнаружить текстуальное сходство с посланием Грозного в Москву 1565 г., что весьма важно с точки зрения атрибуции и датировки «Сказания».

«Сказание о мятеже»

«…побежите с ним в чюжую землю, где Бог наставит».

Послание царя к думе и духовенству (1565)

«…и царь… оставил свое государьство и поехал, где вселитися, идеже его, государя, Бог наставит».

Крамольные речи бояр-заговорщиков переданы в приписках следующим образом:

Синодальный список

«…только нам служити царевичу Дмитрею, ино нами владети Захарьиным и чем нами владети Захарьиными, ино лутчи служити князю Владимеру Ондреевичю».

Царственная книга

«…ведь де нами владети Захарьиным, и чем нами владети Захарьиным, а нам служити государю малому, и мы учнем служити старому князю Володимеру Ондреевичю».

В первом случае составитель летописи, по-видимому, привел цитату из «пыточных речей» (протоколов допроса) Ростовского. Во втором случае он сослался на донос конюшего боярина И. П. Федорова, передавшего царю крамольные толки бояр.

По-видимому, в распоряжении редактора не было письменных доносов, которые можно было затребовать из архива. «А после того, — значится в «Сказании», — государю сказывал боярин Иван Петрович Федоров, что говорили с ним бояре…»; «да государю же сказывал окольничей Лев Ондреевич Салтыков, што говорил ему, едучи на площади, боярин…». Речи верных бояр имели значение устных свидетельских показаний. К 1563–1564 гг. И. П. Федоров и Л. А. Салтыков находились в приближении у царя и в любой момент могли верноподданнически подтвердить давний донос.

Д. Н. Альшиц полагает, что приписку к Царственной книге Иван IV сделал после написания письма Курбскому, при этом он лишь перенес аргументы, адресованные боярину, на страницы летописей. Такое предположение сомнительно. В приписке царь не ставил под сомнение лояльность Алексея Адашева, тогда как в письме Курбскому изображал его главой заговорщиков, желавших погубить царскую семью.

Почему автор «Сказания» не учел версию, изложенную в царском письме Андрею Курбскому, и не внес в летопись сведения об Адашеве как «начальнике» мятежа? Вывод очевиден:

«Сказание» было составлено ранее лета 1564 г., времени написания письма Курбскому.

Стремительное развитие конфликта между царем и его думой в 1563–1564 гг. привело к тому, что летописная правка, сохранявшая поначалу некоторую объективность, приобрела крайне тенденциозный характер.

«Сказание о мятеже» представляло Ивана Шуйского главным виновником смуты и перебранки в думе. Надо заметить, что Шуйские вовсе не были участниками заговора князей Старицких.

Обличения царя приобрели новое звучание. Под диктовку Грозного дьяки внесли в летопись сведения о том, что в 1538 г. бояре Шуйские уморили конюшего князя Ивана Овчину, что именно они «ободраша на своем дворе», после чего обезглавили дьяка Федора Мишурина, отправили в ссылку боярина Михаила Тучкова (обачислились душеприказчиками Василия III). Иван IV счел нужным пояснить, что вместе с князем Иваном Михайловичем Шуйским главную роль в перевороте 1542 г. сыграл его сын князь Петр, своевременно прибывший в столицу с отрядом дворян-заговорщиков. В другом случае царь пополнил летопись сведениями о том, что ответственность за мятеж 1543 г. нес не один только князь Андрей Михайлович Шуйский, как значилось в первоначальном тексте летописи, но также его брат Иван Шуйский и Федор Скопин. В списке бояр, спровоцировавших бунт черни в Москве в 1547 г., первым был назван Федор Скопин. Иван IV помнил о давней вражде между Старицкими и Шуйскими и ни разу не назвал Шуйских в числе участников заговора в пользу князя Владимира.

Предметом обличений Ивана IV стали не только Шуйские, но и прочая суздальская знать. Вина ее заключалась в том, что она занимала господствующие позиции в думе и при дворе. В качестве изменников в приписках Ивана IV фигурируют боярин дворецкий Иван Кубенский-Ярославский с братом Михаилом (1542), князь Юрий Темкин (1547), князь Семен Лобанов и Андрей Катырев Ростовские (1553–1554), князь Федор Палецкий (1543) и Дмитрий Палецкий-Стародубский (1553).

Случайными участниками смут в приписках выглядят бояре Григорий Юрьевич Захарьин и Иван Федоров (1547), Иван Большой Шереметев (1542), Алексей Басманов (1543), Семен Морозов (1553).

Исследователи выражали удивление по поводу обилия имен в царских приписках и вопиющих противоречий в оценке поведения одних и тех же лиц. Так, конюший Иван Федоров упомянут как опальный боярин, чудом избежавший казни (в 1546), и как мятежник (1547), а ниже — как самый верный царю слуга (1553).

Отмеченные противоречия находят объяснение, коль скоро удается выяснить главную тенденцию приписок — намерение царя скомпрометировать не отдельных бояр, а Боярскую думу в целом как извечный очаг смуты и мятежа.

Царские приписки к тексту летописи предвосхитили катастрофу, потрясшую Россию год спустя, когда Грозный решил подорвать влияние коренной русской знати, ограничивавшей его самодержавную власть. Стало очевидно, что в думе самыми опасными противниками были не родня и сторонники князя Владимира, а их противники — покоритель Казани Александр Горбатый-Суздальский и его единокровная братия.

Нет нужды считать редакторскую правку в лицевых сводах автографами Ивана IV. Представить царя а роли писца-справщика, тщательно выверявшего буквенные описки, пропуски слов, мелкие стилистические несуразности, совершенно невозможно. Вековые традиции воспрещали московским государям брать в руки перо даже для скрепления собственных указов, писем и завещаний. Работая над летописью, Иван IV едва ли нарушил этот запрет. Ему достаточно было определить общее направление работы, в наиболее ответственных случаях продиктовать необходимый текст. Приказные люди, хорошо владевшие пером, всегда были к его услугам. Можно ли определить их по именам? Сделать это с достаточной степенью вероятности пока никому не удалось. Исследователи полагают, что в составлении «Сказания о мятеже» и аналогичной приписки о суде над князем Семеном Ростовским участвовал дьяк Иван Висковатый. Однако такая атрибуция не согласуется с датировкой двух названных приписок. Если верно то, что приписка в Синодальной летописи появилась в разгар суда над Старицкими летом 1563 г., то Висковатый никак не мог быть ее автором. На протяжении года он находился с посольством в Дании и вернулся в Москву только в ноябре 1563 г.

«Сказание о мятеже» выставляло поведение Висковатого в самом выгодном свете. Но это обстоятельство все же не доказывает его участия в составлении «Сказания». Похвала в адрес дьяка могла исходить от его подчиненных. В одной из наших работ опубликованы фотокопии автографа И. М. Висковатого (его подписи на соборном приговоре 1566 г.) и приписок на полях Царственной книги. Графологический анализ не подтверждает предположения о том, что записи на полях Царственной книги принадлежали непосредственно Висковатому. Дьяк обладал более тонким и изящным почерком, нежели лицо, исправлявшее летопись. Помощников Ивана IV по исправлению летописей едва ли следует искать среди самых знаменитых

«бюрократов» того времени, перегруженных делами текущего управления. Скорее всего ему помогали «книжники» из его окружения, склонные к литературным трудам.

В «Сказании о мятеже» вмешательство Ивана IV всего заметнее сказалось на царских «речах», окрашенных личными переживаниями, а также в общей композиции рассказа. Царь не дал переписчику возможности перебелить до конца лист Царственной книги и остановил его на полуслове. Не зная, куда включить «Сказание», Иван IV четырежды перемещал с места на место знак переноса.

Композиционные недостатки «Сказания о мятеже» напоминают аналогичные недостатки послания царя Андрею Курбскому. Их следует целиком отнести на счет некомпетентного, но властного вмешательства высокопоставленного публициста в летописную работу.

Последние исследования лицевых сводов позволили установить, что Синодальный список и Царственная книга являлись частями одной лицевой летописи и работа над ними велась разными артелями писцов и рисовальщиков почти одновременно. Синодальный том насчитывал 626 листов и 1116 миниатюр. На переписку и иллюстрирование свода (без раскраски миниатюр) понадобился совсем короткий срок — примерно один год. Вероятно, столько же времени требовало изготовление Царственной книги, работа над которой проводилась почти одновременно и связана была с вторичной переделкой официальной летописи.

Приходится отказаться от обычных представлений о том, что Лицевой свод с изложением истории начала царствования Грозного был составлен в ходе двадцатилетней работы. Когда царь лично взялся за летописи и стал вносить в них исправления, колесо завертелось с бешеной скоростью. В распоряжении монарха были многочисленные артели, составленные из лучших писцов и рисовальщиков России. Любое промедление в работе вызывало «прещение велико с яростю», как то было в случае с Великими Минеями в Новгороде (их переписывали «повелением самодержца»). Никогда летописные работы в Москве не проводились в таких грандиозных масштабах и в такие сжатые сроки.

Правка двух томов — Синодального списка и Царственной книги, — по-видимому, проводилась также с минимальным интервалом.

Приписка к Синодальному списку была сделана сразу после 20 июля 1563 г., а приписка к Царственной книге, во всяком случае, ранее июля 1564 г.

Примирение Грозного с братом Владимиром в конце 1563 г. привело к тому, что главная тема приписок — боярский «мятеж» в пользу удельного князя — утратила злободневность. Интерес царя к летописанию, внезапно вспыхнувший, так же внезапно угас. Надобность в поправках к тексту свода исчезла после того, как Грозный выплеснул свои обличения по поводу боярской измены в обширном послании Курбскому, по объему превосходившем все приписки, вместе взятые, в сотни раз. Форма «крепкой заповеди», не стесненной никакими рамками (а летопись поневоле ставила определенные рамки автору приписок), пришлась по душе самодержцу. Едва ли не с этого времени царь при каждом новом кризисе изливал душу не в летописных заметках, а в посланиях недругам. Летописный жанр оказался вытеснен жанром эпистолярным.

В судьбе Грозного как писателя особую роль сыграло учреждение, бывшее крупнейшим центром образованности и культуры, а именно Посольский приказ. Руководитель приказа Висковатый поражал современников своей осведомленностью не только в делах текущей политики, но и в древней истории. Литовский вице-канцлер Остафий Волович, хорошо знавший печатника, писал: «Среди всех его (царя) советников не было лучшего, чем он, знатока давних событий» (И. Граля).

При Посольском приказе велись все летописные работы, получившие во второй половине XVI в. небывалый размах. Сам Грозный оказался втянут в эти литературные труды. Однако Посольский приказ был прежде всего дипломатическим ведомством. Дипломатия была искони прерогативой монарха.

В юности участие Ивана в сношениях с иностранными державами носило формальный характер. В тридцать три года его дипломатические труды впервые соединились с литературным творчеством.

Первые следы такого творчества обнаруживаются в ответе царя литовским послам, составленном в декабре 1563 г. (Б. Н. Флоря). Объясняя причины войны в Ливонии, Грозный утверждал, что именно его предки отдали Ливонию рыцарям и разрешили им «обирать» архиепископа и магистра «по своему латинскому закону», но те «свой закон латынской порушили, в безбожную ересь отпали, ино на них от нашего повеленья огонь и меч пришел». Писатель-дипломат гневно обличал короля Сигизмунда И, который «с злобною яростью дышет ко всему християнству, а к нам гордостию и нелюбостию обнялся». Притязания короля на Ливонию Грозный объявляет ложными, что дает ему повод для нравоучения: «Всем государем годитца истинна говорить, а не ложно: светильник бо телу есть око, аще

око темно будет, все тело всуе шествует, в стремнинах разбиваетца и погибает». Давая волю гневу, Иван продолжает: «А кто, имея очи, не видит, уши слыша, не разумеет, и тому как ведати?»

Приведенные пассажи попирали нормы дипломатического этикета. Но царь находил в них выход для своих как политических, так и литературных пристрастий. Помимо всего прочего, обращение к коронованным особам отвечало представлениям самодержца о собственном достоинстве.

В 1563 г. Грозный обрушился с бранью на шведского короля Эрика XIV, претендовавшего на сношение непосредственно с царем, а не с его новгородским наместником. В ответ самодержец написал шведскому королю язвительное послание: «Многие бранные и подсмеятельные слова».

В середине 60-х годов монарх составляет, помимо двух названных выше творений, главное литературное сочинение своей жизни — письмо Курбскому (1564), затем послание к Боярской думе (1565) и три обширных послания от имени бояр королю Сигизмунду II (1567). По всей видимости, литературное творчество царя достигло пика в названный период.

Время массового террора опричнины (1568–1571) ознаменовалось упадком литературных начинаний самодержца. Отчаянные крики жертв и потоки крови, пролитые на Пыточном дворе, способны были заглушить любое литературное начинание. В годы опричнины царь составил лишь небольшое «подсмеятелыюе» письмо английской королеве (1570).

Литературное творчество Грозного оживилось после отмены опричнины (два послания Юхану Шведскому, 1572–1573 гг.; послание в Кирилло-Белозерский монастырь, 1573 г.; послание Василию Грязному, 1574 г.). В челобитной Симеону Бекбулатовичу (1575) трудно обнаружить черты литературного сочинения.

Еще один всплеск литературного творчества царя пришелся на время Ливонского похода 1577 г. В то время Грозный послал грамоты польскому королю Стефану Баторию, литовским гетманам Яну Ходкевичу и князю Александру Полубенскому, князю Андрею Курбскому, беглым ливонским дворянам Иоганну Таубе и Элетру Крузе, изменнику Тимохе Тетерину. Почти все эти послания, написанные в военно-полевых условиях, совсем невелики по объему.

В последние семь лет жизни самодержец, по всей видимости, утратил прежний интерес и к эпистолярному жанру. В 1579 г. Курбский отправил царю Ивану третье, самое большое по объему и наиболее значительное письмо. К нему было приложено второе

письмо князя Андрея, написанное своевременно как ответ на царскую эпистолию, но не отправленное адресату. Ответа на два боярских послания не последовало. Спор о стародавних событиях вроде «мятежа» 1553 г., столь глубоко волновавший Грозного в начале 60-х годов, теперь перестал занимать его. Пятнадцатилетняя переписка оборвалась.

В 1581 г. Грозный написал несколько посланий Стефану Баторию. В этом случае обмен письмами носил вынужденный характер. Потерпев тягчайшие поражения от поляков, царь пытался склонить Батория к миру.

Простой хронологический перечень сочинений Грозного показывает, что литературные занятия царя обрели наиболее интенсивный характер в 1563–1567 гг., и это косвенно подтверждает раннюю датировку царских приписок к летописи.

Противостояние

До поры до времени влиятельному церковному руководству удавалось удерживать царя от окончательного разрыва с его могущественными вассалами. Престарелый осифлянин митрополит Макарий всегда ратовал за укрепление власти московского государя, отстаивал официальную теорию самодержавия и догмат о его божественном происхождении. Но в минуту острого конфликта он не упускал случая заступиться за опальных князей. Его усилия, впрочем, не всегда достигали цели. Доказательством тому служила расправа с семьей удельных князей Воротынских и преследование родственников Адашева.

Царь затеял суд над семьей Адашева после того, как получил донос от боярина М. Я. Морозова, бывшего члена Ближней думы. В дни полоцкого похода Морозов находился в почетной ссылке на воеводстве в Смоленске. После взятия Полоцка в его руки попал литовский пленник, рассказавший о том, что литовцы спешно стягивают силы к Стародубу, наместник которого обещал им сдать крепость. Морозов поспешил сообщить о показаниях пленника царю. Иван придал отписке Морозова самое серьезное значение. Стародубские воеводы были арестованы и преданы суду. И хотя показания пленного более всего компрометировали наместника Стародуба князя Василия Фуникова, пострадал не он, а его заместитель — воевода Иван Шишкин-Ольгов, родня Адашева-Ольгова. Власти обвинили в измене всех родственников покойного правителя. На плаху посланы были его брат окольничий Данила Адашев с сыном, тесть Петр Туров, их родня Сатины. Суд над стародубскими изменниками повлек за собой массовые преследования в отношении многочисленных приверженцев павшего правительства. По свидетельству современников, власти составили обширные проскрипционные списки. В них стали записывать «сродников» Сильвестра и Адашева, и не только «сродников», но и «друзей и соседов знаемых, аще и мало знаемых, многих же отнюдь и не знаемых». Многих из арестованных мучили «различными муками» и ссылали на окраины «в дальние грады». Стародубское дело наэлектризовало политическую атмосферу до крайних пределов и вызвало первую вспышку террора.

3 декабря 1563 г. митрополит Макарий известил царя, что намерен оставить митрополию и «отъити на молчалное житие» в Пафнутьев Боровский монастырь, где некогда принял пострижение. Владыка был удручен старостью и болезнями. Этим объясняется его решение. Однако Иван IV боялся, что его недруги

истолкуют отставку главы церкви по-своему.

Вместе с наследником Грозный посетил митрополичье подворье и «со слезами» молил владыку отказаться от своего решения. С той же целью к Макарию приезжала царица Мария Кученей. Лишь 21 декабря Макарий дал себя уговорить. Вздохнув с облегчением, монарх велел митрополичье отреченное послание «дранию предати пред его очами». Однако 31 декабря 1563 г. престарелый митрополит умер.

Церковь лишилась опытного и авторитетного руководителя, с которым считались и взбалмошный царь, и бояре. Духовенству все труднее было ладить с самодержцем.

Смерть Макария развязала руки Грозному. Начавшиеся репрессии выдвинули на авансцену новую фигуру — боярина Алексея Басманова-Плещеева. Он происходил из семьи, издавна близкой к царской фамилии. Отец его служил постельничим у Василия III. Сам Алексей Басманов преуспел на военной службе. Он отличился под стенами Казани и в знаменитой битве с татарами при Судьбищах. В первые дни Ливонской войны Басманов, обладая небольшими военными силами, овладел неприступной Нарвой. Выступив одним из инициаторов войны за Прибалтику, воевода снискал расположение Ивана IV, а затем стал его главным советником.

Переориентация всей внешней политики России сопровождалась переменами в составе думского руководства. Война в Прибалтике сделала настоятельной необходимостью заключение мира с Крымской ордой. Добиваясь мира, Грозный в марте 1563 г. наказал послу в Крыму Афанасию Нагому объявить татарам, что с ханом его, царя, ссорили «ближние люди» — Алексей Адашев, Иван Большой Шереметев и дьяк Иван Висковатый, за что изменники ныне наказаны. Адашева уже не было в живых. Зато печатник Висковатый в 1562–1563 гг. был отослан из Москвы с посольством в Данию, что было знаком падения его влияния при дворе. Посольство выехало в Копенгаген сразу после того, как Алексей Басманов завершил переговоры с датскими послами в Москве. После возвращения в Россию дьяку не вернули пост главы Посольского приказа, переданный дьяку Андрею Васильеву.

Самый влиятельный из трех названных лиц, Иван Шереметев, не подвергался видимой опале еще целый год. Его позиции в Боярской думе были достаточно прочными благодаря родству с Захарьиными.

Но правление Захарьиных приближалось к концу. Басманов хорошо видел это и старался ускорить их падение. Когда он затеял местнический спор с Шереметевым и выиграл дело, всем

стало ясно, что старое правительство не пользуется более влиянием. Близкий родственник Захарьиных Иван Большой Шереметев в течение полутора десятилетий входил в Ближнюю думу даря. Он имел немалые военные заслуги и занимал исключительно высокую ступень на местнической лестнице. Но все это не остановило Басманова.

По времени возвышение Басманова весьма точно совпало с началом целой полосы гонений против знати. Новый любимец царя выступил как сторонник насильственных методов подавления боярской оппозиции. Одной из первых жертв Басманова стала семья Шереметевых. Едва кончилась их местническая тяжба, как бояре братья Иван и Никита Шереметевы были взяты под стражу.

Царь велел оковать Ивана Шереметева большой цепью «по вые, по рукам и по ногам». Пояс ему заменили толстым железным обручем, к которому привесили тяжелый груз. Один из самых популярных деятелей предыдущего периода — Шереметев — имел большие заслуги перед государством, и Грозный не решился его казнить, но отобрал у него имущество. Никита Шереметев был удавлен в тюрьме, а Иван Большой освобожден за поручительством конюшего Ивана Федорова-Челяднина и 80 других членов Государева двора. Захарьины не смогли предотвратить расправу над Шереметевыми.

В начале 1564 г. царю доложили о гибели его армии в Литве. Первые известия о поражении были сильно преувеличены. Главный воевода пропал без вести, и никто не мог определить размеров катастрофы. Грозный подозревал, что его военные планы были выданы литовцам вождями боярской оппозиции. Не медля ни минуты, он отдал приказ о казни двух заподозренных в измене бояр. Царские слуги арестовали в церкви во время всенощной князя Репнина и убили его на улице. Спустя несколько часов на утренней молитве убит был князь Кашин.

Репнин и Кашин более других воевод отличились под стенами Полоцка. Их убийство стало предметом яростной полемики между Курбским и царем. Беглый боярин с возмущением писал, что Иван пролил «победоносную, святую кровь» воевод «во церквах Божиих». На это царь с сарказмом отвечал, что давно уже ничего не слыхал о «святой крови» на Руси, что «мучеников за веру в сие время у нас тоже нет» и что «неподобно» нарицать изменников и блудников мучениками. Курбский не оставил без ответа выпад Ивана и включил в свою «Историю» целую притчу о «победоносном» воеводе Репнине и его «мученической» кончине. Притча эта весьма интересна.

После похода на Полоцк царь искал дружбы отличившегося

воеводы и однажды пригласил его во дворец на веселый пир со скоморохами и ряженными. Когда все изрядно подвыпили, царь и его приятели пустились плясать со скоморохами. Подобная непристойность шокировала ревнителя благочестия. Ко всеобщему смущению, боярин прослезился и стал громко корить и увещевать Ивана: «Иже не достоит ти, о царю христианский, таковых творити!» Царь пробовал урезонить строптивца, просил его: «Веселися и играй с нами!» — и пытался надеть маску на нелюбезного гостя, но тот, забыв приличия, растоптал «машкару» ногами. Ссылаясь на свой боярский чин, он заявил: «Не буди ми се безумие и безчинне сотворити в советническом чину сущу мужу!» В сердцах Иван велел вытолкать упрямого боярина взашей за двери.

Притчу о «подвиге» Репнина можно посчитать мифом. Но она хорошо характеризует взаимоотношения царя с «великими» боярами накануне опричнины. Страх не сделал безгласными «прегордых» вельмож. Угрозы Сильвестрова послушника еще не воспринимались всерьез. Как при Иване III и Василии III, так и теперь князья не только перечили, но и грубили самодержавному владыке.

Противники Грозного прекрасно понимали значение Басманова как вдохновителя начавшихся опал и казней. Немедленно после побега в Литву Курбский обрушился с яростными нападками на некоего царского «потаковника», который «детьми своими паче Кроновых жрецов действует». (Согласно греческой мифологии, Кронос, отец Зевса, пожирал своих детей.) Это был намек на юного фаворита Грозного Федора Басманова. Сей «потаковник, — писал Курбский, — шепчет во уши ложная царю и льет кровь кристьянскую, яко воду». Приведенное письмо Курбского, писанное вскоре после казни Репнина и других бояр, показывает, кто нес ответственность за случившееся. Им был Алексей Басманов, «преславный похлебник», «маньяк» и «губитель Святорусской земли», по выражению Курбского.

Кровавые казни вызвали ропот в столице. В таких условиях правительство сделало все, чтобы заручиться поддержкой церковного руководства.

Преемником Макария стал бывший протопоп Благовещенского собора Андрей, исполнявший более 10 лет роль духовника царя. После падения Сильвестра Андрей постригся в кремлевском Чудовом монастыре, приняв имя Афанасий. Царь остановил свой выбор на чудовском монахе, желая иметь во главе церкви послушного человека.

Новый митрополит получил особую «почесть» — право

носить белый клобук. Царь пожаловал ему много льгот и привилегий, из которых митрополичья казна извлекала крупные выгоды. Все эти милости должны были упрочить согласие между монархом и церковью.

Вожди боярской партии осудили союз между главой церкви и самодержцем. В послании к единомышленнику — печерскому монаху Васьяну Муромцеву — Курбский без обиняков утверждал, что осифлянские иерархи церкви подкуплены и развращены богатствами: богатства превратили святителей в послушных угодников власти. Нет больше в России святителей, которые бы обличили царя в его законопреступных делах и «возревновали» о пролитой крови, писал Курбский, нет больше людей, которые могли бы потушить лютый пожар и спасти гонимую «братию».

Курбский полагал, что его критика осифлянской церкви найдет сочувствие в Печерском монастыре, издавна бывшем цитаделью нестяжателей. Но его нападки на осифлян имели недогматический, а скорее политический смысл. Он надеялся на то, что влиятельный Печерский монастырь возглавит выступление церковной оппозиции.

Послание Курбского интересно потому, что это едва ли не единственный документ, открыто излагавший политическую программу боярской оппозиции в России накануне опричнины. Главным пунктом этой программы было требование о немедленном прекращении антибоярских репрессий. Бросая дерзкий вызов Грозному, Курбский обвинял «державного» правителя России в кровожадности, а заодно в «нерадении» державы, в «кривине суда», оскудении дворян, притеснении купеческого чина и страданиях земледельцев — словом, во всех бедах, постигших Русское государство.

Был ли Грозный писателем?

Наиболее интересный материал для суждения о личности царя Ивана дает его переписка с князем Курбским. Однако недавно профессор Э. Кинан из Гарвардского университета (США) пришел к заключению, что Иван IV никогда не был писателем, а приписанные ему сочинения были написаны через полвека после смерти Грозного совсем другим лицом — князем Семеном Шаховским. Вывод имел принципиальное значение. Признание подложности первого письма Курбскому с неизбежностью должно было повлечь признание подложности всей их переписки, а в конечном счете и других сочинений этих лиц. Посредственный, но плодовитый писатель Семен Шаховской происходил из рода ярославских князей, к нему принадлежал и Курбский. Он затеял мистификацию, цели которой остались неясными, поскольку центральное место в письмах занимали страстные обличения измены Курбского. Открытие Э. Кинана вызвало бурю в ученом мире. Будь он прав, пришлось бы заново переписать историю России XVI в. Многое изменилось бы и в традиционной оценке личности Грозного.

Американский ученый был воодушевлен своим открытием и с нетерпением ждал реакции коллег. Я имел возможность ознакомиться с корректурой монографии, переданной мне учеником профессора. Чтение захватило меня. Стройная аргументация казалась вполне убедительной. Прочитав книгу, я отложил все ученые дела и в течение лета старательно проверял доводы Кинана, искал в архивах ответ на возникшие вскоре сомнения.

Э. Кинан обнаружил текстуальное сходство в первом послании Курбского и в сочинениях монаха Исайи. Это открытие стало главным в системе доказательств подложности переписки Грозного и Курбского. Не случайно вопрос о текстологических связях «Исайя — Курбский» превратился в центральный вопрос мировой дискуссии.

История Курбского и Исайи такова. Православный литовский монах Исайя, родом из Каменец-Подольска, приехал на Русь из Литвы летом 1561 г. По его собственным словам, цель его поездки сводилась к тому, чтобы заполучить в Москве некоторые переводы церковных книг. Исайя приехал на Русь одновременно с греческим митрополитом Иосафом, посланцем константинопольского патриарха к царю. Грек будто бы и стал виновником злоключений литовского монаха. По его доносу московские власти арестовали Исайю и заточили в тюрьму

сначала в Вологде, а потом в Ростове.

В тюрьме Исайя написал несколько посланий, одно из них — «Плач» — точно датировано 1566 г. Э. Кинан обратил внимание на совпадение одной фразы в «Плаче» Исайи и первом послании Курбского царю и сделал вывод о том, что первое из сочинений явно повлияло на второе. Аналогичное влияние на послание Курбского (согласно гипотезе Э. Кинана) оказало другое письмо Исайи («Жалоба»), которое не имеет даты, но, по Кинану, может быть отнесено к тому же 1566 г. Андрей Курбский определенно написал свое первое письмо к царю в 1564 г. Поскольку он не мог заимствовать текст из писем, написанных два года спустя, значит (делает вывод Э. Кинан), «письмо Курбского» было написано кем-то другим.

Отмеченные американским исследователем совпадения весьма различны по своему объему, характеру и происхождению. В текстах посланий Курбского и «Плача» Исайи все сходство исчерпывается одной неполной фразой, которая не заключает в себе никакой серьезной биографической информации. Совпадение исчерпывается сравнительно небольшой богословской цитатой. Оба писателя обращаются к трафаретному образу справедливого Бога, воздающего мзду даже за чашу студеной воды. Опосредованно этот образ восходит к евангельскому тексту Матфея: «…аще напоит… сих чашею студены воды… не погубит мзды своея» (Матф. X, 42). В соответствии с литературными канонами своего времени не только духовные, но и светские писатели обильно оснащали свои писания ходячими богословскими цитатами и стихами, которые они знали наизусть и постоянно держали на кончике пера. Образованные люди Средневековья могли цитировать приличные случаю тексты большими отрывками. Почему же тогда Исайя и Курбский не могли процитировать по памяти три неполные строки? Курбский, будучи на свободе, имел возможность сверять цитаты по книгам. Исайя сочинил свое произведение при иных обстоятельствах. Он, по его собственным словам, написал «Плач» в ростовской тюрьме. Скорее всего узник воспроизвел цитату о Христе-мздовоздателе по памяти.

Сходство неполной фразы о Боге-мздовоздателе в «Плаче» Исайи и «Послании» Курбского царю носило скорее всего случайный характер и объяснялось тем, что оба писателя были православными начетчиками.

Совершенно иной характер носят совпадения в тексте «Послания» Курбского и «Жалобы» Исайи. Наличие комбинации из пяти фраз и фрагментов, а равно наличие важной биографической информации в сходных местах исключают

случайное совпадение. Один из писателей явно заимствовал текст у другого.

Э. Кинан полагает, что Исайя написал «Жалобу» в 1566 г. Анализ переписки Исайи обнаруживает ошибочность такой датировки.

Письма Исайи (пять текстов) отложились в рукописном сборнике, который хранится в Государственной Публичной библиотеке в Петербурге. Названные тексты располагаются в сборнике в следующем порядке: 1) «Послание» (1567); 2) «Плач» (1566); 3) «Жалоба»; 4) «Объяснение»; 5) «Предсказание».

По словам Э. Кинана, все пять названных текстов являются отдельными произведениями, написанными в разное время, различными стилями и для различных целей.

Но это не так. Три последних отрывка — «Жалоба», «Объяснение» и «Предсказание» — являются частями одного и того же письма. Они объединены одной темой. Эта тема — поездка Исайи в Московию, приведшая его в тюрьму. В «Жалобе» Исайя объяснял причины своей опалы в Московской земле. В «Объяснении» доказывал, будто он поехал на Русь за церковными книгами и его поездка имела благочестивые цели. В «Предсказании» монах утверждал, что еще в Вильнюсе ему предсказали беды, случившиеся с ним в Москве. Три фрагмента написаны как бы по единому летописному плану. Первый из них начинается словами: «От Рождества Христова 1561 августа 1». Второй фрагмент просто не мог быть написан отдельно от первого, поскольку в начале его значится: «Того же року (года) 1561». Из всех трех текстов лишь первый имеет заголовок и лишь последний — концовку «Аминь!».

Итак, три текста, не разделенные в рукописи, составляют единое послание «мниха Исайи». При каких же обстоятельствах оно было составлено?

Миссия Исайи в Москву преследовала культурные цели. Примерно за год до его поездки православные магнаты Волович и Гарабурда пытались заполучить у московского дьяка И. Висковатого «Евангельские беседы» Иоанна Златоуста в переводе Максима Грека. Дьяк пообещал книгу, но предупредил, что для списания книги потребуется много времени. В июле 1560 г. Исайя стал готовиться к поездке в Москву. Литовские власти включили в состав его миссии «многоученого хлопца», умудренного в грамматике, который и должен был списать книгу в Москве. Но уже в июле 1560 г. некий философ предсказал Исайе печальный исход его миссии (текст «Предсказание»).

За историей текстов скрывается история людей. На основании переписки Исайи можно заключить, что ему

предъявили очень серьезные обвинения. Причины тридцатилетнего пленения Исайи были таковы, что он предпочел уклониться от любых объяснений по существу дела. Узник получил надежду на освобождение в конце Ливонской войны. В марте 1584 г. он был призван во дворец, и Грозный беседовал со своим пленником в присутствии Боярской думы. По утверждению Исайи, его освобождению помешали тогда война и смерть царя. Но его слова далеки от правды. Исайя был вызван к царю, когда русско-польская война закончилась и литовско-польские представители явились в Москву с требованием об освобождении всех пленных. Грозный прожил два года после заключения мира. Но Исайя так и не был освобожден. Неизвестно, принимало ли литовское правительство какие-либо меры к вызволению Исайи до смерти Грозного. Однако едва царь умер, как литовцы предприняли энергичный демарш в Москве. В июне 1584 г. литовский посол Лев Сапега обратился к Боярской думе с особым ходатайством об Исайе и получил заверения, что ответ будет дан ему позже. 1 июля того же года посол возобновил свое ходатайство, но и на этот раз ничего не добился. Запоздалая забота литовского правительства о своем подданном так и не принесла успеха.

Литовское правительство приступило к подготовке миссии Исайи в то время, когда влиятельные силы в Москве и Вильне пытались предотвратить столкновение двух государств. К лету 1561 г. стало очевидно, что эти попытки потерпели полную неудачу. Литовская армия перешла русскую границу и после пятинедельной осады захватила один из замков в русской Ливонии. В обстановке начавшейся большой войны из-за Ливонии миссия Исайи утратила какие бы то ни было шансы на успех. Тем не менее литовское правительство снабдило Исайю богатыми подарками для Грозного, многими купеческими товарами и переправило его через границу в свите греческого митрополита, направлявшегося из Константинополя в Москву. В обстановке войны Исайю должны были завернуть обратно в Литву из первой же русской пограничной крепости. Но дьякон объявил, что вышел «на государское имя» и везет почтенные дары (злато, бисер, дорогие камни) царю Ивану, и, чтобы окончательно завоевать доверие московитов, подал донос на грека митрополита. Исайя прибыл в русскую столицу в тревожное время.

15 января 1562 г. в Москве был арестован боярин князь Иван Бельский, изобличенный в изменнических связях с литовским правительством. По времени арест литовского подданного Исайи в Москве довольно точно совпал с раскрытием измены Бельского. Ранее июля 1562 г. монаха доставили в далекую Вологду, к месту

наказания. Возможно, совпадение не было случайным.

Миссия Исайи была задумана как культурно-торговое предприятие. Но она была загублена в обстановке противоборства и войны. В феврале 1561 г. последний дипломатический агент литовского правительства покинул Москву. Спустя несколько месяцев граница окончательно закрылась из-за военных действий. Все это затруднило литовскому правительству сношения с боярской оппозицией в Москве, ввиду чего оно, по всей вероятности, и решило использовать Исайю для продолжения интриги. Примечательно, что Исайю снарядили на Русь литовские сановники Ефстафий Волович и Григорий Ходкевич. Первый из них участвовал спустя год-два в тайных переговорах с Курбским. Переговоры завершились бегством боярина в Литву. Ходкевич несколько лет спустя пытался вторично завязать сношения с Бельским. Жестокое наказание Исайи в Москве явилось, по-видимому, следствием его причастности к тайным интригам литовского правительства против царя.

Официальные литовские власти не осмелились открыто заступиться за своего подданного. Но они пытались завязать тайные сношения с ним после его заточения в вологодскую тюрьму.

В упомянутом выше рукописном сборнике вслед за тремя текстами Исайи (№ 3,4,5) помещен «Лист», адресованный Исайе.

Автор «Листа» пожелал остаться неизвестным. Во всяком случае, он знал Исайю и рассчитывал на его доверие. Видимо, это был иноземец. «Лист» заканчивается словами: «Писано року 1562 юлия в земли Московской на Вологду». Московский человек едва ли мог сказать: «Писано в земли Московской», и он иначе датировал бы письмо: на Руси вели счет от сотворения мира, а не от Рождества Христова.

Автор «Листа» был соотечественником Исайи. В ответе «брату» Исайя выставляет себя литовским патриотом и верным подданным короля. Далекую родину он называет не иначе как «Новым Израилем», «нашим великим государством Литовским», столицу Вильну — «преславным и прекраснейшим местом». Стиль Исайи становится возвышенным, когда он пишет о короле: «…в наше преславнейшее и превысочайшее государство Литовское в державу нашего преславного и великого христианского государя милостивого краля Сигизмунда Августа». Очевидно, Исайя мог писать так лишь земляку-литовцу.

Автор «Листа» сообщил Исайе, что его посетит некий «брат»: «И ты, Бога ради, во всяких словесах (в вопросах и ответах) прими его яко мою душу… А яж о нас вся ти скажет». Ради сохранения секретности покровители Исайи поручили своему посланцу

объясниться с ним устно.

«Лист» неизвестного к Исайе имеет исключительно важное значение с точки зрения датировки «Послания» Исайи, включающего текст «Жалобы». Обратим внимание на следующее текстуальное совпадение в «Листе» и в «Послании»:

«*Лист» (1562*)

«Иже словеси ради истинного во юзах страждущему мниху Исае».

«*Послание Исайи*» (без даты)

«Днесь аз в темнице, и слова ради истинного Христова во юзах яко злодеи зле стражу».

Можно ли предположить, что неизвестный литовский автор и его адресат Исайя написали отмеченную фразу независимо друг от друга? Такое предположение следует признать невероятным. Близкие фразы не были трафаретной богословской цитатой. Они заключали в себе исключительно важную биографическую информацию.

Составитель «Листа» подсказывал Исайе единственную возможную для него линию защиты. Он обращался не к лазутчику и шпиону, а к борцу за православную веру, незаконно посаженному в тюрьму. В этом тезисе заключалась единственная возможность вызволить Исайю из тюрьмы, а также оградить от преследований «брата» в случае, если он попадет (вместе с «Листом») в руки московских властей.

Обращение литовских покровителей звучало как своего рода пароль. Исайя повторил этот пароль в первых строках ответного письма. Линия защиты проведена через все части письма Исайи: в «Жалобе» он сообщает, что попал в московскую тюрьму по доносу грека Иоасафа (на самом деле грек стал жертвой доноса Исайи); во второй части («Объяснении») монах клянется, что поехал в Москву с благочестивыми целями — за православными книгами.

Самым существенным является то, что «Лист» неизвестного имеет точную дату — июль 1562 года. На границах шла кровопролитная война. Исайя не мог медлить с ответом. Он должен был написать ответное послание сразу после получения «Листа», датированного 1562 г. Если бы прибывший в Вологду лазутчик уехал с пустыми руками, Исайя лишился бы возможности передать ответ своим литовским покровителям.

Исайя принадлежал к тому же кругу ревнителей православия в Литве, к которому принадлежали и русские эмигранты Тетерин, Сарыхозин, позже Курбский. Литовские власти использовали услуги этих лиц для тайных сношений со своими сторонниками в

России. Понятно, что письмо Исайи должно было попасть в их руки, после чего с ним познакомился Курбский.

Итак, парадокс Курбского получает простейшее объяснение. Исайя получил «Лист» в 1562 г. и тотчас же ответил на обращение своих литовских покровителей. Курбский сделал заимствования из письма Исайи в 1564 г.

Спор о переписке Грозного продолжался несколько лет. В ходе дискуссии были опубликованы три монографии и множество статей. Их авторами были ученые самых различных школ и направлений. В конце концов гипотеза Э. Кинана была отвергнута мировой наукой. Спор завершен. Подлинность сочинений Грозного и Курбского не вызывает более сомнений.

Грозный обладал качествами, редкими для людей его положения. В критических для себя условиях он не раз откладывал в сторону меч, чтобы словом вразумить своих строптивых подданных.

Измена Курбского

В Боярской думе заседали не одни только царские недоброжелатели. Многие бояре пользовались доверием царя, а некоторые, например Курбский, были его личными друзьями. События, последовавшие за полоцким походом, омрачили дружбу Ивана с князем Андреем Курбским. Царя, по его словам, уязвило «согласие» князя с изменниками, и он подверг воеводу «малому наказанию», отправив его в крепость Юрьев в качестве наместника Ливонии.

Только что закончился полоцкий поход, в котором Курбский выполнял почетное поручение. Он командовал авангардом армии — сторожевым полком. (Обычно на этот пост назначали лучших боевых командиров.) Курбский находился на самых опасных участках: он руководил осадными работами у стен неприятельского острога. После завоевания Полоцка победоносная рать вернулась в столицу, ее ждал триумф. Высшие офицеры могли рассчитывать на награды и отдых. Но Курбский лишен был всего этого. Царь приказал ему ехать в Юрьев и дал на сборы менее месяца. Всем памятно было, что Юрьев послужил местом ссылки «правителя» Алексея Адашева.

По прибытии в Юрьев Курбский обратился к своим друзьям — печерским монахам — с такими словами: «Многажды много вам челом бью, помолитеся обо мне, окаянном, понеже паки напасти и беды от Вавилона на нас кипети многи начинают». Чтобы понять заключенную в словах Курбского аллегорию, надо знать, что Вавилоном называли тогда царскую власть. Почему Курбский ждал от царя новых для себя неприятностей? Вспомним, что в это самое время Грозный занялся расследованием дела о заговоре князя Владимира Андреевича, которому Курбский доводился родней. Розыск скомпрометировал юрьевского воеводу. Царские послы впоследствии заявили в Литве, что Курбский изменил царю задолго до побега, в то самое время, когда он «подыскивал под государем нашим государьства, а хотел видети на государстве князя Володимера Ондреевича, а за князем Володимером Ондреевичем была его сестра двоюродная, а княж Володимерово дело Ондреевича потому же как было у вас (в Литве) дело Швидригайлу с Ягайлом».

Курбский пробыл в Юрьеве год, 30 апреля 1564 г. он бежал в Литву. Под покровом ночи он спустился по веревке с высокой крепостной стены и с несколькими верными слугами ускакал в Вольмар. В Юрьеве осталась жена Курбского. В спешке беглец бросил почти все свое имущество: воинские доспехи и книги,

которыми он очень дорожил. Причиной спешки было то, что московские друзья тайно предупредили боярина о грозящей ему царской опале. Сам Грозный подтвердил основательность опасений Курбского. Его послы сообщили литовскому двору о том, что царь проведал об «изменных» делах Курбского и хотел бы его наказать, но тот убежал за рубеж. Позже в беседе с польским послом Грозный признался, что намерен был убавить Курбскому почестей и отобрать «места» (земельные владения), но при этом клялся царским словом, что вовсе не думал предать его смерти. В письме Курбскому, написанном сразу после побега князя, Иван IV не был столь откровенен. В самых резких выражениях он упрекал беглого боярина за то, что тот поверил наветам лжедрузей и «утек» за рубеж «единого ради (царского) малого слова гневна». Царь Иван IV кривил душой, но и сам он не знал всей правды о бегстве бывшего друга. Обстоятельства отъезда Курбского не выяснены полностью и по сей день. Историки не могут ответить на многие вопросы, коль скоро речь заходит об этом сюжете.

После смерти Курбского его наследники представили литовскому суду все документы, связанные с отъездом боярина из России. На суде выяснилось, что побегу Курбского предшествовали более или менее длительные секретные переговоры. Сначала царский наместник Ливонии получил «закрытые листы», то есть секретные письма, не заверенные и не имевшие печати. Одно письмо было от литовского гетмана князя Юрия Радзивилла и подканцлера Ефстафия Воловича, а другое — от короля. Когда соглашение было достигнуто, Радзивилл отправил в Юрьев «открытый лист» (заверенную грамоту с печатью) с обещанием приличного вознаграждения в Литве. Курбский получил тогда же и королевскую грамоту соответствующего содержания.

Учитывая удаленность польской столицы, несовершенство тогдашних транспортных средств, неважное состояние дорог, а также трудности перехода границы в военное время, можно заключить, что тайные переговоры в Юрьеве продолжались никак не менее одного или даже нескольких месяцев.

Сейчас стали известны новые документы по поводу отъезда Курбского. Мы имеем в виду письмо короля Сигизмунда II Августа, написанное за полтора года до измены царского наместника Ливонии. В этом письме король благодарил князя-воеводу витебского за старания его в делах, касающихся воеводы московского князя Курбского, и дозволял переслать тому же Курбскому некое письмо. Иное дело, продолжал король, что из всего этого еще выйдет, и дай Бог, чтобы из этого могло что-то

доброе начаться, ибо ранее до него не доходили подобные известия, в частности, о таком начинании Курбского.

Из королевского письма следует, что инициатором тайного обращения к московскому воеводе был «князь-воевода витебский». По литовским документам той поры можно установить, что «князь-воевода» — это упомянутый выше Радзивилл. Король позволил Радзивиллу отослать письмо Курбскому. «Закрытый лист» Радзивилла положил начало секретным переговорам между Курбским и литовцами.

Слова Сигизмунда по поводу «начинания» Курбского кажутся странными ввиду того, что написаны они были за полтора года до отъезда московского воеводы. На границах шла кровопролитная война. Королевскую армию не раз постигали неудачи. Неудивительно, что Сигизмунд II обрадовался «начинанию» Курбского и выразил надежду, что из этого выйдет доброе дело. Как видно, он не ошибся.

Новые документальные данные заставляют пересмотреть известия ливонских хроник, повествующих о действиях Курбского на посту наместника русской Ливонии. Известный хронист Франц Ниештадт рассказывает, что наместник шведского герцога Юхана в Ливонии некий граф Арц после ареста герцога королем Эриком XIV искал помощи у поляков, а затем обратился к Курбскому и тайно предложил сдать ему замок Гельмет. Договор был подписан и скреплен. Но кто-то выдал заговорщиков литовским властям. Арца увезли в Ригу и там колесовали в конце 1563 г.

Ливонский хронист описал в благоприятном для Курбского свете его переговоры с Арцем. Но он добросовестно изложил и распространившиеся в Ливонии слухи о том, что Курбский сам предал шведского наместника Ливонии. «Князь Андрей Курбский, — говорит он, — также впал в подозрение у великого князя из-за этих переговоров, что будто бы он злоумышлял с королем польским против великого князя». Сведения о тайных сношениях Курбского с литовцами показывают, что подозрения царя вовсе не были беспочвенными.

В рижском архиве хранится запись показаний Курбского, данных им ливонским властям тотчас после бегства из Юрьева. Подробно рассказав литовцам о своих тайных переговорах с ливонскими рыцарями и рижанами, Курбский продолжал: «Такие же переговоры он (Курбский) вел с графом Арцем, которого тоже уговорил, чтобы он склонил перейти на сторону великого князя замки великого герцога финляндского, о подобных делах он знал много, но во время своего опасного бегства забыл». Неожиданная немногословность и ссылка на забывчивость косвенно

подтверждают распространившиеся в Ливонии слухи о причастности Курбского к смерти Арца.

Затеяв секретные переговоры с литовцами, Курбский, по-видимому, оказал им важные услуги. После побега юрьевский воевода показал, что царь собирался отправить в поход на Ригу 20-тысячную армию, но изменил свои планы. Собранная в Полоцке армия направилась в пределы Литвы. Адресат Курбского князь Ю. Н. Радзивилл, как видно, располагавший информацией о ее движении, устроил засаду и наголову разгромил московских воевод. Произошло это за три месяца до побега Курбского в Литву.

Как только гонец привез в Москву весть о поражении, царь немедленно велел казнить двух бояр, которых подозревали в тайных сношениях с литовцами. Казни произвели на Курбского ошеломляющее впечатление. Державный царь, писал тогда Курбский, «неслыханные смерти и муки на доброхотных своих умыслиша». Волнение Курбского вполне можно понять: над головой этого «доброхота» вновь сгустились тучи. Но гроза и на этот раз прошла мимо: ни один волос не упал с его головы. Как бы то ни было, Курбский стал готовиться к побегу за рубеж, свидетельством чему служили его письма из Юрьева. Желая оправдать перед друзьями решение покинуть отечество, Курбский с жаром обличал бедствия русских сословий — дворян, купцов и земледельцев. Дворяне не имеют даже «дневныя пищи», земледельцы страждут под тяжестью безмерных даней, писал он. Впрочем, слова сочувствия крестьянам звучали в его устах необычно. Ни в одном из своих многочисленных сочинений Курбский никогда более ни единым словом не обмолвился о крестьянах.

История измены Курбского, быть может, дает ключ к объяснению его финансовых дел. Будучи в Юрьеве, боярин обращался за займами в Печерский монастырь, а через год явился на границу с мешком золота. В его кошельке нашли огромную по тем временам сумму денег в иностранной монете — 30 дукатов, 300 золотых, 500 серебряных талеров и всего 44 московских рубля. Курбский жаловался на то, что после побега его имения конфисковала казна. Значит, деньги получены были не от продажи земель. Курбский не увозил из Юрьева воеводскую казну. Об этом факте непременно упомянул бы Грозный. Остается предположить, что предательство Курбского было щедро оплачено королевским золотом.

Заметим попутно, что золотые монеты не обращались в России, а дукаты заменяли ордена: получив за службу «угорский» дукат, служилый человек носил его на шапке или на рукаве.

Историки обратили внимание на такой парадокс. Курбский явился за рубеж богатым человеком. Но из-за рубежа он тотчас же обратился к печерским монахам со слезной просьбой о вспомоществовании. Объяснить это помогают подлинные акты Литовской метрики, сохранившие решение литовского суда по делу о выезде и ограблении Курбского. Судное дело воскрешает историю бегства царского наместника в мельчайших деталях. Покинув Юрьев ночью, боярин добрался под утро до пограничного ливонского замка Гельмет, чтобы взять проводника до Вольмара, где его ждали королевские чиновники. Но гельметские немцы схватили перебежчика и отобрали у него все золото. Из Гельмета Курбского как пленника повезли в замок Армус. Тамошние дворяне довершили дело: они содрали с воеводы лисью шапку и отняли лошадей.

Когда ограбленный до нитки боярин явился в Вольмар, он получил возможность поразмыслить над превратностями судьбы. На другой день после гельметского грабежа Курбский обратился к царю с жалобой: «…всего лишен бых и от земли Божия тобою туне отогнан бых». Слова беглеца нельзя принимать за чистую монету. Наместник Ливонии давно вступил в секретные переговоры с литовцами, и его гнал из отечества страх. Когда боярин оказался на чужбине, ему не помогли ни охранная королевская грамота, ни присяга литовских сенаторов. Он не только не получил обещанных выгод, но подвергся насилию и был обобран до нитки. Он разом лишился высокого положения, власти и золота. Катастрофа исторгла у Курбского невольные слова сожаления о «земле Божьей» — покинутом отечестве.

В Литве беглый боярин первым делом заявил, что считает своим долгом довести до сведения короля о «происках Москвы», которые следует «незамедлительно пресечь». Курбский выдал литовцам всех ливонских сторонников Москвы, с которыми он вел переговоры, и назвал имена московских лазутчиков при королевском дворе.

Из-за рубежа Курбский послал в Юрьев верного холопа Ваську Шибанова с наказом вынуть из-под печи в воеводской избе его «писания» и передать их царю или печерским старцам. После многих лет унижений и молчания Курбский жаждал бросить в лицо бывшему другу гневное обличение. Кроме того, Шибанов должен был также испросить заем у властей Печерского монастыря. Но он не успел осуществить своей миссии. Его поймали и в оковах увезли в Москву. Предание о подвиге Шибанова, вручившего царю «досадительное» письмо на Красном крыльце в Кремле, легендарно. Достоверно лишь то, что пойманный холоп даже под пыткой не захотел отречься от

господина и громко восхвалял его, стоя на эшафоте.

Из Вольмара Курбский обратился с короткими посланиями к царю и печерским старцам. Оба послания заканчивались совершенно одинаковыми фразами. Беглец грозил старцам и бывшему своему другу Божьим судом и стращал тем, что возьмет писания против них с собою в гроб.

Спасения в Литве искал не один Курбский. Туда же бежали его «зловерный» единомышленник стрелецкий голова Тимоха Тетерин, улизнувший из монастыря, и другие лица.

Образование в Литве русской политической эмиграции имело важные последствия. Впервые за много лет оппозиция получила возможность открыто заявить о своих нуждах и противопоставить официальной точке зрения собственные требования.

Благодаря оживленным торговым и дипломатическим сношениям между Россией и Литвой эмигранты поддерживали постоянную связь со своими единомышленниками в России. В свою очередь, в русской столице жадно ловили все слухи и вести из-за рубежа. Протесты эмигрантов получили чрезвычайно сильный резонанс в обстановке углубляющегося конфликта между самодержцем и знатью.

Раздоры с думой и вызов, брошенный вождями оппозиции, побудили Грозного взяться за перо. Будучи в Александровской слободе и в Можайске, он в течение нескольких недель составил знаменитый ответ Курбскому. В Можайск царя сопровождал Басманов. На этом основании можно предположить, что новый царский любимец был одним из первых читателей письма Грозного и, вероятно, участвовал в его составлении.

«Широковещательное» и «многошумящее» послание Грозного составило по тогдашним масштабам целую книгу. Его главная идея сводилась к тому, что свою власть государь, как помазанник Божий, получил от самого Господа и с благословения праотцов. Никто не может ограничить эту власть. Подданные обязаны беспрекословно повиноваться самодержцу: «Доселе русские владетели не истязуемы были ни от кого, но вольны были подвластных своих жаловати и казнити, а не судилися с ними ни перед кем».

Требование безусловной покорности Грозный обосновывал ссылками на Священное Писание. «Противлятся власти, — писал самодержец, — Богу противится, аще убо кто Богу противится — сей отступник именуется, еже убо горчайшее согрешение».

Иван IV отвергал любые попытки ограничить его власть: «Како наречется самодержцем, аще не сам строит». Свои же обязанности монарх видел в том, чтобы поддерживать порядок в стране и направлять подданных на путь истинной веры: «Тщу же

ся с усердием люди на истинну и на свет наставити, да познают единого истинного Бога в Троице славимого».

Царь не скрыл от Курбского, что намерен перестроить свои отношения с духовенством на новых основах. Священнослужители не должны вмешиваться в «людское строение». Вмешательство их в светские дела чревато бедой: «Нигде бо обрящеши, еже не разоритися царству, еже от попов владому».

По содержанию своему царское письмо Курбскому было подлинным манифестом самодержавия, в котором наряду со здравыми идеями содержалось много ходульной риторики и хвастовства, а претензии выдавались за действительность. Главным вопросом, занимавшим царя, был вопрос о взаимоотношении монарха и знати. Царь жаждал полновластия. Безбожные «языцы», утверждал он, «те все царствами своими не владеют: како им повелят работные их, и тако и владеют. А Российское самодержьство изначяла сами владеют своими государьствы, а не боляре и не вельможи». Сам Бог поручил московским государям «в работу» прародителей Курбского и прочих бояр. Даже высшая знать у царя не «братия» (так называл себя и прочих князей Курбский), но холопы. «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны».

Образ могучего повелителя, нарисованный в царском послании, не раз вводил в заблуждение историков. Но факты ставят под сомнение достоверность этого образа.

Грозный жаждал всевластия, но отнюдь не располагал им. Он слишком живо чувствовал зависимость от своих могущественных вассалов. «Царские речи» по поводу боярского мятежа, известные нам по летописным припискам, не оставляют сомнений на этот счет. Страх перед боярской жестокостью, удручающее сознание своей ненадобности боярам — вот что скрывалось за его высокомерным третированием холопов-бояр.

Царь не желал обнаружить слабость перед Курбским, но в послании к нему не смог скрыть своих страхов. Тем ли бояре душу за нас полагают, писал Грозный, что всегда жаждут отправить нас на тот свет? Нынешние изменники, продолжал он, нарушив клятву на кресте, отвергли данного им Богом и родившегося на царство царя и, сколько могли сделать зла, сделали — словом, делом и тайным умыслом.

Известную откровенность в выражении своих тревог и сомнений царь Иван допускал не часто, и главным образом в исторических повествованиях о прошлом. Когда же дело касалось настоящего, он не желал дать противникам повода для торжества. Так, Грозный не хотел признать, что его раздор с Боярской думой

углубляется. Среди бояр наших, писал он Курбскому, нет несогласных с нами, кроме только ваших друзей и советников, которые и теперь, подобно бесам, работают под покровом ночи над осуществлением своих коварных замыслов. Нетрудно догадаться, в кого направлены были царские стрелы. Курбского и его друзей царь считал приверженцами Старицких и участниками их заговора. Теперь он недвусмысленно грозил им всем расправой.

От современности царь обращал взоры к прошлому, и тут он не скупился на примеры, иллюстрировавшие боярскую измену. Если в приписках к Царственной книге Грозный пытался скомпрометировать Сильвестра и Адашева как косвенных пособников Старицких, то в своем письме Курбскому он одним росчерком пера превратил этих лиц в главарей заговора против династии. Изменники-бояре, писал Иван, «восташаяко пияни с попом Селивестром и с начальником вашим с Олексеем» (Адашевым), ради того чтобы погубить наследника царевича Дмитрия и передать трон князю Владимиру.

Вся аргументация послания Грозного сводилась к тезису о великой боярской измене. Боярам, писал Грозный, вместо государственной власти потребно самовольство; а там, где царю не повинуются подданные, никогда не прекращаются междоусобные брани; если не казнить преступников, тогда все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. Боярскому своеволию царь пытался противопоставить неограниченное своеволие монарха, власть которого утверждена Богом.

На разные лады Грозный повторял мысль о том, что за «непокорство» и измену бояре достойны гонений. Он искал и находил множество доводов в пользу репрессий против знати. Его писания прокладывали путь опричнине.

Царь не жалел бранных эпитетов по адресу Курбского и всего его рода. Беглый боярин, по словам Ивана, писал свои изветы «злобесным собацким умышлением», «подобно псу лая или яд ехидны отрыгая». Между прочим, Курбский грозил Ивану тем, что не явит больше ему своего лица до дня Страшного Суда.

Эпистолия царя дошла до Курбского после того, как он переехал в Литву и получил от короля богатые имения. К тому времени его интерес к словесной перепалке с Грозным стал ослабевать. Беглый боярин составил краткую «досадительную» отписку царю, но так и не отправил ее. Отныне его спор с Иваном могло решить лишь оружие. Интриги против «Божьей земли», покинутого отечества занимали теперь все внимание эмигранта. По совету Курбского король натравил на Россию крымских татар,

а затем послал свои войска к Полоцку. Курбский участвовал в литовском вторжении. Несколько месяцев спустя с отрядом литовцев он вторично пересек русские рубежи. Курбский благодаря хорошему знанию местности сумел окружить русский корпус, загнал его в боЛота и разгромил. Легкая победа вскружила боярину голову. Воевода настойчиво просил короля дать ему 30-тысячную армию, с помощью которой он намеревался захватить Москву. Если по отношению к нему есть еще некоторые подозрения, заявлял Курбский, он согласен, чтобы в походе его приковали цепями к телеге, спереди и сзади окружили стрельцами с заряженными ружьями, чтобы те тотчас же застрелили его, если заметят в нем неверность; на этой телеге, окруженный для большего устрашения всадниками, он будет ехать впереди, руководить, направлять войско и приведет его к цели (к Москве), пусть только войско следует за ним.

Курбский скомпрометировал себя. На родине даже его друзья, печерские старцы, объявили о разрыве с ним. Но было ли полным торжество царя? Ответ на этот вопрос пришел незамедлительно.

Будучи в Литве, Курбский упрекнул царя за «разврат» с Федором Басмановым. Басмановых втихомолку поносили и в России. Однажды знатный воевода князь Федор Овчинин поссорился с Федором Басмановым и выбранил его за нечестивые деяния с царем. Фаворит отправился к царю и плача рассказал ему об оскорблении. Разгневанный дерзостью Грозный пригласил Овчинина во дворец и после пира велел спуститься в винный погреб, чтобы закончить там праздник. Подвыпивший князь не расслышал угрозы в словах государя и отправился в погреб, где был задушен псарями.

Сын знаменитого фаворита правительницы Елены князь Федор Овчинин-Телепнев-Оболенский принадлежал к высшей знати и успел отличиться на военном поприще. Его беззаконное убийство вызвало протест даже со стороны лояльных по отношению к царю лиц. По словам осведомленного современника, митрополит и бояре отправились к Грозному и просили его прекратить жестокие расправы.

Митрополит Афанасий заявил публичный протест царю через несколько месяцев после избрания на митрополию. Новый владыка не собирался отказываться от традиционного права «печалования» за опальных.

Не зная подлинных причин выступления митрополита, очевидцы событий склонны были объяснить его тем огромным влиянием, которым якобы пользовался в Московии «граф» Овчинин. В действительности гибель Овчинина явилась не более

чем поводом для выступления влиятельных сил, добивавшихся изменения правительственного курса и прекращения террора.

Внешне верноподданническое обращение подданных к царю разительно отличалось от гневных филиппик эмигранта Курбского. Но суть их была одна и та же. Духовенство и Боярская дума твердо потребовали от царя прекращения неоправданных репрессий. Судя по письмам Курбского, требование о прекращении казней было одновременно требованием об удалении из правительства главного вдохновителя террора Алексея Басманова. Причастность сына Басманова к убийству Овчинина давала оппозиции весьма удобный повод для того, чтобы настаивать на отставке ненавистного временщика.

Знать открыто осуждала жестокость царя. Когда он велел казнить слугу Курбского Василия Шибанова и выставить его труп для устрашения, боярин Владимир Морозов тотчас же приказал своим людям подобрать тело и похоронить его. Грозный не простил Морозову его поступка. Боярина обвинили в том, что он поддерживает тайные связи с Курбским, и заточили в тюрьму.

Оппозиция со стороны бояр и высшего духовенства ставила царя в трудное положение. Даже лица, которые выдвинулись после отставки Адашева и стали царскими душеприказчиками, не внушали ему больше доверия. Один из членов регентского совета, князь Петр Горенский, получил приказ покинуть двор и отправиться в действующую армию. Прибыв к месту назначения, он попытался бежать за рубеж. Погоня настигла беглеца в литовских пределах. В цепях Горенский был доставлен в столицу и вскоре же повешен.

Грозный выразил недоверие некоторым влиятельным деятелям правительства Захарьиных и подверг кратковременному аресту своего душеприказчика боярина И. П. Яковлева-Захарьина. Еще недавно Иван IV видел в Захарьиных возможных спасителей династии, теперь и эта боярская семья оказалась под подозрением.

Правительство Захарьиных, каким оно сложилось после отставки Адашева, фактически просуществовало не более четырех лет. Признанный глава этого правительства Данила Романович умер в конце 1564 г. Распад правительства Захарьиных расчистил путь к власти новым любимцам царя.

В целом кружок лиц, поддержавших программу крутых мер и репрессий против боярской оппозиции, был очень немногочислен. В него не входил ни один из влиятельных членов Боярской думы, за исключением разве что А. Д. Басманова. Ближайшим помощником Басманова стал Афанасий Вяземский, расторопный обозный воевода, привлекший внимание царя во время полоцкого

похода.

Протест митрополита и Боярской думы поставил вдохновителей нового курса в положение полной изоляции. Но именно это обстоятельство побуждало их идти напролом.

Лишившись поддержки значительной части правящего боярства и церковного руководства, царь не мог управлять страной обычными методами. Но он никогда не сумел бы расправиться с могущественной аристократической оппозицией без содействия дворянства. Приобрести поддержку дворян можно было двумя путями. Первый из них состоял в расширении сословных прав и привилегий дворянства, осуществлении программы дворянских реформ. Правительство Грозного избрало второй путь. Отказавшись от ориентации на дворянское сословие в целом, оно решило создать особый охранный корпус, который комплектовался из относительно небольшого числа дворян. Его члены пользовались всевозможными привилегиями в ущерб всей остальной массе служилого сословия.

Традиционная структура управления армией и приказами, местничество и прочие институты, обеспечивавшие политическое господство боярской аристократии, так и не подверглись реформированию. Подобный образ действий был чреват опасным политическим конфликтом. Монархия не могла сокрушить устои политического могущества знати и дать новую организацию всему дворянскому сословию. Привилегии охранного корпуса со временем вызвали глубокое недовольство в среде земских служилых людей. Таким образом, опричная реформа способствовала в конечном счете сужению социальной базы правительства, что в дальнейшем привело к террору как единственному способу разрешения возникшего противоречия.

Царское завещание

Царь Иван IV работал над текстом своего завещания в течение всей жизни. Но сохранилась лишь одна испорченная копия черновика завещания. Копия не утверждена самодержцем, не заверена подписями и печатью и не имеет даты.

В тексте черновика упомянуты имена царицы Анны Колтовской и митрополита Антония, но помолвка царя с Анной состоялась в апреле 1572 г., а Антоний занял митрополичий престол через месяц. На этом основании черновик датируют временем не ранее апреля — мая 1572 г. Завещание было написано в промежуток между началом июня и 6 августа, когда царь жил в Новгороде в тревожном ожидании исхода неминуемой кровавой схватки его воевод с татарами. Для правильного понимания духовной царя Ивана этот довод имеет очень существенное значение. Завещание проникнуто мрачными предчувствиями (С. Б. Веселовский). С его аргументами не согласился А. Л. Юрганов, датировавший завещание 1577–1579 гг.

Сохранившаяся копия завещания Грозного замечательна тем, что дает представление о ранних текстах, которые легли в его основу.

Первое завещание Грозный составил в дни тяжелой болезни в марте 1553 г. Как отметил летописец, «дияк Иван Михайлов воспомяну государю о духовной, государь же повеле духовную съвершити, всегда бо бяше у государя сие готово». Приведенные слова были продиктованы самим Иваном и записаны на полях Царственной книги много лет спустя после болезни. К тому времени монарх «съвершал» духовную неоднократно.

В последний раз царь внес поправки в завещание в день смерти. Писал под его диктовку Савва Фролов. Он служил подьячим, и прошло всего пять месяцев, как стал дьяком. Савва не имел думного чина и не был писателем. В том, что «душевные грамоты» были самостоятельными сочинениями царя, сомневаться не приходится.

Поводы к переделке завещания были самые разнообразные: тяжелая болезнь, рождение детей в царской семье, вступление в брак, отречение от трона, смерть наследника, завоевания, менявшие границы государства, перемены в боярском руководстве, отставка душеприказчиков и назначение новых, смена митрополита. Устаревшие духовные могли вызвать раздор между наследниками и смуту, а потому их, по-видимому, уничтожали. Чтобы иметь возможность в любой момент

представить царю исправленный проект духовной, приказные люди должны были постоянно собирать материал обо всех земельных приобретениях или утратах, переменах в составе удельных княжеств и пр.

В тексте черновика духовной имеются ссылки на документы, важные для его датировки. Это опись казны царевичей (она была составлена опричным постельничим Наумовым, умершим в 1565 г.), грамоты герцога Магнуса (1570) и короля Сигизмунда II (1570). Все это документы опричной поры.

Основное содержание любой княжеской или царской духовной всегда составляли распоряжения о поземельной собственности. Им уделяли особое внимание, разрабатывали с наибольшей тщательностью. При датировке их следует учитывать в первую очередь.

В завещании Ивана IV имеются несколько распоряжений насчет удела князя Михаила Воротынского. Одно из них закрепляло за князем «треть» Воротынска, Перемышль, Одоев, Новосиль, Острог на Черне. Это распоряжение утратило силу летом 1562 г., когда Воротынские подверглись опале. Перемышль, Одоев и Новосиль, а также «доля» братьев в Воротынске были отобраны в казну.

В 1566 г. государь вернул Михаилу Воротынскому старый удел без Перемышля (две трети города перешли в опричнину) и Воротынска. Однако ранее февраля 1569 г. «государь взял на себя» родовые владения князя Михаила, предоставив ему взамен Стародуб Ряполовский. По этому случаю дьяки включили в черновик завещания подробнейший список стародубских вотчин, попавших в разное время в казну. Перечень начинался словами: «Да сыну же моему Ивану даю к Володимеру в Стародубе в Ряполовим Стародубских князей вотчины, которые остались за мною у князя Михаила Воротынского».

Из приписки к тексту завещания Воротынского узнаем, что в ноябре — декабре 1572 г. «государь взял на себя» Стародуб с уездом, а взамен вернул удельному князю Перемышль. Однако новое волеизъявление царя не попало в черновик его завещания, работа над которым прекратилась, как видно, в самом конце 1572 г., когда опричнина была отменена.

Летом 1573 г. князь Михаил умер от пыток, после чего Перемышль и прочие удельные города окончательно перешли в казну. Но и это событие не получило отражения в черновике завещания.

Наличие нескольких взаимоисключающих распоряжений об уделе Воротынского, сделанных в разное время, неоспоримо доказывает, что черновик царского завещания был составлен не в

один прием и даже не в один год, а на протяжении нескольких лет.

Большой интерес представляют три распоряжения царя-о владениях брата князя Владимира Андреевича.

Летописная запись гласила, что в 1563 г. государь «выменил у князя Вышегород на Петрове и с уезды да в Можайском уезде княжие волости, волость Олешню, волость Воскресеньскую, волость Петровскую». Царское завещание дословно повторяло летопись: Иван благословил сына землями — «князь Володимера Ондреевича городом Вышегородом на реке на Петрове, с волостми… да в Можайском уезде волостью Алешнею, Воскресенским, да волостью Петровскою…». Характерно, что оба текста повторяли одну и ту же ошибку («на Петрове» вместо «на Поротве»). Дело в том, что над духовным завещанием работали те же самые дьяки, которые собирали материалы для летописи.

Вместе с Вышгородом Иван IV благословил наследника городом Старицей, перешедшим в казну после обмена 1566 г. Взамен Старицкого удела брат царя получил Дмитров, Звенигород, Стародуб и Боровск. В 1569 г. удельный князь был казнен, а в тексте духовной появилась последняя запись: «А что был дали есьми князю Володимеру Ондреевичу в мену, против его вотчины, городов, и волостей, и сел… и князь Володимер предо мной преступил, и те городы… сыну моему Ивану».

Удивительно, что это распоряжение Грозного было передано в самой общей форме, без указания на названия конфискованных городов! Из приведенных строк следовало, что царевич Иван наследовал весь удел, включая Звенигород. Но вопрос о Звенигороде был решен особо, после чего в духовной появился пункт: «А что есми пожаловал царевича Муртазалея… городом Звенигородом… и сын мой Иван держит за ним Звенигород…» Звенигород был одним из главных городов удела князя Владимира.

Грозный пощадил старших детей князя Владимира и допускал возможность возвращения им земель и имущества. По этой причине он продиктовал приказным следующую фразу: «А князь Володимерова сына князя Василья и дочери (пожаловати. — *Р.С.*), посмотря по настоящему времени как будет пригоже». Имеются сведения о передаче князю Василию Владимировичу столицы удельного княжества его оща города Дмитрова к 1573 г. На страницах завещания этот факт не получил отражения.

Анализ практических распоряжений царя показывает, что сохранившаяся копия не была завещанием в собственном смысле слова. Сугубо юридический документ — духовная не могла содержать два, три и более взаимоисключающих распоряжения.

Сохранилось не завещание, а подборка черновых материалов, необходимых для периодического обновления завещания. Сюда относились выписки из поземельных актов разных лет, из летописей, из старых духовных грамот, новые записи, продиктованные государем. Подлинность их не вызывает сомнений.

Террор затронул верхи сначала земского, а затем опричного приказного мира. Возможно, именно это обстоятельство, обусловившее частую смену лиц, помешало систематизации собранного материала и устранению противоречий. Выписки об уделах не только противоречат друг другу, но и расположены вне хронологического порядка.

Особое значение для датировки завещания придают той его части, где речь идет о Ливонии. В текст включен подробнейший список ливонских замков и городков, завоеванных в период с 1558 по 1569–1570 гг. Царь лично руководил походом на Пайду (Вейсенштейн), завершившимся занятием этого замка. Это событие произошло в 1573 г. и потому не отразилось в духовной. Список новых завоеваний 1575–1577 гг. должен был включать более 30 городов. Но такой список не был составлен и не попал в черновик завещания.

В ливонском разделе духовной определены владения короля Магнуса — городок Обеерпален (Полчев) с селами. В апреле 1573 г. Грозный пожаловал Магнусу замок Каркус, занятый в конце 1572 г. В завещании это пожалование не упомянуто.

Приведенные факты доказывают, что черновик завещания перестали пополнять сразу после отмены опричнины летом 1572 г. Однако в духовной имеется абзац, который на первый взгляд противоречит приведенной дате. Магнус получил от Грозного заем в 15 500 рублей. Упомянув об этом, царь поясняет: «…а в тех денгах король Арцымагнус заложил у меня в Ливонской земле городы Володимерец, город Ворну, город Прекат (Трекат), город Смилтен, город Буртники, город Роин и со всеми уезды…» Все названные города были заняты лишь в 1577 г.

О чем идет речь в завещании Грозного? В 1570 г. Магнус получил от царя вместе с титулом ливонского короля право на еще не завоеванную Ливонию. Иван IV дал в долг новому вассалу крупную сумму под залог замков Володимерец (Вольмар), Смилтен и др. Магнусу предстояло завладеть этими городками и возместить долг либо отдать замки царю. В завещании значилось: «…сын мой Иван на короле Арцымагнусе те денги или за денги городы, которые в тех денгах заложены, возьмет себе…»

В завещании Грозного упомянуто имя царицы Анны, получавшей крупный удел. У царя было две царицы по имени

Анна. А. Л. Юрганов полагает, что царская духовная была составлена в 1577–1579 гг. и в ней упомянута Васильчикова, а не Колтовская.

Обратимся к фактам. В начале 1577 г. Иван IV пожертвовал монахам деньги «по Анне по Васильчикове свою государскую милостыню на вечной поминок». В монастырских вкладных книгах Анна фигурирует без царского титула, а в книгах Троице-Сергиева монастыря она записана не в список цариц, а в помяник Васильчиковых. На этом основании А. Л. Юрганов сделал вывод, что царь учредил поминание не жене Анне, а ее тетке — с тем же именем Анна Васильчикова. Пятый брак считался греховным, а религиозный царь «боялся обнародования своей греховности»; его вклады не по жене, а по тетке жены «показывают, на мой взгляд, силу влияния на царя его жены, Анны Григорьевны».

Знал ли царь заурядную дворянку — неизвестно. На каком основании он пожертвовал на нее неслыханную сумму в 850 рублей, — непонятно.

Право на титул царицы имели лишь законные супруги государя. По церковным правилам два последних брака Ивана IV были незаконными. Поэтому Анна Васильчикова и Мария Нагая могли фигурировать в дипломатических документах и церковных книгах без титула царицы. Этот факт не заключает никакой загадки.

Датировка, предложенная А. Л. Юргановым, рушится. Васильчикова умерла не позднее января 1577 г., и она не могла упоминаться как живая в завещании, будто бы написанном осенью 1577–1579 гг.

Грозный составил завещание по образцу духовных грамот отца и деда царя. Но было одно серьезное различие. Иван имел склонность к литературному творчеству, и под его пером завещание приобрело черты литературного сочинения. Добрую половину духовной занимает обширное введение с покаянием и поучением «чадцам». Текст объединяет записи разновременного происхождения.

За введением следует традиционное начало завещания: «И Бог мира в Троице славимый…» Ниже следуют наставления сыновьям, в точности повторяющие завещание Ивана III. Младший брат должен «держать старшего в отца место», старший — держать младшего без обиды.

В литературном введении к завещанию сходные наставления приобретают иное звучание. Грозный не чувствует себя стесненным традицией, и его наставления производят впечатление взволнованной речи: «А ты, сыне мои Федор… во всем бы еси Ивану сыну непрекословен был так, как мне, отцу

своему, и во всем бы есте жил так, как из моего слова».

Конец завещания носит традиционный характер и дословно списан с духовного завещания Ивана III. Государь наказывает удельному князю слушать брата своего старейшего, государства под ним не подыскивать, ни с кем на него не «одиначиться». Однако даже в этот традиционный текст царь внес поправку, соответствующую его характеру. Иван III угрожал ослушнику, что на нем не будет благословения Божьего и родительского. Царь завершал увещевания словами из Евангелия: «Аще кто не чтит отца или матерь, смертью да умрет».

Иван IV наставлял наследников чтить память родной матери и мачех: «А что по грехом, жон моих, Марьи да Марфы, не стало, и вы б жон моих Марью да Марфу, а свои благодатныя матери, поминали во всем по тому, как аз уставил…» Мария Черкасская умерла в 1569 г., Марфа — в 1571 г. Четвертая жена, Анна Колтовская, упомянута как живая.

Царское завещание заключало в себе пространное «исповедание», полное горьких признаний. Царь уподоблял себя всем библейским грешникам — от Каина до Рувима. Последнее имя навело исследователей на любопытные размышления. При всем желании Иван никак не мог уподобиться Рувиму, «осквернившему отче ложе». Отсюда следует, что Грозный ограничился формальным покаянием во всех возможных грехах (Б. Н. Флоря). Так ли это? Иван был книжником, и потому его исповедь есть образец книжной мудрости. Важной особенностью православной книжности было говорение истины чужими словами. Библейские образы и цитаты обладали высшим авторитетом. Ссылки не всегда точно подходили к случаю. Так было и с Рувимом, упомянутым всуе, не к месту.

Покаяние Грозного менее всего может рассматриваться как формальное. Иван был человеком глубоко религиозным и надеялся, что искреннее покаяние принесет ему спасение. А. С. Пушкин точно уловил эту особенность характера царя «с его душой, страдающей и бурной».

Роковые решения

Польско-литовское государство не примирилось с потерей Полоцка. Осенью 1564 г. король направил к крепости многочисленную армию. Русские полки были спешно стянуты к северо-западной границе. В это самое время Крымская орда, вероломно нарушив соглашение, вторглась в пределы России. Военные заслоны, стоявшие на Оке, не могли противостоять татарскому нашествию, но хан Девлет-Гирей не решился идти на Москву и свернул к Рязани. Гарнизон Рязани был немногочисленным, ее укрепления находились в плачевном состоянии. Случайно в окрестностях города оказался Басманов, отдыхавший в своем поместье. Наспех собрав вооруженную свиту, воевода напал на татарские разъезды, захватил «языков» и засел в Рязани. Все попытки врага взять крепость штурмом закончились неудачей. Крымцы поспешно отступили в степи.

Королевская армия, простоявшая в полном бездействии в нескольких верстах от Полоцка, ушла за Двину незадолго до отступления татар от стен Рязани.

Нападения на русские границы были отбиты. Но военная тревога ускорила развитие кризиса в России. Москва понесла серьезное дипломатическое поражение, не сумев предотвратить объединение наиболее опасных противников. Отныне стала неизбежной война на два фронта. Прошло 15 лет с тех пор, как Грозный предпринял первый поход на Казань. С этого времени война не затихала ни на один год, принося беды народу и разорение стране.

В обстановке внешнеполитических неудач соратники царя настоятельно советовали установить в стране диктатуру и сокрушить оппозицию с помощью террора и насилия. Но в Русском государстве ни одно крупное политическое решение не могло быть принято без утверждения в Боярской думе. Между тем позиция думы и церковного руководства была известна и не сулила успеха предприятию. По этой причине царь вынужден был избрать совершенно необычный способ действия. Стремясь навязать свою волю думе, он объявил об отречении от престола. Таким путем он рассчитывал вырвать у бояр согласие на введение в стране чрезвычайного положения.

Отречению Грозного предшествовали события самого драматического свойства. В начале декабря 1564 г. царская семья стала готовиться к отъезду из Москвы. Иван IV посещал столичные церкви и монастыри и усердно молился в них. К величайшему неудовольствию церковных властей, он велел

забрать и свезти в Кремль самые почитаемые иконы и прочую «святость». В воскресенье, 3 декабря, Грозный присутствовал на богослужении в кремлевском Успенском соборе. После окончания службы он трогательно простился с митрополитом, членами Боярской думы, дьяками, дворянами и столичными гостями. На площади перед Кремлем уже стояли сотни нагруженных повозок под охраной нескольких сот вооруженных дворян. Царская семья покинула столицу, увозя с собой всю московскую «святость» и всю государственную казну. Церковные сокровища и казна стали своего рода залогом в руках Грозного.

Отъезду царя сопутствовали военные приготовления. Ивана сопровождали, во-первых, «бояре и дворяне ближние» и, во-вторых, выборные дворяне «изо всех городов». Им было велено ехать «с людми и с конми, со всем служебным нарядом». Войско, сопровождавшее государя, было полностью вооружено и готово к военным действиям, дворян сопровождали боевые холопы («люди»).

Царский выезд был необычен. «Ближние люди», сопровождавшие Грозного, получили приказ забрать с собой семьи. Оставшиеся в Москве бояре и духовенство находились в полном неведении о замыслах царя и «в недоумении и во унынии быша, такому государьскому великому необычному подъему, и путного его шествия не ведало куды бяша».

Царский «поезд» скитался в окрестностях Москвы в течение нескольких недель, пока не достиг укрепленной Александровской слободы. Отсюда в начале января царь известил митрополита и думу о том, что «от великие жалости сердца» он оставил свое государство и решил поселиться там, где «его, государя, Бог наставит». Как можно предположить, в дни «скитаний» царь работал над завещанием и весьма откровенно объяснял причины отъезда из Москвы. «А что по множеству беззаконий моих Божий гнев на меня распростерся, — писал Иван, — изгнан есмь от бояр, самовольства их ради, от своего достояния и скитаюся по странам, а може, Бог когда не оставит».

Длительный и нередко кровавый опыт московских великих князей определил порядок, который должен был обеспечить решительный перевес сил на стороне государя в возможном конфликте с удельными князьями. Московские князья жаловали удельным князьям — членам династии — сравнительно небольшие города с округой.

Судя по черновику завещания, Грозный решительно порвал с традицией. Он решил разделить свое государство на две половины. На долю младшего сына Федора приходились города Суздаль с Шуей, Ярославль, Кострома с Плесом, Козельск,

Мценск, Волок Ламский, множество подмосковных сел. Младший сын получил удел, равный по территории европейскому королевству.

Вполне возможно, что идея раздела царства между наследниками восходила к тому времени, когда Грозный отвел царевичам «особный» двор в Кремле и приставил к ним бояр и особый штат слуг. Царское распоряжение об уделе Федора могло быть непосредственно заимствовано из завещания 1561 г. Но было ли оно при этом видоизменено — неизвестно.

Вопрос заключается в следующем. Какой характер должна была приобрести идея раздела в условиях опричнины?

В конце 1564 г. Грозный принял решение об отречении от престола. В трехсотлетней истории дома Калиты отречение было делом неслыханным. Опасность того, что Боярская дума примет отречение, была вполне реальной. Своеобразие момента заключалось в том, что самодержец отрекся от престола за себя, но не за своих сыновей — единственных законных наследников трона. Если бы Боярская дума приняла отречение, то главным претендентом на трон стал бы одиннадцатилетний царевич Иван. Монарх заблаговременно позаботился о том, чтобы наделить царевича функциями соправителя. Мальчику поручали дела, от его имени рассылали грамоты.

Видимо, государь длительное время размышлял, как закрепить царство за наследниками сыновьями, и в конце концов решил, что раздел огромной и слабо управляемой державы облегчит достижение поставленной цели. Заметим, что царь и его ближайшее окружение еще не обладали опытом опричного раздела России, а лишь размышляли над последствиями такой меры.

Проект отвечал политическим целям Грозного, ясно обозначившимся в 1561–1564 гг. В соответствии с царским завещанием главные центры родовых наследственных земель суздальской знати должны были перейти не к старшему сыну, а к младшему царевичу и его мачехе. А именно: Суздаль с Шуей и Ярославль должен был получить Федор, а Ростов — жена Анна Колтовская.

Вдумаемся в смысл такого распоряжения. Фактически речь шла об изгнании князей Суздальских-Шуйских, Ярославских и Ростовских со службы в государевой Боярской думе и Государевом дворе. Единым махом царь намеревался перевести на службу в удельные княжества всю коренную суздальскую знать, исключая Стародубских князей. (Землевладение Стародубских подверглось наибольшему дроблению, что и определило их упадок.)

На службу в удел определяли по традиции младших сородичей великих боярских фамилий. Удельная знать становилась как бы знатью второго сорта: удельным слугам закрыт был доступ к высшим постам в царских полках и государевой думе.

Распоряжение государя об уделах членов семьи носило реальный характер. Дьяки старательно пополняли соответствующие абзацы черновика. В раздел о передаче Федору Ярославля были включены сведения о вотчинах, конфискованных у князей («А которые есми вотчины поймал у князей Ярославских…»), в раздел о суздальских волостях — данные о волостях, селах, приселках и деревнях, конфискованных у князя Александра Горбатого в 1565 г.

Грозный успел приобрести достаточный политический опыт и понимал, что князья постараются отъехать из удела и вернуться на царскую службу. Чтобы предотвратить такой исход дела, он ввел санкции. Князьям Ярославским предписывалось «от сына моего Федора не отъехати к сыну моему Ивану и никуды. А кто отъедет от сына моего Федора куды нибудь, и земля их сыну моему Федору». Отъезд был запрещен под страхом конфискации родовых наследственных вотчин.

Волеизъявление о разделе государства монарх сопроводил важной оговоркой. Наследник престола должен был выделить удел брату лишь после того, как сам «государства доступит». До той поры сыновья не должны были разделяться. «А докудова Вас Бог не помилует, свободит от бед, — наставлял отец сыновей, — и вы ничем не разделяйтесь, и люди бы у вас заодин служили и казна бы у вас заодин была, ино то вам прибыльняе». Итак, царевичи не должны были делить казну и войско, пока государство не будет «свобождено от бед».

При ближайшем рассмотрении можно заметить, что в завещании речь шла не столько о разделе царства, сколько о переходе России под совместное управление двух сыновей царя. Проект не был осуществлен, а раздел приобрел уродливую форму опричнины.

Поучая детей, царь писал в духовной: «А всякому делу навыкайте, и божественному, и священническому, и иноческому, и ратному, и судейскому московскому пребыванию, и житейскому всякому обиходу». Государь поставил дела иноческие и священнические прежде дел управления. То была дань благочестию, а может быть, и нечто большее. Наказ царя следует сопоставить с его обращением в Кириллов монастырь, когда самодержец устроил келью для себя, а позднее кельи для обоих своих сыновей.

Будущее представлялось самодержцу опасным и неопределенным. Иван заклинал наследников не забывать родителей, что бы ни случилось, «не токмо что в государствующем граде Москве или инде где будет, но аще и в гонении и во изгнании будете, во божественных литургиях, и в панихидах, и в литиях, и в милостынях к нищим». Изгнание — вот чего более всего боялся самодержец.

Текст завещания следует сопоставить с царскими приписками на полях Царственной книги. Летописное «Сказание о мятеже» дает возможность судить о том, какие чувства в душе царя посеял раздор с боярами на пороге опричнины. Описав «мятеж» бояр в дни его болезни в 1553 г., отказ от присяги наследнику, государь якобы обратился к крамольникам со словами: «Вы свои души забыли, а нам и нашим детем служити не хочете — и коли мы вам ненадобны, и то на ваших душах». Потом Грозный напустился с упреками на свою растерявшуюся родню — Захарьиных. «А вы, Захарьины, чего испужалися? — будто бы сказал он. — Али, чаете, бояре вас пощадят? Вы от бояр первые мертвецы будете! и вы бы за сына за моего, да и за матерь его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали!» Не надеясь на одних Захарьиных, царь обратился с отчаянным призывом ко всем верным членам думы: «Будет станетца надо мною воля Божия, меня не станет, и вы пожалуйте, попамятуйте, на чем есте мне и сыну моему крест целовали; не дайте бояром сына моего извести никоторыми обычаи, побежите с ним в чюжую землю, где Бог наставит».

Обращение царя к Захарьиным менее всего соответствовало патриархальным временам правления Сильвестра, зато было исключительно злободневным в период, когда из-за боярского «самовольства» царь отрекся от престола.

После четырех лет «самодержавного» правления Грозный пришел к трагическому осознанию того, что он, боговенчанный царь, и дети, рожденные на троне, «ненадобны» более его могущественным вассалам.

Половину царского завещания составляли отеческие наставления, призванные уберечь наследников от собственных ошибок. Чтобы научиться повелевать подданными, надо знать, «как людей держать и жаловати и от них беречися и во всем их умети к себе присваивати», чтобы сами стали «своими государствы владети и людьми …ино вам люди не указывают, вы станите людям указывати».

Предостережения насчет советников, указывающих самодержцу, конечно же, имели в виду печальный опыт с Адашевым и Сильвестром. Более десяти лет он безропотно подчинялся авторитету наставников. Видимо, их он имел в виду,

когда горько жаловался на людскую неблагодарность.

Завещание царя пронизано духом покаяния. «Главу, — писал монарх, — оскверних желанием и мнению неподобных дел, уста — разсуждением убийства, и блуда, и всякаго злаго делания, язык — срамословия и сквернословия, и гнева, и ярости, и невоздержания». Исповедание, обращенное равным образом к сыновьям и к Богу, государь завершал поразительным признанием: «Аще и жив, но Богу скаредными своими делы паче мертвеца смраднейший и гнуснейший… сего ради всеми ненавидим есмь…» Царь говорил о себе то, чего не смели произнести вслух его подданные.

Совсем недавно боярин Курбский пенял царю на его чудовищную неблагодарность, сетуя на изгнание в дальние страны. «…Воздал еси мне злая за благие, — писал он Ивану, — и за возлюбление мое непримирительную ненависть…» Теперь совершенно тем же языком заговорил другой «изгнанник» — царь Иван. Ум покрылся струпьями, жаловался Иван, «тело изнеможе, болезнует дух, струпи телесна и душевна умножишася, и не сущу врачу, исцеляющему мя, ждах, иже со мною поскорбит, и не бе, утешающих не обретох, воздаша ми злая возблагая, и ненависть за возлюбление мое». Прошло несколько месяцев с тех пор, как Грозный бросил Курбскому горделивую фразу о вольном российском «самодержьстве». Теперь наступил жалкий финал. Самодержец и помазанник Божий был «изгнан» от своего достояния своими холопами — боярами. Для человека, свято верившего в божественное происхождение своей власти, отречение не было фарсом. Иван IV пережил страшное нервное потрясение. У него выпали почти все волосы. Когда царь вернулся из Слободы в Москву, многие не могли узнать его, так он изменился. Как видно, жалобы на «изнеможение» тела, умножение струпий телесных и Душевных не были простой риторической фразой.

Указ об опричнине

Укрывшись в укрепленной Александровской слободе, Иван IV направил в Москву гонца Поливанова с грамотами. Одну грамоту гонец вручил митрополиту Афанасию вместе со списком, «а в нем писаны измены боярские и воеводские и всех приказных людей, которые они измены делали и убытки государству его до его государьского возрасту…».

По существу, «список», присланный митрополиту, был посвящен в основном той же теме, что и летописные приписки и письмо царя Курбскому. В канун опричнины, когда старые вины бояр еще не были заслонены «великой боярской крамолой» опричных лет, вопрос об «изменах» бояр в малолетство Грозного приобрел злободневность, какой он не обладал ни прежде, ни потом.

Бояре расхитили государеву казну (в приписках такие упреки конкретно адресовались Шуйским), присвоили «государские земли» и пр. Едва царь соберется наказать виновных «по их винам», как все чины «покрывают» опальных (берут их на поруки).

В то время как члены думы и епископы сошлись на митрополичьем Дворе и выслушали известие о царской на них опале, дьяки собрали на площади большую толпу и объявили ей об отречении Грозного. В прокламации к горожанам царь просил, «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет». Объявляя об опале власть имущим, царь как бы апеллировал к народу в своем давнем споре с боярами. Он не стесняясь говорил о притеснениях и обидах, причиненных народу изменниками-боярами.

Толпа на дворцовой площади прибывала час от часу, а ее поведение становилось все более угрожающим. Допущенные в митрополичьи покои представители купцов и горожан заявили, что останутся верны присяге, будут просить у царя защиты «от рук сильных» и готовы сами «потребить» всех государевых изменников.

При чтении официального отчета об отречении Грозного трудно избавиться от впечатления, что летописец преувеличил верноподданнические чувства народа, в едином порыве выразившего желание уничтожить всех, кто противился царю. Народу не за что было благодарить самодержца. Его царствование ознаменовалось бесконечными войнами и резким повышением царевых податей.

В Боярской думе оставался князь Александр Горбатый и некоторые другие бояре, не боявшиеся «прекословить» государю.

Ввиду этого Иван IV после отречения испытал смертельное беспокойство. В январские дни он проявил малодушие.

Все знали, что Горбатому принадлежали лавры победителя Казани. Слава обеспечила ему авторитет в народе. Но противникам жестокого правителя не хватало единодушия. Из-за вражды со Старицкими князья Шуйский и Суздальские не желали видеть на троне князя Владимира. У многочисленной родни князя Владимира не было авторитетного предводителя, и они не могли преодолеть недоверия к Шуйским.

Царь избегал эксцессов на протяжении полугода, пока втайне готовил опричнину. Он усыпил подозрения недругов, для которых его отречение было полной неожиданностью. Благоприятный момент был упущен. Под давлением обстоятельств Боярская дума не только не приняла отречение Грозного, но вынуждена была обратиться к нему с верноподданническим ходатайством.

Представители митрополита и бояре, не теряя времени, выехали в Слободу. Царь допустил к себе духовных лиц и в переговорах с ними заявил, что его решение окончательно. Но потом он «уступил» слезным молениям близкого приятеля, чудовского архимандрита Левкия, и новгородского архиепископа Пимена. Наконец в Слободу допущены были руководители думы. Слобода производила впечатление военного лагеря. Бояр привели во дворец под сильной охраной как явных врагов. Вожди думы просили царя сложить с них гнев и править государством, как ему «годно».

Ответная речь царя подробно изложена в записках опричников-иностранцев Таубе и Крузе. Сам по себе этот источник не внушает большого доверия. Но в нем фигурируют многие сюжеты, присутствующие в подлинном послании царя Курбскому. Царь заявил боярам, что они и прежде пытались погубить славную династию и теперь ежечасно готовы сделать это. В словах Ивана можно усмотреть прямой намек на заговоры в пользу Старицких. Но имя удельного князя названо не было: прощение брата обязывало к молчанию. Как и в письме Курбскому, царь охотнее всего касался таких тем, как беззаконное боярское правление в годы его детства. В Слободе Иван IV выдвинул новые обвинения против бояр, отсутствовавшие в послании. Он заявил, будто после смерти отца бояре хотели лишить его законных прав и сделать своим государем выходца из рода Barbatto — князей Горбатых-Шуйских. И этих людей он ежедневно вынужден видеть в числе тех, кто причастен к правлению. Свою гневную речь Грозный заключил словами о том, что изменники извели его жену и стремятся уничтожить его самого, но Бог воспротивился этому и раскрыл их козни. Теперь

он, царь, обязан принять меры, чтобы предупредить надвигающееся несчастье.

Присутствовавшие прекрасно уразумели смысл царской речи. Старшие Шуйские давно сошли со сцены, за исключением одного князя Александра Горбатого. Его-то и имел в виду царь, говоря о том, что принужден ежедневно встречаться с ним в своей думе. Правда, при регентстве Шуйских Горбатый подвизался на самых скромных ролях. Лишь при Адашеве Горбатый стал одним из столпов думы. Это и погубило его. Боярская дума не смогла защитить своего признанного вождя.

Когда царь под предлогом борьбы с заговором потребовал от бояр чрезвычайных полномочий, они ответили покорным согласием. Для выработки соглашения с думой царь оставил в Слободе нескольких бояр, а остальных в тот же день отослал в столицу. Такое разделение думы как нельзя лучше отвечало целям Басманова и других приспешников царя. На подготовку приговора об опричнине ушло более месяца. В середине февраля царь вернулся в Москву и представил на утверждение думе и Священному собору текст приговора.

В речи к собору Иван сказал, что для «охранения» своей жизни намерен «учинить» на своем государстве «опришнину» с двором, армией и территорией. Далее он заявил о передаче Московского государства (земщины) в управление Боярской думы и присвоении себе неограниченных полномочий — права без совета с думой «опаляться» на «непослушных» бояр, казнить их и отбирать в казну «животы» и «статки» опальных. При этом царь особенно настаивал на необходимости покончить со злоупотреблениями властей и прочими несправедливостями. В этом «тезисе» заключался, как это ни парадоксально, один из главнейших аргументов в пользу Опричнины.

Правительство без труда добилось от собора одобрения подготовленного указа. Члены думы связали себя обещаниями в дни династического кризиса. Теперь им оставалось лишь верноподданнически поблагодарить царя за заботу о государстве.

Организованная по типу удельного княжества, «опришнина» находилась в личном владении царя. Управляла опричниной особая Боярская дума. Формально ее возглавлял удельный князь, молодой кабардинец Михаил Черкасский, брат царицы. Но фактически всеми делами в думе распоряжались Плещеевы (бояре Алексей Басманов и Захарий Очин, кравчий Федор Басманов) и их друзья (Вяземский и Зайцев).

В состав опричного «удела» вошло несколько крупных дворцовых волостей, которые должны были снабжать опричный дворец необходимыми продуктами, и обширные северные уезды

(Вологда, Устюг Великий, Вага, Двина) с богатыми торговыми городами. Эти уезды служили основным источником доходов для опричной казны. Финансовые заботы побудили опричное правительство взять под свой контроль также главные центры солепромышленности: Старую Руссу, Каргополь, Соль Галицкую, Балахну и Соль Вычегодскую. Своего рода соляная монополия стала важнейшим средством финансовой эксплуатации населения со стороны опричного правительства.

Опричная гроза

Царь забрал в опричнину Суздальский, Можайский и Вяземский уезды, а также около десятка других, совсем мелких. Уездные дворяне были вызваны в Москву на смотр. Опричная дума во главе с Басмановым придирчиво допрашивала каждого о его происхождении, о родословной жены и дружеских связях. В опричнину отбирали «худородных» дворян, не знавшихся с боярами. Аристократия взирала на «новодельных» опричных господ с презрением. Родовитые немецкие дворяне Таубе и Крузе с пренебрежением отзывались об опричной гвардии, составленной из «косолапых и нищих мужиков», которые «были привычны ходить за плугом и вдобавок не имели ни полушки в кошельке». Опричников называли еще «скверными человеками».

Сам царь, находившийся во власти аристократических предрассудков, горько сетовал на то, что вынужден приближать мужиков и холопов. Впавшему впоследствии в немилость опричнику Василию Грязному он писал: «…по грехом моим учинилось, и нам того как утаити, что отца нашего князи и бояре нам учали изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды». Укомплектованное из незнатных детей боярских опричное войско должно было стать надежным орудием в руках самодержца.

Известия об опричных «переборах людишек» способствовали возникновению историографического мифа о борьбе дворянства с боярством в XVI в. Царь Иван, писали современники, специально отбирал в опричнину «худородных» дворян, чтобы с их помощью разделаться с высокородной знатью. В действительности опричнина не привела к разделению высшего сословия на знать и низшее дворянство. Большинство мелких помещиков остались в земщине и терпели опричные злоупотребления наряду с прочими земскими людьми. Опричнина сохранила сложившуюся к тому времени структуру «служилого города». В опричнину были зачислены главным образом уезды с развитым поместным землевладением. Государев двор в XVI в. оставался оплотом привилегий дворянских верхов. Низшее городовое дворянство не имело такой единой для всей страны организации, как Государев двор, а потому было разобщено в большей мере, чем знать и высшее дворянство. Опричная реформа не привела к объединению низшего дворянства, а еще больше разъединила его. Опричнина сохранила деление дворян на «дворовых» и «городовых». Начальные люди опричнины и более знатные дворяне, принятые в «государеву светлость», составили опричный

Государев двор. Подавляющая часть опричников служила в качестве городовых детей боярских поуездно.

О дворянском оскудении писал Курбский. Несомненно, к середине столетия в России появилось множество обнищавших, беспоместных детей боярских, которым приходилось пахать землю. О таких Таубе и Крузе писали следующее: «Если опричник происходил из простого рода и не имел ни пяди земли, то великий князь давал ему тотчас же 100–200 или 50–60 и больше гаков земли».

Опыт организации «тысячи лучших слуг» не был забыт. Тысячники были разбиты на три статьи: детям боярским высшей статьи полагалось 200 четвертей, третьей статьи — 100 четвертей. Опричники были разделены на четыре статьи. Беспоместным и «худородным» уездным помещикам четвертой статьи положен был оклад в 50–60 четвертей. Благодаря близости к особе царя опричники могли рассчитывать на быстрое продвижение по службе и, что особенно важно, на прибавки к поместным дачам и окладам.

Иногородние служилые люди, переведенные в опричные уезды, теряли старые поместья и получали новые в опричнине. В полном соответствии со старинными удельными традициями они сохраняли вотчины, оставленные ими в земской половине царства. Высланные из опричнины дворяне, по-видимому, такой привилегией не пользовались. Они утрачивали свои вотчинные владения, попавшие в удел.

Местнические порядки отнюдь не были уничтожены в пределах опричного «удела». Штаден писал, что «князья и бояре, взятые в опричнину, распределялись по ступеням не по богатству, а по породе». Карьера немца-опричника рухнула, когда выяснилось, что он не вышел породой, а кроме того, проявил себя с худшей стороны на службе.

При зачислении в государев удел каждый опричник клятвенно обещал разоблачать опасные замыслы, грозившие царю, обещал, что не будет молчать обо всем дурном, что узнает.

Удельные вассалы царя носили черную одежду, сшитую из грубых тканей. Они привязывали к поясу у колчана некое подобие метлы. Этот отличительный знак символизировал решимость вымести из страны измену.

Сохранились свидетельства о том, будто опричники привязывали на шею лошади собачью голову. Описывая царский выезд, один современник упомянул о собачьей голове у седла царя. Но то была искусно сделанная серебряная голова, щелкавшая зубами при езде. Опричники не могли иметь при себе отрубленные головы собак, потому что летом им пришлось бы в

силу естественных причин менять эти головы ежедневно. Может быть, свидетельство о головах имело в виду один из зимних походов опричной армии? В любом селе или городе собаки встречали опричников громким лаем и кусали тех, кто врывался во двор. Опричники безжалостно убивали собак, нередко заодно с хозяевами. Собачьи головы вешали на лошадей для устрашения народа.

Опричная тысяча была создана как привилегированная личная гвардия царя. Московская летопись сообщает, что 1000 голов детей боярских, отобранных в опричное войско, были «испомещены заодин» в опричных уездах. Документы Разрядного приказа не оставляют сомнений в том, что царский указ не остался на бумаге. Разряды содержат следующие данные о численности детей боярских опричных уездов во время сбора ополчения в 1572 г. (в скобках приведены сведения об участии детей боярских в полоцком походе 1563 г.): по Суздалю — 210 (636); по Можайску — 127 (486); по Вязьме — 180 (314); по Козельску — 130 (290); по Галичу — 150 (250); по Медыни — 95 (218); по Малому Ярославцу — 75 (148); по Белеву —? (50). Итак, накануне опричнины поименованные уезды могли выставить в поле около 2400 конных детей боярских, а после опричных переборов людишек — всего около 1000. По меньшей мере половина местных уездных помещиков не была принята на опричную службу и была выселена в земские уезды. Чем были вызваны столь широкие выселения? Очевидно, власти старались создать в пределах опричной территории крупный фонд свободных поместных земель, чтобы обеспечить дополнительными «дачами» привилегированный охранный корпус, в особенности же его командный состав.

Грозный не желал ехать в Москву, пока был жив его главный «изменник» князь Александр Горбатый. Этот великий боярин в свое время выдал дочь за князя Ивана Мстиславского и благодаря этому стал родственником царя.

Из надписи на могильной плите Горбатых в Троице-Сергиевом монастыре следует, что Александр и его сын «преставились» 7 февраля 1565 г. В качестве родственника самодержец уже 12 февраля прислал в Троицу 200 рублей на помин души князя Александра.

Полагают, что царь вернулся в Москву из Слободы 2 февраля (А. А. Зимин). Эта дата взята из записок Таубе и Крузе. Однако хронология — наиболее уязвимая часть их сочинения. Наиболее достоверна хронология официальной московской летописи, согласно которой Иван IV прибыл в столицу 15 февраля 1565 г. Таким образом, Горбатые были убиты до его возвращения в

царствующий град, а следовательно, и до утверждения указа об опричнине Боярской думой.

Расправа с Горбатым отличалась крайней жестокостью. Боярина доставили к месту казни вместе с сыном. Будучи ободран палачом, князь Петр первым положил голову на плаху. Однако отец не хотел видеть гибели сына и, отстранив юношу, сам лег под топор. Петр поцеловал отрубленную голову, после чего принял смерть. Род Горбатых пресекся.

Боярская дума безропотно подтвердила право монарха казнить и миловать подданных по своему произволу, без суда и следствия.

Грозный недаром исправлял официальную историю своего царствования. Летописи заменили отсутствующие следственные материалы, скомпрометировав многих влиятельных приверженцев Старицких.

Боярин князь Иван Куракин и боярин князь Дмитрий Немого-Оболенский, которых летописные приписки изображали вождями боярского заговора в пользу Старицких, были пострижены в монахи и заточены в монастырь. Разжалованный боярин князь Семен Ростовский, некогда приговоренный к смертной казни, был схвачен на воеводстве в Нижнем Новгороде и убит. Голову убитого опричники привезли в Москву царю.

Жертвами опричнины стали еще двое знатных дворян, не входивших в думу: брат убитого ранее боярина Юрия Кашина — князь Иван Кашин — и князь Дмитрий Шевырев. Последнему уготована была самая мучительная казнь. Его посадили на кол. Передают, будто Шевырев умер не сразу: как бы не чувствуя лютой муки, он сидел на колу, как на престоле, и распевал каноны Иисусу.

Официальный летописец описал первые деяния опричнины кратко, со многими пропусками, умолчав о самом главном. Можно ли поверить тому, что все дорогостоящие затеи опричнины — организация опричного войска, выделение особых владений царя и пр. — имели целью устранение из думы пятерых бояр?

Давний спор о целях и назначении опричнины невозможно решить без новых источников и фактов. Перед исследователем открыты два пути. Он может обнаружить в архивах неизвестный ранее пласт архивных документов. Применительно к русскому Средневековью такие находки очень редки. Вражеские нашествия и пожары безжалостно уничтожили почти все древние русские архивы. Поиски архивных документов требуют упорного труда. При этом нет никакой уверенности, что труд принесет плоды.

Другой путь — новые интерпретации известных ранее

документов. Те, кто избрал этот путь, могут рассчитывать на серьезные открытия, если им удастся разработать новые методы критики источников, не одинаковые для разных видов документов.

На оценку опричнины решающим образом повлияли два открытия: во-первых, находка в архивах поземельных кадастров и, во-вторых, реконструкция исчезнувшего опричного архива (см. ниже главу о Синодике опальных).

Исход архивных разысканий зависит не только от меры затраченного труда, но также от интуиции и удачи. Самое важное — найти путеводную нить, верное направление поиска. Можно провести в архиве полжизни и ничего не обнаружить. Чаще всего верный путь помогают найти противоречия, обнаруженные в источнике.

В официальном летописном отчете об учреждении опричнины сказано, что после казни изменников царь «положил опалу» на некоторых дворян и детей боярских, «а иных сослал в вотчину свою в Казань на житье з женами и з детми».

Никаких пояснений насчет того, кем были жертвы царского гнева, попавшие в ссылку, в источнике нет. Дети боярские составляли основную массу дворянского сословия. Какое значение могла иметь ссылка неких детей боярских? Глухое летописное известие не привлекло особого внимания исследователей. Однако интуиция подсказывала, что летописец сознательно умолчал об известных ему фактах.

Первые же находки подтвердили возникшее подозрение. Книги Разрядного приказа сохранили следующую запись: «Того же году (1565) послал государь в своей государевой опале князей Ярославских и Ростовских и иных многих князей и дворян… в Казань на житье…» Разрядная книга определенно утверждает, что жертвой опричных выселений стали не обычные дворяне, а титулованная знать. Но подобно летописи, Разрядные книги отличаются редким лаконизмом.

Наука немыслима без специализации. Ее бремя ощущают не только физики или математики, но и историки. Одни изучают политическую историю, для чего обращаются к летописям и запискам иностранцев. Другие занимаются аграрной историей, исчисляют размеры пашни, крестьянские дворы и оброки. Каждый поневоле замыкается в своем круге источников.

Поиски были безуспешными, пока не выходили за рамки традиционного круга источников. Но однажды мне в голову пришла несложная мысль: не следует ли поискать в архивах поземельные кадастры, никогда не привлекавшиеся для исследования политической истории? Мысль пришла в самое

неподходящее время, во время путешествия на байдарках по озеру Селигер. Стояла невыносимая жара. Но на озерных плесах и на извилистых протоках посреди зеленых лужаек веяло прохладой.

Идея не давала покоя. Она заставила прервать путешествие, сложить рюкзак и отправиться в Москву, в архивы. Поиски на первых порах не дали никаких результатов. И все же обращение к архиву принесло ожидаемые плоды.

Перед исследователем лежали писцовые книги Казанского края — древние манускрипты в кожаных переплетах, источенных временем. Чернила на их страницах выцвели, и прочесть их было затруднительно. Первым сюрпризом была дата, помеченная в книге, — 7073 г. от сотворения мира. То было время учреждения опричнины — 1565 г. от Рождества Христова. Это означало, что казанские книги были составлены в прямой связи с исполнением царского указа о ссылке опальных дворян на дальнюю восточную окраину государства.

Листая книгу, я смог составить полный и точный список лиц, сосланных опричниками в Казанский край в 1565 г. Я чувствовал примерно то же, что и Али-Баба, попавший в пещеру сокровищ.

Достоверность поземельного кадастра не вызывала ни малейшего сомнения. Казанские писцы строго запротоколировали имена опальных князей и детей боярских, «которых государь послал в свою вотчину в Казань на житье» и велел наделить казанскими поместьями. Следуя писцовым книгам, можно заключить, что в ссылку попали примерно 180 лиц. Около двух третей ссыльных носили княжеский титул. А это значит, что опричные санкции имели в виду не дворян вообще, а верхи княжеской аристократии.

Один из самых осведомленных писателей XVI в., Джильс Флетчер, живо описал меры, с помощью которых Грозный подорвал влияние удельно-княжеской знати после учреждения опричнины. Суть этих мер, по словам английского посла, состояла в том, что царь завладел всеми наследственными имениями и землями княжат, а взамен дал им на поместном праве земли, которые находились на весьма далеком расстоянии и в других краях государства.

Власти не пожелали обременять себя заботами о содержании ссыльных и по этой причине решили наделить их землями в местах поселения на восточной окраине. Присланный из Москвы окольничий Никита Борисов произвел в 1565–1566 гг. описание всех наличных земель Казанского края, включая земли татарские, чувашские, мордовские и земли дворца. Распределением поместий ведала местная администрация, во главе которой

Грозный поставил самых знатных и влиятельных лиц из числа ссыльных.

Члены семьи Куракиных, управлявшие Казанским краем, были в глазах Грозного неблагонадежными лицами и потому подверглись опале в первую очередь. Главный казанский воевода боярин князь Иван Куракин был схвачен сразу же после учреждения опричнины и насильственно пострижен в монахи. Его родной брат боярин Петр Куракин был снят с поста главного воеводы Смоленска и отправлен на воеводство в Казань вместе с братом Григорием Куракиным.

1 мая 1566 г. царь объявил о прощении опальных, но Куракиным было отказано в праве вернуться в Москву: «В Казани остались воеводы годовать, и поместья у них не взяты казанские». Князей Петра и Григория Куракиных продержали на окраине 10 лет, после чего князь Петр Куракин был вызван в Москву и казнен. Итак, вопреки всем сомнениям Грозный передал управление Казанским краем в руки опальных, которые сами должны были заниматься распределением казанских поместий.

Главные воеводы Казанского края — опальные бояре князья Петр Куракин и Андрей Катырев-Ростовский — при поместном «окладе» в 1000 четвертей пашни смогли получить не более 120–130 четвертей пашни и перелога (заброшенной пашни). Прочие княжата должны были довольствоваться еще меньшими поместьями. Некоторые дворяне были «испомещены всем родом». 12 князей Гагариных получили одно крохотное поместье на всех.

Архивные писцовые книги позволяют установить достоверные и полные списки казанских ссыльных. Но они не помогают ответить на более важный и никем не исследованный вопрос: что стало с земельным имуществом опальных? Источники дают основание заключить, что ссыльные дворяне получали казанские поместья взамен старых земельных владений, а не в дополнение к ним. Авторы официальной летописи определенно указывали на то, что ссылка дворян в Казанский край сопровождалась конфискацией их имущества. «А дворяне и дети боярские, — писал летописец, — которые дошли до государские опалы, и на тех (царь) опалу свою клал и животы их имал на себя».

Вновь найденные документы дают надежный ключ к решению загадки опричнины. Два учреждения играли исключительную роль в системе управления Русским государством: аристократическая Боярская дума и Государев двор. Двор был подобен пирамиде, на вершине которой стояли члены думы, ниже — «служилые» (удельные) князья и титулованная знать, занесенная в княжеские списки, наконец, нетитулованное старомосковское боярство. Кроме князя Владимира Старицкого,

все прочие «служилые» князья были потомками недавних выходцев из Литвы и других стран. Число их было совсем невелико, и среди русской коренной знати они оставались чужаками.

Несравненно большим политическим весом обладали потомки местных княжеских династий Владимиро-Суздальской земли, исчислявшиеся несколькими сотнями лиц. Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Стародубское княжества попали в орбиту московского влияния едва ли не со времен Дмитрия Донского. Их присоединение обошлось без кровавой борьбы, а потому местная княжеская знать избежала катастрофы, постигшей новгородскую боярскую знать. Она сохранила в своих руках значительную часть родовых земельных богатств.

Служба княжат определялась их землевладением. «Служилые» князья занимали высшие ступени иерархии, потому что владели великими удельными вотчинами. По тому же принципу формировались суздальские и оболенские княжеские списки. Особой привилегией службы при дворе по княжеским спискам пользовались исключительно или преимущественно те дворяне, которые сохранили родовые вотчины на территории некогда принадлежавших им великих и удельных княжеств. Князья, растерявшие родовые владения, переходили на службу в те уезды, где располагались их поместья и другие владения. Дворовые списки 1552–1562 гг. дают наглядное представление о том, какую долю родовых вотчин сохранила на пороге опричнины коренная русская титулованная знать. Ниже приведены данные о числе лиц, служивших по княжеским спискам (в скобках для сравнения приведены сведения о количестве дворян из тех же княжеских семей, служивших по уездам): Суздальские князья — 3(11); Ростовские — 18 (37); Ярославские — 83 (77); Стародубские — 35 (25); Оболенские — 56 (12). Итак, коренная княжеская знать продолжала сидеть крупными гнездами на родовых вотчинах в пределах некогда принадлежавших им княжеств, сохраняя тесные связи с местными землевладельцами, в свое время служившими их предкам.

Знать, сохранившая свои земли под властью Москвы и успешно служившая при московском дворе, не стремилась вернуться к раздробленности посредством расчленения государства на отдельные княжества и земли. Но могущественное боярство пыталось любой ценой сохранить власть, которой оно пользовалось в период раздробленности, а для этого надо было сохранить порядки, обеспечивавшие политическое господство и привилегии аристократии. Традиции раздробленности, господствовавшие на протяжении веков, не могли исчезнуть в

XVI в. мгновенно, и не было иных общественных сил — носителей этих традиций, кроме могущественной княжеской знати.

Американский историк Роберт Крами утверждает, что казанская ссылка не оказала значительного влияния на судьбы российского боярства, так как среди титулованных и нетитулованных ссыльных дворян только 21 человек принадлежал к аристократическим «кланам». Он исключает подавляющее большинство князей, казанских ссыльных, из состава аристократии. Это очевидное недоразумение. Крами тщательно классифицировал кланы, принадлежавшие к боярской элите в XVII в. Но положение московской аристократии в XVI в. было совсем иным. С начала XVII в. трон заняли Романовы, и суздальская знать утратила привилегии, определяемые родством с царствующей династией. Родовое землевладение этой знати подверглось дроблению.

Точное представление о российской аристократии времен Ивана Грозного дают подлинные документы Государева двора середины XVI в. К знати принадлежали прежде всего те кланы, которые проходили службу при дворе по княжеским спискам и были представлены в Боярской думе. Можно установить, что в середине XVI в. четыре княжеских дома (Суздальский, Ростовский, Ярославский и Стародубский) имели 17 представителей в Боярской думе. 142 дворянина служили по особым княжеским спискам, а всего по дворовым спискам служили 289 лиц из названных фамилий.

Сопоставление казанских книг и дворовых документов позволяет выявить истину. Опричные судьи отправили в Казань подавляющую часть ростовских князей, записанных в княжеский список, и лишь немногих из тех 30 лиц, которые служили по уездным спискам. Ссылке подверглись князья И. Ю. Хохолков (записан первым в княжеском списке), А. И. Катырев (записан вторым), И. Темкин и М. Темкин (их отец Г. И. Темкин записан третьим; в тексте имеется помета «почернен»); дети боярина Д. Ю. Темкин и И. Ю. Темкин, Н. Д. Янов и Ф. Д. Янов, И.Ф., В.Ф. и М. Ф. Бахтеяровы. Из числа записанных в княжеский список опалы и ссылки избежали лишь несколько человек, например семья Гвоздева-Приимкова. Против имени В. В. Волка-Приимкова в тексте сделана помета: «Почернены. Помечен в Торжек». Перевод в Торжок из Ростова не спас Волка, и он также был отправлен в ссылку.

Опричный суд, выборочно назначавший ростовским князьям меру наказания, по-видимому, учитывал такие признаки, как служба и землевладение. В ссылку попали многие из тех, кто имел право на думный чин или же преуспел по службе. На

поселение в Свияжск был отправлен боярин А. И. Катырев, который оставался единственным представителем Ростовского дома в Боярской думе накануне опричнины. Царский спальник И. Ю. Хохолков до ссылки занимал высокий пост наместника Нижнего Новгорода. В. Волк-Приимков служил воеводой в Мценске. Ссылке подверглись сыновья и племянники боярина Ю. Темкина, сын старицкого боярина В. Темкина, двое спальников Яновых, сын и племянник бывшего боярина С. Лобанова и др.

Гонения на членов Ярославского княжеского дома носили аналогичный характер. По указу 1565 г. в казанскую ссылку были сосланы следующие лица, проходившие службу в Государевом дворе по княжескому списку: Ф. И. Троекуров, А. Ф. Аленкин-Жеря, Ю. И. Сицкий, Д. Ю. Меньшой Сицкий, Д.В. и И. В. Чулков-Ушатый, С. Ю. Меньшой Ушатый, И. Г. Щетинин с братией (всего 7 человек), С. И. Баташев-Засекин, Ф. И. Засекин-Сосунов, А. П. Лобан Засекин-Солнцев, Д. В. Засекин-Солнцев, В. Д. Жирового-Засекин, А. И. Ноздрунов-Засекин, И. И. Черного-Засекин, Д. П. Засекин, М. Ф. Засекин. Меры в отношении Ярославского дома подтверждают выявленную особенность опричной политики. В Казань попали 37 князей Ярославских, их сыновей и братьев из фамилий, проходивших службу по княжеским спискам. Что же касается 77 князей, которые несли службу по городам, из них в ссылку отправились всего 7 человек.

Среди Ушатых князь С. Ю. Меньшой владел вотчиной в 8 тысяч четвертей пашни и мог вывести в поход 25 вооруженных слуг. В самом начале опричнины он был сослан в Казань, а все его земли конфискованы в казну.

Очень крупные вотчины были конфискованы у князей Сицких. Один из них, Д. Ю. Меньшой Сицкий, владел до опричнины вотчиной в 4800 четвертей пашни. После ссылки в Казань он также расстался со своими владениями.

В дворовых документах 1550–1561 гг. числились примерно 60. Стародубских князей, из которых 35 проходили службу по княжеским спискам. Ссыльнопоселенцами стали по крайней мере 14 лиц, поименованных в стародубском княжеском списке.

Княжеские списки Дворовой тетради, подтверждавшие право суздальской знати, ближайшей родни правящей династии, на исключительные привилегии, стали своего рода проскрипционными списками. Это превращение можно объяснить, обратившись к переписке Грозного и Курбского. В письме Курбскому, написанному на пороге опричнины, Иван утверждал, что по вине его советников Боярская дума отказала монарху в повиновении, причем ответственность за это несли не

одни бояре, но и некие дети боярские. Сильвестр с Адашевым, писал Иван IV, мало-помалу «всех вас бояр в самоволство нача приводити, нашу же власть с вас (бояр. — *Р.С.*) снимающе и в супротисловие вас (бояр. — *Р.С.*) приводяще и честию вас мало не с нами ровняюще, молотчих же детей боярских с вами честью уподобляюще, и тако помалу сотвердися сия злоба».

Как истолковать сетования царя по поводу возвышения «молотчих» детей боярских? Подразумевать в этом случае под «молотчими» мелкопоместных уездных детей боярских невозможно, потому что никому не могло прийти в голову равнять их честью с боярами. Очевидно, государь имел в виду верхушку Государева двора, детей боярских из знатнейших семей, записанных в княжеские списки. Они почти сравнялись с боярами честью, а значит, ограничили монаршую власть. За эту провинность они должны были понести наказание. История казанской ссылки доказывает это с полной очевидностью.

Опричные репрессии обезглавили не только Боярскую думу, но и другой важнейший институт в системе русской монархии — Государев двор. Царь сослал в Казань как раз тех «молодших» (по отношению к Боярской думе) детей боярских, которые стояли ступенью ниже думных людей и несли службу по особым княжеским спискам. Лица, занесенные в эти списки, занимали высшие воеводские посты, получали кормления, крупные денежные и поместные оклады, наконец, думные чины в первую очередь. В княжеских списках фигурировала первостатейная знать.

Сведения об опричных репрессиях и Государевом дворе проясняют вопрос о характере и целях опричнины в момент ее учреждения.

Казнь боярина Александра Горбатого-Суздальского, зачисление Суздальского уезда в опричнину, конфискация вотчин у суздальских землевладельцев и ссылка в Казань ростовских, ярославских и стародубских князей не оставляют сомнений в том, на кого обрушила опричнина самый тяжкий удар.

Среди старомосковской знати более всего пострадали три знатные фамилии: Шереметевы, Морозовы и Головины. Но Шереметевы подверглись гонениям до опричнины. Боярина Владимира Васильевича Морозова опричники уморили в тюрьме. Видный воевода Андрей Шеин-Морозов, его родня Михаил Шеин и Петр Шестов-Морозов отправились в опале в Казанский край. Окольничий Петр Головин был казнен, а его племянник Иван Головин попал в казанскую ссылку. Аналогичной была участь окольничего Михаила Лыкова, воеводы Якова Данилова и нескольких других знатных дворян.

Старомосковская знать численностью превосходила суздальскую. Но от указа о казанской ссылке она пострадала несравненно меньше.

Учреждая опричнину, Иван IV преследовал четко выраженную политическую цель — ввести в стране самодержавные порядки, утвердить свою неограниченную власть. Если главный удар опричнины пал на голову суздальской знати, то это значит, что именно она ограничивала власть монарха в наибольшей мере.

Объединение русских земель вокруг Москвы привело суздальских князей на московскую службу. Покинув великие и удельные престолы, князья собрались в Москве, чтобы управлять Русской землей вместе со своей «братией» — московскими князьями. Суздальская знать находилась в прямом родстве с правящей династией: их общим предком был владимирский великий князь Всеволод Большое Гнездо. Суздальские князья далеко разошлись в своем родстве, и в их среде постоянно царили раздор и соперничество. Но всех их объединяло сознание своих исключительных политических прав. Младшая «братия» московских государей, полная зависти к правящей династии, плотной стеной окружала трон. Политические притязания и могущество суздальской знати внушали царю наибольшие опасения. Именно по этой причине опричнина при своем учреждении имела отчетливо выраженную антикняжескую направленность.

Имела ли казанская ссылка всеобъемлющий характер? Установленные автором количественные данные не дают оснований для такого вывода. В самом деле, в составе Государева двора служили около 300 представителей суздальской знати, тогда как в ссылку попало менее трети. Иван Грозный не помышлял о том, чтобы полностью избавиться от своей меньшой братии. Однако с помощью опричных конфискаций царь старался подорвать родовое землевладение суздальских князей и тем самым покончить с их исключительным влиянием.

Некогда Иван III подверг опале новгородских бояр и сослал их в московские города. Иван IV лишил родовых и прочих земель около 80–90 семей опальных княжат и попытался превратить их в мелких казанских помещиков — опору царской власти в неспокойном инородческом Казанском крае. Таким образом, опальные были сохранены для царской службы.

Указ об опричнине предусматривал конфискацию «животов» (имущества) у опальных ссыльных. Очевидцы (Таубе и Крузе) подтверждают, что опричники грабили опальные семьи, а затем увозили их в ссылку. Соседи-землевладельцы спешили вывезти из опальных имений крестьян. Лишившись господ, княжеские гнезда

разорялись и пустели. Катастрофа была столь велика, что никакие дальнейшие амнистии и частичный возврат родовых земель опальным князьям не могли ликвидировать ее последствий.

Согласно данным официальной летописи, при учреждении опричнины были публично казнены пятеро. По размаху эти репрессии никак не соответствовали военным приготовлениям опричнины. Сколь бы влиятельными ни были казненные люди, царь мог уничтожить их без разделения государства и учреждения опричной гвардии. Факты, относящиеся к казанской ссылке, позволяют объяснить парадокс. Особая вооруженная сила понадобилась царю в тот момент, когда он замыслил осуществить широкую конфискацию княжеских земель. Власти сознавали, что незаконное с точки зрения традиций отчуждение вотчин — без суда, без всякой провинности со стороны землевладельцев — вызовет сильнейшее негодование, и готовились подавить противодействие знати вооруженной рукой.

До поры до времени Грозный преследовал в думе сторонников удельного князя Владимира Старицкого, но не трогал его самого. К концу первого года опричнины Грозный мог торжествовать победу над суздальской знатью. Трудности были позади, и ничто не мешало самодержцу вмешаться в жизнь брата, возможного претендента на царский трон. Подданным был преподан еще один урок. Если государь имел право беспрепятственно забирать в казну родовые вотчины Суздальских князей, то он мог на основании чрезвычайных полномочий проделать то же самое в отношении удела князя Владимира.

В январе — марте 1566 г. специальная земская боярская комиссия во главе с конюшим Иваном Федоровым-Челядниным произвела «обмен» наследственного Старицкого удельного княжества на новые владения. Грозный постарался придать мене почетный характер. В XIV в. князья из династии Калиты жаловали Звенигород с уездом старшему из удельных сыновей. В 1566 г. князь Владимир Андреевич получил Звенигород, но с одной-единственной звенигородской волостью. Иван III благословил второго сына, Юрия, городом Дмитровом. Князь Владимир Старицкий получил взамен удельной столицы Старицы город Дмитров с уездом.

Иван IV передал брату Стародуб Ряполовский, некогда бывший фамильным владением князей Стародубских.

При учреждении опричнины царь забрал в опричнину «митрополичи места» вместе с конфискованным у Старицких старым двором в Кремле. В 1566 г. он пожаловал брата и «веле ему ставить двор на старом месте, подле митрополича двора». В

придачу князь Владимир получил «дворовое место», конфискованное у главы думы Мстиславского. Князь Владимир вернул себе старое подворье по той причине, что Грозный решил ставить себе «опричный двор» (каменный замок) напротив земского Кремля — за Неглинной.

Войско удельного князя перестало существовать в прежнем виде. На территории вновь образованного удела государевы помещики численно превосходили удельных детей боярских.

Земский собор

Ливонская война то затихала, то вспыхивала с новой силой. В нее оказались втянуты почти все Прибалтийские государства. Ситуация осложнилась, но царь и его советники не отступили от своих планов. Русская дипломатия попыталась создать антипольскую коалицию с участием Швеции и Англии. Проект был осуществлен лишь частично. Царь нашел союзника в лице шведского короля Эрика XIV.

Шведский монарх обладал разнообразными способностями и получил прекрасное образование. Как и Грозный, он увлекался музыкой. Король страдал психическими отклонениями. Его заболевание приобрело значительно более резкие черты, чем у царя. Эрик страдал приступами безумия, во время которых его участие в управлении становилось невозможным.

В судьбах Ивана IV и Эрика XIV было много общего. Оба пытались сокрушить свою знать. Царь действовал, опираясь на опричников, Эрик XIV пытался сохранить видимость законности и казнил до 300 знатных вельмож, дворян и чиновников с помощью высшего королевского суда. Столкнувшись с внутренними трудностями, Эрик заключил военный союз с Россией, направленный против Польши.

Литва и Польша стремились избежать войны с Россией и Швецией одновременно. Еще до заключения русско-шведского союза в Москву прибыло великое польское посольство. Послы предлагали заключить перемирие на условиях статус-кво, Москва же требовала уступки России морского порта Риги. Переговоры зашли в тупик. Тогда правительство экстренно созвало в Москве Земский собор, в состав которого вошли члены Боярской думы, духовенство, многочисленные представители дворянства, приказные люди и богатые купцы. Его члены высказались против «уступки» ливонских земель и заверили правительство в том, что готовы пойти на новые жертвы ради окончательного завоевания Ливонии.

Земские соборы как форма сословного представительства возникли задолго до опричнины, но по иронии судьбы первые представительные соборы созваны были после ее учреждения. Членами собора 1566 г. были 205 представителей знати и дворян и 43 дьяка и подьячих. Никто из них не был избран, а все получили назначение от правительства. Решающее влияние на деятельность собора оказала знать: помимо членов Боярской думы, почти половина участников собора, заседавших в дворянских куриях, принадлежала к высшей титулованной и

старомосковской аристократии. Среднее дворянство представлено было на соборе примерно 160–170 лицами, зато мелкое провинциальное почти полностью отсутствовало.

Созыв представительного учреждения в Москве связан был с финансовыми затруднениями правительства, которое желало добиться от земщины согласия на введение новых налогов. С помощью собора царь надеялся переложить на плечи земщины все военные расходы, все бремя Ливонской войны. Соображения подобного рода заставили правительство пригласить на совещание купеческую верхушку — официальных представителей «третьего сословия». На долю купцов приходилась пятая часть общего числа членов собора, но они составляли низшую курию.

Казалось бы, мрачные времена опричнины менее всего благоприятствовали расцвету хрупкого цветка — сословного представительства на русской почве. Но это имеет объяснение. Развитие соборной практики связано было с поисками политического компромисса.

Весна 1566 г. принесла с собой долгожданные перемены. Опричные казни прекратились, власти объявили о «прощении» опальных. По ходатайству руководителей земщины царь Иван вернул из ссылки удельного князя Михаила Воротынского и пожаловал ему старую «отчизну» — удельное княжество с укрепленными городами Одоевом и Новосилем. 1 мая в Казань прибыл гонец, объявивший ссыльным «государево жалованье». Грозный «простил» большую часть опальных княжат и дворян и милостиво позволил им вернуться в Москву. Эта уступка, впрочем, носила половинчатый характер: в Казани были оставлены на поселении самые влиятельные из ссыльных. Как бы то ни было, амнистия привела к радикальному изменению опричной земельной политики. Казна вынуждена была позаботиться о земельном обеспечении вернувшихся из ссылки княжат и взамен утраченных ими родовых вотчин стала отводить им новые земли. Но земель, хотя бы примерно равноценных княжеским вотчинам, оказалось недостаточно. И тогда сначала в отдельных случаях, а потом в более широких масштабах казна стала возвращать родовые земли, заметно запустевшие после изгнания их владельцев в Казань: По существу, опричным властям пришлось отказаться от курса, взятого при учреждении опричнины. Земельная политика опричнины быстро утрачивала свою первоначальную антикняжескую направленность. Объяснялось это тем, что конфискация княжеских вотчин вызвала противодействие знати, а монархия не обладала ни достаточной самостоятельностью, ни достаточным аппаратом насилия, чтобы длительное время проводить политику, идущую вразрез с

интересами могущественной аристократии. К тому же, с точки зрения властей, казанское переселение достигло основной цели, подорвав могущество суздальских княжат.

Ослабление княжеской знати неизбежно выдвигало на политическую авансцену слой правящего боярства, стоявший ступенью ниже. К нему принадлежали старомосковские боярские семьи Челядниных, Бутурлиных, Захарьиных, Морозовых, Плещеевых. Они издавна служили при московском дворе и владели крупными вотчинами в коренных московских уездах. Некогда они занимали первые места в думе, но затем вынуждены были уступить позиции титулованной знати. Затерявшись в толпе княжат, старые слуги московских государей тем не менее удержали в своих руках важнейшие отрасли управления — Конюшенный и Казенный приказы, Большой дворец и областные дворцы. После учреждения опричнины руководство земщиной практически перешло в их руки. Формально земскую думу возглавляли князья Бельский и Мстиславский, но практически делами земщины управляли конюший И. П. Челяднин-Федоров, дворецкий Н. Р. Юрьев и казначеи. По случаю отъезда царя столица была передана в ведение семибоярщины, в которую входили Иван Челяднин, Василий Данилов и другие лица.

Руководители земщины оказались в сложном положении. Роль, отведенная им опричными временщиками, явно не могла удовлетворить их. Грубая и мелочная опека со стороны опричной думы, установившийся в стране режим насилия и произвола неизбежно вели к новому конфликту между царем и боярством.

Опричные земельные перетасовки причинили ущерб тем земским дворянам, которые имели поместья в Суздале и Вязьме, но не были приняты на опричную службу. Эти дворяне потеряли земли «не в опале, а с городом вместе». Они должны были получить равноценные поместья в земских уездах, но власти не обладали ни достаточным фондом населенных земель, ни гибким аппаратом, чтобы компенсировать выселенным дворянам утраченные ими владения. Земских дворян особенно тревожило то обстоятельство, что царь в соответствии с указом мог в любой момент забрать в опричнину новые уезды, а это неизбежно привело бы к новым выселениям и конфискациям. Земщина негодовала на произвольные действия Грозного и его опричников. Учинив опричнину, повествует летописец, царь «грады также раздели и многих выслаша из городов, кои взял в опричнину, и из вотчин и ис поместий старинных… И бысть в людех ненависть на царя от всех людей…».

Старомосковское боярство и верхи дворянства составляли самую широкую политическую опору монархии. Когда эти слои

втянулись в конфликт, стал неизбежен переход от ограниченных репрессий к массовому террору. Но весной 1566 г. подобная перспектива не казалась еще близкой. Прекращение казней и уступки со стороны опричных властей ободрили недовольных и породили повсеместно надежду на отмену опричнины. Оппозицию поддержало влиятельное духовенство. 19 мая 1566 г. митрополит Афанасий сложил сан и удалился в Чудов монастырь. Официальная точка зрения сводилась к тому, что владыка решил уйти в отставку «за немощью велию». Однако эта версия вызывает большие сомнения. С 29 апреля по 28 мая государь уезжал из Москвы. Почему глава церкви ушел в монастырь в его отсутствие, иначе говоря, без его разрешения и благословения?

Доверие монарха к духовнику поколебалось после того, как тот выступил с протестом по поводу казней летом 1564 г., а затем отказался лично ехать в Слободу после отречения самодержца в январе 1565 г.

Грозный поспешил в столицу и после совета с земцами предложил занять митрополичью кафедру Герману Полеву, казанскому архиепископу. Рассказывают, что Полев переехал на митрополичий двор, но пробыл там всего два дня. Будучи противником опричнины, архиепископ пытался воздействовать на царя «тихими и кроткими словесы его наказующе». Когда содержание бесед стало известно членам опричной думы, те настояли на немедленном изгнании Полева с митрополичьего двора.

Поведение Афанасия, а равно Германа Полева делало честь церкви. Руководство церкви всеми силами старалось предотвратить надвигавшуюся катастрофу. Бояре и земщина были возмущены бесцеремонным вмешательством опричников в церковные дела. Распри с духовными властями, обладавшими большим авторитетом, поставили царя в трудное положение, и он должен был пойти на уступки в выборе нового кандидата в митрополиты. В Москву был спешно вызван игумен Соловецкого монастыря Филипп (в миру Федор Степанович Колычев). Филипп происходил из очень знатного старомосковского рода и обладал прочными связями в боярской среде. Его выдвинула, по-видимому, та группировка, которую возглавлял конюший Иван Челяднин и которая пользовалась в то время наибольшим влиянием в земщине. Соловецкий игумен состоял в отдаленном родстве с конюшим. Как бы то ни было, с момента избрания в митрополиты Филипп полностью связал свою судьбу с судьбой боярина Челяднина. Колычев был хорошо осведомлен о настроениях земщины и по прибытии в Москву быстро сориентировался в обстановке. В его лице земская оппозиция

обрела одного из самых деятельных и энергичных вождей. Колычев изъявил согласие занять митрополичий престол, но при этом категорически потребовал распустить опричнину. Поведение соловецкого игумена привело Грозного в ярость. Царь мог бы поступить с Филиппом так же, как и с архиепископом Германом. Но он не сделал этого, понимая, что духовенство до крайности раздражено изгнанием Полева. На исход дела повлияло, возможно, и то обстоятельство, что в опричной думе засел двоюродный брат Колычева. 20 июля 1566 г. Филипп вынужден был публично отречься от своих требований и обязался «не вступаться» в опричнину и в царский «домовной обиход» и не оставлять митрополию из-за опричнины. Вслед за тем Колычев был посвящен в сан митрополита.

Множество признаков указывало на то, что выступления Полева и Колычева не были единичным явлением и что за спиной церковной оппозиции стояли более могущественные политические силы. По крайней мере два источника различного происхождения содержат одинаковые сведения о том, что в разгар опричнины земские служилые люди обратились к царю с требованием об отмене опричного режима. Согласно московской летописи, царь навлек на свою голову проклятие земли «и биша ему челом и дата ему челобитную за руками о опришнине, что не достоит сему быти». По словам слуги царского лейб-медика Альберта Шлихтинга, в 1566 г. земцы обратились к царю с протестом против произвола опричных телохранителей, причинявших земщине нестерпимые обиды. Указав на свою верную службу, дворяне потребовали немедленного упразднения опричных порядков. Выступление служилых людей носило внушительный характер: в нем участвовали более 300 знатных лиц земщины, в том числе некоторые бояре-придворные.

Царь отклонил ходатайство земских дворян и использовал чрезвычайные полномочия, предоставленные ему указом об опричнине, чтобы покарать земщину. 300 челобитчиков попали в тюрьму. Правительство, однако, не могло держать в заключении цвет столичного дворянства, и уже на шестой день почти все узники получили свободу. 50 человек, признанных зачинщиками, подверглись торговой казни: их отколотили палками на рыночной площади. Нескольким урезали языки, а трех дворян обезглавили. Все трое казненных — князь Василий Пронский, Иван Карамышев и Крестьянин Бундов — незадолго до гибели участвовали в работе Земского собора.

Антиправительственное выступление дворян в Москве произвело столь внушительное впечатление, что царские дипломаты вынуждены были выступить со специальными

разъяснениями за рубежом. По поводу казни членов Земского собора они заявили следующее: про трех лихих людей «государь сыскал, что они мыслили над государем и над государскою землею лихо, и государь, сыскав по их вине, потому и казнити их велел». Такова была официальная тонка зрения. Требование земских служилых людей об отмене опричнины власти квалифицировали как покушение на безопасность царя и его «земли».

Новое выступление против опричнины имело одну характерную особенность. В нем не участвовала суздальская знать, напуганная казанской ссылкой и казнью А. Б. Горбатого. Протест исходил от земского руководства, выдвинувшегося после учреждения опричнины и лояльного в отношении опричнины. Власти не ожидали протеста с их стороны и не решились наказать главных действующих лиц. В итоге пострадали, помимо Пронского, незнатные дворяне Карамышев и Бундов. Члены двух названных фамилий были приняты в тысячу «лучших слуг», но значились среди детей боярских низшей статьи.

Филипп Колычев обладал неукротимым нравом. Его появление в столице благоприятствовало относительно мирному исходу дела. По-видимому, именно новый митрополит выхлопотал у царя помилование для подавляющего большинства тех, кто подписал челобитную грамоту. После недолгого тюремного заключения они были выпущены на свободу без всякого наказания. Сообщая обо всем этом, Шлихтинг сделал важную оговорку. По прошествии непродолжительного времени, замечает он, царь вспомнил о тех, кто был отпущен на свободу, и подверг их опале. Это указание позволяет уточнить состав земской оппозиции, выступившей на соборе, поскольку вскоре после роспуска собора многие из его членов действительно подверглись казням и гонениям. В числе их оказался конюший боярин И. П. Челяднин-Федоров. К началу опричнины конюший стал одним из главных руководителей земской думы. По свидетельству современников, царь призиавал его самым благоразумным среди бояр и вверял ему управление Москвой в свое отсутствие. На первом году опричнины Челяднин возглавил московскую семибоярщину, а позже от имени царя произвел размен и конфискацию Старицкого удельного княжества. Боярин был одним из самых богатых людей своего времени. Он отличался честностью и не брал взяток, благодаря чему его любили в народе. Можно проследить за службой Челяднина месяц за месяцем, неделю за неделей вплоть до роковых дней роспуска Земского собора, когда в его судьбе наступил решительный перелом. Конюшего отстранили от руководства

земщиной и отправили на воеводство в пограничную крепость Полоцк. Именно в этот момент польско-литовское правительство тайно предложило конюшему убежище, указывая на то, что царь желал над ним «кровопроливство вчинити». Участие конюшего в выступлении земских дворян против опричнины едва не стоило ему головы.

Власти были поражены масштабами земской оппозиции. Грозный давно не выносил возражений. Он должен был наконец отдать себе отчет в том, что все попытки стабилизировать положение путем уступок потерпели неудачу. Социальная база правительства продолжала неуклонно сужаться.

Попытки политического компромисса не удались. Надежды на трансформацию опричных порядков умерли, едва родившись. Но эпоха компромисса оставила глубокий след в политическом развитии России. Соборы впервые приобрели черты Земского собора. Члены собора пошли навстречу пожеланиям властей и утвердили введение чрезвычайных налогов. Однако взамен они потребовали от царя политических уступок — отмены опричнины.

Челобитье земских дворян разрушило все расчеты правительства. Новые насилия опричнины положили конец дальнейшему развитию практики земских соборов.

«Заговор» Федорова

После выступления членов собора власти не только не отменили опричнину, но и постарались укрепить ее изнутри. В самом начале 1567 г. царь забрал в опричнину Костромской уезд. Такой выбор объясняется достаточно просто. В этом уезде меры против «изменников» приобрели самый широкий размах. Первыми лишились земель в Костроме братья Адашевы, владельцы обширных костромских вотчин, а также их родня Ольговы, Путиловы и Туровы. Среди казанских поселенцев костромские дворяне составили одну из самых многочисленных групп. В их числе были Тыртовы, Сотницкие, Образцовы. Дворовым по Костроме числился князь Василий Рыбин-Пронский, казненный после выступления земских людей против опричнины в 1566 г.

Конфискованные в Костроме земли были использованы для испомещения опричников. Остававшиеся в уезде землевладельцы не вызывали подозрений, а потому правительство избежало массового выселения помещиков из нового опричного уезда. В результате «перебора людишек» примерно две трети местных дворян попали на опричную службу. Численность опричного охранного корпуса сразу увеличилась с 1000 до 1500 человек.

Правительство не только расширяло границы опричнины, но и с лихорадочной поспешностью укрепляло важнейшие опричные центры, строило замки и крепости. Сначала царь Иван задумал выстроить «особный» опричный двор внутри Кремля, но затем счел благоразумным перенести свою резиденцию в опричную половину столицы, «за город», как тогда говорили. В течение полугода на расстоянии ружейного выстрела от Кремля вырос мощный замок. Его окружали каменные стены высотою в три сажени. На воротах, обитых жестью, было два резных разрисованных льва. У одного льва раскрытая пасть была обращена в сторону земщины, у другого — внутрь опричного замка. Между львами стоял двуглавый черный орел. Еще три черных орла венчали шпили замка. У Государева двора не было башен, и его стены не имели бойниц. Надо вспомнить, что опричный двор был спроектирован в то время, когда Грозный задумал примириться с земщиной и готовился объявить общую амнистию. Полагают, будто опричный замок был построен по образу Града Божьего, а летящий орел, украшавший его, заключал эсхатологическую символику — грядущее адское наказание в дни Страшного Суда.

Отъезд главы государства из Кремля вызвал нежелательные

толки, ввиду чего Посольский приказ официально объявил, что царь выстроил себе резиденцию за городом для своего «государского прохладу». Если бы иноземцы вздумали говорить, что царь решил «разделиться» с опальными боярами, дипломаты должны были опровергнуть их и категорически заявить, что «делиться» государю не с кем.

Замок на Неглинной недолго казался царю надежным убежищем. В Москве он чувствовал себя неуютно. В его голове родился план основания собственной опричной столицы в Вологде. Там он задумал выстроить мощную крепость наподобие Московского Кремля. Опричные власти приступили к немедленному осуществлению этого плана. За несколько лет была возведена главная, юго-восточная стена крепости с десятью каменными башнями. Внутри крепости вырос грандиозный Успенский собор. Около 300 пушек, отлитых на московском Пушечном дворе, доставлены были в Вологду и свалены там в кучу. 500 опричных стрельцов круглосуточно стерегли стены опричной столицы.

Наборы дворян в опричную армию, строительство замка у стен Кремля, сооружение грандиозной крепости в лесном Вологодском крае в значительном удалении от границ и прочие военные приготовления не имели целью укрепление обороны страны от внешних врагов. Все дело заключалось в том, что царь и опричники боялись внутренней смуты и готовились вооруженной рукой подавить мятеж могущественных земских бояр.

Будущее не внушало уверенности мнительному самодержцу. Призрак смуты породил в его душе тревогу за собственную безопасность. Перспектива вынужденного отречения казалась все более реальной, и царь должен был взвесить все шансы на спасение в случае неблагоприятного развития событий. В частности, Иван стал подумывать о монашеском клобуке. Будучи в Кириллове на богомолье, царь пригласил в уединенную келью нескольких старцев и в глубокой тайне поведал им о своих сокровенных помыслах. Через семь лет царь сам напомнил монахам об этом удивительном дне. Вы ведь помните, святые отцы, писал он, как некогда случилось мне прийти в вашу обитель и как я обрел среди темных и мрачных мыслей «малу зарю» света Божьего и повелел неким из вас, братии, тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился, уйдя от мятежа и смятенья мирского; и в долгой беседе «аз, грешный» вам возвестил желание свое о пострижении: тут «возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душою, яко обретох узду помощи Божия своему невоздержанию и пристанище спасения».

Гордый самодержец пал в ноги игумену, и тот благословил его намерения. «И мне мнится, окаянному, что наполовину я уже чернец», — так закончил царь Иван рассказ о своем посещении Кириллова.

Грозный постарался убедить монахов в серьезности своих слов и тотчас пожертвовал им крупную сумму, с тем чтобы ему отвели в стенах обители отдельную келью. Келья была приготовлена немедленно.

Несмотря на все старания сохранить в тайне содержание кирилловской беседы, слухи о намерениях царя дошли до земщины и произвели там сильное впечатление. Влиятельным силам земщины пострижение Грозного казалось лучшим выходом из создавшегося положения. Они не питали более сомнений насчет того, что без удаления царя Ивана нечего думать об уничтожении опричнины.

Между тем литовцы готовились к новой кампании против России. Не надеясь сокрушить противника силой оружия, они строили расчеты на использовании его внутренних затруднений. Будучи осведомлены об усилившихся трениях между опричниной и земщиной, литовцы попытались ускорить выступление недовольных и обратились с тайными воззваниями к главным руководителям земщины — Челяднину, Бельскому, Мстиславскому и Воротынскому. Ввиду того что Воротынский по милости царя сидел в тюрьме (он только что получил свободу), литовцы возлагали на него особые надежды. Удельный князь должен был возглавить вооруженный мятеж. Король обязался прислать ему в помощь войска и передать во владение все земли, которые будут отвоеваны у царя. Чтобы ускорить дело, король послал в Россию в качестве лазутчика старого «послужильца» Воротынских Козлова, ранее бежавшего в Литву. Лазутчик пробрался в Полоцк, где находился Челяднин, и вручил ему письма.

Планы вооруженного мятежа в земщине были разработаны в мельчайших деталях. Но исход литовской интриги полностью зависел от успеха тайных переговоров с конюшим. Согласится ли опальный воевода использовать весь свой громадный авторитет для того, чтобы привлечь к заговору других руководителей земщины, или откажется принять участие в затеянной авантюре и выдаст лазутчика властям — этим определялись дальнейшие события. Воевода пограничной крепости мог без труда бежать в Литву, куда его настойчиво звал король. Но он не пожелал последовать примеру Курбского и, по-видимому, сам выдал царю лазутчика. Узнав о поимке шпиона, Грозный выехал из Вологды в столицу и занялся «розыском измены». Следствие обнаружило

отсутствие каких бы то ни было серьезных оснований для обвинения земских бояр в государственной измене. Спустя два месяца царь доверительно рассказал английскому послу Дженкинсону, что сначала он страшно разгневался на бояр, но потом решил не придавать никакого значения козням польского короля, желавшего возбудить подозрения и «вызвать обвинение различных его сановников в измене». Грозный не без оснований заключил, что автором изменнических писем к его боярам был эмигрант Курбский.

Полемика с Курбским, так взволновавшая царя накануне опричнины, оборвалась очень быстро. Теперь возникла возможность продолжить спор, и царь не захотел ее упустить. Он велел земским боярам писать ответ на тайные литовские грамоты и, по-видимому, сам приложил руку к их составлению. В посланиях прозвучали излюбленные идеи царя о происхождении московской династии от кесаря Августа, о божественной природе самодержавной власти наследственных, а не выборных московских государей. Главные бояре притворно соглашались принять литовское подданство и иронически предлагали королю поделить между ними всю Литву, чтобы затем вместе с королем перейти под власть «великого государя его царьского вольного самодерьжства», а уж Иван Васильевич «оборонит» их всех от турок и татар.

Без участия царя составлена была только грамота, подписанная Федоровым-Челядниным. Конюший избегал бранных выражений, которыми пестрели письма других бояр, и саркастически высмеивал попытки литовских панов вмешаться в русские дела. «Вам, пане, — писал он, — впору управиться со своим местечком, а не с Московским царством».

Обмен ругательными посланиями, кажется, не удовлетворил Грозного. Он решил отпустить в Литву лазутчика и через него на словах передать королю все, что осталось недосказанным в письмах. Но лазутчику не суждено было вернуться в Литву. Нечаянным нападением литовцы разгромили рать воеводы Петра Серебряного в 70 верстах от Полоцка. Поражение земских воевод произвело в Москве тягостное впечатление. От заносчивого настроения, сквозившего в «боярских» посланиях, не осталось и следа. Царь утратил интерес к бранчливой переписке с королем и, отложив перо, взялся за меч для вразумления соседа. Язвительные ответы так и не были отосланы литовцам, а лазутчика посадили на кол.

Опричная дума вернулась к прежним насильственным методам правления страной, но в ее политике наметились признаки неуверенности и слабости. Неосторожными и

двусмысленными речами в Кириллове царь дал богатую пищу для всевозможных толков, ободривших оппозицию. Всем памятно было первое отречение Грозного, и потому главным предметом споров в земщине стал вопрос, кто займет трон в случае, если царь оденется в монашескую рясу. Противники царя не желали видеть на троне 13-летнего наследника царевича Ивана, при котором отец мог в любой момент вновь взять бразды правления в свои руки. После наследника наибольшими правами на престол обладал Владимир Андреевич, внук Ивана III. Этот слабовольный и недалекий человек казался боярам приемлемым кандидатом. Они рассчитывали при нем вернуть себе прежнее влияние на дела государства.

Иван IV давно не доверял брату и пытался надежно оградить себя от его интриг. Он заточил в монастырь его волевую и энергичную мать, отобрал у брата родовое Старицкое княжество. Родственники княгини Евфросиньи были изгнаны из Боярской думы. Один из них, боярин Петр Щенятев, ушел в монастырь, но его забрали оттуда и заживо поджарили на большой железной сковороде. Боярина Ивана Куракина постригли в монахи, Петра Куракина сослали на восточную окраину. Не случайно именно этих бояр летописные приписки изображали самыми решительными заговорщиками.

Опричные гонения покончили с партией сторонников Старицкого в Боярской думе. Теперь князь Владимир еще меньше, чем прежде, мог добиться царского титула при поддержке одних только своих приверженцев. В большей мере судьба короны зависела от влиятельного боярства, возглавлявшего земщину. В периоды междуцарствий управление осуществляла дума, представителями которой выступали старшие бояре думы — конюшие. По традиции конюшие становились местоблюстителями до вступления на трон нового государя. Не мудрено, что раздор между царем и боярами и слухи о возможном пострижении государя не только вызвали призрак династического кризиса, но и поставили в центр борьбы фигуру конюшего Челяднина-Федорова. Благодаря многочисленным соглядатаям Грозный знал о настроениях земщины и о нежелательных толках в думе. В свое время он сам велел включить в официальную летопись подробный рассказ о заговоре бояр в пользу князя Владимира, который завершался многозначительной фразой: «И оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимером Ондреевича, а в боярех смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость». После Земского собора «смута и мятеж в боярех» приобрели более грозный, чем прежде, размах. Опасность смуты носила, видимо, реальный

характер, поскольку опричная политика возбудила общее недовольство.

Слухи о заговоре в земщине не на шутку пугали царя Ивана, и он стал подумывать об отъезде с семьей за границу. Подобные мысли приходили ему на ум и прежде, но теперь он перенес дело на практическую почву. В первых числах сентября 1567 г. Грозный вызвал в опричный дворец английского посланника Дженкинсона. Свидание окружено было глубокой тайной. Посол явился переодетым в русское платье. Его проводили в царские покои потайным ходом. Из всех советников Грозного один только Афанасий Вяземский присутствовал на секретном совещании. Поручения царя к английской королеве были столь необычны, а их разглашение чревато такими осложнениями, что посланнику запретили делать хоть какие-нибудь записи. Царь приказал Дженкинсону устно передать королеве «великие дела тайные», но посланник ослушался и по возвращении в Лондон составил письменный отчет о беседе с царем. Как следует из отчета, царь просил королеву предоставить ему убежище в Англии «для сбережения себя и своей семьи… пока беда не минует, Бог не устроит иначе». Грозный не желал ронять свое достоинство и настаивал на том, чтобы договор о предоставлении убежища носил обоюдный характер, но дипломатическая форма соглашения не могла никого обмануть. Несколько лет спустя царь напомнил англичанам о своем обращении к ним и сказал, что поводом к этому шагу было верное предвидение им изменчивого и опасного положения государей, которые наравне с низшими людьми «подвержены переворотам».

Тайные переговоры с английским двором недолго оставались секретом. Благодаря частым поездкам английских купцов в Россию слухи о них проникли в столицу. В провинции они приобрели и вовсе фантастический характер. Псковский летописец записал, что некий злой волхв (английский еретик) подучил царя избить еще уцелевших бояр и бежать в «аглинскую землю». Малодушие Грозного вызвало замешательство опричников, понимавших, какая судьба им уготована в случае его бегства. Земские служилые люди, жаждавшие упразднения опричнины, охотно верили любым благоприятным слухам.

Между тем Грозный занят был своими военными планами. С наступлением осени он собрал все военные силы для нового вторжения в Ливонию. Поход начался, как вдруг царь отменил его и на перекладных помчался в Москву. Причиной внезапного отъезда было известие о заговоре в земщине.

Сведения о заговоре противоречивы и запутанны. Многие современники знали о нем понаслышке. Но только двое — Генрих

Штаден и Альберт Шлихтинг — были очевидцами.

Штаден несколько лет служил переводчиком в одном из земских приказов, лично знал главу «заговора» конюшего Челяднина и пользовался его расположением. Осведомленность его относительно настроений земщины не вызывает сомнений. По словам Штадена, у земских лопнуло терпение, они решили избрать на трон князя Владимира Андреевича, а царя с его опричниками истребить и даже скрепили свой союз особой записью, но князь Владимир сам открыл царю заговор и все, что замышляли и готовили земские.

Шлихтинг, подобно Штадену, также служил переводчиком, но не в приказе, а в доме у личного медика царя. Вместе со своим господином он посещал опричный дворец и как переводчик участвовал в беседах доктора с Афанасием Вяземским, непосредственно руководившим расследованием заговора. Шлихтинг располагал самой обширной информацией, но он, дважды касаясь вопроса о земском заговоре, дал две взаимоисключающие версии происшествия. В своей записке, озаглавленной «Новости», он изобразил Челяднина злонамеренным заговорщиком, а в более подробном «Сказании» назвал его жертвой тирана, не повинной даже в дурных помыслах.

Историки заимствовали из писаний Шлихтинга либо одну, либо другую версию в зависимости от своей оценки опричнины. Какой же из них следует отдать предпочтение? Ответить на этот вопрос можно лишь после исследования обстоятельств, побудивших Шлихтинга взяться за перо. Свои «Новости» беглец продиктовал сразу после перехода русско-литовской границы. Он кратко изложил наиболее важные из известных ему сведений фактического порядка. Все это придает источнику особую ценность. «Сказания» были написаны автором позже по прямому заданию польского правительства.

Войтех (Альберт) Шлихтинг был польским шляхтичем из известной дворянской фамилии. Он служил в войсках Сигизмунда II и попал в плен к русским в 1564 г. С 1568 г. он попал в опричнину как слуга лейб-медика.

Происхождение Шлихтинга помогло ему завоевать доверие польских властей. Оценив осведомленность шляхтича насчет московских дел, королевские чиновники решили использовать его знания в дипломатических акциях против России.

Папа римский направил к царю посла с целью склонить его к войне с турками. Король задержал папского посла в Варшаве и, чтобы отбить у него охоту к поездке в Москву, велел вручить ему «Сказания» Шлихтинга. Памфлет был переслан затем в Рим и произвел там сильное впечатление. Папа велел немедленно

прервать дипломатические сношения с московским тираном. Оплаченное королевским золотом сочинение Шлихтинга попало в цель. В соответствии с полученным заданием Шлихтинг всячески чернил царя и не останавливался перед прямой клеветой. В «Сказаниях» он сознательно фальсифицировал известные ему факты о заговоре Челяднина. Но, не желая вовсе жертвовать истиной, Шлихтинг незаметно для посторонних глаз попытался опровергнуть собственную ложь. При описании новгородского погрома он мимоходом бросил многозначительную фразу: «И если бы польский король не вернулся из Радошкович и не прекратил войны, то с жизнью и властью тирана все было бы покончено». Это замечание, рассчитанное на невнимательного читателя, не имело никакого отношения к новгородскому походу, зато оно непосредственно касалось заговора Челяднина.

Осенью 1567 г. польский король Сигизмунд II собрал в белорусском местечке Радошковичи большую армию. Едва ли он рассчитывал разгромить царское войско в большом сражении. Литовские лазутчики доносили, что трон царя шаток, а недовольство бояр велико. Военная демонстрация на границе могла подтолкнуть к решительным действиям тех, кто не желал более терпеть опричные беззакония.

Слова Шлихтинга неопровержимо доказывают, что и в «Сказаниях» он не отступил от первоначальной версии о заговоре в земщине.

Историков давно занимал вопрос: мнимые или подлинные заговоры лежали у истоков опричного террора? Два современника, непосредственных очевидца событий, единодушно, как теперь выяснено, свидетельствовали в пользу подлинности заговора. Но можно ли доверять их словам? Не следует ли прежде выяснить, какими источниками информации пользовались эти очевидцы? Ответить на поставленный вопрос не так уж и трудно. И Шлихтинг, и Штаден служили в опричнине и черпали сведения в опричных кругах, где взгляд на события был подчинен предвзятой и сугубо официозной точке зрения.

Опричные судьи утверждали, будто заговорщики подписали письменный контракт или договор. Однако в определении содержания «контракта» свидетели расходились. По Штадену, недовольные намеревались посадить на трон князя Владимира Андреевича. Шлихтинг утверждал, что бояре заключили договор с целью выдачи Ивана IV королю. Подробности насчет того, что Старицкий, Бельский и Мстиславский посетили Федорова и взяли у него списки заговорщиков, относятся, по-видимому, к области вымыслов. Названные лица находились в разных местах.

Неофициальная летопись земского происхождения сообщала иную версию. Ее авторы в отличие от опричников утверждали, что форменного заговора в земщине не было, что вина земцев сводилась к неосторожным разговорам: недовольные земские люди «уклонялись» в сторону князя Владимира Андреевича, лихие люди выдали их речи царю и недовольные «по грехом словесы своими, погибоша».

Выяснить, где кончались крамольные речи и начинался подлинный заговор, никогда не удастся. Историк в состоянии воссоздать ход событий лишь предположительно. Недовольные исчерпали легальные возможности борьбы с опричниной. Преследования убедили их, что царь не намерен отменить опричный режим. Тогда они втайне стали обсуждать вопрос о замене Грозного на троне. Рано или поздно противники царя должны были посвятить в свои планы единственного претендента, обладавшего законными правами на трон, князя Владимира Андреевича. Последний, оказавшись в двусмысленном положении, попытался спастись.

Иван IV тщательно готовился к военной кампании, которая должна была решить судьбу Ливонии. Появление крупной неприятельской армии у него на фланге расстроило все планы. Донос Старицкого окончательно осложнил ситуацию.

Во время похода в Ливонию князь передал царю разговоры, которые вели в его присутствии недовольные бояре. Царь увидел в его словах непосредственную для себя угрозу, начало боярской крамолы, которой он боялся и давно ждал. Вероятно, показания князя Владимира не отличались большой определенностью и не могли служить достаточным основанием для обвинения Челяднина. Популярность конюшего в думе и в столице была очень велика, и Иван решился отдать приказ о его казни только через год после «раскрытия» заговора.

По свидетельству Шлихтинга, князь Владимир помог опричникам заполучить список участников заговора якобы из рук самого Федорова-Челяднина. Более вероятно, что список был составлен на Пыточном дворе в опричнине. В ходе начавшегося розыска опричники взыскали с конюшего огромную денежную контрибуцию и сослали его в Коломну. Многие его «сообщники» были тотчас же казнены. Начался трехлетний период кровавого опричного террора. Под тяжестью террора умолкли московские летописи. Грозный затребовал к себе в Слободу текущие летописные записи и черновики и, по-видимому, не вернул их Посольскому приказу/ Опричнина положила конец культурной традиции, имевшей многовековую историю. Следы русского летописания затерялись в опричной Александровской слободе.

Террор

В истории опричнины настала кровавая пора, о которой сохранилось мало достоверных сведений. Историки вынуждены обращаться к крайне тенденциозным мемуарам и запискам иностранцев о России. Самые осведомленные из этих авторов служили в опричнине, потом бежали за рубеж. Там они старались привлечь к себе внимание обширными проектами сокрушения «варварской Московии» и леденящими душу рассказами о злодеяниях московского тирана. Скудость русских источников затрудняет критику баснословий иностранцев.

Изучение опричного террора затруднено и полной гибелью опричных архивов. Следы этих архивов, однако, можно обнаружить в некоторых документах тех лет, в частности, в одном из самых загадочных источников XVI в. — Синодике, или поминальном списке опальных Ивана Грозного.

История составления Синодика вкратце такова. Незадолго до смерти царь велел монахам молиться «во веки веков» за всех казненных им людей. «Прощения» заслужили «изменники», самое имя которых было предано забвению и десятки лет находилось под строгим запретом. По приказу Грозного был составлен подробный список «убиенных», копии которого были затем разосланы по всем монастырям. Руководствуясь полученным приказным списком («государскими книгами», «государевой царевой грамотой»), монастырские власти внесли имена опальных в свои Синодики. Ни одного подлинника «государских книг» 80-х годов не сохранилось, или, во всяком случае, они не разысканы до настоящего времени. А уцелевшие монастырские выписки лишь отдаленно напоминали приказной список. Монахам не приходило в голову точно скопировать «государские книги», весьма мало пригодные для поминальных целей. В них сплошь и рядом были означены не христианские имена, а прозвища казненных и иногда лишь их общее число. С точки зрения церковных правил поминать безымянных людей было бессмысленно. Но монахи, боясь царского гнева, все же молились за них, снабжая молитву ссылками на вездесущего Бога: «Помяни, Господи, 1505 человек, а имена их ты сам, Господи, веси (знаешь)». Чаще всего старцы выписывали в свои поминальные книги имена опальных, опуская при этом фамилии и различные, не относящиеся к делу подробности казней.

Синодик давно привлекал внимание историков, но до С. Б. Веселовского никто не исследовал его в источниковедческом плане. Веселовский первым высказал предположение, что в

основе Синодика лежал «приказной список», составленный на основании судных дел и разосланный царем по монастырям. Это наблюдение осталось не более чем догадкой. Веселовский констатировал, что копии Синодика настолько расходятся между собой, что свести их воедино и восстановить «приказной список» не представляется возможным. Отказавшись от поиска особых источниковедческих приемов, историк выстроил список опальных в алфавитном порядке. Препарированный таким способом источник перестал существовать как цельный исторический документ. Его загадка осталась нерешенной. В итоге Веселовский в общей оценке Синодика не пошел далее своих предшественников. «…Мы имеем в дошедших до нас списках Синодика, — писал он, — не хронологический и не полный список казненных, а весьма неполный перечень лиц, погибших за весь период массовых казней, длившийся более 15 лет. Перечень этот был составлен не в порядке событий, а задним числом, наскоро, по разным источникам».

Составление алфавитного списка привело к тому, что предположение о приказном происхождении Синодика было забыто, а работы над этим источником прекращены на несколько десятилетий.

Поставив целью реконструировать Синодик, я принужден был начать работу сначала и очень скоро оказался в тупике. Подлинники, разосланные по обителям, погибли. Сохранившиеся копии были изготовлены после смерти Грозного. При еженедельных поминаниях Синодики очень быстро ветшали и приходили в негодность. Странички Синодиков оказывались разорванными, многие из них были утеряны. Но главная беда заключалась в ином. В разных монастырях были утеряны разные страницы, а уцелевшие куски были перемешаны самым причудливым образом. Не обращая внимания на путаницу, монахи копировали испорченные списки. Их копии подвергались новым порчам, и в таком виде их снова переписывали. В некоторых монастырях иноки произвольно сокращали текст Синодика или же выделяли имена важных в их глазах опальных (вкладчиков монастыря и пр.), после чего переписывали имена остальных убиенных.

Итак, сопоставление копий дало обескураживающие результаты. Лучшие, наиболее полные списки решительно расходились между собой. Протограф ускользал из рук, едва начинали вырисовываться его контуры. Ключ к реконструкции утраченного оригинала дало наблюдение, связанное с судьбой казненной Матрены и ее детей. Выяснилось, что в разных Синодиках Матрена с чадами фигурирует в окружении одних и

тех же лиц, записанных до и после Матрениной семьи. Появилось предположение, что совпадающие куски текста являются осколками оригинала «приказного списка», уцелевшими, несмотря на все утраты листов и их копирование в неверном порядке.

Поиски в архивах позволили обнаружить десяток неизвестных ранее списков Синодика. Подавляющая часть Синодиков относилась к XVII в., но есть Синодики XVIII и XIX вв. Понадобилось время, чтобы выявить сходные отрывки текста в двадцати известных копиях поминальных книг, каждая из которых заключала несколько тысяч имен.

Самым трудным и неразрешимым был вопрос: в каком порядке выявленные «осколки» располагались в затерянном оригинале? Найти решение помог единственный список Синодика, восходивший ко времени Ивана Грозного. Он был составлен в стенах нижегородского Печерского монастыря. Власти обители завели поминальную книгу в 1552 г. и продолжали пополнять ее до смерти Ивана IV. На последних листах книги были записаны имена опальных.

Исследователи обращались к нижегородскому печерскому списку. Но никто из них даже не подозревал, какое сокровище попало им в руки. Иначе и быть не могло. Использовать печерский список не было ни малейшей возможности. Для поминания усопшего достаточно было назвать его имя. Такой порядок сложился в Древней Руси, когда люди не носили фамилий. Следуя церковным правилам, печерские монахи выписали из полученной ими «грамоты царевой» одни имена казненных людей, опустив прочие подробности. Составленная ими поминальная книга поражает скудостью своего содержания. Это однообразный перечень имен «ведомых Богу людей»: «Помяни, Господи, Ивана, Петра, Анну, Семена» и так далее. Дело усугубляется тем, что более половины опальных носили имя Иван, и в некоторых местах поминали двух или трех Иванов сразу. Понятно, почему исследователи пренебрегли ценнейшим текстом.

Печерский список оказался бесценным сокровищем. Он полностью подтвердил результаты предшествующей источниковедческой работы: выявленные по всем другим спискам тождественные отрывки текста строго соответствовали печерскому тексту. Последний стал своего рода канвой, позволившей восстановить рисунок.

Появилась возможность придать первоначальный порядок осколкам разбитой и перемешанной мозаики. В тех случаях, когда приходилось иметь дело с простой перестановкой страниц,

выявление ошибки требовало лишь времени и внимания. Прочесть некоторые «зашифрованные» Синодики было значительно труднее.

Среди всех монастырских списков наибольшие отличия характерны для трех списков московского Богоявленского монастыря. Порядок имен в них был совсем иным, чем в Печерском и других синодиках. Пройти мимо Богоявленских синодиков было невозможно: по числу раскрытых фамилий опальных они далеко превосходят все остальные списки. Использование этих уникальных Синодиков стало возможным лишь после того, как удалось разгадать метод копирования, употребленный богоявленским монахом-переписчиком. Списывая текст, монах разбил его на отрывки (возможно, они соответствовали отдельным страницам Синодика). Из каждого отрывка он выписывал имена опальных выборочно, затем возвращался к началу отрывка и копировал все оставшиеся имена. Схематически конструкцию богоявленских списков можно изобразить следующим образом:

Печерский список

А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М

Богоявленский список

1) А, Б, Д, Ж, З, К,

2) В, Г, Е, И, Л, М

Порядок имен внутри каждого отрывка сохранялся, но в «разреженном» виде. При новых копированиях в XVII–XVIII вв. некоторые листы попали не на место, что усугубило путаницу имен. Однако, поскольку шифр был раскрыт, текст Богоявленских синодиков удалось «проявить».

Понадобились годы, прежде чем многие тысячи опальных нашли каждый свое место на страницах толстых конторских книг. Реконструированные тексты монастырских списков были записаны отдельными столбцами, один подле другого. Сличение списков позволило заключить, что в основе всех текстов лежала одна и та же «государева грамота». Монастырские списки пестрели ошибками, но поскольку переписчики ошибались каждый по-своему, оказалось возможным исправить их. Так был восстановлен первоначальный «приказной список» опальных Ивана Грозного.

Уже после того, как реконструкция текста Синодика была завершена, в архивах Финляндии нашли Синодик Валаамского монастыря начала XVII в. По-видимому, его скопировали с дефектного списка, в котором были утрачены крупные фрагменты текста. Синодик дает одни имена. Исключены все безымянные поминания и поминания лиц с прозвищами, без молитвенных

имен, а равно все подробности казней. Невзирая на утраты и мелкие искажения, Валаамский синодик в уцелевших отрывках воспроизводит имена «убиенных» в том же порядке, что и Синодик нижегородского Печерского монастыря. Таким образом, вновь открытый Синодик подтверждает истинность реконструкции.

На втором этапе работы источник преподнес исследователю новые сюрпризы. Задача заключалась в том, чтобы на основании всех архивных и прочих документов установить, когда погибли лица, внесенные в Синодик. Удивлению моему не было предела, когда все очевиднее стало то, что опальные записаны на страницах «приказного списка» в четкой хронологической последовательности. На первых страницах фигурируют лица, погибшие в конце 1567 г., далее — в марте 1568 г., 6 июля и 11 сентября того же года, ниже — в январе, апреле и октябре 1569 г., в январе 1570 г. и т. д.

Кому и зачем понадобилось выстраивать «убиенных» в хронологической последовательности? История составления Синодика позволяет ответить на недоуменный вопрос.

Грозный поручил составление поминальной книги своим дьякам, открыв перед ними дверь секретных опричных архивов. Дьяки, боясь в чем-нибудь отступить от строгого приказа, выписывали подряд имена казненных из подлинных судных документов и отчетов опричников, сохраняя их терминологию, а нередко также и подробности о месте и обстоятельствах расправ. Порядок и полнота составленных таким способом списков определялись сохранностью опричных материалов и последовательностью их обработки дьяками, которые, переходя от документа к документу, писали опальных в том порядке, в каком их упоминали судные дела. Реконструкция Синодика позволила установить, что его составители добросовестно проштудировали материалы главного политического процесса периода террора — дела о заговоре Владимира Андреевича. Этот процесс тянулся три года (1567–1570), и на основании его был составлен почти весь Синодик — более 9/10 его объема. По Делу Старицкого опричники казнили примерно 3200 человек из общего числа (3300) записанных в Синодике лиц.

Дьяки старательно законспектировали «дело» конюшего Федорова. Их выписки располагались в строго хронологическом порядке. Затем они перешли к самому объемистому из судных дел — делу князя Владимира и новгородским документам. В этом разделе допущен ряд отступлений от хронологического принципа. По-видимому, дьяков торопили, и они стали работать в четыре руки. В результате их выписки из документов о казни

Старицких и о новгородском походе попали в сводном тексте Синодика не на место. Поскольку порядок имен внутри выписок не изменен, определение их места в Синодике не вызывает больших затруднений. Работа над вторым списком жертв новгородского похода и его продолжением — псковским списком, а также над более поздним по времени московским материалом велась в прежнем порядке, без всякого отступления от хронологии.

Материалы, относящиеся к делу Старицкого (1567–1570) и второму «изданию» опричнины (1575), хранились в опричном архиве в должном порядке. Что же касается других документов о казнях, то некоторые из них, как видно, затерялись в архиве, и дьяки не использовали их при составлении «приказного списка». В Синодик не попали сведения о казни князя Андрея Шуйского (1543), Кубенского и Воронцовых (1546), Шишкина (1563), об умерщвлении Никиты Шереметева (1564), Шевырева (1565), князя Рыбина-Пронского (1566), князя Михаила Воротынского (1573). Пропуски Синодика носят закономерный характер: если в «приказном списке» пропущен некий судебный процесс, то в списке опальных пропущены все связанные с этим делом лица. Исключение составляют записи, относящиеся к 1565 и 1571–1572 гг.

В целом пропуски Синодика незначительны. Вопреки заключению С. Б. Веселовского «приказной список» отличался большой полнотой. Приказные люди, «законспектировавшие» опричные судные дела, и не подозревали, что после гибели опричных архивов их конспекты послужат бесценным материалом для историков.

В некоторых списках Синодика подробному тексту предпослан краткий перечень опальных, насчитывающий 75 имен самых знатных из «убиенных». Краткий список был разослан по монастырям в 7090 (1582) г., подробный — в 7091 (1582–1583) г. Сличение текстов обнаруживает, что краткий Синодик был экстрактом «приказного списка», с небольшими отступлениями от последнего. По непонятным причинам составители краткого Синодика пропустили имена нескольких бояр (Басманова и Яковлевых), а в конце приписали двух бояр, отсутствующих в «приказном списке».

Опричный архив исчез. Он сгорел, был уничтожен или сгнил в подземных тайниках. Казалось бы, никакая сила не может его восстановить. Однако новейшие методы источниковедения позволили решить задачу. Реконструированный Синодик — своего рода конспект утраченного опричного архива. Деяния опричнины описаны в этой кровавой летописи бесстрастно и

точно, день за днем, месяц за месяцем. Документ дает ключ к эпохе массового террора в России.

Многолетние споры о целях и результатах опричного террора близятся к концу.

…Царь был озабочен тем, чтобы оправдать бесславное окончание похода в Ливонию в конце 1567 г. Причиной отмены похода было выставлено расстройство посошной службы. Податное население — «сохи» выставляли людей, которые служили в обозе армии и волокли пушки. Ведал посошными людьми дьяк Казарин Дубровский, известный взяточник. Он не обеспечил своевременной доставки пушек на границу.

Царь велел подобрать жалобы на дьяка. Дубровский был уличен в злоупотреблениях и казнен. В царском Синодике опальных ему посвящена такая запись: «Казарина Дубровской, да 2 сына его, да 10 человек, которые приходили на пособь». Вслед за тем Грозный взялся за дворян, скомпрометированных доносом Старицкого. Опричники казнили двоюродного дядю князя Владимира Андреевича и некоторых других лиц. Как видно, дядя неосторожно намекал племяннику на возможность перехода власти в его руки.

Начавшиеся казни вызвали резкий протест со стороны высшего духовенства. Митрополит Филипп посетил царя и долго беседовал с ним наедине. Убедившись в тщетности увещеваний, он выждал момент, когда царь со всей своей свитой явился на богослужение в кремлевский Успенский собор, и при большом стечении народа произнес проповедь о необходимости упразднить опричнину. Кремлевский диспут кратко и точно описан новгородским летописцем: 22 марта 1568 г. «учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовати о опришнины». Диспут нарушил благочиние церковной службы и имел неблагоприятный для Грозного исход. Не получив от митрополита благословения, царь в ярости стукнул посохом оземь и пригрозил митрополиту, а заодно и всей земле суровыми карами. «Я был слишком мягок к вам, но теперь вы у меня взвоете!» — будто бы произнес он. На другой день о столкновении царя с митрополитом говорила вся столица. Церковь пользовалась большим авторитетом как среди власть имущих, так и в беспокойных низах. Народ не оставался безучастным свидетелем происходившего.

Речи митрополита наиболее подробно изложены в «Житии митрополита Филиппа» и в «Записках» Таубе и Крузе, написанных на 20–30 лет раньше «Жития». Сопоставление этих источников не оставляет сомнений в их достоверности. По существу, митрополит обратился к монарху с теми же требованиями, что и

земские бояре после собора 1566 г. Он просил прекратить кровопролитие и упразднить опричнину, «твоя бо есть едина держава». Филипп молил государя, но также грозил ему Страшным Судом: «Мы приносим жертву Господеви чисту и безкровну, за тебя, государя, Бога молим, а за олтарем неповинна кровь лиется християнская и напрасно умирают»; ты, государь, благочестив, но почему «неправедная дела творити»; «суд сотвори праведен и истин, а оклеветающая сыщи и обличи»; «О царю, свете, сиречь православна вседержавный наш государь, умилися, разори, государь, многолетное свое к миру негодование, призри милостивно, помилуй нас, своих безответных овец»; «Аще, государь, не велиши престати от сея крови и обиды, взыщет сего Господь от руки твоее».

Протест Филиппа был симптомом окончательного падения престижа царя в земщине. Приспешники Грозного настоятельно убеждали его пустить в ход насилие, поскольку в обстановке острого внутреннего кризиса всякое проявление слабости могло иметь катастрофические для властей последствия.

Филипп нарушил клятву «не вступаться в опричнину» и должен был понести наказание. Опричники схватили митрополичьих бояр и забили их насмерть железными палицами, водя по улицам Москвы.

В Синодике убиенных записаны митрополичьи старцы Леонтий Русинов, Никита Опухтин и др. Рядом с ними на страницах Синодика фигурируют ближние люди и слуги конюшего Челяднина. Раздор с митрополитом побудил царя отдать давно подготовленный приказ о расправе с «заговорщиками».

В соответствии с официальной версией конюший Федоров-Челяднин готовился произвести переворот с помощью своих многочисленных слуг и подданных, будто бы посвященных в планы заговора. Не мудрено, что опричники подвергли вооруженную свиту конюшего и его челядь беспощадному истреблению. Царские телохранители совершили несколько карательных походов во владения Челяднина. Записи Синодика позволяют восстановить картину первых опричных погромов во всех деталях. Ближние вотчины конюшего разгромил Малюта Скуратов. Заслуги палача были оценены должным образом, и с этого момента началось его быстрое возвышение в опричнине. После разгрома ближних вотчин настала очередь дальних владений. Челяднин был одним из богатейших людей своего времени. Ему принадлежали обширные земли в Бежецком Верху, неподалеку от Твери. Туда царь явился собственной персоной со всей опричной силой. При разгроме боярского двора

«кромешники» посекли боярских слуг саблями, а прочую челядь и домочадцев согнали в сарай и взорвали на воздух порохом. Об этих казнях повествует следующая документальная запись Синодика: «В Бежецком Верху отделано Ивановых людей 65 человек да 12 человек скончавшихся ручным усечением».

Погром не прекращался в течение нескольких месяцев — с марта по июль. Летом опричники подвели своеобразный итог своей деятельности со времени раскрытия «заговора». «Отделано 369 человек и всего отделано июля по 6-е число» (1568), — читаем в Синодике. Примерно 300 человек из указанных в «отчете» были боярскими слугами и холопами. Они погибли при разгроме вотчин.

Кровопролитие обострило конфликт между царем и церковью. Следуя примеру митрополита Афанасия, Филипп в знак протеста против действий царя покинул свою резиденцию в Кремле и демонстративно переселился в один из столичных монастырей. Однако в отличие от своего безвольного предшественника Колычев отказался сложить сан митрополита.

Открытый раздор с главой церкви ставил Грозного в исключительно трудное положение. Он вынужден был удалиться в Слободу и заняться там подготовкой суда над Филиппом. Опричные власти поспешили вызвать из Новгорода преданного царю архиепископа Пимена, а затем направили в Соловки особую следственную комиссию, состоявшую из опричников и духовных лиц. Комиссия произвела розыск о жизни Филиппа в Соловецком монастыре и с помощью угроз и подкупа принудила нескольких монахов выступить с показаниями, порочившими их бывшего игумена. Состряпанное комиссией обвинение оказалось все же столь сомнительным, что самый авторитетный член комиссии епископ Пафнутий отказался подписать его. Противодействие епископа грозило сорвать суд над Филиппом. Исход дела должно было определить теперь обсуждение в Боярской думе, многие члены которой сочувствовали Колычеву.

Конфликт достиг критической фазы. В такой обстановке Грозный решил нанести думе упреждающий удар. 11 сентября 1568 г. Москва стала свидетелем казней, зафиксированных Синодиком: «Отделано: Ивана Петровича Федорова; на Москве отделаны Михаил Колычев да три сына его; по городам — князя Андрея Катырева, князя Федора Троекурова, Михаила Лыкова с племянником». Отмеченные Синодиком репрессии против членов Боярской думы по своему размаху немногим уступали первым опричным казням. На эшафот разом взошли старший боярин думы И. П. Челяднин-Федоров, окольничие М. И. Колычев и М. М. Лыков, боярин князь А. И. Катырев-Ростовский.

Согласно официальной версии, с которой Шлихтинг ознакомился в опричнине, у конюшего Федорова было 30 сообщников. В кратком Синодике опальных находим ровно 30 знатных лиц и видных дьяков, казненных в промежуток времени между началом розыска по делу Федорова и убийством главы «заговора». Совпадение цифр подтверждает осведомленность Шлихтинга.

При разгроме «заговора» Челяднина пролилось значительно больше крови, чем в первые месяцы опричнины. На основании записей Синодика можно установить, что с конюшим погибло до 150 дворян и приказных людей и вдвое большее число их слуг и холопов.

Как правило, следствие проводилось в строгой тайне и смертные приговоры выносились заочно. Осужденных убивали дома или на улице, на трупе оставляли краткую записку. Таким способом преступления «заговорщиков» доводились до всеобщего сведения.

Репрессии носили в целом беспорядочный характер. Хватали без разбора друзей и знакомых Челяднина, уцелевших сторонников Адашева, родню находившихся в эмиграции дворян и т. д. Побивали всех, кто осмеливался протестовать против опричнины. Недовольных было более чем достаточно, и они вовсе не хотели молчать. Записанный в Синодик дворянин Митнев, будучи на пиру во дворце, бросил в лицо царю дерзкий упрек: «Царь, воистину яко сам пиешь, так и нас принуждаешь, окаянный, мед, с кровию смешанный братии наших… пити!» Тут же во дворце он был убит опричниками. Вяземский дворянин Митнев имел основания протестовать против произвола опричнины. Он был выслан из своего уезда в начале опричнины и лишился земельных владений.

Невозможно поверить тому, что все казненные были участниками единого заговора. Подлинные сторонники Старицкого, названные в летописных приписках, уже покинули политическую сцену. Что же касается Челяднина, то он в 1553 г. выступал противником князя Владимира. Окольничий Михаил Колычев также доказал свою лояльность в деле Старицких. Недаром он был послан в Горицкий монастырь для надзора за Евфросиньей тотчас после ее пострижения.

Обвинения насчет связей с «крамольным» князем Владимиром служили не более чем предлогом для расправы с влиятельными боярами, способными оказать реальное сопротивление опричной политике. Пытки открыли перед властями путь к подтверждению вымышленных обвинений. Арестованных заставляли называть имена «сообщников».

Оговоренных людей казнили без суда. Исключение было сделано только для конюшего Ивана Федорова и Михаила Колычева. Но их судили ускоренным судом. Царь собрал в парадных покоях Большого Кремлевского дворца членов думы и столичное дворянство и велел привести осужденных. Конюшему он приказал облечься в царские одежды и сесть на трон. Преклонив колена, Грозный напутствовал несчастного иронической речью: «Ты хотел занять мое место, и вот ныне ты, великий князь, наслаждайся владычеством, которого жаждал!»

Шлихтинг, Таубе и Крузе одинаково свидетельствуют, что экзекуцию начал сам царь, ударивший боярина ножом. По приказу самодержца земские и опричники, присутствовавшие в зале, стали наносить новые удары по телу, даже когда он перестал подавать признаки жизни. Впервые царь своей рукой покарал «изменника» и, более того, принудил придворных участвовать в публичной расправе.

Труп убитого протащили за ноги по всему Кремлю на площадь и бросили, на всеобщее поругание в навозную яму на берегу Неглинной.

Главным сообщником Федорова был назван окольничий Михаил Колычев, разделивший его участь. Вместе с ним были убиты трое его сыновей.

Фарс, устроенный в Кремле, и вымыслы по поводу того, что конюший домогался короны, показали, что опричному правительству не удалось доказать выдвинутые против него обвинения.

Синодик опальных позволяет впервые точно установить круг лиц, казненных по делу о заговоре конюшего Федорова. В числе их были Василий Колычев, Игнатий Заболоцкий, земский казначей Хозяин Тютин, видные земские дьяки Иван Выродков, Иван Бухарин, Казарин Дубровский, стрелецкий голова Никита Казаринов. Царь постарался использовать дело о заговоре Федорова, чтобы возобновить репрессии против бывших казанских ссыльнопоселенцев. Головы лишились окольничий Михаил Лыков с племянником. Лыков был воеводой в Казани, откуда его перевели в Нарву. Были убиты знатный воевода Андрей Шеин-Морозов с сыном Григорием, Алексей Шеин, дворяне Заболоцкие.

В связи с делом о заговоре Федорова погибли Василий Борисов-Бороздин (двоюродный дядя князя Владимира Старицкого, побывавший в казанской ссылке), Иван Колычев и Федор Образцов, ранее служившие в уделе князя Владимира.

Репрессии 1568 г. затронули титулованную знать. Но главный удар опричнина обрушила на старомосковское боярство,

которому царь после учреждения опричнины вверил управление земщиной.

Гибель Челяднина решила судьбу Филиппа. Вернувшаяся с Соловков следственная комиссия представила боярам материалы о порочной жизни митрополита. Оппозиция в думе была обезглавлена, и никто не осмелился высказать вслух своих сомнений. Послушная воле царя, земская Боярская дума вынесла решение о суде над главою церкви. Чтобы запугать Филиппа, царь послал ему в монастырь зашитую в кожаный мешок голову окольничего М. И. Колычева, его троюродного брата. Филиппа судили в присутствии Боярской думы и высшего духовенства. На соборном суде главным свидетелем обвинения выступил соловецкий игумен Паисий, бывший ученик Филиппа, которому за предательство обещали епископский сан. Филипп отверг все обвинения и попытался прекратить судебное разбирательство, объявив о том, что слагает с себя сан по своей воле. Но царь отказался признать отречение Колычева. Он не забыл пережитого унижения и желал скомпрометировать опального главу церкви в глазах народа.

Филипп принужден был служить службу после того, как соборный суд вынес ему приговор. В середине службы в Успенский собор ворвались опричники. При общем замешательстве Басманов огласил соборный приговор, порочивший митрополита. С Колычева содрали клобук, набросили разодранное монашеское одеяние. Святителя изгнали «из церкви яко злодея и посадиша на дровни, везуще вне града (из Кремля) ругающеся… и метлами биюще». Описанный эпизод дает представление о том, какую роль играл символ опричнины — метла. Битье метлой означало царскую опалу.

Признанный виновным в «скаредных делах», Колычев по церковным законам подлежал сожжению. Но Грозный заменил казнь вечным заточением в монастырской тюрьме.

Смолкли голоса недовольных в земщине. На страну опустилась мгла. Не только заговорщиков, но и всех заподозренных в сочувствии им постигла суровая кара. Вожди опричнины торжествовали победу. Но ближайшие события показали, что их торжество было преждевременным. Прошел год, и усиливавшийся террор поглотил не только противников опричнины, но и тех, кто стоял у ее колыбели.

Начало великого разорения

Со времени первых походов на Казань Российское государство вело войну на протяжении 20 лет почти беспрерывно. Мобилизации дворянского ополчения следовали одна за другой. Помещики должны были идти в походы «конно, людно и оружно». Служба требовала значительных денежных расходов, и дворяне вынуждены были перестраивать хозяйство. Они заводили барскую запашку и обрабатывали ее руками «страдных» холопов, увеличивали поборы с крестьян. Перемены в положении крестьян наглядно иллюстрируют новгородские «послушные грамоты». Составленные от имени царя, они обязывали крестьян повиноваться землевладельцам. Ранние грамоты предписывали крестьянам, чтобы они слушали помещика «во всем и доход ему денежный и хлебный и мелкой доход давали по старине, как есте давали прежним помещикам». Со временем «послушные грамоты» приобрели новый вид: «И вы бы все крестьяне… (помещика) слушали, пашню его пахали, где собе учинит, и оброк платили чем вам изоброчит». Некоторые исследователи связывали перемену формулы «послушной грамоты» с введением в Новгороде опричных порядков. В действительности новое положение вещей сложилось до того, как возникла новая формула. Уже со времени казанских походов помещики повсеместно приступили к пересмотру и повышению оброков.

Начавшийся упадок деревни встревожил правительство. Его чиновники многократно проводили в новгородских пятинах «дозоры» и «обыски» и исправно записывали «сказки» населения. В «сказках» крестьяне в один голос жаловались на непосильность и разорительность государевых податей.

В годы боярского правления новгородские крестьяне платили небольшую денежную подать и исполняли всевозможные натуральные повинности в пользу государства. С началом Казанской и особенно Ливонской войны государство многократно повышало денежные поборы с крестьян. Усиление податного гнета и помещичьей эксплуатации ставило мелкое крестьянское производство в крайне неблагоприятные условия. Но не только поборы были причиной той разрухи, которая наступила в стране в 70–80-х годах XVI в. Катастрофа была вызвана грандиозными стихийными бедствиями, опустошавшими страну в течение трех лет подряд. Неблагоприятные погодные условия дважды, в 1568 и 1569 гг., губили урожай. В результате цены на хлеб повысились к началу 1570 г. в 5–10 раз. Голодная смерть косила население городов и деревень. В дни опричного погрома Новгорода

голодающие горожане в глухие зимние ночи крали тела убитых людей и питались ими, иногда солили человеческое мясо в бочках. По словам очевидцев, в Твери от голода погибло втрое больше людей, чем от погрома. То же было и в Новгороде.

Вслед за голодом в стране началась чума, занесенная с Запада. К осени 1570 г. мор был отмечен в 28 городах. В Москве эпидемия уносила ежедневно до 600–1000 человеческих жизней. С наступлением осени новгородцы «загребли» и похоронили в братских могилах 10 000 умерших. Эпидемия не пощадила отдаленные северные и восточные окраины, захватив Вологду и Устюг. «На Устюзе на посаде, — записал местный летописец, — померло, скажут, 12 000, опроче прихожих, а попов осталось на посаде шесть». Мор продолжался целый год. Власти принимали драконовские меры, чтобы остановить эпидемию. На дорогах были выставлены воинские заставы. Всех, кто пытался выехать из мест, пораженных чумой, хватали и сжигали на больших кострах вместе со всем имуществом, лошадьми и повозками. В городах стража наглухо заколачивала чумные дворы с мертвецами и вполне здоровыми людьми. Все эти меры, однако, оказались малоэффективными.

Трехлетний голод и эпидемия принесли гибель сотням тысяч людей. Бедствие довершили опустошительные вторжения татар. Страна подверглась невиданному разорению. В Шелонской пятине Новгородской земли площадь обрабатываемых земель сократилась более чем вдвое. Некоторые погосты запустели полностью. Явившиеся туда писцы отмечали: «Про земли распросити в том погосте не у кого, потому что попов и детей боярских и крестьян нет». Началось массовое бегство крестьян на необжитые окраины государства.

Прошло два десятилетия с тех пор, как в России была создана приказная система управления. Иван IV принимал участие в ее организации. Он жаловал и приближал образованных и способных приказных людей, служивших ему верой и правдой. Но прошло два десятилетия, и положение изменилось.

Приказы не обеспечивали регулярного поступления в казну налогов. Причиной были не только разорение и недоимки. Значительную часть собранных денег разворовывали высшие чиновники, дьяки и подьячие.

В письме к Курбскому Грозный сетовал на то, что знатные бояре-правители расхитили драгоценности из сокровищницы его родителей.

Беглый стрелецкий голова (полковник) Тимофей Тетерин с откровенной насмешкой писал боярину Михаилу Морозову, что царь больше не верит знатным боярам, но зато у него есть новые

«верники» доверенные чиновники, дьяки, которые одной половиной собранных денег царя кормят, а другую «собе емлют».

Генрих Штаден лучше других иностранцев описал приказную практику: он получил в России поместье, держал корчму, и ему постоянно приходилось сталкиваться со сборщиками налогов и управителями.

Грозный отличил казначея Никиту Фуникова, имя которого как верного слуги упомянул в послании Курбскому. Но Генрих Штаден особо отметил, что казначеи Фуников и Тютин всячески утягивали от простонародья третью деньгу и «хорошо набили свою мошну». Дьяк Иван Булгаков-Коренев сидел в приказе Большого прихода. Сюда стекались доходы из разных городов и уездов. Серебряные деньги поступали и взвешивались так, что одна шестнадцатая веса оказывалась в утечке еще до записи их в ведомость, а при раздаче денег из приказа не хватало уже одной десятой. В других приказах, как свидетельствовал Штаден, «дело шло тем же порядком».

По происхождению приказные люди были разночинцами. Казна не желала тратить большие средства на содержание приказов, а потому платила дьякам небольшие оклады, а подьячим и писцам и вовсе нищенские. Неудивительно, что приказные чиновники спешили использовать полученные должности, чтобы обогатиться.

У дьяка Андрея Щелкалова дед был конским барышником, а отец поначалу был священнослужителем, а потом — дьяком. После многих лет службы Щелкаловы стали обладателями огромных богатств. Царь взыскал с Андрея Щелкалова штраф в 5000 рублей. Не все удельные князья располагали такими деньгами.

За два десятилетия приказная система обросла плотной коростой мздоимства и продажности. Ни одно дело не решалось без посулов и взяток. Вместе с приказами родилась знаменитая московская волокита.

В Поместном приказе, повествует Штаден, сидел дьяк Василий Степанов; он занимался раздачей поместий, половину нужно было у него выкупать, «а кто не имел чо дать, тот ничего не получал». В Разрядном приказе за взятку можно было откупиться от воинской службы. В Разбойном приказе сидел дьяк Григорий Шапкин. В его приказе убийца мог откупиться от наказания и вдобавок оговорить как соучастника богатого купца, чтобы заставить и его раскошелиться. «Так эти великие господа добывали себе деньги».

Даже в Челобитенном приказе, учрежденном для контроля за исполнением законов и восстановлением справедливости, заверку

на жалованных царских грамотах можно было получить только за деньги. Приказные любили присказку «рука руку моет».

В каждом приказе были два сторожа. Чтобы войти в приказную избу, надо было заплатить им деньги. У кого не было денег, просили пустить их Христа ради. Таких, отмечает Штаден, пускали в приказ.

Если взятка не удовлетворяла чиновника, он не принимал ее у просителя, и тот «оставался с носом» (подношением), а его дело откладывали на длительный срок.

Подсудимый, признанный виновным, мог добиться пересмотра судебного решения, вызвав противника на поединок. Имея деньги, он нанимал бойца или подкупал бойца противника. Победу в поединке приписывали воле Божьей. Так правый мог стать виноватым.

Штаден дал уничтожающую характеристику главным московским дьякам. И лишь о печатнике Иване Висковатом он не мог сказать ничего дурного, кроме того, что он был человеком гордым и по месяцу держал у себя грамоты, которые надо было скрепить государственной печатью.

Грозный прощал дьякам «худородство», но не прощал казнокрадства и «кривизны суда». Он примерно наказывал проворовавшихся чиновников и взяточников. Рассказывали, будто он велел предать самой мучительной казни — четвертованию — дьяка, взявшего в неправом деле взятку в виде жареного гуся, набитого серебряными монетами.

Показные строгости не помогали изжить лихоимство. Впрочем, в деятельности приказных государь видел худшие грехи, чем взятки и волокита. В глазах самодержца главным пороком новой системы управления было то, что приказы непосредственно подчинялись Боярской думе и служили для нее канцелярией.

В ходе розыска об измене конюшего Федорова были казнены знаменитый дьяк Иван Выродков, казначей Хозяин Тютин, несколько других высших приказных чинов. Грозный перестал видеть в приказных верных слуг и казнил их как пособников заподозренных в измене бояр. Тучи над головой высших приказных чинов стали сгущаться уже в 1568 г., но гром грянул лишь через два года.

Приказная система управления отвечала вновь возникшим историческим условиям. Однако она была очень далека от замысла идеального образца.

Казни приказных свидетельствовали о том, что Грозный перестал питать иллюзии по поводу предназначения и роли нарождавшейся в России бюрократии, принадлежавшей к самой образованной части общества.

Судьба княжат

Казнив Федорова-Челяднина, опричники обезглавили земское правительство. Однако земщина все еще располагала военными силами, многократно превосходившими опричный корпус. Это обстоятельство было предметом постоянной тревоги царя.

Историки много лет спорят, когда Грозный забрал в опричнину Ростов и Ярославль и были ли эти города опричными вообще. Недавняя архивная находка Ю. В. Анхимюка, по-видимому, может положить конец спорам. В рукописи XV–XVI вв. были обнаружены заметки летописного типа, повествующие о временах Грозного. Они размещены на чистых листах в конце объемистой книги духовного содержания. Твердый аккуратный почерк заметок свидетельствует о том, что их автор был грамотеем. На л. 231об. он сделал запись, важную с точки зрения атрибуции источника: «Биет челом государю пресвященному арьхискуп Никанъдру Ростовскому». Никандр умер 25 сентября 1566 г., а это значит, что автор затеял летописную работу ранее 1566 г. Обращение к Никандру наводит на мысль о принадлежности книжника к духовному чину. Рукопись с заметками хранилась в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря. Не был ли автор монахом этой обители?

Наибольший интерес представляют пять заметок, относящихся к 1568–1569 (7077–7078) гг. и связанных с опричниной. Одна из заметок гласила: «Лета 7070 седмаго геньваря в 21 день възял царь и государь княз велики Иван Васильевичь Ростов град и Яраславль в опришнину на память преподобнаго отца нашего Максима Исповедника». Факт перехода Ростова и Ярославля в опричнину подтвердили в своих «Записках» Таубе и Крузе, опричные советники Грозного.

Зачисление Ростова в опричнину непосредственно затронуло Кирилло-Белозерский монастырь. Ростовский владыка носил титул архиепископа Ростовского, Ярославского и Белозерского, и Кириллов находился в его ведении.

Внимание летописца к опричнине было обусловлено тем обстоятельством, что как раз в 1569 г. царь вместе со своим опричным окружением все лето провел в Вологде и посетил Кирилло-Белозерский монастырь, где пожертвовал братии 500 рублей на украшение отведенной ему на случай пострижения кельи.

Одна из летописных заметок была посвящена Смерти царицы Марии Черкасской, она появилась на свет, видимо, в связи с тем, что царица сопровождала мужа в Вологду и Кириллов и там

занемогла. Богомолье не принесло ей облегчения. Больную повезли из Вологды в Слободу, где она умерла осенью 1569 (7078) г. Летописец точно указал год смерти Марии. Ниже помещена запись о гибели царского брата князя Владимира «от государьские опалы царевы». И в этом случае книжник верно определяет дату смерти члена царской фамилии — осень 7078 г. Сделанные наблюдения подтверждают достоверность найденных летописных заметок.

Что побудило Грозного значительно расширить личные владения? Прежде всего он стремился укрепить военные силы опричнины. Опричные бояре провели в этих городах «перебор людишек», благодаря чему удельное воинство получило значительное подкрепление.

Другая цель была обусловлена возвратом опричного правительства к антикняжеской политике. Вместе с конюшим Федоровым опричники казнили в 1568 г. самых видных из казанских ссыльных: боярина князя Андрея Катырева-Ростовского и князя Федора Троекурова-Ярославского, князя Василия Волка-Ростовского, трех князей Хохолковых-Ростовских, князя Александра Ярославова-Ярославского, Данилу Сицкого-Ярославского, Данилу Ушатого Ярославского, князя Федора Сисеева-Ярославского, князя Михаила Засекина, Ивана Смелого Засекина и Семена Баташева Засекина.

Описанные казни и зачисление в опричнину Ростова и Ярославля сводили на нет результаты амнистии 1566 г. Однако преувеличивать значение новых выселений не следует.

Опричнина обострила земельный голод. Множество дворян лишились имений и стали добиваться компенсаций. Без земли они не могли нести службу. Уложение 1562 г. предписывало пускать конфискованные княжеские вотчины в поместную раздачу. В соответствии с Уложением власти успели раздать многие конфискованные у ссыльных княжат вотчины новым владельцам.

Возвратившимся из Казани лицам либо возвращали их родовые земли, либо предоставляли в виде компенсации вотчины в разных уездах государства. Новые выселения коснулись, естественно, только тех, кто вернулся на родовые земли. Больше половины ростовских князей и многие ярославские князья перешли на службу в другие уезды задолго до опричнины. Эту категорию новые выселения никак не затрагивали.

Кардинальное различие между казанской ссылкой и вторым выселением заключалось в том, что в 1569 г. вотчины у князей отбирали без опалы. Их выселяли из уездов «с городом вместе», а значит, они не теряли движимого Имущества и служебных постов.

На переселенцев распространялось правило, согласно которому они получали право на компенсацию. Известно, что князь Д. И. Засекин-Ярославский получил деревни в земском Владимирском уезде «против его ярославские вотчны, что у него взято с городом с Ярославлем вместе».

Надо признать, что сведения о действии опричных порядков в Ростове и Ярославле чрезвычайно скудны. Источники не дают возможности составить даже примерные списки князей, пострадавших на этот раз. Краткая летописная заметка не может идти ни в какое сравнение с казанскими писцовыми книгами.

Казанская ссылка была подлинной катастрофой для родового землевладения княжат. Зачисление двух городов в опричнину довершило начатое дело.

У князей был способ избежать общей участи. Известно, что некоторые из них поступили на службу в опричнину. Но врата в опричнину были узкими. В «государеву светлость» были приняты совсем немногие лица из суздальской знати.

На пятом году существования опричного режима под контролем опричных властей оказалась территория трех главных центров, на которой располагались самые крупные гнезда наследственных родовых княжеских вотчин. То были Суздаль, Ростов и Ярославль. Вне опричнины оставалось городище Стародуб Ряполовский. Но он был передан князю Владимиру Андреевичу.

В 1569 г. в опричнину перешел Симонов монастырь, один из самых богатых столичных монастырей. Вследствие ходатайств со стороны англичан царь принял в свой удел Московскую торговую компанию. Еще раньше в опричнину поступили богатейшие купцы-солепромышленники Строгановы, которым царь пожаловал Прикамье. Отныне опричнину финансировал отечественный и иностранный торговый капитал.

Новгородский разгром

Выстроенный подле Кремля опричный замок недолго был царской резиденцией. Из-за раздора с митрополитом Грозный покинул столицу и переселился в Александровскую слободу, затерянную среди густых лесов и болот. Там он жил затворником за прочными и высокими стенами вновь выстроенного «града». Подступы к Слободе охраняла усиленная стража. Никто не мог проникнуть в царскую резиденцию без специального пропуска — «памяти». Вместе с Иваном IV в Слободе обосновалась вся опричная дума. Там «кромешники» принимали иностранных послов и вершили важнейшие дела, а в свободное от службы время монашествовали.

Перемены в московском правлении были разительными, и царские дипломаты получили приказ объяснить иноземцам, что русский царь уехал в «село» по своей воле «для своего прохладу», что его резиденция в «селе» расположена вблизи Москвы, поэтому царь «государство свое правит [и] на Москве и в Слободе». В действительности Грозный не «прохлаждался», а прятался в Слободе, гонимый страхом перед боярской крамолой.

Во время очередного посещения Вологды Иван IV распорядился ускорить строительство опричной крепости и велел заложить верфи в ее окрестностях. Вологодские плотники с помощью английских мастеров приступили к строительству судов и барж, предназначенных для того, чтобы вывезти царскую сокровищницу в Соловки, откуда морской путь вел в Англию. Практические приготовления к отъезду за море были осуществлены после того, как царь успешно завершил переговоры с послом Рандольфом о предоставлении его семье убежища в Англии.

Тщательно наблюдая за положением дел в стране, Грозный и его приспешники повсюду видели признаки надвигающейся беды. Царь был уверен, что лишь случай помог ему избежать литовского плена. Между тем король с помощью эмигрантов продолжал вести тайную войну против России. В начале 1569 г. немногочисленный литовский отряд при загадочных обстоятельствах захватил важный опорный пункт обороны на Северо-Западе — неприступную Изборскую крепость. Глухой ночью изменник Тетерин, переодевшись в опричную одежду, велел страже открыть ворота Изборска, «вопрошаясь опричниной». Воеводе Михаилу Морозову понадобилось полторы недели, чтобы принудить литовский гарнизон к сдаче. В Изборск прибыли опричные судьи. Они казнили нескольких приказных, а

также двух псковичей как сообщников Тетерина. В Синодике им посвящена запись: «В изборском деле подьячих изборских: подьячего Семена Андреев Рубцов… Петра Лазарев; псковичей…»

Одновременно опричники обезглавили дьяков в ближайших к Изборску ливонских замках. Дьяки якобы были в заговоре с жителями Изборска и готовились сдать полякам Мариенбург, Тарваст и Феллин.

Казнь Федорова-Челяднина и низложение митрополита углубили политический кризис в стране. Опричное руководство с тревогой наблюдало за множившимися признаками смуты. 11 января 1569 г. гарнизон Изборска сдал неприступную крепость литовцам, а 21 января царь принял экстренные меры по укреплению опричнины. В государеву светлость были зачислены сразу два центральных уезда. Опричное войско должно было получить самые крупные за всю историю опричнины пополнения и по численности сравняться с новгородско-псковской «кованой ратью».

В молодости царь, по словам Курбского, излишне любил «писарей». После изборской измены самодержец, казалось бы, утратил всякое доверие к приказной бюрократии. Изборск был пригородом Пскова, а потому под подозрением оказалась приказная администрация, а заодно и все население Пскова.

Исследователи обходят вниманием тот факт, что государев разгром Новгорода начался задолго до карательного похода опричников на этот город. Главным следствием розыска о сдаче Изборска было решение выселить всех неблагонадежных лиц из Пскова и Новгорода. Репрессии достигли неслыханного размаха. Согласно летописи, власти выселили 500 семей из Пскова и 150 семей из Новгорода. В изгнание отправились примерно 2000 или более горожан, считая женщин и детей. По численности населения Псков далеко уступал Новгороду. Но из Пскова было выселено втрое больше людей, чем из Новгорода. Это значит, что поначалу главным гнездом измены царь считал не Новгород, а Псков.

В чем обвинялись псковичи? Согласно черновику Описи архива Посольского приказа 1626 г., в царском архиве хранился «извет про пскович, всяких чинов людей, что они ссылались с литовским королем Жигимонтом». Изменники, по убеждению Грозного, хотели сдать Псков королю, как они сдали Изборск.

Иван нимало не сомневался, что литовцы сносились со Псковом, используя связи с Курбским. На вопрос, с кем боярин поддерживал дружбу, ответить было нетрудно. Царь имел возможность ознакомиться с письмом Курбского к старцу Васьяну из Псково-Печерского монастыря, написанным еще в бытность его

в России. Боярин обращался к монахам как к единомышленникам. Среди общей лести самодержцу впервые пришлось услышать страшные обвинения. Князь Андрей писал, что Державный превратился в кровожадного зверя: «Свирепее зверей кровоядцов обретаются». Царь не мог расправиться с иноками в 1564 г., но несколько лет спустя он припомнил им дружбу с Курбским. Изменное дело, затронувшее первоначально исключительно приказных людей, стало обращаться острием против духовного чина.

Не позднее лета 1569 г. царь замыслил карательный поход на Псков и Новгород. Об этом решении знали несколько доверенных советников. Один из них (видимо, Вяземский) выдал секрет Пимену. В новгородской церковной летописи появилась подробная запись от 9 июня 1569 г. с росписью «корму царю и государю великому князю… коли с Москвы поедет в Великий Новгород, в свою отчину». Корм включал 10 коров, 100 баранов, 600 телег сена. Новгородцы готовили «корма» для царской свиты. Власти Новгорода, конечно же, знали о расследовании псковской измены. Но они надеялись, что гроза минует их самих.

Иван IV не смог осуществить планы карательного похода на Псков в 1569 г. по той причине, что в пределы России вторглись многочисленное войско турок-османов и Крымская орда.

Проведение первых репрессий против крамольных городов было возложено на земских воевод. После бегства Курбского и учреждения опричнины царь пожаловал боярский чин князю Петру Пронскому и назначил его наместником Ливонии, что свидетельствовало о полном доверии к нему опричной думы. Не позднее июня 1569 г. Пронский стал наместником Новгорода. Он подписывал грамоты вместе с дьяком Кузьмой Румянцевым. Вторым дьяком служил Андрей Безносов-Монастырев. Их руками были осуществлены выселения из Новгорода. В Пскове аналогичное поручение выполнили князь Юрий Токмаков и дьяк Юрий Сидоров. Малюта Скуратов оставался при особе государя в Москве, дело было поручено земской администрации.

На розыск об изборской измене повлияли сведения, полученные царем от послов, ездивших в Швецию. В 1569 г. там произошел переворот, в результате которого Эрик XIV был свергнут с престола. Шведские события усилили собственные страхи царя. Сходство ситуаций было разительным. Эрик XIV, по словам царских послов, казнил многих знатных дворян, после чего стал бояться «от своих бояр убивства». Опасаясь мятежа, он тайно просил царских послов взять его на Русь. Произошло это в то самое время, когда царь Иван втайне готовился бежать в Англию. Полученная в Вологде информация, по-видимому,

повлияла на исход изборского следствия. Псковские впечатления причудливо сплелись со шведскими в единое целое. Послы уведомили царя, что накануне мятежа Эрик XIV просил-находившихся в Стокгольме русских послов «проведывати про стеколских людей про посадцких измену, что оне хотят королю изменити, а город хотят здати королевичем», то есть королевским братьям. В конце концов измена стокгольмского посада погубила шведского короля.

Руководители сыскного ведомства опричнины использовали дипломатические донесения, чтобы пустить в ход террор. Они всячески поддерживали подозрения царя насчет того, что посадские люди Пскова и Новгорода готовы последовать примеру Стокгольма и поддержать любой антиправительственный мятеж. Роль мятежных шведских герцогов мог взять на себя князь Владимир Андреевич.

Подозрения и страхи по поводу изборских событий и шведские известия предрешили судьбу князя Владимира Андреевича. Царь вознамерился покончить раз и навсегда с опасностью мятежа со стороны брата. Такое решение выдвинуло перед Иваном некоторые проблемы морального порядка. В незапамятные времена церковь канонизировала Бориса и Глеба ради того, чтобы положить конец взаимному кровопролитию в княжеских семьях. Братоубийство считалось худшим преступлением, и царь не без колебаний решился на него. Прежние провинности князя Владимира казались, однако, недостаточными, чтобы оправдать осуждение его на смерть. Нужны были веские улики. Вскоре они нашлись. Опричные судьи сфабриковали версию о покушении князя Владимира на жизнь царя. Версия нимало не соответствовала характерам действующих лиц и поражала своей нелепостью. Но современники, наблюдавшие процедуру собственными глазами, замечают, что к расследованию были привлечены в качестве свидетелей ближайшие льстецы, прихлебатели и палачи, что и обеспечило необходимый результат.

По случаю похода турок и татар на Астрахань князь Владимир был отослан с воинскими людьми в Нижний Новгород. Опричники задались целью доказать, будто опальный князь замыслил отравить царя и всю его семью. Арестовав дворцового повара Моляву с сыновьями, они ездили в Нижний Новгород за белорыбицей для царского стола. Очевидно, повар принадлежал к опричной челяди царя. Слуг для дворца отбирали с исключительной тщательностью, проверяя их прошлое, родство их самих и их жен.

Трудно представить себе, чтобы Молява добровольно

согласился дать Сыскному ведомству нужные показания. Скорее всего он не смог выдержать пыток. Повар и его сыновья признались, что вступили в преступный сговор с братом царя. При Моляве «найден» был порошок, объявленный ядом, и крупная сумма денег, якобы переданная ему Владимиром Андреевичем. Уже после расправы со Старицкими власти официально заявили о том, что князь Владимир с матерью хотели «испортить» государя и государевых детей. Инсценированное опричниками покушение на жизнь царя послужило предлогом для неслыханно жестоких гонений и погромов.

Грозный считал тетку душой всех интриг, направленных против него. Неудивительно, что он первым делом распорядился забрать Евфросинью Старицкую из Горицкого монастыря. Многолетняя семейная ссора разрешилась кровавым финалом. По-видимому, из-за отсутствия доказательств причастности Евфросиньи к нижегородскому заговору или желая избежать последних объяснений, Иван IV велел отравить опальную угарным газом в то время, как ее везли на речных стругах по Шексне в Слободу.

Князь Владимир в те же самые дни получил приказ покинуть Нижний Новгород и прибыть в Слободу. На последней ямской станции перед Слободой лагерь Владимира Андреевича был внезапно окружен опричными войсками. В шатер к удельному князю явились опричники Василий Грязной и Малюта Скуратов. Они объявили, что царь считает его не братом, но врагом. Князь Владимир был осужден на смерть. Из родственного лицемерия царь не пожелал прибегнуть к услугам палача и принудил брата к самоубийству. Безвольный Владимир, запуганный и сломленный морально, выпил кубок с ядом. Вторым браком Владимир был женат на двоюродной сестре беглого боярина Курбского. Мстительный царь велел отравить ее вместе с девятилетней дочерью. Царь, однако, пощадил старших детей князя Владимира — наследника княжича Василия и двух дочерей от первого брака. Спустя некоторое время он вернул племяннику отцовский удел.

Записи Синодика опальных помогают воссоздать картину гибели Старицких во всех подробностях: «Молява повара, Ярыша Молявин, Костянтина царевичева огородника, Ивана Молявин брат ево, Левонтия Молявин, Антона Свиязев подьячей, Ларивона Ярыга и сына его Неустроя Бурков пушкари, с Коломны Еж рыболов… На Богане благоверного князя Володимера Андреевича со княгинею да з дочерью, дьяка Якова Захаров».

Опричные следователи учитывали пробудившееся недоверие государя к дьякам и служителям приказов. С удельным князем убиты были не его бояре, а дьяк Василий Захаров-Гнильевский,

повара, рыболовы и огородник из Дворцовых приказов, пушкари из Пушкарского ведомства.

Синодик показывает, что главные свидетели обвинения, повар Молява с сыновьями и рыболовы, были убиты до окончания суда над удельным князем. Источники, таким образом, опровергают версию опричников Таубе и Крузе, будто свидетели с самого начала вошли в тайный сговор с опричными судьями и их лишь для вида брали к пытке.

Дело об отравлении было для опричников счастливой находкой. Опричные судьи объединили это дело со следствием об изборской измене. Эта линия разрабатывалась по меньшей мере в течение года. Последний из «отравителей», Алексей Молявин, был казнен в Москве 25 июля 1570 г.

Синодик позволил обнаружить тот факт, что вместе с Молявой палачи казнили новгородского подьячего Антона Свиязева. В царском архиве хранилось «дело наугородцкое на подьячих на Онтона Свиязева со товарищи, прислано из Новагорода по Павлове скаске Петрова с Васильем Степановым». Как видно, Свиязева погубил донос из земщины. Донос был доставлен в опричнину земским дьяком Василием Степановым, казненным по новгородскому делу полгода спустя.

С самого начала новгородское дело окружено было глубокой тайной. Опричная дума приняла окончательное решение о походе на Псков и Новгород в декабре 1569 г. Царь созвал в Александровской слободе все опричное воинство и объявил ему весть о «великой измене» новгородцев. Не мешкая, войска двинулись к Новгороду.

Кровавый путь опричной армии запечатлен в документальных записях Синодика: «На заказе от Москвы 6 человек. В Клине Иона каменщик. Пскович с женами и детми на Медне 190 человек. В Торжку сожжен серебреник… пскович з женами и з детми 30 человек. Бежецкия пятины…»

Составители Синодика включили в текст подлинный отчет, или «сказку», Малюты Скуратова, руководившего карательной экспедицией. Запись сохранила грубый жаргон опричнины: «По Малютине скаске в ноугоррцкой посылке Мал юта отделал 1490 человек (ручным усечением), ис пищали отделано 15 человек».

Когда Скуратов подвел итоги своих деяний и кто были его жертвы? Как повествуют Таубе и Крузе, в Торжке опричники перебили ливонских немцев, сидевших в одной из двух тюрем. Во второй тюрьме сидели пленные татары. Малюта явился туда и принялся казнить татар. Храбрый в расправах с безоружными людьми, палач спасовал перед натиском тюремных сидельцев, припрятавших ножи. Малюта был ранен.

По данным Шлихтинга, в Торжке и Твери опричники перебили 500 полочан, выселенных из Полоцка после завоевания города русскими. В массе это были православные белорусы, которые сами называли себя русскими людьми. В тюрьме Торжка содержались 19 пленных татар. Узнав о том, что произошло с полочанами, они решили дорого продать свою жизнь. Едва начались казни, татары напали на Малюту и ножами исполосовали ему живот, так что «из него выпали внутренности». Опричники тотчас послали за подкреплением к государю. Тот прислал опричных стрельцов, которые перестреляли татар из-за ограды, окружавшей тюрьму. Раненый Скуратов поступил на излечение к доктору Арнульфу, который повсюду сопровождал царя. Шлихтинг получил сведения из первых рук — от доктора.

Данные Шлихтинга совпадают во всех подробностях с показаниями Синодика. В самом конце донесения указаны 15 человек, «отделанных из пищалей». Это и были татары, ранившие Малюту.

Сделанные наблюдения позволяют заново пересмотреть всю историю новгородского похода. Будучи тяжело ранен, Скуратов не мог дальше руководить экзекуциями. Следовательно, его отчет касался исключительно начального этапа экспедиции, на пространстве от Москвы до Твери и Торжка. Как это ни парадоксально, в ходе карательной «ноугородской посылки» Скуратов перебил больше народа, чем царь во время разгрома Новгорода и Пскова. Причина состояла в том, что царь на полгода опоздал с карательной экспедицией. За это время земские воеводы по приказу из Слободы составили списки всех неблагонадежных жителей Пскова, а также Новгорода и приступили к выселению их во внутренние области государства.

Псковский летописец не брался определять число погубленных псковичей, но горестно отметил, что царь приходил «со опалою опритчиною» на Новгород и «многия люди погубил различными смертьми и муками во Твери и Торжку и во Пскове». По исчислению Таубе и Крузе, в Твери было перебито 9000 человек, но втрое больше умерло от голода, терзавшего округу. По-видимому, они преувеличили число жертв Малюты в десять раз. Власти выслали из Пскова и отчасти Новгорода до 2000 опальных псковичей и новгородцев. Опричное войско застигло переселенцев в пути и истребило, согласно отчету Скуратова, до 1000 человек, а вместе с полочанами — до 1500 людей.

В большинстве своем «отделанные» Малютой «изменники» принадлежали к посадским низам. Их имена опричников не интересовали.

Отдельный отряд обнаружил 190 псковичей в селе Медня под

Тверью и перебил их. Самая трудная работа ждала палачей в Торжке. Они должны были казнить в очень короткий срок много сотен людей. На помощь Малюте пришли другие отряды, перебившие в Торжке 30 псковичей с женами и детьми. Они показаны в Синодике отдельным списком.

Опричники не утруждали себя допросами и пытками, очными ставками, судебным разбирательством, так как не должны были задерживаться в пути. Земские власти готовили списки, имея в виду переселение заподозренных лиц внутрь государства. «Кромешники» решили покончить дело, истребив всех без разбора.

8 января 1570 г. царь с опричным войском прибыл в древний город. На Волховском мосту его встречало духовенство с крестами и иконами. Но торжество было испорчено с самого начала. Государь назвал местного архиепископа изменником и отказался принять от него благословение. Однако, будучи человеком благочестивым, Иван не пожелал пропустить службу. Церковники должны были служить обедню, невзирая на общее замешательство. После службы Пимен повел гостей в палаты «хлеба ясти». Коротким оказался этот невеселый пир. Возопив гласом великим «с яростью», царь велел страже схватить хозяина и ограбить его подворье и Софийский собор. В городе прошли повальные аресты. Опричники увезли арестованных в царский лагерь на Городище.

Последующие расправы описаны сходным образом в летописной новгородской «Повести о погибели Новгорода» и в немецком «листе» 1572 г.

Опричные судьи вели дознание с помощью жесточайших пыток. Согласно новгородскому источнику, опальных жгли на огне «некоею составною мукою огненною». Немецкий источник добавляет, что новгородцев «подвешивали за руки и поджигали у них на челе пламя». Оба источника утверждают, что замученных привязывали к саням длинной веревкой, волокли через весь город к Волхову и спускали под лед. Избивали не только подозреваемых в измене, но и членов их семей. С женами, как свидетельствует немецкий источник, расправлялись на Волховском мосту. Связанных женщин и детей бросали в воду и заталкивали под лед палками.

В новгородских расправах ищут некий символический смысл, указывая «на весьма вероятную связь большинства опричных казней с эсхатологической идеей», с ожиданием Страшного Суда. Опальных бросали с моста в реку Волхов, и это был «основной способ умерщвления людей в Новгороде в январе 1570 г.». Мост через Волхов «был для царя символом наказания грешников».

Большинство описанных опричных казней связано так или иначе с водной средой, знаменующей собой неверие. Фольклорная традиция связывала ад, преисподнюю с пропастью, дном реки (АЛ. Юрганов).

Такое построение кажется искусственным. Утопление в Волхове не было, конечно же, основным способом казни новгородцев во время опричного разгрома. Палачи топили некоторых осужденных не потому, что вода была символом неверия, а потому, что издревле это был один из самых жестоких способов расправы.

Место суда, Городище, располагалось вдали от Новгорода, а между тем царь хотел преподать урок всему населению крамольного города. По этой причине опричники волокли некоторых осужденных — мужчин, женщин и детей — в центр города, на Волховский мост, чтобы казнить их на виду у всего города.

Грозный приказал опричным катам привязывать младенцев к матерям и «метати в реку». И новгородские, и немецкие источники одинаково описывают, как одни опричники сбрасывали связанных в воду, а другие разъезжали на лодке с топорами и рогатинами и топили тех, кому удавалось всплыть.

«Дело происходило зимой, — отмечают исследователи, — когда Волхов был покрыт льдом, и его, очевидно, пришлось специально разбивать». Может быть, опричники делали это под влиянием своих эсхатологических представлений? Свободно разъезжать в проруби на лодках было мудрено, Это потребовало бы непомерного труда. Знакомство с водным режимом Волхова проясняет дело. Даже в суровые зимы под Волховским мостом, в истоках Волхова, сохранялись огромные полыньи.

Летописец весьма точно определяет круг лиц, привлеченных к дознанию на Городище. То были новгородские дьяки и подьячие, местные помещики, богатые купцы, архиепископские бояре и дети боярские.

Среди других аресту подверглись богатые купцы Сырковы. Эта семья переселилась из Москвы в Новгород при Иване III. В годы правления Адашева Федор Сырков получил чин дьяка и возглавил приказное управление Новгорода. Сырковы были предтечей будущих российских купцов-меценатов. На собственные средства они построили в Новгороде несколько церквей. Федор Сырков участвовал в работах по составлению «Великих Миней Четьих». Когда писцы «повелением царя» приступили к изготовлению экземпляра «Миней Четьих» для Москвы и при этом один из них, Мокий, проявил нерадение, было ему тогда «прещение велико с яростию от Федора от Сыркова».

Опричники подвергли Федора пыткам, чтобы завладеть его деньгами. Купца бросили в ледяную воду, а затем вытащили на берег. После этого царь почтил образованного дьяка личной беседой касательно ада и смерти. Грозный задал жертве насмешливый вопрос: не видел ли он чего-нибудь в реке? Несчастный отвечал, что видел там злых духов, которые вот-вот заберут душу из его (царя) тела. По другой, более поздней версии, старик сказал, что побывал «в аду, где видел, что для него, Васильевича, там уже готово место».

У Сыркова. было изъято 12 000 рублей серебром. Под конец Грозный велел поставить купца по колени в котел и сварил на медленном огне.

Жертвами судилища стали примерно 211 помещиков и 137 их домочадцев, 45 дьяков и приказных и примерно столько же членов их семей. Дьяки и подьячие по общему правилу владели поместьями в Новгороде. Опричники с достойным педантизмом перебили сначала всех семейных подьячих с их женами и детьми, а затем холостых. Эти последние фигурируют в Синодике под общим заголовком «Новгородские подьячие неженатые».

Суд над главными новгородскими «заговорщиками» в царском лагере на Городище явился центральным эпизодом всего новгородского похода. Опричные следователи и судьи действовали ускоренными методами, но и при этом они не могли допросить, подвергнуть пыткам, провести очные ставки, записать показания и, наконец, казнить несколько сот людей за две-три недели. Всего вероятнее, суд на Городище продолжался три-четыре недели и завершился в конце января. С этого момента новгородское «дело» вступило во вторую фазу. Описав расправу на Городище, местный летописец замечает: «По скончании того государь со своими воинскими людми начат ездити около Великого Новгорода по монастырям».

Считая вину черного духовенства доказанной, царь решил посетить главнейшие из монастырей в окрестностях города не ради богомолья, а для того, чтобы самолично присутствовать при изъятии казны, заблаговременно опечатанной опричниками. Сопровождавший царя Генрих Штаден пишет: «Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь, где давал простор своему озорству». Опричники забирали деньги, грабили кельи, снимали колокола, громили монастырское хозяйство, секли скотину. Настоятелей и соборных старцев били по пяткам палками с утра до вечера, требуя с них особую мзду. В итоге опричного разгрома черное духовенство было ограблено до нитки. В опричную казну перешли бесценные сокровища Софийского дома. По данным новгородских летописей,

опричники конфисковали казну также у 27 богатейших монастырей. В некоторых из них Грозный побывал лично. Царский объезд занял, самое малое, несколько дней, может быть, неделю.

Участники опричного похода и новгородские авторы-очевидцы единодушно свидетельствуют о том, что новгородский посад жил своей обычной жизнью, пока царь занят был судом на Городище и монастырями. В это время нормально функционировали городские рынки, на которых опричники имели возможность продавать награбленное имущество. Положение изменилось после окончания суда и монастырского объезда.

Внимательное чтение источников опровергает традиционное представление, будто опричники пять-шесть недель непрерывно громили посад. На самом деле царь закончил суд над монахами за несколько дней до отъезда в Псков. В эти дни опричники и произвели форменное нападение на город.

Не следует думать, что превосходно вооруженное новгородское дворянство спокойно наблюдало за насилиями опричников. Московский дворянин Митнев посреди пира во дворце обличил тиранию царя. Среди новгородцев, надо думать, также нашлось немало мужественных людей. На Пыточном дворе монарху приходилось выслушивать не одни мольбы о пощаде. Его проклинали, ему грозили возмездием на том свете.

Опричнину окружала стена ненависти. Генриху Штадену пришлось оказать помощь нескольким опричникам, которых преследовали земцы. Опричные мародеры получили отпор и принуждены были спасаться бегством. Сам Штаден прекратил свой поход по Новгородской земле, услышав, что земские люди побили большой отряд опричных стрельцов. Бравый немец-опричник многократно преувеличил численность отряда, будто бы насчитывавшего 300 человек. Но не в его манере было выдумывать такого рода подробности.

По мере разрастания террора ширилось сопротивление насильникам. Грозный видел в этом подтверждение своих подозрений насчет всеобщей измены.

Стремясь предварить неблагоприятный поворот событий, Грозный отдал приказ о разгроме Новгорода, а также разослал отряды опричников в разные концы Новгородской земли. Террор имел целью пресечь в корне самую возможность сопротивления.

Опричники разграбили новгородский торг и поделили все ценное из награбленного между собой. Простые товары, такие, как сало, воск, лен, они сваливали в большие кучи и сжигали. В дни погрома были уничтожены большие запасы товаров,

предназначенных для торговли с Западом. Ограблению подверглись не только торги, но и дома посадских людей. Опричники ломали ворота, выставляли двери, били окна. Горожан, которые пытались противиться насилию, убивали на месте. С особой жестокостью царские слуги преследовали бедноту. Вследствие голода в Новгороде собралось множество нищих. В сильные морозы царь велел выгнать их всех за ворота города. Большая часть этих людей погибла от холода и голода.

Опричные санкции против посада преследовали две основные цели. Первая состояла в том, чтобы пополнить опричную казну, а вторая — в том, чтобы терроризировать население. В истории кровавых «подвигов» опричнины новгородский погром был самым отвратительным эпизодом. Бессмысленные и жестокие избиения ни в чем не повинного населения сделали самое понятие «опричнина» синонимом произвола и беззакония.

Вопреки обычным представлениям Малюта Скуратов из-за тяжелой раны не мог участвовать в разгроме Новгорода. Грозный сам руководил резней.

Разделавшись с новгородцами, опричное воинство двинулось к Пскову. Приезд царя всегда воспринимался в Пскове как великий праздник. И на этот раз жители города следовали обычаю. Город встретил опричную армию колокольным звоном. Люди накрывали столы и ставили их против своих дворов. В поле царя встречали воевода, дворяне и посадские люди с хлебом и солью. Впереди шествовал старший церковный иерарх, печерский игумен Корнилий и духовенство с крестами.

Царь пощадил Псков, но всю ярость обрушил на местных монахов. Он не тронул наместника Пимена в Пскове Неудачу Цыплятева, но велел отрубить голову Корнилию. Слободской игумен не простил печерскому его дружбы с Курбским. Лишился головы и ученый старец Вассиан Муромцев, некогда переписывавшийся с изменником-боярином.

Перед отъездом царь отдал город опричникам на разграбление. Но опричники не успели завершить начатое дело.

Во времена Грозного ходило немало легенд относительно внезапного прекращения псковского погрома. Участники опричного похода сообщали, будто на улицах Пскова Грозный встретил юродивого и тот подал ему совет ехать прочь из города, чтобы избежать большого несчастья. Церковники снабдили легенду о царе и юродивом множеством вымышленных подробностей. Блаженный будто бы поучал царя «ужасными словесы еже престати от велия кровопролития и не дерзнути еже грабити святыя Божия церкви». Не слушая юродивого, Иван велел снять колокол с Троицкого собора. Возмездие не заставило себя

ждать. Под царем пал конь: «Паде конь его лутчии по пророчеству святого».

Слова псковского летописца находят подтверждение в немецком «листе» 1572 г. В этом источнике слова юродивого переданы следующим образом: «Хватит мучить людей, уезжай в Москву, иначе лошадь, на которой ты приехал, не повезет тебя обратно». Пророчество Николы сбылось. Царь поспешно покинул «город» (крепость) и перебрался в посад. Там он стоял «немного и отыде к Москве». Но перед отъездом он все же «повеле грабити имения гражан», а «церковную казну по обителем и по церквам, иконы и кресты, и сосуды и книги, и колоколы пойма с собою».

Полоумный юродивый оказался одним из немногих людей, осмелившихся открыто перечить Грозному. Его слова, возможно, ускорили отъезд опричников: царь Иван был подвержен всем суевериям своего времени. Но пророчества Николы нисколько не помешали антицерковным мероприятиям опричнины. Царь покинул Псков лишь после того, как ограбил до нитки псковское духовенство.

Псков избежал участи Новгорода по причинам, ускользавшим от внимания историков. Эти причины раскрылись благодаря реконструкции Синодика. После сдачи Изборска Грозный приказал вывести из Пскова всех изменников. Половина из них успела добраться до мест, отведенных им для поселения. Другую половину опричники нашли в Твери, в селе Медня и в Торжке. По приказу царя Малюта устроил псковичам кровавую бойню. Ивана вполне удовлетворила резня, и только потому он пощадил прочих жителей Пскова.

Опричники не оставили в покое опальных псковичей, доставленных в московские города. «За ними были разосланы гонцы». В черновике Описи архива Посольского приказа 1626 г. упоминались «Наказы черные дворяном, как посыланы с Москвы в Слободу и по городом за псковичи…».

Согласно Синодику, в Пскове были убиты два городовых приказчика, один подьячий и 30–40 детей боярских. Очевидно, приказные люди были выселены из города ранее и стали жертвами Малюты Скуратова.

Из Пскова Грозный уехал в Старицу, а оттуда в Слободу. Карательный поход был окончен.

Направление розыска об измене, как полагают, во многом определялось тем, что власть в Новгородской земле находилась в руках приказных людей, и «именно в приказных людях царь видел главных организаторов заговора» (Б. Н. Флоря).

Представим себе иерархию власти и особенности психологии людей Средневековья. Приказные чиновники при всем их

влиянии были людьми неродословными. Они оставались канцелярскими служащими при Боярской думе. Власть в Новгороде принадлежала не им, а наместнику-боярину и воеводам из знатнейших фамилий России.

Ход и направление розыска об измене были определены убийством двух людей из числа первых лиц государства — царского брата князя Владимира и Филиппа Колычева. Казнь внука Ивана III и Софьи Палеолог, казалось бы, должна была положить конец следствию. Но этого не произошло. Грозный поставил целью уничтожить всех сторонников убитого брата. Иначе ему невозможно было смыть с себя Каинову печать.

Где следовало искать сторонников Владимира, было хорошо известно. И князь Владимир, и его отец князь Андрей Старицкий держали в Новгороде резиденцию, имели там вассалов и, будучи соседями новгородцев, пользовались их симпатиями.

Новгородское ополчение — «кованая рать» — насчитывало до двух-трех тысяч детей боярских. Влияние новгородского дворянства было столь велико, что при любом кризисе претенденты на власть пытались заручиться его поддержкой.

В 1537 г. князь Андрей Старицкий поднял мятеж и двинулся к Новгороду, рассчитывая на его поддержку. После подавления мятежа 30 новгородских помещиков, отъехавших к удельному князю, были повешены на большой дороге от Новгорода до Москвы. В числе казненных было несколько Колычевых. Молодой в то время Федор Колычев, будущий митрополит, спасаясь от виселицы, бежал на Север и принял там постриг.

На соборе 1566 г. новгородское дворянство имело больше представителей, чем столица. По крайней мере некоторые из этих новгородцев поддержали выступление конюшего Федорова против опричнины и затем были казнены по его делу. «Заговорщикам» вменяли в вину то, что они хотели посадить на трон князя Владимира.

Новгородский летописец, хорошо знавший местные настроения, отметил, что после смерти Владимира многие люди «восплакашася» по нему. Опричное сыскное ведомство затратило много усилий, чтобы выявить и уничтожить всех новгородских помещиков, симпатизировавших князю Владимиру.

Новгородские дьяки не были главными фигурами новгородского процесса. Синодик опальных свидетельствует об этом с полной определенностью. По иронии судьбы имя главнейшего из новгородских «заговорщиков» кануло в Лету. Из всех современников Грозного один Шлихтинг ненароком обмолвился о нем. Но рассказ его не слишком определенен. Вкратце он сводится к следующему. У некоего Василия

Дмитриевича (фамилии его Шлихтинг не знал) служили литовские пленники-пушкари. Они пытались бежать на родину, но были пойманы и под пытками показали, будто бежали с ведома господина. Опричники вздернули на дыбу Василия Дмитриевича, и тот повинился в измене в пользу польского короля.

Царь велел казнить боярина, но прежде обратился к нему с насмешливой речью: «Отправляйся к польскому королю, к которому ты собирался отправиться, вот у тебя есть лошадь и телега». Данилов был едва жив после перенесенных пыток. Его привязали к повозке и погнали лошадь, предварительно ослепленную. В конце концов боярин был утоплен в воде вместе с повозкой и лошадью.

Даниловы принадлежали к первостатейной боярской знати. Они вели свой род от смоленских князей, нашедших прибежище в Германии, а потом выехавших «из немец» на службу к Ивану Калите.

Боярин Василий Данилов играл в земщине выдающуюся роль. После учреждения опричнины он стал помощником конюшего Федорова в московской боярской комиссии. По словам Шлихтинга, Данилов служил в Москве «начальником над воинскими орудиями» и в его ведении находились пушкари. Пушкарский приказ возник, как считают, позже, но в московских документах «Пушечные избы» и «пушечные приказчики» упоминались уже в 1570 г.

Шлихтинг описал гибель Василия Дмитриевича как вполне заурядное происшествие. Однако русские документы позволяют установить, что автор «Сказаний» умолчал о самом важном — участии боярина в заговоре, имевшем целью отравить царя и посадить на его место князя Владимира.

Умолчание характерно для всего сочинения Шлихтинга. Польский шляхтич адресовал свое сочинение королю и старательно подчеркивал все, что возвеличивало его, например, сведения о стремлении русских бояр и знати перейти на королевскую службу и передать королю пограничные города. Вторая задача Шлихтинга состояла в том, чтобы обличить тиранию царя. Признание того, что заговорщики хотели отравить монарха, отнимало почву у таких обличений. Тех, кто покушался на жизнь государя, казнили самым жестоким образом по всей Европе.

В Синодике находим следующую запись: «Василия Дмитриевича Данилова, Андрея Безсонов дьяк, Васильевых людей Дмитриевых два немчина: Максима летвин, Ропнемчин… Козьминых людей Румянцева… архиепископля сына боярского

Третьяка Пешкова… дияк Юрия Сидоров… Ивана Сысоев княж Владимиров сын боярский… дьяк Иона Юрьев» и пр.

Данилова окружают лица, связанные с заговором в Пскове и Новгороде: псковский дьяк Юрий Сидоров, новгородский дьяк Андрей Безсонов-Монастырев, слуги новгородского дьяка Кузьмы Румянцева и, наконец, «люди» боярина Данилова. Синодик не оставляет сомнений в том, что знаменитый земский боярин был казнен по новгородскому изменному делу.

Указание на слуг боярина представляет особый интерес. Источники дают возможность проверить показания Синодика и рассказ Шлихтинга. В описи царского архива 70-х годов XVI в. упомянут подлинный архивный документ — отписка «ко государю в Васильеве деле Дмитриева о пушкарях о беглых о Мишках». Из отписки царь впервые узнал о поимке беглых пушкарей — слуг Василия Дмитриевича. Слуги Данилова — беглый литовский пленник Максим (в русской транскрипции «пушкарь Мишка») и Роп немчин, упомянутые в Синодике, оклеветали боярина, но сами разделили участь своей жертвы.

Синодик позволяет проследить за тем, как зарождалось «дело» Данилова. Двое пушкарей, Ларион и Неустрой, были казнены вместе с поваром Молявой и подьячим Свиязевым перед отравлением князя Владимира. Иначе говоря, тень подозрения пала на ведомство Данилова еще во время подготовки суда над Старицким.

«…В подавляющем большинстве случаев мы не знаем, за что казнены были люди, имена которых встречаются в перечне Синодика, сообщениях иностранцев и сочинении Курбского» (Б. Н. Флоря). Суммарная оценка столь разнородных источников не может удовлетворить нас. Трудно найти более тенденциозный источник, чем «История» Курбского. Нет более надежного источника по истории террора, чем Синодик — конспект утраченного опричного архива. Синодик позволяет установить не только причины, но и многие обстоятельства гибели опальных. Следует подчеркнуть, что речь идет не о толках или рассказах с чужих слов, а о выписках из подлинных опричных судебных документов.

Выписки Синодика вводят нас в самый центр грандиозного политического процесса, получившего наименование «новгородского изменного дела». Синодик позволяет установить, что главной фигурой этого процесса был Василий Дмитриевич Данилов, глава одного из приказных ведомств столицы.

Изборское дело подорвало доверие Грозного к своим «верникам» — дьякам, «писарям». Дело Данилова укрепило его подозрения. В известной мере это дело предопределило судьбу

шести главных московских дьяков. В Новгороде вместе с Даниловым был казнен один из видных столичных дьяков — Иван Юрьев. В Дворовой тетради середины XVI в. он был записан как «большой дьяк». В этом чине Юрьев присутствовал на Земском соборе 1566 г.

Дело об отравлении царской семьи оставалось главным стержнем новгородского процесса. Вместе с Даниловым на Городище был казнен слуга князя Владимира новгородский помещик, сын боярский Иван Сысоев.

Из слуг архиепископа Пимена вместе с Даниловым погиб сын боярский Третьяк Пешков, лицо второстепенное. Владычные бояре, дьяки и прочие высокопоставленные члены Софийской администрации были арестованы, но их казнь была отложена.

В дни новгородского разгрома Грозный уведомил митрополита Кирилла об «измене» новгородского архиепископа. Глава церкви и епископы поспешили публично осудить жертвы опричнины. Они отправили царю сообщение, что приговорили «на соборе новгородцкому архиепископу Пимену против государевы грамоты за его безчинье священная не действовати». Пимен был выдан опричнине головой. Высшее духовенство переусердствовало, угождая светским властям. В новом послании Кириллу царь предложил не лишать Пимена архиепископского сана «до подлинного сыску и до соборного уложения».

Вопреки традиционному мнению суд над Пименом вовсе не был центральным эпизодом государева разгрома Новгорода. Как раз наоборот, подлинный сыск по делу архиепископа опричники решили перенести на московскую почву, чтобы изобличить московских участников заговора и преподать урок боярской Москве. Там Пимену и его окружению предстояло держать ответ за мнимый заговор. Там же предполагалось провести публичную казнь главных изменников.

Тотчас после расправы над новгородцами Посольский приказ составил подробный наказ для русских дипломатов в Польше. Если поляки спросят о казнях в Новгороде, значилось в наказе, то на их вопрос должно отвечать ехидным контрвопросом: «Али вам то ведомо?» и «Коли вам то ведомо, а нам что и сказывати? О котором есте лихом деле с государскими изменники через лазучьством ссылались и Бог ту измену государю нашему объявил и потому над теми изменниками так и сталось».

В дни новгородского разгрома в Москву прибыл с польским посольством венецианец аббат Джерио. Ему удалось собрать ценные сведения о только что происшедших событиях. По словам аббата, царь разорил Новгород «вследствие поимки гонца с изменническим письмом».

Приведенные выше известия, исходившие от дипломатов, принадлежат к числу самых ранних и достоверных свидетельств. Источник более позднего происхождения — новгородская летопись сохранила предание о лазутчике Петре Волынце (Волынь была польской провинцией), будто бы явившемся главным виновником трагедии. «Некий волынец волочащей именем Петр», проникший в Россию как бродяга, подделал грамоту за подписями архиепископа, всех первейших дворян и «граждан» Новгорода о желании их предаться польскому королю, подбросил эту грамоту в Софийский собор и тут же подал донос Грозному. Новгородцы, которым предъявлена была грамота Петра, растерянно сказали: «От подписей рук наших отпереться не можем, но что мы королю польскому поддаться хотели или думали, того никогда не было». Результатом явился новгородский погром. Так излагал события поздний летописец, переложивший вину за трагедию с царя на бродягу.

Авторитетные документы времени Грозного позволяют уточнить историю о литовском лазутчике и доставленном им письме. Согласно архивной описи 70-х годов XVI в., в царском архиве хранилась отписка «из Новагорода от дьяков Андрея Безсонова да от Кузьмы Румянцева о польской памяти». Названные в отписке лица были главными дьяками Новгорода, казненными за измену в пользу польского короля.

Конюший Федоров поспешил выдать литовского лазутчика царю. Так же поступили новгородские дьяки в 1569 г. Они сами известили государя о «польской памяти». Скорее всего «память» попала к ним в руки в виде подметного письма. Иначе имя пойманного лазутчика запечатлелось бы в дипломатической переписке и в Синодике.

Царь счел «польскую память» достаточным доказательством измены неверных новгородцев.

Источники позволяют объяснить, как псковское дело окончательно превратилось в новгородское измен ное дело. Решающее значение имело, по-видимому, внешнее вмешательство.

Литовское подметное письмо носило откровенно провокационный характер. Литовцы постарались скомпрометировать в глазах опричных руководителей их же угодника и пособника архиепископа Пимена как главу заговора. В иных условиях царь не придал бы значения фальшивке. Но навет пал на подготовленную почву.

Конфликт с церковью не был исчерпан. Духовенство негодовало, расценивая низложение Филиппа как недопустимое вмешательство в церковные дела. Фактически с согласия царя

Малюта задушил низложенного Филиппа. Об этом страшном преступлении вскоре заговорила вся Россия. Слободской игумен одержал верх над соловецким. Но моральная победа досталась тому, кто принял мученическую смерть во имя спасения ни в чем не повинных душ.

Известная автономия церкви наносила в глазах самодержца ущерб полноте его власти. Чтобы утвердить неограниченную личную власть, ему необходимо было лишить церковь и тени самостоятельности. Для этого надо было вновь прибегнуть к репрессиям. Жертвой был избран Пимен, второе лицо в церковной иерархии. Старое опричное руководство не могло помочь своему приспешнику, так как само стояло на пороге падения.

Чтобы заглушить голоса недовольных и замести следы преступления, не было иного средства, кроме нового громкого дела и полного подчинения церкви.

Усилия литовской секретной службы увенчались полным успехом, потому что Грозный получил удобный повод для осуществления своих тайных замыслов. Чтобы окончательно развязать себе руки, царь спешно заключил перемирие и через своих послов самонадеянно заявил полякам, что ему сам Бог открыл их сговор с новгородцами.

Сличение Синодика с другими ранними документами обнаруживает многие неизвестные ранее факты. Мифический бродяга Петр Волынец принужден уступить место знаменитому боярину Данилову. По существу, новгородское дело повторило в более широких масштабах дело о заговоре Челяднина. В одном случае удар обрушился на головы митрополита и конюшего, в другом — на архиепископа новгородского и боярина Данилова. Как и в деле Челяднина, правительство искало сторонников князя Владимира Андреевича, участников заговора, преимущественно в среде нетитулованной старомосковской знати. В Новгороде погибли Василий Бутурлин, Григорий Волынский, несколько Плещеевых. Вопреки целям и стремлениям вождей опричная политика окончательно утратила первоначальную антикняжескую направленность. Новгородское дело завершило второй цикл замены боярского руководства земщины.

Участников «заговора» боярина Данилова обвинили в двух преступлениях. Они будто бы хотели «Новгород и Псков отдати литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси хотели злым умышленьем извести (попросту говоря, отравить. — *Р.С.*), а на государство посадити князя Володимера Ондреевича». Нетрудно заметить, что официальная версия объединяла два взаимоисключающих обвинения. Если

новгородцы надеялись посадить на трон угодное им лицо — двоюродного брата царя, то, спрашивается, зачем надо было им «подаваться» в Литву под власть чужеземного государя? Подобный простой вопрос, видимо, не особенно затруднял тех, кто руководил розыском.

Современники утверждали, будто в новгородском погроме погибло то ли 20 000, то ли 60 000 человек. Лет сто назад историки попытались уточнить масштабы трагедии. Поскольку, рассуждали они, опричники избивали в день в среднем тысячу новгородцев (эту цифру сообщает летописец), а экзекуция длилась пять недель, значит, погибло около 40 000 человек. Приведенная цифра лишена и тени достоверности. В основе расчета лежат ошибочные исходные данные. Сведения летописи о гибели тысячи человек в день, очевидно, являются плодом фантазии летописца. Неверно также и представление о том, что разгром посада длился пять недель. Помимо всего прочего, опричники не могли истребить в Новгороде 40 000 человек, так как даже в пору расцвета его население не превышало 25 000–30 000. Ко времени погрома из-за страшного голода множество горожан покинуло посад либо умерло голодной смертью.

Самые точные данные о новгородском разгроме сообщает Синодик опальных. В документе значатся имена и прозвания нескольких сот убитых дворян и их домочадцев. Суммируя данные опричного архива, отразившиеся в Синодике, можно сделать вывод о том, что в Новгороде погибло от 2000 до 3000 человек.

Опричный разгром не затронул толщи сельского населения Новгорода. Разорение новгородской деревни началось задолго до нашествия опричников. Погром усугубил бедствие, но сам по себе не мог быть причиной упадка Новгородской земли.

Санкции против церкви и богатой торгово-промышленной верхушки Новгорода продиктованы были скорее всего корыстными интересами опричной казны. Непрекращавшаяся война и дорогостоящие опричные затеи требовали от правительства огромных средств. Государственная казна была между тем пуста. Испытывая финансовую нужду, власти все чаще обращали взоры в сторону обладателя самых крупных богатств — церкви. Но духовенство не желало поступаться своим имуществом. Суд над митрополитом Филиппом нанес сильнейший удар престижу церкви. Опричное правительство использовало это обстоятельство, чтобы наложить руку на богатства новгородской церкви. «Изменное дело» послужило удобным предлогом для ограбления новгородско-псковского архиепископства. Но опричнина вовсе не ставила целью

подорвать влияние церкви. Она не осмелилась наложить руку на главное богатство церкви — ее земли.

Архиепископ Пимен, постриженник Адриановой пустыни на Ладожском озере, был, по словам Курбского, святителем «чистаго и жестокаго жительства». Аскетизм не помешал ему угодничать перед царем. Именно он возглавил депутацию в Александровскую слободу после отречения царя. Он же помог низложить Филиппа Колычева. Невзирая на заслуги Пимена перед опричниной, он был объявлен изменником и подвергнут позору. Престарелого владыку посадили на кобылу задом наперед, дали ему в руки скомороший инструмент — волынку и в таком виде повезли из Новгорода в Москву. Царь неплохо знал византийскую историю и, должно быть, вспомнил, что именно так византийские императоры наказывали константинопольских патриархов, замешанных в заговорах против власти.

Опричники увезли из Новгорода богатую архиепископскую казну, святость — знаменитые иконы, а также колокола, врата и драгоценную утварь из Софийского собора.

Государев разгром нанес большой ущерб посадскому населению Новгорода, Пскова, Твери, Ладоги. Торговля Новгорода с западноевропейскими странами была подорвана на многие годы. Но санкции опричнины против посада носили скоротечный характер. Их целью было скорее устрашение, чем поголовное истребление населения. В исследованиях последних десятилетий разгром Новгорода получил двойственную оценку. Отметив варварский, разбойный характер опричных санкций, А. А. Зимин в то же время усматривал в сокрушении Новгорода определенную историческую закономерность, поскольку «ликвидация обособленности и экономического могущества Новгорода явилась необходимым условием завершения борьбы с политической раздробленностью страны». Согласиться с подобной оценкой никак нельзя. Путь к преодолению экономической обособленности лежал не через резню и погромы, а через экономический подъем, развитие торговых связей между Новгородом и прочими русскими землями. Можно ли считать Новгород второй половины XVI в. важным форпостом удельной децентрализации? Факты ставят под сомнение этот вывод. Уже в период ликвидации Новгородской республики в конце XV в. московские власти экспроприировали всех местных землевладельцев (бояр, купцов и «житьих людей» — мелких землевладельцев). На этих землях водворились московские служилые люди — помещики.

Ни в одной другой земле мероприятия, призванные гарантировать объединение, не проводились с такой

последовательностью, как в Новгороде. Ко времени опричнины в Новгородской земле прочно утвердились московские порядки. Москва постоянно назначала и сменяла всю приказную и церковную администрацию Новгорода, распоряжалась всем фондом новгородских поместных земель. Влияние новгородской церкви и приказных людей на местное управление заметно усилилось после упразднения новгородского наместничества в начале 60-х годов. Местный приказной аппарат, целиком зависевший от центральной власти, служил верной опорой монархии. То же самое можно сказать и относительно новгородской церкви. Несмотря на безусловную лояльность архиепископа Пимена и новгородской администрации, царь Иван и его сподвижники не доверяли новгородцам и недолюбливали Новгород.

Опричнина умножила опасные симптомы недовольства в среде земских дворян Новгорода. Царь закрыл новгородцам доступ на опричную службу, и они испытали на себе произвол опричнины. Неудивительно, что уже в первых опричных процессах замелькали имена новгородцев.

Одной из причин антиновгородских мероприятий опричнины было давнее торговое и культурное соперничество Москвы и Новгорода. Но несравненно более важное значение имело обострение социальных противоречий в Новгородской земле, связанное с экономическим упадком конца 60-х годов. В жизни некогда независимых республик Новгорода и Пскова социальные контрасты проявлялись в особенно резкой форме. Массовые выселения конца XV в. не затронули основного посадского населения — «меньших людей», оставшихся живыми носителями демократических традиций новгородской старины. В этой среде сохранился изрядный запас антимосковских настроений, питаемых и поддерживаемых злоупотреблениями власть имущих. С давних пор авторитет московской администрации в Новгороде стоял на весьма низком уровне, подтверждением чему может служить «Сказание о градех» — старинный памятник новгородского происхождения. В Новгороде, читаем там, царят всевозможные непорядки, самый большой из них — непослушание и буйство «меньших» людей: бояре в Новгороде «меньшими людьми наряжати не могут, а меньшие их не слушают, а люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо, только их Бог блюдет за их глупость». Приведенные строки из старинного «Сказания» не утратили актуальности ко времени опричнины. Пресловутый новгородский сепаратизм был лишь побочным продуктом глубоких социальных противоречий. Голод, охвативший Новгород накануне опричного нашествия, усилил

повсюду элементы недовольства. Опричные власти сознавали опасность положения и пытались бороться с ним, учиняя дикие погромы и усиливая террор против низов.

Московское дело

Иван IV не ждал противодействия со стороны запуганного духовенства. Однако накануне суда он предпринял шаги, которые послужили новым предостережением для недовольных церковников. Опричники обезглавили рязанского архимандрита и взяли под стражу еще нескольких членов Священного собора. Всем памятно было, что Пимен председательствовал на соборе, осудившем Филиппа. Теперь архиепископ шел по стопам митрополита. Покорно следуя воле царя, высшие иерархи церкви лишили Пимена сана и приговорили к пожизненному заключению. Произошло это между 18 и 20 июля 1570 г. Прибыв к месту заточения в небольшой монастырь под Тулой, Пимен вскоре умер.

Арестованные в Новгороде «сообщники» Пимена в течение нескольких месяцев томились в Александровской слободе. Розыск шел полным ходом. Царь делил труды с палачами, проводя дни и ночи в тюремных застенках. Опальные подвергались мучительным пыткам и признавались в любых преступлениях. Как значилось в следственных материалах, «в том деле с пыток многие (опальные) про ту измену на новгородцкого архиепископа Пимина и на его советников и на себя говорили». Полученные на Пыточном дворе материалы скомпрометировали многих высокопоставленных лиц в Москве.

Кровавый погром Новгорода усилил раздор между царем и верхами земщины. По возвращении из новгородского похода Грозный имел длительное объяснение с государственным печатником Иваном Висковатым. Ливонский хронист Бальтазар Рюссов так отзывался о «знатнейшем канцлере» царя: «Отличнейший человек, подобно которому не было в то время в Москве; его уму и искусству, как московита, ничему не учившегося, удивлялись все иностранные послы».

Иван IV, как говорили в Москве, любил старого советника, «как спасение души». Висковатый отважился на объяснение с Грозным после того, как опричники арестовали и после жестоких пыток казнили его родного брата. Он горячо убеждал царя прекратить кровопролитие, не уничтожать своих бояр. В ответ царь разразился угрозами по адресу боярства. «Я вас еще не истребил, а едва только начал, — заявил он, — но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось!» Дьяк выразил вслух настроение земщины, и это встревожило Грозного. Оппозиция со стороны высших приказных чинов, входивших в Боярскую думу, явилась неприятным сюрпризом для царских

приспешников. Чтобы пресечь недовольство в корне, они арестовали Висковатого и нескольких других земских дьяков и объявили их «советниками» Пимена. Так новгородский процесс перерос в московское дело.

Царские послы, отправленные в Речь Посполитую в 1570–1571 гг., должны были так объяснить причины казни Висковатого и Фуникова: «О чем государской изменник Курбский и вы, паны радные, с этими государскимидоменники ссылались, о том Бог нашему государю объявил, потому они и казнены».

Грозный продолжал сражаться с Курбским. Но народу знать об этом не следовало. Власти постарались внушить столичному населению, что главные дьяки земщины поддерживали изменнические связи с Польшей, Турцией и Крымом. Они якобы намеревались сдать полякам Новгород и Псков. Турок они убеждали послать войска к Казани и Астрахани, а крымцев подучили совершить набег на Русь, чем причинили огромный урон жителям Московии. Обвинения подобного рода должны были заглушить голоса тех, кто осуждал зверства опричнины.

В Речи Посполитой известие об измене Висковатого в пользу польского короля было воспринято с откровенной насмешкой. Литовский вице-канцлер Остафий Волович, направлявший деятельность литовской секретной службы в России, писал о казни Висковатого следующее: «…обвинив его, что к турецкому, татарскому и нашему государю расположен был. Не знаю об этих басурманах, но к государствам нашего Господина не благосклонен…» С кафинским пашой Висковатый вел тайную переписку по прямому заданию Ивана IV.

Суд над московскими дьяками завершился в течение нескольких недель. 25 июля 1570 г. осужденные по новгородскому делу были выведены на рыночную площадь, прозывавшуюся в народе Поганой лужей. Со временем полое место напротив Кремля стало называться Красной площадью.

Опричные приготовления предвещали необычное зрелище. Они смутили даже видавших виды людей. В центре площади была выстроена большая загородка, внутри которой опричники вбили около 20 кольев. К ним были привязаны бревна в виде поперечных перекладин. Место казни напоминало Голгофу. Возле одного из крестов пылал костер, и в большом пивном котле кипела вода.

Царь Иван явился на рыночную площадь на коне и в полном вооружении — «в доспехе, в шоломе и с копием». При нем находились наследник и многочисленная вооруженная свита. За свитой следовало 1500 конных стрельцов. Они окружили площадь полукругом.

Приготовления к экзекуции и появление царя с опричниками вызвали панику среди столичного населения. Люди разбегались по домам. Такой оборот дела озадачил Грозного, и он принялся увещевать народ «подойти посмотреть поближе». Паника понемногу улеглась, и толпа заполнила рыночную площадь. Обращаясь к толпе, царь громко спросил: «Правильно ли я делаю, что хочу покарать своих изменников?» В ответ послышались громкие крики: «Живи, преблагой царь! Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их!» Всенародное одобрение опричной расправы было, конечно, фикцией.

Стража вывела на площадь примерно 300 опальных людей, разделенных на две группы. Осужденные представляли собой жалкое зрелище. После перенесенных пыток многие из них с трудом передвигались.

Около 180 человек были отведены в сторону и выданы на поруки земцам. Царь «великодушно» объявил народу об их помиловании. Подле кольев остались более 100 человек. Москва не видывала казней такого масштаба. Немногим палачам, которых содержала посадская община, справиться с делом было не по плечу. Перед самым началом экзекуции вышла заминка. Малюта Скуратов, распоряжавшийся на площади, подбегал к царю и спросил, кому начинать казни. Самодержец отвечал двусмысленной шуткой: «Пусть один предатель другого предателя губит». Он, конечно же, имел в виду земцев. Последние по-своему поняли смысл царской речи: «Пусть верный казнит вероломного». Слова Грозного были адресованы земщине.

Участие высшего боярского руководства в казнях должно было устранить все сомнения в справедливости наказания. В тех же целях роль главного обвинителя была поручена не опричникам, а главному земскому дьяку Андрею Щелкалову.

Став посреди площади, Щелкалов начал громко «вычитывать» печатнику Висковатому его «вины». После каждой статьи обвинения Щелкалов стегал осужденного по голове плетью.

Насколько верно передал Шлихтинг публичные обвинения, предъявленные опальному дьяку в день казни? Подлинные описи царского архива сохранили официальную формулу обвинения. Важнейшим пунктом было обвинение заговорщиков в намерении извести царя злым умышлением и посадить на трон князя Владимира. Шлихтинг умолчал об этом по причинам, разобранным выше.

Щелкалов тщетно требовал от Висковатого, чтобы тот признал нелепые обвинения насчет отравления государя и сдачи крепостей Литве. Земский дьяк ответил своим палачам гордым отказом. «Великий государь, — произнес он, — Бог свидетель, что

я не виновен… Но я всегда верно служил тебе, как подобает верному подданному. Дело мое я поручаю Богу, он нас рассудит на том свете».

Придворные царя сделали последнюю попытку убедить Висковатого сознаться в измене и молить государя о помиловании. «Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем!» — таковы были его последние слова.

По знаку царя печатника ободрали донага и привязали к кресту. Первым к дьяку подбежал Скуратов и отрезал ему нос. Другие «верные» отсекли пальцы на руках и ногах, уши и губы. Последним палачом печатника стал земский дьяк Иван Реутов. Печатника разрезали на части живьем, а потом отрубили голову у трупа.

В течение двух десятилетий Висковатый был ближайшим советником царя и пользовался его полным доверием и даже привязанностью.

После печатника настала очередь государственного казначея Никиты Фуникова. Щелкалов прочел ему «вины» и потребовал от него признания. Казначей отверг обвинения.

Спектакль явно отклонялся от намеченного сценария. Публичное покаяние изменников было предусмотрено опричниками. Грозный решил исправить впечатление и обратился к фуникову с назидательной речью. Смысл ее сводился к тому, что даже при отсутствии вины казначея он достоин казни уже за то, что был пособником изменника Висковатого: «Даже если ты и ни в чем не прегрешил, тем не менее ты ему угождал, поэтому надлежит погибнуть обоим». Слова царя свидетельствовали о полном отсутствии улик у обвинения.

Фуникова привязали к кресту, после чего Грозный приказал Малюте попотчевать его хорошим медом. Скуратов опрокинул на голову несчастного котел с кипящей водой. Потом его стали обливать попеременно кипятком и ледяной водой. Казначей был сварен заживо.

Синодик опальных подтверждает, что 25 июля был казнен последний сын дворцового повара Молявы Алексей, который также был поваром. Он якобы пытался отравить царскую семью. Повар упал перед царем ниц и остался лежать на земле. По некоторым сведениям, государь, до того не обнажавший оружия, заколол «отравителя» копьем. Не многие из подданных удостоились чести принять смерть от руки помазанника Божьего.

Пример царя воодушевил придворных. Опричный боярин князь Василий Темкин-Ростовский соскочил с коня и отрубил голову дьяку Разбойного приказа Григорию Шапкину, его жене и двум сыновьям. Один из самых видных членов земской думы,

родня царя Ивана, Яковлев-Захарьин, обезглавил дьяка Большого прихода Ивана Булгакова, его жену и дочь. Убит был также дьяк Поместного приказа Василий Степанов с женой и сыновьями.

Главными героями московского дела были все же не эти столичные дьяки, а стоявший за их спиной «великий боярин» Семен Васильевич Яковлев-Захарьин, близкий родственник царской семьи и один из старших бояр думы. В новгородском Судном списке значилось, что изменники-новгородцы «ссылались к Москве… с печатником с Ываном Михайловым Висковатого и с Семеном Васильевым сыном Яковля…». Яковлев был арестован в качестве главного сообщника Пимена.

Грозный простил его и направил воеводой в Смоленск, крепость на литовской границе. То, что воевода намеревался сдать литовцам Новгород и Псков, в счет не шло. Яковлев оставался в Смоленске по крайней мере до весны 1571 г.

25 июля опричники обезглавили бояр архиепископа Пимена (князя Андрея Тулупова-Стародубского, князя Василия Шаховского-Ярославского, псковского наместника владыки Неудачу Цыплятева), новгородских дьяков (Румянцева и Ростовцева), более 100 человек новгородских дворян, многих дворцовых слуг.

Трупы убитых лежали на площади в течение трех дней. Потом их предали земле.

Семья Висковатого подверглась сравнительно мягкому наказанию. Его вдова попала в монастырь, а сын был лишен имения и сослан на Белоозеро. Вдова Фуникова подверглась диким пыткам и умерла, дочь была заточена в монастырь, а сын арестован. Вдовы и дети казненных новгородцев некоторое время оставались в Александровской слободе, а затем царь велел их всех утопить. Среди них были княгини Тулупова и Шаховская, вдовы других архиепископских слуг, члены семей дьяков Кузьмы Румянцева и Богдана Ростовцева. Всего погибло свыше 60 женщин и детей. То, что происходило на Волховском мосту в Новгороде, повторилось и в Слободе.

Казни на Поганой луже были первым актом московского дела. За спиной приказных людей маячила боярская знать. Висковатый и Фуников получили свои чины от бояр Захарьиных, которые сосредоточили в своих руках управление земщиной и распоряжались при дворе племянника царевича Ивана.

Опричники готовились учинить в Москве такой же погром, как и в Новгороде. В день казни Висковатого царь объявил народу с Лобного места, что в «мыслях у него было намерение погубить всех жителей города (Москвы), но он сложил уже с них гнев». Перспектива повторения в столице новгородских событий пугала

руководителей земщины. Возможно, Захарьины пытались использовать свое влияние на наследника, чтобы образумить царя и положить предел чудовищному опричному террору.

Отношения между царем и наследником были натянутыми. Вспыльчивый и деспотичный отец нередко поколачивал сына. Меж тем царевичу исполнилось 17 лет, и он обладал нравом не менее крутым, чем отец. Грозный давно не доверял Захарьиным и боялся, как бы они не впутали его сына в придворные распри.

Подозрения царя насчет тайных интриг окружавшего царевича боярства зашли столь далеко, что за месяц до московских казней он публично объявил о намерении лишить сына прав на престол и сделать своим наследником «ливонского короля» Магнуса. Достаточно проницательные современники отметили, что царь хотел лишь нагнать страху на земских бояр и припугнуть строптивого сына. Однако его опрометчивые заявления, сделанные в присутствии бояр и послов, вызвали сильное раздражение в ближайшем окружении наследника.

В памяти народа сохранилось предание о том, как грозный царь разгневался на сына. Из уст в уста передавали народные сказители древнюю историю, как царь Иван Васильевич вывел измену из Пскова и из Новгорода и призадумался над тем, как бы вывести измену из каменной Москвы. Злодей Малюта Скуратов сказал тогда государю, что не вывести ему изменушку до веку, пока сидит супротивник (сын) супротив его. Поверив Малюте, Грозный велел казнить наследника, но за него вступился боярин Никита Романович: «Ты, Малюта, Малюта Скурлатович! Не за свой ты кус примаешься, ты етим кусом подавишься!» Благодаря заступничеству дяди царский сын был спасен.

Издатели «Сказов» считали фабулу песни «О гневе Грозного» вымышленной. Но это не так. В основе фабулы лежали реальные события.

Московское дело служило повторением прошедших ранее политических процессов. Его жертвами стали нетитулованная знать земщины и высшая приказная бюрократия. Руководство опричниной осуществлял старомосковский боярский род Плещеевых, представленный главой опричной думы боярином Алексеем Басмановым и его сыном Федором. На них-то и обрушились репрессии.

Грозный отстранил Басманова от участия в расследовании новгородской измены. В конце новгородского похода опричники, как следует из Синодика, казнили двух слуг Басманова. Еще четверо слуг боярина были убиты 25 июля.

Вместе с Басмановыми в опричной думе заседали их родственники Плещеевы. Катастрофа постигла их всех разом. В

Синодике сохранилась запись о том, что опричники казнили «Алексия, сына его Петра Басмановы, Захарьдо, Иону Плещеевых». Алексей Басманов и Захарий Очин-Плещеев были опричными боярами, Иван Очин командовал опричными отрядами. Эти люди пролили много крови. Теперь настал их черед.

Алексей Басманов был обезглавлен вместе с младшим сыном Петром. Его старший сын Федор сохранил жизнь страшной ценой. Он зарезал отца, чтобы доказать преданность царю. Преступление не спасло опричного фаворита. Его отправили в изгнание на Белоозеро, где он и умер.

Грозный выделил отцеубийцу среди прочих опричников. Он прислал в Троице-Сергиев монастырь 100 рублей на помин его души. Позднее он пожаловал сыновей Федора и вернул им отцовские родовые вотчины: «И те им отца их вотчины, которые были в роздаче, все велел им отдати».

Новгородский архиепископ Пимен был пособником царя и поддерживал дружеские отношения с опричным руководством. Члены опричной думы боялись, что расправа с Пименом усилит непопулярность опричной политики. Их волновала также и собственная безопасность, ничем не гарантированная в условиях массовых репрессий. Террор был развязан ими самими, но теперь он все больше ускользал из-под их контроля.

В ходе расследования изборской измены перед походом на Новгород Грозный принял решение перебить всех пленных поляков. По свидетельству Шлихтинга, Афанасий Вяземский возражал против такого решения и добился того, что царь отступил от своего намерения. Оружничий не проявил достаточного рвения в борьбе с изменой и поплатился за это собственной жизнью.

Когда опричный любимец государя увидел, что его жизнь в опасности, он явился к лейб-медику Арнульфу и пять дней скрывался в его доме. Опальный общался с врачом через переводчика Шлихтинга. Переводчик получил сведения об опале Афанасия из первых рук. Достоверность его показаний полностью подтверждает Синодик опальных.

На Афанасия Вяземского донес царский ловчий Григорий Ловчиков, обязанный ему своей карьерой в опричнине. Ловчий сообщил Ивану, якобы Афанасий «выдал вверенные ему тайны и открыл принятое решение о разрушении Новгорода». Слово «якобы» не должно вводить нас в заблуждение. В своих «Записках» Шлихтинг представлял боярина Федорова ни в чем не повинным человеком, хотя был уверен в наличии заговора.

Грозный никому не доверял так, как доверял Вяземскому,

только из его рук принимал лекарства. Оружничий первым узнал от царя о решении покарать новгородцев и выдал «вверенные ему тайны». Кому Афанасий мог выдать секрет? Очевидно, Пимену. Следственное дело об измене Новгорода констатировало факт тайной «ссылки» Вяземского с Пименом, но интерпретировало его в духе официозной версии о готовившейся сдаче Новгорода литовцам.

Царь поначалу не тронул любимца, но, как свидетельствует Шлихтинг, велел подстеречь и убить его челядинцев, а потом братьев. Синодик опальных называет убитых поименно. 25 июля были казнены Ермола Вяземский и несколько слуг Афанасия. Узнав, что оружничий скрывается у лейб-медика, царь послал за ним и сказал: «Ты видишь, что все твои враги составили заговор на твою погибель. Но если ты благоразумен, то беги в Москву». Грозный явно не желал проливать кровь любимца и сам подталкивал его к побегу. Но Афанасий не воспользовался случаем. По прибытии в столицу он был арестован и поставлен на правеж. Главного опричника ежедневно били палками по пяткам, требуя деньги. Затем Вяземского сослали в Городец на Волге, где он и умер в тюрьме в железных оковах.

Грозный убедился, что измена проникла в его ближайшее опричное окружение. Воображение рисовало ему картину грандиозного заговора, объединившего против него всех руководителей земщины и опричнины.

Насилия грозили превратить опричное войско в шайку грабителей и мародеров. Опричнина изжила себя, что сделало неизбежным падение старого опричного руководства. Падение было ускорено интригами новых любимцев царя — Малюты Скуратова-Бельского и Василия Грязного. В отличие от Басмановых и Вяземского эти люди не играли никакой роли при учреждении опричнины. Лишь разоблачение новгородской измены позволило им получить низшие думные чины, а затем захватить руководство.

Победы и поражения

После возобновления военных действий на западных рубежах русские дипломаты предприняли попытку вовлечь в антипольскую коалицию Швецию и Англию. Но после низложения короля Эрика XIV шведское правительство расторгло заключенный ранее союзный договор с Россией. Во время совещаний с английским послом Рандольфом в Вологде опричные дипломаты разработали проект англо-русского союзного договора. Но Англия отказалась его ратифицировать. России пришлось продолжать Ливонскую войну без союзников в самых неблагоприятных условиях. С подписанием Люблинской унии в 1569 г. Польша и Литва объединились в единое государство — Речь Посполитую. Мирный договор между Польшей и Турцией создал опасность образования широкой антирусской коалиции. Однако и Речь Посполитая, и Россия одинаково нуждались в мире. Поэтому обе страны заключили в 1570 г. трехлетнее перемирие. Опричная дипломатия между тем выдвинула проект образования вассального Ливонского королевства под эгидой Грозного. Царский вассал Магнус предпринял попытку изгнать шведов из Ревеля. Его поддержала многочисленная московская армия, снабженная осадной артиллерией. Овладеть Ревелем не удалось, и после продолжительной осады царские воеводы отступили от стен крепости.

Швеция прилагала все усилия к тому, чтобы избежать войны с Россией. Новый шведский король Юхан III послал на границу послов. Но ехавшие впереди послов гонцы были задержаны в Новгороде. Один из гонцов заявил о желании перейти на царскую службу и сообщил, что шведские послы уполномочены подписать с Россией мир на любых, даже самых тяжелых условиях, включая уступку Ревеля.

Царь спешно направил в Швецию разрешение на въезд послов, однако было слишком поздно. Швеция заключила мир с Данией. Шведское правительство сняло с повестки дня вопрос об уступке русским Ревеля.

Опричная дипломатия потерпела ничем не прикрытое поражение. Она не смогла использовать единственную в своем роде возможность решить мирными средствами исход борьбы за Ревель. Причиной неудачи была некомпетентность опричного руководства. Земский Посольский приказ еще раньше лишился наиболее авторитетных и дальновидных руководителей.

Русское командование не могло выделить крупных сил для завершения борьбы в Прибалтике ввиду сложной ситуации,

сложившейся на южных границах. Опасность объединения татарских сил под властью Османской империи, существовавшая как призрак в начале Казанской войны, приобрела впервые реальные контуры. К весне 1569 г. Турция сосредоточила в Азове 17-тысячную армию при 100 орудиях. Эти силы предназначены были для захвата Астрахани и изгнания русских из Нижнего Поволжья. Летом турецкая армия двинулась из Азова к Астрахани и по пути соединилась с 40-тысячной Крымской ордой и восставшими ногайцами. На переволоке между Доном и Волгой турки задержались на две недели, предприняв тщетные попытки прорыть канал. Затея оказалась неисполнимой. Турки не смогли переправить галеры с тяжелой артиллерией на Волгу и вернули их по Дону на Черное море. От переволоки турки и татары вышли к Астрахани, но не осмелились штурмовать Заячий остров, на котором располагалась крепость. Взбунтовавшиеся янычары отказались зимовать в Поволжье, и после десятидневной стоянки турецкая армия отступила к Азову. Во время перехода по безводным степям Северного Кавказа «кабардинской дорогой» турки понесли большие потери от голода и недостатка воды. До Азова добрались лишь жалкие остатки сильной и многочисленной турецкой армии. Гибель турецкой армии не привела к прекращению турецко-татарской экспансии, направленной против России. Весной 1570 г. крымцы подвергли страшному опустошению рязанскую окраину.

При Адашеве русские войска высаживались на побережье Крыма и наводили страх на Орду. Активные военные действия сдерживали экспансию кочевников. Бездеятельность русских войск и разруха, воцарившаяся в России, изменили ситуацию. К середине XVI в. Россия создала на своих южных рубежах превосходную сторожевую службу. Сторожевые станицы несли дозор в глубинах «Дикого поля», на большом расстоянии от границ. Это позволяло русскому командованию следить за всеми передвижениями Крымской орды. Осенью 1570 г. сторожа донесли о появлении вблизи русских границ 30 000 татар. На Оку выступили главные воеводы, к ним присоединился царь с опричниной. Татары ушли в степи. По обыкновению, монарх заподозрил обман. В записях Разрядного приказа явственно прозвучал его гневный окрик: «Все станишники во всех местах, где сказывали, видели людей… до 30 тысеч, и то солгали!»

Грозный дал распоряжение реорганизовать сторожевую службу. Воевода Воротынский приступил к работе уже в начале 1571 г. Но дело неизбежно затянулось. Вторжение Девлет-Гирея в мае 1571 г. застало русское командование врасплох. Реорганизация пограничной службы не была завершена.

Станичники опасались, что за ложную тревогу им придется отвечать головами. В книгах Разрядного приказа донесения сторожей за май вообще не фигурируют.

В нашествии участвовали 40-тысячная Крымская орда, Большая и Малая ногайские орды и отряды черкесов.

Борьба с кочевниками-иноверцами носила характер войны православных против басурман. Но царь обходился с христианами хуже татар. Разгул террора привел к появлению перебежчиков. В кампании 1571 г. их было множество. Весной из опричных полков к хану бежал галичанин Башуй Сумароков. Он настойчиво советовал татарам идти прямо к Москве: «Против-де, тебя (хана) в собранье людей нет». Другой перебежчик из опричнины заявил: «Царь хочет идти в Серпухов славы для, стати ему против татар некем». Сын боярский из земщины Кудеяр Тишенков взялся проводить хана к Москве по таким дорогам, на которых вообще нет русских войск: «А будет-де, государь, тебе до Москвы встреча… и ты-де, государь, вели меня казнить».

Изменник вывел Орду к Кромам по Свиной дороге. До реорганизации в этом районе было пять сторожевых станиц, после реорганизации осталась одна.

Земские воеводы заняли оборонительные позиции на Оке под Серпуховом. Однако Разрядный приказ успел собрать небольшие силы.

16 мая царь Иван с опричниной выступил на помощь земским полкам. В походе участвовали лишь те, кого успели собрать в Слободе.

Хан обошел приокские укрепления с запада и повел наступление на Москву из района Кром. Подвижная татарская конница вышла во фланг царской армии.

Грозный оставался в полной уверенности, что татары еще за Окой, как вдруг ему донесли, что татары появились поблизости от его ставки. Опричные полки были слишком малочисленными, чтобы вступить в бой с главными силами хана. Боясь попасть в плен, Иван спешно покинул ставку и, забрав с собой многочисленную охрану, ускакал в Александровскую слободу, а оттуда в Ростов.

Отбросив опричников, татары устремились к русской столице, угрожая отрезать от Москвы земскую армию.

В отличие от монарха земские воеводы поначалу действовали весьма решительно. Они успели отвести полки к Москве за день до подхода к столице Орды. Главнокомандующий князь Иван Бельский «выехал против крымского царя и крымских людей за Москву-реку забил (отбросил) за болото на луг», Однако в ходе боя Бельский был ранен и увезен на свой двор в Кремле. Русская

армия осталась без главнокомандующего, что вызвало полную неразбериху. Старшим воеводой после Бельского был воевода полка правой руки князь Иван Мстиславский. Никаких активных действий он не предпринимал.

Хан Девлет-Гирей разбил ставку в селе Коломенском, его сыновья — на Воробьевых горах. Татары не имели ни осадной артиллерии, ни пехоты. У них не было ни единого шанса прорвать тройную линию обороны Москвы. Но хан и не ставил такую задачу. По обыкновению, татары распустили облавы по всему Подмосковью, грабя города и деревни и захватывая пленных.

Кремль был неприступной крепостью. Однако оборона русской столицы имела уязвимые места. За полвека со времени последнего нападения Крыма Москва отвыкла от татарских набегов. Посад быстро рос. К стенам Земляного города прилепилось множество слободок и дворов. Именно эти незащищенные предместья татары принялись грабить, едва приблизились к городу.

Встретив отпор на улицах Москвы, крымцы стали жечь посады. С утра стояла ясная тихая погода, без ветра. Но затем налетела буря, и пламя охватило весь город. При начале пожара зазвонили все городские колокола. Затем колокольный звон стих. Огонь уничтожал звонницы одну за другой. Вскоре сильные взрывы потрясли город до основания. Взлетели на воздух пороховые погреба, устроенные в башнях. В двух местах крепостные стены Кремля и Китай-города оказались разрушены до основания.

При появлении татар окрестное население сбежалось в столицу под защиту крепостных стен. Гонимые пожаром горожане и беженцы бросились к северным воротам столицы. В воротах и на прилежащих к ним узких улочках образовался затор, люди «в три ряда шли по головам один другого, и верхние давили тех, которые были под ними». Кому удавалось спастись от огня, погибали в ужасающей давке. Пожарный зной гнал жителей в воду. Кремлевские рвы и Москва-река были забиты трупами так, что «Москва-река мертвых не пронесла».

Войска понесли неслыханные потери. Расположившиеся на тесных улицах полки утратили порядок и смешались с населением, бежавшим из горящих кварталов. Бельский «умер от ран и пожарного зною» в подвалах своего двора. Погибли боярин Вороной-Волынский и множество дворян и детей боярских. По словам очевидцев, в Москве осталось не более 300 боеспособных воинов.

В течение трех часов столица выгорела дотла. Татары,

пытавшиеся грабить горящий город, гибли в огне. На другой день после пожара крымцы поспешно ушли из-под Москвы в степи.

«Провожать» Орду смог один князь Михаил Воротынский. Он стоял с передовым полком на Таганском лугу. Но у него было слишком мало сил, чтобы помешать татарам разорить Подмосковье и Рязанскую землю.

С поля хан прислал в Москву гонца. Обращение Девлет-Гирея к царю было выдержано в грубых и высокомерных тонах: «И хотел есми венца твоего и главы, и ты не пришел, и против нас не стал. Да и ты похваляешься, что-де, яз — Московский государь, и было б в тебе срам и дородство, и ты бы пришел против нас и стоял». В качестве поминок посланец вручил самодержцу нож.

Грозному пришлось смирить гордыню. Не желая втягиваться в длительную войну с такими сильными противниками, как Турция и Крым, он уведомил хана, что готов «поступиться» Астраханью, если тот согласится заключить с Россией военный союз. В Крыму уступки царя посчитали недостаточными и предложения о союзе отклонили.

Весть о сожжении Москвы распространилась по всей Европе. Курбский насмешливо писал о поражении самодержца: «Бегун пред врагом и храняка (спрятавшийся беглец) царь великий християнски пред басурманским волком».

Москва превратилась в огромное пепелище с рядами обгорелых печных труб. Расчистка пожарища заняла почти два месяца. Город надолго опустел. Властям пришлось издать указ о переселении посадских людей из разных городов в столицу.

После сожжения Москвы крымцы, поддержанные турками, выдвинули план полного военного разгрома и подчинения Русского государства.

Незавершенное расследование

Террор обострил борьбу за власть внутри земского руководства. Ставки в этой борьбе были исключительно велики. Проигравшим грозила плаха.

С помощью опричнины дьяки Щелкаловы расправились с Висковатым и Фуниковым, пользовавшимися покровительством Захарьиных. В свою очередь, Захарьины попытались использовать опричнину, чтобы устранить Щелкаловых.

Некий подьячий Айгустов подал донос на Василия Щелкалова. Доносчик не выдержал пытки и сознался, что «он ставливал на Василья многие дела по науку князя Михаила Черкасского». Интрига не удалась.

Недруги Черкасского действовали более успешно. Они не решились напасть на здравствовавших бояр Захарьиных и подали донос на покойного боярина Василия Юрьева-Захарьина. В царском архиве хранилось «дело Прокоша Цвиленева, что сказал на него наугороцкий подьячий Богданко Прокофьев государьское дело и про зсылку Василия Михайловича Юрьева». По Синодику, Цвиленев был казнен в Москве в дни суда над Пименом. Грозный не мог покарать умершего боярина, но велел убить дочь Юрьева с ее малолетним сыном. Опричники не позволили похоронить тела убитых по христианскому обычаю. Казненная была троюродной сестрой царевича Ивана, а мужем ее был глава опричной думы Черкасский. В горах кровная месть была непреложным законом. Кабардинский князь не простил Ивану убийства жены и сына.

Со своей стороны царь старался держать шурина в постоянном страхе. По ничтожному поводу он велел повесить на воротах его дома трех главных слуг и не позволял снимать тела две недели. В другой раз он приказал привязать к дверям его дома медведей.

В походе против татар Черкасский занял пост самого многочисленного в опричном войске передового полка. В дни похода прошел слух, что в набеге Девлет-Гирея участвует отец князя Михаила. Из-за этого Грозный, как полагают, велел стрельцам зарубить шурина. Так ли это?

Царь сам позаботился о том, чтобы изложить обстоятельства своего конфликта с воеводами. В 1572 г. в беседе с литовским гонцом Грозный жаловался: «Передо мной пошло семь воевод с многими людьми, и они мне о войске татарском знать не дали»; «Мои привели меня на татарское войско, в четырех милях, а я о них не знал». Слова царя объясняют смерть Черкасского.

Грозный ничего не знал о том, что Девлет-Гирей вышел в тыл

русской армии. Татары внезапно появились в четырех верстах от его ставки. Это расстояние татарская конница могла преодолеть в течение пятнадцати минут. Царь едва избежал татарского плена. Перед царем шел передовой полк Черкасского. Его-то Иван и заподозрил в измене. Слух о том, что с Девлет-ханом идет Темгрюк, усилил подозрения. Схема заговора была готова. Черкасский сослался с отцом и навел татар на ставку царя. Английский посол Джильс Флетчер записал сведения о том, что в 1571 г. царь покинул поле боя, потому что «сомневался в своем дворянстве и военачальниках, будто бы замышлявших выдать его татарам».

Сам Грозный говорил, обращаясь к крымскому послу: «Брат наш Девлет-Гирей сослався с нашими изменники з бояры, да пошел на нашу землю, а бояре наши еще на поле прислали к нему с вестью встречю разбойика Кудеяра Тишенкова».

Имена «изменников»-бояр известны благодаря Синодику. В ближайшее время после майской катастрофы были казнены опричные бояре, подставившие монарха под удар противника, — второй воевода передового полка, помощник Черкасского, боярин князь Василий Темкин-Ростовский с сыном, воевода сторожевого полка Василий Петрович Яковлев-Захарьин, опричный кравчий Федор Салтыков.

Грозный публично обвинял бояр Шереметевых, что они изменнически ссылаются с крымским ханом.

В дни набега русские захватили в поле барымского царевича, пытавшегося перебежать к татарам. На пытке он показал, будто его послали в Крым кравчий Федор Салтыков и боярин Иван Мстиславский, а «приказали с ним, чтобы царь (хан) воротился к Москве, и только придет к Москве, и Москва будет его». Из его показаний следовало, что изменники не только навели татар на Москву, но и желали, чтобы Крым удержал под своею властью спаленную Москву, что было и вовсе не правдоподобно.

Глава земской Боярской думы князь Иван Мстиславский признал свою вину и тем спас свою голову. Летом 1571 г. Грозный заставил его подписать поручные записи с таким признанием: «…изменил, навел есми с моими товарищи (воеводами. — *Р.С.*) безбожного крымского царя Девлет-Гирея… моею изменою и моих товарищев крестьянская кровь многая пролита, а крестьянство многое множество погребению не сподобилось».

Главный воевода, повинный в гибели Москвы, заслуживал смертной казни. Вместо того он получил почетный пост наместника Новгорода Великого и отбыл туда из столицы.

Возникло дело о боярской измене в пользу Крыма. Оно могло

вылиться в новый многолетний процесс. Но этого не случилось. Громить пожарище, оставшееся на месте Москвы, не имело смысла, тем более что следовало ждать нового нападения крымцев, и надо было подумать о защите столицы, стены которой были полуразрушены.

Новое дело так и не сложилось. Жертвы подозрительности царя записаны в Синодике в разных местах, без всякого порядка и с пропусками.

Опричный корпус был создан, чтобы обеспечить личную безопасность монарха. Корпус не только не справился с этой задачей, но едва не погубил государя, наведя на него крымцев. Неудивительно, что после катастрофы Грозный довершил разгром опричного руководства. Боярин и дворецкий Лев Салтыков, занимавший в опричной думе высшие посты, был насильственно пострижен в Троице-Сергиевом монастыре, а затем казнен. Имя его записано в кратком Синодике. Опричный боярин Иван Чеботов был заточен в одном из ростовских монастырей. Самый знатный из думных дворян опричнины Иван Воронцов был убит, о чем сообщает Курбский. Сподвижника Басмановых ясельничего Петра Зайцева Грозный велел повесить на воротах собственного дома.

Несмотря на все высокие посты и титулы, Мстиславский не пользовался большим влиянием в земщине. Признание в измене окончательно подорвало его авторитет в народе. Но в земской думе были силы, пережившие террор. Они группировались вокруг Захарьиных и их родни.

Возвышение Захарьиных началось при Дмитрии Донском. Федор Кошка был его любимым боярином. Сын Кошки Иван служил казначеем у Василия I. При Иване III Яков Захарьин-Кошкин сделал все, чтобы искоренить дух новгородской вольности. Он казнил многих новгородцев за покушение на его жизнь и провел первую экспроприацию в истории России. Все местные землевладельцы лишились владений и были выселены из Новгорода. От Якова пошел род бояр Яковлевых, от его младшего брата Юрия — бояр Юрьевых. Поборник московского благочестия Михаил Юрьев был ближним боярином Василия III. Он отличился тем, что требовал расправы над Максимом Философом. Юрьев был одним из опекунов малолетнего Ивана IV.

Самой младшей ветвью Захарьиных были Романовы-Юрьевы. Брак царя с Анастасией Романовой безмерно возвысил их. В 1560 г. Грозный назначил нескольких Захарьиных опекунами малолетнего наследника царевича Ивана. Накануне опричнины их влияние рухнуло. Данила Романов умер, а Иван Яковлев

подвергся аресту. В письме к думе в 1565 г. Грозный объявил персональную опалу новому дворецкому Никите Романову.

К началу 1570-х годов думные чины имели Никита Романов, бояре Семен Васильевич, Иван Петрович и Василий Петрович Яковлевы, их родня бояре Шереметевы. На них царь и обрушил свой гнев.

Великий боярин Иван Большой Шереметев, спасая голову, ушел в монастырь до сожжения Москвы. Василий Петрович и его брат Иван Яковлевы были забиты палками в 1571 г. Царь поначалу простил Семену Яковлеву его участие в новгородском заговоре, но после катастрофы вспомнил о нем и велел казнить вместе с сыном Никитой. В Синодике записаны: «Семен Васильев, его сын Никита». Об их убийстве сообщает Курбский.

Захарьины подверглись подлинному разгрому. В думе остался один лишь Никита Романов.

Опричнина выдвинула нетитулованное старомосковское боярство на авансцену как в земщине, так и в опричнине. Разгром заговоров Федорова-Челяднина, Данилова в земщине и Басманова в опричнине, наконец, Захарьиных в опричнине и земщине покончил с могуществом старомосковской знати.

Не имея опоры ни в опричной, ни в земской думе, Грозный попытался найти опору среди жертв террора.

Род князей Пронских серьезно пострадал от гонений опричнины. Старший из бояр Пронских Иван Турунтай был забит палками примерно в 1569 г. Князь Василий Рыбин-Пронский лишился головы тремя годами ранее.

Петр Пронский служил в боярах у князя Владимира Старицкого. После перехода на царскую службу он участвовал в расследовании заговора сторонников Старицкого в Новгороде. В дни погрома он каждый день выезжал из города навстречу государю и докладывал о том, что произошло за ночь. В начале 1571 г. боярин был принят в опричнину.

К осени 1570 г. на опричную службу был зачислен князь Никита Одоевский. Его сестра, бывшая замужем за князем Владимиром, была отравлена с мужем и детьми на Богане осенью 1569 г. После сожжения Москвы Одоевский был пожалован в бояре и вошел в опричную думу.

Одновременно с Одоевским в опричнину был принят князь Андрей Хованский, двоюродный племянник Евфросиньи Старицкой. Он прежде был боярином и дворецким у князя Владимира. Членом опричной думы стал Никита Борисов, родня которого подверглась казни по делу Федорова. По матери Евфросинья Старицкая была Борисовой.

Три года Грозный вел настоящую охоту за мнимыми

сторонниками брата Владимира, а теперь, казалось бы, решил составить новую опричную думу из его родни и бояр.

Формально опричной думой руководил служилый князь Федор Трубецкой, младший родич Бельских и Мстиславских. Он попал в опричнину к осени 1570 г. и к маю 1571 г. занял пост первого дворового воеводы, оттеснив Черкасского.

Не позднее лета 1570 г. воеводский чин в опричнине получил известный воевода князь Василий Барбашев-Суздальский, а к весне 1572 г. главой опричной думы стал князь Иван Андреевич Шуйский.

Опричнина начала с казни Горбатого-Суздальского, а закончила тем, что перешла под руководство Шуйского. Цикл замкнулся.

Опричному двору нужен был новый блестящий фасад, и царь постарался пополнить опричную думу представителями самых знатных фамилий России. Все это вовсе не означало, что в опричнине в конечном итоге взяла верх высшая аристократия. Опричники Таубе и Крузе весьма метко характеризовали последнее опричное правительство, заметив, что при особе царя не осталось никого, кроме отъявленных палачей и молодых ротозеев. Представители высшей титулованной знати, появившиеся в опричнине, принадлежали ко второй категории: в большинстве своем это были люди сравнительно молодые.

Марфа Собакина

После смерти царицы Марии Черкасской Грозный не стал искать жену за рубежом, а велел переписать дворянских девок-невест по всей стране. По окончании переписи опричники свезли в Александровскую слободу примерно 2000 дворянских девок-невест. Смотрины позволили отобрать сначала 24, а затем 12 самых красивых девиц. Выбор царя пал на Марфу Собакину. Как значилось в приговоре Священного собора, «о девицах многу испытанию бывшу, потом же царь надолзе времяни избрал себе невесту, дщерь Василия Собакина». Собакины были незнатными помещиками из-под Коломны.

На свадьбе Марфы с царем ее свахами были жена и дочь Малюты Скуратова, а его дружками — сам Малюта и его зять Борис Годунов. Этот факт дает ключ к истории третьего брака Грозного. Видимо, Малюта сосватал монарху свою родственницу. Любовные чувства играли ничтожную роль в выборе царской невесты. Терзаемый страхом перед изменой и заговорами, самодержец полагался во всем на советы верного Малюты.

Невеста сразу после обручения 26 июня 1571 г. стала «сохнуть» и, казалось бы, должна была уступить место другим претенденткам. Но Иван, «положа на Бога упование, любо исцелеет», сыграл свадьбу, когда невеста была совсем плоха. Две недели спустя, в первой половине ноября, Марфа умерла.

Скуратову удалось разрешить трудную задачу, которая была никому другому не по плечу. Свадьба с едва живой боярышней состоялась, и Малюта вступил в родство с царской семьей. Это сразу вознесло худородного опричного временщика на недосягаемую высоту. Со временем с ним породнились знатнейшие фамилии. Одна дочь Скуратова стала женой князя Глинского, другая — Дмитрия Шуйского, брата царя Василия Шуйского. Третья дочь стала царицей Марией Годуновой.

Поставив цель, Малюта, как всегда, шел к ней напролом, не стесняя себя в средствах. Будучи верховным шефом смотрин, Скуратов безжалостно убирал с пути всех, кто мешал осуществлению его планов. Когда опричный «маршалк» (ясельничий) Булат Арцыбашев попытался сосватать Ивану IV сестру, его убили, а сестру отдали стрельцам на поругание. Доктора, участвовавшие в смотринах, говорили то, что угодно было опричному временщику.

Прежде чем сыграть свадьбу, Грозный по совету Скуратова позаботился о мерах безопасности. Все иностранцы получили приказ немедленно покинуть Александровскую слободу. Может

статься, шеф сыскного ведомства опасался, как бы невеста из-за колдовства, порчи и сглаза не умерла до венчания.

Высшее духовенство особым приговором засвидетельствовало, что третий брак фактически не состоялся, ибо венчанный муж девства невесты «не разрешил». Официально было объявлено, что царицу извели ядом злые люди из окружения самого государя: «Дьявол воздвиже ближних многих людей враждовати на царицу нашу, еще в девицах сущу… и тако ей отраву злую учиниша». Нетрудно догадаться, из какого источника шел этот слух. Скуратов внушил царю, что жизни членов царской семьи вновь угрожают его недруги — изменники и чародеи. Он вновь выступил спасителем династии. Смерть Марфы помогла Скуратову расправиться с заподозренными «ближними людьми» Царя, иначе говоря, со старым опричным руководством.

В Москве толковали, что мать Собакиной передала дочери через одного придворного какие-то травки «для чадородия». Вскрытие гробницы Марфы обнаружило поразительный биологический феномен. Царская невеста лежала в гробу бледная, но как бы живая, не тронутая тлением, несмотря на то что пролежала под землей 360 лет. Достаточно было нескольких минут, чтобы лицо ее почернело и превратилось в прах.

В истории мировой медицины случаи такого рода хорошо известны, но причины явления недостаточно изучены. Что произошло с цветущей девицей на выданье, сказать невозможно. Может быть, ее нервная система не выдержала потрясения? А может быть, девица не умерла, а лишь впала в летаргический сон и ее похоронили живой?

Собранные на смотрины невесты жили в опричной Слободе много месяцев. Приглянувшихся девственниц царь брал на блуд. Под конец обесчещенных боярышень наделяли кое-каким приданым и выдавали замуж за придворных или же отпускали к родителям. На склоне лет монарх похвалялся тем, что растлил тысячу дев. Может быть, он преувеличивал, но не намного. Злосчастные смотрины надолго запомнились подданным великого государя.

Монашеское братство

Опричнина не была единой политикой, и ее цели менялись в разные периоды. Этот факт, впервые точно установленный, имеет первостепенное значение для истолкования иностранных свидетельств об опричнине. Игнорирование открытия приводит к очевидным недоразумениям.

Наделение опальных казанскими поместьями и последовавшая вскоре амнистия — таковы характерные черты опричных репрессий «первой» опричнины. Основным содержанием «второй» опричнины был массовый, длительный, кровавый террор. На первом этапе было казнено несколько человек, на втором — несколько тысяч. Избиения, по общему мнению, лишены были смысла.

Характерная особенность «Сказаний» иностранцев состоит в том, что их авторы попали на опричную службу в период «второй» опричнины. Они не только наблюдали вблизи за деяниями опричников, но и сами принимали участие в карательных экспедициях. Рассказы о казнях заняли особое место в их сочинениях. В смысле полноты и достоверности известия иностранцев о начальных событиях опричнины далеко уступают их известиям о терроре.

По словам Генриха Штадена, опричники не должны были ни говорить с земскими, ни сочетаться с ними браком. А если у опричника были в земщине отец или мать, он не смел их никогда навещать. Штадену принадлежит поразительное свидетельство о земских и опричных дворянах: «Часто бывало, что ежели найдут двух таких в разговорах, убивали обоих». Исследователи полагают, что слова Штадена характеризуют ситуацию, сложившуюся в период становления опричнины. Согласиться с этим невозможно. При учреждении опричнины царь предоставил охранному корпусу всевозможные привилегии, и убийство опричника каралось очень строго.

Штаден попал в опричнину в разгар террора, когда земцев действительно убивали без суда и следствия, по ничтожным поводам. Но можно ли верить Штадену, будто вместе с земцами убивали также и опричников? Сомнения в достоверности известия немца-опричника отпадают, коль скоро установлено время, к которому они относятся. В 1570–1571 гг. Грозный старался держать в страхе опричный корпус. Глава опричной думы был убит без всякого суда. Рядовых опричников убивали, используя любой предлог, например, разговор с земцем. Убийства, описанные немцем-опричником, показывают, чего

более всего опасался самодержец. Он страшился объединения недовольных дворян земщины и опричнины.

Ливонские дворяне Иоганн Таубе и Элерт Крузе добились милости царя, представив ему проект создания в Ливонии вассального Ливонского королевства. Проект был утвержден царем в 1569–1570 гг., а его авторы удостоились чести быть принятыми в опричнину.

Описывая жестокости опричнины, Таубе и Крузе отметили такой штрих: «Казненный не должен был погребаться в его (царя) земле, но сделаться добычей птиц, собак и диких зверей». Это показание следует отнести в целом ко второму периоду опричнины. В начале опричнины царь разрешил «честно погрести» главного изменника Горбатого в Троице-Сергиевом монастыре, а через несколько дней обеспечил его душу заупокойным вкладом.

По словам Таубе и Крузе, Грозный создал в опричнине монашеское братство. Их свидетельство в деталях совпадает с рассказом Шлихтинга. Объясняя эту затею, исследователи обращают внимание на то, что в общежитийном монастыре монарх усматривал «нечто вроде идеальной модели организации общества». Иван претендовал на роль учителя и наставника своих подданных в мирских делах и делах веры. «Тщу же ся со усердием люди на истинну и на свет наставити, да познают единого истинного Бога в Троице славимаго от Бога данного им государя», — писал Иван Курбскому. Создание «братства» позволяло царю «сделать постоянным объектом такого воспитания все его ближайшее окружение». Прошедшие такое воспитание должны были стать достойными помощниками Ивана IV в осуществлении им миссии, возложенной на него самим Богом (Б. Н. Флоря).

Воспитательные цели Грозного не подлежат сомнению. Но прежде следует выяснить обстоятельства, которые сопутствовали рождению загадочного «братства».

Следует начать с вопроса, к какому периоду относится показание иноземцев. Полагают, что орден возник вместе с учреждением опричнины. Так ли это?

Не кажется ли странным, что царь, едва вернувшийся на трон после отречения, тут же взялся играть роль игумена? Игумену полагалось отрешиться от мирских дел управления. Руководству опричнины было поручено новое неслыханное дело, требовавшее усилий и труда. Предстояло организовать опричное войско, размежевать опричные и земские владения, наладить сбор налогов в опричную казну, провести репрессии. Время было самое неподходящее для того, чтобы опричная дума и «двор» могли

предаться иноческому житию.

Источники позволяют весьма точно установить время, когда Грозный проявлял наибольший интерес к монашеству применительно к себе и своей семье. В 1567 г. он поведал старцам Кирилло-Белозерского монастыря о своем сокровенном желании принять пострижение в их обители. Самодержец постарался дать инокам доказательства серьезности своих намерений. Он пожертвовал деньги на устройство кельи для себя в стенах монастыря. То не был мимолетный порыв. Иван присылал кресты и иконы для украшения своей кельи. В 1569–1570 гг. по его желанию в Кирилло-Белозерском монастыре были устроены кельи для царевичей Ивана и Федора. Царевичи пожертвовали обители 1500 рублей.

В это время, то есть в начальный период террора, монарх, по-видимому, и основал монастырь в Александровской слободе. По словам Таубе и Крузе, в состав «особого братства», или ордена, входили 300 опричников. В 1565 г. царь отобрал в опричное войско 1000 детей боярских. Верхушку его составлял опричный Государев двор численностью не более 100 дворян. (Общерусское ополчение включало 20–30 тысяч детей боярских и не более 2–3 тысяч дворовых.) К 1568–1570 гг. опричное войско разрослось до нескольких тысяч детей боярских, и только тогда «особный» Государев двор увеличился до 300 человек. Таким образом, рассказ Таубе и Крузе относится не к началу опричнины, а к ее последнему периоду. В Слободской монастырь были приняты не отдельные лица, а весь опричный Государев двор, имевший постоянное местопребывание в Слободе.

При каких обстоятельствах самодержец преобразовал свой опричный «двор» в монашеский орден? Полагают, что он попросту повелел обрядить двор в монашеское одеяние. Иван относился к иноческому житию очень серьезно и не был склонен к пародии или профанации идеала монашества. Но именно такой профанацией был бы принудительно навязанный Государеву двору «иноческий образ». Принудительное пострижение было в глазах царя одним из тяжких наказаний. Такую оценку вполне разделяли опричники.

Менее всего можно было ожидать, что опричные слуги готовы к монашескому подвигу. Они познали вкус власти и пролили кровь. Опричники без труда нашли бы себе место в разбойничьей шайке, но никак не среди подвижников, людей святой жизни.

Что же произошло?

Намерение царя удалиться на покой в монастырь вызвало крайнюю тревогу в опричной думе. Чтобы осуществить свой план, Грозному пришлось бы вторично отречься от престола.

Опричникам предстояло держать ответ перед земщиной за пролитую кровь.

Чтобы помешать самодержцу уединиться в Кирилло-Белозерской обители, опричники, по-видимому, предложили ему образовать свой монастырь в Слободе, зачислив туда весь опричный «двор». Не так уж существенно, исходило ли предложение от самого государя или от опричной думы. Грозный уже однажды посредством отречения навязал свою волю земщине. Может быть, нечто подобное произошло и в опричнине? В массе для членов опричного «двора» не было ровным счетом ничего привлекательного в монашестве. Но они выбрали меньшее зло.

По словам Шлихтинга, опричники несколько дней вели монашеский образ жизни, а затем устраивали массовые экзекуции. Его слова подтверждают, что монастырь функционировал в эпоху массового террора, в короткие периоды между погромами и карательными походами, когда члены Государева двора собирались в Александровской слободе.

Для всех членов братства была изготовлена монашеская одежда: грубые нищенские одеяния на козьем меху, длинные черные монашеские посохи, снабженные железным острием, под нищенской рясой скрывались богатые одежды, шитые золотом, у пояса — длинные ножи.

Рано утром Грозный с сыновьями взбирался на колокольню и вместе с пономарем звонил в колокола. В 4 часа утра все братья собирались в церкви. На тех, кто не явился, накладывали наказание — восьмидневную епитимью, независимо от того, боярин это или сын боярский. С 4 до 7 часов служили молебен. Царь пел вместе с прочей братией в хоре опричников. После часового перерыва Иван снова шествовал в храм и молился с братией до 10 часов.

К этому времени была готова трапеза, и все братья садились за стол. Пока опричники ели, игумен оставался стоять. По должности настоятеля царь во все время обеда стоя читал братии назидательные книги.

Каждый из «иноков» приносил с собой прибор — кружки и блюда. Снисходя к слабости братьев, Грозный разрешал подавать к столу очень дорогие вина и меды, что было грубым нарушением монастырских правил. Опричники должны были унести с собой остатки пищи и вина, чтобы раздать нищим за порогом трапезной. Но поскольку напитки и пища были изысканными, многие уносили остатки домой.

Когда трапеза заканчивалась, к столу шел сам игумен. Вечерняя трапеза сопровождалась службой, продолжавшейся до 9 часов вечера. После этого монарх шел ко сну в спальню. Там его

ждали слепые сказители, которые один за другим пели и рассказывали ему былины и сказки. Засыпал государь не ранее 12 часов ночи. Так происходило ежедневно по будням и праздникам.

Таубе и Крузе сообщают любопытные подробности о первых людях опричного монастыря. Келарем обители был князь Афанасий Вяземский. Келарь заведовал монастырскими припасами и вообще ведал светскими нуждами обители. Вспомним, что князь Афанасий обратил на себя внимание государя во время полоцкого похода, будучи обозным воеводой. Ратные люди сами должны были позаботиться о пропитании. В обозах везли провиант и все необходимое для царя и его свиты. Итак, главной обязанностью Вяземского было снабжение двора. Способ казни его наводит на мысль, что князь неслыханно обогатился, занимаясь снабжением. Его держали на правеже много дней, заставляя платить по 1000, 500 и 300 рублей на день. Деньги взыскивали также с богатых купцов, которых Вяземский ссужал деньгами, предчувствуя грядущую опалу.

Если Басманов формировал политику опричнины, то Вяземский изыскивал средства для проведения этой политики.

Среди руководящих лиц ордена авторы «Записок» называют пономаря Малюту Скуратова. Малюта не играл никакой роли при учреждении опричнины и выдвинулся лишь после кровавого разгрома вотчин Федорова-Челяднина в 1568 г.

Как пономарь, Скуратов приходил первым в церковь и зажигал свечи, готовил к службе кадило. При случае пономарь мог читать псалмы. В народе говорили: «Пономари близко святости труться, а во святых нет их»; «Читает как пономарь».

В Слободском монастыре должность пономаря приобрела особое значение потому, что царь с сыновьями были большими любителями колокольного звона и взбирались на колокольню со звонарем вместе.

Образование опричного монастыря было вопреки привычным представлениям кратковременным эпизодом в истории опричнины.

История Слободского монастыря была тесно связана с конфликтом между митрополитом и царем. 22 марта 1568 г. Филипп обратился к самодержцу с вопросом: почему «неправедная дела твориши?». Обличения митрополита произвели огромное впечатление на столичное население. Грозный задумал учинить суд над Колычевым. Но он боялся, что епископы воспользуются правом печалования и заступятся за главу церкви. По церковным правилам миряне не могли судить иерархов церкви.

Очень может быть, что сам Слободской монастырь возник в

период подготовки суда над митрополитом. Пока Филипп сохранял пост главы церкви, он не потерпел бы, чтобы опричные палачи разыгрывали кощунственный спектакль. В распоряжении митрополита было много средств, чтобы выразить свое отношение к сумасбродной затее. Когда Филипп покинул митрополию, руки у Грозного оказались развязанными.

Глава церкви обличил неправедное житие царя. Наличие в Слободе иноческого братства воочию показывало всем, что государь ведет жизнь святого. Опричники выехали на Соловки для розыска о неправедной и порочной жизни Филиппа в бытность его соловецким игуменом. Власть находилась в руках слободского игумена, и он одержал верх над игуменом соловецким.

После розыска десять опричных «братьев» увезли с Соловков в Москву игумена Паисия и десять соловецких братьев.

Священный собор осудил митрополита. Конфликт получил завершение после того, как слободской пономарь задушил низложенного митрополита. Вскоре же орден стал быстро саморазрушаться. В 1570–1571 гг. одни братья были зарезаны либо повешены на воротах собственного дома, другие утоплены либо брошены в темницу.

Опричный Новгород

Персональные перемены в опричном руководстве не привели первоначально к каким-нибудь принципиальным изменениям в опричной политике. На период после новгородского дела приходится последнее крупное расширение опричной территории.

Чувствуя себя неуютно в Москве, Грозный отдал приказ о строительстве новой укрепленной резиденции в Новгороде. 13 марта 1570 г. «на Торговой стороне от Волхова все дворы очистили, нарядили площадью, а ставити на том месте двор Государев». Опричники пустили на слом 227 дворов, подвергнув принудительному выселению никак не меньше тысячи новгородцев.

Год спустя царь забрал в опричнину Торговую сторону Новгорода и две пятины — Бежецкую и Обонежскую. Чем было вызвано столь неожиданное решение?

Опричный корпус был образован в пределах Московской земли, а значит, сохранил многообразные связи с большим Государевым двором. Казнь вождей опричнины в 1570 г. показала, что Иван IV утратил доверие не только к земскому, но и к опричному двору. Оба этих двора — опричный и земский — принадлежали к дворянству Московской земли, внушавшему самодержцу подозрения. Следуя излюбленному правилу «разделяй и властвуй», монарх попытался противопоставить Москве Новгород Великий, а московским боярам — новгородских помещиков. В отличие от Новгорода боярская Москва избежала разгрома, а следовательно, измена в ней не была искоренена окончательно и бесповоротно.

Парадокс заключается в том, что в опричнине к 1571 г. оказались все старые столицы, противостоявшие Москве в период раздробленности, — Суздаль, Ярославль, Ростов, Стародуб и, наконец, Новгород Великий, самый опасный из антагонистов Москвы.

Опричная крепость в Новгороде должна была стать столь же мощной, как и опричная цитадель в Вологде. Обе эти крепости рассматривались как надежная защита против крамольной знати, располагавшей слишком прочными позициями в «царствующем граде» и Московской земле.

Перебор людишек в опричном Новгороде позволил властям пополнить опричное войско. В него влилось более 500 новгородских помещиков. В дни похода 1570 г. в Новгороде было казнено несколько сот помещиков, поэтому в 1571 г. дело

обошлось без массовых выселений.

В самом конце 1571 г. Грозный прибыл в Новгород с войском и обозом. Видимо, в это время в Новгород была перевезена из Москвы царская сокровищница. Ее охраняли 500 стрельцов. Прочую казну на 450 возах доставили в новую царскую резиденцию в феврале 1572 г.

Осуществить планы строительства замка в Новгороде Грозный не успел. Татары сожгли Москву, и казна вынуждена была истратить все наличные деньги на восстановление столицы. Опричное строительство в Новгороде, Вологде и Слободе прекратилось само собой.

В дни погрома опричники ограбили многих богатых купцов Новгорода. Теперь власти систематически эксплуатировали новгородскую торговлю. Через три недели по прибытии в Новгород опричные дьяки издали таможенную грамоту, обложили повышенными сборами земских торговцев с Софийской стороны и ввели систему строжайших наказаний за нарушение правил торговли. Мелочная опека и регламентация — вот что характеризовало опричную таможенную политику в Новгороде.

Опричные власти установили особые отношения с английскими купцами — членами крупнейшей иностранной купеческой компании в России. Незадолго до похода на Новгород царь предоставил англичанам право беспошлинной торговли по всей России, а также право чеканки русских денег из иностранной серебряной монеты. Щедрые льготы и привилегии должны были привлечь в страну английский торговый капитал. Испытывая нужду в военных материалах, опричное правительство проявляло заботу о расширении производства и позволило членам английской купеческой компании искать в опричных северных уездах залежи железа, «а там, где они удачно найдут его, построить дом для выделки этого железа». Англичане получили разрешение перестроить и расширить канатную фабрику в Вологде. По некоторым сведениям, они завели также полотняную мануфактуру, на которой выделывали грубый холст. Любопытно, что именно опричное правительство впервые в русской истории предоставило концессии иностранному капиталу и эти концессии располагались исключительно в пределах опричнины.

Экономические мероприятия опричнины затрагивали не только сферу торговли и промышленности. Новгородские опричные дьяки проявили особую заботу о благоустройстве дворцовых волостей под Новгородом. Они свозили туда крестьян, выдавали щедрые ссуды. В пределах волости Холынь они устроили торгово-промышленную слободу, заселенную весьма своеобразным способом. По всем новгородским торгам

обнародовали прокламацию к кабальным, монастырским и всяким людям, «чей хто ни буди: и они бы шли во государьскую слободу на Холыню, и государь дает по пяти рублев, по человеку несмотря, а льгота на пять лет». Холопов звали в цареву слободу, суля им освобождение от кабальной зависимости. Необычная мера властей объяснялась достаточно просто. В обстановке голода и разорения многие господа отказывались кормить дворовых и кабальных людей, а те вынуждены были просить подаяние и бродяжничать. Эту социальную категорию в первую очередь и имела в виду опричная администрация.

Опричнина утвердилась в Новгороде в тот момент, когда экономика Новгородской земли пришла в упадок. Дозорщики доносили, что причиной разорения были, помимо неурожаев, непомерные государевы подати. Но администрация, однако, не желала считаться с донесениями собственных агентов и, несмотря на полное разорение крестьян и посадских людей, неукоснительно взыскивала с них подати и недоимки. Когда ладожане не выполнили обязательства перед дворцом и не сдали «государьской обиходной рыбы», в город явились особые чиновники — «праветчики». Многих ладожан они пустили по миру, двух забили насмерть и в конце концов выколотили оброк. Во время государева погрома Ладога пострадала меньше, чем во время опричного правежа.

Ввиду невозможности взыскать с разоренного населения оброки и денежные платежи власти расширяли натуральные повинности. В течение нескольких месяцев новгородцы должны были «пригоном» строить мост через Волховец, мостить и чистить дороги «на государя» по всей земле, сооружать опричный замок, выставлять возчиков с телегами для перевозки артиллерии и провианта.

На первых порах старания опричной администрации, выколачивавшей оброки и умножавшей барщинные повинности, приносили известные выгоды опричной казне. Но эти выгоды очень скоро стали перекрываться убытками. Опричные реквизиции подрывали самый источник государственных доходов. Разоренное население массами покидало обжитые места.

Тяжесть опричнины испытывало население всего Новгорода, включая его земскую половину. Однажды царь прислал сюда дворянина, чтобы переписать всех «веселых людей» — скоморохов — и ученых медведей. Приказ был исполнен, и за полтора месяца до свадьбы царя с Марфой Собакиной гонец выехал в Москву с целой ватагой новгородских скоморохов и с медведями. Перед отъездом опричник решил развлечься в земщине. Явившись на

Софийскую сторону с компанией потешных, он велел пустить медведей в земскую дьячью избу. Перепуганные подьячие бросались из окон наземь. Земский дьяк Бартенев был избит опричниками в кровь и основательно помят медведем. Разделавшись с дьяком, опричная компания продолжала озоровать по всему Кремлю, избивала прохожих, травила и драла их медведями. «А в те поры, — замечает летописец, — много в людех учинилось изрону». Власти земского Новгорода стали жертвой произвола опричников. В еще большей мере от насилия и злоупотреблений опричнины страдало простонародье. С новгородцев, писал псковский летописец, брали штрафы великие, «поклепы и подметы», и «от сего мнози людие поидоша в нищем образе, скитаяся по чюжим странам».

С незапамятных времен недоброжелатели чернили новгородцев за то, что они «сквернословы, плохи, а пьют много и лихо». Нравы крамольного народа обратили на себя внимание опричных властей. Они постарались пресечь всякую виноторговлю вне стен государевых кабаков, для чего и «заповедали винщиком не торговати, и поймают винщика с вином, или пияного человека, и они велят бити кнутом да в воду мечют с великого моста». Опричный указ вступил в силу в последние зимние недели. Не мудрено, что для многих гуляк купание в ледяной волховской воде имело печальный исход. Более всех страдали от опричных забот о нравственности «меньшие люди»: подмастерья, ярыжки, холопы, нищий люд — словом, все, кого за непочтение к властям называли лихими людьми. Меры в отношении виноторговли должны были устрашить строптивую новгородскую чернь и способствовать приращению доходов казенных кабаков.

Опричные власти проявляли исключительную расторопность по части различных полицейских мер. Обличителей Новгорода возмущало то, что в городе нет ни стен, ни ворот, «хто хочет, тот идет и выйдет, а сторожен нету». Опричники покончили с таким непорядком. Они запретили переезжать Волхов на лодках и установили стражу и решетки на мосту. Отныне дьяки могли контролировать сообщение между двумя половинами города. Волхов стал охраняемой границей опричных владений.

В разгар жаркого лета дьяки запретили горожанам топить печи в избах и велели готовить пищу в безопасных местах на огородах. Эта мера была безукоризненной с пожарной точки зрения, но она доставила много хлопот и неудобств населению.

Бесспорным достоинством опричной администрации в Новгороде было умение добиться неукоснительного исполнения ее распоряжений. Но авторитет опричных властей основывался

исключительно на принуждении и строжайших полицейских мерах.

Последнее опричное правительство

Стихийные бедствия и татарские набеги приносили неописуемые бедствия. Но опричники были в глазах народа страшнее татар. Царь оправдывал введение опричнины необходимостью искоренить «неправду» бояр-правителей. На деле опричный режим привел к неслыханным злоупотреблениям. Как говорят очевидцы, земские суды получили от царя распоряжение, которое дало новое направление всему правосудию. Распоряжение гласило: «Судите праведно, наши виноваты не были бы». Следуя таким указаниям, судьи перестали преследовать грабителей и воров из числа опричников. В годы опричнины процветали, как никогда, политические доносы. Опричник мог подать жалобу на земца, будто тот позорит его и всю опричнину. Земца в этом случае ждала тюрьма. Его имущество доставалось доносчику. Бесчинства опричнины достигли апогея ко времени новгородского похода. В разоренной чумой и голодом стране, где по дорогам бродили нищие и бродяги, а в городах не успевали хоронить мертвых, опричники безнаказанно грабили и убивали людей. Они обшарили все государство, на что царь не давал им согласия, повествует опричник Штаден. Так начались многочисленные душегубства в земщине. Разумеется, царь Иван и его сподвижники не поощряли прямой разбой. Но они создали опричные привилегии и подчинили им право и суд. Они возвели кровавые погромы в ранг государственной политики. Следовательно, на них лежала главная вина за беззакония опричнины. В конечном итоге погромы более всего деморализовали саму опричнину.

Падение старого опричного руководства разрушило круговую поруку, связывавшую членов опричной думы. Состав думы пополнился земцами, многие из которых испытали злоупотребления опричнины. Члены новой опричной думы, по-видимому, стали сознавать опасность деморализации охранного корпуса. Опричники, повествует Штаден, творили в земщине такие беззакония, что сам великий князь объявил наконец: «Довольно!» Казнь Басманова ознаменовала конец целой полосы в истории опричнины. Подвергнув опале тех, кто создал опричнину, царь велел собрать жалобы земских дворян и расследовать самые вопиющие преступления опричников.

Телега опричного правосудия сделала крутой поворот. Опричный боярин князь Василий Темкин был предан суду за то, что он, взяв крупную сумму у митрополичьего дьяка, отказался вернуть долг и, чтобы избавиться от кредитора, убил его сына.

Суд постановил наказать Темкина и конфисковать одну из его вотчин. Царь, любивший показную строгость, утвердил приговор суда. Помимо всего прочего, Грозный примерно наказывал опричных, чтобы вернуть доверие земщины. Казни и судебные преследования расстроили механизм опричного управления. Опричная администрация, прежде энергичная и деятельная, впала в паралитическое состояние. Штаден, посетивший главную резиденцию в Москве, был поражен царившим там настроением. «Когда я пришел на опричный двор, — повествует он, — все дела стояли без движения… бояре, которые сидели в опричных дворах, были прогнаны; каждый, помня свою измену, заботился только о себе».

Попытки положить конец наиболее вопиющим злоупотреблениям на первых порах не затронули основ опричного режима, но проводились они с обычной для Грозного решительностью и беспощадностью и вызвали сильное недовольство в опричном корпусе. «Тогда, — свидетельствует Штаден, — великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины».

Давно стало привычным представление о том, что Малюта был злым гением царя Ивана Васильевича. Достоверно известно, что Скуратов учинил настоящее побоище в вотчинах конюшего Федорова, а затем в Твери и Торжке во время новгородского похода. Скуратов участвовал также в суде над князем Владимиром Андреевичем и в московских казнях. Как повествуют Таубе и Крузе, на Богану были присланы судьи Василий Грязной и Малюта Скуратов. Значит ли это, что именно Малюта был инициатором процесса князя Владимира Андреевича?

Фактически миссия Скуратова в дни судилища на Богане заключалась в том, чтобы привести в исполнение смертный приговор, вынесенный князю монархом и его думой.

Таубе и Крузе были допущены в круг высших руководителей опричнины. Они имели основание назвать первым думного дворянина Василия Грязного.

На Пыточном дворе роль Малюты была, по-видимому, аналогична роли пономаря в Слободском ордене. Законченный палач, он не уступал мастерам пыточных дел и более всего проявил себя в массовых расправах с государевыми «изменниками».

При учреждении опричнины ее приказы копировали приказную систему земщины. Пыточная изба, или Пыточный двор, была одним из таких приказов. Опричнина была задумана как карательное учреждение. Но в первый период самодержец вел открытую войну со своими политическими противниками. Нет

никаких данных о том, что опальные княжата, сосланные в Казань, прошли через Пыточный двор.

В годы массового террора Пыточный двор разросся. Его можно было бы назвать центральным приказным ведомством опричнины, если бы не одно обстоятельство. Во главе приказов стояли бояре, во главе Пыточного двора — сам царь. Опричная дума стала собираться на Пыточном дворе не менее часто, чем в парадных залах Слободского дворца. Самодержец определял круг думных лиц, выступавших в роли судей. Позже по воле монарха те же лица появлялись на Пыточном дворе, но уже в роли жертв. Пономарь был лишь подручным слободского игумена.

Царь жил в постоянном страхе перед воображаемыми заговорами. Его спасителями выступали поочередно то Басмановы с Вяземским, то Грязной со Скуратовым.

Знати имя Малюты Скуратова-Бельского было столь же ненавистно, как и имя основателя опричнины Басманова-Плещеева. Курбский желчно бранил царя за приближение «прескверных паразитов и маньяков», «прегнуснодейных и богомерзких Бельских с товарищи», «опришницов кровоядных».

Даже среди незнатных опричников Скуратов выделялся своим худородством. В списках думных дворян опричнины его имя стояло последним. Лишь после свадьбы царя с Марфой Собакиной Малюта получил назначение на пост дворового воеводы. Такие посты могли занимать исключительно представители родовитой боярской знати.

Думный дворянин Василий Грязной происходил из худородной семьи и начал службу у одного старицкого боярина «мало что не в охотникех с собаками». После роспуска свиты Владимира Старицкого Грязной был зачислен в опричнину и попал из псарей в царские советники.

Грязной обладал живым воображением и склонностью к грубым шуткам, что импонировало государю. Его положение пошатнулось во время чистки опричной гвардии. Василий не получил приглашения на свадьбу царя с Марфой Собакиной. Родня фаворита Григорий Меньшой Грязной занимал пост начальника и судьи опричного Земского двора в Москве. Земский двор (полицейское управление столицы) играл важную роль в системе сыска. В 1571 г. судья был убит, а его сын заживо сожжен.

После смерти царицы Марфы и отмены опричнины положение Скуратова и Грязного пошатнулось. В походе на Пайду Малюта не получил места дворового воеводы. В январе 1573 г. несколько думных дворян, в их числе Малюта и Грязной, были посланы в проломы крепости на приступ. Обычно воеводы щадили дворян и составляли штурмовые колонны из боярских

холопов и стрельцов. Скорее всего дворяне сами напросились на опасную службу, чтобы доказать свою преданность. Грозный согласился отпустить их, что было свидетельством близившейся царской немилости. Малюта был убит на приступе. Сразу вслед за тем Грязной был отослан на воеводство в Нарву, а оттуда в небольшую крепость Донков. Будучи на крымской границе, он попал в плен к татарам. Письма из Крыма дают весьма точное представление о характере и достоинствах главного сподвижника Малюты. Неутомимый собутыльник царя, завоевавший его благосклонность застольными шутками, Васютка Грязной сочетал в себе качества шута и палача. Это был человек невероятно хвастливый, тщеславный и легкомысленный. Чтобы оправдать свое пленение, Грязной с серьезным видом уверял царя, будто подчиненные ему земские лучники бежали при виде татар, а он в одиночку сцепился с двумя сотнями врагов. Когда его повалили наземь, уверял Василий, он «над собой укусил шти (шесть) человек до смерти, а двадцать да дву ранил», в крымском плену он (неведомо как) государевых собак-изменников «всех перекусал же, все вдруг перепропали, одна собака остался — Кудеяр и тот», по его словам, «грехом, маленко свернулся». Письмо к царю из плена Васютка закончил следующими словами: «Ты, государь, аки Бог, и мала и велика чинишь». В приведенных словах историки усматривали чуть ли не манифест худородного опричного дворянства. Но может быть, то была лишь раболепная выходка впавшего в немилость опричного фаворита?

Под стать Бельскому и Грязному был думный дворянин Роман Олферов-Нащекин, выдвинувшийся в самом конце опричнины. Несмотря на полную безграмотность, он стал по милости царя хранителем печати (печатником) и возглавил весь приказной аппарат опричнины. Однажды Олферов затеял местнический спор с земским казначеем князем Мосальским и, нимало не смущаясь, написал в своей челобитной царю: «Я, холоп твой, не ведаю, почему Мосальские князи и хто они». Государственный казначей не только стерпел бесчестье, но и смиренно заявил, что «своего родства Масальских князей не помнят», «Роман — человек великой, а я человек молодой…». В местническом деле безграмотный печатник предстает перед нами как «великий человек» опричнины.

Характеристика опричного правительства оказалась бы неполной без упоминания о царе Иване. Многочисленные литературные сочинения Ивана служат, пожалуй, самым надежным материалом для суждения о его личности. В своих писаниях Грозный предстает человеком, от природы одаренным острым умом. Его достоинства — образованность, а главное,

литературный талант — были необычны для людей его положения. Но причудливое сплетение противоположных свойств в натуре царя Ивана поражало уже его современников. Они не скрывали удивления, описывая безрассудную мнительность и «мудроумие» Ивана IV, его невероятную жестокость и заботу о воинстве, его гордыню и смирение.

Какое влияние оказали личные качества Грозного на события его времени? Ответить на этот вопрос не так-то легко. В пору реформ личное влияние Ивана IV умерялось авторитетом его советников. В пору опричнины Грозный окончательно избавился от старых советников и боярской опеки. Казалось бы, царь достиг наконец неограниченной власти, которой домогался. Но такое впечатление, по-видимому, сильно преувеличено. Опричнина явилась любимым детищем Грозного, но она не была плодом только его ума и энергии. В важнейшие периоды опричнины рядом с царем Иваном неизменно выступает целая плеяда деятелей практического склада: Басманов, Вяземский, Скуратов.

Царь Иван не раз поучал сына-наследника, как ему «людей держати… и во всем их умети к себе присвоивати». Но сам он не умел «присвоить», надолго подчинить своим целям даже «ближних людей». В характере Ивана была одна удивительная черта: при всей своей подозрительности и жестокости он, как верно подметил В. О. Ключевский, обладал особой привязчивостью. Людям, умевшим доказать ему свою преданность, Грозный доверял безгранично, до излишества. Будучи человеком душевно неуравновешенным, легко поддающимся внушениям, царь постоянно подчинялся влиянию фаворитов. Без их совета он не мог обойтись ни при решении важных политических дел, ни при выборе очередной невесты. Сильвестр был первым учителем жизни Ивана. Адашев увлек его замыслом обширных реформ. Алексей Басманов, один из лучших воевод XVI в., внушил ему мысль об опричнине — правлении, основанном на неограниченном насилии. Скуратов завоевал его благосклонность беспощадной расправой с «изменниками».

Сколь бы долго ни подчинялся Грозный влиянию временщиков, он в конце концов безжалостно уничтожал их. Рушились авторитеты — рушились привязанности. Адашев сгинул в опале, его программа реформ была предана забвению. Опричную затею постигла неудача, и по царскому повелению Басманов-сын зарезал Басманова-отца. Один Скуратов сумел избежать участи своих предшественников. Но никто не может сказать, как сложилась бы судьба царского любимца, если бы в зените славы шведская пуля не оборвала его жизнь.

В дни отречения от престола царь пережил сильное нервное

потрясение, вызвавшее тяжелую болезнь. В последующие годы царь, до того обладавший несокрушимым здоровьем, начал настойчиво искать хороших врачей в заморских странах. После новгородского разгрома в земщине много толковали о том, что Бог покарал Ивана неизлечимой болезнью. Очевидцы передают, что царь был подвержен припадкам, во время которых он «приходил как бы в безумие», на губах выступала пена. Внезапные вспышки ярости и невероятная подозрительность царя, возможно, связаны были с какой-то нервной болезнью. Но все же влияние недуга на характер Грозного и события его времени не следует преувеличивать. Жестокость Грозного нельзя объяснить только патологическими причинами. Вся мрачная, затхлая атмосфера Средневековья была проникнута культом насилия, пренебрежения к достоинству и жизни человека, пропитана всевозможными грубыми суевериями. Царь Иван Васильевич не был исключением в длинной веренице средневековых правителей-тиранов.

Кровавое правление царя Ивана оставило глубокий след в памяти современников. В годы террора погибло около 4 тысяч человек. Такими были масштабы опричного террора в XVI в., когда население страны не превышало 5–8 миллионов.

Современников поражало соединение в личности царя святости и благочестия с кровожадностью и мучительством. Но именно таким был идеал царя в глазах Ивана IV. Государю подобает быть то «кротчайшим», то «ярым»; к «благим» проявлять милость, ко злу — «ярость и мучение, аще ли сего не имея, несть царь». Пролитие крови грешников оправдано самой сутью царской власти (А. Л. Юрганов).

Деяния монарха направляло не только благочестие, но и страх. По мере нарастания террора все большее значение в политической жизни государства приобретали всеобщий страх и подозрительность. Жертвою страха стал и сам Грозный. К концу жизни этот прирожденный лицедей не мог более скрывать свои переживания от постороннего взора. Современники замечали странное несоответствие между царственной осанкой московита и выражением его глаз, которые постоянно бегали и наблюдали за всем с большим вниманием. Приведенные слова принадлежат австрийскому послу. При безмерном самомнении, которое поддерживалось постоянной лестью и славословием придворных, отметил папский посол, в царе заметна была подозрительность. Сквозит она и в литературных произведениях Грозного. На склоне лет царь Иван IV сочинил канон грозному ангелу, полный страха смерти, бреда преследования и чувства одиночества (Д. С. Лихачев).

Страх загнал царя Ивана в опричную Слободу. На протяжении

многих лет он жил там затворником под надежной охраной и никуда не выезжал иначе как в сопровождении многих сотен вооруженных до зубов преторианцев. Постоянно опасаясь заговоров и покушений, царь перестал доверять даже ближайшей родне и друзьям. Новые сподвижники Ивана старательно культивировали его подозрения.

В пору кровавых оргий опричнины царь действовал как человек, ослепленный страхом. Однажды Фридрих Энгельс заметил, что эпоху террора нельзя отождествлять с господством людей, внушающих ужас: «Напротив того, это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершенные для собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх». Кровавый террор наложил глубокую печать на все стороны политической жизни общества. Никогда еще не расцветали столь пышным цветом низкопоклонство и славословие. «Ласкатели» и сотрапезники, по словам Курбского, без всякой меры превозносили мудрость и непогрешимость правителя. Под влиянием страха и неумеренных славословий Грозный, несмотря на весь природный ум, все больше утрачивал перспективу, становился нетерпим к любому противоречию и упрямо громоздил ошибку на ошибку. В конце концов он окружил себя людьми самыми сомнительными, бессовестными карьеристами и палачами. Опричнина создала видимость всевластия московского самодержца. Но в царстве опричного террора правитель сам стал игрушкой в руках авантюристов.

Современников поражали причуды и сумасбродства царя. Иногда его шутки носили вполне невинный характер. Царь весело отпраздновал свадьбу племянницы с датским принцем. Гости плясали под напев псалма святого Афанасия, 45-летний государь отплясывал наравне с молодыми иноками и по головам их жезлом отбивал такт. На пирах Иван не прочь был потешиться и пошутить не только над иноками, но и над великими боярами. Однажды, повествует летописец, царь призвал бояр и «жаловал (их) без числа своею царьскою чашою и (велел) чашником безпрестанно носити и поити; и как почали прохлажатися и всяким глумлением глумитися: овии стихи пояше, а ови песни воспевати… и всякие срамные слова глаголати. И… царь… повеле их речи слушати и писати тайно и наутрея повеле к себе список принести речей их и удивишася о сем, что такие люди разумныя и смиренныя от его царьского синклита (совета) такие слова простые глаголюще, и показаше те речи им, и они сами удивишася сему чюдеси». Писцы «застенографировали» болтовню пьяных бояр, на том дело и кончилось. Но не всегда царские

шутки имели такой благополучный исход. Подданные пуще огня боялись царских шуток.

Стрелецкий командир Никита Голохвастов, известный своей отчаянной храбростью, вынужден был надеть монашескую рясу, чтобы избежать гнева Грозного. Но монастырь не спас его. Царь велел привести его и сказал, что поможет бравому иноку поскорее взлететь на небо. Голохвастова посадили на бочку с порохом и взорвали.

В юности Иван увлекся религией, в зрелые годы стал законченным фанатиком. Многие жестокие и непостижимые его действия имели в качестве побудительного мотива религиозный фанатизм. Ходили слухи, будто царь собственноручно душил своих незаконнорожденных детей, неугодных Богу.

От сумасбродств и жестокостей Иван легко переходил к покаянию. Монахи, немало претерпевшие от Грозного при его жизни, объявили его после смерти благочестивейшим государем. Между тем в конце жизни в поведении Грозного становятся заметны резко выраженные черты юродства и скоморошества (Д. С. Лихачев). С удивительной легкостью царь Иван переходил в своих писаниях от смирения к гордыне и гневу, унижавшему и уничтожавшему собеседника. Царь не прочь был затеять словесный поединок с жертвой в тот момент, когда палач уже приготовил топор.

Среди пороков, которые царь признавал за собой, фигурировали корыстолюбие, ненасытное «грабление» чужих имений. Иван, унаследовавший от предков богатую казну, не разбирался в средствах, добиваясь ее пополнения. Судя по размерам обоза, доставившего в Новгород царскую сокровищницу, в казне хранилось несколько тысяч пудов золота и серебра в слитках и звонкой монете. Грозный обладал коллекцией драгоценных камней, одной из лучших в Европе.

Иван питал пристрастие к представлениям скоморохов. После сожжения Москвы там трудно было найти комедиантов и музыкантов, и царь, решив весело отпраздновать свадьбу с Марфой Собакиной, послал слуг за музыкантами в Новгород, недавно им разгромленный. Местные власти отнеслись серьезно к царскому повелению. По всем городам и волостям была проведена перепись скоморохов и «веселых людей» с медведями. Всех, кого удалось отыскать, усадили в телеги и увезли в Александровскую слободу.

Грозный любил медвежьи потехи. На его глазах «веселые люди» заставляли ученых мишек плясать, кувыркаться и бороться. То было древнейшее цирковое представление на Руси. Иногда опричники напускали медведей на опальных или на толпу зевак.

Царь веселился, наблюдая за толпой, разбегавшейся при виде свирепых животных. Другой его забавой была травля собаками людей, обшитых в «медведно» (медвежьи шкуры). Толковали, будто новгородский архиепископ Леонид стал жертвой такой потехи. Но свидетельство об этом легендарно.

Дворцовые охотники устраивали настоящие бои с медведями, пойманными в лесу. Они входили в загородку, вооруженные рогатиной. Царь любил наблюдать за такими боями и платил бойцу сумму, составлявшую годовое жалованье сына боярского.

Составить сколько-нибудь точный портрет Ивана IV трудно из-за недостатка достоверных данных. Среди немногих царских портретов наибольшими достоинствами отличается самый ранний, написанный неизвестным московским художником и вывезенный в Копенгаген. Черты лица изображенного на нем человека достаточно запоминающиеся: высокий лоб с большими залысинами, удлиненный, немного крючковатый нос, пышная борода. Ценность портрета снижается, однако, тем, что он написан в условной, почти иконописной манере.

К числу ранних изображений Грозного относится фреска на стенах Новоспасского монастыря в Москве. Но фреска выполнена в еще более условной манере, чем копенгагенский портрет. В благообразном царском лике индивидуальность вовсе утрачена. Недостоверны обличительные портреты Грозного в немецких летучих «листах», показывающих хитрого, жестокого азиата в косматой шапке.

В поздних изображениях Ивана из «Титулярника» XVII в. все схематично — и орлиный нос, и грозно сдвинутые брови. Живописное изображение может быть дополнено литературными портретами Грозного. Самый известный из них принадлежит перу писателя начала XVII в. князя Семена Шаховского. «Царь Иван, — писал Шаховской, — образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп, возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широки, мышцы толсты». Некоторые детали этого портрета внушают сомнения. Например, Шаховской пишет, что у царя были серые глаза, это не согласуется с известным отзывом Ивана о людях с серыми глазами. «Где обретешь мужа правдива, иже серы (или «зекры» — голубые) очи имуща?» — спрашивал Грозный у Курбского. В приведенном описании имеются и другие несообразности, которые объясняются, вероятно, тем, что автор обрисовал внешность царя с чужих слов. Что же касается замечания по поводу «нелепого образа», оно носит слишком полемичный характер. Даже противники, не пожалевшие красок для очернения «тирана», ни словом не обмолвились насчет его отталкивающей внешности.

Менее пристрастные авторы, вроде итальянских и английских купцов, определенно писали, что Иван обладал привлекательной внешностью и даже был хорош собой. Как видно, Грозный отличался внешним благообразием, во всяком случае, его облик не отражал внутренней жестокости. В этом пункте первый скульптурный портрет Грозного, выполненный в наше время М. М. Герасимовым, не вполне согласуется с показаниями источников. Всего подробнее внешность царя описал австрийский посол. По его словам, в 45 лет Иван был полон сил и довольно толст. Царя отличал высокий рост, у него была длинная густая борода рыжего цвета с черноватым оттенком, бритая голова и большие бегающие глаза. Более всего австрийца покорила царственная осанка Грозного.

Разгром Крымской орды

Проект создания в Ливонии вассального королевства рухнул после неудачной осады Ревеля. Автор проекта опричный боярин Таубе изменил царю и возглавил мятеж в Юрьеве. Воеводы подавили мятеж в течение двух часов, Таубе бежал в Литву. Царь потребовал от короля выдачи изменника, но получил отказ и велел казнить многих ливонских пленных. Эти события не оказали длительного влияния на внешнеполитическую ориентацию России.

Угроза со стороны Крыма побудила Москву искать мира с Речью Посполитой. Через литовского посла царь передал в Краков предложение о союзе против турок и татар. Смерть короля Сигизмунда II помешала реализации этого плана.

Мирная инициатива царя была связана с крушением русско-шведского военного союза и возобновлением военных действий в шведской Ливонии. Считая Юхана III своим личным врагом, Иван направил ему послание, составленное в заносчивых и высокомерных выражениях. Он потребовал, чтобы шведский король признал себя вассалом русской короны и немедленно уступил Ревель. Дипломатический нажим был подкреплен военной демонстрацией на шведской границе. Под предлогом войны со шведами царь в 1572 г. покинул столицу, несмотря на угрозу татарского нападения, и прибыл в Новгород в сопровождении «двора» и стрельцов. Русское командование планировало после отражения татар перебросить армию из-под Москвы в Новгород и изгнать шведов из Ливонии. Но сражение на южных границах затянулось. В войне с татарами армия понесла тяжелые потери, ввиду чего поход в Ливонию был отложен. Грозный направил шведскому королю второе бранное письмо. Я надеялся, писал царь, «что уже ты и Свейская земля в своих глупостях познаетесь», но обманулся: «ваше воровство все наруже, опрометывается, как бы гад, разными виды». Царь предупредил Юхана III, что вскоре наведается в его владения, и сдержал свое слово. В конце 1572 г. он с большой армией вторгся в шведскую Ливонию и овладел замком Пайда (Вейсенштейн).

Между тем на южных границах события развивались своим чередом. В Крыму взяла верх военная партия. Россию опустошали голод и чума. Царская армия потерпела поражения под Ревелем и Москвой. Русская столица казалась татарам легкой добычей. Ее старые укрепления были уничтожены пожаром, а новые, наспех возведенные, не могли полностью их заменить. Военные неудачи поколебали русское владычество в Поволжье и Прикаспии.

Ногайская орда окончательно порвала вассальные отношения с Москвой и примкнула к антирусской коалиции. Покоренные народы Поволжья пришли в движение и попытались сбросить власть царя. Союзниками Крыма выступили многие адыгейские князья с Северного Кавказа. За спиной крымцев стояла крупнейшая в Европе военная держава — Османская империя. В такой ситуации хан надеялся отторгнуть от России Среднее и Нижнее Поволжье, сжечь и разграбить Москву. Султан направил в Крым специальную миссию для участия в походе на Русь.

В ожидании нового нашествия русские к маю 1572 г. собрали на южной границе около 12 000 дворян, 2035 стрельцов и 3800 казаков. Вместе с ополчениями северных городов армия насчитывала немногим более 20 000, а с боевыми холопами — более 30 000 воинов. На стороне татар был численный перевес. Во вторжении участвовало от 40 000 до 50 000 всадников из состава Крымской, Большой и Малой ногайских орд. Хан имел в своем распоряжении турецкую артиллерию.

Русское командование расположило основные силы под Коломной, надежно прикрыв подходы к Москве со стороны Рязани. Но оно учло также возможность повторного вторжения татар с юго-запада, из района Угры. На этот случай командование выдвинуло на крайний правый фланг в Калугу воеводу князя Дмитрия Хворостинина с передовым полком. Вопреки традиции передовой полк по численности превосходил полки правой и левой руки. Хворостинину был придан подвижный речной отряд для обороны переправ через Оку.

Татары вторглись на Русь 23 июля 1572 г. Их подвижная конница устремилась к Туле и на третий день попыталась перейти Оку выше Серпухова, но была отбита от переправ русским сторожевым полком. Тем временем хан со всей ордой вышел к главным серпуховским переправам через Оку. Русские воеводы ждали противника за Окой на хорошо укрепленных позициях.

Натолкнувшись на прочную оборону русских, хан возобновил атаку в районе Сенькина брода выше Серпухова. В ночь на 28 июля ногайская конница разогнала две сотни дворян, охранявших брод, и захватила переправы. Развивая наступление, ногайцы за ночь ушли далеко на север. Под утро к месту переправы татар подоспел Хворостинин с передовым полком. Но, столкнувшись с главными силами татар, он уклонился от боя. Вскоре полк правой руки попытался перехватить татар в верхнем течении реки Нары, но был отброшен прочь. Хан Девлет-Гирей вышел в тыл русской армии и по серпуховской дороге стал беспрепятственно продвигаться к Москве. Татарскими арьергардами командовали

сыновья хана с многочисленной отборной конницей. Передовой полк следовал за царевичами, выжидая благоприятного момента. Когда такой момент наступил, воевода Хворостинин обрушился на татар. Бой произошел в районе села Молоди, в 45 верстах от Москвы. Татары не выдержали удара и бежали. Хворостинин «домчал» сторожевой полк татар до ханской ставки. Чтобы поправить положение, Девлет-Гирей вынужден был бросить на помощь сыновьям 12 000 крымских и ногайских всадников. Сражение разрасталось, и главный воевода Воротынский в ожидании татар приказал установить подвижную крепость — «гуляй-город» близ Молодей. Ратники укрылись за стенами крепости, изготовившись к бою.

Троекратное превосходство сил противника вынудило Хворостинина отступить. Но при этом он осуществил блестящий маневр. Его полк, отступая, увлек татар к стенам «гуляй-города». Залпы русских пушек, стрелявших в упор, внесли опустошение в ряды татарской конницы и заставили ее повернуть вспять.

Поражение при Молодях вынудило Девлет-Гирея приостановить наступление на Москву. В течение дня татары простояли за Пахрой, ожидая подхода русских. Но те не возобновили атак. Тогда татары повернули вспять от Пахры к Молодям. Воеводы добились бесспорного успеха, вынудив хана отойти от Москвы и принять бой на избранной ими позиции.

Центром русских оборонительных позиций служил холм, на вершине которого стоял «гуляй-город», окруженный наспех вырытыми рвами. За стенами города укрылся большой полк. Остальные полки прикрывали его тыл и фланги, оставаясь вне укреплений. У подножия холма, за речкой Рожай, стояли 3000 стрельцов, чтобы поддержать воевод «на пищалях».

Татары быстро преодолели расстояние от Пахры до Рожая и всей массой обрушились на русские позиции. Стрельцы полегли на поле боя все до единого, но засевшие в «гуляй-городе» воины отбили атаки конницы сильной пушечной и ружейной пальбой. Обеспокоенный неудачей, главный татарский воевода Дивей-мурза выехал на разведку и приблизился вплотную к русским позициям. Здесь его захватили в плен «резвые» дети боярские.

Кровопролитное сражение продолжалось до самого вечера 30 июля. Потери татар были исключительно велики. Погибли предводитель ногайской конницы Теребердей-мурза и трое знатных крымских мурз. Не добившись успеха, хан прекратил атаки и в течение двух дней приводил в порядок свою расстроенную армию.

В сражении русские одержали победу, но успех грозил обернуться неудачей. Когда поредевшие полки укрылись в «гуляй-

городе», запасы продовольствия у них быстро иссякли, и в армии «учал быти голод людям и лошадем великой».

После двухдневного затишья Девлет-Гирей 2 августа возобновил штурм «гуляй-города», направив к нему все свои конные и пешие полки. Атакой руководили ханские сыновья, получившие приказ во что бы то ни стало «выбить» у русских Дивей-мурзу. Невзирая на потери, татары упорно пытались опрокинуть неустойчивые стены «гуляй-города», «изымалися у города за стену руками, и тут многих татар побили и руки пообсекли бесчисленно много». К концу дня, когда натиск татар начал ослабевать, русские предприняли смелый маневр, который и решил исход сражения. Воевода Михаил Воротынский с полками покинул «гуляй-город» и, продвигаясь по дну лощины позади укреплений, скрытно вышел в тыл татарам. Оборона «гуляй-города» была поручена князю Дмитрию Хворостинину, в распоряжение которого поступили вся артиллерия и немногочисленный отряд немецких наемников. По условленному сигналу Хворостинин дал залп изо всех орудий, затем «вылез» из крепости и напал на врага. В тот же самый момент с тыла на татар обрушились полки Воротынского. Татары не выдержали внезапного удара и бросились бежать. Множество их было перебито и взято в плен. В числе убитых были сын хана Девлет-Гирея и его внук. В руки воевод попало много знатных крымских и ногайских мурз.

На другой день после победы русские продолжали преследование неприятеля и разгромили арьергарды, оставленные ханом на Оке и насчитывающие до 5000 всадников.

Согласно укоренившейся традиции славу победы над татарами всецело приписывают главному воеводе князю Михаилу Воротынскому. Курбский хвалил его, но в сдержанных выражениях: «Муж крепки и мужественой, в полкоустроениях зело искусни». Князь отличился под стенами Казани, но крупных самостоятельных побед у него не было. Назначение Воротынского главнокомандующим связано было прежде всего с местническими законами — знатностью воеводы. Подлинным героем сражения при Молодях, кажется, был молодой опричный воевода князь Дмитрий Хворостинин, формально занимавший пост второго воеводы передового полка. На его исключительные заслуги в войнах с татарами указывал осведомленный современник Джильс Флетчер. За два года до битвы при Молодях Хворостинин нанес сильное поражение крымцам под Рязанью. Но в полной мере его военный талант раскрылся во время войны с татарами в 1572 г. Именно Хворостинин разгромил татарские арьергарды 28 июля, а затем принял на себя командование «гуляй-городом» во время

решающего сражения 2 августа.

Сражение при Молодях 1572 г. относится к числу значительнейших событий военной истории XVI в. Разгромив в открытом поле татарскую орду, Русь нанесла сокрушительный удар по военному могуществу Крыма. Гибель отборной турецкой армии под Астраханью в 1569 г. и разгром Крымской орды под Москвой в 1572 г. положили предел турецко-татарской экспансии в Восточной Европе.

Блестящая победа объединенной земско-опричной армии над татарами оказала определенное воздействие на внутренние дела государства, ускорив отмену опричнины.

Отмена опричнины

После пожара в Москве в 1571 г. правительство начало исподволь готовиться к упразднению опричных порядков. Угроза татарского вторжения ускорила слияние военных сил опричнины и земщины. Опричники стали получать общие назначения с земцами и нередко поступали под начальство старших земских воевод. Битву при Молодях выиграла объединенная армия. При ее формировании Разрядный приказ полностью игнорировал деление дворянского ополчения на два раздельных войска.

Вскоре же власти приступили к устранению многочисленных перегородок между опричниной и земщиной в сфере административного управления. В начале 1572 г. царь объявил о восстановлении в Новгороде древнего наместнического управления и назначил старшим наместником боярина Ивана Мстиславского. Опричный боярин Петр Пронский, возглавлявший до того администрацию Новгорода, был переведен из опричной половины в земскую в подчинение Мстиславскому. Раздельному управлению Новгорода пришел конец, хотя формально деление Новгородской земли на две половины продолжало существовать.

В связи с введением наместничества в Новгороде правительство провело объединение финансового управления страны, опричной и земской казны. Опричный печатник был переведен на земский Казенный двор и стал помощником земского казначея. Свезенные в Новгород сокровища были уложены в церковных подвалах на Ярославовом дворище, поступив в ведение единого казначейства. Замечательно, что описанные преобразования военного, административного и финансового порядка были осуществлены незадолго до вторжения татар в 1572 г., когда перспектива неблагоприятного исхода войны казалась царю достаточно реальной. Именно в это время Иван отпраздновал свадьбу с Анной Колтовской и внес в черновик завещания распоряжения относительно новой жены. Работая над текстом завещания, Грозный включил в него короткую, но многозначительную фразу об опричнине: «А что есми учинил опришнину, и то на воле детей моих Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинен готов». Одной фразой царь выразил полное равнодушие к судьбе опричнины. Вопрос о дальнейшем существовании или отмене опричных порядков он целиком оставлял на усмотрение наследников.

Множество признаков указывало на то, что опричные порядки доживают последние дни. Против обыкновения власти в начале

года не взяли в опричнину новых уездов. Остановилось строительство опричных крепостей. Английский посол был уведомлен о прекращении секретных переговоров по поводу предоставления царской семье убежища в Англии.

Грозный долго не решался отдать приказ о роспуске опричной гвардии. Известие о разгроме татар под Москвой, по-видимому, положило конец его колебаниям. Царь праздновал победу в течение двух недель. В Новгороде не умолкал колокольный звон. Во всех церквах служили торжественные молебны.

Забавы и пиры не мешали казням. Между рассказами о торжествах местный летописец поместил следующую лаконичную запись: «Того же лета царь православный многих своих детей боярских метал в Волхову-реку, с камением топил». В Новгород царя сопровождали в 1572 г. особо доверенные дворяне из опричников. Они-то и стали жертвами царского гнева. Новое руководство старалось держать в страхе опричную гвардию в момент, когда роспуск опричного корпуса и ликвидация опричных привилегий были поставлены на повестку дня.

С падением опричнины начался пересмотр служилого землевладения в опричных уездах. В наибольшей мере новая земельная перетасовка затронула верхушку опричнины, то есть тех дворян, которые успели выслужить в опричнине чины и поместья, а также тех «иногородцев», которых перевели в опричнину из других уездов. Они должны были расстаться с землями, конфискованными ранее у земских дворян. Масса местных служилых людей, перешедшая в опричнину с уездом, вероятно, сохранила свои земли, но лишилась права на опричные «прибавки». Так была упразднена главная привилегия опричнины: более высокие по сравнению с земскими земельные оклады. Поскольку мелкие и средние землевладельцы получали добавочные земли исключительно на поместном праве, новый земельный пересмотр в опричнине свелся к повторному перераспределению поместного фонда.

До последних дней опричнины сохраняло силу завещание Грозного. Проект раздела государства, изложенный в духовной, в конце опричнины приобрел новую направленность. Царь намеревался передать младшему сыну и царице Анне почти все главные опричные уезды, расположенные в центре государства: Суздаль (с 1565), Кострома (с 1567), Ярославль и Ростов (с 1569). Самодержец изверился в спасительности опричнины и в соответствии с завещанием намеревался перевести дворян названных опричных уездов на удельную службу, то есть

отставить их от руководства царством. Опорой наследника Ивана должна была стать земская половина Московской земли.

Последним достойным завершением опричных деяний явился царский указ 1572 г. о запрещении употреблять самое название «опричнина». Нарушителям указа. грозило строгое наказание: «Виновного (болтавшего об опричнине) обнажали по пояс и били кнутом на торгу». Эта мера, казалось бы, свидетельствовала о полном искоренении опричных порядков и служила своеобразной оценкой опричнины со стороны Грозного и его «нового руководства». Но более верным представляется другое объяснение. Власти боялись нежелательных толков и старались предотвратить критику ненавистных опричных порядков, принуждая всех к молчанию.

Опричные насилия над высшими церковными иерархами и грабеж церковных имуществ осложнили взаимоотношения монарха с духовенством. В сентябре 1573 г. государь обратился с обширным посланием к братии Кирилло-Белозерского монастыря. С притворным смирением он писал о том, что никогда не дерзнет учить подвижников пречистой обители: «Увы мне, грешному, горе мне, окаянному, ох мне, скверному! Кто есмь аз, на таковую высоту дерзати?» Государь спешил покаяться во всех смертных грехах: «А мне, псу смердящему, кому учити и чему наказати, и чем просветити. Сам всегда в пиянстве, в блуде, в прелюбодействе, во скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе». Самообличения перекликались с покаянными словами неоконченного завещания. Но после всех ужасов опричнины признания самодержца приобрели зловещее звучание. Слова об убийстве напоминали о судьбе митрополита Филиппа Колычева, архиепископа Филофея Рязанского, солочинского архимандрита Исаака (он был казначеем рязанского епископа), троицкого архимандрита Памвы, архимандрита Антониева монастыря Геласия, нижегородского печерского архимандрита Митрофана, псковского печерского игумена Корнилия, других иноков и стариц. Все они были убиты или подверглись насилию. Убийство священнослужителей всегда считалось худшим смертным грехом, так же как и ограбление монастырей и церквей.

Непосредственным поводом для обращения царя к кирилловским инокам была смута, вызванная ссорой между двумя монахами из бояр — Шереметевым и Собакиным.

Иван Большой Шереметев был изгнан из Ближней думы царя после падения Адашева. Накануне опричнины он был посажен в тюрьму и подвергнут пыткам, а затем отпущен. 7 июня 1571 г. боярин принял пострижение в Кирилло-Белозерском монастыре.

Василий Степанович Большой Собакин по случаю брака дочери Марфы с царем был произведен в бояре. После смерти царицы Марфы он должен был покинуть двор и постригся в Кириллове. Осенью 1573 г. царь сетовал, что уже год, как длится ссора Собакина с Шереметевым, смущающая покой не только монахов, но и его, царя.

В конце 1572 г. племянники Варлаама пожаловались Ивану, что их дяде чинят притеснения «для Шереметева». Царь обещал вызвать тестя в Москву, но из-за немецкого похода «зимусь» (зимой) не успел послать за ним гонца. Гибель Малюты изменила ситуацию. «Веснусь» 1573 г. племянники Собакина послали в Кириллов некую «злокозненную грамоту» как бы от имени царя в защиту Варлаама. Но фортуна отвернулась от Собакиных. Грозный уведомил иноков, что велел казнить племянников Варлаама Собакина за то, что хотели извести чародейством царя и его сыновей. Имена казненных записаны в Синодик. Не ранее весны 1573 г. Варлаам был наконец вызван в столицу, где имел долгую беседу с зятем. «И он заговорил вздорную, — сообщил Грозный монахам, — на вас доводити учал, что будто вы про нас негораздо говорите с укоризною». Извет Собакина проясняет вопрос о целях его миссии в Кириллов.

Столкновение в обители имело характерную особенность, до сих пор ускользавшую от внимания исследователей. Шереметев и его сотоварищ Иона, в миру боярин Иван Хабаров, были земскими людьми, Варлаам Собакин был членом опричной думы. Царь послал тестя в Кириллов, по-видимому, как соглядатая, для «розыска» о кознях иноков-бояр. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы Грозный не отменил опричнину.

Иван IV охарактеризовал конфликт достаточно точно, с помощью евангельской притчи. Он писал монахам: «Есть бо в вас Анна и Каияфа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат — Варлам Собакин, понеже от царские власти послан». Анна и Кияфа несли главную вину за погибель Христа, тогда как римский прокуратор Пилат подчинился им и «умыл руки».

В своем послании Грозный многократно подчеркивал, что Собакин явился в обитель как его личный представитель, и выражал обиду, что монахи стали на сторону Шереметева: «Собакин приехал с моим словом, и вы его не поберегли… моего слова болши Шереметев».

Грозный отменил ненавистную стране опричнину, но он все еще находился под властью представлений о великой боярской измене. Эти представления приобрели у него характер навязчивой идеи. Сквозь их призму он склонен был оценивать состояние монашеского благочестия в целом.

Жертвуя земли и прочие богатства монастырям, бояре, по мысли государя, приобретали непомерное влияние на весь строй жизни в монастырях. Прежние подвижники, утверждал монарх, не гонялись за боярами, не говорили слов: «Яко толко нам з бояры не знатся — ино монастырь без даяния оскудеет». Но нынешние монахи гоняются за боярами ради их богатств, что и приводит в упадок святые обители.

Пагубное влияние бояр на честное монашеское житие, заявлял царь, сказалось во всем. Поселяясь в обители, бояре нарушают строгие монастырские уставы и вводят свои, «любострастные уставы», не хотят жить «под началом», бесчинствуют, развращают братию пирами. Грозный называл по имени виновников гибели благочестия: знаменитый боярин Василий Шереметев, в иночестве Васьян, ниспроверг честное жительство в Троице-Сергиевом монастыре. Его сын Иона Шереметев тщился погубить последнее светило — Кирилло-Белозерский монастырь. Особым нападкам царь подверг за неблагочиние Симонов и Чудов монастыри, близкие к опричному руководству. Монахи, писал Грозный, ввели столько послаблений, что «помалу, помалу и до сего, яко же и сами видите, на Симонове, кроме сокровенных раб Божих, точию одеянием иноцы, а мирская вся совершаются, яко же и у Чюда быша среди царствующего града пред нашими очима — нам и вам видимо».

Давно минуло время, когда Иван с немногими близкими людьми без всякой охраны предпринимал длительные поездки на богомолье и усердно молился в храмах самых известных обителей страны. После опричной грозы он утратил многие иллюзии. В 1573 г. монарх пришел к заключению, что благочестие на Святой Руси угасает. «Ныне у вас Шереметев, — пенял государь чернецам, — сидит в келии что царь, и Хабаров к нему приходит, да и иныя черньцы, да едят, да пиют что в миру. А Шереметев нивести с свадьбы, нивести с родин, розсылает по келиям пастилы, ковришки и иныя пряныя составныя овощи», «а инии глаголют, будто де, вино горячее потихоньку в келию к Шереметеву приносили». Возмущало государя и то, что монастырские власти дозволили боярским людям выстроить для старца Ионы особую поварню и двор за монастырем для его людей да избу с годовым запасом еды.

Свое послание в Кириллов Иван закончил словами о том, что он умывает руки: «Как лутче, так и делайте! Сами ведаете, как себе с ним (Шереметевым) хотите, а мне до того ни до чего дела нет!» Государь сетовал на монахов, сколько они будут докучать ему своими нелепыми ссорами: «Доколе молвы и смущения, доколе плища и мятежа, доколе речи и шептания и суесловия». О

возвращении Собакина в Кириллов речь не шла, а следовательно, смута в обители лишилась почвы. Самодержец и сам знал это. «А вперед бы есте о Шереметеве, — приказывал он старцам, — и о иных о безлепицах нам не докучали».

Прекращение смуты не устраняло опасности. Братия Кирилло-Белозерского монастыря разрешила княгине Воротынской построить церковь над могилой боярина князя Владимира Воротынского. Боярин не был замешан ни в каких изменах и умер задолго до опричнины. Государю понадобились хитроумные доводы, чтобы доказать, что старцы поступили недостойно: «Аз же глаголю, яко не добре, по сему первое яко гордыни есть… Второе, и сие зазор не мал, что мимо чудотворца над ним (Воротынским) церковь… А и украшение церковное у вас вместе бы было, ино бы вам то прибылние было, а того бы розходу прибылного не было — все бы было вместе, и молитва совокупная». Как видно, понятие «прибыльность», употребленное в царском завещании в связи с отменой опричнины в 1572 г., включало, кроме чистогана, еще и высшую пользу.

Грозный не забывал о «прибыльных расходах» монастыря и в 1572 г. поручил князю Борису Тулупову отвезти в Кирилло-Белозерский монастырь 2000 рублей вклада. Таких пожертвований не мог сделать ни один боярин.

Рассуждения насчет упадка благочестия в главнейших монастырях служили обоснованием для последующих практических мер. «У Троицы в Сергиеве, — негодовал монарх, — благочестие иссякло и монастырь оскудел…» Государь не спешил наполнить троицкую казну, напротив того, распорядился в 1574–1575 гг. изъять у обители крупные суммы денег и драгоценности, некогда пожертвованные в Троицу московскими великими князьями, боярами и епископами.

Водворение бояр в Кирилло-Белозерском монастыре грозило разрушить благочестивое и твердое житие в обители. Надо отдать должное Ивану. Он видел, что угроза благочестию исходит не от одних бояр. «И только нам благоволит Бог у вас постричися, — писал он игумену и братии, — ино то всему царскому двору у вас быть, а монастыря уже и не будет». Саркастическое замечание благочестивейшего монарха обнаружило всю степень его разочарования в идеалах монашеской жизни. Кончилась целая полоса в его жизни. Мечты о пострижении и честном монашеском житии померкли.

Как полагают, благочестие сыграло особую роль в истории опричных казней.

«Царь добивался полновластия как исполнитель воли Божьей по наказанию человеческого греха и утверждению истинного

«благочестия» не только во спасение собственной души, но и тех грешников, которых он обрекал на смерть». Такие представления превращали опричные казни «в своеобразное русское чистилище перед Страшным Судом». Опричнина, в восприятии Грозного, была явлением не столько политического, сколько религиозного характера. В начале 60-х гг. поведение Грозного напрямую зависело от напряженных ожиданий конца света (А. Л. Юрганов).

В данной концепции главный пункт — определение времени, когда самодержец ждал Второго Пришествия. Предложенная дата не опирается на прямые и точные указания источников.

Светопреставления ждали в 7000 (1492) г. Накануне этого года византиец Дмитрий Траханиот писал в трактате «О летех седьмой тысячи», что никто не знает «числа веку» и конец мира может наступить и в 7000, и в 7007, и в 7070, и в 7700, и в 7777-м. Трактат адресовался новгородскому архиепископу Геннадию. По поручению митрополита Геннадий составил пасхалии на ближайшие 70 лет до 7070 г., но по заказу архиепископа Макария в 1540 г. были составлены пасхалии на всю восьмую тысячу лет. Задание Макария показало, что никто не придавал особого значения тому, что старые пасхалии были доведены лишь до 7070 г. Примечательно, что грек Траханиот ничем не выделил 7070 г. среди полудюжины других вероятных дат. Никаких указаний на 7070 (1562) г. как дату наступления Страшного Суда в документах времени Грозного обнаружить не удается. «Иван Грозный находился в исключительном положении и просто не мог не думать о возможности скорого конца мира». Такие аргументы никак не могут подкрепить дату 7070 г.

Можно ли анализировать идею близости Страшного Суда как факт индивидуального сознания царя? Самодержец не был частным лицом. Факт его личного сознания неизбежно должен был превратиться в факт общественной жизни. Как таковой он непременно получил бы прямое или косвенное отражение в церковной литературе предопричного и опричного времени, в летописях, царской переписке или богословских диспутах, столь любимых Грозным.

Государь охотно обсуждал волновавшие его богословские проблемы со своими наставниками. Он учил и требовал поучения. С особым уважением и доверием монарх относился к митрополиту Макарию, одному из самых плодовитых церковных писателей своего времени. Макарий был жив в 7070 г., но в своих многочисленных писаниях темы немедленного наступления Страшного Суда не коснулся. В переписке Грозного и Курбского, конечно же, встречаются указания на Страшный Суд, появление Антихриста. Но эти упоминания носят обычный характер, без

всякого указания на то, что мир уже стоит на пороге катастрофы. Упоминания Антихриста носили характер политического выпада.

Ожидая наступления Страшного Суда, самодержец якобы и замыслил опричнину. Когда 7070 г. прошел, а зло и беззакония продолжали нарастать, монарху в соответствии с «Откровением» Иоанна Богослова оставалось выждать три с половиной года. Но он не выждал срока, и в 1565 г. ввел опричнину. Самодержец увидел главную свою функцию в наказании зла «в последние дни» перед Страшным Судом.

В развитии эсхатологических настроений наблюдалась цикличность. Любой подъем их сопровождался массовой экзальтацией, богословскими спорами и общественными прениями. После того как назначенное время истекало, страсти надолго утихали. Чем сильнее были ожидания, тем глубже было сменявшее экзальтацию равнодушие.

Итоги опричнины

Современники пытались угадать имена «злых людей», внушивших царю мысль об опричнине. Одни называли имя Василия Юрьева-Захарьина, двоюродного брата Анастасии Романовой, другие — имя царицы Марии Кученей из Кабарды. Но Юрьев вообще не был принят в опричнину, а Мария не принадлежала к кругу советников государя.

Попытаемся проанализировать прежде всего, каким традициям следовал Грозный, учреждая опричнину. Традиции оказывали огромное влияние на формирование московской политики.

Царь Иван, без сомнения, помнил о завоевании Новгорода Великого и о земельных мероприятиях, проведенных по этому случаю Иваном III. Конфисковав все боярские вотчины в Новгороде, великий князь раздал эти земли своим боярам. Глава думы князь Иван Патрикеев с сыном Василием получили более 500 обеж, три брата Захарьиных — почти 800, князь Оболенский — 319 обеж. Обширные владения получил также князь Ряполовский и другие бояре. Прошло некоторое время, и Иван III попытался отнять пожалованные знати земли, опасаясь ее чрезмерного усиления. Боярская дума решительно воспротивилась его действиям. Борьба достигла такого ожесточения, что великий князь осудил на смерть руководителей думы. Слуга и боярин князь Ряполовский был обезглавлен в 1499 г., а Патрикееву с сыном казнь заменили заточением в монастырь.

Приняв решение об изъятии новгородских «дач» у московской знати, Иван III разрешил задачу весьма хитроумно. В1499 г. он объявил о том, что передает Новгородскую землю под управление сына Василия, получившего титул великого, а фактически удельного князя Новгородского и Псковского. Вся московская знать, присягнувшая в 1498 г. на верность коронованному великому князю Московскому Дмитрию-внуку, должна была покинуть Новгородский удел Василия III и утратила все новгородские пожалования. Любимцы Ивана III Захарьины и Челяднины не избежали общей участи и лишились земель наряду с прочими. На новгородских землях были «испомещены» примерно 1400 детей боярских, московских служилых людей, ставших опорой Василия III в борьбе за власть.

По существу, в основе опричнины лежала схема, разработанная и претворенная в жизнь дедом и отцом Грозного: образование удела, вывод знати и конфискация у нее земель,

испомещение в уделе верных слуг — детей боярских. Открытие этого факта показывает, какую роль в учреждении опричнины играла традиция, и позволяет истолковать одно из самых загадочных мест в послании Грозного Курбскому.

При Адашеве, утверждал царь, «сотвердися сия злоба» — «Адашев с Сильвестром вас (князей и бояр) почал причитати к вотчинам и к селам, еже деда нашего великого государя Уложением, которые вотчины у вас взимати и которым вотчинам еже несть потреба от нас даятися, и те вотчины ветру подобно роздал неподобно, и то деда нашего Уложение разрушил, и тех многих людей к себе примирил».

Слова Ивана IV кажутся загадкой. Никакого Уложения о землях, разработанного Иваном III, обнаружить не удается. В чем заключалась суть упрека Грозного? Адашев стал раздавать боярам и знати («вам», боярам и князьям) вотчины и села, которые по Уложению Ивана III воспрещалось раздавать («несть потреба от нас даятися»), но надлежало забирать в казну («у вас взимати»).

После присоединения Новгорода в московской Боярской думе непременно обсуждался вопрос о том, что делать с великими вотчинами, конфискованными у местной боярской знати. После разгрома руководства думы Иван III навязал боярам свою волю. Он «уложил» (постановил) не допускать расширения землевладения аристократии и вернуть в казну недавно розданные новгородские земли, с тем чтобы раздать их детям боярским и организовать конное поместное ополчение.

Споры в думе носили принципиальный характер: будут ли бояре наряду с казной и впредь участвовать в дележе земельных богатств на завоеванных территориях в соответствии с традицией или они будут лишены такого права.

При Иване III конфликт со знатью не привел к большому кровопролитию. Бояре получили пожалования в Новгороде из рук самого государя и не успели закрепить их за собой. Неясно, в какую правовую форму были облечены новгородские «дачи»: были ли это вотчины, или кормления, или поместья?

Опричные меры носили иной характер. Действуя по примеру деда, Грозный попытался отобрать у своих слуг наследственные родовые вотчины.

При своем учреждении опричнина имела резко выраженную антикняжескую направленность. Опалы, казни и конфискации, обрушившиеся на суздальскую знать в первые месяцы опричнины, ослабили политическое влияние аристократии и укрепили самодержавную монархию. Объективно подобные меры способствовали преодолению остатков раздробленности, глубочайшей основой которых было крупнейшее княжеско-

боярское землевладение.

Однако опричная политика не была чем-то единым на протяжении семи лет ее существования, она не была подчинена ни субъективно, ни объективно единой цели, принципу или схеме. Следом за короткой полосой компромисса (1566) пришло время массового террора (1567–1570). Стержнем политической истории опричнины стал суд над сторонниками Владимира Андреевича и разгром Новгорода. Причиной террора явился не столько пресловутый новгородский сепаратизм, сколько стремление правителей, утративших поддержку правящего боярства, любой ценой удержать власть в своих руках. В обстановке массового террора, всеобщего страха и доносов аппарат насилия, созданный в опричнине, приобрел совершенно непомерное влияние на политическую структуру руководства. В конце концов адская машина террора ускользнула из-под контроля ее творцов. Последними жертвами опричнины оказались они сами.

Традиционные представления о масштабах опричного террора нуждаются в пересмотре. Данные о гибели многих десятков тысяч людей крайне преувеличены. По Синодику опальных, отразившему подлинные опричные документы, в годы массового террора было уничтожено около 3000–4000 человек. Из них на долю дворянства приходилось не менее 600–700 человек, не считая членов их семей. Опричный террор ослабил влияние боярской аристократии, но нанес также большой ущерб дворянству, церкви, высшей приказной бюрократии, то есть тем социальным силам, которые служили наиболее прочной опорой монархии. С политической точки зрения террор против этих слоев и группировок был полной бессмыслицей.

Самодержавие было официальной доктриной и в известном смысле политической формой монархии, хотя глава государства в XVI столетии, по существу, не обладал неограниченной самодержавной властью. Монарх управлял страной совместно со знатью, заседавшей в думе, и с князьями церкви. Образование опричнины знаменовало собой своего рода верхушечный переворот, имевший целью утвердить принципы неограниченного правления. В опричнине царь смог осуществить такие меры, проведение которых в обычных условиях было невозможно без согласия на то думы и высшего духовенства. На время царь избавился от опеки со стороны боярской аристократии.

Опричнина существенно ограничила компетенцию думы, прежде всего в сфере внутреннего управления. В годы реформ дума постоянно выделяла боярскую комиссию, ведавшую столицей и всем государством в отсутствие царя. При Адашеве

руководство этой комиссией осуществляла титулованная знать. После введения опричнины царь изгнал княжат из московской боярской комиссии и заменил их нетитулованными боярами. Под конец опричнины бояре вовсе были удалены из московской комиссии.

Отныне столицу «ведали» одни приказные люди. С упразднением семибоярщины была ликвидирована одна из самых важных привилегий Боярской думы. По традиции члены думы непосредственно возглавляли важнейшие приказы. Глава Конюшенного приказа — конюший — считался старшим боярином думы. После казни Челяднина-Федорова должность конюшего была фактически упразднена, а управление приказом перешло к ясельничим из дворян. В годы опричнины царь почти никогда не созывал думу в полном составе и перестал регулярно пополнять ее новыми членами. Боярская дума лишилась почти всех своих авторитетнейших вождей. Ее численный состав резко сократился, влияние ослабло.

Полагают, что в конце опричнины на Руси сложился новый тип служилой знати, и «в этих условиях уже не было необходимости в целенаправленном подавлении знати». Так ли это? Аристократия была ослаблена опричным террором, но все равно осталась аристократией. Знать сохранила в своих руках крупные земельные богатства и отнюдь не отказалась от своих претензий на власть. Парадокс состоял в том, что самодержец жаждал неограниченной власти, но не мог управлять царством без непосредственного участия могущественной знати. Поместная система давала большие выгоды аристократам, чем рядовым детям боярским, и они должны были примириться с принципом обязательной службы с земли. Но сам по себе этот принцип не мог уничтожить аристократию.

Задолго до опричнины Иван Пересветов настоятельно советовал царю создать охрану наподобие янычарского войска и обрушить грозу на голову непокорных вельмож. Многое из того, о чем писал Пересветов, сбылось через полтора десятилетия. Пророчества публициста столь удивительны, что некоторые исследователи склонны были отнести его сочинения к послеопричному периоду и увидели в них литературное выражение опричной трагедии. В действительности Пересветову удалось предвосхитить будущее. Непосредственного влияния на опричную политику его проекты, по-видимому, не оказали. Дворянский радикализм и рационалистические элементы воззрений Пересветова были чужды царю Ивану и его ближайшему окружению. Опричная политика, хотя и имела точки соприкосновения с идеологией дворянских публицистов, на

практике оказалась весьма далекой от идеальных замыслов. Террор опричнины обернулся не только против «вельмож», «ленивых и богатых», но и против «простых воинников». Пожелания Пересветова относительно «царской щедрости до воинников» и идеи дворянского равенства получили уродливое воплощение в опричных привилегиях. Мечты дворянства о сильном монархе, правящем «с грозою», стоящем за «великую правду», воплотились в кровавом деспотизме и злоупотреблениях опричнины. В борьбе с непокорной боярской знатью монархия неизбежно должна была опираться на дворянство. Но этой цели она достигла не корпоративной организацией мелкого и среднего дворянства в целом, а путем организации привилегированной опричной гвардии, укомплектованной служилыми людьми нескольких «избранных» уездов и противостоящей всей остальной массе земского дворянства.

Опричнина обнаружила тот факт, что в XVI в. среднее и мелкое дворянство еще не обладало ни моральными и политическими потенциями, ни достаточным образованием и влиянием, чтобы оттеснить боярскую аристократию от кормила управления и занять ее место. Свое выступление на исторической арене «худородные» дворяне-преторианцы ознаменовали лишь кровавыми бесчинствами, бессовестным грабежом и всякого рода злоупотреблениями.

В опричнине окончательно сложился институт думных дворян. В связи с развитием приказной системы внутри Боярской думы образовалась курия думных дьяков. После опричнины политический вес приказной служилой бюрократии, несомненно, возрос. Высшие ее представители, занявшие место в думе, стали играть наряду с думным дворянством роль своеобразного противовеса боярской знати внутри думы. С появлением двух новых курий дума из чисто аристократического по своему составу учреждения постепенно стала превращаться в более представительный орган. Но развитию сословно-представительного начала в наибольшей мере способствовали земские соборы. Непременной частью любого собора XVI в. были Боярская дума и Священный собор, то есть князья церкви. Лишь в некоторых исключительных случаях власти приглашали для участия в работе собора представителей дворянства. Самым представительным собором середины XVI в. явился Земский собор 1566 г., созыв которого был связан с короткой полосой компромисса в истории опричнины.

Опричное правительство неизменно покровительствовало крупному купеческому капиталу. Царь Иван заявил однажды английскому купцу Дженкинсону: «Мы знаем, что нужно

выслушивать речи о купеческих делах, так как они опора нашей государственной казны…» Царь пожаловал из опричнины громадные земельные владения купцам Строгановым и предоставил обширные привилегии английской купеческой компании. Он заботился о внешней торговле и старательно поддерживал «нарвское мореплавание». Именно в опричнине появились первые в русской истории концессии, предоставленные иностранному промышленному капиталу. Монархия поддерживала купеческий капитал в той мере, в какой это ей было выгодно. Случалось, что опричные власти подвергали купцов прямому грабежу.

Опричные погромы деморализовали жизнь общества, но не могли изменить основных тенденций общественного развития, отчетливо обнаружившихся в период реформ. Развитие приказной системы управления вело к усилению централизации. Возросло значение служилой дворянской бюрократии. Возникли более представительные соборы, органы будущей сословно-представительной монархии. Проведенные в начале опричнины земельные конфискации привели к известному ослаблению боярской аристократии и укреплению самодержавия. Террор оставил глубокий след в жизни русского общества. Кровавые призраки опричнины еще долгое время тяготели над умами вождей господствовавшего сословия. Но опричнина не изменила общей политической структуры монархии, не уничтожила значения думы как высшего органа государства, не поколебала местнических порядков, ограждавших привилегии знати.

Опричнина дорого обошлась стране. Кровавая неразбериха террора унесла множество человеческих жизней. Погромы сопровождались разрушением производительных сил. Бесчинства опричников были беспрецедентными и не имели оправданий.

Кровопролитие

Ликвидация опричнины и объединение двора и приказов требовали большой и сложной организационной работы и обсуждений. Работа эта пала в основном на плечи земской думы. Наибольшие сложности были связаны с поземельными делами, запутанными опричными конфискациями.

На пороге опричнины вышло Уложение о княжеских вотчинах, запрещавшее продавать, менять родовые наследственные земли. 9 октября 1572 г. по государеву приказу дума и высшее духовенство постановили, что Уложение 1562 г. полностью сохраняет свою силу: «Быти по старому государеву Уложению».

Однако во время обсуждения в думе бояре поставили вопрос о всех вотчинах вообще, а не только княжеских: «А у которых вотчин вотчинники вымрут, и те вотчины вотчинником отдавати ли и по которое колено, и о том приговорили…» Старый закон четко определял, что выморочные княжеские вотчины переходят в казну и даже родной брат не может наследовать выморочный «жеребей» без царского разрешения. В 1572 г. бояре приговорили отдавать вотчины родным братьям умершего без уточнения, распространяется ли закон на княжеские вотчины.

В 1562 г. в Уложении фигурировали имена Воротынских, Одоевских. В законе 1572 г. они не были названы. Для Михаила Воротынского вопрос о выморочных «жеребьях» братьев был самым болезненным.

Действие закона 1572 г. распространялось на владения князей Ярославских и Ростовских и на все такие же вотчины княженецкие, про которые «один приговор». Новое Уложение, казалось бы, должно было определить, какие вотчины, конфискованные по указу о казанской ссылке, подлежат возврату их законным владельцам, каковы нормы компенсации за утраченные земли. Однако закон составлен так, будто никакой ссылки князей не было и в помине. Грозный явно желал предать забвению опричные конфискации.

О катастрофе напоминал лишь один пункт Уложения, запрещавший вотчинникам жертвовать земли монастырям. Опальные князья, получившие по амнистии свои разоренные вотчины, не были уверены в своем будущем, и многие из них передавали земли в монастыри. Такие вклады были объявлены незаконными. Уложение предписывало не записывать пожертвованную вотчину в Поместном приказе, а «отдавати ее роду и племяни служилым людем, чтоб в службе убытка не было

и земля б из службы не выходила».

Главным вопросом оставался все же вопрос о власти. Опричнина не упразднила Боярской думы, хотя ее учреждение сопровождалось переворотом. Дума лишилась функций высшего органа государства.

Отмена опричнины означала ликвидацию чрезвычайных полномочий царя и, следовательно, возвращение Боярской думе прав, которыми она пользовалась на протяжении столетия. Именно так понимали ситуацию земская дума и земское дворянство. Но Грозный придерживался иной точки зрения.

Накануне опричнины Иван взялся за исправление старых летописей. Он преследовал цель обличить не только отдельных бояр, но и всю Боярскую думу, средоточие «заговоров» и «мятежей». Годы борьбы с изменой подкрепили уверенность самодержца в справедливости такой оценки. Он вовсе не намерен был возрождать права думы в прежнем объеме.

Территория опричнины слилась с земщиной. «Государство в государстве» перестало существовать. Но царь не желал остаться без преторианской гвардии — охранного корпуса. В результате чистки опричного войска его численность сократилась во много раз, после чего оно было реорганизовано и превратилось в новый охранный корпус с названием «двор».

Отмена опричнины породила уверенность в том, что отныне кровавым репрессиям пришел конец. Но надежды не оправдались. Летом 1573 г. Грозный приказал казнить трех главных воевод.

Россия ждала нового нападения татар. С весны полки заняли позиции в Серпухове на Оке. Главнокомандующим царь назначил Воротынского. Его помощником в большом полку должен был стать боярин Михаил Морозов. Воевода Одоевский возглавил полк правой руки.

Трое воевод вышли на береговую службу, а затем все трое были казнены за какую-то, несомненно, служебную провинность (С. Б. Веселовский). Так ли это? Морозов был ранен в Ливонии и на южную границу не мог прибыть. «Михайлы Морозова на той службе не было, — записали дьяки Разрядного приказа, — только в разряде написан: того же лета он казнен».

Если бы Малюта Скуратов не погиб, новое «дело» непременно приписали бы его злой воле. Виновником кровопролития был, конечно же, царь. Поводом к расправе послужил крымский розыск, начатый в 1570-м и не законченный к 1574 г. В январе 1574 г. на Пыточном дворе холопы князя Ивана Мстиславского показали, что «по зиме» перед вторым нашествием татар летом 1572 г. бояре Мстиславский, Воротынский и братья Шереметевы присылали к хану грамоту, чтобы ему «идти на твои (Грозного. —

Р.С.) государевы украины поранее к Москве для того, что люди твои государевы не собрались, а царю бы в ту пору придти». Холоп даже назвал имена мурз, от которых слышал об измене Воротынского.

Надо различать поводы и подлинные причины казни воевод. Ко времени отмены опричнины старое руководство земской думы в лице Мстиславского скомпрометировало себя. Царь, бежавший от татар, вынужден был вернуть князю Михаилу Воротынскому высший титул слуги и боярина после битвы на Молодях. Победа прославила Воротынского и сделала его самым авторитетным из руководителей земской думы. Но трехлетняя ссылка на Белоозеро не прошла для вельможи бесследно. Его княжество было разорено, удельная армия распущена, казна конфискована. После освобождения из тюрьмы князь не мог расплатиться со старыми долгами и уповал на милость царя. Государь действительно ссудил Воротынскому деньги, приказав ему построить крепость в Новосили. Этот городок был разрушен в давние времена. Князь Михаил получил титул державца Новосильского. Но титул не поправил его материальных дел. Городок надо было еще заселить, а денег на это у него не было. Пожалование Новосили, возможно, связано было с тем, что царь старался уладить дело с выморочными «жеребьями» Воротынского княжества. В Воротынске князю Михаилу принадлежала треть еще до первой опалы. В другом городке Воротынских, Перемышле, две трети перешли в опричнину, а треть оставалась в земщине.

Никита Одоевский был служилым князем и однородцем Воротынских. Этот князь владел крупными родовыми вотчинами на Северщине. Он был принят в опричнину и занимал видное положение в опричной думе.

Михаил Морозов был одним из старейших членов Боярской думы и последним членом так называемой Избранной рады. Все прочие сошли со сцены. Венцом карьеры боярина был пост главы боярской комиссии, ведавшей царствующим городом Москвой в отсутствие царя. В 1565 г. этот пост занимал конюший Федоров, в 1570-м — Михаил Морозов. Его помощником был боярин и дворецкий Никита Романов.

Грозный стоял перед выбором. Земщина требовала полной ликвидации опричного войска, прекращения репрессий и возврата к правопорядку, существовавшему до опричнины или, точнее, до первых беззаконий начала 1560-х годов. Самодержец мог подчиниться общему настроению и восстановить полноправную Боярскую думу. Вместо этого он казнил трех самых авторитетных вождей думы, показав тем самым, что возврата к прошлому нет. Срок исключительных полномочий царя истек с

отменой опричнины. Но он доказал всем, что не намерен отказываться от неограниченной личной власти, которой добился в опричнине.

По словам Курбского, на Воротынского подал донос его беглый холоп, вдобавок обокравший господина. Князь Михаил был обвинен будто бы в том, что пытался околдовать («счаровать») царя и добывал на него «баб шепчущих». Как всегда, самодержца более всего волновало все, что касалось его личной безопасности. Он готов был простить любые изменнические сношения бояр с татарами или поляками. Но малейшие подозрения насчет покушения на его жизнь приводили его в неописуемую ярость.

В 1565–1573 гг. монарх по крайней мере трижды подвергал Боярскую думу подлинному разгрому.

Грозный сам руководил розыском об измене Воротынского. Он велел жечь его на медленном огне, положив на землю между двумя горящими бревнами. По временам он жезлом подгребал поближе к несчастному горящие уголья. Иван не решился казнить воеводу и распорядился вторично сослать его на Белоозеро. Однако старый боярин, измученный пыткой, не доехал до Белоозера и умер в пути.

Курбский подробно описал смерть на пытках вельмож Воротынского, Патрикеева-Щенятева, предки которых выехали на Русь из Литвы. Он как бы предупреждал литовскую знать, что ее ждет, если на польский трон будет избран царь Иван. Несколько иную версию излагали Разрядные книги. Воротынский был взят с Оки и казнен вместе с двумя другими воеводами. Следует ли придавать значение видимому противоречию двух свидетельств — трудно сказать. Надо иметь в виду, что в книги Разрядного приказа сведения о пытках попасть не могли. Приказные кратко и вполне трафаретно отмечали случаи ранения воевод или их смерти.

Начало книгопечатания

Царь Иван был человеком любознательным от природы и не чуждался иноверцев. В юности он подолгу расспрашивал немца Ганса Шлитте об успехах наук и искусства в Германии. Рассказы сведущего иноземца так увлекли царя, что он под конец отправил его в Германию с поручением разыскать там и пригласить в Москву искусных врачей, ремесленников и ученых-богословов. Заветным желанием Ивана было заведение в России книгопечатания. В свое время царь обратился к датскому королю Кристиану III с просьбой прислать печатников для основания типографии в Москве. В мае 1552 г. король уведомил Ивана IV о посылке в Россию мастера Богбиндера с типографскими принадлежностями, с Библией и еще двумя книгами с изложением «сущности нашей христианской веры». После перевода на русский язык эти книги предполагалось издать в количестве 2000 экземпляров.

Будучи лютеранином, Кристиан III надеялся увлечь царя идеей борьбы с католицизмом. Однако русское духовенство, ознакомившись с содержанием датских книг, решительно воспротивилось публикации протестантских сочинений.

Благодаря покровительству царя датский печатник не был изгнан из столицы православного царства и, по-видимому, получил возможность работать как частное лицо. Русский первопечатник Иван Федоров с полным знанием дела писал, что на Руси «начаша изыскивати мастерства печатных книг в лето 61 осьмыя тысящи». Датчанин получил рекомендательное письмо в мае 1552 (7060) г., летом приплыл в Россию и получил аудиенцию во дворце в ноябре 1552 (7061) г., когда царь вернулся в Москву из казанского похода.

Вывод очевиден: русские начали «изыскивать мастерство» в ноябре — декабре 7061 (1552) г., с момента свидания датчанина с самодержцем. В 1556 г. русские документы упомянули о русском «мастере печатных книг» новгородце Маруше Нефедове.

В первых русских печатных книгах не было указаний на имя печатника, время и место издания. Духовенство не желало, чтобы в православных книгах фигурировало имя мастера-иноверца. Благодаря пробным изданиям московские печатники получили подготовку европейского уровня.

Грозный выделил крупные субсидии на устройство типографии, видимо, уже после отставки Адашева. В Москве был построен Печатный двор. Дело было поручено кремлевскому дьякону Ивану Федорову и Петру Мстиславцу. Оба успели

приобрести некоторый опыт книгопечатания благодаря общению с датским печатником: «Искусни бяху и смыслени к таковому хитрому делу, глаголют же неции о них, яко от самех фряг то учение прияста». Фрягами на Руси называли выходцев из Западной Европы. Богбиндер был в глазах русских фрягом.

19 апреля 1563 г. Иван Федоров приступил к работе по изданию «Апостола». Первопечатник старался уточнить перевод книги, приблизить его к нормам русского языка. Он продолжал традицию образованных «справщиков», правивших текст «Великих Миней Четьих» по поручению митрополита Макария.

В разгар типографских работ Макарий умер, что крайне неблагоприятно сказалось на деятельности Печатного двора. Отношение к каноническому древнерусскому тексту священных книг и их правка по греческим оригиналам издавна были предметом споров среди московских книжников. Противники Максима Грека утверждали, что его правка портит Священное Писание. Грек отвечал на нападки так: «А яко не порчю священные книги, якоже клевещут мя враждующии ми всуе, но прилежне, и всяким вниманием, и Божиим страхом, и правым разумом исправлю их, в них же растлешася ово убо от преписующих их ненаученых сущих и неискусных в разуме». Во время работы над «Апостолом» слова Максима приобрели особую актуальность. В послесловии к этой книге Иван Федоров утверждал, что неисправленные рукописные книги «растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме». Фактически печатник процитировал слова Максима Грека.

Царь поощрял деятельность Ивана Федорова, но у него не было случая высказаться по поводу его исправлений. Зато Курбский, в недавнем прошлом друг и единомышленник Грозного, открыто отстаивал московские исправленные переводы и советовал следовать образцам «старых Нарочитых или паче Максима Философа переводов».

В России не все думали так, как Курбский. Фанатики с подозрением взирали на любые попытки изменить хотя бы единую букву в привычных старых рукописных книгах. Их поддерживали «священноначальники» (иерархи церкви) и «начальники» (земские бояре). Они пуще огня боялись, что новшества, которые войдут в жизнь вместе с книгопечатанием, могут обернуться расколом церкви.

Находясь уже за рубежом, Федоров смог с полной откровенностью изложить начальную историю Печатного двора и указать на своих покровителей, с одной стороны, и гонителей — с другой. Происки последних вынудили его свернуть свою деятельность в Москве и уехать на чужбину.

В послесловии к львовскому изданию «Апостола» 1574 г. Федоров сделал знаменательное признание: «Сия же убо не туне начах поведати вам, но презелного ради озлобления, часто случающегося нам, не от самого того государя (Ивана IV), но от многих начальник и священноначальник, и учитель, которые на нас зависти ради многие ереси умышляли… Сия убо нас от земля, и отечества, и от рода нашего изгна и в иные страны незнаемы пресели».

Печатный двор находился в ведении земской Боярской думы, так что печатникам пришлось терпеть «зельное озлобление» от земского руководства. Наибольший интерес к религиозным вопросам проявлял круг земских «начальников», к которым принадлежали Иван Большой Шереметев, «канцлер» Иван Висковатый и пр. Не среди них ли следует искать гонителей печатника Федорова?

Обвинения против кремлевского дьякона носили самый серьезный характер. Еретикам на Руси грозила тюрьма либо ссылка.

Как Федоров оказался в Литве? Литовский православный магнат Юрий Ходкевич прибыл в Москву с посольством летом 1566 г. Пока он вел переговоры о заключении перемирия, на литовско-русской границе установился недолгий мир. По-видимому, именно Юрий Ходкевич передал Грозному просьбу брата, великого гетмана литовского Григория Ходкевича оказать ему содействие в устройстве православной типографии в Литве. «Великое посольство» на Русь сопровождал огромный обоз. Видимо, с этим обозом за границу было отправлено громоздкое типографское оборудование.

Почти сразу после отъезда из России Иван Федоров нашел пристанище в селе Заблудово, вотчине Григория Ходкевича. Здесь при церкви во имя Богородицы и Николы Чудотворца московский мастер трудился с 1567 по 1570 г.

Царь Иван сознавал себя покровителем и заступником всех православных людей. Именно по этой причине он удовлетворил просьбу Григория Ходкевича. Отпуск в Литву Ивана Федорова с типографскими принадлежностями был знаком доброй воли с его стороны. России нужен был мир с Литвой и Польшей.

За рубежом Иван Федоров поддерживал связи с лицами, бежавшими из России и резко враждебными царю Ивану. У него не было причин заискивать перед царем, произносить лицемерную хвалу московскому «тирану». Потому особую ценность приобретают его слова о полной непричастности государя к травле печатника в России.

В послесловии к московскому «Апостолу» Федоров

констатировал, что монарх проявил исключительную щедрость, «нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем (печатникам) и к их успокоению, донеже и на совершение дело их изыде».

После выпуска первой книги в Москве в деятельности Печатного двора наступила пауза. Прошло полтора года, прежде чем Федоров получил средства на печатание второй книги «Часослова». Текст книги не подвергся серьезной правке, оставлены были даже явные описки и несообразности канонического московского текста. В послесловии к «Часослову» Федоров вновь сослался на царское повеление: сам государь желал, «яко да украсится и исполнится царство его славою Божиею в печатных книгах». Но на этот раз печатник ни словом не обмолвился о царской щедрости.

Наступили тяжелые времена. Царь укрылся в опричной Слободе. Печатный двор остался в земщине, руководители которой относились к деятельности типографии с подозрением. Они теснили Ивана Федорова, требуя отказа от «порчи» священных книг. Печатники лишились высокого покровителя, которого интересовала теперь преимущественно его личная безопасность. Самодержец взыскал с земщины колоссальную контрибуцию в 100 000 рублей на устройство опричнины. Земская казна была пуста, и Печатный двор надолго лишился субсидий.

Третьей книгой Печатного двора должен был стать Псалтирь. Работа над ней была начата при Федорове не позднее мая 1566 г. Но первопечатнику пришлось уехать в Литву, а задуманная им книга была издана с опозданием в два года. В 1577 г. Печатный двор был переведен из Москвы в царскую резиденцию — Александровскую слободу, где преемник Федорова Андроник Тимофеев подготовил второе издание Псалтиря. Это издание обнаружило черты возврата к стилю и традициям Ивана Федорова.

Деятельность московских печатников в Литве была одним из многих признаков, указывавших на оживление православной культуры на Украине и в Белоруссии. Московские библиотеки хранили рукописи, представлявшие исключительный интерес для западного православного духовенства. Первый полный славянский перевод Библии был осуществлен в Софийском доме при новгородском архиепископе Геннадии в конце XV в. В 1558 г. по заказу Ивана IV старцы Иосифо-Волоколамского монастыря переписали для него рукопись с полным славянским текстом Библии. Книги, представлявшие византийскую духовную традицию, сохранились в России значительно полнее, чем в

Киеве. Потому в Россию по временам приезжали посланцы из Литвы с просьбами о книгах. Одним из таких ходатаев был черный дьякон Исайя, присланный в Москву за Библией. В 1573 г. литовский гонец Михаил Гарабурда виделся с Грозным в Новгороде и обратился к нему с просьбой о Библии.

В 1572 г. Иван IV пустился в объяснения с литовским гонцом Федором Ворыпаем. Говорят, что я зол и склонен к гневу, жаловался он, но я караю только злых, а ради доброго готов снять и цепь и шубу со своего плеча. Встреча с Гарабурдой подтвердила его великодушие. В ответ на просьбу гонца самодержец велел вручить ему рукопись, «с прилежным молением испрошенную». Щедрость соседствовала с расчетом.

Рукопись, подаренная Грозным православной Литве, легла в основу первого печатного издания полной славянской Библии. Издание было осуществлено князем Острожским в типографии замка Острог на Волыни в 1580–1581 гг.

Татарский хан на Московском престоле

Прошло три года, и память об опричнине потускнела. Подданные стали забывать о сумасбродной затее царя. Но в воздухе повеяло новой опричниной, когда в 1575 г. Грозный вторично отрекся от короны и посадил на трон служилого татарского хана Симеона Бекбулатовича. Татарин въехал в царские хоромы, а «великий государь» переселился на Арбат. Теперь он ездил по Москве «просто, что бояре». В Кремлевском дворце он садился поодаль от «великого князя», восседавшего на великолепном троне, и смиренно выслушивал его указы.

Современники не понимали смысла затеи монарха. Распространился слух, будто государь был напуган предсказанием кудесников. Известие об этом сохранил один из поздних летописцев: «А говорят нецыи, что для того сажал (Симеона), что волхви ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю будет смерть». Предупреждения такого рода самодержец получал от колдунов и астрологов не однажды.

Отречение Грозного не было следствием мгновенного решения. Этому шагу предшествовала длинная цепь событий. Самые драматические из них разыгрались за кулисами. Источники хранят по этому поводу молчание, и только Синодик опальных приоткрывает краешек завесы. В Синодике можно обнаружить следующую запись: «Помяни, Господи, князя Бориса Тулупова, князя Володимера, князя Аньдрея, князя Никитоу Тулуповы, Михайлоу Плещеев, Василиа Умной, Алексея, Федора Старово, Ориноу Мансурова… Якова Мансурова». Названные в Синодике люди занимали при новом дворе особое положение. За год до коронации Симеона царь отпраздновал свадьбу с Анной Васильчиковой. На ней было немного приглашенных: избранные из избранных. Но вот что интересно: на свадьбе весело пировали те, кто вскоре лишился головы. Никто не подозревал, каким коротким окажется для них путь от свадебного стола до эшафота. Незадолго до свадьбы Грозный посетил Пыточный двор и задал вопрос боярским холопам, которых жгли на огне: «Хто из бояр наших нам изменяют?» И сам принялся подсказывать имена: «Василий Умной, князь Борис Тулупов, Мстиславский?..» Царь начал с самых близких своих советников, стоявших подле него тут же на Пыточном дворе. Он шутил, но от его слов у бояр леденела кровь.

В Синодике записаны не просто высокопоставленные чиновники двора. Знакомство с их биографиями убеждает в том,

что перед нами руководители первого послеопричного правительства. В его состав входил князь Борис Тулупов, который сделал головокружительную карьеру. Вначале — скромный оруженосец, возивший царский самопал, а через год-два — член ближнего царского совета, вершивший дела государственной важности. Рядом с Тулуповым в Синодике записан Василий Умной. Этот был преемником Скуратова. Он с таким рвением продолжил начатый Малютой розыск о боярской измене, что тотчас был пожалован в «дворовые» бояре. За Умным во «двор» потянулась вся его многочисленная родня — Колычевы.

Мы не знаем ничего или знаем очень немногое о тех распрях, которые раскололи верхушку «двора» незадолго до появления на сцене Симеона. Очевидно одно: в итоге раскола власть перешла к крайним элементам, настоявшим на возврате к опричным методам управления. Первые симптомы конфликта внутри «дворового» руководства можно уловить в острых местнических спорах между Колычевыми, с одной стороны, Годуновыми и Сабуровыми — с другой. Боярин Федор Умной безнадежно проиграл тяжбу с боярином Богданом Сабуровым и был выдан ему «головой». Его родной брат боярин Василий Умной с трудом защищался от местнических претензий постельничего Дмитрия Годунова.

После казни Бориса Тулупова его старицкая вотчина досталась за «бесчестье» Борису Годунову. Мы никогда не узнаем, какое оскорбление потерпел от фаворита Годунов, но обидчик полностью оплатил счет, угодив на кол. Не лишним будет напомнить, что имущество опальных обычно делили между собой казна и доносчик. Борис постарался избавиться от неправедно нажитого имения. Едва Грозный умер, как он передал тулуповскую вотчину в монастырь с наказом вечно поминать двух братьев — Василия и Федора Умных, князя Бориса Тулупова и его мать Анну. Федор Умной кончил жизнь в монастыре, а Анна Тулупова, по словам очевидцев, была предана мучительной казни в день гибели сына. Будучи причастным к опале всех названных лиц, Борис велел поминать их всех 2 августа — очевидно, в день казни.

Итак, царь отправил руководителей первого послеопричного правительства на эшафот 2 августа 1575 г. Казни послужили толчком к расследованию второго новгородского «изменного» дела. Пущенная в ход машина террора не могла остановиться. Многие члены «двора» подверглись аресту. В числе их оказался личный медик Грозного Елисей Бомелей. «Лютый волхв» Елисей оставил по себе недобрую память в народе. Он оказывал царю услуги самого грязного свойства, приготовляя яды для впавших в

немилость придворных, а некоторых из них, например Григория Грязного, отравил собственноручно. Бомелей стал первым царским астрологом. Он знакомил царя с неблагоприятным положением звезд и предсказывал ему всевозможные беды, а затем «открывал» пути спасения. Грозный полностью доверял своему советнику. В конце концов астролог запутался в сетях собственных интриг и решил бежать из России. Взяв на имя своего слуги подорожную, Бомелей отправился на границу, предварительно зашив в подкладку платья все свое золото. Но в Пскове подозрительного иноземца схватили и в цепях привезли в Москву. Грозный был поражен изменой любимца и велел зажарить его на огромном вертеле. Под пытками Бомелей оговорил новгородского архиепископа Леонида и многих знатных лиц. Вопреки легенде «волхв» и «колдун» подучил царя убить бояр не по злой воле, а по слабости, из-за того, что не смог вынести пытку.

Англичанин Горсей, видевший, как полуживого доктора везли с Пыточного двора в тюрьму, рассказал любопытные подробности о последних днях авантюриста. По его словам, царь поручил допросить Бомелея своему сыну Ивану и приближенным, заподозренным в сговоре с лейб-медиком. С помощью этих придворных Бомелей надеялся выпутаться из беды. Когда же «колдун» увидел, что друзья предали его, он заговорил и показал многое сверх того, о чем желал узнать царь. Среди оклеветанных им людей оказался видный придворный Протасий Юрьев-Захарьин, троюродный брат наследника. Имя его записано в Синодике. Как можно установить, новгородский архиепископ Леонид «преставился» к государевой опале 20 октября 1575 г., а четыре дня спустя палач обезглавил Захарьина-Юрьева. Все это не было случайным совпадением.

Новые кровавые казни на Москве связаны были с новгородским делом, главным героем которого стал владыка Леонид. Архиепископ принадлежал к тому кругу духовенства, который поддерживал тесную дружбу сначала с опричниной, а потом с «двором». Пользуясь полным доверием царя, он занял новгородский престол после опричного разгрома Новгорода. Местную церковь Леонид подчинил целям опричной администрации, которую в то время возглавлял Алексей Старой. Старой подвергся казни накануне суда над Леонидом. По словам современников, участь новгородского архиепископа разделили два других высокопоставленных духовных лица. Их имена записаны в кратком Синодике государевых опальных в одном списке с Леонидом: «архиепископ Леонид, архимандрит Евфимий, архимандрит Иосиф Симоновский». Евфимий

возглавлял кремлевский Чудов монастырь. Летописи упоминают о том, что он погиб вместе с Леонидом. Эти лица в самом деле были тесно связаны между собой. В годы опричнины в Чудовом монастыре сидел Левкий, любимец Грозного, навлекший на себя проклятия Курбского. Левкий передал обитель Леониду, а тот сделал своим преемником Евфимия. Весь этот кружок лиц запятнал себя сотрудничеством с опричниной. К нему принадлежал также и архимандрит Симонова монастыря. Названный монастырь удостоился особой чести: он был зачислен в опричнину.

Покорное духовенство сквозь пальцы смотрело на многократные браки царя и другие прегрешения против церковных правил. Но сердечному согласию пришел конец, едва Грозный объявил о полном запрещении земельных пожертвований в пользу крупных монастырей. Царь не скрывал, что его раздражают вчерашние любимцы. Монахи Симонова и Чудова монастырей, писал царь за два года до казней, «лишь по одежде иноки, а все по-мирскому делают, то все видят». Архимандриты подавали худой пример братии. Царю доносили, что симоновский архимандрит, «не хотя быти в архимандритех и у мысля, причастился бес патрихели, а сказал, буттося беспамятством». Монахи могли рассчитывать на снисхождение, если бы речь шла об одном неблагочинии. Но против них выдвинуты были другие обвинения. Царь разгневался на своих богомольцев за то, что они «гонялись» за боярами, лукаво оправдываясь тем, что без боярских даяний их обители оскудеют. Не за дружбу ли с казненными «дворовыми» боярами пострадали Леонид и архимандриты?

Смерть Леонида породила множество легенд. Одни толковали, будто царь содрал с владыки одежду («сан») и, в «медведно ошив (зашив в медвежью шкуру), собаками затравил». По другой версии, Леонид «удавлен» был на площади перед Успенским собором в Кремле. Но самый осведомленный из авторов — англичанин Горсей — утверждает, что суд приговорил Леонида к смертной казни, а царь помиловал его и заменил смертную казнь вечным заточением. Владыку посадили в погреб на хлеб и воду, и он вскоре умер. На суде, замечает Горсей, Леонида обвинили в том, что он занимался колдовством и содержал в Новгороде ведьм. После суда ведьм сожгли. Можно ли доверять рассказу Горсея? Нет ли тут вымысла? Поминальная запись Синодика не оставляет сомнений на этот счет: «Помяни, Господи, в Новегороде 15 жен, а сказывают ведуньи волхвы». Перед нами те самые колдуньи Леонида, о которых рассказал Горсей.

Суд осудил Леонида как еретика и государственного преступника. Архиепископ якобы поддерживал изменнические связи с польским и шведским королями. Обвинения были столь нелепы, что им могли поверить лишь вконец запуганные люди. Царь опасался возражений влиятельных церковных кругов и прибег к шантажу. В описи царского архива можно обнаружить указание на сыскное дело «про московского митрополита Антония да про крутицкого владыку Тарасия 7083 и 7084 году». Самое примечательное — это дата розыска. 7083 г. истекал 31 августа, а 7084 г. начинался 1 сентября 1575 г. Следовательно, царь шантажировал митрополита в то самое время, когда полным ходом шла подготовка к суду над Леонидом.

Некоторые историки видели в отречении Грозного и передаче трона хану Симеону игру или причуду, смысл которой был неясен, а политическое значение ничтожно. Приведенные выше факты показывают, что отречение Грозного связано было с серьезным внутренним кризисом. Второе новгородское дело скомпрометировало многих высокопоставленных лиц из числа бояр и князей церкви. Страх перед всеобщей изменой преследовал царя как кошмар. Он жаждал расправы над заговорщиками, но не имел больше надежной военной силы. «Двор» не оправдал возложенных на него надежд. Главные руководители «двора» были обвинены в государственной измене и кончили жизнь на плахе.

Основная трудность, с которой столкнулись Грозный и его окружение, состояла, однако, в другом. Отмена опричнины аннулировала те неограниченные полномочия, которыми облек царя указ об опричнине. Никто не мог помешать Грозному казнить «ближних людей» из состава «двора». Он добился осуждения некоторых влиятельных церковных иерархов, непопулярных в земщине из-за пособничества опричнине. Но царь не решился поднять руку на могущественных земских вассалов, не имея на то санкции Боярской думы и церковного руководства. Опричная гроза не сокрушила боярскую аристократию. Царь Иван по-прежнему должен был сообразовывать свои действия с мнением знати. Полностью игнорировать Боярскую думу было рискованно, особенно в тот момент, когда обнаружилось, что охранный корпус царя — его «двор» — недостаточно надежен. Видимо, царь и его окружение долго ломали голову над тем, как без согласия думы возродить опричный режим и в то же время сохранить видимость законности в Русском государстве, пока склонность к шуткам и мистификациям не подсказала царю нужное решение. На сцене появилось новое лицо — великий князь Симеон. Трагедия неожиданно обернулась фарсом.

О личности Саин Булата Бекбулатовича известно немногое. Он сыграл роль, для которой больше всего подходил человек слабый и заурядный. Грозный делал с подручным ханом все, что хотел. Сначала посадил его на «царство» в Касимов, потом свел с мусульманского удельного княжества, крестил, переименовал в Симеона и женил на овдовевшей дочери князя Мстиславского. Служилый татарский хан, вчерашний басурманин, не пользовался влиянием в боярской и церковной среде. Но Грозному импонировали царское происхождение Симеона, а еще больше его полная покорность, и он поставил его во главе земской думы. Однако подручный хан не обладал достаточным авторитетом для того, чтобы единолично решать дела от имени думы. Чтобы преодолеть это затруднение, Грозный объявил о своем отречении от трона в пользу Симеона и провозгласил главу Боярской думы «великим князем всея Руси». Затем без особых хлопот он получил от своего ставленника согласие на введение в стране чрезвычайного положения. С переходом в «удел» князю Иванцу Московскому (так называл теперь себя Грозный) не надо было больше обращаться к думе. Свои указы он облекал в форму челобитных на имя великого князя.

Тотчас после гибели новгородского архиепископа Леонида Иван IV подал Симеону свою первую челобитную с просьбой, чтобы тот «милость показал, ослободил людишок перебрать бояр и дворян и детей боярских и дворовых людишок: иных бы еси ослободил отослать, а иных бы еси ослободил принять». Челобитная ставила «великого князя» в явно неравноправное положение с «удельным князем». Иванец Московский мог принять в «удел» любого из подданных «великого князя» Симеона. Симеону же категорически воспрещалось принимать служилых людей из «удела». Вновь организованная «удельная» армия как две капли воды походила на старую опричную гвардию. Взятые в «удел» дворяне теряли свои поместья в земщине и получали взамен земли на территории «удельного» княжества. Новоявленный «удельный» князь обошел молчанием вопрос о размежевании великокняжеских и «удельных» владений, оставив его целиком на свое усмотрение. Иванец Московский нарочно составил свою челобитную в таких выражениях, чтобы убедить подданных, будто речь идет не о новом разделе государства на земщину и опричнину, а всего лишь об очередной реорганизации «двора» и «переборе людишок».

Накануне первой опричнины царь покинул столицу, прежде чем объявить об отречении от престола. Накануне второй опричнины Грозный не захотел покинуть Москву и забрал в «удельную» казну царскую корону и другие регалии. Объясняя

английскому посланнику свой необычный поступок, Иван сказал между прочим: «Посмотри также: семь венцов еще в нашем владении со скипетром и с остальными царскими украшениями». Можно установить, с какими регалиями предстал перед англичанином развенчанный великий государь. Указы из «удела» составлялись от имени «государя, князя Ивана Васильевича Московского и Псковского и Ростовского». К этим трем древним княжеским коронам Иванец присоединил венцы двух «удельных» княжеств — Дмитровского и Старицкого, а также венцы Ржевы и Зубцова.

Московскому князю понадобился примерно месяц на то, чтобы выкроить «удельные» владения и сформировать в них новую опричную гвардию. В «удел» попали в основном земли, не числившиеся в опричнине. (Исключение составили Ростов и Старица.) Как видно, князь Московский не желал пустить в «удел» служивую мелкоту Суздаля, Вязьмы, Можайска, Костромы, некогда составлявшую опричный корпус.

Управление «уделом» осуществляла «удельная» дума, возглавленная Нагими, Годуновыми и Бельским. Старый постельничий царя Дмитрий Годунов подвизался на поприще политического сыска: Постельный приказ расследовал заговоры против особы царя. Заслуги Дмитрия Годунова были оценены, и он получил боярский чин, не полагавшийся ему по «худородству». Его племянник Борис вошел в «удельную» думу с чином кравчего, а свояк Бориса Богдан Бельский стал оружничим. Афанасий Нагой оказал царю важные услуги, будучи послом в Крыму. Он разоблачил мнимую измену бояр в пользу крымского хана и тем обеспечил себе карьеру. Под влиянием Афанасия Нагого царь ввел в «удельную» думу его брата Федца, пожаловав ему чин окольничего, а позже женился на его племяннице Марии Нагой. Образовавшийся триумвират — Нагие, Бельский, Годуновы — сохранил влияние при дворе Грозного до последних дней его жизни.

Публичные казни, осуществленные через месяц после отречения Грозного, произвели тягостное впечатление на современников. Летописцы подробно описали их. Но даже беглое знакомство с летописными заметками позволяет обнаружить разноголосицу источников.

Чтобы установить достоверные факты, следует вновь обратиться к Синодику опальных царя Ивана. В нем записаны следующие лица: «Князь Петра Куракила, Иона Бутурлина с сыном и з дочерью, Дмитрея Бутурлина, Никитоу Борисов, Василия Борисова, Дружиноу Володимеров, князя Данила Друцкой, Иосифа Ильина, протопоп, подьячих три человеки,

простых пять человекь крестьян».

Кем же были эти люди, жертвы второй опричнины? Боярин князь Петр Куракин лишь по чистой случайности уцелел в годы первой опричнины. Его брата, боярина Ивана, заточили тогда в монастырь. Он сам попал в ссылку в Казань и пробыл там десять лет. В Москву его вернули только затем, чтобы возвести на эшафот.

Боярин Иван Бутурлин, окольничий Дмитрий Бутурлин и окольничий Борисов были людьми другой судьбы. Они вошли в опричную думу, когда опричнина переживала закат. После ее полной ликвидации они сбросили черное опричное одеяние и перешли в земскую думу. Аналогичным был жизненный путь других опальных из Синодика.

Князь Данила Друцкий, виднейшие дьяки Дружина Володимеров и Осип Ильин сделали карьеру в опричнине, а затем перешли в земщину и возглавили там приказы. Володимеров сидел в Разбойном приказе, Ильин — в Дворцовом. (Во главе этого приказа стоял дворецкий Никита Романов.) Очевидец событий Генрих Штаден сообщает, что Ильин был «позорно казнен в Дворцовом приказе». Расшифровать его слова помогает следующая запись Синодика: «подьячих три человеки, простых пять человекь крестьян». Эти люди были убиты с Ильиным, когда царские слуги ворвались в его приказ и учинили там погром. Вновь гнев царя обрушился на дьяков и подьячих Кремля. В одной компании с кремлевскими приказными людьми оказался протопоп Архангельского собора в Кремле Иван. Его «посадили в воду», попросту говоря, утопили в реке.

Источники позволяют установить, что царь казнил своих бывших опричников в конце ноября 1575 г. Приведенная дата служит последним звеном в длинной цепи фактов. Итак, в августе Грозный расправился с руководителями «двора», в сентябре — октябре расследовал новгородскую измену, в конце октября отрекся от престола, в течение месяца создал новую опричнину — «удел», наконец, отдал приказ о казни виднейших земских бояр.

Современники глухо сообщают, что причиной новых опал был раздор в царской семье. Вычурным и замысловатым слогом московский летописец повествует о том, будто царь «мнети почал на сына своего царевича Ивана Ивановича о желании царства». Наследника, как видно, заподозрили в намерении свергнуть отца и занять трон. Чтобы поставить препону сыну, Грозный нарек на великое княжение Симеона. Тогда близкие к наследнику бояре будто бы заявили: «Не подобает, государь, тебе мимо своих чад иноплеменника на государство поставляти». В ярости царь велел казнить этих «супротивников». Трудно судить, насколько

достоверен приведенный летописный рассказ. Можно лишь догадываться, что дело Бомелея скомпрометировало бояр, принадлежавших к ближайшему окружению наследника, и царь решил избавиться от них. Главным заговорщиком он, по-видимому, считал боярина Ивана Бутурлина. Вместе с опальным палач обезглавил его сына и дочь. Членов семей других опальных царь пощадил.

После первой серьезной ссоры с сыном Иваном царь заявил в присутствии бояр, духовенства и иноземных послов, что намерен лишить сына прав на трон и сделать наследником принца Датского Магнуса. Спустя пять лет он исполнил эту угрозу, но передал корону не Магнусу, а Симеону. Царскую семью раздирало родственное озлобление. Своими действиями самодур отец как бы говорил взрослому сыну: «Казню твоих братьев и приближенных, и трон отдам не тебе, а инородцу». Исторические песни сохранили смутное предание о том, что царевич Иван спасся от смерти благодаря заступничеству любимого дяди боярина Никиты Юрьева. Известно, что во время расследования дела о заговоре в пользу наследника Грозный велел ограбить Никиту Юрьева. Не обделил вниманием царь и других руководителей земщины. По его приказу отрубленные боярские головы были брошены «по дворам» митрополиту Антонию, князю Ивану Мстиславскому, Ивану Меньшому Шереметеву, дьяку Андрею Щелкалову. Но как бы ни куражился Иван, сколько бы ни учил наследника палкой, он никогда не помышлял о суде над ним. Более того, отрекшись от царского сана, он взял сына в «удел» и объявил его своим соправителем. Все распоряжения из «удела» шли от имени двух князей московских: Ивана Васильевича и Ивана Ивановича.

На третий день после публичной экзекуции в Кремле Иван IV вызвал английского посланника, информировал его о вокняжении Симеона и добавил, что «поводом к тому были преступные и злокозненные поступки наших подданных, которые ропщут и противятся нам за требование верноподданнического повиновения и устрояют измены против особы нашей». Смысл разъяснений был предельно ясен. Иван Московский казнил бояр за отказ верноподданнически повиноваться ему. Опасаясь, как бы посол не принял всерьез его отречение, Иван IV заявил, что «передал сан в руки чужеродца, нисколько не родственного ни ему, ни его земле, ни его престолу». Объяснение с послом невольно вскрыло всю истину. Служилый татарин лишь потому призван был сыграть главную роль в затеянном маскараде, что не имел решительно никаких прав на русский престол. Грозный намеренно воскресил призрак ненавистной татарщины, при

которой великокняжеской властью распоряжался хан, а подручный московский князь приносил ему челобитные. Как видно, Иван IV предусмотрительно старался сделать преемника пугалом в глазах подданных, чтобы не дать ему возможности утвердиться на троне. Церемония передачи власти Симеону носила двусмысленный характер. По замечанию летописи, царь посадил его на престол «своим произволением». То же обстоятельство отметили иностранные наблюдатели. Как писал Горсей, царь передал венец Симеону и короновал его без согласия Боярской думы. Отмена церемонии присяги новому государю в думе лишала акт коронации законной силы. Неопределенность положения Симеона усугублялась тем обстоятельством, что он занял царский трон, но получил вместо царского один только великокняжеский титул.

На третьем месяце правления Симеона царь сказал английскому послу, что сможет вновь принять сан, когда ему будет угодно, и поступит, как Бог его наставит, потому что Симеон еще не утвержден обрядом венчания и назначен не по народному избранию, а лишь по его соизволению. Но и после этого заявления Грозный не спешил с окончанием маскарада. Татарский хан пробыл на московском троне около года. Царь полагал, что услуги покорного Симеона могут понадобиться ему в будущем, и потому вместо уничтожения соперника «отставил» его с почетом. Покинув Москву, Симеон перешел на «великое княжение» в Тверь.

Под видом «удела» царь воскресил в стране опричные порядки. Но на этот раз гонения затронули небольшое число лиц. Погромы не повторились. «Удельная политика» послужила своего рода послесловием к опричной политике. Царь довершил разгром того боярского круга, который управлял опричниной в конце ее существования. «Княжение» Симеона не оказало серьезного влияния на внутреннее состояние страны.

Борьба за польскую корону

В 1572 г. умер польский король Сигизмунд II Август, и в Речи Посполитой наступил длительный период бескоролевья.

Московская дипломатия пыталась повлиять на хрд избирательной борьбы в Польше. Часть шляхты выступила за избрание на польский трон Ивана IV. Шляхта противилась всевластию магнатов и рассчитывала, что избрание царя поможет ей в ее соперничестве со знатью.

Литовская знать желала видеть на королевстве не самого Грозного, а его недееспособного сына Федора. Она надеялась, что царь пойдет на территориальные уступки и вернет Литве Полоцк и Смоленск, что приведет к длительному миру на литовской границе. Но самодержец отклонил предложения литовцев. «Королевство мне не новина, — заявил он послам. — Сын мой молод и государство ему справить не мочно».

Поглощенный борьбой с внутренними трудностями, Иван IV опасался умножить их польскими делами.

При Сигизмунде II королевская власть находилась в самом жалком положении. Финансы пришли в расстройство, буйное «рыцарство» диктовало королю свои условия. Царь Иван был прекрасно осведомлен об этом. «…Наших великих государей волное царское самодержство, не как ваше убогое королевство… — писали под диктовку Ивана его бояре в послании Сигизмунду II, — что (ты) еси посаженой государь, а не вотчинной, как тебя захотели паны, так тебе в жалованье государство и дали…»

После смерти Сигизмунда II московский государь столкнулся с неразрешимым противоречием. Он домогался присоединения владений польской короны, но не желал быть «выборным» королем, испытывая глубочайшее пренебрежение к выборной власти. Он вел дело крайне неудачно, терял время, пытался диктовать шляхетству свои условия.

Польская и литовская шляхта считала право участия в выборах короля одной из главнейших шляхетских вольностей. Но именно это право было неприемлемо для самодержца. В 1564 г. в письме Курбскому он писал: «А о безбожных языцех, что и глаголат! Неже те все царствии своими не владеют: как им повелят работные их, так и владеют». В глазах православного царя его власть не могла быть иной, кроме как наследственной и неограниченной. Соглашаясь принять корону из рук польских сословий, Грозный требовал себе и своим потомкам наследственной власти, что было неприемлемо даже для его

сторонников среди шляхты и знати.

Царь имел полную информацию о польских порядках, и его не покидали сомнения и тайный страх при мысли о необходимости строить отношения с новыми подданными на новых принципах. Самодержавные устремления были не к месту там, где порядок опирался на шляхетские вольности. Покушение на эти вольности неизбежно привело бы к раздору. Опричнина в Польше не имела никаких шансов на успех.

Иван IV не мог скрыть своих опасений от польских дипломатов. Отпустив Гарабурду, он отправил вслед ему дополнительные условия своего избрания на королевский трон: если «по грехом для которого случая учиниться какой мятеж промеж государем и землею» (Польшей), паны обязуются отпустить его в Россию «без всякого задержания».

Шаги монарха, весьма мало соответствовавшие культуре и политическим традициям шляхетской «республики», свели его шансы на избрание к нулю.

Главными претендентами на польскую корону выступили австрийские Габсбурги и французские Валуа. Литовские дипломаты заботились о том, чтобы предотвратить военное вторжение с востока в период междуцарствия. Они держали царя в неведении относительно избирательного сейма, созванного на поле под Варшавой в апреле 1573 г. Русские послы не были приглашены в Варшаву. На сейме победу одержал принц Генрих Анжуйский, коронованный польской короной в 1574 г. Французский претендент согласился подписать с сословиями Речи Посполитой договор — pacta conventa. Так называемые «Генриковские артикулы» определяли условия, на которых вновь избранный король будет управлять государством.

Тщетно Иван IV грозил Литве нашествием. Военная партия в Польше сама готовилась к возобновлению войны из-за Ливонии. Франция обязалась помочь Польше флотом и войсками в войне с Россией.

Русское государство нуждалось в союзниках и в течение многих лет хлопотало о заключении военного союза с Англией. Брак царя с английской принцессой должен был закрепить такой союз.

Грозный не одобрял английского абсолютизма. Королева Елизавета I в глазах царя не была «вотчинной» (прирожденной) королевой, поскольку она получила трон из рук «людей» — своих подданных. «Филипа короля шпанского, — писал Иван IV Елизавете, — аглинские люди с королевства сослали, а тебя учинили на королевстве».

Неудачные переговоры о заключении союза 1570 г. побудили

Грозного высказать свой взгляд на причины провала, которые коренились в недостатке власти у выборной королевы. «И мы чаяли того, — выговаривал самодержец своей «сестре», — что ты на своем государстве государыня и сама владеешь… ажно у тебя мимо тебя люди владеют, не токмо люди, но и мужики торговые, и о наших государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков».

Парламентский строй Англии был в глазах государя достоин еще большего порицания, чем строй Речи Посполитой. В Польше делами распоряжались паны — шляхта и вельможи, в Английском королевстве — не одни дворяне («люди»), но и торговые мужики.

Характерное для Грозного понятие «прибыльность» употреблялось в письме королеве в том же значении, что и в царском завещании. Оно включало заботу о «государских головах, чести и землях», то есть идею государственной пользы. Торговые прибытки имели в глазах Ивана второстепенное значение по сравнению с царскими.

Генрих Анжуйский недолго побыл на польском троне. В июне 1574 г. он тайно покинул Краков и бежал в Париж. Польше предстояли выборы нового короля. Сторонники Грозного из числа шляхты прислали в Москву посланца Кшиштофа Граевского.

Самодержец должен был смягчить свою позицию по поводу принципа выборности монарха сословиями. Он согласился с тем, что шляхта будет свободно выбирать короля, но, во-первых, в выборах будет участвовать наряду с польским и литовским также русское дворянство, и, во-вторых, сословия должны были «свободно и единодушно» избрать на трон одного из наследников царя. Иван предполагал объединить Россию, Польшу и Литву в единое государство, которое составило бы ядро антитурецкой лиги.

Весной 1575 г. съезд шляхты в Стенжице приступил к обсуждению вопроса об избрании короля. Австрийские Габсбурги, преданные католицизму, имели многочисленных и влиятельных сторонников среди польской знати. Голоса шляхты разделились. Сторонники царя тайно виделись с русским гонцом Елчаниновым и объявили ему, что желают видеть «на государстве московского государя». Они пытались подсказать Ивану IV, как надо ему действовать, чтобы получить корону. Елчанинов получил от них образец послания, с которым Грозному надлежало обратиться к «рыцерству». Самодержец, значилось в грамоте, хочет быть для польской шляхты «не так паном, але рыцерским людем, как братом».

Грозный никогда бы не согласился признать своими братьями даже высокородных магнатов, а тем более мелкую шляхту. Он

отказался внять совету своих сторонников в Польше и не спешил направить на сейм «великих послов». Претендент на корону колебался и медлил. Еще в 1574 г. Максимилиан II предложил царю разделить Речь Посполитую между Россией и Австрией. Такие планы как нельзя лучше отвечали намерениям Грозного. В том же 1574 г. он уведомил императора: «А наше хотень ето, чтоб… Литовское бы Великое княжество и с Киевом и что к нему городы, были к нашему государству Московскому». Самодержец не надеялся справиться с буйной польской шляхтой и своевольными магнатами. Но подчинение Литвы с Украиной и Белоруссией всецело отвечало его истинным намерениям.

Между тем избирательная борьба достигла критической точки. Магнаты поддерживали кандидатуру императора Максимилиана И, шляхта — Стефана Батория, семиградского воеводу, вассала Османской империи. По донесению русских гонцов, на избирательном поле шляхта подняла пальбу из самопалов и стала стрелять из луков, чтобы устрашить знать. Магнаты укрылись в крепости, опасаясь убийств. В конце концов они объявили об избрании Максимилиана II. Однако сторонникам трансильванского воеводы Стефана удалось занять Краков и захватить королевские регалии. Брак Стефана с сестрой Сигизмунда II Ягеллона давал ему известные права на корону.

Максимилиан II подумывал о том, чтобы двинуть свои войска в Польшу. Но в 1576 г. он скоропостижно умер.

Царь рассматривал Австрию как союзника в войне с Османской империей и Крымом. Избрание Максимилиана отвечало его политическим расчетам. Но попытки России заключить тесный союз с Веной для военных действий против Речи Посполитой не увенчались успехом.

В конце Ливонской войны двумя самыми грозными противниками России были Речь Посполитая и Швеция. Столкновение их интересов в Ливонии, казалось бы, исключало польско-шведский союз. Но угроза военного сотрудничества поляков и шведов реально существовала. Недооценивая опасность, Иван IV считал возможным писать своим недругам высокомерные послания, исключавшие какие бы то ни было мирные шаги.

Свою власть прирожденного государя Иван IV противопоставлял убогой власти выборных королей. К королю Стефану Баторию он обращался с такими укоризненными словами: «Тебя… обрали народи и станы (сословия) королевства Полскаго, да посадили тебя на те государства устраивати их, а не владети ими. А они люди по всей своей поволности, а ты им на маистате всей земли присягаешь».

Когда Баторий прислал в Москву послов, Грозный спрашивал их о здоровье короля сидя, не звал к столу. Царь не желал называть короля «братом» и считал, что семиградский князь — ровня его боярам Мстиславским и Трубецким. Брак с Ягеллонкой нисколько не менял дела, «так как сестра королева государству не отчич».

Послание Грозного к шведскому королю Юхану III (1573) пронизано было чувством превосходства «дородного» государя над выходцем из «мужичьего» роду. Отец Юхана III был в глазах царя узурпатором. Когда законный государь Кристиан II лишился трона из-за мятежа, Густав Ваза, отец Юхана III, «пригнался из Шмолант с коровами», которых пас в своем имении. Так он занял трон, ему не принадлежавший. Договор с Россией Ваза заключал вместе с «советниками королевства Свейского». Сословия его королевства представлял архиепископ Упсалы. «А послы, — обличал самодержец Юхана III, — не от одного отца твоего, от всего королевства Свейского, отец твой у них в головах, кабы староста у волости». Власть узурпатора низкого происхождения не могла быть от Бога. В глазах самодержца она имела ту же природу, что и власть старосты над мужицкой волостью. Густав Ваза внушал пренебрежение великому государю еще и тем, что не брезговал купеческими делами. Когда приезжали из России торговые люди с российским товаром — салом и воском, то король «сам, в рукавицы нарядяся, сала и воску за простого человека в место опытом пытал и пересматривал на судех». Такое поведение представлялось царю недостойным. «Коли бы отец твой не был мужичей сын, и он бы так не делал», — писал Иван Юхану III.

Оскорбительные обращения самодержца к окрестным государям немало способствовали полной международной изоляции России, в известной мере обусловившей исход Ливонской войны.

Ливонские победы

В 1572–1573 гг. царские воеводы с большим трудом усмирили восстание черемисов в Поволжье. Мирные переговоры с казанскими людьми вели высшие сановники государства князь Иван Мстиславский и Никита Романов.

В 1575 г. южнорусские границы впервые за много лет не подвергались татарским набегам.

Москва использовала момент, чтобы активизировать восточную политику. В апреле 1576 г. царь принял решение выступить на южную границу «на свое дело и на земское». Несколько раньше Москва послала запорожским казакам денежное жалованье и боеприпасы. Запорожцы «ялись государю крепко служити». В помощь им прибыли отряды донских казаков.

Летом казаки выдержали сражение с крымскими татарами и вынудили их оставить Ислам-Кирмен. Дело шло к большой войне с Крымом. Два года спустя умер хан Девлет-Гирей, и в Крыму началась длительная междоусобная борьба.

С 1574 г. русские возобновили военные действия в Прибалтике, стремясь изгнать шведов из Ревеля. В апреле 1575 г. боярин Никита Романов занял крепость и порт Пернов. Год спустя русские утвердились в Гапсале.

В начале 1577 г. царь направил в шведскую Ливонию более крупные силы. Возглавили наступление молодой воевода Федор Мстиславский, сын первого боярина думы, и Иван Меньшой Шереметев. Еще недавно царь обличал Шереметева как государственного изменника, сносившегося с крымцами. Но мнимый изменник был одним из немногих опытных воевод, уцелевших в годы террора. Боярин Иван Меньшой обещал государю либо взять крепость, либо сложить голову под ее стенами.

Зимним путем к Ревелю была подтянута осадная артиллерия, и в январе 1577 г. воеводы начали бомбардировать город калеными ядрами. Однако взять крепость им не удалось. Шереметев был ранен шведским ядром и умер. В марте войска сняли осаду и отступили.

Не завершив войну в шведской Ливонии, Россия в 1577 г. приступила к завоеванию Южной Ливонии, находившейся под властью Речи Посполитой. Все крупнейшие военачальники были казнены Грозным в предыдущие годы. В их числе были Александр Горбатый, Михаил Воротынский, Алексей Басманов, Михаил Репнин, Юрий Кашин, Андрей Шеин. Военное руководство перешло в руки воевод, не имевших особых заслуг, опыта и

способностей. Но это не беспокоило царя. Он решил лично возглавить новый поход против ливонцев. Его сопровождала блистательная свита: татарский хан Симеон Тверской, ливонский король Магнус, князь Шейдяков. Талантливый воевода князь Дмитрий Хворостинин вместе с Иваном Мстиславским были оставлены на Оке на случай нападения Крымской орды. Москва не забыла уроков 1571 г.

Несмотря на все усилия, Разрядному приказу удалось собрать для похода всего 7279 детей боярских, 7905 стрельцов и казаков, 4227 татар. Вместе с военными холопами боевой состав армии не превышал 30 000 человек.

Располагая такими силами, царь имел возможность изгнать из Южной Ливонии малочисленные литовские гарнизоны. Поход задуман был как демонстрация военной мощи, не более того.

Бояре, посланные под Ревель, потерпели полную неудачу. Не желая подвергать себя риску поражения, Грозный вовсе отказался отрешения ключевой задачи — овладения Ригой и Ревелем и ограничился второстепенными целями.

13 июля 1577 г. Иван IV выступил из Пскова к Мариенхаузену. Местный гарнизон, насчитывавший 25 человек, сдался без боя. Воины соседних замков последовали его примеру. Под Динабургом Грозный обещал «повольность» гарнизону и не только исполнил обещание, но и одарил сдавшихся немцев и поляков.

На один день войска задержались под небольшим замком Чествин. Царь был взбешен. Городок был взят штурмом. В наказание часть пленных велено было казнить — «по кольям сажать». Прочих распродали татарам в рабство. Царь следовал принципу — щедро жаловать послушных и истреблять «сопротивных».

Победное шествие московитов произвело огромное впечатление на дворян Южной Ливонии. Литовская администрация не могла обеспечить им военной помощи и тем окончательно подорвала свой авторитет. В таких условиях немало ливонских немцев искали покровительства у короля Магнуса. По предварительному соглашению Грозный позволил своему «голдовнику» присоединить к своим владениям Венден и несколько других замков. Однако власть Магнуса признали, помимо Вендена, 16 других замков.

Когда Магнус сообщил об этом Ивану IV, тот пришел в ярость и предложил королю убираться вон из Ливонии «в свою землю Езель да и в Дацкую землю за море». Царское послание Магнусу завершала угроза сослать его в Казань. Тайные сношения короля с ливонцами заронили в голову Грозного подозрения насчет

измены.

Когда полки подступили к Куконосу на Западной Двине, оказалось, что замок занят солдатами Магнуса. Вступив в город, Грозный велел казнить находившихся там советников короля, а горожан «распродать татаром и всяким людем».

Магнус был вызван в царскую ставку и взят под стражу. Утратив всякое доверие к вассалу, Иван IV «велел отвести его вместе с его придворными в старую хату без крыши, где он должен был лежать на соломе пять суток, а придворные день и ночь ждали смерти». Потом короля отпустили в его удел. Полгода спустя он перешел на сторону Батория.

В замке Вольмар был захвачен в плен литовский гетман Александр Полубенский. По требованию Ивана IV гетман отдал приказ польским гарнизонам прекратить сопротивление.

10 сентября царь дал пир знатным пленникам в Вольмаре. Он жаловал сдавшуюся Литву, «давал им шубы и кубки, а иным ковши жаловал», после чего отпустил на родину.

Грозный надеялся, что демонстрация силы в Ливонии заставит Батория заключить мир с Россией. Полубенскому вручена была царская грамота для передачи королю. Царь извещал Стефана, что завершил поход и очистил свою отчину — Лифляндскую землю. Своего неприятеля он утешал тем, что спор из-за Ливонии возник до избрания того на польский трон: «…и ты б о том досаду отложил и с нами нежитья не хотел, занеже то не при тебе делилось».

Поход в Ливонию подтвердил горделивую уверенность царя в том, что он — великий полководец, орудие в руках Господа. Он невольно преувеличивал масштабы своих побед. Возле царя не оказалось способных воевод, которые могли бы овладеть опорными крепостями Ригой и Таллином. Подле него не было дипломатов вроде Ивана Висковатого, которые могли бы объяснить ему, что Россия понесла тягчайшее дипломатическое поражение в Речи Посполитой, утратив возможность повлиять на ход избирательной борьбы. Неудача готовила почву для изоляции Российского государства.

Предаваясь иллюзиям, Грозный надеялся избежать кровопролитной войны с Речью Посполитой и к тому же продиктовать Баторию условия мира. Отпуская пленных на родину, он велел передать Стефану на словах, «чтоб король послов своих прислал, а дался б король на государеву волю во всем, да про то им велел сказать королю, какова его государева рука высока». Царь явно не учитывал мужества и энергии своего противника.

В письме к литовскому наместнику Ливонии гетману Яну

Ходкевичу Грозный не мог скрыть своего ликования: «В нашей отчине Лифлянской земле… нет того места, где б не токмо коня нашего ноги, и наши ноги не были, и воды в котором месте из рек и озер не пили есмя; но все то з Божиею волею под наших коней ногами и под нашим житием учинилося». Облачившись в маску миролюбия, царь советовал гетману не огорчаться, так как царские победы не наносят ущерба его достоинству: «А убытка тебе здеся ни в чом нет, и ты б о том не кручинился»; «лучше сия смущения отложити и промышляти о покое християнском».

Накануне вторжения в Ливонию Иван IV написал послание к вице-регенту Лифляндской земли князю Александру Полубенскому, заменявшему регента Ходкевича. Князь носил титул «справцы рыцарства вольного». Царь предлагал ему именоваться начальником не над рыцарством, а над висельниками, «которые в Литве ушли от шибеницы» (виселицы). Он имел в виду наемных солдат, навербованных в Литве и присланных в Ливонию.

В письме Грозный извещал гетмана о выступлении в поход и требовал, чтобы тот отвел все свои отряды из ливонских градов: «…из нашие бы еси вотчины из Лифлянские земли поехал со всеми людьми».

Свои послания царь начинал с титула «Божьей милостью» и пр. В грамоте Полубенскому титульная часть составляет более половины всего послания. Она раскрывает взгляды самодержца на природу власти православных государей. Древние царства находились во власти дьявола, доказательством чему служили преследования христиан. Так было до Константина Великого, «царя правды християнска», соединившего «священство и царство воедино». На Руси Бог избрал Владимира Киевского как «царя правды християнска». Царь называл себя его преемником. Такими рассуждениями Иван IV подкреплял свои требования о немедленном очищении Ливонии, древней отчины киевских князей.

Любитель «грубианской» полемики, Грозный не жалел бранных слов для Полубенского, свояка Курбского: «Полубенскому, дуде, пищали, самаре, разладе, нефирю, то все дудино племя!» Дуда была инструментом скоморохов, что и определяло смысл прозвища «дудино (скоморошье) племя».

Послание Ивана IV Полубенскому не было своевременно доставлено адресату. Но, по словам гетмана, когда он предстал перед царем, тот произнес бранную речь.

Будучи в Вольмаре, Иван IV написал послания изменнику Тимофею Тетерину, беглым опричным советникам — ливонским дворянам Иоганну Таубе и Элерту Крузе и князю Андрею

Курбскому.

Насмешливое письмо Курбскому всего полнее выражало те чувства, которые переполняли Грозного в походе. Хотя мои беззакония «паче числа песка морского», писал он, но надеюсь на милость Бога, который может в пучине милости своей потопить их все. Своей сединой он (царь) прошел все дали тех дальноконных городов, где Курбский искал успокоения. «И тут на покой твой, — поучал царь Курбского, — Бог нас принес, и все то мы тебе пишем не из гордости, а ради твоего исправления, чтобы ты о спасении души своей помыслил».

Десятилетия самодержавного правления и террор неизбежно вели к тому, что Иван все больше превращался в затворника Кремля, терял представление о реальном мире. Он жил в плену превратных представлений о своем всемогуществе и поход в Ливонию оценивал как величайший триумф. Между тем военная кампания подготовляла почву для объединения главнейших противников России.

После смерти императора Максимилиана II царь надеялся на то, что австрийские Габсбурги продолжат борьбу за польскую корону. Военный союз с Веной, по мысли царя, должен был поставить Батория на колени. Расчеты такого рода не имели под собой никакой почвы.

Успехи, достигнутые русскими в 1577 г., оказались кратковременными. Военное господство в Южной Ливонии принадлежало тому, кто владел Ригой. Как только царь вернулся в Москву, самые крупные из завоеванных им крепостей — Динабург и Венден — пали.

Попытка царя покончить с затянувшейся войной, предприняв широкие наступательные операции против шведов и литовцев, привела к неблагоприятным последствиям. Впервые за все время Ливонской войны противники России фактически объединили свои военные усилия.

В 1578 г. царь дважды посылал полки к Вендену, чтобы вернуть этот замок. Воеводы просили его отменить приказ, ссылаясь на то, что идти к Вендену «не с кем, людей мало». Прибывшие в армию царские эмиссары получили приказ «отвести» полки к замку и «промышлять своим делом мимо воевод, а воеводам с ними». Плохо подготовленное наступление закончилось провалом. Объединенные польско-литовские и шведские отряды внезапно напали на русский лагерь под Венденом и нанесли воеводам поражение.

Многочисленные победы в Ливонии грозили обернуться поражением.

Политика «двора»

После низложения Симеона «двор» не был упразднен, а лишь подвергся новой реорганизации. В ведении «дворового» правительства остались почти все главнейшие территории «удела», включая Псков и Ростов, а также Поморье с Двинской землей. К этим землям была присоединена бывшая опричная периферия — Козельск, Вологда и Каргополь. Присоединение северного комплекса земель преследовало вполне определенную цель: увеличение доходов «дворового» ведомства. Во «дворе» функционировали такие приказы, как Двинская четверть, «дворовый» Большой приход, «дворовый» Разряд и т. д. Они располагались в Москве на «дворовой» стороне, отдельно от земских приказов. В военных ведомостях 1577–1579 гг. четко разграничивались «дворовые» и «земские» чины. В глазах современников «двор» выглядел зловещим призраком опричнины, но эти учреждения все же существенно различались между собой. Основное различие состояло, возможно, в том, что «двор» не был связан с определенной территорией столь жестко, как опричнина или «удел». Иначе говоря, «двор» рассматривался скорее как особое войско царя, чем особые территориальные владения, в которых царь был удельным государем. Во главе «двора» стояли те же «ближние» думные чины, которые возглавляли «удел» Иванца Московского. То были думные дворяне А. Ф. Нагой, Б. Я. Бельский, а также Годуновы.

В условиях военного поражения «дворовое» правительство ввело в жизнь чрезвычайные меры с целью покрытия военных расходов и поддержания дворянского ополчения. Собор, созванный в Москве в январе 1580 г., утвердил приговор о церковных землях. Приговор воспрещал духовенству приобретать новые земли и одновременно предусматривал возможность полного отчуждения у монастырей всех княжеских вотчин, когда бы то ни было перешедших в их владение: «…а которые покупали княженецкие вотчины, и те вотчины взяти на государя, а в деньгах ведает Бог да государь».

Наследие удельного времени — обломки вотчинного землевладения суздальской и прочей знати — давно было предметом вожделения казны. В годы опричнины княжеское землевладение пережило подлинную катастрофу, которая привела к неслыханному обогащению монастырей, прибравших к рукам земли опальных. «Дворовое» правительство не хотело допустить возврата земель к старым землевладельцам и с этой целью воспретило вотчинникам выкупать у церкви родовые

земли. Подобная уступка духовенству носила преимущественно декларативный характер, поскольку она не распространялась на самую ценную категорию земель — княжеские вотчины, на которые претендовала казна. Антимонастырские меры, провозглашенные «дворовым» правительством, в конечном счете должны были способствовать расширению поместного фонда земель и тем самым поддержанию скудеющего дворянства.

В обстановке военного поражения власти осуществили чрезвычайные финансовые меры с целью изыскания средств на войну. Они обложили дополнительными поборами всю «землю», в особенности черносошные (государственные) земли Севера и Поморья. Крупные суммы были взысканы с городов и купечества. Одна только английская купеческая компания должна была заплатить в несколько приемов 2000 рублей.

Описанные финансовые меры затронули все слои населения. Усиление налогового бремени оказало пагубное влияние на экономику страны, переживавшую кризис. Истоки кризиса второй половины XVI в. обычно связывают с ростом податей, опричниной и войной, а его основные признаки усматривают в длительном и катастрофическом сокращении посевных площадей, обнищании крестьян, убыли сельского и городского населения. Предполагается, что признаки упадка накапливались постепенно на протяжении двух десятилетий, пока в начале 80-х годов наконец не наступила разруха. При таком взгляде на ход кризиса не учитывается один важный факт, ускользавший до сих пор из поля зрения исследователей.

Известно, что в начале XVII в. экономика страны была подорвана трехлетним голодом 1601–1603 гг. Сходное происхождение имело и «великое разорение» 70–80-х годов, у которого также существовал свой порог — трехлетний голод и чума 1569–1571 гг. Последствия опричного погрома не шли ни в какое сравнение с грандиозными стихийными бедствиями, но так вышло, что казни и голод достигли апогея одновременно. При обычных условиях населению потребовалось бы для восстановления производства одно-два десятилетия. Но шла война, государство облагало податные сословия усиленными поборами, и в итоге налоги стали главным фактором дальнейшего упадка экономики, охватившего и сельское, и городское население.

От разорения более всего пострадали города Центра и Северо-Запада. Население Москвы сократилось втрое. Обезлюдели сельские местности. На протяжении сотен верст путешественники встречали лишь заброшенные деревни. Крестьяне уходили на окраины. Те, кто оставался в насиженных

местах, сокращали запашку, чтобы избежать разорительных государевых податей. На единицу тяглового обложения — обжу — в старину приходилось от одного до трех крестьянских дворов, в годы разорения — от четырех до восьми и более. Экстренные поборы последних военных лет оказались для крестьянина с крохотным наделом вовсе непосильными.

Убыль населения и сокращение наделов привели к тому, что большая часть земель в государстве перестала обрабатываться. Ко времени смерти Грозного в Московском уезде не засевалось 5/6 пашни. В опустошенной неприятелем Новгородской земле крестьяне обрабатывали едва ли 1/13 пашни. Новгородские села и деревни походили на громадные кладбища, среди которых кое-где бродили еще живые люди. Великое разорение расстроило традиционные отношения между крестьянами и землевладельцами. Дворяне все чаще нарушали нормы Юрьева дня и прибегали к насилию. Возникла ситуация, ярко изображенная Поместным приказом: «…переходом крестьян причинилися великие кромолы, ябеды и насилия немощным от сильных».

В условиях разрухи дворянское оскудение приобрело широкие масштабы. Владельцы мелких поместий лишились большинства крестьян. Писцовые книги запестрели пометами о разоренных помещиках, из которых одни сошли «в нищих» и скитались «меж дворы», другие померли, а «дети иод окны волочатца». Утомленные войной дворяне растеряли прежнюю воинственность и не заявляли более, что готовы положить голову за одну десятину государевой земли. В Польшу приходили вести о том, что московские служилые люди обратились к царю с настойчивой просьбой закончить войну, поскольку им невозможно служить, имея запустевшие поместья. Многие дворяне самовольно покидали полки. Таких власти свирепо преследовали. «Нетчиков» били кнутом, заковывали в цепи, выдавали на крепкие «поруки», брали под стражу их детей и слуг. В конце войны такие меры применялись даже к «большим» дворянам — офицерскому составу армии. Но проводить мобилизации становилось все труднее. Командование не раз отменяло наступление из-за того, что «дети боярские не собрались». Даже в тех случаях, когда мобилизация удавалась, дворяне бежали с театра военных действий и разъезжались по поместьям. Расстройство поместного хозяйства, насильственный своз крестьян вели к тому, что длительное отсутствие землевладельца приводило к полному разорению поместья.

«Дворовое» правительство не могло полагаться лишь на принуждение в отношении земских служилых людей и

предпринимало попытки поддержать скудеющее дворянство. В этом плане и следует рассматривать такие мероприятия, как обложение чрезвычайными поборами «тарханов» и ограничение монастырского землевладения. По словам современников, антимонастырский указ отчасти успокоил недовольную земщину.

Подобно опричнине, «двор» сохранил функции полицейского сыска и надзора. Но «дворовая» политика утратила преимущественно репрессивный характер. После упразднения «удела» казни прекратились, а опалы на земских бояр приобрели сравнительно умеренный характер.

Конец войны

Многие годы в военных действиях против России участвовала преимущественно литовская армия. На последнем этапе войны в борьбу вступили вооруженные силы Польши. Не следует забывать, что Речь Посполитая, в состав которой входили Польша и Литва, Украина, Белоруссия и Курляндия, принадлежала к числу крупнейших государств Восточной Европы. С приходом к власти Стефана Батория страна смогла мобилизовать значительные силы и бросить их в наступление на Восток. Новый король преодолел международную изоляцию, в которой поначалу оказался. Проведенные им военные преобразования возродили военное могущество Польши. К войне с Россией Баторий готовился самым тщательным образом. В Венгрии и Германии власти вербовали отряды наемников. По всей стране заготовляли военное снаряжение.

Баторию удалось собрать под своими знаменами 41 814 солдат. В военной кампании против России участвовал шведский флот и 10 667 шведских солдат. По данным Разрядного приказа, Россия смогла выставить в поле 10 532 кавалериста, 3119 стрельцов и казаков, а всего вместе с татарами и городским ополчением 23 641 солдата. При дворянской кавалерии находилось также 10 000–20 000 боевых холопов.

В Москве знали о военных приготовлениях Речи Посполитой, но, по-видимому, не вполне оценивали опасность ситуации. Вернувшиеся из Польши послы уверяли царя, будто с Баторием идут немногие «охочие люди» из литовской шляхты, а поляки будто бы отказались участвовать в походе. Гонец Тимофеев несколько позже сообщил, что король намерен нанести удар по Полоцку. Но его словам царь не придал серьезного значения. Гарнизон Полоцка не был своевременно усилен.

Стремясь упредить нашествие, русское командование приняло решение о наступлении в немецкую Ливонию. Намеченный план был частично осуществлен. Прибыв в Новгород в начале июня 1579 г., царь отпустил «за реку за Двину», в Курляндию, воеводу князя Василия Хилкова с войском. По-видимому, сам царь намеревался двинуться следом за воеводой, чтобы очистить от поляков всю Курляндию.

Хилков «погромил» курляндских немцев, но его успех имел ограниченное значение. К моменту неприятельского вторжения силы русской армии оказались разъединенными.

Король Стефан направил царю грамоту с объявлением войны. Особый пункт послания гласил, что король имеет претензии к

особе царя, но не к его подданным, которым как христианам он желает всякой свободы. В пограничные крепости были направлены письма с обращением к жителям — от бояр до простого народа. Всем сдавшимся в плен Баторий обещал «вольность и свободу прав христианских».

Будучи в Пскове, царь составил письмо Баторию. Он называл латинскую веру «полухристианством», пенял королю, что его паны «веруют иконоборные ереси люторские» и в его владениях появилась арианская ересь. Бог покарает еретиков, а «искру благочестия истиннаго христианства в Российском царстве сохранит и державу нашу утвердит от всяких львов, пыхающих на ны». Однако уберечься от «пыхающих львов» не удалось, и Иван IV так и не отправил послание королю.

Король Стефан сознавал, что ему противостоит опасный противник, и в первой кампании поставил ограниченную задачу. Он решил отвоевать у России Полоцкую землю, захваченную Грозным пятнадцатью годами ранее. Цель войны была понятна дворянству и народу и нашла поддержку общества. Если бы Баторий двинулся в Ливонию, ему пришлось бы штурмовать многочисленные каменные замки. Полоцк располагал деревянными укреплениями.

Узнав о наступлении Батория на Полоцк, Грозный направил туда воеводу Бориса Шеина. Но помощь запоздала. Шеину пришлось остановиться в близлежащей крепости Сокол.

В начале августа поляки осадили Полоцк и стали обстреливать его каленым ядрами. Из-за дождей обстрел не дал результатов. Осада Полоцка продолжалась почти четыре недели. Наконец венгерской пехоте удалось поджечь крепостные стены смоляными факелами. Гарнизон продолжал оборонять охваченный пожаром город. Но затем стрельцы вступили в переговоры о сдаче крепости. 31 августа 1579 г. Полоцк пал.

Исследователи Ливонской войны полагали, что более других в поражении был повинен сам монарх: он потерял голову и, располагая трехсоттысячной армией, не смог оказать сопротивления неприятелю. В действительности царское войско было малочисленным. Действия Ивана IV были продиктованы обстановкой. Он послал на выручку Полоцку сначала Шеина, затем лучшего из своих воевод, князя Дмитрия Хворостинина, с передовым полком и Ивана Шуйского с полком правой руки. Они должны были нанести удар по осадному лагерю Батория. Русское командование рассчитывало на то, что полоцкий гарнизон окажет длительное сопротивление врагу.

Царь мог выступить к Полоцку со всей армией, но не сделал этого, так как в его тылу началась концентрация шведских войск.

В июле 1579 г. шведский флот обстрелял и сжег предместья Нарвы и Ивангорода. Вслед за тем многочисленный шведский корпус высадился в Ревеле и направился к Нарве. Русские оказались меж двух огней. Неприятельские армии обладали численным превосходством и наступали с разных сторон.

Иван IV с тревогой следил за развитием событий в районе Нарвы. Первая российская гавань на Балтике представляла в его глазах несравненно большую ценность, чем Полоцк.

На помощь Нарве был выслан воевода Тимофей Трубецкой. Вслед за ним туда же двинулся князь Дмитрий Хилков с отрядом.

14 сентября шведский главнокомандующий Горн с многочисленным войском подступил к Нарве и в течение двух недель пытался овладеть крепостью. Из-за трудностей с подвозом продовольствия шведы терпели голод. Нарвский гарнизон отбил все приступы. Понеся большие потери, Горн отступил от стен крепости.

Поражение шведской армии произвело тяжелое впечатление в Шведском королевстве. Государственный совет рекомендовал Юхану III заключить мир с Россией.

Грозный мог использовать шанс и дать новый поворот всему ходу войны. Однако он отдал приказ снарядить полки для похода против шведов. Приказ был выполнен, но поход не состоялся. Войска понесли потери и нуждались в отдыхе.

Царь давно привык объяснять любое поражение изменой своих неверных подданных. В книгах Разрядного приказа было сказано, что король Стефан «Полотеск взял изменою, потому что воеводы были в Полоцке глупы и худы; и как голов и сотников побили, и воеводы королю и город здали».

Подозрения насчет предательства не имели почвы. После взятия Полоцка Баторий предложил сдавшимся дворянам и стрельцам на выбор отправиться с ним в Речь Посполитую или вернуться в Россию. Согласно польским источникам, большая часть пленных предпочла остаться на родине.

Царь мог заключить мир со Швецией. Но он недооценивал силы Батория и считал, что тот примет мир на приемлемых для России условиях. 29 ноября Иван IV направил королю Стефану предложение полностью прекратить военные действия и прислать послов для мирных переговоров.

В новом обращении к Баторию Грозный не ссылался более на покровительство Бога. Его твердая уверенность в заступничестве небесных сил поколебалась. В августе 1580 г. русские пленные сообщили литовцам, что Иван IV «приказал собраться владыкам, митрополиту со всей той земли, просил у них прощения, признаваясь в грехах своих и смиряясь перед Богом». Покаяние

самодержца не было услышано. Речь Посполитая отклонила мирные предложения.

Русское командование не имело точных сведений о замыслах поляков. Оно допускало три варианта. Король мог попытаться захватить Смоленск, чтобы открыть себе путь на Москву. Второй вариант сводился к тому, что Речь Посполитая направит войска в Ливонию, а третий — под стены Пскова, что должно было решить судьбу Ливонии.

Для нового наступления против России Речь Посполитая собрала самую крупную за всю историю Ливонской войны армию в 48 399 солдат. Но польское командование должно было считаться с тем, что военная ситуация стала менее благоприятной для Польши, чем в начале войны. Поражение шведов под Нарвой произвело сильное впечатление на поляков. Баторий не мог более рассчитывать на активные наступательные действия Швеции. Ему пришлось отказаться от крупномасштабных операций. Свой главный удар поляки нанесли по третьестепенной крепости Великие Луки.

После завоевания Полоцка русскими Великие Луки утратили значение передовой пограничной крепости России. Ее деревянные укрепления обветшали. Накануне выступления один из воевод Батория, Г. Фаренсбах, до того служивший в России, писал в своем донесении, что Великие Луки не представляют собой какого-то особого укрепления — это просто большое, широко раскинувшееся и населенное место. Великолукский гарнизон был невелик. Его возглавлял воевода совсем невысокого ранга князь Федор Лыков. Годом ранее он командовал сотней в царском полку.

27 августа 1580 г. Баторий осадил Великие Луки. Располагая громадным перевесом в силе, поляки рассчитывали быстро овладеть крепостью, но натолкнулись на упорное сопротивление. В первые дни осады русские предприняли вылазку из крепости, напали на отряды Замойского и захватили королевское знамя.

Баторий приказал начать общий штурм крепости, но успеха не добился. Лишь после того как город был подожжен огнем артиллерии, царские воеводы 5 сентября сдали крепость неприятелю.

Через две недели после падения Великих Лук поляки разгромили воеводу Хилкова под Торопцом.

Поражения 1578–1580 гг. деморализовали дворянское ополчение. В средневековых войнах роль морального фактора была исключительной.

Поражениям сопутствовала разруха. Помещики самовольно покидали полки и гарнизоны. Учитывая все это, царь приказал

воеводам избегать полевых сражений с неприятелем и ограничиться налетами на его обозы и заставы. В царском наказе воеводам значилось: «А как будете под людьми, и вы б в одном месте не стояли, ходили б есте, переходя, чтоб вас литовские люди не нашли, а на прямое бы есте дело с литовскими людьми не ставились». Великий государь предписывал своим ратникам бегать от литовцев. Но воеводы действовали на свой страх и риск. Когда литовские отряды напали на окрестности Смоленска, они были разбиты смоленским воеводой Иваном Бутурлиным.

Успехи Батория ободрили шведов. 5 ноября 1580 г. они захватили пограничную новгородскую крепость Корелу.

В январе 1581 г. литовцы получили важные сведения от русских пленников. «Великий князь, — сообщили они, — в то время имел у себя сейм, желая знать волю всех людей, своих подданных, вести ли войну или заключить мир с Вашим Королевским Величеством. Они показали, что вся земля просила великого князя, чтобы заключил мир, что больше того с их сел не возьмешь, против сильного господаря трудно воевать, когда из-за опустошения их вотчин не имеешь на чем и с чем».

В свое время Иван IV созвал в Москве Земский собор, чтобы добиться от земщины согласия на введение чрезвычайных поборов для продолжения Ливонской войны. В 1580 г. в условиях «великого разорения» не было речи о дополнительных налогах. Казне не удавалось собрать с разоренного населения старые недоимки. Большая часть поместного фонда запустела. Обнищавшим дворянам было трудно нести службу.

Иван стоял на пороге важных решений. Он готов был отказаться от плодов 25-летней войны и уступить завоеванные в Ливонии земли Баторию. Но он желал разделить с сословиями ответственность за такой шаг.

В декабре 1580 г. в Польшу выехал московский гонец Клементьев. Он сообщил Баторию о готовности царя передать ему ряд городов и замков в Ливонии. Предложение было отклонено. С наступлением весны в Польшу выехали личные эмиссары царя Евстафий Пушкин и Федор Писемский. На этот раз Грозный предложил передать Польше всю Ливонию с городами Дерптом, Феллином, Перновом и другими замками, за исключением одной только Нарвы. Грозный желал сохранить «нарвское мореплавание» во что бы то ни стало.

Надежды на близкий мир были столь значительны, что русское командование наказало воеводам избегать новых столкновений на границе. Но война там не затихала. Литовцы сожгли Холм и Старую Руссу. Весть об этом вызвала энтузиазм у военной партии в Польше.

Баторий счел уступки царя недостаточными. Он требовал сдачи Нарвы и выплаты контрибуции в 400 000 венгерских золотых. Противники России сознательно ставили цель уничтожить «нарвское мореплавание». На сейме в Варшаве канцлер Ян Замойский заявил, что король не оставит русским важных ливонских гаваней, и призвал нанести врагу такой удар, чтобы у него не только не выросли снова перья, но и плеч больше не было. Он требовал отодвинуть Россию подальше от моря, из-за которого она может получать военное снаряжение и ремесленников.

Грозный должен был признать свое дипломатическое поражение. Он поспешил аннулировать предложения об уступке почти всей Ливонии и обратился к королю с новым бранным и язвительным посланием. «Мы, — писал он, — смиренный Иван Васильевич… великих государств царь и великий князь всеа Русии… по Божью изволенью, а не по многомятежному человеческому хотенью — Стефану Божьею милостью королю». В который раз самодержец старался подчеркнуть различие между ним, прирожденным государем, и выборным польским королем.

Предметом особых насмешек царя было то, что Батория поддержали при избрании на польский трон турки, извечные враги христиан. Грозный резко упрекал короля-католика за то, что, разжигая войну между двумя христианскими государствами, тот приближает торжество мусульманского мира: «Ино то знатьно, что ты делаешь предаваючи хрестиянство бесерменом! А как утомишь обе земли — Рускую и Литовскую, так все то за бесермены будеть».

Требование контрибуции Иван сравнивал с требованием ордынского «выхода» — дани. «А в хрестиянских государствах, — писал он, — того не ведетца, чтоб государ государу выход давал». Грозный бранил Батория как варвара за его склонность к кровопролитию: «Хрестьяном не подобает кровем радоватися и убийством и подобно варваром деяти».

Под конец Иван IV извещал короля, что прерывает с ним всякие переговоры: «А будет же не похочеш доброго дела делати, а похочеш кровопролитства хрестиянского, и ты б наших послов к нам отпустил, а уже вперед лет на сорок и на пятьдесят послом и гонцом промеж нас не хаживать».

Король Стефан поручил Замойскому написать ответное послание, которое бы своей резкостью превосходило царское. Замойский исполнил поручение. Он сравнивал российского самодержца с величайшими злодеями древней истории — Каином, Фараоном и Иродом. Он называл Грозного темным и диким варваром, которому незнакомы порядки христианских

народов, а только свои дикие и грубые. Монарх не может даже толком изложить свои мысли: кажется, что он пишет, как будто помешавшись в разуме. Царь трусливо прячется от напавших на его государство врагов: «Ты, орле о двух головах… хороняешъсе».

Планы третьей кампании на Востоке отличались от всех предыдущих своей решительностью. Уверовав в бессилие России, Баторий готовился нанести ей удар, от которого она не могла бы оправиться. Поляки рассчитывали захватить Псков.

Некоторые намеки на их отдаленные планы заключались в письме гетмана Замойского. Тиран Фиест, писал гетман, погубил двух детей, а царь «неволил, грабил, губил, нищил» целый Новгород. Новгородцы не забыли о жестоком разгроме их города опричниками. Выступая в поход на Псков, Баторий обратился к ним с особым воззванием. Он напомнил Новгороду о бедах, причиненных им царем, и призвал восстать против тирана.

Военное положение России продолжало ухудшаться. В 1580 г. Большая Ногайская орда напала на ее южные границы. В следующем году набег повторился. Вместе с ногайцами во вторжении участвовали крымцы и азовцы. Численность нападавших доходила до 25 000 человек. В июне 1581 г. крымские послы уведомили шведского короля, что захватили в России 40 000 пленных. Ногайский князь Урус продал прибывшего к нему царского посла Девочкина в рабство в Бухару. Швеция отказалась от планов примирения с Русским государством и стала готовить войска и флот для возобновления борьбы за Нарву.

Многие обстоятельства мешали успешному исходу мирных переговоров царя с поляками. Одно обстоятельство, как полагают, имело особое значение. В мае 1581 г. в Литву бежал царский стольник Давид Бельский, родня Малюты Скуратова и Богдана Бельского. Изменник предложил королю свои услуги и призывал возобновить наступление.

В деле Бельского далеко не все ясно. Давид был осведомленным человеком, близким ко двору. Но вот что он сказал Баторию: «Людей во Пскове нет и наряд (пушки) вывезени, здадут тебе Псков тотчас». Сообщение Бельского было полной дезинформацией. Возникает вопрос: не сам ли царь подослал Бельского к Баторию?

Среди военного руководства Польши не было единодушия в вопросе о направлении удара. Будучи в Заволочье, Баторий созвал военный совет, на котором некоторые военачальники советовали ему повернуть к Дерпту, откуда большая часть гарнизона была выведена в Псков.

Сведения о переводе войск и артиллерии из ливонских

крепостей в Псков были достоверны. Русское командование ждало нападения поляков на Псков уже летом 1580 г. Тогда псковский воевода Иван Шуйский получил в подчинение крупные силы — около 7000 детей боярских, стрельцов и казаков и несколько тысяч татар. Татарам предписано было действовать вне стен города.

Псков принадлежал к составу «двора» Грозного. Он находился на особом положении. Во главе псковского гарнизона стоял один из старших «дворовых» бояр — князь Иван Шуйский. В 1581 г. к началу осады в составе гарнизона было, по одним сведениям, 1000, по другим — 2000 или 3000 конных детей боярских, 2500 стрельцов. В крепости находилось также 500 донских казаков во главе с их атаманом Мишкой Черкашениным. По словам современников, в Пскове проживало до 20 000 человек. Значительная часть взрослого мужского населения взялась за оружие, чтобы оборонить город от поляков.

Наступавшая на Псков королевская армия насчитывала 47 000 человек, а ее боевой состав включал 15 000 всадников и 12 000 пехоты.

Осознав наконец опасность, царь, казалось, проснулся от спячки. Летом князь Дмитрий Хворостинин вторгся в Литву, чтобы нарушить планы противника. Переправившись за Днепр, он разорил окрестности Орши, Шклова и Могилева.

Русское наступление достигло цели. Баторий задержал приказ о наступлении на Псков, пока не получил известия об отходе русских из Литвы.

Укрепив гарнизон Пскова, русское командование разместило главные силы армии в районе Волока Ламского и Зубцова. При надобности эти силы могли быть использованы для обороны Москвы от татар.

Под стенами Пскова развернулось сражение, от исхода которого зависела судьба страны.

Псков был одной из лучших русских крепостей. Его окружал тройной каменный пояс. Мощные стены имели общую протяженность 9 километров. Высота стен достигала 8–9 метров, толщина — около 5 метров. Враги застали город хорошо подготовленным к обороне. Командование заблаговременно сосредоточило здесь многочисленную артиллерию, создало запасы военного снаряжения и продовольствия.

Армия Речи Посполитой повела наступление на Псков через Полоцк и Опочку. В августе 1581 г. польские авангарды достигли окрестностей Пскова. Одновременно литовские отряды предприняли поход к Ржеве.

В дни литовского нападения Грозный с семьей находился в

Старице. Неприятельские разъезды сожгли несколько деревень в непосредственной близости от его резиденции. Из окон дворца можно было видеть зарево пожаров. Литовское командование обсуждало планы пленения царя. Перед лицом опасности Иван IV отослал жену с младшим сыном прочь, а сам стал готовить крепость к обороне. С царем в Старице находилось не более 700 дворян и стрельцов. Между тем литовцы не приняли боя с сосредоточенными под Ржевой русскими полками и ушли к Пскову на соединение с главными силами.

В начале сентября армия Батория приступила к правильной осаде Пскова. Проложив траншеи, осаждавшие вплотную подошли к крепостному рву у южной оконечности города. Свои батареи они установили против Свинузской башни. 7 сентября крепость подверглась мощной бомбардировке. Обстрел продолжался с утра и до поздней ночи. В южной стене были сделаны большие проломы. На другой день королевская пехота предприняла общий штурм. Через проломы штурмовые колонны устремились на стены и захватили две башни, но все их усилия прорваться внутрь города оказались тщетными. Упорное кровопролитное сражение длилось более шести часов. Русские взорвали Свинузскую башню вместе с засевшими в ней неприятельскими солдатами и принудили врагов к отступлению.

Генеральный штурм города потерпел неудачу, вследствие чего королевская армия перешла к длительной осаде. Минеры пытались проложить минные галереи, чтобы подвести заряды под крепостную стену. Но псковичи «переняли» вражеские подкопы и разрушили их. Вражеские батареи в конце октября бомбардировали город калеными ядрами, рассчитывая вызвать пожар. Вслед за тем 2 ноября королевская пехота предприняла последнюю безуспешную попытку штурма. Защитники Пскова отбили приступ.

В октябре наступили ранние заморозки. Положение осадного корпуса заметно ухудшилось. Войска не были подготовлены к зимней кампании. В ноябре они покинули траншеи и отступили в лагерь. Туда же доставлена была с передовых батарей вся осадная артиллерия. Осада не удалась, и неприятель принужден был отныне ограничиться блокадой. Большие потери, холод и недостаток провианта оказали деморализующее действие на солдат. Многие из них разошлись по деревням в поисках продовольствия. Королевская рать быстро таяла. В таких условиях Баторий покинул армию и уехал в Польшу. За ним лагерь покинули многие шляхтичи и наемные солдаты, не получившие денег. Отъезд короля вызвал волнения в армии, справиться с которыми помогло известие о близком мире с русскими.

Защитники осажденного города терпели большие лишения. Запасы продовольствия истощились. Среди горожан начался голод. Но бедствия не сломили их мужества. Гарнизон Пскова постоянными вылазками тревожил неприятеля. Зная о критическом положении армии Батория, Шуйский предпринял попытку разгромить противника. 4 января 1582 г. он вывел из города войска гарнизона и попытался овладеть королевским лагерем. Выполнить этот план не удалось, и после неудачного боя русские отступили в крепость.

Под Псковом Баторий потерпел самую крупную неудачу в войне с Россией. Псков стал бастионом, о который разбилась волна неприятельского нашествия. Участник псковского похода С. Пиотровский выражал удивление по поводу стойкости защитников Пскова. «Не так крепки стены, — писал он, — как (их) твердость и способность обороняться». К его мнению присоединился Антонио Поссевино, несколько раз побывавший в окрестностях осажденного Пскова. «Русские решительно защищают свои города, — писал Поссевино, — женщины сражаются вместе с солдатами, никто не щадит ни сил, ни жизни, осажденные терпеливо переносят голод». Официальный историограф Батория Гейденштейн, отдавая дань стойкости русских, защищавших свою землю, писал, что они выказывали «во время войны невероятную твердость при защите и охране крепостей». Сопротивление усиливалось, по мере того как ширилось вражеское вторжение. В итоге первой кампании на Востоке 40-тысячная королевская армия добилась внушительной победы, завоевав Полоцк. В ходе второй кампании почти 50-тысячная рать затратила все силы на покорение небольшой крепости Великие Луки. В последней кампании 47-тысячное войско не смогло овладеть Псковом. Речь Посполитая истощила свои силы и после трехлетней войны была заинтересована в мире не меньше, чем Россия.

Грозный знал о критическом положении армии Батория, но отдал приказ избегать полевых сражений с противником и отказался от наступательных операций с целью снятия осады Пскова. Русское командование должно было сосредоточить свои резервы в Новгороде ввиду нового шведского наступления.

В Ливонии и расположенных близ Нарвы крепостях почти вовсе не осталось русских войск, из-за чего эти крепости стали легкой добычей шведов. Шведский главнокомандующий Понтус Делагарди подступил к Нарве и после ожесточенной бомбардировки и штурма 9 сентября 1581 г. овладел городом. Ивангородские воеводы попытались оказать помощь гибнущей Нарве, но посланный ими малочисленный отряд был разгромлен

шведами на Нарвском мосту.

Старые русские крепости Ивангород, Ям и Копорье как тыловые не были подготовлены к обороне и не смогли оказать серьезного сопротивления врагам.

Утрата Нарвы имела далеко идущие военные и экономические последствия. Россия утратила с трудом налаженное «нарвское плавание», обеспечивающее стране прямые торговые сношения с Западной Европой.

Потеря, сильнейших форпостов на северо-западных рубежах создала непосредственную угрозу Новгороду и Пскову. Шведы располагали теперь удобными опорными пунктами для вторжения в глубь России. От Нарвы и Яма открывался прямой путь на Псков, осажденный поляками. Но успехи шведов в Ливонии обострили польско-шведские противоречия. Баторий стал добиваться от Швеции передачи ему Нарвы и других отвоеванных у русских крепостей. Совместные действия поляков и шведов против России сделались невозможными.

С утратой «морских ворот» на Балтике продолжение борьбы за Ливонию с Речью Посполитой в значительной мере потеряло смысл в глазах Грозного. Сознавая невозможность борьбы разом на два фронта, царь готов был отказаться от ливонских владений в пользу Речи Посполитой ради того, чтобы сосредоточить все силы на борьбе против Швеции и любой ценой вернуть Нарву. Постановление Боярской думы о перемирии с поляками содержало специальный пункт о войне со Швецией. «А помиряся бы с литовским с Стефаном королем, — гласил этот пункт, — стати на Свейского и Свейского бы не замиривати».

Для возобновления мирных переговоров с Баторием царь использовал посредничество папского легата Поссевино. Переговоры начались в разоренной дотла деревне неподалеку от Яма Запольского, на дороге между Новгородом и Великими Луками. Польские послы требовали признания прав Речи Посполитой на всю Ливонию. Русские послы отвергли это требование. Пункт о Нарве так и не был включен в текст договора.

Послы долго препирались о титулах. Исполненный чувства превосходства над «выборным» королем, Грозный соглашался, чтобы в перемирной грамоте его именовали без царского титула. Подобную уступку царь мотивировал следующим высокомерным рассуждением: «Которого извечного государя, как его не напиши, а ево государя во всех землях ведают, какой он государь». В то же время Иван ни за что не желал уступать Баторию титул «государя Вифлянского», так как готовился к немедленному возобновлению борьбы за Нарву.

Переговоры в Яме Запольском продолжались больше месяца. В разгар спора о том, с каким титулом писать Ивана IV, польские послы получили письмо от Замойского из осадного лагеря под Псковом. Гетман писал, что положение армии тяжелое и он не продержится более 8 дней.

15 января 1582 г. в Яме Запольском был подписан договор о 10-летнем перемирии. Россия уступила Польше все свои владения в Ливонии, включая крепость Юрьев и порт Пернов. В свою очередь, Баторий возвратил России завоеванные им крепости Великие Луки, Холм, Невель, Велиж и псковские пригороды, но удержал за собой Полоцк.

Не дожидаясь подписания перемирия, русское командование стало готовить наступление против шведов. В феврале 1582 г. воеводы Михаил Петрович Катырев и Дмитрий Иванович Хворостинин направились к захваченным шведами русским крепостям. На пути к Яму, близ деревни Лямицы, передовой полк Хворостинина столкнулся с неприятельскими войсками. На помощь к нему поспешил большой полк, а «иные воеводы, — как сообщают «Разряды», — к бою не поспели». Русские не ввели в дело всех своих сил, тем не менее они одержали полную победу над шведами. Планы общего наступления на Нарву, однако, остались неосуществленными. Весною русское командование отозвало полки из Новгорода и направило их на крымскую границу. Москва испытала сильный нажим со стороны Речи Посполитой, ультимативно потребовавшей не посылать войска на Нарву и угрожавшей нарушением перемирия.

Между тем правящие круги Швеции не отказались от планов разгрома Русского государства. Подобно Баторию, Юхан III рассчитывал на внутренние трудности России. Делагарди получил инструкцию, используя недовольство новгородского населения, занять Новгород, а затем и Псков. В Финляндии была сосредоточена многочисленная армия, включавшая наемные отряды из Германии, Франции и Италии. Ближайшей целью вторжения были избраны русские крепости Орешек и Ладога. Шведы стремились завладеть невскими берегами, чтобы окончательно отрезать Россию от Балтийского моря.

8 сентября 1582 г. шведская армия осадила Орешек и после длительной бомбардировки 8 октября предприняла общий штурм. Древняя русская крепость, расположенная на острове посредине Невы, успешно отразила нападение врага. Спустя неделю по Неве на судах в город прибыло подкрепление. Второй штурм был отбит с большим уроном для неприятеля. В ноябре Делагарди отступил от стен Орешка.

Борьба с Россией один на один была непосильна для Швеции.

Но Москва не смогла воспользоваться своим военным превосходством. Осуществлению ее планов мешали, с одной стороны, соглашения относительно Нарвы, навязанные Баторием, а с другой — неблагоприятное развитие событий на южных и восточных границах.

Вторжения Большой Ногайской орды послужили толчком для грандиозного восстания народов Поволжья против царского владычества, которое не затихало три года. С большим трудом край был «замирен» уже после смерти Грозного.

Возобновившаяся Казанская война вынудила русское правительство искать мира со Швецией. Шведские дипломаты пытались добиться от русских уступки всего побережья Финского залива, но их усилия не увенчались успехом. Мирные переговоры на реке Плюссе завершились в августе 1583 г. подписанием краткого трехлетнего перемирия. Шведы удержали за собой все захваченные ими русские города — Корелу, Ивангород, Ям и Копорье с уездами. Россия сохранила небольшой участок побережья Финского залива с устьем Невы.

Так закончилась 25-летняя Ливонская война, в которую оказались втянуты крупнейшие государства Прибалтики. Первая попытка России прочно утвердиться на берегах Балтийского моря завершилась неудачей. Поражение в Ливонской войне поставило государство в исключительно трудное положение.

Тем не менее Иван IV вовсе не считал войну окончательно и бесповоротно проигранной. Поражение армий короля Батория под Псковом и шведских войск под Орешком показало, что силы России в столкновении с соседями далеко не исчерпаны. Разъединение Речи Посполитой и Швеции, неизбежное из-за столкновения интересов в Ливонии, должно было изменить соотношение сил.

Готовясь к возобновлению борьбы, Иван IV стал настойчиво хлопотать о заключении военного союза с Англией. Такой союз, по мысли Грозного, должен был создать основу антипольской коалиции. В разгар наступления Батория на Россию, в 1581 г., на Северную Двину прибыло 13 английских кораблей, груженных свинцом, порохом и медью. Эскадра была направлена на Русь по просьбе царя.

В 1582 г. в Лондон прибыл посол Федор Писемский, предложивший англичанам заключить с Россией военный союз, чтобы «на всякого недруга стояти заодин». Переговоры, начавшиеся в Лондоне, продолжились в 1583–1584 гг. в Москве. Вели переговоры Богдан Бельский из «дворовых» чинов, Никита Романов и дьяк Андрей Щелкалов из «земских». Русские требовали, чтобы в текст союзного договора был включен пункт о

совместных военных действиях против Батория («против литовского короля стояти заодин»). Позже было названо также имя Юхана III как другого царского недруга. Англия должна была помочь России отвоевать у Речи Посполитой и Швеции Ливонию.

Английский посол Боус предложил провести переговоры с Баторием, прежде чем начинать войну. Но русская сторона категорически отвергла такой путь: «Толко обсылатца с недругом и недруг в те поры изготовитца». Приведенные слова выдавали истинные намерения царя. Он помышлял о том, чтобы порвать перемирие с Речью Посполитой и нанести врагу внезапный удар.

В обмен на помощь войсками и снаряжением королева Елизавета требовала предоставления английской Московской компании права монопольной торговли с Россией через ее северные порты. Принятие этого требования грозило нанести русской торговле большие убытки, так как влекло за собой запрет заходить в русские порты голландским, французским и прочим судам.

Боярин Никита Романов и Андрей Щелкалов возражали против монополии англичан. Но царь отстранил их от переговоров и послал к Боусу Бельского с известием, что царь согласен со всеми требованиями королевы. «Дворовые» дипломаты подготовили новый проект союзного договора, предусматривавший обязательство Англии совместно с русскими войсками вести войну за Ливонию, чтобы «доставати Лифляндские земли». Проект удовлетворял нетерпение царя, но не соответствовал установкам лондонского двора и не имел шансов на ратификацию в Англии. Смерть Грозного помешала завершению переговоров.

Итогами Ливонской войны была недовольна не только Россия, но и Речь Посполитая. Канцлер Ян Замойский не скрывал своих планов разрыва перемирия с царем и возобновления военных действий на Востоке.

«Священство» и «царство»

Свои взгляды на соотношение светской и церковной власти Грозный высказал после разрыва с наставником. В приписке к парадной летописи — Царственной книге — он обрушился на Сильвестра за то, что тот узурпировал всю власть в государстве: «Владяше обема властми, и святительским и царским, яко же царь и святитель, точию имени и образа и седалища не имеяше святителскаго и царьского, но поповское имеяше». Более всего Грозного возмущало то, что Сильвестр, имея «поповское седалище», подчинил себе «царствие».

Церковь в Древней Руси была основана византийским патриархом. На протяжении нескольких столетий ее возглавляли византийские иерархи. Характерной чертой византийского общества было подчинение церковной власти государству. Эта традиция просуществовала до времен Грозного и даже усилилась в связи со становлением самодержавия.

Московская военно-служилая система не могла существовать без постоянных завоевательных войн. Русская церковь стремилась придать этим войнам религиозную окраску. Войны против «неверных» агарян — казанских татар — стали своего рода крестовым походом на Восток.

Появление в составе России обширных территорий, населенных иноверцами и управляемых светской администрацией, расширило сферу вмешательства царя в церковные дела.

Грозный видел свою историческую миссию в расширении пределов православного царства и покорении извечных врагов христиан — «бесерменов». В то же время царь искал опору в среде казанской знати. Тех, кто соглашался сотрудничать с Москвой, охотно принимали на царскую службу.

Грозный ценил знатность в подданных и гордился тем, что ему служат высокородные татарские цари, потомки Чингисхана. Он многократно назначал служилых царей на самые высокие посты в своей армии, включая пост главнокомандующего. Но назначения такого рода были чисто номинальными.

Московское правительство стремилось оторвать татарских «царевичей» от их степных кочевий и переселить вместе с их войском и «двором» на Русь. Некоторые из переселенных «царей» и «царевичей» получили возможность сохранить религию предков. Их сажали «на царство» в Касимове, а также на «уделы» в Юрьеве и Романове. Крещеные «царевичи» держали земли в Звенигороде, Суражике и иных местах.

В Касимове и «уделах» татарские владыки имели собственную администрацию, творили суд и расправу, отправляли свои религиозные обряды. Как заявляли русские послы за рубежом, в переданных ханам городах «мусульманские веры люди по своему обычаю и мизгити и кишени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит, всякой иноземец в своей вере живет». Во владениях мусульманских ханов жили не только татары, но и православное русское население. Права мусульманских ханов в отношении этих двух групп населения были неодинаковы. Касимовские ханы выступали как удельные владыки по отношению к татарскому населению и как кормленщики по отношению к русскому населению, отданному под их власть.

Золотая Орда в период своего господства над Русью не чинила притеснений православной церкви. Опыт мирных отношений с мусульманским миром не был отвергнут Россией. Русские власти никогда не предпринимали попыток к полному искоренению ислама в пределах православного царства.

Завоевание ливонских городов поставило царя лицом к лицу с проблемой управления протестантской провинцией. Многие крепости и замки в Ливонии открыли ворота перед царем, получив от него или его бояр обещание «не выводить» местное население в глубь России. Обязательство было грубо нарушено. Под предлогом «измены» бюргеры Дерпта и других замков были переселены во Владимир, Кострому, Нижний Новгород и Углич.

Выселения вызвали крайнюю тревогу у церковного руководства. Опасаясь, как бы «прескверные люторы» не занесли ересь на Святую Русь, высшие иерархи предлагали принудительно крестить их в православную веру. Однако царь не желал отталкивать от себя ливонских дворян-протестантов. Еще в 1569–1570 гг. в Москву был приглашен герцог Магнус, бедный родственник датского короля «с какой-то противоестественной внешностью». Герцог получил от царя титул короля Ливонии и в придачу крохотный замок Полчев (Оберпален) с округой. Этот городок и стал столицей его королевства. Грозный сосватал Магнусу племянницу Евфимию Старицкую и обещал дать за ней богатое приданое.

Согласно договору, Грозный обязался передать Магнусу все свои владения в Ливонии после того, как под его власть перейдут Рига и Ревель.

Невеста Магнуса умерла во время чумы. Тогда королю сосватали другую дочь князя Владимира Старицкого. 12 апреля 1573 г. Магнус отпраздновал свадьбу с 13-летней княжной Марией. Грозный не стал принуждать нового слугу к переходу в

православную веру. Разряд свадебной церемонии предусматривал участие двух священников — ксендза и православного попа. Инструкция предписывала «обручать и переменять перстни на месте у короля попу римскому, а княжну обручать попу русскому по греческому закону». Высшее духовенство не одобряло уступок латинянам, но никто не смел перечить самодержцу.

Высшее духовенство требовало запретить ливонским переселенцам-протестантам отправление их культа. Но Грозный отверг домогательства такого рода. Немецкие купцы с похвалой отзывались о веротерпимости Ивана IV и его расположении к немцам. Царь, передавали они, обнаруживает обширные познания в религиозных вопросах. Он охотно ведет диспуты на догматические темы, особенно с ливонскими пленниками, разбирает различия между православием и католичеством и якобы серьезно думает о соединении церквей. Доброжелатели царя — немецкие купцы не упомянули о том, что московский царь был человеком вспыльчивым и диспуты с ним не всегда имели мирный исход.

В 1577 г. Грозный затеял спор с лютеранским проповедником Мартином Нандельштетом, встреченным случайно на улицах Кокенхаузена. Когда пастор сравнил Лютера с апостолом Павлом, самодержец пришел в ярость и огрел его кнутом по голове. Немного успокоившись, он продолжил беседу и даже просил проповедника изложить письменно, «что их вера». Из дальнейших вопросов царя следовало, что его живо интересовала реформа церковных обрядов, проведенная Лютером.

Известный дерптский проповедник Иоганн Веттерман учился в Виттенбергском университете в Германии в бытность там Лютера и Меланхтона. Его слава как богослова была столь велика, что Иван велел дать ему для просмотра некоторые древние книги из семейной библиотеки. По личному разрешению царя Веттерман свободно разъезжал по русским городам, где жили немцы, и учил их «люторской ереси».

Когда Грозный узнал о Варфоломеевской ночи в Париже, он осудил преступление католического короля и выразил сожаление по поводу убитых гугенотов. Судя по тому, что число жертв короля было немыслимо преувеличено, информацию о резне московский двор получил от протестантов.

Иван IV, не стесняясь, использовал сугубо опричные меры, чтобы оградить лютеран, живших в земщине, от преследований со стороны церковных властей. Когда митрополит насильно заставил немца-лютеранина принять православие, Грозный примерно наказал иерарха. Слухи об этом проникли в протестантскую Германию. Толковали, будто митрополит должен

был заплатить штраф в 60 000 рублей.

Иван IV не только защищал еретиков, но и приблизил к себе некоторых из них. Он зачислил на опричную службу и сделал своими советниками ливонских дворян Таубе и Крузе, Эберфельда и Кальпа.

Особым влиянием в опричнине пользовался доктор права из Петерсхагена Каспар Эберфельд. Грозный охотно слушал рассказы ученого-правоведа, расспрашивал его об обычаях и нравах его страны. Эберфельд присутствовал на совещаниях царя с Боярской думой. Ходили слухи, что Иван хотел поручить Эберфельду деликатную миссию — сосватать в Германии невесту для наследника престола. Православный люд боязливо взирал на дружбу великого государя с иноземцами. Дьяк Иван Тимофеев с негодованием писал о царе, что «вся внутреняя его в руку варвар быша».

Царь Иван знал о приверженности королевы Елизаветы протестантскому вероучению, но это нисколько не помешало ему затеять сватовство. В конце жизни он завел переговоры с английским двором об устройстве брака с английской «принцессой» Мэри Гастингс. Готовясь к новому браку, самодержец повелел английскому послу, чтобы состоявший в его свите проповедник доктор Коули написал для него, государя, «тезисы англиканской веры». Затем монарх приказал прочесть эти тезисы публично перед многими из своей думы и знати. Подробности царского диспута с представителем англиканской церкви неизвестны. Можно полагать, в новом диспуте государь проявил сдержанность. Косвенным доказательством тому был эпизод с сыном боярским Захарием Болтиным. Будучи приставом у сэра Боуса, Болтин из чрезмерного усердия помянул, что тому было бы неплохо креститься в православие. Узнав об этом, Грозный велел бросить пристава в тюрьму.

Болтин не навязывал англичанину веру и действовал из лучших побуждений. Его арест мог вызвать у придворных и духовенства разве что недоумение и досаду. Но жест Грозного имел в виду не собственных подданных, а английский двор. Паства англиканской церкви, в особенности же будущая невеста царя, получила доказательство, что в России англичане не будут подвергаться притеснениям на религиозной почве.

В середине 70-х годов Грозный разрешил ливонским немцам построить кирху в двух верстах от православной столицы. В то время Немецкая слобода под Москвой процветала. Положение переменилось после того, как ливонский король Магнус перешел на сторону Батория и проект создания в границах России вассального протестантского королевства рухнул, а самые видные

из служилых немцев — Фаренсбах, Таубе и Крузе — изменили царю.

В условиях тяжелого военного поражения и подозрений насчет новой измены — «шатости в людях» — Грозный не мог более игнорировать требования церковного руководства. В конце Ливонской войны Немецкая слобода подверглась погрому. Некий купец Бохиус из Любека, нечаянный свидетель происшедшего, сообщает, что санкции против немцев были проведены по указке митрополита и духовенства. В беседах с царем митрополит указывал на то, что немцы, получившие привилегию на торговлю вином, спаивали государевых служилых людей в своих трактирах. В конце концов Грозный велел сжечь протестантский храм.

Благословляя поход Грозного на Полоцк, митрополит Макарий объявил, что цель православного воинства — священная борьба против «прескверных лютор» на древних русских православных землях. По взятии Полоцка Иван IV отпустил на родину католиков — польских капитанов и 500 польских солдат. Местное православное население получило разрешение остаться в своих домах, зато литовцы были уведены пленными в Россию.

Вскоре же царь дал Литве веские доказательства своей «веротерпимости». Он приказал рубить головы монахам-бернардинцам из местного католического монастыря. В глазах Грозного католики были опасными врагами, и он решил искоренить рассадник католической веры в Белоруссии.

Жалкая участь постигла местное еврейское население. Благочестивый царь, отслужив молебен в честь победы над безбожными «люторами», отдал приказ о расправе с евреями. Согласно записи псковского летописца, «которые были в городе жили люди жидове, и князь велики велел их с семьями в воду в речноую въметати, и оутопил их».

Ответственность за происшедшее лежала не на одном царе Иване. В походе на Полоцк его сопровождал игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Леонид. Архиепископом полоцким царь поставил Трифона Ступишина, потому что тот был постриженник «Иосифа игумена Волоцкого». Основоположники осифлянства новгородский архиепископ Геннадий и игумен Иосиф Волоцкий вели длительную борьбу с жидовствующими в России. Их старания поначалу были не очень удачными по той причине, что еврейское население в пределах России отсутствовало. Тем не менее ортодоксам удалось добиться осуждения новгородских вольнодумцев как тайных иудеев и отправить их на костер. Геннадий был поклонником методов испанской инквизиции.

Расправа с евреями, исповедовавшими иудаизм, была

показателем того, сколь сильным было влияние на молодого царя осифлян.

Грозный не видел нужды в новых подданных — «богоборном» еврейском населении.

Признавая авторитет митрополита, царь тем не менее не доверял ему вести богословские споры с иноверцами и сам вел такие споры. Он исходил из представлений насчет превосходства «царства» над «священством».

В разгар Ливонской войны в Москву прибыло посольство из Речи Посполитой во главе с польским протестантом Яном из Кротошина, исповедовавшим учение «чешских братьев». В состав посольской свиты входил Ян Рокита, представитель («министр») «чешских братьев» в Польше. Рокита просил царя о позволении вести проповедь своего учения в России.

В мае 1570 г. Грозный долго беседовал с проповедником и предложил ответить на десять вопросов. Заполучив письменный ответ, царь устроил публичный диспут в присутствии Боярской думы и высшего духовенства, а также польских послов.

В центре споров оказался богословский вопрос о соотношении дел и веры. Рокита ссылался на слова апостола Павла о том, что человек спасается не делами, а верой. Грозный привел слова апостола Иакова: «Кая полза, братия моя, аще веру кто глаголет имети, дела не имать?» В делах человек находит оправдание, «а не от веры единоя». Излагая свое понимание изречений апостолов Петра и Павла о христианском спасении, царь не находит в них противоречия: «Или мниши, яко распря в них? Ни. Но великаго согласия. Един оубо подтверждаше дела, друзии оутверждаше веру. Обема совершитися во єдину ползу ко спасению человеком по вере и делам».

Царь Иван имел обширный опыт споров с ливонскими протестантами. Этот опыт пригодился ему в прениях с Рокитой. Царская отповедь «лютору» начиналась словами: Христос учит «не давати святаго слова псом неверным и неверующим Святому Писанию». Не считаясь с традицией, с авторитетом предания, Рокита и его единомышленники, уподобясь «бесам», по своему произволу учительствуют, разрушая Священное Писание: «Вы же от самовольства вземшиеся и на учительство воскочисте… сего ради татие и разбойници нарицаетеся». Рокита — «антихрист и развратник веры Христове», распространяющий по свету «бесовскую прелесть», «своим учением Христовы словесныя овцы, их же (Иисус) искупи своею честною кровию, крадете и разбиваете».

Свои нападки на еретика царь Иван подкреплял ссылками на священные тексты, которые воспроизводил незамедлительно и

которые подходили к случаю. Ссылки подтверждали образованность монарха. Грозный показал себя способным учеником «прелукавых осифлянских мнихов», превзошедших в начетничестве прочих книжников.

Гуманизм эпохи Возрождения, его рационалистическая критика средневековой схоластики, первые опыты исторической критики текстов Священного Писания готовили почву для Реформации, бросившей вызов католическому миру. Выступления протестантов поколебали исключительное влияние католической церкви.

Среди членов польского посольства, посетившего Москву, преобладали католики. Не вступая в полемику с католическим вероучением, Иван IV заявил, что и римская «латинская» вера, и «люторство» — одинаковая тьма и прелесть; «яко латына прелесть, тако и вы (люторы) тьма».

18 июня 1570 г., перед отъездом польских послов, самодержец велел вручить Роките письменный ответ на его десять тезисов в защиту протестантского вероучения. Сочинение царя в 1582 г. было переведено на латинский язык и стало доступно православному населению Польши.

Переговоры с католиками приобрели новый поворот после того, как царь Иван стал добиваться избрания на польский трон. В 1573 г. литовский гонец Михаил Гарабурда уведомил Грозного, что он едва ли может претендовать на польский трон «без принятия веры закона римского». Царь запомнил его слова. Весной 1575 г. он принял в Слободе польского шляхтича Кшиштофа Граевского и в беседе с ним затронул вопрос, какую веру он будет исповедовать после избрания на польский трон. Беседа была доверительной, и самодержец поведал поляку, что устроит диспут о вере и сам по свободному выбору может сменить веру, «но пока сам не соглашусь, чтобы меня к этому не принуждали». Если диспут покажет ему и он познает сам, что «вера римская лучше, чем русская, то кто же так глуп, чтобы, найдя лучшее, не оставил худшего».

Иван IV кривил душой, стараясь расположить в свою пользу польскую шляхту. О переходе в римскую веру он и мысли не допускал. Предложение о богословском диспуте было незамысловатой уловкой.

Ранее в беседе с Гарабурдой царь допускал, что после избрания на польский трон ему придется отречься от власти. В этом случае он выставил непременным условием, чтобы польские вельможи не препятствовали ему уйти в один из русских монастырей, если он пожелает постричься в монахи. Речь шла именно о православном, а отнюдь не о католическом монастыре.

Двусмысленные речи царя могли восстановить против него православное общество. Но он вел переговоры с поляками в строжайшей тайне.

На последнем этапе Ливонской войны Грозный вновь общался с «латинством». Неудача мирных переговоров с Баторием побудила его прибегнуть к посредничеству главы католической церкви папы Григория XIII. В августе 1580 г. в Ватикан выехал гонец Истома Шевригин. Он привез в Рим царское послание. Напомнив о своем давнем желании соединиться с австрийским императором для войны с турками, Иван IV подтвердил, что готов и «впредь с тобою, папою Римским, и с братом нашим с Руделфом с цесарем, быти во единачестве и в докончанье и против всех бесерменских государей». Осуществлению его намерений, продолжал свою мысль царь, мешает кровопролитная война с Польшей, которая показывает, что Баторий «сложился» (соединился) с басурманами.

Выслушав послание Ивана IV, папа согласился отправить в Россию своего легата ради примирения двух христианских государей. Миссия была возложена на опытного дипломата, иезуита Антонио Поссевино. 28 марта 1581 г. легат пустился в путь.

Сношения с Ватиканом ставили в порядок дня вопрос об отношении России к Флорентийской унии, провозгласившей объединение католической и православной церкви.

Тему объединения ветвей церкви Грозный затронул в своем последнем послании Баторию. Рассуждения царя об унии были выдержаны в тонах, совершенно не характерных для московского ортодоксального богословия. Они интересно прежде всего тем, что раскрывают характер и подлинные воззрения царя на соотношение «царства» и «священства». Каким бы поборником истинной веры ни выступал самодержец в своих многочисленных сочинениях, нужды «царства» в его глазах явно перевешивали. В письме к Баторию он не только не предал анафеме постановления Флорентийского собора, но и изложил их в примирительном духе: «У папы и у всех римлян и латын то и слово, что однако вера греческая и латинская». Так решил в присутствии папы Евгения IV и императора Иоанна VIII Палеолога собор во Флоренции, «где из Руси был тогды Исидор митрополит». Нет причин для вражды православных и католиков. «А у нас которые в нашей земле держать латинскую веру, и мы их силой от латинские веры не отводим и держим их в своем жаловании з своими людми ровно, хто какой чести достоин, по их отечеству и службе, а веру держать, какову захотят».

На пути в Россию Поссевино остановился в Вильне. Там

король познакомил его с содержанием полученной им царской грамоты. То ли польские толмачи неверно перевели письмо, то ли легат сам допустил неточность при переводе, но в его изложении слова Грозного по поводу Флорентийской унии приобрели искаженный смысл. В своих «Записках» иезуит так изложил царское послание: Иван IV написал королю, что Московия со времени Флорентийского собора объединена с католической церковью одной религией и что он разрешает католикам в Московии совершать богослужение по их обрядам.

Поссевино охотно поверил тому, во что хотел верить. Россия наконец признала решения Флорентийского собора и готова распахнуть двери перед католическими священниками и миссионерами. В соответствии с таким истолкованием позиции царя легат привез в Старицу и вручил Грозному свод установлений Флорентийского собора на греческом языке.

Некоторые наблюдения, сделанные на границе, подтвердили надежды Поссевино. Иван IV постарался подкрепить свои слова по поводу веротерпимости практическими распоряжениями. Смоленский архиепископ Сильвестр получил от государя указ допустить папского посла на богослужение в смоленском кафедральном соборе. «И ты б в те поры, — наказывал иерарху монарх, — в Пречистой Богородице сам служил со всеми соборы нарядно».

20 августа 1581 г. в Старице, неподалеку от театра военных действий, легат виделся с самодержцем и преподнес ему в дар от папы частицу креста, на котором был распят Иисус Христос.

После официальной аудиенции во дворце Иван пригласил Поссевино к столу и на пиру в его честь, как писал иезуит, «произнес очень важную речь о союзе и дружбе своих предков с папой Римским и заявил, что папа является главным пастырем христианского мира, наместником Христа и поэтому его подданные хотели бы подчиниться его власти и вере».

Сомнительно, чтобы бывший секретарь генерала Ордена иезуитов мог измыслить речь Грозного. Однако совершенно очевидно, что он уразумел застольное обращение Ивана IV, находясь под впечатлением царского письма Баторию, с текстом которого ознакомился в Вильне. В Старице посол Ватикана окончательно уверился в том, что подданные царя склонны подчиниться папе и принять католичество.

Будучи в Вильне, иезуит убеждал короля Стефана, что ему суждена историческая роль. Заключив мир с Москвой, говорил Антоний, король выполнит великую миссию воссоединения восточной и западной церкви.

Похоже, что в Старице Грозный действительно произнес

слова о том, что его подданные жаждут принять католичество. Однако неясно, что преобладало в его речи — шутовство или издевка. Легат не знал русского языка и не услышал насмешки в царской речи. Ему была неведома склонность московита к юродству. Иван был достойным внуком византийской царевны, воспитанной иезуитами в Италии.

Речи об унии были произнесены не в думной палате, а за пиршественным столом. Антония потчевали по-царски. После падения Адашева бояре, которым Иван не доверял, должны были выпивать по его приказу огромные кубки. Позже монарх шутки ради проделывал то же самое с ближними людьми. Вероятно, и Поссевино стал жертвой тяжкого московского гостеприимства.

Легат пробыл в Старице месяц и не раз старался вернуться к вопросу о соединении церквей. Но Грозный избрал хитроумный способ положить конец переговорам об унии. По свидетельству Антония, царь «запрещал переводчикам даже переводить все то, что имеет отошение к религии». Защищая идею унии, итальянец говорил как бы в пустоту.

На мирных переговорах Поссевино добросовестно исполнял миссию посредника. В беседах с Замойским он подтвердил обещания, данные ранее Баторию. Поссевино «готов присягнуть, — записал гетман, — что великий князь к нему расположен и в угоду ему примет латинскую веру, и я уверен, что эти переговоры кончатся тем, что князь ударит его костылем и прогонит прочь». Предвидения гетмана сбылись, за исключением только костыля.

14 февраля 1582 г. Поссевино приехал в Москву. Он тщетно просил царя обсудить с ним наедине вопрос о церковной унии. Иван IV согласился провести прения о вере, но непременно в строго официальной обстановке — в присутствии Боярской думы и «двора» в Кремле.

21 февраля царь провел в Кремле первый диспут о вере. На нем присутствовало примерно сто человек. Иван оставил в палате, помимо бояр, также служилых князей и «сверстных» дворян, а стольников и прочих дворян велел выслать вон.

Грозный поначалу был настроен миролюбиво. Обращаясь к послу он сказал: «Ты видишь, что я уже вступил в пятидесятилетний возраст и жить мне осталось немного. Воспитан я в той вере, которая одна является истинной, и не должно мне ее менять. Близок день Суда, когда Господь решит, наша или латинская вера основывается на истине. Но, — сказал он, — я не осуждаю того, что ты, посланец великого папы Григория XIII, исполняя свои обязанности, заботишься о римской вере. Поэтому ты можешь говорить об этом, что тебе будет

угодно».

Составители приказного отчета о диспуте придали речи царя более официальный характер: «Ты, Антоней, говорить хочешь и ты на то от папы прислан, а и сам еси поп и ты потому и говорить дерзаешь, а нам без рукоположенья митрополича и всего освященного совету Собора не уметь говорити. Нам с вами не сойдетца в вере, наша вера христьянская из давных лет была себе, а римская церковь была себе».

Ссылка на то, что царь не дерзает говорить, не будучи попом, как Поссевино, и даже более того, не умеет говорить о священных предметах без «рукоположенья» и благословения митрополита и духовного собора, была не более чем дипломатическим ходом. Грозному надо было внушить папскому легату, что царские речи, как заявления частного лица, не имеют большого значения. Законную силу обретают лишь те его обязательства, которые имеют «митрополичье рукоположение», то есть утверждены митрополитом. В подлинных сочинениях Грозного мотивы такого рода отсутствуют.

Следует заметить, что официальные летописи более не велись и их заменой стали книги Посольского приказа. В посольском отчете словам царя был придан новый смысл. Государь говорит все с голоса митрополита, а следовательно, в его речах не может быть ничего еретического. Возможно, исправление потребовалось в связи с розыском о ереси епископа Давида, о чем будет сказано ниже. Вопреки утверждению официоза Иван всю жизнь вел прения о вере без всяких рукоположений митрополита.

Беседуя с Поссевино, Грозный избегал касаться коренных расхождений между вероучениями католиков и православных, чтобы не было раздора и брани. Посол же уповал на обещание царя по поводу богословского диспута, который позволит выбрать веру. Иезуит настаивал на своем, и тогда Иван обратился к малым делам веры. Он стал задавать легату насмешливые вопросы: почему папа сечет бороду, почему носит крест ниже пояса, пристоен ли крест на туфле, почему папу носят в носилках во время торжественных шествий? «И папа не Христос, — говорил Иван, — а престол, на чем папу носят, не облак, а которые носят его — те не ангелы; папе Григорию не подобает Христу подобитись и сопрестольником ему быть».

«Менее всего, — замечает С. Ф. Платонов, — можно видеть в поведении царя наивность и простодушие; можно поспорить лишь о том, что в нем преобладало: расчетливое лукавство или свойственная Грозному склонность к шутке и издевательству».

Дальнейшие прения об апостолах и происхождении церквей

приобрели нежелательный оборот. Грозный заявил, что православная церковь признает авторитет первых пап, но что последующие папы из-за дурной жизни утратили право на уважение. Сбросив маску, самодержец выразил свое отношение к латинству с полной определенностью: «…который папа не по Христову ученью и не по апостольскому преданью почнет жити, и тот папа волк есть, а не пастырь!»

В ответ Поссевино допустил прозрачный намек на небезупречную жизнь самого государя.

Дерзость иезуита привела царя в ярость. Он вскочил с места и закричал: «Это какие-то деревенские люди на рынке научили тебя разговаривать со мной как с равным и как с деревенщиной!»

Диспут закончился скандалом. Антоний не оставил слова царя без ответа. Посол «престал говорити, коли-де уж папа волк, мне что уж и говорити». Присутствующие думали, что государь прибьет Антония, а стоявшие подле трона люди (очевидно, дворовые сановники) грозили иезуиту, что его немедленно утопят в реке.

Однако вскоре Грозный успокоился и, отпуская посла, в знак милости погладил его рукой. Два дня спустя Поссевино был вторично приглашен во дворец, и Иван принес ему публичные извинения за то, что в пылу спора назвал папу волком и хищником. Бояре передали послу предложение изложить в письменном виде расхождения между римской и православной верой.

3 марта Поссевино был приглашен на торжественное богослужение в Успенском соборе. По этому случаю на площади собралось до пяти тысяч жителей. Приставы получили приказ отвести Поссевино и его свиту в собор, где для посла было устроено почетное место. Но посол заупрямился, и тогда пристав Евстафий Пушкин «с товарыщи его поуняли… а Антоней начал сердитовати, а ждати государя не похотел, а хотел ехати себе на подворье».

Когда царю доложили о непригожем поведении легата, он остановился посреди площади и почесал в затылке, не зная, что делать. Потом он передал итальянцу приглашение подняться в палаты для переговоров с боярами.

С 1 марта в Москве был созван Священный собор в составе митрополита и шести епископов. Видимо, власти успели собрать духовенство лишь из близлежащих епархий. Можно установить, что в большинстве приглашенные иерархи лишь недавно получили свои посты и не принадлежали к числу известных церковных писателей и богословов. Митрополит Дионисий был поставлен на кафедру из архимандритов новгородского

Хутынского монастыря за год до приезда Поссевино. Епископ Сарский и Крутицкий Симеон, живший на Крутицах в Москве, получил назначение примерно тогда же. Будущий патриарх Иов был поставлен епископом Коломенским и Каширским из архимандритов старицкого Успенского монастыря также в 1581 г. Епископ Ростовский и Ярославский Давид получил сан в 1578 г.

Среди названных владык самым близким к особе монарха был, без сомнения, Давид. Он занял кафедру в Ростове в то время, когда этот город уже стал главным «дворовым» городом царя. Понятно, что «дворовый» пост мог получить лишь человек, пользовавшийся полным доверием государя. В неофициальной иерархии он уступал разве что митрополиту.

Зная российские порядки, можно предположить, что Давид взял слово на соборе не по своей инициативе, а по распоряжению или, во всяком случае, с ведома самодержца.

По утверждению Поссевино, сочиненные им тезисы в защиту католичества были зачитаны на соборе, после чего епископ Давид взял слово и «все одобрил» в писании иезуита. Утверждение Поссевино вызывает сомнение. Лишь сумасшедший мог решиться на такой шаг. Более вероятным представляется другое. Давид попытался сгладить распри, найти точки соприкосновения католической и православной веры, славившей единого Христа. Он явно следовал по стопам государя, с неслыханным миролюбием писавшего Баторию о соединении церквей на Флорентийском соборе.

Грозный присутствовал на диспуте. Зная его неуемный темперамент, можно не сомневаться, что он набросился бы на епископа, если бы уловил в его словах хоть тень ереси. Как это ни удивительно, монарх промолчал. В переговорах с Поссевино дипломатия неоднократно брала верх над богословием.

Ни один из иерархов не захотел выступить после речи Давида. Члены Священного собора «не сказали ни слова».

Согласно русским источникам, власти нарядили розыск о ереси Давида и расправились с ним уже после отъезда Поссевино. «Потом же Давида ересь его изобличив, посла в монастырь под начало, дондеже в чувство прийдет». Русские документы сохранили упоминание о деле Давида и сыске «о кресте и богохульных словах» Давида. Итак, московские богословы обнаружили ересь в рассуждениях епископа о кресте и различиях в понимании этого символа христианства. Священный собор будто бы трижды обсуждал вину «дворового» владыки.

Самодержец отмежевался от еретика. Его письмо Баторию и старицкие речи не получили огласки. Кремлевский диспут упрочил престиж государя как поборника православия.

Папский легат был раздосадован исходом московских прений. Царь Иван, писал он, считает себя избранником Божьим, почти светочем, которому предстоит озарить весь мир, он считает, что нет никого более ученого и более исполненного истинной религии, чем он сам. Высокое мнение о себе царь поддерживает среди своих с удивительной строгостью: он решительно хочет казаться чуть ли не первосвященником и одновременно императором. Самой своей одеждой, окружением и всем прочим царь старается выказать величие даже не королевское, но почти папское.

Упреки Поссевино походили как две капли воды на укоры, с которыми сам царь некогда обращался к Сильвестру. Грозный много лет мечтал завоевать авторитет первосвященника ради того, чтобы соединить «образ» высшего духовного пастыря народа с неограниченной властью самодержца. В конце жизни мечта его была близка к воплощению.

Таубе и Крузе приписывали митрополиту Афанасию такие слова, обращенные к Ивану IV в момент его отречения от престола в 1565 г.: «Он (царь) один и единственный, как глава Православной христианской церкви и избранный властелин истинной апостольской веры». В подтверждение достоверности этой «речи» А. Л. Юрганов ссылается на известие официальной летописи об отречении царя: «…а мы все своими головами едем за тобою государем святителем…»

Вопрос в том, относятся ли приведенные слова «государь святитель» к особе монарха?

Летопись повествует, как бояре и всех чинов люди просили митрополита Афанасия немедленно ехать к царю и умолить его вернуться на трон. «А мы все своими головами едем за тобою, государем святителем, своему государю царю и великому князю о его государьской милости бити челом и плакатися». Итак, слова «государь святитель» относятся не к Ивану IV, а к митрополиту Афанасию.

Глава государства охотно исполнял некоторые функции первосвященника, но никогда не претендовал на чин святителя.

Сибирская одиссея

В годы разорения приток русского населения в казачьи станицы усилился. Но чем многолюднее становилось вольное казачество, тем больше оно зависело от подвоза хлеба, свинца и пороха из внутренних уездов России.

Война на всех границах побуждала русское правительство все чаще нанимать на службу крупные казачьи отряды. Наибольшую известность в конце Ливонской войны получили атаман Мишка Черкашенин с донскими казаками и Ермак Тимофеевич с волжскими.

Донцы участвовали в обороне Пскова от войск Батория. Волжские казаки действовали в районе Смоленска. Летом 1581 г. воевода Хворостинин с полками переправился за Днепр и разорил окрестности Могилева. Местный комендант точно установил имена 15 предводителей смоленского войска. Последними в его перечне значатся: «14. Василий Янов, воевода казаков донских; 15. Ермак Тимофеевич, атаман казацкий».

Сведения литовцев, полученные от пленных русских ратников, отличались надежностью. В подчинении головы Василия Янова находилось несколько сот донских казаков. Ермак командовал отрядом волжских казаков.

Военная демонстрация в районе Смоленска задержала наступление Батория на Псков.

Грозный тщетно пытался втянуть в войну с поляками Ногайскую орду. Ногайский хан Урус велел ограбить царского посланника Девочкина. В начале мая 1581 г. в Москве узнали о том, что крымское войско вместе с азовцами и ногайцами вторглось в русские пределы.

Вторжение вызвало крайнюю тревогу в Москве. Не опасаясь мятежа своих ногайских вассалов, царь оставил в Астрахани совсем небольшие воинские силы. В Поволжье находилось немало вольных атаманов со своими станицами. На них-то и была теперь главная надежда.

В начале мая 1581 г. бояре «приговорили» послать наскоро гонцов к атаманам на Волгу. Вольные казаки получили приказ устроить засаду на переправах и разгромить ногайцев, которые будут возвращаться с Руси с «полоном». Казакам надлежало закрепиться на волжских переправах и помешать ордам переходить с берега на берег. Отбив пленных, казаки должны были прекратить военные действия и, во всяком случае, не нападать на ногайские улусы.

Три недели спустя Посольский приказ обратился к Урусу с

посланием. Власти напомнили князю о разгроме его столицы казаками в отместку за сожжение Москвы и дали понять, что теперь все может повториться. Стоит только царю приказать «вас самих воевать и ваши улусы казаком астраханским и волжским и казанским и мещерским и над вами над самими досаду и не таковую учинят. И нам уже нынече, — многозначительно писали посольские дьяки, — казаков своих унять не мочно».

Гонцы, спешно посланные в Поволжье, познакомили волжских казаков с новым наказом. Фактически Москва не только предоставила волжским казакам свободу действий в отношении ногайцев, но и подсказала им, куда следует нанести удар. Атаман Иван Кольцо с волжскими казаками напал на столицу Орды Сарайчик.

Хан заявил протест, но московские власти тут же заверили его, что служилые казаки «на Сарайчик не хаживали, а воровать на Сарайчик приходили беглые казаки, которые, бегая от нас, живут на Тереке, на море, на Яике и на Волге, казаки донские, пришед с Дону, своровали…».

Прямые инструкции из Москвы запрещали атаманам переносить военные действия на территорию Ногайской орды. Но казаки знали о вторжении ногайцев в русские пределы и обращались с ними по законам войны. Атаман Иван Кольцо подстерег отряд ногайцев, возвращавшийся из России с пленными и награбленным добром, и разгромил его.

В августе 1581 г. дворянин Василий Пелепелицын сопровождал ногайское посольство, посланное Урусом к царю. 1 сентября он явился в Москву и доложил, что ногайское посольство было разгромлено и пленено волжскими атаманами Иваном Кольцо, Никитой Паном и Саввой Волдырей на Волге. То были главные атаманы, позднее предпринявшие с Ермаком поход в Сибирь.

Обратим внимание на дату. Атаман Иван Кольцо громил ногайцев на Нижней Волге в конце лета 1581 г., а Ермак в то же самое время воевал с литовцами под Смоленском, вдали от владений Строгановых.

Отряд Ермака объединился с отрядом Ивана Кольцо, по-видимому, уже после заключения перемирия с Баторием в январе 1582 г. и возвращения Ермака в Поволжье.

Волжские казаки получили приглашение от Строгановых после того, как их вотчина подверглась нападению сибирских племен.

Вскоре после Семенова дня (1 сентября) 1581 г. старшие Строгановы пожаловались царю Ивану Васильевичу, что пелымский князь пожег их деревни на Чусовой, а их ближайший

родственник Никита Строганов, которому по разделу достался городок Орел на Каме с гарнизоном и пушками, не оказал им никакой помощи. В конце 1581 г. Грозный ознакомился с доносом и сделал выговор Никите. В царской грамоте имя Ермака не упоминалось. Совершенно очевидно, что известного волжского атамана не было в чусовских владениях Строгановых. Иначе он не позволил бы малочисленным пелымским отрядам безнаказанно жечь и грабить русские деревни в Прикамье.

Прошел год, и Пермский край подвергся куда более опасному нападению. Воевода главной русской крепости в Приуралье — Чердыни — Василий Пелепелицын спешно уведомил царя, что в Семенов день 1582 г. войска сибирского хана и пелымский князь напали на крепость, а Строгановы не выручили его, но в самый день штурма послали Ермака и его казаков воевать сибирского султана. В ответ Иван IV направил в конце 1582 г. новую грамоту Строгановым. Будучи в сильном гневе, он грозил Строгановым великой опалой и повелевал немедленно вернуть Ермака из сибирского похода. России нужен был мир любой ценой, и монарх не желал начинать войну с Сибирским ханством. В царской опальной грамоте 1582 г. каждое слово — на вес золота. Грамота непосредственно отразила событие, положившее начало сибирской экспедиции Ермака. Казаки ушли в Сибирь на глазах у чердынского воеводы Василия Пелепелицына 1 сентября 1582 г., о чем он тут же и донес царю. Не верить воеводе нет оснований.

Среди сибирских летописцев едва ли не самым осведомленным был придворный историограф Строгановых. Еще бы! Ему был доступен архив именитых людей. Летописец ознакомился с подлинными царскими грамотами Строгановым 1581–1582 гг. Но он прочел их крайне невнимательно. В результате автор летописи заключил, что в обеих грамотах описано одно и то же нападение сибирцев на владения Строгановых, и именно после этого нападения Ермак выступил в поход 1 сентября 1581 г. Историки, начиная с Карамзина, с полным доверием отнеслись к свидетельству Строгановской летописи. В итоге ошибочная дата была принята всей последующей историографией и до нынешних дней фигурирует в качестве аксиомы в ученых трудах и учебниках. Критический анализ источников позволяет выявить ошибочность одной из основных дат русской средневековой истории.

Подобно археологу, историк старается обнаружить древний слой, отбрасывая скопившийся мусор и поздние наслоения. Любой обломок из раннего пласта может открыть исследователю очень многое. Число древних документов с упоминанием имени Ермака можно перечесть по пальцам. Вещей, принадлежавших

атаману, сохранилось еще меньше. Самая примечательная из них — пищаль Ермака.

Некогда Грозный разрешил Строгановым основать пушечный двор в их «столице» на реке Каме — Орле (Кергедане). Их мастера делали неплохие пищали и пушки. Одна из пушек хранилась до 1917 г. в доме Строгановых в Петербурге. Ученый-палеограф В. В. Голубцов видел пушечку и скопировал надпись с ее ствола. Надпись гласила: «В граде Кергедане на реце Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 7090». После революции пушка исчезла.

Надпись на пищали подтверждает хронологию, обозначенную в грамотах Грозного. Пушечка была отлита в конце 7090 (летом 1582) г., а экспедиция началась 1 сентября 7091 (1582) г.

История сибирского похода окутана покровом легенд. Прояснить дело могут лишь новые архивные находки. В казацком войске Ермака не было ни историографа, ни архива! И все же поиски архива увенчались успехом.

Кто не мечтал об открытии исчезнувшего архива! Бесценные документы находят в самых неожиданных местах — недоступных горных пещерах, на морском дне, в трюмах затонувших кораблей, на чердаках старых домов. Но иногда следы архива удается обнаружить в давно известных рукописях.

…Первый сибирский архиепископ Киприан приказал «кликати» Ермаку и его погибшим товарищам вечную память. Архиепископские дьяки расспросили оставшихся в живых участников похода и на основе их рассказа составили поминальный список «убиенных» и краткую летопись. Преемник Киприана архиепископ Нектарий получил назначение в Тобольск в 1636 г. Он поручил своему дьяку Савве Есипову «распространить» (расширить) архиепископскую летопись.

Прошло много лет, и некий любознательный книжник старательно скопировал Есиповскую летопись, пополнив ее многими удивительными подробностями. Так возникла Погодинская летопись, которая хранится ныне в Публичной библиотеке в Петербурге.

Погодинская рукопись ставит перед исследователем множество загадок. Судя по водяным знакам на бумаге, летопись была составлена чуть ли не в петровские времена. Но в ней можно обнаружить массу уникальнейших сведений по истории сибирской экспедиции. Какова степень их достоверности?

…Составитель Погодинской летописи списал из Есиповской летописи фразу: «Ермак с товарищи послаша к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русии с сеунчем (с вестью о победе) атамана и казаков». Затем он дополнил текст:

«Тут же послан был казак Черкас Александров потому… немалой, всего 25 человек». Погодинский летописец знал посланца Ермака по имени, и ему была известна численность казачьей станицы, прибывшей в Москву! Ниже автор Погодинской летописи записал, что царь Иван надолго задержал сибирских гонцов и что «ермаковы казаки Черкас Александров с товарищи» вернулись в Сибирь с воеводой Сукиным в 1586 г. Заслуживают ли доверия все эти сведения?

Архивная находка устраняет сомнения. В приходо-расходной книге Чудова монастыря значится, что в 1586 г. (перед выступлением в поход) сибирские казаки, в их числе «сибирской отоман Иван Александров сын, а прозвище Черкас» и Савва Волдыря пожертвовали монастырю связки сибирского соболя на помин своей души.

Погодинская летопись сообщает важные подробности насчет переписки между Ермаком и Иваном Грозным. Когда Черкас Александров и Савва Волдыря привезли в Москву грамоту Ермака, Иван IV велел составить ответное послание. По традиции царское послание начиналось с подробного пересказа письма. В летописи Есипова письмо изложено в нескольких словах. Ермак извещал Ивана IV, что казаки «царя Кучюма и с вой его победита». Автор Погодинской летописи привел куда более полный текст казачьей отписки. Ермак писал царю, что он «сибирского царя Кучюма и с его детми с Алеем да с Алтынаем да с Ышимом и с вой его победита; и брата царя Кучюма царевича Маметкула разбита ж».

Насколько достоверна эта подробная версия письма Ермака? Не сочинена ли она московским книжником? Ответить на этот вопрос помогает отчет о «сибирском взятии», составленный дьяками Посольского приказа в 1585 г. и сохранившийся в подлиннике. Под руками у дьяков были все казачьи отписки из Сибири. Воспользовавшись ими, приказные пометили: «государевы» казаки «Сибирское царство взяли, а сибирский царь Кучюм убежал в поле», после чего «племянник Кучюмов Маметкул царевич, собрався с людми, приходил в Сибирь на государевы люди», но те и его «побили». Данные посольского отчета рассеивают сомнения в достоверности погодинской версии.

Безвестный книжник поведал об обстоятельствах, предшествовавших походу. Ермак Тимофеев, отметил он, прибыл с Волги, когда на пермские места напал сибирский царевич Алей, «а за год до того времени… пелымский князь Аплыгерым воевал… Пермь Великую». Эти сведения полностью совпадают с тем, что известно нам из царских грамот Строгановым 1581–

1582 гг.

Ни Строгановы, ни чердынский воевода не знали имен «пелымского князя» и предводителя «сибирских людей», громивших Пермский край. Составитель Погодинской летописи знал больше. Он записал, что первое вторжение возглавлял пелымский князек Аблыгерым, а во втором участвовал сын и наследник Кучума царевич Алей.

Как можно объяснить редкую осведомленность безвестного автора? «Три сына у Кучюма… — записал книжник, — а как оне взяты, тому письмо есть в Посольском приказе». Вот в чем дело! Летописец имел доступ к сибирским документам Посольского приказа. Именно этот приказ ведал делами, относящимися к Сибири, на протяжении всего XVI в. Следуя московским порядкам, посольские дьяки записали «распросные речи», иначе говоря, показания Черкаса Александрова об обстоятельствах сибирского похода. Эти речи (в пересказе Погодинского летописца) позволяют целиком пересмотреть всю историю сибирской экспедиции Ермака.

«Алей (сын Кучума), — значится в летописи, — пришел войной на Чюсовую, и в тое же поры прибежал с Волги атаман Ермак Тимофеев с товарыщи пограбили на Волге государеву казну и погромили ногайских татар и Чюсовой сибирским повоевать не дали». (Громили ногайцев Иван Кольцо и другие сподвижники Ермака.)

Через лазутчиков Строгановы заблаговременно дознались о готовившемся нападении сибирского хана на их владения. Успешный набег пелымского князя был прелюдией. Кучум ставил целью полное изгнание русских из Приуралья. Оказавшись в трудном положении, Строгановы наняли вместе со служилыми атаманами также воровских казаков с их атаманами.

Полагают, что занятие столицы Кучума Искера (Кашлыка) предопределило исход войны с Сибирским ханством. Но это неверно. Решающее значение имело сражение на берегах Чусовой.

Война в Приуралье началась не с завоевательного похода Ермака, а с вторжения татар в русские пределы. Кучум бросил в наступление все свои войска, поручив наследнику царевичу Алею командовать ими. Татары обладали многократным перевесом сил. Алей не ожидал встретить серьезное сопротивление. Но ему так и не удалось одержать верх над войском Ермака. Сражение на Чусовой закончилось отступлением Алея. В критических ситуациях Строгановы нанимали до тысячи казаков. После боев с татарами на Чусовой и Каме в отряде Ермака осталось 540 человек.

С Чусовой Алей ушел на север, к берегам Камы, и напал на

строгановский городок Орел. Он сжег Соль Камскую, но от Орла был отбит казаками. В награду Ермак получил от Строгановых именную пушечку.

Алей не желал возвращаться в Сибирь с пустыми руками. Он прошел далеко на север, к царской крепости Чердыни. По пути татары убивали жителей, грабили и жгли русские деревни. Гарнизону Чердыни с трудом удалось отразить нападение Алея.

Ермак был опытным военным и быстро оценил благоприятную ситуацию. С Алеем пришла на Русь вся Кучумова рать. Для обороны столицы у Кучума не осталось сил. После победы на Чусовой «с тех мест учали оне, Ермак с товарыщи, мыслить и збираться, как бы им дойти до Сибирские земли и того царя Кучюма».

Имея в своем распоряжении пять казачьих сотен, Ермак, конечно же, не думал о завоевании Сибирского ханства. Казаки рассчитывали получить богатую добычу в Искере и вернуться на Русь с награбленным добром.

Строгановы понимали, что татары по пути из Чердыни вернутся на Чусовую. Уход казаков за Урал грозил обернуться для них большой бедой — разорением их владений. Строгановым нельзя было отпускать Ермака, пока татары не покинули Приуралья. Но повлиять на решение вольных казаков им было не под силу.

Вновь установленная хронология экспедиции Ермака разрушает традиционные представления, будто вольные казаки на летучих стругах добирались с берегов Чусовой до берегов Иртыша в течение года или двух-трех лет, заполненных кровавыми боями и длительными зимовками.

Сколько времени понадобилось казакам, чтобы преодолеть расстояние от Перми до Сибири и занять столицу «Кучумова царства»?

Большую часть пути — примерно 1200 километров из 1500 — флотилия Ермака шла вниз по течению сибирских рек. Против течения судам пришлось идти лишь в Приуралье от Чусовских городков до перевалов. Несложный расчет показывает, что в предгорьях Урала отряду Ермака достаточно было продвигаться вперед по 15–16 километров в день, на сибирских реках — по 30–40. Такая скорость была доступна для подвижных казацких стругов. Казаки были превосходными гребцами. На таких крупных реках, как Тура и Тобол, они использовали также и паруса. Продвижение отряда могли задержать столкновения с туземцами. Но сопротивление со стороны редкого местного населения было невелико.

1 сентября 1582 г. Ермак покинул владения Строгановых и

через 56 дней — 26 октября, в день Дмитрия Солунского, — занял столицу Кучума. Хан смог собрать для обороны Искера толпу воинов ханты и манси. Но они разбежались после первых же залпов казацких ружей.

С наступлением суровой зимы казаки оказались на пороге катастрофы. Реки замерзли, и струги, спасавшие их в войнах с татарами, пришлось вытащить на берег. Кучум дождался возвращения войска из-под Чердыни и попытался нанести казакам сокрушающий удар. Он поставил во главе армии царевича Маметкула, самого опытного из воевод. Решающее сражение произошло 5 декабря 1582 г. близ Абалака. Исход битвы был описан Посольским приказом в таких выражениях: «Сибирский царь Кучюм убежал в поле», когда русские заняли его столицу, после чего «племянник Кучюмов Маметкул-царевич, собравшись с людми, приходил в Сибирь на государевы люди, и государевы люди тех всех татар, которые были с Маметкулом, — болше десяти тысяч — побили…».

В бой с Ермаком вступили те самые войска, которым казаки нанесли поражение на Чусовой. Моральный фактор оказал огромное влияние на исход новой битвы. Казаки использовали все преимущества огнестрельного оружия и дрались с отчаянием обреченных. Они понимали, что их ждет либо победа, либо смерть.

Сражение на Абалаке закончилось разгромом татарского войска. Его командующий Маметкул некоторое время спустя был взят в плен.

Зимой казаки не могли выбраться из Сибири, а весной стали собирать ясак с местных племен на государево имя. Атаман Иван Черкас Александров повез ясак в Москву с известием о присоединении Сибири к России. Служилые атаманы взяли верх над воровскими. Эти последние надеялись заслужить царское прощение и избежать наказания за грабеж посольства в Поволжье.

Во второй половине 1583 г. гонцы Ермака после многих мытарств добрались до Москвы и известили царя о «сибирском взятии». Разрядный приказ стал готовить войска для зимнего похода в Сибирь. Однако 7 января 1584 г. московские власти приказали отставить зимний поход.

Болезнь и смерть Грозного задержали выступление воевод, которые должны были оказать помощь Ермаку.

Уже после кончины царя Ивана, в 1584 г., в Искер прибыл воевода Волховский, назначенный фактически первым наместником Сибири. Ермак получил приказ немедленно отбыть в Москву. Но Волховский умер, не вынеся трудностей похода, а Ермак не подчинился царскому приказу. Стрельцы, присланные

вместе с Волховским, не имели при себе продовольственных запасов. Зимой они вымерли от голода почти все поголовно.

Ермак Тимофеевич был убит в стычке с татарами. Его сподвижники тотчас покинули Искер и бежали на Русь. Так окончилась сибирская одиссея Ермака.

В конце Ливонской войны Грозный строго воспретил ратным вести активные военные действия. В тех случаях, когда воеводы нарушали его приказ, они нередко добивались успеха. Пять казачьих сотен, действуя вопреки повелению царя, разгромили сибирского хана Кучума, попытавшегося изгнать русских из Приуралья. Однако плоды их побед были вскоре утрачены.

Закрепощение сословий

Какими были итоги пятидесятилетнего правления Ивана Грозного? Без преувеличения можно сказать, что он получил от боярского правительства цветущую страну, а передал преемникам полностью разоренное государство.

С именем Ивана IV связывают глубочайшие социальные перемены, которые определяли историческое развитие России на протяжении двух веков. В середине XVI в. царь ввел принцип обязательной службы с земли. Затем он будто бы издал указ о заповедных годах, положив начало закрепощению крестьян.

В старой историографии самое широкое распространение получила концепция закрепощения сословий сверху. Государство закрепостило дворян, навязав им принцип обязательной службы с земли, и закрепостило крестьян, отменив Юрьев день. Поскольку обе эти меры были связаны с насилием, некоторые новейшее исследователи сделали вывод о сходстве российского самодержавия с восточными деспотиями и определили Российское государство как азиатское «деспотическое самодержавие».

Обобщения такого рода требуют критической проверки. Соответствуют ли они фактам?

В самых общих чертах различие европейского и азиатского общества можно определить следующим образом. Характерной чертой восточных деспотий было насилие, принуждение. В Европе в основе общественного порядка лежал некий «общественный договор».

Древнерусское государство было основано норманнами и развивалось по типу европейских государств. Наиболее четко европейские начала проявили себя в Новгороде Великом.

На Северо-Востоке Руси княжеская власть одержала верх над боярством и сохранила монархический строй. В Новгородской земле сложилось мощное боярство, которое сломило княжескую власть й основало республику. Управление в Новгороде осуществляли посадники. Их выбирало вече, и в своей деятельности они опирались на Совет господ. Новгородцы заключали «ряд» с князьями и изгоняли их в случае нарушения договора. Принцип «общественного договора», воплощенный в княжеском «ряде», обусловил черты сходства в политической культуре Новгорода и стран Западной Европы.

В конце XV в. Иван III экспроприировал новгородское боярство и конфисковал его земли. Он сделал это не потому, что был «деспотическим самодержцем», «зловещей личностью».

Республиканские порядки в Новгороде не изжили себя и не выродились, как полагают исследователи. Напротив, они были необыкновенно прочными и живучими. Разрушить их оказалось невозможно без экспроприации всего новгородского боярства.

Господство республиканских порядков позволило Новгороду избежать дробления. К XV в. Новгородская земля, самая обширная из русских земель, занимала огромную территорию. Переход в казну всех земель, принадлежавших новгородским боярам и средним землевладельцам, а также большей части церковных земель сразу превратил государственную собственность в господствующую форму собственности на Руси. До XV в. в России доминировала вотчинная (частная) форма собственности. В XVI в. ведущей формой дворянского землевладения стало поместье. Дворянин получал поместье из казны, но владел им, пока нес службу.

Власти переселяли в Новгород на поместья московских детей боярских, не обеспеченных землями. Очень скоро выяснилось, что фонд отобранных в казну земель непропорционально велик, тогда как численность московских служилых людей, согласных переселиться на отдаленную северо-западную окраину, недостаточна. Государевы дворяне прочно держались за свои вотчины в московских пределах, и перспектива переселения на неплодородные новгородские земли прельщала не всех.

Властям пришлось наделять поместьями даже боевых холопов из распущенных боярских свит.

Опыт конфискации боярщин был распространен на Псков, что привело к дальнейшему расширению фонда свободных земель. Все это позволило казне наделить поместьями сыновей служилых людей, а затем и их внуков, преуспевших в службе. К середине XVI в. окончательно сформировался новый порядок: в стране стали регулярно проводиться дворянские смотры, на которых власти назначали поместные оклады «новикам», достигшим пятнадцати лет.

Государство в Московии не располагало ни регулярной армией, ни развитым бюрократическим аппаратом, ни полицией, ни системой тюрем. Оно не могло силой навязать господствующему сословию принцип обязательной службы с вотчин и поместий. Новый порядок был введен в России не путем насилия, а посредством своего рода «общественного договора». Казна взяла на себя обязанность обеспечивать служилых людей и их детей государственными имениями — поместьями, а помещики приняли принцип обязательной службы с земли. Эти взаимные обязательства возникли на практике, не получив законодательного оформления. Но они стали фактом.

Новый порядок сулил дворянам огромные выгоды. Раздел вотчин между сыновьями был для них сущим кошмаром. Казна избавила их от этого кошмара, взяв на себя обеспечение землями их потомства.

Бояре XV в. владели вотчинами на правах частной собственности, что обеспечивало им известную независимость от власти великого князя. Помещики XVI в. зависели от монарха, так как владели поместьем, собственником которого было государство.

При условии службы сын мог наследовать поместье отца. На этой основе происходил процесс сближения поместья с вотчиной. Помещики надеялись стать со временем полными собственниками полученных от казны имений. Но опричнина развеяла их надежды и показала всем, что государственная собственность — реальность. Тысячи помещиков, исправно несших службу, лишились владений и были переселены в другие уезды или отправлены в ссылку.

Казна обязалась обеспечить помещиков и их потомков землями, что сулило им благоденствие во всем обозримом будущем. То была первая грандиозная утопия в русской истории, порожденная господством государственной собственности. Несостоятельность утопии стала ясна уже к концу XVI в. Фонд свободных земель был исчерпан, а дробление поместий породило острый кризис служилого дворянства.

Господство государственной собственности стало одним из главных факторов объединения страны в условиях, когда русские земли были разобщены экономически.

Эволюция земельной собственности оказала глубокое воздействие на социальную структуру и политический строй государства. Образование колоссального фонда государственной земельной собственности дало в руки монарха неограниченные материальные средства, что создало почву для формирования самодержавных порядков.

Никакого закона об обязательной службе не было принято. Новый порядок сложился в виде традиции. Уложение о службе 1556 г. лишь санкционировало этот порядок, уточняло нормы службы военных слуг.

Вновь созданная военно-служилая система порождала непрерывные войны. Их целью было пополнение государственного фонда земель, предназначенного для наделения поместьями дворян и их потомков. Власти энергично насаждали поместную систему на завоеванных землях Казанского ханства и в Ливонии.

Государственная собственность не была фикцией. Она

порождала исключительно высокие налоги, что вело к разорению населения.

Принцип государственного регулирования дворянского землевладения не приостановил процесс дробления имений. Разруха конца XVI в. знаменовала полное крушение утопии.

Как отметили современники, дворянское «оскудение» началось уже при Грозном. В неотправленном письме к царю Курбский мрачными красками рисовал положение обнищавшего дворянства: «Воинской же чин строев ныне худеишии строев обретеся, яко многим не имети не токмо коней, ко бранем уготовленных, или оружии ратных, но и дневныя пищи…»

Государство не смогло выполнить своих обязательств перед дворянством. Но оно продолжало требовать от землевладельцев обязательной службы.

К середине XVI в. фонд свободных поместных земель был исчерпан, а поместная система пришла в упадок. В житнице Новгородского края Деревской пятине запустело до четверти всей поместной земли. Это обстоятельство подталкивало правительство к принятию чрезвычайных мер.

В годы опричнины Иван Грозный конфисковал родовые наследственные вотчины у многих десятков княжеских семей, что привело к расширению поместного фонда в центральных уездах страны.

Переход Ярославля и Ростова в опричнину довершил крушение местного наследственного княжеского землевладения.

В Суздальском, Ростовском и Ярославском уездах располагались самые крупные массивы княжеских родовых вотчин. Но была еще младшая ветвь Владимирской династии — Стародубские князья. Древняя столица их княжества — город Стародуб Ряполовский — никогда не была в опричнине. Их родовые вотчины, как полагает Б. Н. Флоря, практически не были затронуты бурями времен опричнины. Это едва ли верно. Казанские писцовые книги позволили установить, что в Казань было сослано более тридцати четырех Стародубских князей. Их родовые вотчины подверглись конфискации.

Амнистия позволила части Стародубских князей вернуть родовые земли. Некоторым казна пожаловала имения в других уездах. Но удовлетворены были далеко не все.

Чтобы положить конец возникшей неразберихе, царь издал в 1580 г. указ: «Стародубским князем за их вотчины денги давати из нашие казны, а их вотчины в поместья раздавати». Полагают, что речь шла о принудительном выкупе вотчин у Стародубских князей. Однако такое предположение не подкреплено фактами. В источниках нет указаний на то, что власти в 1580 г. вернулись к

политике отчуждения княжеских вотчин. Дело объясняется проще. Стародубские землевладельцы, лишившиеся родовых вотчин в опричнину, не теряли надежды вернуть их в отдаленном будущем. Родня рассчитывала со временем использовать право выкупа родовых вотчин у новых владельцев, монастырей и т. д. Царский указ лишил их такой возможности. Князья и их наследники отныне могли рассчитывать лишь на денежную компенсацию.

Надо иметь в виду, что насильственные вторжения государства в сферу земельной собственности были одной из главнейших причин политических потрясений и террора XVI в.

Юрьев день

Как и при каких обстоятельствах сформировался крепостнический режим в России? Этот вопрос имеет первостепенное значение. Древние архивы сохранили важнейшие крестьянские законы, изданные в правление Ивана Грозного, Бориса Годунова и первых Романовых. В длинной цепи недостает лишь одного, но зато самого важного звена — закона об отмене Юрьева дня, покончившего с крестьянской свободой.

На протяжении веков взаимоотношения землевладельца и крестьянина на Руси регулировали нормы Юрьева дня. Один раз в году — за неделю до Юрьева дня 26 ноября и в течение недели после Юрьева дня — крестьянин мог расплатиться по оброчным и налоговым обязательствам и покинуть имение.

Ученые ищут решение проблемы закрепощения уже более 200 лет. В ходе дискуссии были выдвинуты две основные концепции. Одна воплотилась в теории «указного» закрепощения крестьян, другая — в теории «безуказного» закрепощения.

Известный русский историк В. Н. Татищев считал, что крестьян закрепостил Годунов специальным законом 1592 г. После смерти злосчастного Бориса текст его закона был утерян, да так основательно, что никто не смог его разыскать.

Слабость «указной» теории заключалась в том, что она опиралась не на строго проверенные факты, а на догадки. Отметив это обстоятельство, В. О. Ключевский назвал исторической сказкой мнение об установлении крепостной неволи Годуновым. Не правительственные распоряжения, утверждал он, а реальные условия жизни (задолженность крестьян, «старожильство», тягло) положили конец крестьянским переходам.

В советской историографии утвердилась марксистская схема закрепощения. Карл Маркс связывал крепостное право с развитием примитивной отработочной ренты. Опираясь на его вывод, Б. Д. Греков создал стройную концепцию, согласно которой в XVI в. в России появилась материальная база крепостного права — барщинная система, после чего Иван IV в 1581 г. издал указ о «заповедных летах». Понятие «заповедь» означало «запрет», а именно запрет на крестьянский выход в Юрьев день.

Новейшие исследования выявили ошибочность представления о широком развитии барщины в России в XVI в. Детальный анализ источников привел автора этих строк к заключению, что при жизни царь Иван Грозный не издавал

никакого указа об отмене Юрьева дня.

Бесспорным остается факт, что ни один документ, составленный при жизни царя, вообще не употребляет термин «заповедные лета» применительно к крестьянам.

Первым источником, четко сформулировавшим нормы «заповедных лет», была царская жалованная грамота городу Торопцу в 1590 г. Правительство разрешило властям Торопца вернуть в город старинных тяглых людей, которые «с посаду разошлись в заповедные леты». Как видим, действие «заповедных лет» распространялось на городское население, которое к Юрьеву дню не имело никакого отношения. Следовательно, содержание «заповедных лет» невозможно свести к формальной отмене Юрьева дня. Вернее будет сказать, что «заповедные лета» означали временное прикрепление податного населения — крестьян и посадских людей к тяглу, то есть к тяглым дворам и наделам.

Обращение к грамоте 1590 г. опровергает тезис о закрепощении крестьян Грозным.

Наиболее обстоятельно история закрепощения крестьян изложена в Уложении царя Василия Шуйского о крестьянах 1607 г. Как значится в преамбуле Уложения, «при царе Иоанне Васильевиче… крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иоаннович, по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьянам заказал и, у кого колико тогда крестьян было, книги учинил…». Уложение 1607 г. сохранилось в пересказе В. Н. Татищева, что значительно снижает ценность этого памятника. В. О. Ключевский признавал подлинность памятника в целом, но полагал, что Татищев сократил и изложил своими словами преамбулу Уложения, посвященную отмене Юрьева дня. Очевидно, ни одно слово преамбулы не может быть использовано без всесторонней критической проверки.

Уложение 1607 г. связывало запрет крестьянского выхода с именем царя Федора. Этот тезис находит полное подтверждение в архивных документах.

В 1595 г. старцы новгородского Пантелеймоновского монастыря писали царю: «Ныне по нашему (царя Федора. — *Р.С.*) указу крестьяном и бобылем выходу нет». Монастырские старцы направили грамоту в приказ, и их слова о выходе были процитированы в ответной грамоте из приказа. Таким образом, ссылка на «указ» царя Федора о крестьянах прошла апробацию приказных властей. Процитированные грамоты сохранились в подлиннике XVI в. Более авторитетный источник трудно найти, и этот источник подтверждает достоверность свидетельства Уложения 1607 г. о том, что выход крестьянам «заказал» царь

Федор. Надо иметь в виду особенность московской приказной практики. Не только законодательные акты, но и любые другие распоряжения и приказы издавали от имени царя. По этой причине слова пантелеймоновских старцев об «указе» царя Федора, вероятно, не были цитатой из законодательного акта. Скорее всего эти слова отразили перелом в правосознании современников, связанный и с длительной практикой возвращения крестьян их землевладельцам в рамках режима заповедных лет, введенного в России в первые годы правления царя Федора.

По свидетельству Уложения 1607 г., царь Федор, отменив Юрьев день, приказал составить писцовые книги, закрепив тем самым крестьян за их землевладельцами. Насколько достоверно приведенное свидетельство?

Первой была описана Новгородская земля. Писцы появились там уже в 7090 (1581–1582) г., то есть при Грозном, а не при Федоре. Указанная дата требует уточнения. В 1581 г. Новгородскую землю разоряли польские и шведские войска. Начинать перепись на театре военных действий было немыслимо. Государевы писцы смогли приступить к делу лишь после заключения мира в 1582 г. Они завершили перепись и утвердили писцовые книги в московском Приказе лишь в 1584 г., уже при жизни Федора.

Каким был характер новгородского описания? Источники дают ответ на этот вопрос.

В 1588 г. новгородский помещик Иван Непейцын затеял тяжбу с соседним монастырем. Он потребовал возвратить ему двух крестьян, Ваську и Трешку Гавриловых, на том основании, что они «збежали в заповедныя годы 90-м году из-за Ивана из-за Непейцына из деревни с Крутца, а Иван был на государеве службе в Лямицах». По книгам Разрядного приказа можно точно установить, что Непейцын был послан на службу и участвовал в битве со шведами у деревни Лямицы в феврале 1582 (7090) г.

Обращение к архивам прояснило картину. Сохранилась книга с описанием поместья Непейцына. На книге выставлена дата — 7090 г. «Большие писцы», явившиеся в Новгород в 1582 г., записали: «За Иваном за Амиревым, сыном Непейцына, селцо Крутец на реке Мете, а в нем двор помещиков да 2 двора людцких, пашни паханые 5 четей, а перелогу 15 четей в поле, а в дву потому ж… в живущем полобжи, а впусте полторы обжи».

Если бы режим «заповедных лет» был действительно введен в Новгородской земле осенью 1581 (7090) г., то писцы не могли бы пройти мимо того факта, что крестьяне Гавриловы грубо нарушили только что изданный указ Грозного и покинули

поместье Непейцына в «заповедном» 7090 г. Между тем «большие писцы» пометили десяток пустых крестьянских дворов в Крутце без указания имен и без ссылки на «заповедные лета». Очевидно, в руках у новгородских «больших писцов» не было ни указа, ни инструкций по поводу будто бы введенных в 1581 г. «заповедных лет». Отсюда следует, что перепись Новгорода 1582–1584 гг. была обычной переписью, не связанной с крепостническими нововведениями.

Общее описание было осуществлено в стране уже после смерти царя Ивана. Оно затронуло по крайней мере треть из 100 уездов государства. Крупные уезды описывали по частям. Так, Московский уезд был описан в три приема (1585–1588), Тверской — в два (1587–1589). В период между 1585 и 1597 гг. были составлены писцовые книги по Пскову, Туле, Вязьме, Рязани, Костроме и др.

Проведение валовой описи в государстве требовало огромных расходов. Оно было обременительно и для пустующей казны, и для населения. Но из-за массового бегства крестьян писцовые книги устаревали еще до того, как Поместный приказ мог успеть их исправить и утвердить. Чтобы не допустить обесценения поземельных кадастров и стабилизировать доходы казны, власти ввели в действие режим «заповедных лет».

К 1593–1597 гг. было завершено составление писцовых книг в главнейших уездах страны и в 1597 г. издали первый развернутый крепостнический закон. Он не содержал пункта, формально упразднявшего Юрьев день. Но закон подтвердил право землевладельцев на розыск беглых крестьян в течение пяти «урочных лет».

Валовое описание 1585–1597 гг. было проведено в условиях формирования режима «заповедных» и «урочных» лет. Именно поэтому новые писцовые книги стали юридической базой закрепощения. Этот факт засвидетельствован Уложением 1607 г.

Анализ документов валовой переписи позволил обнаружить едва ли не самое важное обстоятельство, остававшееся вне поля зрения исследователей.

Новгород был описан в первую очередь не потому, что подвергся наибольшему разорению в ходе войны. Южнорусские уезды были разорены татарами в не меньшей мере. Власти начали с описания Новгорода по той причине, что государственная собственность образовала тут громадный цельный массив, составлявший ядро всего поместного фонда страны. В Ярославском, Суздальском, Шуйском и Ростовском уездах до конца XVI в. сохранялось наибольшее количество княжеских вотчин, а поместный фонд был ограниченным. Парадоксально, но

валовое описание названных уездов при царе Федоре вообще не было проведено. Установив этот факт, можно выявить наиболее характерную особенность валового описания конца XVI в. Власти проявляли заботу прежде всего об уездах с наиболее развитым государственным землевладением.

Крепостное право на Руси развилось в тесной связи с превращением государственной (поместной) земельной собственности в господствующую форму собственности.

В последней трети XVI в. поместный фонд пришел в состояние глубокого упадка. Львиная доля пашни в поместьях была заброшена и поросла лесом. Для восстановления хозяйства на поместных землях требовались огромные средства. Но государство было разорено войной и стихийными бедствиями. Казна не желала брать на себя непосильные расходы.

Упадок казенного фонда земель вызвал к жизни меры принуждения со стороны государства. Крепостнические законы и распоряжения стали своего рода подпорками для государственной собственности.

Государство ввело «заповедные лета» как сугубо временную финансовую меру, не требовавшую особого законодательного подтверждения. Мелкое дворянство оценило выгоды этой меры и добилось того, что система временных мер превратилась в постоянный порядок.

Царь Иван затворял царские житницы, когда случался неурожай и голод. Борис Годунов искренне сочувствовал бедствиям народа и широко раздавал хлеб и деньги голодающим. Но вышло так, что не Грозному, а Годунову довелось ввести в стране меры, ставшие основанием формирования крепостных порядков в России.

Предположение об отмене Юрьева дня Иваном Грозным — не более чем миф.

Семейная жизнь Грозного

В царской семье браки были делом не частного, а политического характера, они подчинялись династическим целям. Московская дипломатия затеяла большую политическую игру в связи с женитьбой Ивана IV до того, как он достиг брачного возраста. Бояре надеялись заполучить ему в невесты польскую принцессу. Но переговоры с польским королевским домом не увенчались успехом, и дума вынуждена была пожертвовать теми внешнеполитическими выгодами, которые сулил династический брак. Тогда-то 16-летнему великому князю были подсказаны веские доводы, изложенные им (по летописной версии) в речи к думе и духовенству. «…Помышлял еси жениться в иных царствах, — заявил Иван (и это была сущая правда), — у короля у которого или у царя у которого, и яз… тое мысль отложил, в ыных государьствах не хочю женитися для того, что яз отца своего… и своей матери остался мал, привести мне за себя жену из ыного государьства, и у нас нечто норовы будут разные, ино межу нами тщета будет; и яз… умыслил и хочю жениться в своем государьстве…» Соображения по поводу несходства характеров имели второстепенное значение по сравнению с соображениями религиозными. Окрестные владетельные дома придерживались еретической, в глазах московских ортодоксов, веры. Из-за подобного затруднения Василий III не мог жениться до 25 лет. В конце концов молодой Иван решил во всем следовать примеру отца. Боярская дума утвердила приговор о представлении ко двору лучших невест в государстве. Бояре и окольничие тотчас же разъехались во все концы страны, чтобы смотреть невест. Впереди бояр ехали гонцы с грозными наказами. Всем дворянам, имевшим дочерей 12 лет и старше, повелевалось без промедления везти таковых к наместникам на смотрины. За утайку невесты дворянам сулили великую опалу и казнь. При русском бездорожье всероссийские смотрины грозили затянуться на много месяцев. Между тем бояре, не ожидая съезда провинциальных невест, привезли во дворец своих дочерей и племянниц. На боярских смотринах царю сосватали Анастасию, дочь окольничего Романа Юрьевича Захарьина. Отец царской невесты был ничем не примечательным человеком. Зато ее дядя подвизался при малолетнем Иване в качестве опекуна, так что великий князь знал семью невесты с детства. Родня царя Глинские не видели в Захарьиных опасных для себя соперников и не противились избранию Анастасии.

Первый брак Ивана длился 13 лет. В этом браке у царя было

шестеро детей, но только двое остались живы. Его дочери — царевны Анна и Мария, — умерли, не достигнув года. Третьим ребенком был царевич Дмитрий. Когда ему минуло шесть месяцев, родители повезли его на богомолье в Кириллов монастырь. На обратном пути младенец погиб из-за нелепой случайности. Передвижения наследника сопряжены были со сложной церемонией. Няньку, несшую ребенка, непременно должны были поддерживать под руки двое знатнейших бояр. Во время путешествия из Кириллова царский струг пристал к берегу, и торжественная процессия вступила на сходни. Сходни перевернулись, и все оказались в реке. Ребенка, выпавшего из рук няньки, тотчас достали из воды, но он был мертв. Так погиб старший из сыновей Грозного, царевич Дмитрий I.

Второго сына, царевича Ивана, Анастасия родила 28 марта 1554 г. Еще через два года у нее родилась дочь Евдокия. Сын выжил, а дочь умерла на третьем году жизни. Третий сын — царевич Федор — родился в царской семье 31 мая 1557 г. Здоровье Анастасии было к тому времени расшатано, ее одолевали болезни. Младенец оказался хилым и слабоумным.

Частые роды истощили организм царицы, она не дожила до 30 лет. Анастасию похоронили в Вознесенском монастыре, в Кремле. На ее похороны собралось множество народу, «бяше же о ней плач немал, — добавляет летописец, — бе бо милостива и беззлоблива ко всем». Сходными были отзывы иностранцев о характере царицы. По словам англичанина Джерома Горсея, Анастасия «была такой мудрой, добродетельной, благочестивой и влиятельной, что ее почитали, любили и боялись все подчиненные. Великий князь был молод и вспыльчив, но она управляла им с удивительной кротостью и умом». Однако Горсей прибыл в Россию после смерти царицы и записал отзыв о ней с чужих слов. Источники не сохранили указаний на то, что Анастасия активно вмешивалась в государственные дела.

Сколь бы «беззлобливой» ни была царица, она не осталась в стороне от конфликта между ее братьями Захарьиными и Сильвестром. Впрочем, все ее усилия помочь братьям не привели к успеху. Вплоть до кончины Анастасии Сильвестр сохранял влияние на царя, тогда как Захарьины отступили в тень.

Перемены, происшедшие после смерти Анастасии, связаны были с внешними обстоятельствами, с разрастанием политического кризиса. Однако современники сочли возможным связать эти перемены с переменами в царской семье. В «Хронографе 1617 года» можно прочесть, что после кончины Романовой царь сильно переменился, «превратился многомудренный его ум на нрав яр».

Отношения супругов нельзя назвать безоблачными, особенно к концу жизни царицы. Много лет спустя, когда Курбский упрекнул Ивана в безнравственности, тот ответил откровенно и просто: «Буде молвишь, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, ино вси есмя человецы». Молва о предосудительном поведении царя проникла в летописи. «Умершей убо царице Анастасии, — записал летописец, — нача царь яр быти и прелюбодействен зело». И все-таки царь был привязан к первой жене и всю жизнь вспоминал о ней с любовью и сожалением. На похоронах ее Иван рыдал и «от великого стенания и от жалости сердца» едва держался на ногах. Неделю спустя после смерти Анастасии Макарий и епископы обратились к царю с неожиданным ходатайством. Они просили, чтобы царь отложил скорбь и «для крестиянские надежи женился ранее, а себе бы нужи не наводил». За заботами о нравственности Ивана скрывался политический расчет. При дворе было много людей, недовольных засильем Захарьиных. Все они надеялись на то, что родня новой царицы вытеснит из дворца Захарьиных, родню умершей Анастасии.

Второй брак Грозного был скоропалительным. Не добившись успеха в Польше и Швеции, царские дипломаты привезли царю невесту из Кабарды. Невеста — княжна Кученей, дочь кабардинского князя Темир-Гуки, — была очень молода. Иван «смотрел» черкешенку на своем дворе и, как сказано в официальной летописи, «полубил ее». Кученей перешла в православие и приняла имя Мария. Три дня в Кремле продолжался брачный пир. Все это время жителям столицы и иностранцам под страхом наказания было запрещено покидать свои дворы. Власти боялись, как бы чернь не омрачила свадебного веселья. Все помнили о том, что произошло в столице в 1547 г. после первой царской свадьбы.

Сначала Мария, не зная ни слова по-русски, не понимала того, что говорил ей муж. Но потом она выучила язык и даже подавала царю кое-какие советы (об учреждении стражи наподобие той, которая была у горских князей, и пр.). Мария Черкасская родила царю сына, нареченного Василием. Но сын умер в младенчестве.

Ходили слухи об отравлении Марии Черкасской. Но эти слухи легендарны. Перед кончиной Мария в 1569 г. ездила с мужем в Вологду и там заболела. Известия о «заговоре» в Новгороде принудили Ивана поспешить в Москву. Больную жену он доверил везти за собой боярину Басманову. Путь был труден и долог. Больную Марию привезли «по наказу» в Александровскую слободу, где она вскоре и умерла.

Еще до свадьбы с Черкасской Иван IV затеял сватовство к одной из сестер польского короля. Приданым принцессы должна была стать Ливония. Но этот проект был отклонен поляками. Русские послы, ездившие в Польшу в 1560 г., вернулись ни с чем.

В 1567 г. шведский король Эрик XIV, добивавшийся заключения союзного договора с Россией, вознамерился выдать замуж за царя Екатерину Ягеллон. Эта идея воодушевила Грозного. Но ее осуществление натолкнулось на большие препятствия. У Екатерины был муж герцог Юхан, младший брат шведского короля, а у Грозного — законная жена Мария. Брак с Кученей, по всей видимости, не удовлетворял самодержца. Он стал настаивать на скорейшем осуществлении проекта и направил в Стокгольм посольство, которое должно было доставить на Русь шведскую герцогиню.

Проект Эрика не был порождением его безумия. Король упрятал брата Юхана в тюрьму и хотел его казнить.

Даже после переворота в Швеции и восшествия на трон Юхана III самодержец не отказался от своих замыслов. В июне 1570 г. он передал шведским послам требование, чтобы король Юхан III отдал царю «его невесту Екатерину». К тому времени Иван был вдовцом и надеялся, что брак с сестрой бездетного короля Сигизмунда II подкрепит его претензии на польскую корону. Находившиеся в Москве польские послы официально заявили, что польский Сенат рассматривает вопрос об избрании царя или его сына на польский трон.

На помин Марии Грозный дал больше денег, чем на помин Анастасии. Но это не значит, будто к кабардинской княжне он «был гораздо более привязан». Муж при живой жене подумывал о разводе с ней и браке с Екатериной.

Во время смотрин 1570–1571 гг. государь выбрал сначала Марфу Собакину, а после ее скоропостижной смерти — Анну Колтовскую. Обе царские невесты были коломенскими дворянками. Четвертый брак был заключен царем в нарушение всех церковных правил. Духовенство не смело перечить самодержцу. Как значилось в решении Священного собора, церковь разрешила царю брак «ради его теплого умиления и покаяния». Собор принял решение наложить на государя епитимью. В течение года ему запрещалось входить в церковь, исключая праздник Пасхи. Во второй год ему надлежало стоять в церкви с грешниками, на коленях. Лишь на третий год монарх мог молиться вместе с верующими и принимать причастие. Однако все эти запреты сводила на нет оговорка: «А пойдет государь против недругов за Святые Божия церкви, и ему, государю, епитимья разрешити». Поскольку война не стихала ни

на один месяц, царь мог не беспокоиться насчет епитимьи.

Опасаясь, что пример благочестивого государя пагубным образом повлияет на нравственность народа, собор указал «всем человецем», от бояр до простых, «да не дерзнет (никто) таковая сотворити, четвертому браку сочетатися», «аще кто гордостию дмяся или от неразумия дерзнет таковая сотворити… да будет за таковую дерзость по священным правилам проклят».

Колтовские были вовсе не знатными дворянами. Отец царской невесты «в полону умер», так что она была сирота. У нее не было могущественных покровителей, а потому никто из ее ближайших родственников не получил боярского титула. Грозный благоволил к своей молодой супруге. Доказательством тому служило его завещание. В случае смерти мужа Колтовская должна была получить удельное княжество со столицей в древнем Ростове.

Колтовские не прижились при дворе, а красоты и свежести Анны оказалось недостаточно, чтобы усидеть на троне среди бурь, сопровождавших отмену опричнины. Свадьбу отпраздновали не ранее апреля 1572 г., а в сентябре царица приняла постриг. Брак продолжался менее полугода.

В то время Малюта был в зените славы. Очевидно, дело не обошлось без него, и он способствовал разводу. Возможно, его беспокоило стремительное возвышение нового временщика князя Бориса Тулупова. Князь выдал сестру за царского шурина Григория Колтовского, брата царицы Анны, и тем породнился с семьей самодержца.

Бывшая царица приняла в иночестве имя Дарья и была отослана в один из новгородских монастырей. Там она прожила более 50 лет.

Будучи глубоко религиозным человеком и претендуя на роль высшего судьи как в мирских, так и в церковных делах, Иван IV, по-видимому, не мог избавиться от мысли о незаконности четвертого и последующих браков и с удивительной легкостью расторгал их. В монастырь были отправлены сначала Анна Колтовская, а потом и пятая жена — Анна Васильчикова.

Васильчиковы принадлежали к дворовым детям боярским, служившим по Кашире. Никто из родни новой царицы не получил боярского титула.

Пятый брак был абсолютно незаконен, и потому свадьбу играли не по царскому чину. На свадьбе отсутствовали великие бояре, руководители думы. На брачный пир пригласили немногих «ближних людей». Из 35 гостей 19 принадлежали к роду Колычевых. Иван Колычев был главным дружкой невесты Анны Васильчиковой, другой Колычев водил царский поезд.

Семейную жизнь государя определяла большая политика. В 1573 г. Малюта Скуратов погиб в Ливонии, а его место при дворе занял боярин Василий Умной Колычев. Он-то и был покровителем Васильчиковой.

Первое послеопричное правительство, которое возглавляли Колычевы и Тулупов, не смогло умиротворить страну, потрясенную террором. Его вожди были обвинены в измене и преданы жестокой казни. Когда покровители Васильчиковой — новоявленные изменники — были казнены, Анне поневоле пришлось удалиться в монастырь.

Первые признаки надвигающейся опалы появились сразу после свадьбы Анны. В промежуток времени между 15 и 28 апреля 1575 г. Василий Умной и двое братьев царицы Анны Григорий и Назарий Васильчиковы дали вклад в Троице-Сергиев монастырь по 50 рублей каждый. То был знак надвигавшейся опалы. Пятый брак царя не продлился и года.

Царь Иван мог бы уподобиться английскому королю Генриху VIII, казнившему своих жен. На самом деле ни один волос не упал с головы разведенных цариц, родственниц опаснейших «заговорщиков».

Отношение Грозного к женам отразилось в заупокойных вкладах. Троице-Сергиев монастырь получил от него вклад по царице Анастасии — 1000 рублей, по Марии Темрюковне — 1500 рублей, по Марфе Собакиной — 700, по Анне Васильчиковой более 850 рублей.

Высшее духовенство не одобряло беззаконные браки государя, но обличать его не смело. Папский посол Антонио Поссевино, будучи при царском дворе, разузнал, что духовник повсюду следует за царем, но «хотя государь каждый год исповедуется ему в грехах, однако не принимает больше причастия, так как по их законам не позволено вкушать тела Христова тому, кто женат более трех раз».

Браки царя не были браками по чувству. Его семейная жизнь была открыта для политических бурь. Оттого подданные не успевали рассмотреть лица цариц, которых приводили во дворец временщики.

Кажется, только в одном случае женитьба Грозного была связана с увлечением. В «Хронографе о браках царя Ивана Васильевича» можно прочесть, что он «обручился со вдовою Василисою Мелентьевою, еже мужа ее опричник закла; зело урядна и красна, таковых не бысть в девах, киих возяще на зрение царю». Свидетельство «Хронографа» можно было бы отвести как сомнительное, если бы оно не было подтверждено Карамзинским летописцем. О царе Иване Васильевиче, записал летописец,

сказывают, что «имал молитву со вдовою Василисою Мелентьевою, сиречь с женищем». Неожиданная архивная находка окончательно прояснила дело. В подлинных писцовых книгах по Вяземскому уезду XVI в. значилось: «Государь и великий князь Иван Васильевич всея Русии летом 7087 (1579) года… поместьем пожаловал Федора да Марью Мелентьевых детей Иванова в вотчину». Писцовые книги зафиксировали поразительный случай. Дети дьяка Мелентия Иванова получили от Грозного свое поместье в вотчину. То было неслыханно щедрое пожалование. За Мелентьевыми было закреплено «в вотчину» 500 десятин поместной пашни вместе с обширными лугами и лесами. Сироты дьяка не имели особых заслуг перед государством, кроме одной. Незадолго до пожалования земель их мать — вдова Василиса — стала шестой женой царя, а вернее, не женой, а «женищем». Соблюдая репутацию благочестивейшего монарха, Иван взял молитвенное разрешение на сожительство с Василисой, покорившей его своей неслыханной красотой. Союз с незнатной вдовой дьяка не связан был с какими бы то ни было расчетами. Шестой брак Грозного был счастливым, но недолгим. Он совпал со временем последних военных успехов царя и прекращения казней. Вдова рано умерла. Падчерица Грозного Мария Мелентьева вышла замуж за Гаврилу Пушкина, одного из предков А. С. Пушкина.

Всю жизнь великий государь избегал вдовства. Он верил, что только в браке может спастись от греха прелюбодейства, блуда. Самодержец вел жизнь, которая неизбежно должна была подорвать его могучий организм. Он все чаще болел, искал врачей по всей Европе. Но врачи не могли помочь ему. Задумав в очередной раз жениться, он не решился устраивать новые смотрины, наподобие опричных смотрин 1570–1571 гг., а положился на вкус последнего временщика — всесильного Афанасия Нагова, сына боярина Федора Нагова. Нагие были куда знатнее Собакиных и Васильчиковых. Афанасий сосватал государю свою племянницу Марию. Свадьба была сыграна за три года до смерти Грозного. Духовенство не осмелилось гневить вспыльчивого монарха. Показав «теплое умиление и покаяние», тот вновь избежал церковного проклятия.

Свадьба была сыграна не по царскому чину. На ней веселились Нагие, Бельские и Годуновы. После счастливых дней, проведенных со вдовой, жизнь с юной Нагой, кажется, была в тягость Ивану.

В браке с Нагой у Грозного родился сын Дмитрий. Он страдал жестокой эпилепсией. Дитя седьмого брака, царевич был, по церковным представлениям, незаконнорожденным. Но пока жив

был его отец, никто не смел сказать об этом вслух.

Еще во времена опричнины Иван задумал в случае мятежа искать спасения в Англии. Лейб-медик Бомелей подал ему мысль посвататься к «пошлой девице» (старой деве) Елизавете, королеве Англии. Планы царя не встретили одобрения в Лондоне, и тогда он решил жениться на одной из родственниц королевы — Марии Гастингс. В глазах «жениха» его брак с Нагой не мог служить помехой для нового сватовства. Посол Писемский дал по этому поводу такие разъяснения английскому двору: «Государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь, а не по себе, а будет королевина племянница дородна и того великого дела (брака с царем) достойна и государь наш… свою оставя, зговорит за королевину племянницу».

Брак с английской принцессой должен был поднять престиж династии, поколебленный военными поражениями, а кроме того, облегчить заключение военного союза между Россией и Англией.

Своему послу Федору Писемскому Иван IV наказал навести подробные справки насчет приданого английской невесты, а для этого непременно разузнать, «чья (она) дочь и какова князя удельного… и брат родной или сестра родная есть ли?». Царь желал иметь представление, чем владеет семья Гастингс и будет ли его жена наследницей удельного княжества. Очевидно, он надеялся в случае вынужденного отъезда в Англию получить вместе с рукой Марии Гастингс ее удельное княжество, которое стало бы последним прибежищем для него и его слабоумного сына. В конце концов брачный проект царя так и не осуществился. Королева отказала Грозному под предлогом слабосилия и расстройства здоровья 30-летней невесты. Английский посол заявил, что «королевина племянница княжна Мария (по родству от королевы) всех племянниц дале, а се больна и рожеей не самое красна». Лицо «невесты» было испорчено оспой.

Неудача ничуть не смутила Ивана. В 1583 г. в Москву прибыл английский посол Джером Боус. В беседе с ним царь выразил твердое намерение послать в Лондон новое посольство и сосватать себе другую родственницу королевы. По утверждению Боуса, Иван IV сообщил ему о своих сокровенных планах. Если бы королева Елизавета, заявил самодержец, «не прислала со следующим посольством такой родственницы, какой ему хотелось, то он собирался, забрав всю свою казну, ехать в Англию и там жениться на одной из родственниц королевы». То, что монарх решил отплыть в Лондон со всей своей казной (для такого груза потребовался бы не один корабль), заставляет предположить, что речь шла не о простом путешествии в целях сватовства, а скорее о переселении в Англию.

Увлечение Грозного английским делом не подлежит сомнению. В случае успешного сватовства при английском дворе царицу Марию ждал монашеский клобук. Незавидной была бы и судьба младенца царевича Дмитрия.

Последний кризис

В условиях военного поражения Грозный окончательно утратил доверие к своим боярам и воеводам. Разрядный приказ официально заявлял, будто причиной падения Полоцка была измена воевод. О том же царь писал в письмах к королю Стефану Баторию. Опасаясь боярской измены, Грозный стал приставлять к земским воеводам своих личных эмиссаров из числа доверенных «дворовых» людей. Но единственным результатом этой меры было пленение одних эмиссаров и гибель других.

Перед лицом тяжелых испытаний царь медлил, колебался и наконец возобновил тайные переговоры с английским двором. Слухи об этих переговорах проникли в земщину и углубили раздор в верхах. Конфликт получил широкую огласку и стал предметом дипломатических объяснений за рубежом. Царский посол официально заявил английской королеве, что в московских людях была «шатость», но замеченные в «шатости» люди, «вины свои узнав, государю били челом и просили у государя милости, и государь им милость свою показал».

Посольский приказ постарался смягчить выражения, давая разъяснения насчет внутренних неурядиц. То, что на дипломатическом языке получило название шатости, было в глазах подозрительного самодержца государственной изменой. Военные поражения бросили тень на царя, осуществлявшего общее руководство военными действиями. Желая снять с себя ответственность, глава государства обвинил во всех неудачах своих воевод.

Обвинения были предъявлены воеводам уже после сдачи крепостей Полоцка и Сокола. Согласно донесениям литовских лазутчиков, царь произнес гневную речь, обращаясь к высшим командирам: «Вы, нечестивый род, говорили, что Полоцк и Сокол неприступны и что король не сможет захватить эти замки, и вот Полоцк и Сокол потеряны, воины и все другие люди повергнуты». Как и после сожжения Москвы, Грозный возложил вину за катастрофу на главу думы князя Ивана Мстиславского. Он избил боярина палкой, приговаривая: «Ты, старый пес, до сих пор проникнутый литовским духом, ты мне говорил, чтоб я послал тебя с сыновьями в Полоцк для противодействия польскому королю. Ясно мне (теперь) твое коварство: ты хотел нарушить присягу и подвергнуть крайней опасности моих сыновей».

Виновными у царя оказались и те, кто просил его не беспокоиться за судьбу Полоцка, и те, кто предлагал послать на выручку крепости главные силы под командой наследника.

Последующие военные неудачи побудили Грозного подвергнуть главу думы новым унижениям. По царскому приказу князь Иван Мстиславский и двое его сыновей публично покаялись, что перед царем «во многих винах преступили».

Источником постоянного беспокойства для царя оставался двор царевича Ивана. Отец не забыл подозрений, возникших у него в конце опричнины.

Сорока восьми лет от роду Грозный тяжело занемог. В Слободу были спешно вызваны старшие бояре и духовенство. Потеряв надежду на выздоровление, Иван IV объявил, что «по себе на царство Московское обрал сына своего старшего князя Ивана».

Современные наблюдатели отмечали популярность царевича Ивана. С его именем связывались надежды на перемены к лучшему. Именно это и беспокоило самодержца. Его доверие к 27-летнему сыну поколебалось. По словам англичанина Горсея, «царь опасался за свою власть, полагая, что народ слишком хорошего мнения о его сыне».

От отца наследник воспринял убеждение, что московская династия происходит по прямой линии от римских императоров. Так же свято он верил в то, что члены династии призваны защищать чистоту православной веры. «Колена Августова от племени Варяжского» — так затейливо называл себя «многогрешный» Иван Иванович.

Грозный позаботился об образовании царевича. Наследник слыл книжником. В 1579 г. монахи Антониево-Сийского монастыря просили государя о канонизации основателя их обители Антония и выразили пожелание, чтобы канон новому святому написал царевич Иван. Наследник не только написал канон, но и взялся исправить текст «Жития Святого Антония», поскольку представленное сочинение показалось ему недостаточно торжественным: «Зело убо суще в легкости написано». Исправления свидетельствовали, что царевич владел пером и хорошо знал Священное Писание и житийную литературу (Б. Н. Флоря).

Царевич Иван лишился матери в шесть лет, и с этого времени отец не отпускал его от себя. Памятуя о своем детстве, Иван IV стал хлопотать о его приобщении к делам управления с детских лет. Он заставлял сына часами высиживать на посольских приемах, брал в военные походы и на публичные казни.

Любопытные сведения о царевиче сообщает Альберт Шлихтинг. Лейб-медик Лензей пользовался его услугами как переводчика при лечении наследника. Толмач наблюдал за взаимоотношениями отца и сына вблизи.

Сочиняя памфлет на «тирана Васильевича», Шлихтинг, вне всякого сомнения, старался бросить тень и на наследника. По его словам, старший сын «не непохож» на отца своими добродетелями. Иначе говоря, он столь же кровожаден. Однако доказать свое утверждение Шлихтинг, по-видимому, не мог. Он подробно описал, как Грозный казнил конюшего Федорова, как заколол старика на Поганой луже. Сын присутствовал на экзекуции, но о его участии в убийствах нет и речи.

В 1570 г. царь велел вывести из тюрьмы пленных поляков и ударил одного из них копьем. Поляк успел схватить древко и попытался вырвать оружие из рук Ивана. Царь призвал на помощь сына, и тот поразил жертву. Случай был исключительный.

Недостающие факты Шлихтинг заменил описанием того, как Иван Иванович скрежетал зубами и ударял посохом тела казненных, громко укоряя их в измене государю. Впечатляющими подробностями насчет скрежета зубовного, собственно, и исчерпывались все доказательства жестокости царевича.

Самодержец требовал, чтобы бояре и придворные собственноручно карали изменников. Кровопролитие создавало круговую поруку. Но это правило не распространялось на царевича.

Сделав сына соправителем, царь позаботился о том, чтобы разделить роли членов семьи. Сам он выступал как беспощадный и суровый судья, наказующий подданных невзирая на лица. Сыну же он отвел роль милостивого государя, не запятнанного кровью. Таким должен был вступить на трон Иван V Иванович. Имея популярного наследника, пекущегося о законе и справедливости, монарх мог не беспокоиться, что подданные будут искать себе другого государя.

Внимание исследователей давно привлекали наставления царя из текста его духовного завещания. Сами по себе наставления были здравыми, но в устах Грозного они казались необъяснимыми.

Государь настоятельно советовал наследникам не злоупотреблять опалами: «А каторые (люди) лихи, и вы бы на тех опалы клали не вскоре, по разсуждению, не яростию». Монарх призывал творить прощение подданным по «Апостолу»: «Так бы и вы делали о всяких опалах и казнях, как где возможно, по разсуждению, на милость претворяли».

Полагают, что в приведенных словах заключалось важное признание, косвенное осуждение собственных деяний периода опричнины. Это едва ли справедливо. Грозный не имел в виду собственную персону. Он описал точно и недвусмысленно роль, которую сам же отвел соправителю и наследнику.

Сказание Шлихтинга тенденциозно. Большего доверия заслуживают его письма. В одном из них он упомянул о том, что после новгородского похода в царской семье произошел раскол: «Между отцом и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные лица с благосклонностью относятся к отцу, а многие к сыну, и сила в оружии». Игнорировать это свидетельство было бы непростительно.

Вспомним, что произошло после разгрома Новгорода. Грозный, по его собственному признанию, задумал ввести в Москву опричное войско и учинить в земской столице такой же погром, какой он учинил в Великом Новгороде. Затея была рискованная. В Москве располагался многотысячный стрелецкий гарнизон, и там же стояли тысячи дворов, принадлежащих детям боярским. Все они были хорошо вооружены и не стали бы равнодушно взирать на то, как опричники грабят их подворья и слободы.

Когда земские бояре исчерпали все средства, чтобы отвратить самодержца от его планов, тогда они прибегли к заступничеству наследника — милостивого государя. Царь объявил народу во время казней на Поганой луже, что оставил свое намерение разгромить Москву.

Царевич Иван старался следовать советам отца и хорошо усвоил свою роль. Ко времени тяжелой болезни государя в 1579 г. Иван Иванович пользовался большей популярностью, чем сам монарх.

К концу жизни Грозный стал быстро дряхлеть, тогда как его сын достиг «мужественной крепости» и, как «инрог, злобно дышал огнем своей ярости на врагов» (дьяк Иван Тимофеев). Царевич давно достиг зрелого возраста. Ему минуло 27 лет. Мужество наследника еще не подвергалось испытанию, но он прислушивался к мнению опытных воевод.

Полная пассивность Грозного прямым путем вела к военной катастрофе. Сознание этого все шире распространялось в русском обществе. Царь строго-настрого запретил своим воеводам вступать в сражение с неприятелем. Их бездеятельность давала возможность полякам и шведам завоевывать крепость за крепостью. Гарнизоны, брошенные на произвол судьбы, были обречены на истребление.

В источниках можно найти сведения о том, что наследник просил отца дать ему войско, чтобы идти на выручку осажденному гарнизону Пскова. Местный летописец записал известие, что храброго царевича отец «остнем поколол, что ему учал говорити о выручении града Пскова». Иностранные

хронисты изложили эпизод с красочными подробностями. Гейденштейн утверждал, будто сын обвинил отца в трусости, имея в виду военные поражения. Когда Иван IV, по обыкновению, наслаждался видом сокровищ, наследник якобы объявил ему, что «предпочитает сокровищам царским доблесть, мужество, с которыми… мог бы опустошить мечом и огнем его владения и отнял бы большую часть царства».

Независимо от воли царевича его двор как магнит притягивал недовольных.

* * *

За полгода до кончины царевича в Польшу бежал родственник известного временщика Богдана Бельского Давид, который рассказал полякам, что московский царь не любит старшего сына и нередко бьет его палкой. Ссоры в царской семье случались беспрестанно по разным поводам. Деспотичный отец постоянно вмешивался в семейные дела взрослого сына. Он заточил в монастырь первых двух жен наследника — Евдокию Сабурову и Петрову-Соловую, которых сам же ему выбрал. Третью жену, Елену Шереметеву, царевич, возможно, выбрал сам: царю род Шереметевых был противен. Один из дядей царевны Елены был казнен по царскому указу, другой, которого царь называл «бесовым сыном», угодил в монастырь. Отца Елены Грозный всенародно обвинил в изменнических сношениях с крымским ханом. Единственный уцелевший дядя царевны попал в плен к полякам и, как доносили русские гонцы, не только присягнул на верность королю, но и подал ему предательский совет нанести удар по Великим Лукам. Боярская «измена» снова в который уже раз вползла в царский дом.

Последняя ссора царя с сыном разыгралась в Александровской слободе, где семья, как обычно, проводила осень. Однажды Грозный застал сноху — царевну Елену — в одной рубахе на лавке в жарко натопленной комнате. (По тогдашним понятиям женщина считалась вполне одетой только тогда, когда на ней было никак не меньше трех рубах.) Елена была беременна, но царь не ведал жалости. Он прибил сноху. От страха и побоев у царевны случился выкидыш. Она не доносила мальчика.

Иван Иванович пытался защитить жену. Он схватил отца за руки, тогда тот прибил и его. Эту сцену описал иезуит Поссевино, прибывший в Москву вскоре после похорон царевича. Ему стоило большого труда узнать подробности разыгравшейся трагедии.

Один итальянец-толмач, находившийся в Слободе во время ссоры в царской семье, сообщил ему, что царевич был очень тяжело ранен посохом в голову у виска, от раны он и умер. Толмач слышал дворцовые пересуды, но насколько верными они были?

Англичанин Джером Горсей, имевший много друзей при дворе, описывает гибель наследника несколько иначе. По его словам, Грозный в ярости ударил сына жезлом в ухо, да так «нежно», что тот заболел горячкой и на третий день умер. Горсей знал определенно, что Иван Иванович умер от горячки и не был убит на месте смертельным ударом в висок. Горсею вторил осведомленный польский современник хронист Гейденштейн. Он утверждал, что наследник от удара посохом или от сильной душевной боли впал в падучую болезнь, потом в лихорадку, от которой и умер. Примерно так же описал смерть царевича русский летописец: «Яко от отца своего ярости прията ему болезнь, от болезни же и смерть…»

Какая из двух версий смерти царевича Ивана верна? Ответить на этот вопрос помогает подлинное царское письмо к земским боярам, покинувшим Слободу после совещания с царем 9 ноября 1581 г. «…Которого вы дня от нас поехали, — писал боярам Грозный, — и того дни Иван сын разнемогся и нынече конечно болен… а нам, докудово Бог помилует Ивана сына, ехати отсюды невозможно…»

Итак, роковая ссора произошла в день отъезда бояр. Минуло четыре дня, прежде чем царь написал письмо, исполненное тревоги по поводу того, что Иван-сын совсем болен. Побои и страшное нервное потрясение свели царевича в могилу. Он впал в горячку и, проболев 11 дней, умер. Отец от горя едва не лишился рассудка. Он разом погубил сына и долгожданного внука. Его жестокость обрекла династию на исчезновение.

Смерть Грозного

По случаю гибели наследника в стране был объявлен траур. Царь ездил на покаяние в Троицу. Там он втайне от архимандрита призвал к себе келаря и, встав перед ним на колени, «шесть поклонов в землю положил со слезами и рыданьем». Царь просил, чтобы его сыну была оказана особая привилегия — поминание «по неделям». По монастырям и церквам распределены были богатые вклады на помин души царевича Ивана.

Будучи в состоянии глубокого душевного кризиса, царь совершил один из самых необычных в его жизни поступков. Он решил посмертно «простить» всех казненных по его приказу людей. Трудно сказать, тревожило ли его предчувствие близкой смерти, заботился ли он о спасении души, обремененной тяжкими грехами, или руководствовался трезвым расчетом и пытался разом примириться с духовенством и боярами, чтобы облегчить положение нового наследника — царевича Федора. Так или иначе, Грозный приказал составить Синодик опальных и велел учредить им поминание. На головы духовенства пролился серебряный дождь. Посмертная реабилитация опальных, самые имена которых находились многие годы под запретом, явилась актом не только морального, но и политического характера. Фактически царь признал совершенную бесполезность своей длительной борьбы с боярской крамолой. «Прощение» убиенных стало своего рода гарантией, что опалы и гонения больше не возобновятся.

Исследователи допускают возможность того, что в последние месяцы правления Ивана Грозного в России возобновились массовые казни. О них сообщил немецкий пастор Пауль Одерборн: «Иоанн осудил на смерть 2300 воинов, которые в Полоцке и в других крепостях сдались неприятелю. По заключении мира… велел их всех казнить или ввергнуть в ужасную темницу». В точности его свидетельства, пишет Б. Н. Флоря, нельзя быть полностью уверенным.

Зная характер сочинения Одерборна, можно быть уверенным в полной недостоверности его свидетельства. Памфлет пастора превосходит другие иностранные записки обилием грубых вымыслов и фантазий.

На пороге смерти Грозный решил примириться со всеми погубленными им людьми, чтобы облегчить свою участь на том свете. Он постарался, чтобы никто не был забыт. Если бы массовая казнь православных, вернувшихся из плена,

действительно имела место, этот факт получил бы отражение в Синодике царя.

Судя по русским источникам, Грозный до конца дней своих оставался скор на расправу. Но дело ограничивалось крупными штрафами и палочными ударами — торговой казнью. Кровопролития прекратились. «Дворовая» политика утратила преимущественно репрессивный характер. После упразднения «удела» Иванца Московского опалы на земских бояр приобрели умеренный характер.

Новый курс получил подтверждение в указе, грозившем жестокими карами за ложные доносы. Указ предписывал казнить тех, кто неосновательно обвинит бояр в мятеже против царя. Наказанию подвергались также боярские холопы за ложный донос на своих господ. Мелких ябедников били палками и определяли на службу в казаки в южные крепости.

С гибелью царевича Ивана наследником престола стал слабоумный Федор. Поскольку неспособность Федора к правлению была всем известна, повествует дьяк Иван Тимофеев, все «заболели» недоверием к нему. Бояре сомневались в том, что Федор сможет управлять страной в обстановке тяжелого поражения и разрухи. Царь проявил обычную для него изворотливость, чтобы спасти будущее династии. После торжественного погребения царевича Ивана он обратился к думе с речью и начал с того, что смерть старшего сына произошла из-за его грехов. И так как, продолжал он, есть основания сомневаться, перейдет ли власть к младшему его сыну, он просит бояр подумать, кто из наиболее знатных в царстве лиц подходит для царского трона.

За время длительного и бурного правления Грозный дважды объявлял об оставлении трона. Третье отречение, на этот раз от имени слабоумного сына, имело подлинной целью утвердить царевича в качестве наследника. Бояре прекрасно понимали, что ждало любого другого претендента и тех, кто осмелился бы высказаться в его пользу. Поэтому они усердно просили царя отказаться от мыслей удалиться в монастырь на покой, пока дела в стране не наладятся, а также верноподданнически заявили, что не желают себе в государи никого, кроме его сына.

Состояние здоровья царя резко ухудшилось в конце февраля 1584 г. Голландский купец Исаак Масса оставил подробное описание кончины самодержца. По его словам, монарх был отравлен своим любимцем Богданом Бельским. Известно, что царя лечил фламандский врач Эйлоф. Но лекарства самодержец принимал исключительно из рук Бельского. Получив снадобья из рук лейб-медика, временщик якобы успел подмешать в него яд,

отчего больной вскоре умер.

Масса верно назвал имена двух лиц, несомненно, находившихся возле умирающего государя. Но его свидетельство не внушает доверия. Голландец родился через несколько лет после кончины царя. В Россию он попал 13-летним мальчиком и не был вхож во дворец. Он лишь записал слухи, до которых был великий охотник.

Что же произошло в действительности? От природы Иван обладал неплохим здоровьем. Но из-за беспорядочной жизни и разного рода злоупотреблений он рано состарился. Смерть наследника окончательно надломила его душевные и физические силы. Папский посол, видевший самодержца в год смерти царевича, писал, что, судя по всему, «этот государь проживет очень не долго». И действительно, отец пережил сына лишь на два года.

Итогом царствования Грозного было полное разорение государства. 25-летняя Ливонская война, которая стала делом его жизни, закончилась сокрушительным поражением. Войска польского короля Батория трижды вторгались в страну, и монарх, придерживавшийся весьма высокого мнения о своих полководческих способностях, не осмелился вступить в сражение с ним.

Иван Грозный скончался в пятьдесят три года. Из них пятьдесят лет он провел на троне. Жестокостью и кровью ему удалось смирить державу и добиться неограниченной власти. Его враги расстались с жизнью или томились в изгнании. Новых заговоров не предвиделось. Тем не менее в конце жизни царем овладело неодолимое желание разом изменить всю свою жизнь.

В свое время Иван IV лелеял надежду найти упокоение в отдаленном северном монастыре. Его намерение не сбылось. В конце жизни он возобновил секретные переговоры с англичанами. Бремя власти все больше становилось для него непосильным. За морем, в далекой Англии, он мечтал найти тихую пристань, чтобы провести остаток жизни в мире и покое. В Лондоне к его услугам были самые искусные в мире медики, способные поправить расстроенное здоровье.

Иван придавал исключительное значение переговорам с английским послом Боусом. На 20 февраля 1584 г. он назначил послу прощальную аудиенцию. Но прием пришлось отложить из-за болезни. 10 марта дума распорядилась задержать в Можайске литовского посла ввиду того, что «по грехом государь учинился болен».

Последняя болезнь монарха длилась примерно три недели. Сохранилось предание, что перед кончиной Иван послал гонцов в

Лапландию и велел привезти оттуда знахарей и кудесников. Финские племена, сохранявшие языческую веру, славились как искусные лекари и прорицатели. Посланцы проявили большую расторопность. Они схватили 60 финнов и лопарей и доставили их к Богдану Бельскому в Москву. Кудесники объявили, что царь обречен, и будто бы назвали день и час его кончины. Бельский не осмелился сообщить государю о предсказании. Но Иван узнал о дерзости ведунов и пришел в бешенство.

Заболев, Грозный отправил грамоту в Кирилло-Белозерский монастырь. Всю жизнь он считал далекий северный монастырь средоточием русской святости. В момент тяжелой болезни он обратился к кирилловским старцам со словами: «Ног ваших касаюсь, князь великий Иван Васильевич челом бьет и, молясь припадая преподобью вашему, чтоб есте пожаловали о моем окаянстве соборне и по кельям молили Господа Бога», чтобы «ваших ради святых молитв моему окаянству отпущение грехов даровал и от настоящия смертныя болезни свободил». Государь крепко надеялся на заступничество богомольцев.

Прошло много лет с тех пор, как самодержец поведал старцам, что задумал сменить корону на клобук и избрать их обитель для иноческого жития. Перед кончиной Иван не поминал больше о пострижении в Кириллове. По всей видимости, он намеревался последовать примеру отца, принявшего постриг в день кончины.

Грозный недаром называл свою болезнь смертной. Он чувствовал, что конец близок. Однако в середине марта состояние его внезапно улучшилось, и он смог обратиться к неотложным делам. Царю напомнили, что литовский посол задержан в Можайске и ждет приглашения. 17 марта власти послали такое приглашение. По этому поводу в Кремле собралась Боярская дума, о чем поведал украинский монах — черный дьякон Исайя. Некогда Исайя приехал в Москву за православными книгами, но был обличен как лазутчик и двадцать лет провел в плену. В марте 1584 г. дьякон, по его собственным словам, говорил с Иваном IV о вере перед «царским синклитом» (Боярской думой) и царь с ним «из уст в уста говорил крепце и сильно». Больной собрал думу, конечно же, не только для богословского диспута. Бояре обсуждали вопрос о мире ввиду того, что на западных границах назревала угроза новой войны. Освобождение монаха Исайи должно было подкрепить миролюбивые заявления русских властей. Прибывший литовский посол усердно просил отпустить Исайю на родину, но он явился в Москву уже после смерти Грозного.

Болезнь лишь на время отпустила Ивана. Невзирая на

улучшение, он не мог ходить, и его переносили на носилках.

Больной усердно молился. Считая себя главным хранителем и защитником православия, он уповал на прощение и райское блаженство.

Разлука с земным миром была для царя трудной. Всего тяжелее было расстаться с накопленными сокровищами. Каждый день больной приказывал нести его в Казну. Джером Горсей описал как очевидец последнее посещение государем сокровищницы. Царевич Федор, сопровождавший отца, пригласил англичанина пройти в Казну вместе с ним.

В Казне больной пожелал показать свите собрание драгоценных камней и обратился к наследнику с пояснениями насчет их мистической сути. По признанию самодержца, камни оказали зримое влияние на его жизнь. Кораллы и бирюза, положенные на руку больного, потускнели. «Они предсказывают мне смерть», — заметил государь. Среди прочих диковинок из кладовых принесли жезл, сделанный из рога единорога. Он был изукрашен алмазами и рубинами. Иван приказал наловить пауков. По знаку больного врач Эйлоф обвел жезлом круг на столе, в круг были тут же запущены насекомые. Одни пауки сдохли, другие убежали прочь. Наблюдая за их поведением, Иван сказал: «Слишком поздно, он (жезл) не убережет теперь меня».

Посещение Казны кончилось неладно. «Мне плохо, унесите меня отсюда до следующего раза», — произнес монарх.

В полдень 18 марта 1584 г. больной велел принести духовное завещание и приступил к его исправлению. Советники давно ждали этого момента. Внесение поправок в завещание требовало присутствия официальных лиц. Работа заняла немало времени.

При царе Федоре из Вены в Москву прибыл посланец Габсбургов Никола Варкоч со специальным заданием разузнать, каким было содержание духовной Грозного и кто осмелился уничтожить документ. Варкоч справился со своей задачей. Он выяснил, что опекунами сына царь назначил четырех лиц — Ивана Мстиславского, князя Ивана Шуйского, Никиту Романова и Богдана Бельского. Федор давно достиг совершеннолетия, но из-за полного умственного убожества править за него должны были бояре-опекуны.

Всю жизнь Грозный враждовал со своей знатью. Но это не помешало ему назначить первым регентом удельного князя Ивана Мстиславского. Обладая огромным политическим опытом, самодержец понимал, что только при поддержке думы его недееспособный сын может удержать на голове корону. Мстиславский тринадцать лет возглавлял земскую думу. Царь не раз обличал его как изменника и колотил палкой.

До конца жизни самодержец так и не решился искоренить опричные порядки, обеспечивавшие ему неограниченную власть. Последышем ненавистной опричнины был «двор». Его возглавляли Афанасий Нагой, Борис Годунов и Богдан Бельский. Брак царя с племянницей Нагова доказывал, что среди дворовых людей Афанасий пользовался наибольшим влиянием.

Близившаяся кончина Грозного посеяла глубокий раздор среди высших дворовых чинов. Вышло так, что самодержцу пришлось исключить из опекунского совета двух главных любимцев. Причиной тому были следующие обстоятельства.

Нагие ликовали, когда у царицы Марии Нагой родился сын Дмитрий. Царевич рос как нормальный ребенок, что давало ему бесспорное преимущество перед слабоумным братом. Афанасий Нагой готов был употребить все средства, чтобы посадить на трон Дмитрия. Он негодовал на царя, пообещавшего англичанам удалить в монастырь царицу Марию.

Грозный понимал, какую опасность для законного наследника Федора таят замыслы Нагих, и не допустил их в регентский совет. Но он не остановился на этом.

В завещании времен опричнины Иван IV распорядился выделить законной жене Анне Колтовской в случае ее вдовства древний Ростов, а возможному сыну от нее — Углич, Кашин и Малый Ярославец. Брак с Марией Нагой был незаконным, а потому государь назначил царице и ее сыну в удел один лишь Углич.

В браке с Ириной Годуновой у царя Федора не было детей. По этой причине старшая, законная ветвь династии Калиты обречена была на исчезновение. Иван IV винил в бесплодии невестку и намеревался развести ее с сыном. Влияние Бориса Годунова зижделось на родстве с Федором. Естественно, что он должен был всеми силами противиться разводу сестры. Сказанное объясняет, почему Грозный не включил Бориса в регентский совет.

Атмосфера дворца была отравлена смертельной враждой. Придворные отчетливо сознавали, что исключение из состава опекунского совета грозит им утратой власти, тюрьмой и плахой.

Глубочайший раздор между вождями «двора» привел к тому, что в опекунском совете безраздельное влияние получила знать. Вместе с Мстиславским опекунами стали два наиболее авторитетных руководителя Боярской думы — прославленный воевода Шуйский, принятый царем на дворовую службу, и земский боярин и дворецкий Никита Романов.

В свое время Грозный велел сжечь неких баб-ведуний, которых держал в своем доме новгородский архиепископ Леонид. Теперь он намеревался проделать то же самое с колдунами,

собранными Богданом Бельским. Больной не мог отказать себе в удовольствии посмеяться над кудесниками, предсказавшими ему смерть. Они должны были заплатить жизнью за свои предсказания. Казнь всегда была в глазах самодержца последним аргументом в спорах с недругами, будь то священнослужители или язычники.

Глава сыскного ведомства Бельский считал, что его час настал. Он готовился подхватить власть, едва она выпадет из рук умирающего. Днем временщик держал совет с ведьмами и сообщил им, что они будут сожжены или зарыты в землю. Кудесники просили Бельского лишь об одном: дождаться захода солнца — окончания названного ими дня смерти государя.

По свидетельству Горсея, в третьем часу дня 18 марта 1584 г. царь велел приготовить себе баню. В приготовлении участвовал лейб-медик Эйлоф.

Над завещанием больной трудился примерно два часа, в бане пробыл с третьего часа дня до семи, то есть более четырех часов. На досуге царь любил слушать песни и былины. Во время купания больной, по обыкновению, тешился музыкой.

Из бани царя перенесли в спальню и посадили на постель. Государь желал потешиться игрой в шахматы. При московском дворе эта игра была в моде. Иван велел позвать дворянина Родиона Биркина, искусного шахматиста. В опочивальне собралось большое общество — Бельский, Годунов, сановники и штат слуг. Государь стал расставлять фигуры, но руки не слушались его. Все фигуры стояли по своим местам, «кроме короля, которого он никак не мог поставить на доску» (Горсей). Не справившись с королем, больной лишился сил и повалился навзничь. В комнате поднялась суматоха. Одни спешили вызвать духовника, другие посылали за водкой, за лекарями, в аптеку за ноготковой и розовой водой.

Повествуя о кончине Грозного, Горсей употребил фразу: «He was straingled». Новейшие исследователи переводят эти слова так: «Он был задушен». Но такой перевод сомнителен. Царь умер, окруженный множеством людей. На глазах у них невозможно было тайно задушить монарха. Со временем по Москве распространились слухи о насильственной смерти государя. Но толковали не об удушении, а об отравлении ядом: «Неции же глаголют, яко даша ему отраву ближние люди».

М. М. Герасимов провел исследование костей царя, извлеченных из гробницы, и обнаружил в них следы ртути. Может ли этот факт служить доказательством отравления Грозного? Едва ли. Следует вспомнить, что ртутные соединения использовались тогдашней медициной при изготовлении

некоторых сильнодействующих лекарств.

Горсей описал последние минуты царя со слов очевидцев. Иван испустил дух, то есть перестал дышать.

В числе первых в спальные хоромы царя прибежал его духовник Феодосий Вятка. Иван был мертв, но Феодосий совершил обряд пострижения над мертвым телом: «…возложи на него, отшедшего государя, иноческий образ и нарекоша в иноцех Иона». Очевидно, духовник действовал не по своему разумению, а в соответствии с распоряжением царя.

Смерть государя поначалу пытались скрыть от народа. Тем временем Бельский приказал запереть ворота Кремля и поднял в ружье стрелецкий гарнизон.

Историческая роль

Каково место Ивана Грозного в истории? Можно ли согласиться с тем, что перемены, происшедшие в его правление, столь глубоко повлияли на отношения между государственной властью и дворянством, что определили «на долгие времена и характер русской государственности, и характер русского общества не только в эпоху Средневековья»? Действительно ли русские сословия, включая аристократию, сформировались как сословия служилые во многом благодаря политике Ивана IV?

Выводы такого рода требуют серьезных уточнений. Боярство трансформировалось в служилое дворянское сословие благодаря поместной системе и превращению государственной формы собственности в господствующую форму землевладения. Но поместная система сформировалась не при Иване IV, а при его деде Иване III и отце Василии III. Что касается превращения родовой аристократии в служилую, оно завершилось длительное время спустя после смерти Грозного.

Благодаря вмешательству Ивана IV, как полагают, был оборван наметившийся в середине XVI в. процесс формирования «сословного общества» — процесс, который мог бы сблизить общественный строй России с общественными порядками других европейских стран, в первую очередь ее ближайших соседей. Так ли это? Задача историка заключается в том, чтобы установить подлинные факты и объяснить, что произошло в действительности.

Царь Иван всю жизнь воевал со своей знатью. Он пролил потоки крови, чтобы подорвать ее влияние. Эта цель стала едва ли не главной целью его жизни. События, последовавшие после его кончины, показали, что террор ослабил родовую аристократию, но не сломил ее могущества. Грозный расколол дворянское сословие, чтобы добиться неограниченной власти. Но воздвигнутое им здание оказалось непрочным. Понадобились считанные недели, чтобы оно рухнуло. Крушение не было следствием заговора злокозненных бояр. Крамолу затеяли дворовые люди.

В конце Ливонской войны за рубежом распространились слухи о том, что в Москве со дня на день может вспыхнуть мятеж и что царь Иван взят под стражу боярами, а дворянство волнуется. Слухи были преждевременными. Но «бунташное» время на самом деле стучалось в двери.

Писатели, пережившие Смуту, любили вспоминать тишину и благоденствие, снизошедшие на страну в правление Федора.

Бедствия Смуты заслонили в их глазах многочисленные возмущения, которые потрясли государство до основания при сыне Ивана IV.

Сразу после кончины царя Богдан Бельский арестовал Афанасия Нагова и спешно выслал его из Москвы. Его действия получили полное одобрение руководителей «двора» и земской думы.

Пока жив был Грозный, знать, принятая на «дворовую» службу, мирилась с тем, что реальная власть находилась в руках «худородных» думных дворян. С кончиной государя борьба за власть парализовала «дворовое» руководство. Главным соперником Бельского стал популярный в народе воевода-регент князь Иван Петрович Шуйский. В столице толковали о том, что Бельский послал слуг, чтобы перехватить и убить Шуйского, находившегося в Пскове и спешно выехавшего в столицу.

Распри дворовых чинов подтолкнули земщину к энергичным действиям. Земский казначей Петр Головин затеял местническую тяжбу с Бельским. При Грозном земские дворяне пуще огня боялись тягаться с опричниками и «дворовыми» чинами. Теперь же вызов правителю бросил человек, имевший низший думный чин.

Судьи, вершившие дело, столкнулись с трудностями, из-за чего тяжба затянулась. Бельский «слался» на «дворовые» службы, Головин — на земские. Соединить две иерархические «лестницы» было затруднительно. На стороне Головина выступили князья Мстиславский с сыном, младшие Шуйские, Голицыны, а также Романовы и Шереметевы. За Бельского вступились Трубецкие и Годуновы вместе с «худородным» Андреем Щекаловым из земщины. Годуновы говорили от царского имени. Но Федор еще не был коронован. В России наступило междуцарствие.

Местнический спор, как все понимали, имел принципиальное значение. Если бы Бельский проиграл тяжбу, под ударом оказались бы не только Годуновы, но и весь «двор».

Земские дворяне, собравшиеся во дворце, проявляли нетерпение. Во время «преки» в думе они набросились на Бельского с таким остервенением, что тот, спасая жизнь, «утек к царе назад» и укрылся в царских хоромах.

Столкнувшись с «крамолой», Бельский решил действовать, не дожидаясь прибытия в столицу Ивана Шуйского. Без санкции на то старших регентов он ввел в Кремль «дворовых» стрельцов и расставил их в воротах и на стенах. Правитель тайно обещал им великое жалованье и убеждал не бояться бояр и выполнять только его приказы.

Великие бояре разъехались по своим дворам на обед.

Бельский тем временем велел затворить все ворота и попытался уговорить Федора держать «двор» и опричнину так, как держал его отец. Над Кремлем повеяло новой опричниной. Но в дело вмешался народ.

Прослышав о затее Бельского, регенты Мстиславский и Романов поспешили в Кремль, взяв с собой вооруженную свиту. После переговоров Бельский согласился пустить двух бояр внутрь замка, но калитка захлопнулась перед их вооруженными холопами.

Подождав некоторое время, боярские слуги попытались силой пробиться в Кремль. В это время по улицам столицы проскакал молодой сын боярский с криками: «Бояр Годуновы побивают!» На Красной площади начала собираться толпа. К черни, как свидетельствует летописец, присоединились рязанцы Ляпуновы и Кикины «и иных городов дети боярские». Волнения не были следствием боярского заговора. Мятеж затеяли боярские холопы, которых поддержали посадские люди и провинциальные дворяне. «Дети боярские на конех, — записал современник, — многие из луков на город стреляли». Об участии в беспорядках знати и московских дворян источники молчат.

Восставшие пытались разбить Фроловские ворота Кремля и поворотили большую пушку, стоявшую на Лобном месте, в сторону замка. Толпа требовала выдать на расправу любимцев Грозного — Бельского и Годунова. Дело приобрело серьезный оборот. Стрельцы попытались залпами рассеять толпу. В результате побоища на площади остались лежать до 20 убитых. Примерно 100 человек было ранено.

Положение стало критическим, и после совещания во дворце народу объявили об отставке Бельского. Попытка ввести опричнину провалилась. «Бояре, — повествует летописец, — меж собою примирилися в городе (Кремле) и выехали во Фроловские ворота». Временщик был лишен всех титулов и отправлен в ссылку в деревню.

Прошло немного времени, и почти все думные дворяне были лишены думных чинов. По случаю коронации Федора Боярская дума широко распахнула двери перед высшей знатью.

Власть перешла в руки регентов боярина Никиты Романова и князя Ивана Шуйского. В 1585 г. Романова хватил удар. Его место занял Борис Годунов, получивший титул конюшего. Романова беспокоило будущее молодых сыновей, и перед кончиной он искал союза с Годуновыми. Ближайшая родня Федора должна была объединиться, чтобы закрепить трон за недееспособным государем.

Под нажимом бывших «дворовых» чинов — Годунова, с одной

стороны, и Шуйского — с другой, — главный регент удельный князь Иван Мстиславский подал в отставку и постригся в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре. Главным условием отставки была передача удела сыну князя Ивана.

Вельможам была ненавистна самая память о Грозном. Дьяк Иван Тимофеев яркими красками описал их поведение. «Бояре, — писал он, — долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых, когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле; как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Федором, считали, как будто и нет его…» Знать не скрывала своего отношения к Федору Ивановичу. Русские на своем языке называют его дураком, говорил о Федоре шведский король Юхан III в речи к риксдагу.

Грозный пуще огня боялся, что бояре составят заговор и отстранят от власти его наследника. Так и случилось, но дело обошлось без заговоров. Опираясь на вековую традицию, Боярская дума вернула прерогативы, утраченные ею в опричнину. В стране установилось боярское правление.

Бояре провели общую амнистию. «Многие князья и знать из известных родов, попавшие в опалу при прежнем царе и находившиеся в тюрьме двадцать лет, — писал Джером Горсей, — получили свободу и свои земли. Все заключенные освобождались, и их вина прощалась». Горсей пользовался доверием Грозного, ему покровительствовал Годунов. Англичанин наблюдал перемены своими глазами. В его рассказе особого внимания заслуживает упоминание о давних тюремных сидельцах. Несложный арифметический подсчет показывает, что они оказались за решеткой в самом начале опричнины. Царь Иван пытался примириться с убиенными, но прощать оставшихся в живых изменников он и не думал. Самым важным положением амнистии был пункт о возвращении земель знатным лицам, получившим свободу. Путь к возрождению родового вотчинного землевладения был открыт.

Возврат вотчин, незаконно отнятых в казну при Грозном, означал восстановление законности и правопорядка в Русском государстве. Однако новые правители использовали момент в своих интересах. Ссылки Грозного на то, что уже его дед и отец особым Уложением воспретили раздавать крупные вотчины боярам, были преданы забвению. При Иване IV фонд казенных

земель пополнился за счет боярских вотчин. Теперь бояре спешили вернуть свои земельные богатства.

После казни боярина Александра Горбатого его богатейшая вотчина, село Лопатниче, перешла в казну. Царь специально упомянул о ней в своем завещании, приказав передать ее царевичу Федору. Шуйские далеко разошлись в колене с князьями Суздальскими. Тем не менее регент князь Иван Шуйский сумел получить из казны вотчину Горбатого. Он завладел также богатыми землями, принадлежавшими прежде удельному князю Ивану Бельскому. В его руки перешел город Кинешма с обширной волостью. В качестве кормления воевода получил Псков «со псковскими пригороды, и с тамгою, и с кабаки, чего никоторому боярину не давывал государь». Псков был одним из самых богатых торговых городов России, и в распоряжение регента поступили огромные доходы. Князь Дмитрий Иванович Шуйский, младший брат будущего царя Василия, получил с чином кравчего «в путь» город Гороховец со всеми доходами.

Бояре Романовы преуспели в стяжании не меньше Шуйских. В их руки перешли на вотчинном праве Романово Городище, городок Скопин и другие земли. В 1613 г. сыну регента Никиты Романова Ивану принадлежали 13 тысяч четвертей пашни в трех полях «старых вотчин», то есть вотчин, принадлежавших его отцу.

При Грозном немало черносошных земель было роздано в поместье дворянам. При боярском правительстве расхищение приобрело несравненно более широкие масштабы. Теперь их использовали не для пополнения поместного фонда, а для пожалований боярской аристократии.

Боярин князь Федор Скопин-Шуйский получил в жалованье Каргополь. Конюший Борис Годунов и его семья, как подчеркивал Горсей, получили Важскую землю. Указание на семью свидетельствовало, что Годуновы стремились превратить Вагу в свое наследственное владение. Важская земля занимала огромную территорию и включала множество сел и деревень.

Джером Горсей, описывая состояние России после смерти Грозного, обронил следующее многозначительное замечание: «Владения этого государства так пространны и обширны, что они необходимо должны распасться на несколько царств и княжеств и с трудом могут быть удержаны под одним правлением…»

Крушение сильной власти при отсутствии прочных экономических связей между землями действительно создавало угрозу распада Русского государства. Однако в конце XV и в начале XVI в. государственная земельная собственность, приобретя господство, стала своего рода цементирующим составом, скрепившим государство единой военно-служилой

системой. Начиная со времени Смуты второй четверти XIV в. удельные княжества возрождались при каждом новом монархе, а затем безжалостно уничтожались. Угроза возрождения удельной системы при Федоре была нейтрализована думой.

Политические воззрения Грозного были пронизаны аристократическими предрассудками в такой же мере, как и взгляды его знати. Если бы царские распоряжения, выраженные в его опричном завещании и призванные укрепить шатающийся трон, были исполнены, младший царевич получил бы удельное княжество, включавшее Суздаль, Ярославль и Кострому.

Царское завещание не оставляло сомнений в том, что Грозный ставил интересы династии превыше всех прочих интересов. Но боярское правительство не допустило возрождения удельной системы в крупных масштабах.

Своей вдове Анне Колтовской самодержец предполагал выделить древний Ростов, а возможному сыну от нее — Углич, Верею, Малый Ярославец, Кашин, Устюжну. Неизвестно, какую метаморфозу претерпело это распоряжение в последнем завещании монарха. Регенты передали вдове Грозного царице Марии, а вместе с нею и ее сыну Дмитрию один лишь город Углич. Можно полагать, они не выполнили наказа царя. Никто более не считался с завещанием монарха. Само духовное завещание бояре уничтожили.

Московские власти с помощью всевозможных ухищрений вернули в Россию племянницу Грозного Марию, дочь князя Владимира Андреевича Старицкого. Вдове ливонского короля Магнуса обещали, что она займет в России достойное положение в соответствии с ее царским происхождением. Переговоры с ней вел Горсей, который называл королеву «ближайшей наследницей московского престола». В России Марии действительно пожаловали земли, стражу и слуг. Но жила она в пожалованном «уделе» очень недолго. По воле боярского правительства она и ее дочь были вскоре же заточены в монастырь.

При участии царя Ивана Боярская дума провела в середине XVI в. реформы и создала систему приказов, в недрах которых зародилась российская бюрократия. В период опричнины в думе сформировались курии думных дворян и думных дьяков. Боярская дума стала ядром нового в русской истории учреждения — Земского собора, органа сословного представительства, которому суждено было сыграть важную роль в годы Смуты.

История России в XVI столетии поражает своими контрастами. Покончив с ордынской властью, Русское государство подчинило татарские ханства в Поволжье и нанесло тяжелое поражение Крымской орде, служившей бичом в руках

турок. Значение русских побед определялось тем, что турки уже утвердились на Балканах и в Причерноморье и тень турецкой экспансии нависла над всей Восточной Европой.

Россия проложила себе дорогу на Урал и в Сибирь, завязала торговые отношения с Западной Европой по северным морям, а затем по Балтике. Однако попытка прочно утвердиться на берегах Балтийского моря привела страну к тяжелому поражению в Ливонской войне.

В XVI в. Россия достигла огромных экономических успехов и пережила великое разорение. Итогом явилось запустение старых центров и начало освоения плодородных земель на вновь присоединенных окраинах. Подъем ремесла и торговли сменился в конце века упадком. Вместе с самодержавным строем в России народились крепостнические порядки.

Царь Иван заслужил проклятия боярской знати и земского дворянства. Низы, задавленные непомерными налогами, также не имели причин любить самодержца. Но казни бояр заронили в душу народа убеждение в том, что царь может защитить народ от притеснений «лихих бояр». Это убеждение наложило печать на лозунги кровавых бунтов XVII в. Зачинщики бунтов выступали за доброго царя и против «лихих бояр» со времен Смуты.

В источниках XVI в. прозвище «Грозный» не встречалось. Скорее всего царь Иван получил его, когда стал героем исторических песен.

Фольклорный образ великого государя сформировался, можно думать, в период Смуты. Опричный террор унес жизни нескольких тысяч людей, гражданская война начала XVII в. — сотни тысяч жизней, а может быть, и больше. Страна обезлюдела. В деревнях подавляющая часть пашни запустела.

В обстановке неслыханных бедствий время царя Ивана стали вспоминать как эпоху могущества Российской державы, ее процветания и величия. Кровавые и темные дела были забыты.

Перевод «Иван Страшный» или «Иван Ужасный» очевидным образом искажает смысл прозвища. В представлении людей того времени «гроза» символизировала стихию испепеляющую, неотвратимую и блистательную, притом стихию не столько природную, сколько божественную, знак вмешательства небесных сил в жизнь людей.

Правление Ивана Грозного оставило глубокий след в истории русского Средневековья.

Приложение

Синодик опальных царя Ивана Грозного (7091 года) (Реконструкция текста)

[Лета седмь тысящь девятдесят перваго царь и государь и великий князь Иван Васильевич всея Русии прислал в Кириллов монастырь сие поминание и велел поминати на литиях и литоргиях, и на понахидах по вся дни в церкви Божии].

[Царь и государь и великий князь Иван Васильевич всея Русии велел написати в сенаники князей и боляр и прочих людей опальных по своей государеве грамоте].

Сих опальных людей поминати по грамоте цареве, и понахиды по них пети, а которые в сем сенаники не имены писаны, прозвищи или в котором месте писано 10 или 20 или 50, ино бы тех поминали: ты, Господи, сам веси имена их.

После ноября 1567 г.

Раба своего Казарина [Дубровской], да дву сынов его, 10 человек [его тех], которые приходили на пособь, Ищука [Ивана Боухарин], Богдана [Шепяков], Ивана [Огалин], Ивана [Юмин], Григоря [Темирев], Игнатя [Заболоцкого], (л. 80 об.) Федора [Еропкин], Истому [Кузьмин], князя Василия [Волк] Ростовский, Василия [Никитина Борисов], Василия [Хлуднев], Никифора, Степана [Товарыщевы], [Дмитрея Михайлов], Ивана [Потапов], Григоря [Фомин], Петра [Шестаков], князя Михаило [Засекин], Михаила [Лопатин], Тихона Тыртов, Афонася инок [старца, что был] [Ивашов].

После 22.03.1568 г.

[Митрополичих]: [старца] Левонтия [Русинов], Никитоу [Опухтин], Федора [Рясин], Семена [Мануйлов].

«Дело» боярина И. П. Федорова (список 1)

[Владыки Коломенского боярин] Александра [Кожин], [кравчаго] Тимофея — [Собакина конюшаго], Федора, да [владыки Коломенского] дияк владыкин.

[Ивановы люди Петрова Федорова]: Смирново [Кирянов], [дьяка] Семена [Антонов], татарин Янтоуган Бахмета, Ивана [Лукин], Богдана [Трофимов], Михаил [Цыбневский], Троуха [Ефремов], Ортемя [седельник], (л. 81) [В Колменских селах] Григорий [Ловчиков] отделал. Отделано [Ивановых людей] 20 человек. [В Губине Оуглу] отделано 30 и 9 человек.

Михаила [Мазилов], Левонтия [Григорьевых], Бряха [Кафтырев], Никита [Левашева].

[В Матвеищеве] отделано 84 человека, да оу трех человек по роуки сечено.

Григория [Кафтырев], Алексея [Левашов], Севрина [Баскаков], Федора [Казаринов], [инока Никиту Казаринов], Андрея [Баскакова муромца], Смирнова Терентия, Василия [Тетерины], Ивана [Селиванова]; Григоря, Иева, Василия, Михаила [Тетерины], [да детей их] 5 человек; Осифа [Тетерин], князя Данила [Сицкой], Андрея [Батанов], Ивана [Пояркова Квашнин], Никитоу, Семена [Сабоуровых], [Семена Бочин].

Хозя [Тютина] з жецою, да 5 детей, (л. 81 об.) да Хозяин брат; Ивана [Колычов], [Ивана, сын его]; Ивана Трекос, Никита [Трофимов]; Ивана [Ищукова] Боухарна; князя Володимер [Курлятева], князя Федор [Сисеев], Григоря [Сидоров], Андрея [Шеин], [сына его] Григоря [и брата его] Алексея.

[В Ивановском Большом] отделано 17 человек, да оу 14 человек по роуки отсечено. [В Ивановском Меньшом] отделано 13 человек [с Исаковскою женою Заборовского и с человеком], да оу семи человек по роуки отделано.

[В городищи Чермневе] отделано 3 человека, Тевриза, [да племянника его] Якова. [В Солославле отделано 2 человека].

[В Бежицком Верху] отделано [Ивановых людей] 65 человек да у 12 по роуки отделано.

Андрея да Григория [Дятловы], Семена [Олябьева}, Федора [Образцов], Ивана Меншика [Ларионов, Ивана Ларионов], князя Семена [Засекина Батышев], (л. 82) князя Ивана [князя Юрьева сына Смелаго Засекина], Петра [Шерефединова], Павла племянник Ишуков, Елизаря [Шушерин], Федора [Услюмов Данилов], Дмитрея, Юрия [Дементиевы], Василя [Захаров] з женою да 3 сыны, Василия [Федчищов], Ивана [Болыдово Пелепелицын], Ивана Меншого [Григориевы дети Пелепелицына], Григория [Перепечина], Андрея Боухарина.

6.07.1568 г.

Отделано 369 человек отделано и всего отделано июля по 6-е число.

«Дело» И. П. Федорова (список 2)

Андрея [Зачесломской], Афанасия [Ржевской], Федора, Петра, Тимофея [Молчановы Дементиевы], Гордея [Ступишин], Ивана [Измайлов], князя Федор[овасына Сисеева], Ивана [Выродков и детей его] Василия, Нагая, Никитоу, [дочь его] Марью, [внука] Алексея, да два вноука, да Иванова сестра Федора, [Да Ивановых братьев Ивана Выродкова]: Дмитрея, Ивана; (л. 82 об.) Ивана, Петра [детей Дмитриевых], Верригоу, Гаврила, Федора, да [дву жен]: дочь [его] да вноука [Выродковы же, 9 человек].

Ширяа [Тетерин и сына его] Василя; Ивана, Григоря [Горяиновы Дементьевы], Василя [Колычов], Андрея, Семена [Кочергины], Федора [Карпов] Федора [Заболоцкой], Михаила [Шеин], князя Володимера, князя Андрея [Гагарины], Афонасия, Молчана [Шерефединовы], Ивана, Захария [Глухово], Ивана [Товарыщов], Феткоу [Бернядинов], Михаила [Карпов], Федора, Василия [Даниловы дети Сотницкого], князь Данила [Чулкова Ушатого], князя Ивана [князя Андрея Дашковы], Григория, Семена [Образцовы]. Афонася [Обрасцов], Молчана [Митнев], князя Федора, князя Осип, (л. 83) князя Григория [Ивановы дети Хохолкова Ростовской], Роудака [Бурцев], Михаила [Образцов, Рогатой], Иосифа [Янов], князя Александра [Ярославов], Василия [Мухин], Петра [Малечкин], Ивана [Большой], Ивана [Меньшой], Василя [Мунтов Татищевых], князя Федора [Несвицкой], Дмитрея [Сидоров], Оутошь [Капустина], князя Андрея [Бабичев], Каръпа [Языков], Матфея [Иванов Глебов], Федора, Ивана [Дрожжины], Андрея, Григория [Кульневы], [Ивана], Третяка, [Ивана], Григория [Ростопчины], Ивана [Измайловы], Семена, Ивана, [Федора, Елизара, Ивана, Каменьские].

11.09.1568 г.

Отделано: Ивана [Петрович Федоров, на Москве отделаны] Михайла [Колычев], да три сыны его: Боулата, [Симеона], Миноу. [По городом]: князь Андрей [Катырев], князя Федора [Троекуров], Михаила [Лыкова] с племян (л. 83 об.) — ником.

Ворошило [Дементьев, да 26 человек ручным усечением живот свой скончаша], Афонасиа [Отяев], Третяка [Полугостев], Второй [диак Буньков], Григория [Плещеев], Тимофея [Кулешин].

После января 1569 г.

[В изборском деле подъячих изборских: подъячаго] Семена [Андреев Рубцов; Рубцов человек Оглоблю]; Петра [Лазарев]; [псковичей]: Алексия [Шюбин], Афимью [Герасимов].

Ивана [Лыков], [казанского жильца] Юрия [Селин], Василия [Татьянин], Григория [Рубцов], Юрия [Незнанов], Михаила [Дымов, Михайлова человека Воронова] Коузьмину [Кусов], Третяка [Лукина, что был Черскаго].

Весна — лето 1569 г.

[На Вологде отделано: князя] Петра [Кропоткин], Третяка [и человек его Тимофея] Кожара, Василия [повар], Федора [помясы], Неоупокоя, Данило, Михаила [плотники], [болахонец] Ананя.

[Нижегородцы из земского]: Ивана, Третяка [Сидоровы], Данила [Айгустов], Ивана [Татьянин переславлин].

«*Дело» Старицких (список 2*)

[Благоверные княгини монахини Евросинии княж Володимеровы Андреевича матери] Евдокею [оуделная], да 2

человеки и с старицами, которые с нею были: (л. 84) [княж Владимрской постельницы, что была у князя молодого приставлена]. Мария [Ельчина], [немки] Анноу [Козина], Анноу [тотарка], Катоуня [вдовы], Оулияноу [немка], Марфоу [Жюлебина], Акилиноу [Палицына]; Ивана [Ельчин], Петра [Качалкин], Ивана, [Шунежской], Федора [Ерофеев Неклюдов], Корыпана [рыболов].

Федора [Петров Афонасьев человек Нащекина], Максима, да его два человека: Бык да Олексей, Афонасиа (Нащокин? — *Р.С.*) [дворник]; Четвертой, Дмитрея [Ягина], Семена [Лосминской].

Новгородское «дело» (список 1)

[Новоторжцев]: Салмана [Глухово], Роудака, Богдана, Меншой, Григория, Шарапа, Мисюра [Берновых], Осипа, Ивана [Глуховы]. [По Малютине скаске новгородцов отделал тысящу четыреста девяносто человек], ис пищали отделано 15 человек: [По малютинские ноугородцкие посылки отделано 1490 человек]. Новгородцев: Данила з женою и з детми сам четверт, Ивана (л. 84 об.) Стефана [Фуниковы], Ивана [Бурово Чермазов], Ивана [Великово], Михайло, Ивана [Павлинов], Михайлова жена [Мазилова] з двумя дочерми да з двумя сыны, [попова Филиппова сына Благовещенского] Якова [Змиев], Ивана [Извеков].

Матфея [Бухарин] с сыном, [Алексея Саоуров], Козмоу [человек его], Романа [Назариева сына Дубровского], Федора [Безсонов], Левонтия [Мусырьской], Сарыча [Савуров], Матреноу [Потякова], Молчана [Григорьев новгородец подъячей], Андрея [Горитьской литвин].

«*Дело» боярина В. Д. Данилова*

Василия [Дмитриевича Данилов], Андрея [Безсонов дьякон], [Васильевых людей Дмитриевых два немчина] Максима летвин, Роп немчин. [Козьминых людей Румянцова] Третяка, Третяка, Михайла [Романов], Третяка [Малечков, племянник Румянцов], Третьяк [лях, да новгородцов: архиепископля сына боярского], Третьяка [Пешкова], Шишку [Чертовской], Василия [Сысоев], Никитоу [Чертовской], Андрея [Паюсов], Ивана, Прокофя, Меншово, Ивана [Паюсовых], (л. 85) [дияк] Юрия [Сидоров], Василия [Хвостов], Ивана [Сысоев княж Владимиров сын боряский], Егоря [Бортенев], Алексея [Неелов], [дьяк] Иона [Юрьев], Стефана [Оплечюев], Семена [Паюсов], Григория, Алферия [Безсоновы], князя Бориса [Глебов Засекин], Андрея [Мусырской], Бориса [Лаптев], Роусина [Перфурова].

Дениса, Меньшика [Кондовуровых], Андрея [Воронов], Постника, Третяка, Матфея, Соурянина [Иванов], Григоря [Паюсовых], Постника [Сысоев], [владыки Тверского подключник] Богдана [Иванов], Федора [Марьин], Тоутыша

[Палицын, Михаила [Бровцын], Григория [Цыплетев], Рудакова брата Пятого [Перфирьев], Меншово, Андрея [Оникиевы].

Около 1568–1569 гг.

[Ивановы люди Петровича]: Смирново, Оботоура, Ивана (л. 85 об.) Лариона, Богдана, Петра, Вавила [Нагины новгородца].

[Из Сормы с Москвы] Бажин, старца Денеся [с Михайлова города], [старца] Илинарха.

Тимофея, Герасима [Нащекиных], Еремея [подьячего Дервин].

«Дело» В. А. Старицкого

Молява [повара, Ярыша [Молявин], Костянтина [царевичев огородника], Ивана [Молявин], брат ево, Левонтия [Молявин], Третяка [Ягин], Игнатя [Ягин конюх], Семена [Лосминской], Антона [Свиязев подъячей], Ларивона Ярыга [и сына его] Неустроя [Бурков — пушкари], [с Коломны], Еж [рыболов], Русина [Шиловцов] ярославца, Федора [Соломонов рыболов], Василя [Воронцов товарищи], Володимера [Щекина сытника], Семена [человек Грязной], Мария [Былова, да сына ее] Левонтия [Левошин].

9.10.1569 г.

[На Богане благоверного] князя Володимера [Андреевич] со княгиною да з дочерью, [дьяка] Якова [Захаров], (л. 86) Василя [Чиркин], Анноу, Ширяа [Селезневых], Дмитрея [Елсуфьев], Богдана [Заболоцкого], Стефана [Бутурлин].

[Нижегородцы]: Осея [Иванов], Степана [Бурнаков], Ивана [Дуплев], Иона [Кашира]. [Из Китая города]: Василия [Воскресенский поп, священноерея] Григория, [от Петра и Вериг попа] Козмоу, [ведун баба волхву] Мария, Василия [Неелов], Варлама Савина [москвитин], Юрия [Новокрещенов], Ивана [Вешняков подъклюшник], Семена [Чебуков], Семена [Оплечюев], Фторово [Федоров Аникиев}, Иона [Боборыкин], Андрея [Котов], Третяка, Андрея [Колычов], Василия [Карпов подъячей], Василия [Кошуркин], Иона [Оушаков староста], Горяина [Пьямов ямского дьячка], Третяка [Бакин], Андреян [Шепетева, сын его] Иона.

[В Богороцком земский охотник] Семена [Ширяев] да псарей 16 человек. [А земских в селе] в Братошине псарей 20 человек; [в селе в Озерецком] Левонтиевых [людей Куркина] два человека.

Новгородский поход (список 2)

На [л. 86 об.] на заказе [от Москвы] 6 человек. [В Клине] Иона [каменщик].

Декабрь 1569 — январь 1570 г.

Псковичз женами и з детми на Медне 190 человек. [В Торжку сожен] Невзора [Лягин серебреник] Оуляна [серебреник], Григория, Иона [Тещин сытник], псковичз женами и з детми 30

человек.

[Бежецкия пятины]: Игнатя [Неклюдов Юренев], Михаила [Басаев], Кирея [Новосильцов], Ждана [Нелединской].

Федора Сырково, Алексиа [Сырков] з женою и с дочерью, [Варвара] Третякова жена [Пешкова] з двумя сыны, [дьяка Иона [Матвеев] з женою и снохою, Матвея [Харламов] з женою и з дочерью, Семена [Козавицын] з женою, Второго з женою.

Ивана [Плещиев], Григорья [Волынсково], (л. 87) Алексея [Неклюдов] з женою, Иона [Жаденской] з женою, Хотена з женою, Петра [Запоров] з женою да с сыном, Романа [Амосов] з женою и сестрою и с тещею, Меншево [Кротково] з женою, Давида [Оплечюев], Китая [Шамшев], Петра [Оплечюев] Никитоу, Тимофея [Котовы], Терентия [Ивонин], Петра [Андрея Котовы], Постника [Кувшинов], Петра [Блеклой] з женою, да со снохою, да со вноуком, Пиная [Потяков] з женою да сыном, Иона [Кострикин] з женою да с сыном да с дочерью, Шемяка, Ошира [Кузьмин], Никона [Ощерин Волховские], Матфея, [Федотов], Бажена [Иванов], з женою да с сыном да з дочерью, Сурянина (л. 87 об.) Иона [Пасынка], Федора [Жаденской], Илию [Плещеев], Иона [Исакова] з женою з 2-мя дочерми, Андрея [Шишкин] з женою, Остафя [Мухин] с женою, Фоуника [Яковлев] з женою, Федора [Пивов] з женою, Кирилоу [Голочелов] з женою, Исака [Басенкова] с женою, Дмитрея [Слозин], Иона [Мелницкой], Пелагия [Курдюкову].

Александра инок [протопоп Амос], Якова [Старой], Григорья [Бестужева], Семена, Никитоу, Федора [Палицыны], Соубота [Резанцова] з женою да з 2-мя дочерми, Василия [Веселой] с женою, Иона [Карпов] з женою, Пятово [Палицын].

Родивона [серебрянник], (л. 88) Обидоу [Нестеров], Дмитрея [Ямской]. [Подъячих новогороцких]: Федора [Маслов] с женою, [дети его]: Дмитрея, [дочери его] Ириноу: Ивана [Лукина] з женою [да их детей]: Стефана, Анну, Катериноу; Кирилоу [Ондреянов] з женою и з детми, [детей его]: Василя, Марфу; Харитон [Игнатьев] з женою [дщери его] Стефаниды; Петеля [Резанцов] з женою, да сын***, Карпа (л. 88 об.) Селянина [Шахов] з женою и детей его: Петра [Шахов] и Пелагею; Глеба [Ершов Климов] з женою [и дочь их] Матреноу; Федора [Борода] з женою; Иона [Ворыпаев] з женою; Григория [Палицын] з женою; Семена [Иванова] з женою, [дети их]: Федора, Данило; Алексеа з женою, Василиа [Зворыкин] з женою, Василия [Орехов], Аньдрея [Савоуров] з женью, [сына его] Лазаря; Болобока [Игнатев] з женою, Неждана [Оботуров] з женою, Богдана [Игнатьев з женою, Алексея [Соунятев] з женою и [дочь их] (л. 89) Марью; Григорья [Павлов], Федора [Ждановы] з женою и з детми: с сыном да з 2-

мя дочерми, Григорья [Степанов] з женою, Алексея [Артемьев Сутянилов] з женою и з дочерью, [Алексея Дыдылнин], Лоукоу [Шатерин] з женью да с сыном, Истомоу [Кузьмин] з женою и з детми: сыном да с дочерью.

[Новгородцкие подъячие неже…] Алексиа, Безсона [Афонасьев], Соухана [Григорьев], Семеона [Ежев], Смирново [Нестеров], Боудило [Никитин], Богдана [Воронин], Мижуя [Крюков], Якова [Иванова], Илью [Селин], Ждана [Игнатьев], Василея [Леонтьев], Федора [Братской], Тимофея [Лисин].

Пимина инок [Нередицкого монастыря].

[Новгороцкие разсыльщики]: Никифора [Палицын] з женью и з детми и з 2-мя сыны, Семена [Платюшкин] з женью и з детми, с тремя дочерьми, (л. 89 об.) Андрея [Выповской], Иона [Ширяев] з женою и з детми: [два сыны]; Андрея [Юренев], [Чижа подъячей] с женою и з детми: [с сыном и с дочерью]; Иона [Едигиев].

[Иноку] Евдокею [Горбуша], Андрея [Тороканов], Суморока [Елгозин], Охлопок, Нечая [люди Куликовы], Якова [Усов] з женою и з детми: [з дочерью и с сыном]; Гоурья [Бутурлин], Исупа [Колзоков], Иона [Мячков], Истомоу [Лукошков], Микифора [Холщевник с женою] и с детми: [с сыном и с дочерью]; Якова [Кудрявцев] з женою и з детми: [з двема сыны — чадь их]; Артемья [Есипов] з женою и з детми: [сыном и с 2 дочерми]. Семена [Кроткой] з женою и з детми: [с сыном и з дочерью]; Прокофя [Огалин], Шестака [Окунев], Якима [Климов], Иона [Палицын] з женою (л. 90) и з 2-мя сыны; князя Андрея [Бычков Ростовской] с материю, з женою и з детми: сын да дочь; Пятово [Семенов], Никитоу [Никитин], Гаврила [охотник], Игнатиа [Скомантов], Якова [Шалимов], Неклюда [Палицын], Варфоломея [Корелянин], Никифора [староста], Ятцкой [Дедяев], Алексиа [полоченин], Алексиа [портной мастер], Микоулоу [ездок], Иона [Опалевы], Левонтиа [Бутурлин], Ярой [Тихонов], Василиа [Крюкова], Иона [Кутузов], Афонася [Бабкин], Немира [Опалев], Тимофея, Ратмана [Палицыны], Иона [подъячей], Семена, Меншика [Шалимовы].

[Локоцкого погосту старосты]: Данилоу [староста], Дмитрея [Мякину Третьякова человека Шаблыкина]; Левонтия, Данило [староста]; Нечая [Матфеев].

Княгиню Афросенью [князь Никитина Ростовского Лобанова], (л. 90 об.), Антона [кожевник], Богдана [Игнатьев], Григория [Мотякин], Михаила [полочанин], Замятия, Нерка [Шепаковы]; Иона, Юрья, Федора, Василиа, Матфея [Милославские]; Алексиа, Постника [Хвостовы].

Василиа [Бутурлин], Юри [Линева], Данила [слуга Басманов], Вешняка [Дубровского с сыном], Алексиа [Дубровской

с сыном]; Игнатя, Данила [Хвостовы].

Казни в Пскове (февраль 1570 г.)

[Изо Пскова: Печерского монастыря игумена] архимандрита Корниля Бориса [Хвостов], Третяка [Свиязев], [Печерского ж монастыря старца] Васьян инок [Муромцев], Еленоу [Неудачина теща], Дорофея инок [Курцов], Петра [Оплечюев], Тимофея [Колонтяев]; Захарью, Постника [Спячие]; Афанася, (л. 91) Стефана [Мартьяновы]; Василиа, Матфеа, Данилоу [Коротневы]; Третяка [Корелянин], Андрея [Образцов].

[Во Пскове: приказчиков городовых] 2 человеки [псковичь], Тимофея [Оплечуев], Василиа [Спячий], Гоуляа [Корелянин], [подьячего] Афонасиа [Пуговки], Смагоу [Ефимьев Вьялицын], Алексиа [Пешков], Иона [Клеопин], Иона [Пузиков], Михаила [Сумороков], Иона [немчин], Алексиа [Бовыкин]. [Из Новагорода да из тюрмы]: Марка, Федора [литвин].

Якова [Юренев], Юрья [Молвянинов], Тоучко [Юренев], Меншика [Юренев княж Иванова человека Бельсково], Иона [Веселой], Максима [Зеленин], Иона [Беликов], Сапоуна [Дубровской] и з женою и з детми [з 2 сыны и с дочерью], Иона [Аникиев], Никитоу [Линев], Иона [Куничников], ДобрынЮ [сытник], Федора [Свиязев], Боулгака [Безсонов], Алферья, Шестака [Выповские], Никитоу [Яхонтов Хвостов].

Некраса [Поповкин], Истомоу [Горин], Молчана [Горин], (л. 91 об.) Гаврила [Чеботова Потперихин], Иона, Иона [Вяземсково], Сидора [Оуваров].

[Псарей]: Третяка, Четвертой [Борзовы], Ушатой [Поповкин], Соуря [Щекотов], Аксентиа [члк Путильцова], Федотя [Иазугин], Иона [Желтухин], Аксентиа [Олферьев], Дмитрея [путимлец], Петра, Иона [Паснъков], Михаила [Шелепин], Молчана [польщик], Грязнов [Вяземского], Всячина [Скулин], Иона [псарь], Казарина [Поливово нарятчик], Шеметко [писщик], Нелюба [приезжево псарь], [Васильеву жену Прохнова с сыном и з дочерью].

Афонасиа инок [Ежев], Тимофей [сытник] с сыном, князя Василя [Гогарин], солотинской архимарит, Алексиа [стрелец], Онаня [подъячей], Иона [Бердин псарь].

Казни в Москве (лето 1570 г.)

Третяка Весковатой з женою, Лаврентиа [Паюсов], Пантелея [Гнильев], Третяка [Елиневского], (л. 92) Третяка [Корнилов], Оваса Небытов, Алексиева жена Дубровсково з детми: [с сыном и с дочерью], Вешнякова жена Дубровсково з детми [с 2 дочерьми].

[Плохово Цвиленин], Прокофиа [Цвиленев], Афонасиа [Дубровин], Семена [подъячей], Митрофана инок архимандрита Печерсково, Елька [Малцов].

21.07.1570 г.

Князя Петра [боярин Серебреной]; [дияка] Мясоеда [Вислой]; [князя Александра Ярослав] княж Петров племянник; Леваша [подъячей], Романа [Поляников], Вешняка [подъячей Лобанов], Одинца [Желнинской], Петра [Шепяков], Иона [сытник]; Иона, Петра, Баскака [Оникеев], Ондреевы дети, сын да дочь; Ишукова жена Бухарина с невесткою.

Казни в Москве 25.07.1570 г.

Никитоу [Фуников казначей], Иона Висквatой [печатник], Василиа [Стефанов дьяк] з женою да 2 сына, [дьяк] Иона [Булгаков] з женою да з дочерью, [дьяк] Григория [Шапкин] с женою да 2 сына.

Козмоу [Румянцов], Богдана [Ростовцев], князя Андрея [Тулупов], (л. 92 об.) Неоудачю Цыплетов, князя Василя [Шаховской], Саву [Обернибесов], Данила [Полушкин], Григорья [Милославской], Федора [Перешевни], Гаврила [Сидоров], Семена [Потяков], Мещерина [Караулов], Семена [Корюков], Романа [Шишмарев], Постника [Федоров], Матфея [Палицын], Иона [Артемов], Семена [Дурасов], Четвертово [Бортенев], Иона [Басенков], Чюдина [Иванов], Иона Меншой [Жаденков], Истомоу [тиун], Костянтина [Буженинов], Федора [Кроткой], Богдана [Дубровин], Дмитрея [Вахнев], Иона [Резанцов], Ждана [Путянин], Григорья [Елизаров], Богдана [Матфеев], Пятово [Щекин], Якима [Михайлов], Семена [Шатерников], Никитоу Жданской, Ждна — Соудешов, Иона [Остафев], (л. 93) Никитоу [Цыплетев], Ездок [Мостинин], [Суморока Сулешов], Василя [Перфушков], Василиа [Матфеев], Григорья [подъячей], Воина [подъячей], Бориса [Мартьянов], Макарью [Назимов], Стефана [Палицын], Семена [Кречатников], Петра [Иванов], Шестово [Амирев], Чюда Гарин, Несмиан [Матфеев].

[Салтана конюх, Нечая конюх Малютин, Моисея конюх], Томило [конюх], Марью, Меншика [Сысоев], Ермолу [Вяземского], Нехорошево [человек Басманов], Андрея [человек Басманов].

Михаила [Дубнев] владычей диак; Шарапа [Волыцкой] чашник; Второво, Семена [Чертовской], Вешняка [Паюсов], Григоря [Оникиев], Михайло [Загряской], Петра [Софроновской].

[Подъячие московские]: Томилу [подъячей], Стефана [Верещагин подъячей], Дроужиноу [подъячей].

Бориса [Прохнов Ноугород], Вноука [человек Басманов], Небога [того Мелентьев] Рюмин, Иона [Обажаров пушкарь], Ганус [немчин], Григорья [Палицын], Вежак [зелейник], Дмитрея [Тетенев], Резана [Денисов], Степана [Пешков], Михаила [Палицын], (л. 93 об.) Никитоу [Сурмин], Алексиа [Молявина

повар], Филипа [немчин], Алексиа [Шамшев], Постника [Домрачиев подъячей], Григорья [Голвожской], Ермаков Вяземского, Сила [выпоской], Петра [Выпов], Никитоу [Мелницкой], Большой Люшина, Володимера [Нарбеков], Пимина, Василя [Курцовы], Тихона инок, Алексиа [Быков повар], Дмитреа Исаров [Малышев], Соуета [часовика], [Излача Кайсаров подключник], Постника [Скулин Алексиева человека Басманов], Васка [толмач], Стефана [Курцов], Григорья [Трусов], Дмитрея [Булгаков], Васильи [истопник], Боурка [Станчаков скоморох], Третяка [человек Вяземского], Беляя [Нахабов] с племянником, Первого [Григорьев] орлянин.

27.07.1570 г.

Савоу Ездок, Иона [Дивин], Иона [Куличник], Немятой [Пивов], Никифора [Семенов], (л. 94) Иона [Гама Люшин], Неустроя [Маслов], Илью [Окараков], Богдана [Дивин].

Казнь семей опальных новгородцев

Афимья [княже Андрееву жену Тулупова], Анну [дочь его]; Афимью [Румянцова, с сыном] — Алексиа [3 дочерь]; Прасковю, Анну, Ориноу; Агафю Савина; Аксенью [жена Полушкина, два сына ея]: Исака, Захарю, [две дочери]: Лукерью, Авдотю, Марью [Басаева]; Никифора, Воина [Потяковы]; Пелегею [Дубнева, сына ее] Андрея; Мамелфу [Ростовцова], Орину [дети Ростовцева], Четвертово [Ростовца]; Ориноу [Ивановы жены Басенковы с сыном], Тихона [Басенкова]; Федору [Чудиновы жены]: Авдотю [Тиоуновы, дети ее]: Андрея, Михаила, Иона, Агафю; Настас [Опалева жена], Анноу [дочь Щекина]; Марью, Семена [Кроткого]; Настасю; Оулианею [Вахнева жена]; Исака; (л. 94 об.) Жданоу [Путятина жена], Аксенью [Елозарова]; Марью [Дубровина, ея детей]: Федора [да] Второво; Михаила, Никифора [Акимовы дети]; Лоукояна; Акилиноу [Нащекины, дочь ея] Анну, Анну/Лоукерью [Жданкова, сына ея] Андрея; Елену [Остафей, детей ея: Фому, Игнатя, [дочери] Стефаниду; Огропену [Ездоковажена Мостинина]; Варвару [жена Спячего, дочери ея] Ориноу; Дарью [Кречетниково], [сына ее] Володимера; княгиноу Анноу [князь Василиева Шеховскаго]; Анноу [вдовы Ростовца, дети ея — двое сынов ее]: Иона, Гаврилу [и девицы] Анну; Окилиноу; Марью [Неудачина жена Цыплетева, детей ее]: Авдотью, [Тита]; Андрея, Григорья [Цыплетевы].

16.08.1570 г.

Дионисия [Турпеев инок]. Петра [Верещагин сотник], Аинтуган [тотарин].

Казни в опричнине

Алексия, [сын его] Петра [Басмановы]; Захарью, (л. 95) Иона [Плещеевы]; Полуехт [Михайлов Тещин], Михаила [Дмитриев],

Рюма [Мелентьев], Иона [Ржевской], Семена [Фефилов подъячей], Василиа [Воронин подъячей], Кипчак [Лабодинской].

Василиа и Иона [Петровы Яковлев].

Князя Михаила [Темрюковича Черкаского].

31.01.1564 г.

Князя Михаила [Репнин]; князя Юрья [Кашин].

Февраль 1565 г.

Князя Иона [Кашины].

Князя Андрея [Ногтев Оболенской].

7.02.1565 г.

Князя Александръ [Горбатой, сына его] князя Петра, Петра [Головин].

Да княз Дмитриев Куракин два сына.

Осень 1575 г.

Князь Петра [Куракина], Иона [Бутурлина] с сыном и з дочерью.

27.11.1575 г.

Дмитрея [Бутурлина].

Никитоу [Борисова], Василиа [Борисова], Дроужиноу [Володимеров], князя Данила [Друцкой], Иосифа [Ильина], [протопоп], подъячих 3 человеки, простых 5 человекъ [крестьян].

1571 г.

Семена [Васильев], [сын его] Никитоу [Яковля. — *Р.С.*].

Князя Данила [Сицкой].

24.10.1575 г.

Протасиа [Михайлов Юрьев], Василя [Ошанин], Володимера [Жолнинской].

1571 г.

Князя Василиа [Темкина и сына его] князя Ион; Федора [Салтыков].

Никифора [Пушкин], Никиту [Салтыков], Докоучая [Пушкин], Никифора [Ульянов], Федора [Оульянов].

1572–1573 гг.

Калинника [Собакин], Парфеня, Степаня, Семена [Собакины].

Василиа [Щербинин]; Никиту, Иона, Богдана [Кобылины]; Боулата [Арцыбашев], Ориноу [Сурвоцкая].

Август 1575 г.

Князя Бориса [Тулупов], князя Володимера, князя Аньдрея, князя Никитоу [Тулуповы]; Михайлоу [Плещеев], Василиа [Умной], Алексея, Федора [Старово]; Ориноу [Мансурова]; Федора, Семена [Сунбуловы]; Якова [Мансурова]; Григорья, Алексан (л. 96) дра [Колтовские] княжня Мосальсково; Андрея [Молчанов].

В Новегороди 15 жен, [а сказывают ведуньи, волхвы].

Тимофея, Веденихта [Колычовы].

«Дело» Горенского 1564–1565 гг.

Князя Петра [Горинской], князя Никитоу, князя Ондрея [Черные Оболенские]. Левонтия [Тимофеев].